

НОВЫЯ КНИГИ:

И. П. Сильванскій.

Декабристъ Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(„Русская историческая библиотечка“, № 15).

Стр. VIII+174. Цѣна 70 коп.

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

ОБЗОРЪ

ВАЖНѢЙШИХЪ ДОЗНАНІЙ,

производившихся

въ жандармскихъ управленіяхъ

за 1902 годъ.

(СОДЕРЖАНИЕ: Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Дѣла Мельникова, Гершуни, Кочуры и др. Сѣверный рабочій союзъ (Москва). Студенческіе кружки въ Ярославѣ. Дѣятельность социалъ-демократовъ въ Саратовѣ, Киевскій и Харьковскій Комитеты Р. С.-Д. Р. П. Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Екатеринославскіе социалісты революціонеры. Революціонное движеніе въ Одессѣ. Дѣятельность Бунда. Польская Соціалистическая Партія. Русская эмиграція въ 1902 году).

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

мв 3449

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ новая книга:

„ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ“

подъ редакціей *Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевского и Л. Ф. Якубовита.*

Биографическіе очерки: **И. И. Пуцина, Н. А. и М. А. Бестужевыхъ, І. В. Поджю, Вал. Лунасинскаго, Н. И. Гулана, М. А. Бакунина, А. В. Долгушина, Е. И. Минанова, М. Ф. Фроленка, Н. А. Морозова, П. Л. Антонова, Н. Д. Похитонова, І. Д. Лунашевича, М. И. Новорусскаго, М. Ф. Лаговскаго, М. Р. Полова, Л. Варынскаго, Л. Ф. Яновича, Д. Я. Суворцева, М. П. Шебалина, М. Ю. Ашенбреннера, Г. А. Лопатина, А. И. Ульянова, П. Я. Шевырева, В. Д. Генералова, П. И. Андреюшкина, В. С. Осипанова, Л. А. Волкенштейнъ и В. Н. Фигнеръ.**

Въ составленіи очерковъ приняли участіе **С. В. Аскеназы, В. Я. Богучарскій, Л. Василевскій (Плохоцкій), С. А. Венгеровъ, С. Я. Елпатьевскій, С. А. Ивановъ, Н. Е. Кудринъ, Л. Мельшинъ, М. В. Новорусскій, А. С. Пругавинъ, С. Г. Святковичъ, В. И. Семевскій, Е. В. Тарле, А. И. Ульянова, В. Н. Фигнеръ и С. А. Щенотьевъ.**

Часть 1, съ 29-ю портретами.

Цѣна ТРИ рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія
поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссель-
бургскихъ узниковъ.

Новая книга:

Остроумно-изобрѣтательный и дидалго ДОНЪ-КИХОТЬ ЛАМАНЧСКІЙ

Сочиненіе Мигеля де Сервантеса Сааведра.

Полный переводъ съ испанскаго **М. В. Ватсонъ.**

(Съ примѣчаніями, биографическими очерками и портретами Сервантеса,
и рисунка Дона Рикардо Балана.)

Изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА, 1907 г.

На 1907 годъ

продолжается подписка на историческій журналъ

„БЫЛОЕ“.

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободитель-
наго движенія—издается подъ редакціей **В. Я. Яновлева-Богучарскаго**
и **П. Е. Щеголева** при ближайшемъ участіи **В. Л. Бурцева** по слѣдую-
щей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія
въ Россіи.

Биографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ соб-
ственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая библиографія.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); **В. Я. Богучарскій**—
Декабристъ **М. С. Лувинъ**; **В. А. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **И. П. Білоконскій**—
Земское движеніе до образованія партіи „Народной Свободы“; **В. А. Вейн-
штейнъ**—Акатувскій рудникъ; **В. А. Даниловъ**—Изъ воспоминаній; **С. А. Жебуневъ**—
Изъ воспоминаній. **И. И. Јорданскій**—Миссія П. С. Вавновскаго; **Е. Д. Нусова**—
Политическая партія въ 1906 году; **М. И. Лемко**—Процессы Сунгурова, Блюммера
и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ;
И. Л. Манузаровъ—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспо-
минаній; **Э. И. Пекарскій**—Рабочій **Петръ Алексѣевъ** (изъ воспоминаній); **П. И.
Переворотовъ**—Экспедиція генерала Ренненкампфа; **М. Р. Поповъ**—Изъ моего
революціоннаго прошлаго; **А. С. Пругавинъ**—Декабристъ въ монастырскій
тюрьмѣ; **Э. Раала**—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; **И. А. Ру-
бановичъ**—Дѣло Гоца въ Италіи и Савизаго во Франціи; **С. Г. Святковъ**—
Очерки по исторіи студческаго движенія; **Е. П. Семевъ**—Народовольскіе
кружки въ Одессѣ; **Н. П. Стародворскій**—Дегасель и Судейкинъ. Изъ воспоминаній;
П. Б. Струве—Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспо-
минаній); **Е. В. Тарле**—Каннинъ и Николай Тургеневъ;—Герценъ и газета
Прудона; **И. А. Тамъ**—Послѣдній періодъ „Народной Воли“; **Л. Ш.**—
Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“; **П. Е.
Щеголевъ**—Агітаціонная литература декабристовъ;—Конецъ императора
Павла (историческое расслѣдованіе); **Ф. Л. Ястремскій**—Записки петра-
шевца; Записки императора **Николая I** 14 декабря, неизданныя произведенія
А. И. Герцена и др.

Будут напечатаны также: „Сводъ указаний данныхъ и некоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ В. И. Засудича; Разгромъ тверского земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штурмера); Въ исторіи русской „конституціи“ (официальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на 1/2 года (съ 1 янв. по 1 июля)—4 руб.; на 1/4 года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Перемѣна адреса—30 коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ашеуловъ переулокъ, 13), Киевѣ (Крещатикъ, 27), Ростовѣ на Д. (Казанская, 42) и Одессѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ стоить только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакция помѣщается въ С.-Петербургѣ на Знаменской ул. д. 19. Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы | В. Я. Богучарскій.
| П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Имѣются въ небольшомъ количествѣ комплеты „Былого“ за 1906 годъ.

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 5 | 17. МАЙ 1907

ПРОВЕРЕНО
1858 г.

ПРОВЕРЕНО

39207
БИБЛИОТЕКА
Орловско-го Дома
Красной Арміи
7449
Историческое общество
г. Одесса

9(05)
Б 50

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Линовская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписнымъ деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщаящіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 20 числа наидагаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятая рукопись, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращается заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Незданная глава изъ „Быдого и думъ“ А. И. Герцена	1
2. Эмигрантъ Иванъ Головинъ (По неизданнымъ матеріаламъ). М. К. Лемке	24
3. Земское движеніе до образованія партіи «Народной Свободы» (Продолженіе). И. П. Бѣлоконскаго	54
4. Маленькое дѣло. В. С. Ефремова	81
5. Воспоминанія. (Продолженіе). М. Ю. Ашенбреннера	106
6. Красные дни въ Нижнемъ-Новгородѣ. Платона Лебедева	124
7. Изъ исторіи социалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году. (Окончаніе). С. И. Сомова	152
8. Григорій Анфимовичъ Попоко, Р. А. Стеблина-Каменскаго.	179
9. Западные друзья Герцена. (Окончаніе). М. О. Гершензона.	205
10. Изъ „Обзора вѣзвѣстнѣхъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ за 1894 годъ“	228
11. Орывки изъ воспоминаній. С. А. Жебунова	253
12. Изъ моста революціоннаго прошлаго. Очеркъ первый. М. Р. Попова	269
13. „Добродѣловская“ демонстрація 1886 года. (По личнымъ воспоминаніямъ). М. А. Брагинскаго	306
14. Письмо въ редакцію. Старина	310
15. Историческая бібліографія:—Записки кн. С. П. Трубецкаго,— М. В. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ. Н. П. Сильванскаго. Т. Шевченко. Кобзарь. В. Батуринскаго	312

16. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію	стр. 320
17. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (Незданное письмо Пушкина. Сообщилъ Вл. Наллашь —53. Документъ къ дѣлу Валеріана Лукаснскаго—101. Общество литературныхъ преній въ Петербургѣ въ 1837 году—149. Замѣтка Л. Ф. Пантелѣва —310.)	
Объявленія	324

Къ этой книгѣ приложены портреты Д. А. Лизогуба, И. Г. Голвина, М. Ю. Ашенбреннера и Г. А. Попова.

При этой книгѣ ивгородскимъ подписчикамъ разсылается объявленіе объ изданіи „Историко-революціонный альманахъ“.

Мартовская и апрѣльская книги „Былого“, конфискованныя Цензурнымъ Комитетомъ, нынѣ отъ ареста Судебной Палатой освобождены и разсылаются подписчикамъ, не получившимъ этихъ книгъ.

Дмитрій Андреевич
Лизогубъ.

Неизданная глава из „Былого и думъ“ А. И. Герцена.

Въ пятой части классическихъ мемуаровъ Герцена—«Былое и думы», въ главѣ «Нѣмцы въ эмиграціи», послѣ перваго упоминанія имени эмигранта Головина сказано: «объ этомъ субъектѣ будетъ особая глава»¹⁾. Но ея не было и нѣтъ до сихъ поръ въ изданіяхъ сочиненій Герцена.

Подготавливая свою работу о Головинѣ, начало которой читатели найдутъ дальше, я обратился къ М. О. Гершензону съ просьбой разыскать, нѣтъ ли чего нибудь объ этой личности среди бумагъ и рукописей, переданныхъ въ Румянцевскій музей недавно умершимъ А. А. Герценомъ. Г. Герценаонъ былъ настолько любезенъ, что, снесшись съ наследниками Герцена, снялъ точную копию съ дѣйствительно написанной главы о Головинѣ и почему-то никогда нигдѣ не опубликованной. Рукопись писана начерно, чрезвычайно, даже и для Герцена, быстрымъ почеркомъ (письма и копии писемъ вклеены между листами), и потому вполне понятны нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи и переходахъ отъ одного факта къ другому. Но я увѣренъ, что читатель признаетъ даже и въ такомъ видѣ эту главу одной изъ блестящихъ главъ знаменитыхъ мемуаровъ.

Не желая ставить что бы то ни было между Герценомъ и читателемъ, я не дѣлаю въ текстѣ никакихъ примѣчаній, строго сохраняя такимъ образомъ подлинникъ. Но такъ какъ читателю безусловно необходимы нѣкоторыя разъясненія, то я и дѣлаю ихъ вслѣдъ за статью Герцена.

Мих. Лемне.

¹⁾ Стр. 298 тома III „Сочиненій“ въ изданіи Павленкова, № 5.

ГЛАВА

Русские в Парижѣ.

11.

И. Головинъ.

Нѣсколько дней послѣ обыска у меня и захвата моихъ бумагъ, во время Юньской битвы, явился ко мнѣ въ первый разъ *И. Головинъ*—до того извѣстный мнѣ по бездарнымъ сочиненіямъ своимъ и по чрезвычайно дурной репутаціи сварливого и дерзкаго человѣка, которую онъ себѣ сдѣлалъ. Онъ былъ у Ламорисьера, хлопоталъ безъ малѣйшей просьбы съ моей стороны о моихъ бумагахъ, ничего не сдѣлалъ, и пришелъ ко мнѣ пожатъ скромные лавры благодарности и, пользуясь тѣмъ, втѣснить мнѣ свое знакомство.

— «Я сказалъ Ламорисьеру: генералъ, стыдно надѣяться русскимъ республиканцамъ и оставлять въ покоѣ агентовъ русскаго правительства.»

— «А вы знаете ихъ?»—спросилъ меня Ламорисьеръ.

— «Кто ихъ не знаетъ!»

— «Nommez les, Nommez les.»

— «Ну, да Яковъ Толстой и генералъ Жюмини.»

— «Завтра же вѣду у нихъ сдѣлать обыскъ.»

— «Да будто Жюмини русский агентъ?»—спросилъ я.

— «Ха, ха, ха—это мы увидимъ теперь.»

Вотъ вамъ человѣкъ.

Рубинковъ былъ перевернутъ, и что я ни дѣлалъ, чтобы воздержатъ дружбу Головина, а главное его пощенія, все было тщетно. Онъ раза два въ недѣлю приходилъ къ намъ, и нравственный уровень нашего уголка тотчасъ понижался,—начинались ссоры, сплетни, личности. Лѣтъ пять спустя, когда Головинъ хотѣлъ меня додрознить до драки, онъ говорилъ, что *ею слово*; говоря это, онъ, конечно, не подозревалъ, какъ давно я его боялся—до Лондонской ссоры.

Еще въ Россіи я смѣшалъ объ его безтактности, о нецеремонности въ денежныхъ отношеніяхъ: Шевыревъ, возвратившись изъ Парижа, рассказывалъ о процессѣ Головина съ лакеемъ, съ которымъ онъ подрался,—и ставилъ это на счетъ насъ, западниковъ, къ числу

которыхъ причислялъ Головина. Я Шевыреву замѣтилъ, что Западъ слѣдуетъ винить только въ томъ, что они *дрались*, потому что на *Востоки* Головинъ просто бы *поколотил* слугу и никто не говорилъ бы объ этомъ.

Забытое теперь содержаніе его сочиненій о Россіи еще менѣе располагало къ знакомству съ нимъ. Французская риторика, либерализмъ Роттековой школы, *pêle mèle* разбросанные анекдоты, сентенціи, постоянныя личности, никакой логики, никакого взгляда, никакой связи. Погодинъ писалъ рубленой прозой, а Головинъ думалъ рубленными мыслями.

Я миновалъ его знакомство до нельзя. Ссора его съ Бакунинымъ помогла мнѣ. Головинъ помѣстилъ въ какомъ-то журналѣ дворянско-либеральную статейку, въ которой помянулъ его. Бакунинъ объявилъ, что ни съ русскимъ дворянствомъ, ни съ Головинымъ ничего общаго не имѣетъ.

Мы видѣли, что далѣе Юньскихъ дней я не пролаживалъ въ моемъ почетномъ незнакомствѣ.

Каждый день доказывалъ мнѣ, какъ я былъ правъ. Въ Головинѣ соединилось все ненавистное намъ въ русскомъ офицерѣ, въ русскомъ помѣщикѣ, съ бездною мелкихъ западныхъ недостатковъ, и это безъ всякаго примиренія, симпатіи, безъ выкупа, безъ какой нибудь эксцентричности, какихъ-нибудь талантовъ или козائمъ. Его наружность угадъ, провокатная и оскорбительная, принадлежитъ, какъ чеканъ, цѣлому слою людей, кочующихъ съ картами и безъ карты по минеральнымъ водамъ и большимъ столицамъ, вѣчно хорошо обѣдающихъ, которыхъ всѣ знаютъ, о которыхъ все знаютъ, кромѣ двухъ вещей: чѣмъ они живутъ и зачѣмъ они живутъ. Головинъ—русскій офицеръ, французскій *broileur*, *habeur*, англійскій свиндлеръ, нѣмецкій юнкеръ и нашъ отечественный Ноздревъ, Хлестаковъ *in partibus infidelium*.

Зачѣмъ онъ покинулъ Россію, что онъ дѣлалъ на Западѣ—*онъ*, такъ хорошо шедшій въ офицерское общество своихъ братьевъ, имѣ же самимъ описаннымъ? Сорвавшись съ родныхъ полей, онъ не нашелъ центра тяжести. Кончивъ курсъ въ Лерпскомъ университетѣ, Головинъ былъ записанъ въ канцелярію Нессельроде. Нессельроде ему замѣтилъ, что у него почеркъ плохъ, Головинъ обидѣлся и уѣхалъ въ Парижъ. Когда его потребовали оттуда, онъ отвѣчалъ, что не можетъ еще возвратиться, потому что не кончилъ своего «каллиграфическаго образованія». Потомъ онъ издалъ свою компіляцію «*La Russie sous Nicolas*», въ которой обидѣлъ лучше всего Николая тѣмъ, что сказалъ, что онъ *нѣтъ* пишетъ съ *е*. Ему вѣдали ѣхать въ Россію—онъ не поѣхалъ. Братъ¹⁾ его воспользовался этимъ, чтобы послать его на Антоніеву пищу—они посылали ему гораздо меньше деньгами, чѣмъ слѣдовало. Вотъ и вся драма.

¹⁾ А проговѣ его братѣ. Одинокъ изъ нихъ, кавалерійскій генералъ, бывший въ особую милость Николаю, потому что *описаннымъ* 14 декабрѣ офицеромъ,—пріихалъ въ Дубельтъ съ каждаго изъ поросенокъ: «Здравствуй мать,—говорилъ онъ,—нашла ли сколько-нибудь словъ на прощаніе отъ Папу тому,—испектумоу; мать ласково, а право, не знаю, что мнѣ дѣлать?»—Снеситъ на почтѣ.—сказалъ любезно улыбаясь Дубельтъ.

У этого человека не было ни тени художественного такта, ни тени эстетической потребности, никакого научного запроса, никакого серьезного занятия. Его поэзия была обращена на него самого, он любил позировать, хрипеть аргументе; привычки дурно воспитанного барича средней руки остались в нем на всю жизнь, спокойно сложились с кочевым фуражированием полудизанника и полубогома.

Раз в Турин я застал его в воротах Hôtel Feder с хлыстиком в руке... перед ним стоял Савояр—полуднагой и босой мальчик лить двенадцать, Головинь бросал ему гроши, и за всякий грошь стегал его по ногам; Савояр подпрыгивал, показывая, что очень больно, и просил еще. Головинь хохотал и бросал гроши. Я не думаю, чтобы он больно стегал, но все же стегал, и это могло его забавлять?

После Парижа мы встретились сначала в Женеве, потом в Ницце. Он был тоже выслан из Франции и находился в очень незавидном положении¹⁾. Ему ршительно нечём было жить, несмотря на тогдашнюю баснословную дешевизну в Ницце. Как часто и горячо я желал, чтобы Головинь получил наследство или женился бы на богатой... Это бы мне развязало руки.

Из Ниццы он уехал в Бельгию, оттуда его прогнали, он отправился в Лондон и там натурализовался, сдало прибавить к своей фамилии титул князя Хоера, на который не имел права. Английским подданным он возвратился в Турин и стал издавать какой-то журнал. В нем он допрашивал министров до того, что они выслали его. Головинь стал под покровительство английского посольства. Посольство отказало ему, и он снова поплыл в Лондон. Здесь в роли *рицера индустрии*, числящегося по революции, он без успеха старался примкнуть к разным политическим кругам, знакомился со всеми на свете и печатал невообразимый вздор.

В конце ноября 1853 г. Ворцель зашел ко мне с приглашением сказать что-нибудь на польской годовщине. Взмошел Головинь и, смеюству в чем дело, тотчас атаковал Ворцеля вопросом: «Может ли он сказать рѣчь?»

Ворцель было неприятно, мне вдвое, но тем не меньше он мне ответил: «Мы приглашаемеи всех, и будем очень рады; но чтобы митинг иметь единство, надобно нам знать а *ren pres*, кто что хочет сказать. Мы собираемс тогда-то, приходите к нам поточковать». Головинь, разумеется, принял предложение. А Ворцель, уходя, сказал мне, качая головой, в передней: «что за нелегкая принесла его?»

¹⁾ Французская полиция не могла ему простить одну профанку. В начале 1849 была небольшая демонстрация. Президент, г. е. Наполеон III, объявлял верхние бульвары. Вдруг Головинь пробрался к нему и закричал: «Vive la République» и «A bas les Ministres».— «Vive la République!»—прокричал Наполеон.— «A bas les ministres?»— «On les changera!» Головинь прогнал его руку. Прошло две пят, министры остались, и Головинь напечатал в *Reform* свое выступл с арбаговыми, что такъ закъ президент не повинал общины, то онъ беретъ на себя право жалать (il netto sa poitrine de main). Полиция провозгласила и выслала его нисколько мильеиъ спустя, предвзявши ~~какую-то~~.

Съ тяжелым сердцем пошел я на подготовительное собрание. Я предуствозвал, что дело не обойдется без скандала. Мы не были тамъ пять минут, какъ мое предчувствие оправдалось. После двух-трех отрывистыхъ генеральныхъ словъ, Головинь вдругъ обратился къ Ледрю-Роллену, сначала напомнил, что они гдѣ-то встречались, чего Ледрю-Ролленъ встаети не вспомнил, потомъ ни къ чему, ни къ городу сталъ ему доказывать, что постоянно раздражать Наполеона ошибка, что политиче было бы его шадить для польского дела. Ледрю-Ролленъ измѣнился въ лицѣ, но Головинь продолжал, что Наполеонъ одинъ можетъ вырвать Польшу, и что «это,—добавилъ онъ,—не только мое личное мнѣиъ, теперь Машини и Кошутъ это поняли и всеми силами стараются сблизиться съ Наполеономъ».

— Какъ же вы можете вѣрить такимъ нелѣпостямъ?—спросилъ его Ледрю-Ролленъ внѣ себя отъ волнения.

— Я слышалъ.

— Отъ кого? Отъ какихъ-нибудь шпионовъ, честный человекъ не могъ вамъ этого говорить. Господа,—я Кошутъ лично не знаю—но все же увѣренъ, что это не такъ—что же касается до моего друга Машини, я сдѣло беру на себя отвѣчать за него, что онъ никогда не думалъ о такой уступкѣ, которая была бы страшнымъ блдстаетемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣною всей религии его.

— Да, да—само собой разумеется,—говорили съ разныхъ сторонъ. Ясно было, что слова Головина разсердили всѣхъ. Ледрю-Ролленъ вдругъ повернулся къ Ворцелю и сказалъ ему: вотъ видите, мои опасения были не напрасны; составъ вашего митинга слишкомъ разнообразенъ, чтобы въ немъ не завязили мнѣиъ, которая я не могу ни принять, ни даже слушать. Позвольте мнѣ удалиться и отказаться отъ чести говорить 29 числа рѣчь.

Онъ всталъ. Но Ворцель, остановившая его, замѣтилъ, что комитетъ, предпринявшій дело митинга, избралъ его своимъ председателемъ и что въ этомъ качестве онъ долженъ просить Ледрю-Роллена остаться, пока они спросятъ своихъ товарищей, хоты ли они послѣ сказаннаго допустить рѣчь Головина и потерять содѣйствіе Ледрю-Роллена или наоборотъ.

Затѣмъ Ворцель обратился къ членамъ централизаци. Результатъ былъ несомнѣненъ. Головинь его очень хорошо предвидѣлъ и поэтому не дожидаясь отвѣта, всталъ и высокомерно бросилъ Ледрю-Роллену: «я уступаю вамъ честь и мѣсто и самъ отказываюсь отъ своего намѣренія сказать рѣчь 29 ноября». После чего онъ доблестно и тяжело ступая вышелъ вонъ.

Чтобы разомъ кончить дело—Ворцель предложилъ мнѣ прочесть или сказать, въ чемъ будетъ состоять моя рѣчь.

На другой день былъ митингъ, одинъ изъ послѣднихъ блестящихъ польскихъ митинговъ. Онъ удался, народу была бездна, я пришелъ часовъ въ 8—все уже было занято и я съ трудомъ пробрался на эстраду, приготовленную для бюро.

— Я васъ вездѣ ищу—сказалъ мнѣ D-g Дарашъ—васъ ждети въ боковой комнатѣ Ледрю-Ролленъ и непременно хочети съ нами поговоритъ до митинга.

— «Что случилось?» — «Да все это? Шелопай Г.».

Я пошел к Ледро-Роллену — он был разсержен, и был прав. — «Посмотрите, — сказал он мне, что этот негодий прислал мне записку четверть часа до того, как мне їхать сюда».

— Я за него не отвечаю — сказала я, развертывая записку.

— Безь сомнения, но я хочу, чтобы вы знали, что он такой. Записка была грубая, глупая. Он и тут фанфаронствовал, хотья покрыть фiasco. Он писал Ледро-Роллену, что если у него нтъ французской учтивости, то пусть он покажет, что не лишень французской храбрости.

— Я его всегда знал за беспокойного и дерзкого человека — но этого я не ожидал, сказал я, отдавая записку. Что же вы намбрены дѣлать?

— Дать ему такой урок, которого он долго не забудет. Я здсь всенародно на митинг сорву маску съ этого aventurier, я расскажу о нашем разговорѣ — сошлюсь на вас, как на свидѣтеля, и притомъ русскаго — и прочту его записку. А потомъ увидимъ — я не привык глотать такіа конфеты.

Дѣло скверное — подумалъ я — Головинъ, со своей весьма подозрительной репутацией окончательно погибнетъ. Ему одинъ путь спасения будетъ — дуэль. Этой дуэли нельзя допустить, потому что Ледро-Ролленъ совершенно правъ и ничего обиднаго не сдѣлалъ. Въ его положеніи нельзя же было драться съ всякимъ встрѣчнымъ. И что за безобразіе: на польскомъ митингѣ одного русскаго эмигранта затопчуть въ грязь, а другой поможетъ.

— Да нельзя ли отложить?

— Чтобъ потерять такой случай?

Я еще постарался остановить дѣло, ввернувши предложение суду, *jury d'honneur* — все удавалось плохо.

... Затѣмъ мы вышли на эстраду — и были встрѣчены френетическимъ рукоплесканіемъ. Рукоплесканія и шумъ толпы, какъ известно, пьяняютъ — я забылъ о Головинѣ и думалъ о своей рѣчи. Объ рѣчи я говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Самое появленіе мое на трибунѣ было встрѣчено съ величайшимъ сочувствіемъ полками, французами и итальянцами. Когда я кончилъ, Ворцель — предѣлатель митинга — подошелъ ко мнѣ и, обнимая меня, повторялъ глубоко тронутый: «О, благодарю, благодарю!» Рукоплесканія и шумъ удесстерились, и я подъ ихъ громомъ отиравался на свое мѣсто... Тутъ мнѣ пришелъ въ голову Гол. и я испугался близости той минуты, когда трибунъ 1848 года соинетъ въ своихъ тискамахъ этого шута. Я вынулъ карандашъ и написалъ на клочкѣ бумаги: «Бого ради, устройте, чтобъ гнусное дѣло Гол. не испортило нашего митинга». Эстрада была амфитеатромъ, я записочку отдалъ сидѣвшему передо мной Пьянчани, чтобъ онъ ее передалъ Ворцелю. Ворцель прочиталъ, черкнулъ что-то карандашомъ и отдалъ въ другую сторону, т. е. отправилъ къ Ледро-Роллену, который сидѣлъ выше. Ледро-Ролленъ досталъ меня рукой за плечо и, весело кивая, сказалъ: «За вашу рѣчь и дивъ васъ я оставляю дѣло до завтра» — и я, довольный какъ нельзя больше, отправился ужинать съ Пуге и Копингамомъ въ American Storey.

Не успѣлъ я на другой день встать, какъ комнаты мои наполнились полками. Они пришли меня благодарить, но, вѣроятно, благодарность они принесли бы и положе. Главное, имъ не терпѣлось покончить споръ — Головинское дѣло. Бѣшенство на него распахнулось во всей силѣ. Они составили актъ, въ которомъ Головинъ былъ обруганъ, адресъ Ледро-Роллену, которому объявляли, что рѣшительно не допустятъ его до дуэли. Десять человекъ готовы были драться съ нимъ. Требовали, чтобы я подписалъ и актъ, и адресъ.

Я видѣлъ, что изъ одной исторіи выйдутъ пять, и, пользуясь вчерашнимъ успѣхомъ, т. е. авторитетомъ, который онъ мнѣ далъ, сказалъ имъ: «Въ чемъ цѣль? — Кончить ли это дѣло такъ, чтобъ Ледро-Ролленъ былъ удовлетворенъ и несчастный инцидентъ, чуть не испортившій вашъ митингъ, былъ стертъ, или наказать Головина во что бы ни стало? Въ послѣднемъ случаѣ, господа, я не участвую и дѣлатье какъ знаете.

— Конечно, главная цѣль — кончить дѣло.

— Хорошо, имѣете вы ко мнѣ довѣрѣе?

— Да, да, еще бы.

— Я поѣду одинъ къ Головину... и если улажу дѣло такъ, что

Ледро-Ролленъ будетъ доволенъ, то и кончѣ.

— Хорошо, а если не удалите?

— Тогда я подпишу вашъ протестъ и адресъ.

— Ладно.

Головина я засталъ мрачнымъ и сконфуженнымъ, онъ явно ждалъ грозы и врядъ ли былъ доволенъ, что вызвалъ ее.

Объясненіе наше было недолго. Я сказалъ ему, что спасъ его отъ двухъ непріятностей, и предложилъ мои услуги отстранить третью, а именно, примирить его съ Ледро-Ролленомъ. Ему хотѣлось окончить дѣло, но надменная натура его не допускала до сознанія своей вины, а еще больше до признанія ея.

— «Я соглашаюсь только для васъ», — пробормоталъ онъ, наконецъ. Для меня или для кого другого, — дѣло пошло на ладъ. Я поѣхалъ къ Ледро-Роллену, прождалъ его часа два въ холодной комнатѣ и простудился, наконецъ, онъ пріѣхалъ любезенъ и веселъ. Я рассказалъ ему всю исторію отъ появленія повсѣхнаго вооруженія Посполитой Рѣчи до ломаній нашего матadora, и Ледро-Ролленъ со смѣхомъ согласился предать дѣло забвенію и принять раскаявагося грѣшника. Я отправился за нимъ.

Головинъ жалъ въ сильномъ волненіи. Узнавъ, что все обстоитъ благополучно, онъ покраснѣлъ и, набавши всѣ карманы пальто какими-то бумагами, поѣхалъ со мной.

Ледро-Ролленъ принялъ настояющимъ gentleman'омъ и тотчасъ сталъ говорить о постороннихъ дѣлахъ. «Я пріѣхалъ къ вамъ», — сказалъ Головинъ, — сказать, что мнѣ очень жаль... Ледро-Ролленъ его перебилъ словами: — «N'en parlons plus... вотъ ваша записка, бросьте ее въ огонь... и безъ запятой сталъ продолжать начатый разговоръ. Когда мы встали, чтобъ їхать, Головинъ вынулъ изъ кармановъ кипу брошюръ и, подавая ихъ Ледро-Роллену, прибавилъ, что это

его послѣднія брошюры и что онъ проситъ его принять ихъ въ знакъ его особеннаго уваженія. Ледрю-Ролленъ, разспався въ благодарности, съ почтеніемъ уложилъ кипу, до которой, впрямую, никогда не дотрогивался.

— «Вотъ нашъ литературный вѣкъ,—сказалъ я Головину, садясь въ карету.—Слыхалъ я, что умные люди берутъ съ собой на дуэли штолоръ, но чтобъ вооружались брошюрами—это ново!»

Зачѣмъ я спасъ этого человѣка отъ позора? Право, не знаю и просто раскаиваюсь. Всѣ эти пошлости, великодушія, закращиванія, спасенія падаютъ на нашу голову по тому великому правилу, постановленному Бѣлинскимъ, «что мошенники тѣмъ сильны, что они съ честными людьми поступаютъ, какъ съ мошенниками, а честные люди съ мошенниками, какъ съ честными людьми». Бандиты журнальнаго и политическаго міра опасны и неприятели по своему бессмысленному и затруднительному положенію. Терять ихъ нечего, выиграть они могутъ все. Спасая такихъ людей, вы ихъ только снова приводите въ прежній (слово не разобрано—М. Л.).

Въ разсказѣ моемъ нѣтъ слова преувеличеннаго. Подумайте же, каково было мое удивленіе, когда Головинъ напечаталъ въ Германіи черезъ *десять лѣтъ*, что Ледрю-Ролленъ *извинился* *передъ мною*... зная, что и онъ, и я, слава Богу, живы и здоровы... Развѣ это не геніальное?

Митингъ былъ 29 ноября 1853 года. Въ мартѣ 1854 я напечаталъ небольшое воззваніе къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ отъ имени «русской вольной общины въ Лондонѣ». Головина это оскорбило, и онъ принесъ мнѣ для напечатанія слѣдующій протестъ.

«Я прочелъ вашу «благовѣсть», писанную въ день Благовѣщенія. Она надписана: «вольная русская община въ Лондонѣ», а между тѣмъ встрѣчаются слова: «Не помню, въ какой губерніи.»

«Слѣдовательно, для меня загадка, состоитъ ли эта община изъ васъ и Ангелсона, или изъ васъ одного?»

«Здѣсь не мѣсто разбирать содержаніе, мнѣ не бывшее показанное въ рукописи. Чтобы упомянуть только о томъ, я бы не подписывалъ общаніе не оставивъ безъ совѣта людей, которые меня не просятъ объ этомъ. Ни скромность, ни совѣсть не позволяютъ мнѣ сказать, что я примирилъ имя народа русскаго съ народами Запада.»

«По сему почтито должнымъ просить Васъ объявить при слѣдующемъ и наискорѣйшемъ случаѣ, что я до сихъ поръ не участвовалъ ни въ какихъ воззваніяхъ, печатанныхъ вашею типографіей по-русски.»

«Надѣясь, что вы не заставите меня прибѣгнуть къ другому рода гласности,

я пребываю Вамъ покорный

Иванъ Головинъ.

Лондонъ, 25 марта 1854.

Г. Герцену—Искандеру.

«P. S. Поставляю на ваше усмотрѣніе напечатать мое письмо въ настоящемъ его видѣ, или объявить содержаніе онаго въ кратцѣ».

Протесту я несказанно обрадовался, въ немъ я видѣлъ начало разрыва съ этимъ невыносимо тяжелымъ человѣкомъ и публичное заявленіе нашего неволея. Европа и сами поляки такъ поверхностно смотрятъ на Россію—особенно въ пролежухи, когда она не бьетъ сосѣдей или не присоединяетъ цѣлыя государства въ Азіи,—что я долженъ былъ работать десять лѣтъ, чтобъ меня не смѣшивали съ пресловутымъ Ivan Golovin.

Вслѣдъ за протестомъ Головинъ прислалъ письмо—длинное, безсвязное, которое заключилъ словами: «можетъ быть отдѣльно мы еще будемъ полезны общему дѣлу, если не станемъ тратить наши силы на борьбу другъ съ другомъ».

На это я отвѣчалъ ему:

30 марта, Четвергъ.

«Я считаю себя обязаннымъ поблагодарить васъ за письмо ваше, полученное вчера и котораго добрую цѣль—смягчить печатное объявленіе—я вполне оцѣнилъ.»

«Я совершенно согласенъ, что отдѣльно мы принесемъ больше пользы. На счетъ борьбы, о которой вы пишете,—она не входила въ мою голову. Я не возьму никакой инициативы, не имѣя ничего противъ васъ, особенно, когда каждый пойдетъ своей дорогой.»

«Вспомните, какъ давно и сколько разъ я говорилъ вамъ келейно то, что вы сказали теперь публично. Наши нравы, мнѣнія, симпатіи и антипатіи—все разное. Позвольте мнѣ остаться съ уваженіемъ къ вамъ, не принять нашу раздѣльность за fait accompli, и вы, и я—мы будемъ отъ этого свободнѣе.»

«Письмо мое отвѣтъ, въ вопросѣ въ немъ нѣтъ, я васъ прошу не длить этой переписки, и полагаюсь на Вашу деликатность, что окончательное разставаніе наше не будетъ сопровождено ни жесткимъ словомъ, ни враждебнымъ дѣйствіемъ.»

«Желаю вамъ всего лучшаго.»

Что Головину вовсе не хотѣлось разорвать сношеніе со мной—это было очевидно; я еще хотѣлось сорвать сердце за то, что мы печатали воззваніе безъ него, и потомъ примириться, но я ужъ не хотѣлъ упустить изъ рукъ этого горячо желаннаго случая.

Недѣли двѣ—три послѣ моего письма, я получилъ отъ него пакетъ. Раскрываю—бумага съ траурнымъ ободкомъ... Смотрю—это половина погребальнаго пригласенія, разосланнаго 2 мая 1854 года. Въ отвѣтъ на его письмо изъ Турина, я ему его послалъ и приписалъ: «Письмо ваше тронуло меня, я никогда не сомнѣвался въ добротѣ сердца вѣщера...» На этомъ—то письмѣ онъ написалъ, что проситъ у меня свидѣнія, давалъ новый адресъ и прибавлялъ: «Il ne s'agit pas d'argent».

Я отвѣчалъ, что идти къ нему не могу, потому что не я имѣю къ нему дѣла, а онъ ко мнѣ, потому что онъ началъ, а не я, разрывъ,

наконецъ, потому, что онъ довелъ о томъ до постороннихъ. Но что я готовъ его принять у себя, когда ему угодно.

Онъ явился на другое утро—смирный и шелковый. Я увѣрялъ его еще и еще, что никакого враждебнаго шага съ моей стороны сдѣлано не будетъ, но что наши мнѣня, нравы до такой степени не сходятъ, что видаться намъ неачвѣно.

— Да какъ же вы это только теперь замѣтили?..

Я промолчалъ.

Мы разстались холодно, но учтиво.

Казалось бы, чего же еще. Нѣтъ! на другой же день Головинъ наградила меня слѣдующимъ письмомъ ¹⁾.

(Ad usum proprium)

«Послѣ сегодняшняго разговора, не могу я вамъ отказать въ сатисфакціи имѣть общинку, имѣйте! Полемику же вести я никакой не намѣренъ, слѣдовательно, избѣгайте все то, что можетъ дать поводъ къ ней.

«Когда ваши новые друзья передъ вами согрѣшатъ, вы найдете во мнѣ вамъ всегда преданнаго.

«Мой совѣтъ написать въ «M. Adv.», что вы процесса не заводите съ ними потому только, что презираете невѣжество, которое не знаетъ отличить патриота и друга свободы отъ агента, хвалить Брунова и клеветать на Бакунина.

«Я къ вамъ ходить не буду, пока буду занятъ дѣлами болѣе важными, нежели синкивать симпатіи.

«Когда же меня захотите посѣтить, всегда обрадуете, тѣмъ болѣе, что имѣя кое-что общее, имѣется также кое что и пероговорить.

26 апреля 54 г.

Головинъ».

Къ дѣту я увѣхалъ въ Ричмондъ и нѣкоторое время ничего не слыхалъ о Головинѣ. Вдругъ отъ него письмо. Онъ, не называя никого, говорилъ, что до него дошло, что «я смѣялся надъ нимъ», у себя дома... и требовалъ (какъ у любовницы), чтобы я возвратилъ ему портретъ его, подаренный въ Ниццѣ. Какъ я ни хлопоталъ, какъ ни рылся въ бумагахъ, портрета найти не могъ.

Досадно было... но пришлось передать ему, что портретъ пропалъ. Я просилъ нашего общаго знакомаго — Савича — сказать ему, какъ я искалъ, и повторить, что я ни малѣйшаго зла ему не желаю и прошу его оставить меня въ покоѣ.

Въ отвѣтъ на это—слѣдующее письмо:

«Почтенный Александръ Ивановичъ.

«Вы говорили Савичу, что если я вамъ напишу письмо, то ни

¹⁾ «Morning Advertiser», тогда только появившійся въ руки К. Елизава и сличенныхъ демократомъ М. Виссочскаго толка, поместилъ слѣдующую статью, въ которой доказывалъ единство вѣдѣній злой прогнаншя съ рессансъ правительствомъ. Головинъ, давшій такіе хорошие совѣты, сама впоследствии приближалъ къ тѣмъ же средствамъ и въ тожъ же «Morning Advertiser».

мнѣ возвратите 10 фунт. стерл. Мое распоряженіе было дать вамъ 20 фунт. стерл. изъ послѣднихъ денегъ, да и вы сами писали, что вы изъ 100 возьмете только 20. Я надѣялся вывернуться скоро, чтошло иначе. Но черезъ недѣлю, много дѣв, я бы могъ вамъ воза-вратить эти 10 ф. с. Вы говорите, что вы мнѣ не враги, и я прошу объ этомъ, не какъ объ одолженіи отъ пріятели, а какъ объ справедливости. Если вамъ это кажется иначе, то откажите, не барабана объ этомъ вашимъ поклонникамъ.

Августъ 16.

П. Головинъ».

На это письмо я ничего не отвѣчалъ. Не нужно и говорить, что я Савичу никакихъ денежныхъ порученій не давалъ. Онъ нарочно спуталъ два дѣла, чтобы придать видъ какой-то *сдѣлки* простой просьбѣ. О самомъ Савичѣ — однимъ изъ забавнѣйшихъ полевыхъ цѣтковъ нашей родины, занесенныхъ на чужбину, — мы поговоримъ еще когда-нибудь.

Вслѣдъ за тѣмъ второе письмо. Онъ погадался, что отсутствіе отвѣта—отказъ, и разумѣется, вымѣрилъ всю неосторожность своего поступка.

Испугавшись, онъ рѣшился взять дѣло пристоупомъ: онъ мнѣ писалъ, что я «нѣмецъ или жидъ» ¹⁾, отослалъ назистомъ мое письмо, С—написавъ на немъ: «вы трусите». Затѣмъ два письма съ поддѣль-

¹⁾ Здѣсь у Герцена вложены между листами книги буквъ его письма къ Головину:
В. 22 августа 1854.

Ричмондъ.
«Милостивый Государь,

«Вы писали мнѣ, что хотите вернуть всакое возмощиваніе нашего знаменства. Черезъ вѣселоко дѣвй вы просили въ займа 10 шиллинговъ.

«На первое письмо я вамъ отвѣтилъ испречно и вѣжливо, но обрамла ннмална на тонъ вашего письма.

«На второе я ничего не отвѣчалъ.

«Переноса между нами невозможна. Я возвращаю вамъ письмо и не вриду сдѣлывать. Вы половазъ сочиненіи моей враности въ отношеніи къ вамъ — а буду упорно молчать, пока это возможно, назвѣся на здравый смыслъ вѣлаго безпристрастнаго человека.

А. Герценъ».

23 августа 1854.

«Вы хотите меня засмѣять съ вами драться, такъ, какъ сдѣлываютъ вальчики. Мнѣ совершенно все равно, считате ли вы меня трусомъ или храбрымъ, воровъ или фальшивыхъ монетчиковъ.

«Почему вы хотите драться теора, потому что вамъ совершенно, что попросила десять шиллинговъ у вельможъ, съ которыми грубо прервали собъ сношенія? Если бы я вѣкъ изъ дѣл, у васъ не было бы гонимоееенее.

«Я не буду съ вами драться, потому что это глупо, потому что я лично не сдѣлалъ, за что обвиняю васъ репараций, и потому, наконецъ, что стою самобытно на своихъ ногахъ и не допускаю чужой воли или ругательскими словами издевательскихъ нападковъ на повѣдомствомъ.

«Не думайте, что я въ этомъ писемъ дѣлаю тайну—вы можете его читать, не читая.—Боюсь сдѣлать, что хотите, только не пишете ни мнѣ.

«Я со своей стороны и говорить не буду, не только писемъ, такъ жидъ это надобно.

А. Герценъ».

ной надписью и съ бранью внутри въ родѣ *D. 1*) Жалю, что часть ихъ утратилась,—впрочемъ, тожь одинъ во всѣхъ.

Онъ ждалъ, что вслѣдъ за его письмомъ, въ которомъ онъ говоритъ о трусости, я пришло секундантовъ. Мои понятія о чести были, действительно, странны и не совпадали съ его понятіями. Что за милость убить кандидата въ Бисетръ, въ смиренный домъ, или быть имъ убитымъ, искалеченнымъ и навѣрное попасть подъ судъ, бросить свои занятія,—и все это для того, чтобы доказать, что я его не боюсь... Какъ будто однѣ бышьяныя собаки имѣютъ привилегію вселять ужасъ, не лишая чести боящихся?

Опять пауза—Головинъ не показывается въ нашихъ паражахъ, кутитъ на чей то *другой* счетъ, говоритъ дерзости кому-то *другому*, у кого-то другого беретъ деньги въ займы. Между тѣмъ послѣднія свѣдѣнія точки репутаціи тускнутъ, старые знакомые отрекаются отъ него, новые бѣгутъ. Луи Бланъ извиняется передъ друзьями, встрѣтившими его съ Головиннымъ на Regent Street; домъ Мильнеръ Гибсона окончательно запираютъ для него и только ввали англійскіе «симплетоны»—глупѣйшіе изъ всего міра догадываются, что онъ не князь и не политическій человѣкъ, и вообще не человѣкъ; одни нѣмцы, знаяше людей по книгопродавческимъ каталогамъ, считаютъ его чѣмъ-то «бергомтомъ».

Въ февралѣ 1855—приготовился народный сходъ С.-Мартинска-Гая; торжественный, но не удавшійся опытъ соединенія социалистовъ всѣхъ эмиграцій съ Чартистами. Подробности и схода, и Марковскихъ интригъ противъ моего избранія я рассказалъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь о Головинѣ.

Я не хотѣлъ произносить рѣчи и пошелъ въ засѣданіе комитета, чтобы поблагодарить за честь и отказаться. Дѣло было вечеромъ—и когда я выходилъ, я встрѣтилъ одного Чартиста на лестницѣ, который меня спросилъ, читалъ ли я письмо Головина въ «Morning Advertiser»¹⁾. Я не читалъ. Внизу былъ кафе и Public-house. «Morning Advertiser» есть во всѣхъ кабакахъ—мы вошли и Финлейнъ показывалъ мнѣ письмо Головина, въ которомъ онъ писалъ, что до его свѣдѣнія дошло, что международный Комитетъ меня избралъ членомъ и просилъ—какъ русскаго—произнести рѣчь на митингъ, а потому онъ, *побуждаемый одной любовью къ истинѣ*, предупреждаетъ, что я не русскій, а нѣмецкій жидъ, родившійся въ Россіи,—граса находящаяся подъ особымъ покровительствомъ Николая.

Прочитавъ эту шалость, я возвратился въ Комитетъ и сказалъ председателю (Э. Джонсу), что беру назадъ мой отказъ. Видѣвъ съ тѣмъ я показалъ ему и членамъ «Morning Adv.» и прибавилъ, что Головинъ очень хорошо знаетъ мое происхожденіе и «дѣлать изъ любви къ истинѣ». Да и къ тому же еврейское происхожденіе врядъ могло ли бы служить препятствіемъ,—прибавилъ я,—взявъ въ ви-

даніе, что первые изгнанники послѣ сотворенія міра были евреи имено Адамъ и Ева.

Комитетъ расхохотался и, съ предѣателя начиная, принялъ мое новое рѣшеніе съ рукопожатіемъ. «Что касается до вашего выбора меня въ члены—я обязанъ вамъ благодарить, но защищать *вашъ* выборъ—ваше дѣло».

— Да! да! закричали со всѣхъ сторонъ.

Джонсъ на другой день напечаталъ нѣсколько строкъ въ своемъ «The People» и послалъ письмо въ «Daily News»—Головинъ умолкъ и уѣхалъ въ Америку.

Alexander Herzen, the Russian exile.

Some sham democrat has written in the Morning Advertiser a libel with reference to M. Herzen, with a view to damage, if possible, the approaching demonstration in St. Martin's Hall. The effort is puerile, because that demonstration is one of peoples and principles, and does not in any way depend on the personality of any individuals. But in justice to M. Herzen, we are bound to say that the ridiculous statement about his not being a Russian and an exile is a downright falsehood, and that the statement that he belongs to the same race as Joshua ad Josephus is utterly without foundation; not that it is not just as honourable to belong to that once mighty and ever consistent people, as to any other. He was five years a captive in the Ural mountains, and liberated thence only to be banished from Russia, his native clime.

M. Herzen is at the head of Russian democratic literature, and the most distinguished exile of his country; as such, the representative of its proletarian millions. He will be at the demonstration in St. Martin's Hall, and will, we trust, receive a welcome, that will show the world that the English can sympathise with the Russian people, while they desire to strike at the Russian tyrant.

M. Herzen.

To the editor of the Daily News.

Sir,—A letter inserted in one of your contemporaries denies M. Herzen, the well known Russian exile, the right of representing, in the International Committee, Russian democracy, and even the Russian birth-right.

M. Herzen already has disposed of the second allegation. Allow us on behalf of the International Committee, to add to M. Herzen's reply a few facts respecting the first one, which very likely his modesty has prevented him alluding to.

At twenty years of age, condemned for a conspiracy against the despotism of the Czar, he was sent to the frontier of Siberia, where he remained, an exile, for a period of seven years.

Pardoned a first time, he knew very soon how to deserve a second condemnation.

¹⁾ Отославъ письмо, не читая—естъ дерзость, достойная храбрости. Отославъ письмо, полагая, что оно содержитъ запросъ друзей, между тѣмъ какъ ничего такого въ немъ нѣтъ, надо было издохнуть. Отославъ письмо, не зная, нѣтъ ли въ немъ чего, касающагося для чести, надо издохнуть объ ней старина понатѣ!»

in the meantime, political pamphlets, philosophical writings, and novels secured him one of the most distinguished places in Russian literature.

However, for the literary and political part played by M. Herzen in his own country, we can do no better than to refer to an article published on the 6th inst. in the Athenaeum, of which nobody will suspect the impartiality.

Arrived in Europe in 1847, M. Herzen occupied an important rank amongst the distinguished men who attached their names to the great revolutionary movement of 1848. Since that time he has started in London the first Russian free press, wherein he prosecutes against the Czar Nicolas and Russian despotism a deadly and most useful war.

In consequence of these facts, anxious as we were to unite the whole democracy in a common manifestation, we neither hoped nor wished to find in England or in Europe a nobler and truer representative of the revolutionary party in Russia. Yours, &c.

(Signed on behalf of the International Committee.)

The President

Secretaries

Robert Chapman,
Conrad Dombrowski,
Alfred Talandier.

Наконец, думаль я, мы освободились отъ него. Онъ пропадетъ въ тотъ океанъ всякихъ свиндеровъ и искателей богатствъ и приключеній, сбывается тамъ пономеръ или диггеромъ, шулеромъ или слесовдеромъ, разбогатеетъ ли онъ тамъ, или будетъ повѣшенъ по lynch law—все равно, лишь бы не возвратился. Ничуть не бывало—испядь мой Головинъ черезъ годъ въ томъ же Лондонѣ и встрѣтилъ на улицъ Огарева, который ему не кланялся, подошелъ и спросилъ его: «А что это вамъ не велѣли, что-ли, кланяться?» и ушелъ. Огаревъ нагналъ его и, сказавъ: «Нѣтъ, я по собственному желанію не кланяюсь съ вами»—пошелъ своей дорогой. Само собою разумѣется, это тотчасъ вызвало слѣдующую ноту (письмо къ Огареву):

«Приступая къ изданію *Кнута*, я не ишу быть въ ладу съ моими врагами, но я не хочу, чтобы они думали обо мнѣ всякой вздоръ.

«Въ двухъ словахъ я вамъ скажу, что было у меня съ Герценомъ. Я былъ у него на квартирѣ и просилъ не ссориться. «Не могу, говорить,—не симпатизирую съ вами, давайте полемику вести». Я ее не велъ, но когда онъ отослалъ мнѣ письмо не распечатанное, тогда я его назвалъ нѣмцемъ. Это Брискорнъ, называвшій Долгорукаго нѣмцемъ на смѣхъ солдатамъ. Но Герцену угодно было отвѣчать и рассказать свою исторію, а потомъ разгнѣваться не на себя, а на меня. Но и въ исторіи въ этой ничего не было обиднаго. Допустимъ, что мое поведеніе съ нимъ было дурно, а ваше со мной хорошо, хотя мы и не близнецы, все еще не за что становиться на дыбы, не лезя въ драку.

Янв. 12/57.

Головинъ.

Мы рѣшились безусловно молчать. Нѣтъ досаднѣе наказанія крикунамъ и habeleugh'am, какъ молчаніе, какъ нѣмое, холодное пренебреженіе. Головинъ еще раза два сбавлять опытъ написать къ Огареву колкія и остроумныя записки въ родѣ приложенной второй миссивы, уже совершенно лишенной смысла и смахивающей на дѣйствительное сумашествіе.

«Берлинъ, 20-го августа.

«Я видѣлъ

Бога Цензуры Русской
и не смодлялъ ему.

«Съ Будбергомъ мы грѣшили два часа: онъ рыдалъ, какъ теленокъ,
«Vous voulez la guerre, vous l'aurez.

«Мы были врагами съ Герценомъ—два-три года. Что изъ этого произошло? Польза никому! Хотите онъ стрѣлять? У меня *Стрѣла* готова! Но для пользы общей гораздо лучше подать руку!

Victoria Hotel.

«Вы издаете ваши полныя сочиненія. Пахнутъ ли въ нихъ мертвыми, какъ въ Даніи?»

Ни слова отвѣта.

А, впрочемъ, съ ума сойти было отъ чего. Мало-по-малу всѣ матеріалыя и моральныя средства изсякли. Литературныя аферы, подерживавшія его, креату,—нигдѣ, онъ предпринималъ всякаго рода—полу-свѣтлая и полу-темныя дѣла,—все падало на его голову или валилось изъ его руки. На средства онъ не былъ разборчивъ.

Однимъ добрымъ утромъ—вбродно, не зная, гдѣ бы на чужой счетъ хорошенько пообѣдать—а хорошо обѣдать онъ очень любилъ!—Головинъ написалъ Пальмерстону письмо и предложилъ себя, это было въ концѣ Крымской войны—тайнымъ агентомъ англійскаго правительству, обещая быть очень полезнымъ по прежнимъ связямъ своимъ въ Петербургѣ и по отличному знанію Россіи. Пальмерстону стало гадко, и онъ велѣлъ отвѣчать секретарю, что Вискоунтъ благодаритъ г. Головина за предложеніе—но въ настоящую минуту его услуги не нуждаются. Это письмо въ пакетѣ съ печатью Пальмерстона Головинъ долго носилъ въ карманѣ и *самъ показывалъ его*.

Послѣ смерти Николая онъ помѣстилъ въ какомъ-то журналѣ ругательную статью противъ новой императрицы, подписавъ ее псевдонимомъ, и черезъ день помѣстилъ въ томъ же журналѣ возраженіе за своей подписью. Нашъ пріятель Кауфманъ, редакторъ литографированной корреспонденціи, обличилъ эту подлѣлку, и объ ней прокричали десятки журналовъ. Затѣмъ онъ предложилъ русскому посольству въ Лондонѣ издавать *правительственную* газету. Но и Бруновъ, какъ Пальмерстонъ, еще не чувствовалъ настоятельной потребности въ его услугахъ.

Тогда онъ просто попросилъ амнистію—и тотчасъ получилъ ее, съ условіемъ поступить на службу. Онъ испугался, сталъ торговаться о мѣстѣ служенія, просилъ, чтобы его взяли къ себѣ Суворовъ, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ остзейскихъ провинцій. Суворовъ согласился, Головинъ не поѣхалъ, а написалъ князю Горчакову письмо

о своем свидании; онъ видѣлъ—государь призываетъ его въ свой совѣтъ и что онъ съ рвеніемъ ему блага дѣла совѣтуетъ.

Сны не всегда сбываются, и вмѣсто мѣста въ царской думѣ нашъ послѣдшій шалунъ чуть не попалъ въ исправительный домъ. Встрѣтившись съ какимъ-то коммерческимъ фактотумомъ Стерномъ, Головинъ, безъ гроша денегъ, поднялся на всякія спекуляціи, забывая, что еще въ 1846 имя его было выставлено въ Парижѣ на биржѣ, какъ человѣка, нечисто играющаго. Онъ хотѣлъ надуть Стерна — Стернъ надулъ его, Головинъ прибѣгнуть къ своей методѣ: онъ помѣстилъ въ журналѣхъ статью о Стернѣ, въ которой коснулся его семейной жизни. Стернъ взбѣсился и потребовалъ его къ суду. Головинъ явился растерянный, испуганный къ Соллиситору, онъ боялся тюрьмы, сильною штрафа. Огласки. Соллиситоръ предложилъ ему подписать какой то документъ на мировую, полное отреченіе отъ сказаннаго. Соллиситоръ скрѣпилъ, а Стернъ, выдтографировавши документъ и снабдивши facsimil'емъ, разослалъ ко всѣмъ своимъ и Головинскимъ знакомымъ. Одинъ экземпляръ получить и я.

4 Egremont Place, London

29 May 1857.

«Dear Sir,

Your having commenced an action for Libel against me in respect of certain statements I have made both verbally and in writing reflecting upon your character and you having through the intervention of mutual friends consented to foresore further proceedings therein upon my paying the costs thereof and retracting such statements and also expressing my regret at having made use of them, I thus gladly avail myself of those terms and beg to assure you that if anything that I may have written or said has tended in the most remote degree to injure you I can only say that such was not my intention and that I am very sorry for having adopted the course I did which shall never be repeated by

your's truly

I. Golovin.

E. Stern Esq.

Writness H. Empson, Solicitor. 61 Moorgate Sitter, London.

Затѣмъ—Лондонъ оказался рѣшительно невозможнымъ. Головинъ оставилъ его, увозя съ собой цѣлую портфель незаплаченныхъ счетовъ—портныхъ, сапожниковъ, трактирщиковъ, домохозяевъ... Онъ уѣхалъ въ Германію и вдругъ какъ-то скоростижно женился. Замѣчательное событие это онъ телеграфировалъ въ тотъ же день Императору Александру II.

Года черезъ два, пропизви придане жены, онъ напечаталъ въ фельетонѣ какой-то газеты о несчастіи гениальнаго человѣка, женатаго на простой женщинѣ, которая не можетъ его понимать.

Затѣмъ я не слыхалъ объ немъ больше пяти дѣтъ.

Въ началѣ польскаго возстанія — новый опытъ примириться— «Польскіе и русскіе друзья очень требуютъ, ждуть!» — Я промолчалъ.

БИБЛИОТЕКА
всѣхъ классовъ
39927 7449

... Въ началѣ 1865 я встрѣтилъ въ Парижѣ какого-то спорившаго старика, съ осунувшимся лицомъ, въ поношенной шляпѣ, въ поношенномъ пальто... было вѣтрено и очень холодно... я шель на чтеніе къ А. Дюма... которое тоже было вѣтрено и вло. Старикъ прятался въ воротникъ; прохода онъ, не глядя на меня, пробормоталъ: «Отзовили!»—и пошелъ далѣе. Я приостановился... Головинъ шель прежней тяжелой ступней, не оборачивался, — пошелъ и я. Остановился я затѣмъ, что раза два онъ встрѣчался со мной на лондонскихъ улицахъ, разъ онъ пробормоталъ: «Экой злой!»—другой сказалъ себѣ что то подъ носъ, вѣроятно, обругалъ, но я не слыхалъ, и ко мнѣ онъ не обращался, а начинать съ нимъ уличную исторію мнѣ не хотѣлось. Онъ разказалъ впоследствии Савичу и Савашкевичу, что встрѣтившись—обругалъ меня, а я промолчалъ.

— Что же Головинъ здѣсь дѣлаетъ? — спросилъ я того же болонскаго, о которомъ упомянулъ.

— Плохо ему, онъ сбѣлся брокантеромъ, мѣнялъ, покупаетъ скверныя картины, надуваетъ ими дураковъ, а большей частью самъ свѣтъ надуть... Старѣеть, брѣзжить, пишеть иногда статьи, которыя никто не печатаеть, не можетъ вамъ простить ваши успѣхи... ругаетъ васъ на чѣмъ свѣтъ стоитъ.

... Сношений между нами не было съ тѣхъ поръ. Но черезъ Фодм, когда всего менѣе ждешь—получается письмо... то съ предложеніемъ примириться по просьбѣ какихъ-то полковъ, то съ какой-нибудь бранью. Съ нашей ни слова отвѣта.

Я вздумалъ—какъ ни скучно—записать наши сужденія и для этого развернулъ уцѣлвшія письма его. Въ то время, какъ я взялся за перо и написалъ первыя строки, мнѣ подали письмо руки Головина. Вотъ оно, какъ достойный эпизодъ:

«Александръ Ивановичъ!

«Напоминаю я вамъ о себѣ рѣдко; но разнесся слухъ, что вы умываете себѣ руки» и сходите съ колокольни.

«По моему не берись за лужъ, а ваянись за лужъ, не говори, что дождь.»

«Ваши средства вамъ позволяютъ издавать Колоколь и при потерѣ. Если можно помѣстите письмо, при семь приложеное.

Головинъ».

Г-ну Каткову, Редактору

«Московскихъ Вѣдомостей».

Милостивый Государы

Извините меня если я не знаю васъ ни по имени, ни по отчеству, знаю васъ только за вашу слѣбую ненависть къ Полякамъ, въ которыхъ вы не признаете ни людей, ни Славянъ, знаю также за ваше незнаніе Европейскихъ вопросовъ.

«Мнѣ говорятъ, что въ вашемъ журналѣ была фраза: «Дерптское перо сожалѣеть объ Россіи и упадетъ въ ничтожество», или нѣчто подобное. Я жалѣю Россію, жалѣю опричиство и неурядицу

ея, жалю дворянство, которое принуждено дѣлать фальшивыя ассигнаціи и фальшивыя билеты лотерейныя, такъ что въ настоящую минуту представлено три билета выигравшихъ 100 т. руб. и никто не можетъ отличить, который настоящій, жалю упивающихся крестьянъ, ворующихъ чиновниковъ и священниковъ врущихъ вздоръ; но я знаю, что *на Руси не красно жить*.

Угодно было Его Величеству не велѣть мнѣ прописать въ паспортъ глупый чинъ, добытый мною въ Университетѣ, и я записалъ въ Его формулярный списокъ титулъ *Благонаимѣреннаго*, который ему и остается, такъ что написанное перомъ не вырубается и топоромъ.

Украли у меня отечество за политическую экономію; я вспомнилъ, что я человекъ прежде нежели Русскій и служу человечеству — поприще гораздо большее, нежели служба Государственная, которую мнѣ возлагали въ обязанность.

Въ моихъ глазахъ я не упалъ, а поднялся. Слышалъ я, что, еслибъ прѣхалъ, то заперли бы меня въ домъ умалишенныхъ; но надо было бы выпустить много крови, чтобъ ослабилъ мой мозгъ. — операция извѣстная подъ 53° градусомъ сѣверной широты противъ людей, которымъ есть съ чего сходить.

Имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій

Ив. Головинъ.

Парижъ, февр. 1.66.

А. И. Герценъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Головинъ въ своихъ «Запискахъ» категорически утверждаетъ, что отправился къ Ламорисьеру *по просьбѣ Герцена*. Между тѣмъ, правъ Герценъ, утверждая, что онъ вовсе и не просилъ его.

2. Объ инцидентѣ съ Бакунинимъ я разскажу подробнѣе въ концѣ своей работы.

3. Относительно митинга 1853 года разсказъ Герцена совершенно справедливъ, потому что подтверждается другими. А вотъ какъ разсказываетъ о немъ самъ Головинъ:

«Въ 1853 г. былъ въ Лондонѣ митингъ за Польшу отъ «Централизаци». Было подготовительное засѣданіе, чтобъ условиться, какъ говорить. Ледрю-Ролленъ важно сидѣлъ въ креслахъ; я подошелъ пречутливо спросить объ его здоровьи, зная, что онъ недавно былъ передъ тѣмъ боленъ. Онъ что-то проворчалъ сквозъ зубы.

«Завязались споры. Я сдѣлалъ предложеніе, чтобъ Наполеона оставить въ покоѣ, и спрашиваю Ледрю-Роллена объ его мнѣніи.

— Какъ вы можете меня объ этомъ спрашивать? Развѣ я могу пактизировать съ Наполеономъ?»

— Да, говорить, что онъ дѣлаетъ уступки.

— Это говорятъ французскіе агенты. Господа, я отказываюсь отъ рѣчи.

— Господа, я не останусь въ долгу, и я не буду говорить.

«Я взялъ шляпу и ушелъ. Въ тотъ же день написалъ я Ледрю-Роллену записку, говоря, что мнѣ было бы очень интересно знать, исправляетъ ли онъ обиду съ тою же легкостью, съ которою онъ ихъ наноситъ.

«Приходитъ ко мнѣ Герценъ, говорить, что Ледрю-Ролленъ предлагаетъ повторить передо всѣми, что онъ сказалъ, а слова его объ агентахъ ко мнѣ не относились.

«Въ такомъ случаѣ, если хотите, мы поведемъ къ нему сами.

«Ледрю-Ролленъ насъ принялъ какъ нельзя лучше, и былъ въжливъ, какъ порядочному французу слѣдуетъ быть»¹⁾.

Въ позднѣйшемъ разсказѣ, уже послѣ смерти Герцена, Головинъ представилъ дѣло иначе: «Герценъ такъ подружился со мной въ Лондонѣ, что мы приняли участіе въ приготовленіяхъ къ годовому

¹⁾ «Записки», 144—146.

празднику польской централизованной организации, в которой находились Ледрю-Роллен, Французский экс-министр держал себя так вызывающе, что я вступил с ним в спор и, придя домой, написал ему письмо, которое носило характер вызова. Герценъ пришел ко мнѣ съ предложениемъ сходить къ Ледрю-Роллену, и дѣло кончилось къ взаимному удовольствию¹⁾.

4. Протестъ Головина по поводу выпуска прокламации «Русскому воинству въ Польшѣ» за подписью «Вольная русская община въ Лондонѣ» Герценъ напечаталъ отдѣльнымъ листкомъ въ собственной вольной русской книгопечатнѣ, предпославъ ему слѣдующія слова: «По желанію г. Головина я печатаю немедленно письмо его, полученное мною 26 марта. А. Герценъ».

Герценъ забылъ, что еще раньше онъ далъ Головину понять его непринадлежность къ лондонской русской общинѣ, когда Головинъ вручилъ ему какую-то статейку и просилъ ее напечатать. Герценъ отвѣтилъ, что не считаетъ это возможнымъ, и предложилъ обратиться въ какую-нибудь другую типографію.

Инцидентъ съ своимъ протестомъ Головинъ разсказываетъ тоже невѣрно. Вотъ его показаніе:

«Откуда ни возьмись, вдругъ Русская печатня отъ русскаго вольнаго общества въ Лондонѣ издаетъ воззвание къ русскимъ войскамъ въ Польшѣ не драться. Меня не спрашивали, а полку нашего прибылъ только одинъ Энгельсонъ, который уже и въ мертвыхъ. Я почелъ долгомъ протестовать, и Герценъ издалъ мой протестъ».

— Что же, спрашиваетъ онъ меня,—надо быть полковникомъ, чтобы относиться къ войскамъ?

— Надо проливать не одинъ чернилад, надо не бояться пороха.

«Ссора была неминуема, но я таки попробовалъ ее отклонить, пошелъ къ Герцену и говорю, что ссора, мнѣ кажется, не нужна для общаго дѣла».

— Я къ вамъ не чувствую симпатіи, возражаетъ онъ.

— Тогда бы я чувствовалъ къ вамъ антипатію, которой не ощущаю.

— Я не могу позволить, чтобы иногда меня волили, а иногда не жаловали.

— Вамъ никто не позволитъ выдвигать себя за представителя России. Этому не дѣлалъ и Бакунинъ.

— Будете вести полемику, вѣдь мы же другъ друга звать агентами не будемъ²⁾.

5. О соединенномъ митингѣ всѣхъ эмигрантовъ съ чартистами Головинъ разсказываетъ такъ:

«Полемика я съ нимъ не велъ, но когда мнѣ случилось отписать къ нему объ чемъ то, а онъ воротилъ письмо мое нераспечатанное, тогда я написалъ въ «Морнингъ Адвертейзеръ» по случаю митинга, на которомъ нѣкто г. Таланды имѣлъ представлять Францію, а Герценъ—Росцію, что желательно было бы, чтобы нѣмцы не

представляли Россію въ эмиграціи. На это Герценъ отвѣтилъ, что онъ родился въ Москвѣ и былъ воспитанъ въ Москвѣ; но развѣ у насъ мало остзейцевъ въ томъ же самомъ положеніи? A la guerre comme à la guerre, и съ моей стороны, разумѣется, было это придирака и Герценъ оказалъ мало тактики, разсказавъ свою генеалогію; никто его въ ней упрекать не думалъ. Но замѣсто того, чтобы рассердиться на себя, онъ еще пуще рассердился на меня. «Зачѣмъ, говорилъ я ему, не начинаете вы революціи съ себя и не назоветесь Сердцевымъ или Яковлевымъ?»

Головинъ думалъ, что кололъ Герцена, предлагая ему фамилію Яковлева—его незаконнаго отца, и воображалъ, что очень остроуменъ, когда не разъ въ полемикѣ называлъ Герцена Сердцевымъ, дѣлая этимъ переводъ его фамиліи (Herzen).

6. Переводъ двухъ документовъ, приведенныхъ Герценомъ по англійски.

Русскій изгнанникъ Александръ Герценъ.

Нѣкій квази-демократъ написалъ въ Morning Advertiser на г. Герцена пасквиль, имѣющій цѣлью набросить тѣнь, если это только возможно, на предстоящую демонстрацію въ St. Martin's Hall. Помнитка мальчишеская, ибо предстоящая демонстрація является демонстраціей народовъ и принциповъ и не находится ни въ какой зависимости отъ свойствъ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ личностей. Но во имя справедливости мы обязаны заявить, что утвержденіе смѣхотворной статьи, будто г. Герценъ не русскій и не изгнанникъ, гнусная ложь и что указаніе на принадлежность Герцена къ тому племени, къ которому принадлежатъ Исусъ Навинъ и Иосифъ, дѣлено рѣшительно всякаго основанія. Говоримъ мы это, однако, вовсе не потому, чтобы считали принадлежность къ племени, нѣкогда могущественному и дожившему до нашего времени, менѣ почетной, чѣмъ къ какому бы то ни было другому. Г. Герценъ былъ въ теченіе 5 лѣтъ въ ссылкѣ на Уральскихъ горахъ и вернулся оттуда лишь затѣмъ, чтобы быть изгнаннымъ изъ Россіи, его родной страны.

Г. Герценъ сталъ во главѣ русской демокритической литературы и является самымъ выдающимся изгнанникомъ его страны, а потому и представителемъ милліоновъ ея пролетаріата. Онъ будетъ на демонстраціи въ St. Martin's Hall и будетъ,—мы убѣрены въ томъ,—лицомъ тамъ пріивѣтствуемымъ, что докажетъ всему міру умѣние Англій симпатизировать тѣмъ изъ русскихъ, которые желаютъ бороться съ русскимъ тираномъ.

Издателю Daily News.

М. Г.! Въ одномъ изъ номеровъ Вашего изданія помѣщено письмо, отрицающее за извѣстнымъ русскимъ изгнанникомъ г. Герценомъ не только право на представительство русскою демократіи въ Интернаціональномъ Комитетѣ, но даже право на принадлежность къ русской національности.

Г. Герценъ уже отвѣчалъ на второе обвиненіе. Позвольте намъ отъ имени Интернаціональнаго Комитета присоединить къ отвѣту

¹⁾ «Meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin», Leipzig, 1880.

²⁾ «Зависка», 146—147.

г. Герцена нѣсколько фактовъ касательно обвиненія перваго, фактовъ, сослаться на которые г. Герцену, по всей вѣроятности, не позволила лишь его скромность.

Осужденный, имѣя отъ роду 30 лѣтъ, за заговоръ противъ царскаго деспотизма, г. Герценъ былъ сосланъ на границу Сибири, гдѣ и проживалъ въ качествѣсылнаго въ теченіе 7 лѣтъ.

Аминистированный въ первый разъ, онъ очень скоро сумѣлъ заслужить и вторую ссылку.

Въ то же самое время его политическіе памфлеты, философскія статьи и беллетристическія произведенія доставили ему одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ русской литературѣ.

Чтобы показать, какое мѣсто принадлежитъ г. Герцену въ политической и литературной жизни его родины, мы не можемъ сдѣлать ничего другаго, какъ сослаться на статью, напечатанную въ «Атенееумѣ», журналъ, который никто не заподозритъ въ пристрастіи.

Прибывши въ Европу въ 1847 г., г. Герценъ занялъ видное мѣсто въ ряду тѣхъ выдающихся людей, имена которыхъ тѣсно связаны съ революціоннымъ движеніемъ 1848 г. Затѣмъ онъ основалъ въ Лондонѣ первое свободное русское изданіе, цѣлью котораго стада смертельная и многополезная война противъ царя Николая и русскаго деспотизма.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, задавшіея цѣлью объединенія всей демократіи въ общемъ проявленіи ея дѣятельности, мы и не надѣялись, да и не ждали найти ни въ Англии, ни во всей Европѣ болѣе достойнаго и болѣе истиннаго представителя революціонной партіи въ Россіи, чѣмъ г. Герцена.

Съ почтеніемъ

Подпись:

Предсѣд. Интерн. К-та (имя не поставлено).

Секретариатъ

Робертъ Чалмэнъ.

Конрадъ Домбровскій.

Альфредъ Таландье.

7. О встрѣчѣ съ Огаревымъ находимъ въ «Запискахъ» Головина слѣдующій рассказъ.

«По возвращеніи моемъ въ Лондонъ я встрѣтилъ г. Огарева, съ которымъ я нѣкоторое время былъ на пріятельской ногѣ въ Парижѣ и который пріѣхалъ къ шапошному разбору эмиграціи (все это сущій вздоръ—*М. Л.*). Онъ притворился, какъ будто меня не знаетъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ: «Когда я повдорилъ съ Николаемъ Павловичемъ, то его адъютанты перестали мнѣ кланяться, и это казалось мнѣ странно; но когда я поссорился съ Герценомъ, то учителя его дѣтей также перестали мнѣ кланяться; но что всего кажется страннѣе это то, что онъ самъ вамъ, видно, приказалъ меня не узнавать и со мной не говорить». Повернувшись къ нему, я было продолжалъ свой путь, но онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Головинъ, это не изъ за того, а за то, что вы поступили дурно съ Герценомъ.

— Онъ вамъ такъ разсказалъ, а такъ какъ вы ему должны сто тысячъ, то вы и повѣрили.

«Поэтъ нашъ остолбѣлъ передъ такимъ фактомъ, точно онъ крѣпостной Герцена и долженъ дуться на кого баринъ гнѣвается».

8. Переводъ письма Головина на стр. 16-я:

Милостивый Государь!

«Такъ какъ Вы возбудили противъ меня дѣло о клеветѣ по поводу нѣкоторыхъ моихъ устныхъ и письменныхъ заявленій, бросающихъ тѣнь на Вашъ характеръ, и такъ какъ Вы при посредничествѣ общихъ друзей согласились прекратить это дѣло въ томъ случаѣ, если я заплачу судебныя издержки и откажусь отъ упомянутыхъ заявленій, а также выражу сожалѣніе, что сдѣлалъ ихъ,—то я съ радостью принимаю эти условія и прошу Васъ вѣрить, что если что-либо изъ сказаннаго или написаннаго мною хотя бы въ малѣйшей степени повредило Вамъ, я не имѣлъ такого намѣренія и крайне сожалею о томъ, что сдѣлалъ и чего болѣе никогда не повторить»

Вашъ покорный слуга

П. Головинъ.

9. Головинъ и самъ сознается, что, встрѣтивъ Герцена въ 1865 г., сказалъ ему вслѣдъ: «отзвонилъ да и съ колокольни долой». При этомъ будто бы Герценъ такъ былъ смущенъ, что не нашелся отвѣтить.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ принести мою искреннюю благодарность какъ М. О. Гершензону, такъ и наследникамъ А. А. Герцена.

М. Л.

Эмигрантъ Иванъ Головинъ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Въ славномъ ряду русскихъ эмигрантовъ стараго времени есть одна фигура до того непохожая на всѣ другія, до того уродливая, до того, можно сказать, отрицательно выдающаяся, что съ ней нельзя не познакомиться всѣхъ, интересующихся русскими эмигрантами вообще. Это тотъ самый Иванъ Гавриловичъ Головинъ, который такъ блестяще охарактеризованъ въ только что всѣми прочтенной статьѣ Герцена. Уже изъ нея читатель видитъ, кѣмъ былъ мѣтко прозванный великимъ публицистомъ «Хлестаковъ». Любопытно, что ко всему сказанному Герценомъ присоединяютъ голоса и многихъ другихъ, знавшихъ Головина, несмотря на громадную ихъ разницу въ темпераментахъ, характерахъ и наблюдательности. Такъ, напримѣръ, сухой, холодный оппортунистъ П. В. Анненковъ такъ отзывался о Головинѣ: «Я, кажется, и не встрѣчалъ на вѣку моею писателя, менѣе заслуживающаго вниманія, какъ этотъ Головинъ, въ одно время игравшій на биржѣ и въ оппозицію, пробиравшійся въ жокей-клубъ, въ міръ лоретокъ, и въ демократическія консилибулы—наглый и ребячески-трусливый, но онъ остался въ Парижѣ, несмотря на вывозъ, и сдѣлался прежде всего русскимъ «политическимъ» эмигрантомъ, и при томъ изъ особеннаго начала,—изъ страха: ему мерещились всевозможные ужасы, которые по отношенію къ нему просто были немалыми»¹⁾.

Не иначе относились къ Головину и лица, стоявшія во главѣ правительства, русскаго и другихъ. Его умственное и нравственное убожество сразу и рѣзко бросалось въ глаза всякому, даже самому посредственному бюрократу.

Въ моемъ распоряженіи находятся копии съ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ архива III Отдѣленія Собственной Его Величества канцелярїи и министерства народнаго просвѣщенія. Онѣ даютъ возможность хорошо детализировать блестящій герценовскій набросокъ и такимъ образомъ познакомиться читателя съ весьма оригинальной фигурой.

Головинъ родился въ 1816 году и, такимъ образомъ, былъ на четыре года моложе Герцена. Родина его—сельцо Архангельское, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи. На второмъ мѣсяцѣ онъ остался безъ отца, съ матерью и шестью братьями. Онъ самъ сознается, что «росъ однимъ и потому вышелъ какимъ-то медвѣдемъ». Семь лѣтъ его отдали въ Петербургъ, въ частный пансіонъ Курманда, гдѣ уже учился братъ Михаилъ. Оттуда вскорѣ Головина перевели въ пансіонъ Журдана, гдѣ онъ пробылъ пять лѣтъ. Затѣмъ надо было рѣшить, что дѣлать съ юношей дальше. Братья не нашли для этого лучшаго совѣтника, какъ пресловутаго Николая Ивановича Греча, а этотъ послѣдній направилъ ихъ къ извѣстному всѣмъ Баддею Венедиктовичу Булгарину. Такимъ образомъ, сама судьба связала имя Головина съ этими двумя «почетными» именами... Булгаринъ совѣтовалъ отправить Головина въ свой собственный пансіонъ въ Дерптъ... Вскорѣ, по неизвѣстной причинѣ, Головинъ перешелъ въ пансіонъ Эриксона. Затѣмъ 16 лѣтъ онъ поступилъ на дипломатическое отдѣленіе дерптскаго университета. Тамъ Головинъ сдѣлался типичнымъ буршею, дрался на дуэляхъ, пьянствовалъ, развратничалъ и ничѣмъ серьезнымъ не занимался. Въ 1835 году онъ взялъ заграничный паспортъ и поѣхалъ въ Германію, чтобы въ Берлинѣ записаться на лекціи Ранке, Риттера, Ганса, Раумера и другихъ извѣстныхъ ученыхъ. Въ мартѣ 1837 г. онъ вернулся въ Петербургъ кандидатомъ, получивъ эту степень въ Дерптѣ. Врядъ ли есть основаніе вѣрить хвастливому утвержденію Головина, что онъ былъ первымъ русскимъ, получившимъ эту степень въ Дерптѣ¹⁾.

Лѣтомъ 1838 года Головинъ отправился въ Швецію; путешествіе это было описано имъ въ книгѣ «Поѣздка въ Швецію въ 1839 году», изданной въ Петербургѣ въ 1840 г.

Книжка, всего въ 100 страницъ, написана очень жидко и блѣдно, не даетъ ровно ничего для знакомства съ страной, въ которой авторъ, не понимая языка, пробылъ три мѣсяца.

Издавъ «Поѣздку», Головинъ отправился въ Дерптъ, чтобы получить тамъ магистерскій дипломъ. Онъ написалъ диссертацию по политической экономіи, напечатанную спустя два года въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ «Vom Wesen des Geldes» подъ псевдонимомъ «Russischen Schriftstellers», но, въ силу какихъ то непонятныхъ обстоятельствъ, не получилъ желаемой степени. По всей вѣроятности, просто потому, что совершенно не былъ къ ней готовъ.

Вернувшись въ Петербургъ, Головинъ рѣшилъ поступить на государственную службу, безъ которой при Николаѣ I въ Россіи не могъ жить никто, если не обладалъ громадными средствами и не желалъ никакого общественнаго положенія. Онъ представился министру ино-

¹⁾ «Воспоминанія и критическіе очерки», стр. 155. При жизни Головина Анненковъ не назвалъ его полнымъ именемъ.

¹⁾ Пола всѣ біографическія свѣдѣнія и заимствованы изъ собственныхъ «Записокъ» Головина, изданныхъ имъ въ 1869 г. въ Лейпцигѣ, дѣлая, разумеется, соотвѣствующія исправленія.

странных дѣл, Нессельроде, и былъ опредѣленъ во французское отдѣленіе...

Курьезно, что лишенный какого бы то ни было политическаго образа мыслей, совершенно равнодушный къ скрывавшему Россію капральскому самовластью, Головинъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ своихъ «Записокъ»: «Я очутился на разводѣ. Принцъ Павелъ Дармштадтскій казался такимъ маленькимъ воздѣ государя. Драгунскій ординарецъ упалъ съ лошадыю. Государь вскрикнулъ: «встанъ и садись!» Это былъ голосъ, выходящій изъ-подъ земли. Какой чудесный Бертрагъ. Я ушелъ подальше отъ этихъ сценъ, достойныхъ Данте. Другой разъ я всмотрѣлся пристально въ государя въ дворянскомъ собраніи и сказалъ себѣ: «мы съ тобой недолго будемъ друзьями»... Разумѣется все это приписано къ дѣйствительности, чтобы подготовить въ глазахъ читателя почву для «политической» эмиграціи...

На службѣ Головина погубилъ его плохой почеркъ. Когда онъ сталъ хлопотать о повышеніи, Нессельроде отвѣтилъ: «я согласенъ дать Головину лучшее мѣсто, но съ условіемъ, чтобы онъ бралъ уроки каллиграфіи въ теченіе шести недѣль»... Головинъ рѣшилъ подать въ отставку. Въ «Запискахъ» по этому поводу находимъ разсказъ о тридцати тысячахъ курьеровъ... «Но я былъ рожденъ писателемъ, а не писаремъ и никогда не сожалѣлъ, что простился съ карьерой, гдѣ требуется столько же лакейства, сколько чванства, а всего болѣе обмана».

Съ чиномъ коллежскаго секретаря Головинъ остался безъ всякихъ занятій, ровно ни къ чему не способный, прослуживъ ровно 11 мѣсяцевъ.

Тогда онъ снова отправился путешествовать по Европѣ, надѣясь найти что-нибудь для прокормленія.

II.

Осенью 1842 г. Головинъ рѣшилъ напечатать по-французски свою только что законченную книгу «Духъ политической экономіи» («Der Geist der politischen Oekonomie», придавая ей очень большое научное значеніе, котораго она, разумѣется, не имѣла. Для личной безопасности онъ обратился къ Якову Толстому, который, какъ я уже сообщалъ въ статьѣ о Долгоруковѣ¹⁾, состоялъ заграничными глазами и ушами III Отдѣленія. Отвѣтъ оберъ-патріота Головинъ передаетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Мнѣ во время оно было препоручено снести съ Демидовымъ по случаю статей, которыя онъ писалъ въ «Journal des Débats», и пригласить его прекратить такого рода публикаціи²⁾. Если ваша книга будетъ противъ Россіи, васъ станутъ преслѣдовать; коли ни то, ни се—будутъ смортѣть сквозь пальцы, а если она будетъ въ пользу Россіи—то васъ могутъ и наградить. На вопросъ

Головина, можетъ ли онъ считать эту отвѣтъ достаточно официальнымъ, Толстой отвѣтилъ: «Вы можете принять мои слова за официальныя³⁾».

Видя, что родственникъ генераль-адъютанта Чернышева—Глинка издалъ въ Парижѣ «Философію права» и не только не былъ подвергнутъ репрессіямъ, но даже пользовался вниманіемъ, и придавая значеніе словамъ Толстого, Головинъ принялся за печатаніе своей книги. Между тѣмъ въ Петербургѣ уже летѣлъ доносъ.

22-го января 1843 г. Толстой писалъ Бенкендорфу по-французски⁴⁾: «Одинъ русскій, Головинъ, готовится издать книгу по политической экономіи. Отрывки изъ нея онъ читалъ уже нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ одному литератору, лично мнѣ извѣстному, и тотъ увѣрялъ меня, что это произведеніе заключаетъ въ себѣ доктрины, подрывающія наши государственныя устои. Онъ даже привелъ мнѣ одну фразу приблизительно такого содержанія: «государи неспособны сдѣлать никакой уступки въ интересахъ своихъ подданныхъ, если она стоитъ имъ хоть малѣйшей жертвы, и, наоборотъ—охотно жертвуютъ благосостояніемъ тысячъ своихъ подданныхъ, ради удовлетворенія своихъ страстей и капризовъ». Этого отрывка доказывать, что трупъ, который собирается издать Головинъ, въ ненадлежащемъ духѣ»...

Шефъ жанаривовъ немедленно доложилъ о подозрительномъ «ученомъ» государю и получилъ повелѣніе поручить повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ объявить лично Головину, чтобы немедленно возвращался въ Россію, иначе же съ нимъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Грозное приказаніе было исполнено точно. Головинъ трусливо заявилъ, что радъ бы исполнить волю царя, но не можетъ этого сдѣлать по нездоровью. На другой день онъ письменно сообщилъ то же самое, прибавивъ, что какъ только можно будетъ двинуться вмѣсто вредной ему кареты на пароходъ, такъ онъ сейчасъ же вернется въ дорогое отечество.

Рѣшено было ограничить этимъ обѣщаніемъ и ждать.

Головинъ, однако, зондировалъ обстоятельства и съ этой цѣлью въ августѣ (1845 г.) написалъ Бенкендорфу, что мѣсяца два тому назадъ послалъ въ Петербургъ брату Федору два экземпляра своего послѣдняго сочиненія, прося одинъ вручить ему, а другой поднести государю; что видя неисполненіе своего порученія, проситъ Бенкендорфа затребовать книги и очень сожалѣетъ, что, благодаря застоявшейся болѣзни, все еще не можетъ воспользоваться услугами навигаціи.

Дубельтъ запросилъ конногвардейскаго ротмистра Федора Головина, почему онъ не представилъ книгъ по назначенію. Тотъ отвѣтилъ, что никакихъ книгъ не получалъ, а что касается брата Ивана, то можетъ сообщить, что онъ въ настоящее время пользуется минеральными водами въ Пиринейскихъ горахъ и по выздоровленіи вернется.

¹⁾ «Бладе» 1807 г., II.

²⁾ Въздѣ идетъ о сочиненіи Анатолія Демидова—«Lettres sur la Russie», напечатанномъ сначала въ упоминаемъ журналѣ въ 1838—1839 гг., а потомъ изданномъ въ Парижѣ въ 1840 г.

³⁾ «Записка», стр. 78—79.

⁴⁾ Привожу глубокую благодарность за переводъ бурж. Э. Н. Журавской.

⁵⁾ Архивъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, 1843 г., I вѣстекъ, № 50, ч. I-а.

Последнее сочинение, два экземпляра которого Головинь послал брату Федору для передачи Бенкендорфу и государю, было написано нахмурь, съ целью задобрить русское правительство, недовольное «Духомъ политической экономіи». Озаглавленное «Discours sur Pierre le Grand. Refutati on du livre de M. de Custine: «La Russie en 1839» (Paris, 1843)—оно было расчитано на смягченіе Николая, который, какъ было известно уже тогда всѣмъ его знавшимъ, очень высоко ставилъ Петра I,—разумѣется, не за его реформаторскую дѣятельность, а за тѣ неудержимые деспотизмъ и произволъ, съ которыми проводились всѣ реформы—и полезная и вредная для государства. То, что книга отъначала на сочиненіе Кюстина, такъ вѣзбѣсивше Николая, должно было, по мнѣнію Головина, достигъ еще большихъ результатовъ въ видѣ награды, о которой ему говорилъ Яковъ Толстой... Надежды не оправдались, книга не дошла по назначенію.

Дубельтъ просилъ ротмистра написать брату, что если онъ немедленно не исполнитъ высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ Россію, то подвергнетъ себя весьма строгой ответственности. Но письмо не было доставлено по назначенію, потому что за нѣсколько дней до этого Федоръ Головинь уѣхалъ за-границу. Тогда 1 сентября было написано министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ немедленно узналъ о мѣстѣ жительства Головина въ Пириняхъ и передалъ ему прилагаемый пакетъ. Въ послѣднемъ заключалось предписаніе вернуться въ Россію въ самомъ непродолжительномъ времени.

Пока шла вся эта переписка, Головиню было сообщено разными путями нѣсколько фактовъ, побудившихъ его собраться и ѣхать въ Россію. Такъ ему рассказали, что государь, увидавъ брата Федора, сказалъ ему: «Я все знаю, напиши брату, что ему бояться нечего, но что воротиться надо». На самомъ же дѣлѣ государь, проходя мимо Головина, спросилъ его только: «Что у тебя за братъ въ Парижѣ?» Но истина стала извѣстна лишь спустя нѣкоторое время. Въ бесѣдѣ съ конногвардейцемъ Бенкендорфомъ будто бы сказалъ ему: «Коди вашъ братъ добръ, то напишите ему, что я его буду защищать, и что по слушанію будетъ ему зачтено». Вернувшійся изъ Петербурга племянникъ Бенкендорфа сказалъ Головиню въ Парижѣ, что говорилъ о немъ съ Дубельтоиъ и на вопросъ, можетъ ли онъ дать ему честное слово, что онъ не подвергнется въ Россіи несправедливостямъ, получить въ отвѣтъ, что разборъ его книги не далъ противъ него никакихъ обвиненій. Онъ же увѣрилъ Головина, что его карьера въ Россіи уже обезпечена, особенно благодаря Гумбольдту, писавшему Николаю I, что книга молодого экономиста хороша и не заслуживаетъ преслѣдованія...

Головинь укладывался, какъ вдругъ ему вручаютъ письмо, о которомъ я сказалъ выше. Хлестаковъ былъ испуганъ. Кстати онъ узналъ отъ книгопродавцевъ, что на родинѣ его книга запрещена, несмотря на французскій текстъ. Еще черезъ нѣсколько дней Яковъ Толстой, желая приклиниться его защитникомъ, сообщилъ, что получилъ отъ Бенкендорфа выговоръ за «защиту» его книги... Головинь рѣшаетъ не исполнитъ высочайшаго повелѣнія и пишетъ Бенкендорфу французское письмо отъ 24 ноября (1843 г.):

Графъ,

«Что мнѣ отвѣтить вамъ на письмо, которое вы сдѣлали честь адресовать ко мнѣ отъ 1 сентября и переданное мнѣ только третьяго дня? Если я стану говорить о своей нуждѣ и своихъ догадкахъ, которые удерживаютъ меня здѣсь и которые я не могу заплатить, то заранее предвижу вашъ отвѣтъ: вы не хотите слышать никакихъ возраженій. Мои болѣзнь, мое леченіе вызнать въ васъ только неудовольствіе, которое конечно, не успокаиваетъ меня относительно будущаго, ожидающаго меня по возвращеніи. Моги ли я говорить о невинности, благодаря которой ко мнѣ адресовалъ вышло на родину? Вы убѣждаетъ въ ней не меньше меня. И равнѣ я не могу видѣть въ вашихъ словахъ, что противъ меня нѣтъ узликъ и дѣло кончится безъ послѣдней разрѣшенія ѣхать куда вздумается. Надо ли мнѣ заявлять о преданности своему государю. Исторія на лицо: она свѣдаетъ, что мы служимъ трону, какъ никто, и не я первый составилъ исключеніе изъ этого правила. Свободой педать я пользовался только для того, чтобы упрочитъ славу нашего повелѣтца. Легко служить ему въ благоденствіи, но въ бѣдѣ труднее. Если бы я попросилъ субвенціи, вы истокончили бы это въ другую сторону, а между тѣмъ и меня вѣтъ другого достоинствъ, кромѣ моего пера. Мои преступленія суть мой умъ, мои болѣзнь и моя нищета. А вы въ возмъщеніи не хотите предоставить мнѣ право свободного передвиженія, которымъ пользуется послѣдній изъ подданныхъ. Поэтому, графъ, мнѣ остается только завѣрять васъ въ моемъ почтеніи и положиться на милосердіе и справедливость моего государя».

Бенкендорфъ былъ боленъ, письмо получилъ Дубельтъ. Очень любопытна резолюція положенная имъ для канцелярій, которой предстояло написать отвѣтъ вполне ей соответствовавшій. Вотъ она: «Остановливаюсь еще докладомъ, но Государь спроситъ—и тогда худо. Теперь самъ сдѣлается виноватъ, что не хочетъ отвѣ, ибо онъ дѣлается виноватъ. Никто не говоритъ, что мы виноваты, а теперь по добротѣ души подождемъ въ Россіи; что касается до вашего ума, то правительство знаетъ, кому давать деньги»... Официальный отвѣтъ однако, не содержалъ всего этого. Тамъ было написано, что правительство и не обвиняло Головина въ какомъ бы то ни было преступленіи, но что не исполняя его волю, онъ уже дѣлается виновнымъ; что по добротѣ души Бенкендорфъ удерживался и удерживается еще отъ всеподданнѣйшаго доклада, а если государь спроситъ, то разумѣется, расскажетъ все подробно; поэтому предлагалось, но уже въ послѣдній разъ—немедленно вернуться, несмотря ни на какія личныя обстоятельства.

Головинь отвѣчалъ Бенкендорфу 3 января 1844 г.:

«Ваше сіятельство!

«Въ письмѣ Вашемъ отъ 25 ноября Вы сознаетесь въ моей невинности и говорите о добротѣ души вашей. Я никогда не сомнѣвался въ первой, вторую же не могу усмотрѣть изъ письма вашего. Доброта души и справедливость требуютъ вознагражденія невинно преслѣдованныхъ, а не продолженія преслѣдованій. Въ дополненіе Вы изволите мнѣ объявлять, что за замедленіе мое въ возвратѣ будетъ

поступлено со мною, как за преступление, со всею строгостью закононов. Трудно, графъ, приказывать и отнимать вмѣстѣ возможность къ послушанію, лучше этого.

«Въ чувствѣ правоты моего дѣла я возлагаю мои надежды на правосудіе Государя Императора и прошу Ваше Сіятельство не замедлить долѣе докладомъ вашимъ о причинахъ, лишующихъ меня средствъ къ скорому возвращенію, изложенныхъ мною въ письмахъ отъ 15—(3) августа изъ Парижа и отъ 24—(12) ноября изъ Парижа, и состоящихъ въ разстроенномъ положеніи моего здоровья и моего состоянія.

«Съ чувствомъ искренней преданности имѣю честь быть Ваше Сіятельство! покорный слуга

Иванъ Головинъ.»

Бенкендорфъ все медлил, однако, и вновь просилъ министра иностранныхъ дѣлъ сдѣлать представление Головину о немедленномъ возвращеніи въ Россію. Одновременно Дубельтъ написалъ самому Головину, что шефъ жандармовъ еще откладываетъ свой докладъ на четыре недѣли...

Получивъ предписаніе изъ посольства, Головинъ отвѣтилъ французскимъ письмомъ на имя Нессельроде (22 февраля 1844 г.): «Графъ, я думалъ что въ своихъ письмахъ отъ 15 августа, 24 ноября 1843 г. и 3 января 1844 г. я высказалъ достаточно категорически на счетъ моего возвращенія въ Россію. Но такъ какъ ваше сіятельство удостоиваете вѣщаться въ эту мѣру высшей полиціи, то я считаю долгомъ признаться вамъ, что покинувъ службу и родину, чтобы брать уроки каллиграфіи, согласно вашему предписанію. Протекціи у меня не было и вамъ, конечно, незачѣмъ было помнить, что первый русскій министръ иностранныхъ дѣлъ носилъ одинаковое со мною имя¹⁾. Надѣюсь, что вы не воспользуетесь всею вашей властью, чтобы заставить заговорить, что Бенкендорфы и Нессельроды довели Головина до роли изгнанника».

Одновременно Головинъ писалъ и Дубельту: «Ваше Превосходительство, Милостивый государь, Леоній Васильевичъ! Предписаніе г. генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа отъ 8 января ст. стили имѣть я честь получить изъ рукъ посольства 8 февраля того же стили, ровно по истеченіи мѣсячного срока, назначеннаго мнѣ на возвращеніе. Наканунѣ же сообщено мнѣ было предписаніе гр. Нессельроде совершенно другого содержанія, на которое я имѣлъ честь ему отвѣтить. А по сему предлагаю Вашему Превосходительству испросить у г. вице-канцлера сообщеніе моего къ нему письма».

Возмущенный Нессельроде отправилъ это письмо Бенкендорфу, тотъ доложилъ государю и получилъ приказаніе: «объявить Головину, что объ его поступкѣ сдѣлано законное распоряженіе, о послѣдствіяхъ коего онъ своевременно узнаетъ»... Кромѣ такой загадочной

¹⁾ Слабостью моего Хвостова была собственная геральдика. Пронесшая отъ Головина, названнаго въ письмахъ въ 1867 г., онъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ указывается на графа Ф. А. Головина, перваго министра Петра Великаго, на князя Хорву, какъ геральдическаго графа Головинскаго.

резолуціи, Бенкендорфъ сообщилъ министру юстиціи, Панину, чтобы съ Головинимъ было поступлено по всей строгости закононовъ.

Такимъ образомъ дѣло переходило въ судъ.

Между тѣмъ, надежда на свиданіе съ Головинимъ въ казематѣ Петропавловки все еще не оставляла русскую жандармерию. Увидѣвъ брата его, Бенкендорфъ сказалъ ему: «Напишите вашему брату, что государь привыкъ, чтобы его слушались, и не любить, чтобы съ нимъ шутили, что достаточно одного его слова, чтобы онъ получилъ приказаніе отъ Луи Филиппа выѣхать изъ Франціи въ 24 часа.» Получивъ такое извѣщеніе, Головинъ отправился въ французское министерство внутреннихъ дѣлъ и спросилъ, можетъ ли онъ считать себя подъ защитой наполеоновскаго правительства? Его увѣрили, что одно слово Николая еще далеко недостаточно, и что они не склонны заниматься пустяками. ²⁾

Въ концѣ октября 1844 г. въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, печатавшихся въ III Отдѣленіи, прочли то, что прозвали своевременно въ «Revue de Paris», а именно, что въ скоромъ времени въ Парижѣ появится новый журналъ, который будетъ заниматься исключительно внѣшней политикой Европы и Россіи. Въ числѣ редакторовъ называли Головина, Гервега и Фазіи, при чемъ первый должень былъ редактировать русскій отдѣлъ, второй—германскій, третій—швейцарскій. Какъ только прочли эту замятку, такъ сейчасъ же стали наводить справки путемъ безчисленныхъ агентовъ, охранявшихъ чѣлсто и спокойствіе николаевской державы. Оказалось, что якобы въ Москвѣ и Петербургѣ собираютъ уже матеріалъ для этого журнала, и что занимается этимъ, главнымъ образомъ, нѣкій Золотаревъ, сынъ бывшаго биржевого маклера, окончившій дерптскій университетъ и жившій четыре года въ Парижѣ въ большой дружбѣ съ Головинимъ. Тогда московскимъ жандармамъ было предисано провѣрить это сообщеніе и обо всемъ донести. Изъ Москвы сообщили, что Иванъ Федоровичъ Золотаревъ дѣйствительно жилъ тамъ по приѣздѣ изъ-за границы, но что вскорѣ поступилъ къ новороссійскому и бессарабскому военному генералъ-губернатору графу Воронцову; кромѣ того, онъ аттестовывался, какъ человекъ вполнѣ благонамѣренный. Новый шефъ жандармовъ, графъ Орловъ просилъ Воронцова послѣдить за его подчиненнымъ. Воронцовъ рѣшилъ поступить проще и прямо высказалъ Золотареву падавшія на него подозрѣнія. Золотаревъ отрекся отъ всякихъ сношеній съ Головинимъ съ момента его выѣзда изъ Россіи.

Въ іюль 1844 г. Орловъ просилъ Панина ускорить дѣло въ судѣ. Панинъ принялъ мѣры, и 21 іюля оно уже было въ сенатѣ, 26-го докладывалось, а потомъ сразу взялся за составленіе опредѣленія. За тѣмъ опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ и мнѣніемъ послѣднего было положено: «лишивъ Головина чиновъ и дворянства, сослать его, въ случаѣ, яки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу, а имѣніе его, ежели какое окажется гдѣ-либо собственнѣ ему принадлежащимъ, взять, на основаніи законовъ, въ секвестръ». 12 декабря предѣленіе это было утверждено Николаемъ I.

²⁾ «Записки», 80-86.

Такимъ образомъ съ этого времени Головинъ вступилъ въ число государственныхъ преступниковъ—эмигрантовъ.

III.

Головину очень хотѣлось отвѣтить Николаю и его правительству. Онъ жаждалъ мнѣнія и въ удовлетвореніе его написалъ книженку «La Russie sous Nicolas I» (Paris, 1845). Работа эта до того незначительна по своему содержанию, до того блѣдна по языку и краскамъ, что когда услужливый Яковъ Толстой предложилъ Бенкендорфу написать немедленно возраженіе, какъ онъ это дѣлалъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, Бенкендорфу не счелъ нужнымъ тратить деньги и приказалъ пренебречь... Горше этой обиды, разумѣется, ничего быть не могло. Воспользовавшись смертью поэта Баратынскаго, Головинъ написалъ въ «Journal des Débats» статью, смыслъ которой былъ хотя и совершенно справедливъ, но не въ отношеніи самого автора, какъ онъ старался это показать: страданіе—участь способныхъ людей въ Россіи.

Курьезно, какъ описываетъ самъ Головинъ встрѣчу своей «необыкновенной легкости въ мысляхъ»...

«Въ маѣ 1845 г. вышла «Россія подъ Николаемъ». Кюстинъ побѣждалъ съ нею въ «Débats», говоря: «Вотъ русскій, который меня оправдываетъ во всемъ». Женуль писалъ: «Вы не любите жужжаніе мухи вотъ вамъ кулакъ по лбу». «Journal de Commerce» говорилъ: «Мы любимъ стрѣлка, который надписалъ на своей стрѣлѣ: въ праный глазъ короля Филиппа. Книга передъ нами бьетъ Николая въ сердце». «Revue Indépendante» писала: «Мы не скроемъ нашей симпатіи къ автору». «Cosaire - Satan» говорилъ: «Надо, чтобъ авторъ много перенесъ въ Россіи, чтобы адресовать противъ нея такой протестъ Европѣ». Г...й сказалъ: «Черезъ пятьдесятъ лѣтъ русскіе оцѣнятъ эту книгу». Грець сказалъ: «Что не выдуманно, то переврано,» а Шатобрианъ: — «Cette préface est touchée de main de maître.» Киселевъ пробовалъ распустить слухъ, что я у него просилъ мѣсто — вѣрно швейцара посольства. Книгу мою перевели на шведскій и на испанскій, на венгерскій и на греческій языки.»¹⁾

Надо ли говорить о томъ, какъ не только тогда, но еще и теперь происходитъ за границею выборъ литературы о Россіи для переводовъ? Фигура Николая была тогда такъ антипатична многимъ въ Европѣ, что они пользовались всякимъ случаемъ для пропаганды ненависти къ русскому правительству. Слошь да рядомъ никому не было дѣла до достоинствъ книги, была бы она написана хлестко и съ кое какими фактами, неизвѣстными широкому европейскому обществу... Кромѣ того, неизвѣстно, не приложилъ ли самъ Головинъ, драпировавшійся въ торжественную тогу политическаго эмигранта, руку къ этимъ переводамъ...

N. V. Tolstoy

¹⁾ «Zawieski» 90—91. Дѣйствительно, вотъ еще другія изданія той же книги: „Russland unter Nicolas dem Ersten“ Leipzig, 1845 и 1846, „Russia under the Autocrat Nicholas the First“, London, 1846, „Rusland under Kejsar Nicolas den I-te.“ Stockholm, 1846.

Далѣ Головинъ разсказываетъ, какъ Николай, будучи въ Прагѣ, послалъ своего адъютанта купить его книгу и, запершись въ вагонѣ, четыре часа, до Вѣны, читалъ ее не отрываясь... Можно утверждать, что царь не сдѣлалъ Головину этого удовольствія, потому что былъ въ Прагѣ ровно за годъ до выхода ея въ свѣтъ...

Не понимая истиннаго значенія своей книги, трусливый Головинъ спѣшилъ гарантировать себя отъ поползованій петербургскаго правительства и для этого рѣшилъ принять французское подданство. Французскій министръ юстиціи отказалъ въ этомъ, не видя разрѣшенія Николая.

Въ это время Головинъ получилъ отъ братьевъ въ окончательный раздѣлъ ихъ наслѣдства около 40.000 франковъ. Игрокъ по натурѣ, онъ не могъ удержаться отъ покупки железнодорожныхъ акцій, въ теченіе нѣсколькихъ дней потерялъ половину присланнаго капитала, а такъ какъ изъ другой половины вынужденъ былъ быть съвыми угрозами заплатить свои долги, то и остался снова почти безъ ничего.

Надо было добывать на пропитаніе. Къ услугамъ его оказалась газета «Corsaire-Satan», предложившая Головину вести русскій отдѣлъ. Разузнется, замѣтки Головина не отличались ни правдивостію, ни содержаніемъ, и могли смѣшить (и то по словамъ самого Головина) только Луи-Филиппа, всегда, какъ извѣстно, искавшаго повода публично посмѣяться надъ Николаемъ, такъ оскорбительно отнесшимся къ его воцаренію послѣ июльской революціи 1830 года...

Однако, вопросъ о натурализаціи все больше и больше беспокоилъ Головина. Онъ рѣшилъ попытаться счастья въ Англии, и дѣломъ 1846 г. отправился туда вмѣстѣ съ пріятелемъ Герцена—Сазоновымъ. Тамъ онъ обратился къ лорду Стюарту, члену торрійской оппозиціи въ парламентъ, совершившему въ 1837 г. путешествіе по Россіи и Востоку. Лордъ въ шесть недѣль натурализовалъ Головина въ качествѣ англичанина. Головинъ разсказываетъ, что «Siecle» воспользовался этимъ случаемъ для укора своему правительству, а графъ Нессельроде, прочитавъ статью, отмѣтилъ ее и послалъ къ государю; что английскому правительству былъ сдѣланъ выговоръ... Разузнется, все это вздоръ, потому что иначе въ дѣлѣ архива остался бы слѣдъ отъ всего разсказаннаго. Больше—натурализація Головина осталась совершенно неизвѣстной русскому правительству, и оно узнало о ней гораздо позже и при томъ отъ самого Головина.

Затѣмъ Головинъ вернулся въ Парижъ и продолжалъ тамъ жизнь игрока, кутилы на чужой счетъ и бульварнаго «публициста».

Замѣчательно характерно поведеніе его во время парижской революціи 1848 года. Передадимъ его собственнымъ разсказомъ героя.

«Когда я вошелъ въ Тюльери, огонь еще горѣлъ въ каминѣ голубой гостиной, и я зажегъ у него сигаретку. Люди съ пиками и ружьями сидѣли на шелковыхъ креслахъ и ничего не портили. Луи Филиппъ бѣжалъ постыдно, а Гизо и Дюшателъ бѣжали передѣвными въ лакеи. Еслибы герцогъ д'Омальской воротился изъ Африки, его бы еще приняли въ короли. Мнѣ подали во дворцѣ книгу, говоря, что это реестръ королевскихъ милостей; но это была опись дома коро-

левского. Я написал: «Народ парижский видѣлъ списокъ лакеевъ и объявляетъ, что онъ никогда не будетъ къ нему принадлежать». Эти слова подписали многія тысячи, но куда дѣвался книга, до сихъ поръ не знаю. Я вынесъ съ собою бутылку дурного Макона, чтобы выпить ее на здоровье народа.

«Я оставался зрителемъ событій и видѣлъ, что, кромѣ глупостей, ничего не происходило до того дня, когда Ламартина потрепали въ отелъ де Вилль за воротникъ. Онъ послалъ за мною.

— Вы намъ можете оказать, сказалъ онъ, большія услуги въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Угодно вамъ?

— Французскіе эмигранты служили противъ Франціи не за свободу, я могу вамъ служить за свободу.

— Давайте мнѣ меморію о Польшѣ и Россіи. Вотъ вамъ пропускъ, а такъ какъ время автора—его состояніе, то вы позволите мнѣ платить за вашъ трудъ по товарищески.

«Я ему подаль ногу о состояніи русской арміи; она была грозна на бумагѣ. Онъ сейчасъ съ этой нотой побѣжалъ въ Люксембургъ и увирилъ провизуарное правительство, что объ войнѣ и думать нельзя. Ламорисьеръ еще болѣе укрѣпилъ это мнѣніе, объявивъ, что Франція не можетъ поставить болѣе 30,000 человекъ.

«Я на это представилъ серію нотъ, говорившихъ: «Вы не хотите войны за границею, вы будете имѣть войну дома», «одной дивизіи съ трехцѣпнымъ знаменемъ довольно, чтобы сдѣлать много великихъ дѣлъ» и пр. У Ламартина я выдалъ и Моле, и Ротшильда, и Хонскаго, и Островскаго, ихъ роли были совершенно различны.

«Манifestаціи, депутаціи не переставали. Образовались многіе клубы. Я участвовалъ при составленіи клуба литераторовъ, при разогнаніи клуба Cité d'Antin, гдѣ мы основали клубъ «братства народовъ». Бюро состояло изъ девяти президентомъ девяти комитетовъ различныхъ народовъ. Меня выбрали президентомъ клуба. Когда я извѣстилъ о составленіи его въ клубѣ Барбеса, рукоплесканія были громки и долги.

«15 мая я былъ въ трибунѣ журналистовъ въ народномъ собраніи. Когда пришла національная гвардія, я стоялъ на террасѣ и докъ де Гиши, бывший офицеромъ въ первомъ легионѣ, сталъ со мной говорить, какъ вдругъ два офицера подождятъ меня арестовать за то, что я бунтую ихъ солдатъ, но я имъ показалъ билетъ и они меня оставили въ покоѣ»¹⁾.

И такъ далѣе безъ конца... Всякій, кто понимаетъ громадное историческое значеніе февральскихъ дней 1848 года и знаетъ главныя ихъ событія, разумеется, будетъ отъ души сійаться надъ разсказомъ Хлестакова, съ сигареткой закуренной на пламени тюльерійскаго каминна и съ стаканомъ макона во здравіе французскаго народа писавшаго ноты о возможности встать за Польшу...

Революціи всегда даютъ возможность выплывать на поверхность такимъ людямъ, которые въ обмороженное время тонуть въ грязи житейской тины. Такъ было и съ Головинимъ. Онъ пыхидся, чтобы

продать себѣ хоть какое нибудь значеніе, и нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не успѣвалъ. Кое кого ему удавалось мистифицировать въ бульварной прессѣ и за это получать иногда довольно щедрыя подачки... Впрочемъ, разсказъ его самого идуть гораздо далѣе. Опьяненный гостеприимной закуской городничаго Хлестаковъ вралъ безъ мѣры. Головинъ говоритъ, что къ нему приходили два агента Бонапартъ просить его поддержки въ печати идеи о возвращеніи ихъ принципала во Францію. Чтобы доказать свою революціонность, Головинъ, между прочимъ, утверждаетъ, что имѣть на душѣ эмигранта графа Браницаго. Дѣло, видите ли, было такъ: русское правительство затребовало графа домой. Узнавъ объ этомъ, Головинъ поспѣшилъ сообщить въ двухъ газетахъ, что Браницкій отказывается исполнить высочайшее повелѣніе, и потомъ убѣдилъ изумленного этимъ вмешательствомъ графа послѣдовать его совѣту... Надо ли говорить, что все это просто выдумки...

Когда 10 декабря 1848 г. президентомъ французской республики былъ избранъ Наполеонъ, Головина не испугала близость реакціи, онъ хорошо понималъ возможность приспособиться къ новому курсу.

28 января Наполеонъ обѣждалъ верхомъ съ небольшою свитой парижскіе бульвары. Головинъ пробрался къ нему и крикнулъ: «да здравствуетъ демократическая республика». Возлѣ президента ѣхали два гусарскіе офицера и мужчина во фракѣ съ красной ленточкой въ петлицѣ, послѣдній отвѣтилъ ему: «Гражданинъ, этого то и хочеть президентъ, онъ уже уволилъ министерство». «Это дѣло другое,— воскликнулъ Головинъ и, обратясь къ Наполеону, сказалъ: «гражданинъ Бонапартъ, подайте мнѣ руку». Наполеонъ подалъ руку... Головинъ почтительно ее пожалъ... Неожиданно для Хлестакова эта его выходка стала извѣстна знакомымъ и вовсе не одобрялась. Надо было поправиться, чтобы не потерять и послѣдней доли довѣрія. Кстатн въ официальныхъ газетахъ не было объявлено объ исполненномъ якомы увольненіи кабинета. Тогда Головинъ въ торжественной позѣ опубликовать въ «Reforme» и въ прудоновской Le Voix du Peuple», что онъ беретъ назадъ пожатіе руки президента... Вскорѣ его выслали изъ Франціи, онъ побѣжалъ въ Женеву, а оттуда въ Брюссель. Средства его въ это время были особенно не блестящи. Головинъ написалъ брату въ Россію, чтобы тотъ помогъ ему и писалъ, но письмо было перлюстрировано, а конногвардейцу Головину предписано ни въ какую переписку съ Иваномъ не входить... Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Хлестаковъ мечется изъ страны въ страну по континенту, оттуда въ Англію, потомъ назадъ. Несмотря на это, никакой работы онъ найти не могъ и снова рѣшилъ вернуться въ Женеву.

Здѣсь необходимо остановиться на изданіи Головинимъ въ Женевѣ очень небольшой брошюрки на русскомъ языкѣ—«Катихизисъ русскаго народа» съ обозначеніемъ на ней Петербурга и типографіи Павловича. «Катихизисъ» всегда былъ предметомъ гордости Головина, хвастливо утверждавшаго, что оныя печатанія за границей прокламаціи для Россіи принадлежатъ ему, а не Герцену, пошедшему якобы уже по его пути. Сохраняя объективность, нельзя не сказать, что

¹⁾ «Замѣтка», 107—109.

прокламация составлена по тому времени недурно. В виду ее большой библиографической ценности, приведу что можно во выдержках.

Сначала идет предисловие, озаглавленное: «Къ нашимъ». «Мы отбранивъ авангаръ нашего просвѣщенія, насъ выследи за границу, а когда мы возвратились къ вамъ съ запасомъ учености, ваши управители открыли по намъ огонь преслѣдованія. Нынѣ по знанію, мы остались русские по сердцу, потому что ваши властелины вмѣсто снисхожденія показали намъ неустойную вражду. Не нашли помощи въ васъ и будучи не въ силахъ сносить зрѣлище народнаго униженія, мы унесли наши ропоты въ тѣ земли, въ которыхъ узнали мы зѣбу вашихъ страданій и наши средства вмѣ помошь. Безъ злобы, но не безъ негодованія изложили мы наши мученія передъ судомъ просвѣщенной Европы. Бодро носили мы ненависти, клеветы и крамолы, которыя мы возбудили, ибо мы знали, что правда встрѣчаетъ неистовыхъ враговъ въ тѣхъ, которые живутъ неправдою, удерживая другихъ въ невѣжествѣ. Нынѣ во первыхъ предстоимъ мы передъ вами, говоримъ вамъ на языкъ отечественногъ. На насъ смотратъ, какъ на умершихъ для Россіи: внемлите же намъ, ибо умирающіе гласятъ правду».

Затѣмъ шли главы: первая «о царѣ», вторая «о дворянствѣ», третья «о солдатѣ» и четвертая «о правительствѣ». Вся прокламация изложена въ видѣ діалога между «убѣжденнымъ» и «просвѣщающимся» катихизисомъ.

Вотъ первая глава.

Убѣжденный. Сколько въ Россіи царей? Просвѣщенный. Однѣхъ, какъ одно солнце, какъ одинъ Богъ на небесахъ. У. Солнце много, а если Бога одинъ, то онъ премудръ, а нашъ царь есть ли премудръ? П. Нѣтъ, ибо онъ человекъ. У. Но онъ самодержавецъ. Всемогущество принадлежитъ одному Богу, потому что онъ не можетъ творить зла. Неограниченная же власть человека отъ природы слaboго вредитъ только его уму. Какъ зовутъ вашего царя? П. Николай Павловичъ Романовъ. У. Чей онъ сынъ? П. Царя. У. А Павелъ? П. Петра. У. Котораго? П. Третьяго. У. Романова?

У. Вручетъ ли онъ въ Бога? П. Онъ ходитъ въ церковь. П. Но губить праведныхъ, а ворамъ поощрять. П. Да ему не слѣдуетъ со вѣточниками. У. Петръ же слѣдилъ съ ворами. П. Да его бы сложили. У. П. Петра разбойники задержали, но онъ не страшился съ ними въ бой входить. П. Петромъ ему не быть. У. Плохо, что и говорить. Что ворамъ поощрять, что съ ними дѣлаться, есть одно и то же. П. Видно, что такъ ужъ свыше устроено. У. Смыслъ идетъ дождь или свѣтъ, свѣтитъ солнце, а судьба наша отъ людей зависитъ, но люди то глупы. Настъ, какъ стало свѣтъ, говорятъ, боятъ и губятъ. Видно же будемъ мы овцами? П. Человѣку суждено мучиться на этомъ свѣтѣ. У. Да мученье это не для всѣхъ одинаково. Однихъ мучитъ, муча другихъ это страдальцы отъ непереня жевудца, а другой отъ голода. П. Зато на томъ свѣтѣ будетъ побороть. У. Что выдумали чистягины для простонаго, поше для людей суевѣрныхъ. П. Но вѣра упрочиваетъ ваше спокойствіе. У. Вѣра слѣдуетъ только сохранять наше невѣжество, которое составляетъ счастье угнетенныхъ и несчастіе угнетенныхъ. П. Кажется, что представитель шестидесяти

милліоновъ долженъ быть великодушнѣе, благодарнѣе. У. А выходить изобрѣты и благо народное, и собственную славу подвигаетъ онъ соображенію. П. (Что значитъ этого заключить должно? У. А то, что когда народъ лучше своихъ правителей, то имъ не удасть. Народъ русскій добръ отъ природы, а царь жестокосердъ, мститель, народъ великъ, а Николай человекъ мелочной. П. А вотъ такъ народъ его любить. У. Боятся, а не любятъ. Ну, спрашиваю тебя, годится ли милліонамъ людей бороться одного? П. Но Наполеонъ будетъ лучше. У. Амосъ. Амосъ да ничего управляетъ Россіей. Сидитъ матушка, вѣнчаетъ всѣмъ обиды; ей все ничего, амосъ, будетъ лучше. По моему, на Бога уповай, а самъ не плашай. Пора приложить умъ, укрѣпить прованаль судьбы и людей. П. Итакъ, генералшій порядокъ вещей не удержатъ? У. Скажи лучше божорадокъ, нарушеніе святѣйшихъ законовъ природы. Указываетъ ли у насъ законъ? дѣлится ли достоинство? Нѣтъ, у насъ почитается чинъ и хранится рабство. Этотъ порядокъ есть обща Богу. Чѣмъ человекъ походить на Творца? У. Можемъ, а у насъ право мыслить поправо, сообщать свои дѣянія поспрещено.

Опуская вторую и третью главы, какъ болѣе слабыя и водянистыя, приведу нѣсколько выдержекъ изъ четвертой, о правительствѣ, написанной подъ псевдонимъ впечатлѣннѣе только что разразившихся тогда европейскіхъ событій.

П. Какое же будетъ у насъ правительство, если когда-нибудь Богъ дастъ намъ выгнать буреяринъ? У. Народное. П. Почему. П. Не будетъ царя, ни подданныхъ. Царемъ станетъ самъ народъ. Будетъ, какъ было иногда въ Новгородѣ, будетъ вече, будутъ думы. Не станетъ притѣсненій, неъ будутъ равны передъ закономъ, прекратятся посяганія торгъ на судороженецкой. Народъ будетъ избирать законодатель, а они будутъ его представляемы: судей, болшихъ и малыхъ, правителей, отъ народа до вѣнчанаго. Все будетъ рѣшаться большинствомъ голосовъ въ земской думѣ: хиръ или война, налоги и пр.

П. Говорятъ, что когда придетъ республику заграничную, то дѣло не идетъ за зать. У. Тамъ оцѣнятъ другое. Жить умно, земли мало, оцѣна у другого оцѣнмать кусокъ хлѣба. Богъ добродѣтели, Богъ самоотверженія спасаютъ нѣтъ. А матушка Русь растаукаетъ на просторѣ, всего вдоволь, не нужно оромать хлѣба промать. Дай намъ поощрять, — и какъ хочешь заблеститъ Русь въ свѣтѣ народовъ. А теперь она тоскуетъ въ невѣжествѣ, слончатъ вывъ изърабствѣ.

П. Но мы еще не зрѣлы. У. Плохо, не глупы ли мы? Да и какъ же намъ созрѣть, нѣтъ налоговъ и въ невѣжествѣ, въ которомъ удерживаетъ насъ правительство? Добро дѣлать иногда не рано. Цари хуже безсовестныхъ оцѣнцовъ, да и нѣтъ оцѣнщиковъ, оцѣнщиковъ народовъ.

П. Какимъ же образомъ выйдемъ мы отъ генералшаго правительствѣ елишь ябедой, стыжками, дѣлангъ? У. Убѣждаю, что обезвѣнчатъ, ибо вынуждаютъ неважности и презрѣнія, противъ которыхъ званное правительство устоять не можетъ. Штыкъ оправдываетъ свое званіе: молодца, солдату, вспомнать свое происхожденіе и грѣшитъ съ Богомъ за народъ на угнетенной оцѣно. Правда, тѣмъ беретъ легки съ насъ, но оно такъ мотаетъ, что скоро ихъ не достаетъ, мы же только ему отдаемъ. П. Но кто покусится на востаніе? У. Кто любитъ отчину болѣе самого себя. П. А если не удасть? П. Несина слѣва

мучениковъ свободы. II. Но велико и мученіе. У. Семи смертямъ не бывать, одной не миновать.

II. Какъ же дѣлаютъ заводы? У. Разбираютъ мостовую, выкладываютъ камнями груды, загромождаютъ въ томъ мѣстѣ уступы тѣлками, каретами, мѣшками съ пескомъ и, однимъ словомъ, берутъ, что въ ту пору находить, уснащаютъ улицу разбитыми бутылками, чтобы кавалерія не могла двигаться, засаживаютъ за окопами, на чердакахъ, въ погребахъ, и когда неприятель останавливается передъ заавломъ, стрѣляютъ въ него, какъ въ куръ, чтобы отучить отъ охоты сражаться противъ своихъ."

Къ сожалѣнію, мнѣ не приходило встрѣчать указаній въ литературѣ на распространенность хоть гдѣ-нибудь въ Россіи этого «катихизиса», написаннаго человѣкомъ, отнюдь не сочувствовавшимъ революціи ни раньше, ни потомъ.

Вскорѣ (въ октябрѣ 1850 г.) Головинъ перѣхалъ въ Нишу, гдѣ основалъ на лѣтній сезонъ журналчикъ «Carillon» и помѣщалъ въ немъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ «Les russiens es russiens et les autres chiens à Nice». Журналъ выходилъ по субботамъ, и имѣлъ успѣхъ среди прѣзиковъ, насколько вообще имѣетъ успѣхъ всякая сплетня... Въ концѣ концовъ Головина выслали изъ Ниши и онъ переехалъ въ Туринъ. Тамъ онъ основалъ «Journal de Turin», въ которомъ печаталъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ «Portraits et esquisses russes». Но и здѣсь Головину не пришлось пожить. Онъ перевелъ на французскій языкъ статью Максима Азега—«Честь Италіи и Австріи», написанную тѣмъ еще до вступленія на постъ сардинскаго министра внутреннихъ дѣлъ, навпечаталъ ее въ своемъ журналѣ и былъ привлеченъ къ отвѣтственности, такъ какъ статья не понравилась австрійскому министру въ Туринѣ, графу Алони, настоявшему на высылкѣ Головина.

Русское правительство всегда слѣдило за Головинымъ и знало о его дѣятельности. Въ апрѣлѣ 1852 г. однимъ изъ редакторовъ какой-то петербургской газеты, втроятомъ «Сѣверной Пчелы», представилъ въ III отдѣленіе первый номеръ «Journal de Turin» и получивъ за это милостивую благодарность, а министерству народнаго просвѣщенія было предписано немедленно обязать подпискою всѣхъ російскихъ редакторовъ представлять всѣ подобныя изданія въ III отдѣленіе.

Замѣчу кстати, что Головинъ приглашалъ къ сотрудничеству въ туринской газетѣ Кавра и получилъ отъ него весьма сухой отвѣтъ, такъ и оставивши ему неизвѣстнымъ, потому что былъ конфискованъ на почтѣ. Приножу его въ переводѣ: «Милостивый Государь, благодаря Васъ за любезное предложеніе въ Вашемъ письмѣ отъ 3 числа тек. мѣсяца открыть мнѣ столбцы «Journal de Turin», Постышу воспользоваться имъ какъ только сочту это полезнымъ для дѣла, которому служу, возстановить правду въ ли-

вхъ росказняхъ обо мнѣ и моихъ политическихъ друзьяхъ. Не думаю, однако, чтобы я злоупотребилъ вашимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ давно уже взялъ себѣ за правило отвѣчать молчаніемъ на всякія обиды и клеветы».

IV.

Головинъ снова прѣхалъ въ Лондонъ, куда немного раньше переехалъ и Герценъ. Здѣсь у него обнаружился особенный пріступъ графоманіи. По этому поводу любопытно привести его собственное признаніе, напоминающее разсказъ Хлестакова объ игрѣ въ вистъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и видными посланниками.

«Надо имѣть познанія, чтобы васъ читать,—говорилъ мнѣ Гауманъ,—вы не пишете для толпы.—На одной строкѣ у васъ нѣсколько мыслей,—говорилъ мнѣ Пири въ Парижѣ.—Головинъ пишетъ не перомъ, а шпагой,—говорилъ при мнѣ женевецъ, который платилъ 300 фр. за мой автографъ, не зная, что я его слушаю, изъ чего я заключилъ, что мой слогъ слишкомъ рубленъ. Одна изъ моихъ книгъ вытекала изъ другой, одна была послѣдствіемъ другой и послѣдующая дополняла предыдущую. Надо искать автора во всѣхъ его сочиненіяхъ, а не судить его по отрывкамъ. Я не писалъ для того, чтобы писать, а всегда поставлялъ себѣ какую-нибудь цѣль блага общаго, которой я хотѣлъ достигнуть. Популярнымъ авторомъ можно только быть на родинѣ, а посему на чужбинѣ я адресовалъ къ извѣстному только классу просвѣщенныхъ читателей. Но писать была большая потребность, такъ что за невѣдѣніемъ бумаги и печатни, я писалъ бы на древесной корѣ или на камнѣ. Слѣдовательно, прѣхавъ этотъ разъ въ Лондонъ, я рѣшился сдѣлаться англійскимъ писателемъ, едва зная довольно, чтобы спросить свою дорогу на улицѣ»¹⁾.

Съ такимъ багажемъ Головинъ шелъ на попріще, гдѣ было столько силъ и ума. Взять хотя бы только одного Герцена...

Обыкновенно такіа бездарности прежде всего рабски слѣдуютъ по чьимъ-нибудь пятамъ, мало заботясь о степени своего замкнутванія. У Головина передъ глазами было новое громадное литературное явленіе, имѣвшее совершенно до тѣхъ поръ несмѣханный и въ Европѣ успѣхъ: романъ Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома». Что до того, что на Русской почвѣ романъ въ сущности былъ написанъ Тургеневымъ въ его «Запискахъ охотника». Головинъ рѣшился написать своего Тома и дѣйствительно написалъ по-французски. Спасибо, отъ срама его спасъ какой-то благодѣтель Нельсонъ изъ Эдинбурга, залпавишій графоману за рукопись 80 фр. стерлинговъ и никогда не издавшій романъ въ свѣтъ... Головинъ былъ доволенъ: въ его положеніи это были огромныя деньги... Но, вѣстакъ, хотѣлось вышшняго удѣла, въ которомъ онъ былъ увѣренъ, и потому онъ обратился къ Кобдену

¹⁾ «Завѣст», 140—141.

съ просьбой разрешить ему организовать несколько митинговъ въ пользу освобождения русскаго народа, но получивъ отказъ... 1).

Въ Лондонѣ Головинъ сразу попалъ въ соответствовавшей ему кругъ всевозможныхъ шантажистовъ-репортеровъ и пр., работавъ въ грязномъ именно въ то время листкѣ «Morning Advertiser», потомъ, въ виду Крымской войны, выпускаетъ анонимно «Письма русскаго дипломата». Какъ разъ въ это время умираетъ его братъ Михаилъ, завѣдовавшій дѣлами Ивана, и послѣдній остается безъ всякихъ средствъ, принужденный заложить все до послѣдней нитки. Потомъ онъ получаетъ изъ Россіи 9000 рублей, но, какъ и при полученіи раньше 70,000 франковъ, не утерпѣлъ, чтобы не пуститься въ аферы, и опять потерялъ все присланное. Нишета въ родствѣ съ графоманіей дали романъ «Выходецъ» («Der Flüchtling»), купленный лейпцигскимъ издателемъ за 26 фунтовъ стерлинговъ и изданный подъ псевдонимомъ Головинъ, что было сдѣлано по совету людей, дорожившихъ успѣхомъ литературы русскаго эмигрантовъ и понимавшихъ, какъ нежелательно смѣшеніе ихъ именъ съ именемъ Головина.

Но вотъ умеръ Николай I...

Россія начала протягивать свои законченныя члены... Европа съ любопытствомъ смотрѣла на Петербургъ, не зная хорошо, чего можно ожидать отъ новаго царя...

Черезъ двѣ недѣли (18 марта н. ст. 1855 г.) Головинъ строчитъ письмо къ Александру II:

«Ваше Императорское Величество,
Государь Всемилоостивѣйшій!

«Священнымъ долгомъ своимъ полагаю поставить себя на распоряженіе Вашего Императорскаго Величества. Я буду гордъ ильбъ Государемъ моимъ добрейшаго изъ монарховъ, если только В. И. В. благоугодно ильбъ меня своимъ подданнымъ. Надежды всей жизни моей были основаны на Васъ. Исполните живѣйшую изъ нихъ: возвращите меня на родину. Распространяя до меня Всемилоостивѣйшую амнистію Вашу и возвращая мнѣ права мои, В. И. В. дасть мнѣ возможность быть полезнымъ моей родианѣ».

Отвѣта не было... Головинъ ждалъ его терпѣливо, больше года. За это время онъ подвергся даже обвиненію въ шпионствѣ и агентурѣ. Въ пріютившей его «Morning Advertiser» появилась статья, обвинявшая Александра II въ несочувствіи освобожденію Россіи отъ прежняго ита. Головинъ отивчалъ очень рѣзко, что время докажетъ, какъ былъ правъ Жуковский, предсказывая государю великое будущее, что Александръ II вовсе не сочувствовалъ политикѣ своего отца и т. п. А когда черезъ нѣсколько номеровъ Головинъ замѣтилъ, что если русскіе стремятъ въ Индію, то путь туда долженъ лежать черезъ Персію, то на него посыпались обвинения, что онъ агентъ русскаго правительства... Потомъ время убѣдило англичанъ, что послѣднее, выбирая агентовъ, поступало, всетаки, съ болѣе-шей осмотрительностью и расчетливостью.

Однако, Головинъ рѣшилъ потушить слухъ побѣдой въ Америку, гдѣ онъ рассчитывалъ найти себѣ какое-нибудь занятіе и тогда совершенно уже покинуть Англию. Но кромѣ неудачнаго открытія винной лавки, съ которой Хлестакосъ прогорѣлъ, благодаря своему компаньону, Америка ничего не дала. Правда, онъ работалъ въ различныхъ листкахъ Нью-Йорка и Вашингтона, но для американцевъ не показавшись подходящимъ журналистомъ. Въ началѣ 1856 г., наживъ себѣ горячку, Головинъ отправился дѣлать ее въ Гаванну, тамъ тоже не нашелъ ничего и вынужденъ былъ вернуться въ Лондонъ. Здѣсь онъ принялся за изданіе журнала «Россія» на трехъ языкахъ (французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ), но на пятнадцатомъ номерѣ вынужденъ былъ прекратить его за полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было успѣха, котораго странно было и ожидать въ то время даже безотносительно къ личности редактора.

Наконецъ, не получая отвѣта на свое письмо къ Александру II, Головинъ адресовался съ французскимъ посланіемъ къ кн. Горчакову.

«Ваше Силество, вселюбе что не было непрестительной дерзостью съ моей стороны, я бы явился уже на русскія границы для того, чтобы доказать мое желаніе жить подъ знаменами вѣлаго молодого государя. Обращаясь къ вамъ, казавъ, я убѣжденъ, что вы, какъ добрый вѣритель, сдѣлаете все зависящее отъ васъ, чтобы облегчить мое возвращеніе на родину. И не замывлять и не поднимать никогда оружія противъ Россіи, возлагать вѣжды на восточнаго престола Его Величества Государя Императора. И дава, чувствительность молодого государя велика въ отношеніи того, что пишутъ на его счетъ заграничей, но вы, безъ сомнѣній, очень хорошо знаете человѣческое сердце, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что любовь къ отечеству не можетъ угаснуть въ сердцѣ изгнанныя и шестаетъ самаго бѣднаго и жалчнаго. Самые отчаянныя мои праги должны будутъ омыты въ томъ, что я явюгда не сомнѣвался въ тѣхъ благахъ, которыя Россія пріобрѣтетъ отъ дарствителя государя, доброта сердца котораго служитъ въ томъ самымъ изрѣканъ русскельствамъ. Великія ильбъ, говорятъ издавна, исходятъ отъ сердца, и слѣдова указавшіямъ этого вѣлагого путешовителя болѣе, нежели уморившіямъ такъ плавающей вышней политикѣ, Александръ II внесетъ свое имя на высшую степень сравнительно съ той, на котора слѣдо имя Александръ, завоевателя Македонна».

30 июля 1856 г. III Отдѣленіе вошло съ обширнымъ всеподаннѣйшимъ докладомъ (утвержденнымъ въ день коронаціи 26 августа) объ облегченіи участи государственныхъ преступниковъ и въ томъ числѣ Головина. Относительно его состоялось повелѣніе: помиловать, дозволить пользоваться прежними правами и возвратиться въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ немедленно определенъ на службу, гдѣ пожелаетъ, кромѣ столицъ, съ утвержденіемъ за нимъ строгаго надзора.

Въ концѣ августа Горчаковъ увидѣмилъ объ этомъ лондонскаго посланника гр. Хрептовича. Тотъ призвалъ Головина и объявилъ ему высочайшую «милость». На другой день Головинъ, растроганный, написалъ Хрептовичу по-французски: «Графъ, удостойте принять мою

последнюю книгу, почтительную дань моей признательности. Лишь себя надеждой, что она составлена в таком духе, который не будет неприятен Вашему Превосходительству. Не смей докучать своим письмом кн. Горчакову, покорнейше прошу вас засвидетельствовать ему мою глубокую признательность. Надюсь вскорь получить указание того места, где я могу пригодиться, чтобы ринуть, через каковую границу и каким маршрутом мнѣ ѣхать на родину¹⁾.

Самъ Головинъ рассказываетъ, что когда онъ получил приглашение Хрептовича, у него капнули слезы при мысли, что ему возвращена родина. Этому можно поверить — слишкомъ безрадостно жилось ему въ эмиграціи.

Хрептовичъ запрашивалъ въ свою очередь, Горчакова, сообщая, что Головинъ выслушалъ высочайшее прошение съ глубочайшею благодарностью. Тотъ адресовался въ III Отдѣленіе, а князь В. А. Долгоруковъ спросилъ государя и получилъ приказаніе назначить его подъ начальство такого губернатора, который бы действительно зорко за нимъ слѣдилъ. Тогда запросилъ о такомъ губернаторѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ разъ въ это время братъ Головина, уже генералъ, хлопоталъ объ опредѣленіи Ивана къ Н. Н. Муравьеву-Амурскому и получилъ согласіе. Самъ же Головинъ просился у кн. А. А. Суворова, генералъ-губернатора рижскаго, лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго. Очевидно, на точномъ основаніи повелѣнія, слѣдовало предпочесть личное желаніе «помилосаннаго» и потому не нашли препятствій къ исполненію его просьбы объ опредѣленіи къ Суворову.

Но затѣмъ Головину вдругъ пришла мысль не ѣхать въ Россію, а пристроиться какъ-нибудь на русскую службу за-границей. Для этого, съ одной стороны, онъ поспѣшилъ просить Суворова разрѣшенія остаться въ Лондонѣ до привезенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ, съ другой — написалъ министру народнаго просвѣщенія Норову о своемъ желаніи быть корреспондентомъ его министерства, т. е. фактически III Отдѣленія, какъ было и съ Яковлѣмъ Толстымъ. А чтобы заручиться его расположеніемъ и признаніемъ собственной серьезности, Головинъ передъ этимъ (16 декабря 1856 г.) послалъ Норову еще особое посланіе, весьма любопытное для его характеристики.

Бросаясь изъ стороны въ сторону, изъ одной области въ другую, переходя съ необмысленною, чисто хлестаковскою легкостью въ мысляхъ отъ предмета къ предмету, мнѣня политическую экономію на исторію, исторію на публицистику, публицистику на этнографію и т. п., Головинъ добрался, наконецъ, и до френологіи. Она давала ему возможность хлестаковствовать безъ всякаго удержу и надѣяться выдвинуться хоть въ этой области. Позже, въ 1858 г., въ Лейпцигѣ Головинъ издалъ даже по-русски весьма жидкія «Лекціи о френологіи».

Вотъ что онъ писалъ министру просвѣщенія Норову:

„Ваше Высочайшепревосходительство! Наука френологіи сдѣлала такіе успѣхи въ послѣднее время, что ей принадлежатъ къ государственнымъ предметамъ

необходимо. Мы съ точностью можемъ сказать, изстѣдую черепъ человѣка, воевалъ ли онъ или не воевалъ, будетъ ли онъ хорошимъ солдатомъ или нѣтъ. При речитивныхъ наборахъ, следовательно, желательно, чтобы медикъ изстѣдовалъ черепъ прежде другихъ частей тѣла. Съ такою же точностью говоримъ мы „вотъ черепъ убійцы“, или „вотъ черепъ человѣка, который убилъ только случайно“, и заключаемъ, что отъ первого надо оборотить общество навсегда, а что второго надо было поставить въ другую среду жизни. Уголовное право было бы преступно, не обращая вниманія на эти законы природы.

„Но болѣе всѣхъ другихъ частей народное просвѣщеніе должно являть пользу изъ этихъ данныхъ. Напрасно опредѣлимъ мы земледѣльческой черепъ въ торговую школу, изъ него никогда не будетъ хорошаго кушача. Не дай Богъ, чтобъ дѣлали священническіе съ черепами, у которыхъ лѣбострастіе развито болѣе благоговѣнія. Родители, понимая недостатки устройства своихъ дѣтей, могутъ противодействовать имъ умнымъ направленіемъ ихъ образованія. Уже начали смѣяться надъ тѣми, которые смѣются надъ френологіей, и время близко, когда будутъ удивляться логическому недоверію, съ которымъ встрѣчаютъ эту науку. На свѣтъ учатъ такъ много наукъ безъ примѣненія, что хорошо было бы вести преподаваніе столь богатой отрасли новыхъ наукъ. Снимки замѣчательныхъ череповъ необходимы, и одна изъ самыхъ великихъ реформъ непременно исстѣдетъ изъ этого предмета, до сихъ поръ столь пренебреженнаго. „Пованіе людей составляетъ главное достоинство тѣхъ, которые призваны употребить ихъ по ихъ способностямъ. Творецъ, въ неизмѣримой своей мудрости, сотвораетъ людей для всѣхъ возможныхъ занятій. Горе тѣмъ, которые нарушаютъ Его законы. Тамъ, гдѣ много различныхъ народовъ, френологія оявляетъ этнологію, подаетъ руку антропологии и сравнительной анатоміи. Я встрѣчаю черпа ветровъ съ удивительными ораторскими расположеніемъ, между тѣмъ, какъ отвращеніе отъ всякой работы замѣчательная черта видѣвшихся череповъ.“

„Я потчу себя счастливымъ, если В. В. приметъ сіи мои наброски съ роднымъ собою благорасположеніемъ, и имя честь быть вашимъ покорнымъ слуга

*Иванъ Головинъ.**

Норовъ отвѣтилъ Долгорукову, что «не имѣвать никакихъ побужденій желать, чтобы г. Головинъ былъ наименованъ корреспондентомъ Высочайше вѣреннаго ему министерства», т. е. III-му Отдѣленію представлялось убѣждать Головина званіемъ корреспондента другого министерства.

III Отдѣленіе тоже воздержалось отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи, разсудивъ, что перо и знанія Головина врядъ ли могутъ быть полезны правительству. Наоборотъ, было предписано по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ уже числился Головинъ, вытребовать его немедленно въ Россію безъ какихъ бы то ни было отсрочекъ... Такимъ образомъ «милости» обращалась уже въ прямое насиліе.

Головинъ отвѣчалъ Хрептовичу (7 марта 1857 г. по-французски):

„Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе императорскимъ высочествомъ, имя честь съ сожалѣніемъ объявить, что 16 лѣтъ изгнаннической жизни на границѣ сдѣлала меня неспособнымъ для такой же изгнаннической жизни

¹⁾ Правильная книга носила заглавіе: „The nations of Russia and Turkey and their destiny“, London, 1864.

въ Россіи, и потому я предлагаю императорскому правительству взять назад милость, которая такъ великодушно была мнѣ предъложена. Я утѣшилъ себя мыслью, что услуги мои при моихъ знаніи и вѣстяхъ принесли бы весьма мало пользы его величеству, такъ какъ г. Норовъ находилъ, что мои познанія не имѣютъ никакой цѣны для его министерства. При самыхъ искреннихъ желаніяхъ статья царствованія императора Александра я окопчу для свои на чужой землѣ.

„Не вѣривъ дано жертвовать жизнь за своего монарха, но мнѣ это было дано. Да не пройдетъ незамѣченнымъ то обстоятельство, что я испортилъ свою репутацію, разрушилъ будущность свою въ Англіи, открыто принявъ защиту того, кому Богъ въвѣрилъ судьбу Россіи.

„Я знаю, что его величество, будучи во всемъ отцомъ отечества, есть въ то же время самый изысканъ и послушникъ сына; его величество не можетъ, следовательно, забыть того, что сдѣлалъ; но я желаю, чтобы его величество убѣдился, что бы я не пожертвовалъ собою для борьбы съ простымъ человѣкомъ.

„Мнѣ остается предложить императорскому правительству взять назадъ свою щедрую милость, а васъ графа, просить извиненія за причиненныя мною безаконства.

„Но всѣмъ заблудшімъ смертнымъ нѣтъ надежды увидѣть землю, на которой они родились, и какой бы я ни былъ дурной дипломатъ, я хотѣлъ употребить всѣ средства, чтобы сдѣлать свою амністію полною прежде, чѣмъ я откажусь отъ нея“ 1).

10 марта 1857 г. кн. Долгоруковъ извѣстилъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ о высочайшей резолюціи, послѣдовавшей на рапортъ лондонскаго посла: «не предоставляя Головину правъ, всѣми-дѣлствіише предназначенныхъ ему въ день священнаго коронаванія, оставить его въ прежнемъ положеніи. Пусть посольство паспортовъ въ Россію ему не выдаетъ».

V.

Такимъ образомъ «милость» была взята обратно, и Головинъ навсегда лишился права возвращенія въ Россію... На него это сильно подѣлствовало. Онъ, повидимому, не думалъ о такомъ оборотѣ дѣла. 7 апрѣля 1857 г. Головинъ пишетъ Долгорукову по-французски:

„Ваше сіятельство“.

„Продѣвъ Вашъ, обманивъ свою груду, сказать Петру Великому: „будь Александръ, я буду Кинтозъ!“ Это было въ сентябѣ, когда начальникъ адмиралтейства, Иванъ Головинъ, разорвалъ узлы его величества я замышлялъ его другимъ рѣшеніемъ. Князь Юрій Долгорукий былъ самымъ лучшимъ министромъ правосудія.

„Мельнику въ Севт-Суен дозволено же было сказать безъ опасенія возбудить гнѣвъ великаго Фридриха „естъ судья въ Берлинѣ“. Дозволено ли мнѣ будетъ сказать, что петербургскіе юриконсулы подымаютъ монархическія начала, думая, что его величество можетъ обратно взять то, что имъ уже дано.

Полагать, что милость можетъ быть безъ суда взята обратно, значить ошибочно истолковывать самое лучшее преимущество царской власти: право отнимать милость. Впрочемъ, я не думаю, чтобы судъ осудилъ меня за то, что я ходатайствовалъ о полной всепрощеніи. Правда, что я самъ предлагалъ отнять его обратно у себя, но не думаю, чтобы отсылки годовую или посланца въ тюрьму того, кто самъ бы просилъ объ этомъ, я прошу позволенія въ рѣшеніи его величества состоять на самого его величества. Я того мнѣній, что даже и народное бѣдствіе не можетъ допустить отнятія милости, дарованной въ такой день всеобщей радости, каковыиъ былъ день священнаго коронаванія. Недавно Наполеонъ III даровалъ прощенье Барри, и всѣ настоящіе сего послѣдняго о переводѣ его въ тюрьму были тишины.

„Между тѣмъ я отказался отъ англійскаго подданства. Оставьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надежду, что когда будетъ приготовляться сводъ законовъ императора Александра, я уже не буду больше въ числѣ изгнанныхъ“.

Письмо это было доложено Александру II 4 апрѣля ст. стилия. Не получивъ отвѣта, Головинъ пишетъ еще разъ (и тоже по-французски) Долгорукову 28 апрѣля:

„Ваше сіятельство! Въ минувшее царствованіе я былъ осужденъ за то, что говорилъ дурно, хотя это осужденіе послѣдовало прежде, чѣмъ я началъ писать. Нынѣ же я вижу себя осужденнымъ за то, что говорилъ хорошо объ его величествѣ. Говоря, что государь нашъ съ гнѣвомъ отца отечества соединилъ титулъ изысканъ и почтительнаго сына, я признавалъ въ свѣдѣтели Бога, что ятмъ не хотѣлъ сказать ничего неирезнаго. Какимъ бы я ни былъ крестьяниномъ Дунавъ, какъ я ни долженъ былъ мало привычекъ къ похвазамъ, я сдѣлалъ откровеніе, чтобы скрыть свои мысли, и какова бы ни была участь, мнѣ ожидающая, я прошу Васъ, Ваше Сіятельство, удостоить меня милостивыми Вашими представительствомъ въ моиъ чувствахъ переть нашимъ августѣйшимъ монархамъ“.

И это письмо было доложено государю, но вторично отвѣта не послѣдовало.

Тогда Головинъ написалъ (по-французски) своему знакомому по Петербургу И. М. Толстому, товарищу министра иностранныхъ дѣлъ:

„Я такъ часто въ жизни своей злоупотреблялъ вашей добротой, что уже хотѣлъ писать прилагаемые документы гр. Адлербергу, но опасеніе аглопорировать всѣмъ этимъ, заставило меня еще разъ докупить вамъ, прошу извинитъ, что я былъ столь же тропать вашими двумя строчками, какъ и дружбою людей власти, почтвшихъ меня съ за время моего долгаго изгнанія. Не хочу также поддерживать равнина пріемовъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Хочу только доказать, что и думные люди въ мѣрѣ болѣе слышатъ иногда предавать дурныиъ вѣсти, чѣмъ хорошіи. Императорскимъ манифестомъ представляло лицамъ, проживающимъ за границей, годъ срока для того, чтобы воспользоваться милостью его величества. Но написано я требовалъ для себя благодѣлительныхъ преимуществъ этого предусмотрительнаго распоряженія. Мнѣ только смѣлчили наказаніе. Я ошибся, думая, что государь не отниметъ того, что самъ далъ. Позвольте мнѣ рассказать вамъ и о томъ и о другомъ, приводя историческія данныя.

„Фридрихъ II, обращаясь къ одному изъ своихъ подданныхъ, извиняетъ

1) На стр. 182—183 „Дальскаго“ письмо это правдиво изложено и вполнѣ.

его графом. Тот немедленно надвывает шапку. Что вы дѣлаете? спрашивает король. Ваше величество, пожаловали меня испанскимъ графомъ. Король, хотѣвъ вѣсть казая эту милость, но по настоянію министровъ не сдѣлалъ этого.

«Бѣднякъ останавливается въ Парижѣ полицейскаго сержанта и говоритъ ему: сдѣлайте мнѣ удовольствие, посадите меня въ тюрьму. Чего ради? Мнѣ негдѣ жить и нечего ѣсть. Этого мало, надо еще, чтобы вы совершили какое нибудь преступленіе. Что же я долженъ сдѣлать?— Ну вотъ, надтрѣмь, если вы начнете просить милостыню, я могу васъ арестовать.— Г. Сержантъ, подайте милостыню Христа ради... Сержантъ повелъ бѣдняка въ тюрьму».

«Должно быть и мое преступленіе въ томъ, что я просилъ милости его величества. Но развѣ за такое преступленіе наказываютъ должнымъ образомъ?»

Немного спустя (28 августа 1857 г.) Головинъ пишетъ князю Долгорукову:

«Ваше Святельство! Высочайшимъ предписаніемъ повелѣно мнѣ оставаться въ прежнемъ положеніи, между тѣмъ, какъ обстоятельства совершенно измѣнились. Прежде были два министра нѣмца, а нынѣ стали русские; прежде была царь Грозный, а нынѣ государь милосердый. Россія тронулась: изъ военнаго диктаторства она становится чистою монархіею; пространства исчезаютъ при возникающихъ удобныхъ средствахъ сообщенія; храмъ Януса запертъ, торговля расцвѣтаетъ и литература пробудится скоро тоже. Уваженіе къ Аристотелю, Пиндару, Гомеру составили славу Александра Македонскаго, болѣе нежели побѣда его при Арбелахъ. Какъ ни ничтожны мои достоинства, казалось, лучше было бы мнѣ быть авторомъ русскимъ, нежели англійскимъ, и я надѣюсь, князь, что вы прекратите мою олапу, которая не нужна для славы новаго царствованія».

Письмо это тоже было доложено государю и оставлено, по его приказанію, безъ послѣдствій.

Головинъ узналъ объ этомъ и рѣшилъ просить надъ собой формальнаго суда. Для этого онъ адресовался къ министру юстиціи Панину, которому писалъ, между прочимъ: «полагая, что права русскаго дворянина не отнимаются безъ суда, я прошу В. С. какъ блюстителя закона, разобрать мое дѣло и дать ему судебный ходъ». Одновременно Головинъ обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбой выдать ему паспортъ для вѣзды въ Россію, чтобы тамъ подвергнуться суду. Панинъ отвѣчалъ Горчакову, прося свой отвѣтъ довести до свѣдѣнія Головина, что развѣ онъ самъ отказался отъ царской милости, то и не имѣетъ никакого права на судебную реабилитацию. Головинъ возражалъ Панину, но разумѣется, письмо его не имѣло никакихъ послѣдствій.

Еще не дождавшись панинскаго отвѣта, Головинъ обратился къ Долгорукову снова по-французски: «Моя мать имѣла пятерыхъ сыновей, служившихъ въ гвардіи. Неужели она можетъ быть лишена права видѣть меня и неужели мнѣ не будетъ дозволено закрыть ей глаза? Генрихъ IV говорилъ, что удовлетвореніе мнѣнія продолжается не

долѣ минуты, а удовлетвореніе милосердія вѣчно. Полагая границы милосердію нашего монарха, стѣсняютъ наилучшее украшеніе императорской власти. Вы такъ великодушны къ врагамъ отечества, что, вѣроятно, захотите быть таковымъ же и къ своимъ друзьямъ. Ваше милостивое престоательство уже открыло развѣ предо мною входъ въ Россію, кромѣ Петербурга и Москвы. Можетъ быть на этотъ развѣ вы можете снять ограниченіе хотя бы съ Москвы. Въ Россіи столько хорошихъ головъ, что одну дурную, какова моя, вы стесните».

Долгоруковъ, дѣйствительно, готовъ былъ, повидимому, если не просить за Головина, то хоть основательно познакомиться съ его дѣломъ. Онъ приказалъ доложить себѣ его со справкой.

Одновременно, пользуясь пребываніемъ русской императрицы въ Дармштадтѣ, Головинъ написалъ и ей. Указавъ на свою половинчатую амнистию, онъ говорилъ, что навѣрно государыня знаетъ изъ отечественной исторіи, что мать патріарха Филарета была изъ рода Головинныхъ, что въ царствованіе Петра Великаго Головинъ засѣдалъ въ сенатѣ, что при Іоаннѣ Грозномъ они проливали кровь на шафотахъ, а при Годуновѣ были изгнаны, и спрашивалъ, неужели и онъ будетъ изгнанникомъ?

Кромѣ того, какъ англійскій подданный, Головинъ обратился къ лорду Кларендону, чтобы тотъ далъ ему возможность съѣздить въ Россію въ качествѣ англійчанина, для свиданія съ родными и съ правомъ возврата въ Англію. Министерство иностранныхъ дѣлъ отказало въ хлопотахъ англійскаго посла въ Петербургѣ.

Потерѣвъ и здѣсь неудачу, Головинъ понялъ, что съ Россіей связь уже не возстановится, и потому рѣшился на отчаянное средство только для того, чтобы поддержать свое существованіе. Онъ обратился къ лорду Пальмерстону съ предложеніемъ быть тайнымъ англійскимъ агентомъ, указывая при этомъ на свои якобы широкія знакомства въ Россіи... Пальмерстонъ отвѣтилъ, конечно, отрицательно...

Что было дѣлать?

Возвращаться на родину, во что бы то ни стало возстановить въ ней свои права. Для этого Головинъ пробуетъ втереться въ русскую журналистику и 24 ноября обращается къ Красовскому въ просьбѣ дать ему работу въ «Отечественныхъ Запискахъ» или «СПбурскихъ Вѣдомостяхъ». Загнѣвъ, чтобы гарантировать себѣ право печатать въ Россіи, онъ пишетъ Тимашеву:

«Ваше преносходительство! Князь Долгоруковъ говорилъ Петру Великому, что молодые люди, которыхъ посылаютъ воспитываться за границу, принимаютъ направленіе чувственное. «Мы его исправимъ», возразилъ царь, и опять, проведя по бумагѣ знакъ ногтемъ, сказалъ: «какъ ни слабъ этотъ знакъ, а со всѣмъ нашимъ могуществомъ вы его не изгладите». Великій монархъ не полагалъ, что надо лишать живота, имущества или правъ пионеровъ русскаго просвѣщенія.

«Карамзину, звавшему государя Александра Павловича «аркадскимъ пастухомъ», давали пенсію, а меня, называвшаго государя Александра Николаевича «ангеломъ на престолѣ», лишили правъ мо-

ихъ. Не моя вина, что 1000 лѣтъ разстояніе въ просвѣщеніи между Россіей и Европой. Я васъ прошу, генералъ, не запрещать моимъ роднымъ переписываться со мною и дозволить мнѣ писать въ русскихъ журналахъ, соображаясь съ цензурными установленіями.

Отвѣта и разрѣшенія не было дано.

А на слѣдующій день Головинъ пишетъ совѣтнику лондонскаго посольства, барону Николаю:

«Варошъ, при вашихъ прежнихъ свиданіяхъ мы не имѣли удовольствія говориться. Вы говорили, что не знаете о той статьѣ въ манифестѣ, которая даетъ годъ сроку дѣламъ, живущимъ за границей, чтобы воспользоваться дарованной имъ амнистіей. *) Разсужденіе мудрое, предусмотрительное, и оно должно быть распространено на всѣхъ, потому что при долгомъ пребываніи гдѣ бы то ни было создается различные интересы, которые нельзя поврать сразу. Наипаче имена: Савичъ, Яблоновскій и такіе много другихъ могли воспользоваться этой привилегіей, въ которой было отказано мнѣ. Попадному, въ невѣрою представляете мою вину. Я былъ осужденъ злочно, потому что отсутствовалъ, — случай столь рѣдкій въ судебной практикѣ, что покойный государь отдавъ вѣломъ приказъ не предавать больше суду за отказъ вернуться въ Россію. **) Судовательно, съ того момента, какъ я предлагаю загладиить свое отсутствіе, наказаніе мое пало само собой. Думаю, что министръ велѣилъ такъ и доложить правительствующему сенату. Съ того момента, какъ я рѣшилъ вернуться добровольно, незачѣмъ было меня терзать, и разъ на мѣсяцъ возложили на мѣсяцъ обязанности, несправедливо было отказывать въ дорожныхъ надорожкахъ. Какая Суворова все равно на мѣсяцъ не было, а прабратствіи провинціи отидеть мнѣ не родина. Министръ настроившихъ дѣлъ по границѣ обязуется за меня. Если я отказался брать уроки каллиграфіи, то долженъ признаться, только потому, что съ этой просьбой обратился не ко мнѣ, а къ государственному контролеру и министру иностранныхъ. Когда и обратился къ инструктору изъ тѣмъ, кто руководилъ моею карьерой, мнѣ сказали, что послѣ этого меня заставятъ брать уроки танцевъ и все присилало давнишнему соперничеству между Гурьевымъ и Муслинъ-Пушкиными. Наказываютъ не меня, а мою мать, не позволяя мнѣ прѣхать закрыть ей глаза и не припавъ во вниманіе того, что у нея пять сыновей служатъ въ гвардіи. А потому невольте мнѣ отклонить предлагаемое вами вчерашней запиской, свиданіе, и просить васъ передать копію прилагаемаго письма г. Мальцову. †)

«Отечь хотѣлъ бы, чтобы г. Толстой вернулъ мнѣ письмо графа Кавра. Отъ меня имѣли жестокость скрыть, что оны прѣбывалъ черезъ Лондонъ, гдѣ и счастливъ былъ бы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе».

Письмо Мальцову было отправлено по назначенію вмѣстѣ съ рапортомъ графа Хрептовича, сообщавшаго, что у Головина съ Николаемъ не было никакаго столкновенія: онъ поручилъ только барону передать Головину послѣдній отвѣтъ правительства. При этомъ

*) Головинъ относилъ къ себѣ ст. XXXV манифеста 26 августа 1856 года, гдѣ годовой срокъ давался выходящимъ подъ сѣдѣніемъ и судомъ и освобожденнымъ отъ отбыванія, если они желаютъ оправдаться по суду. Разужбена, эта статья не могла быть применена къ нему.

†) Ничего подобагого Николай не проказывалъ.

‡) Невольно тогда дозволяетъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

Хрептовичъ писалъ, что Головину «все мерещится систематическое преслѣдованіе со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, и если онъ занялся френологіей, то, по его мнѣнію, съ цѣлью доказать, что всѣмъ намъ недостаетъ шипекъ доброты, а я все больше и больше убѣждаюсь, что самому Головину недостаетъ шишки здраваго смысла». Хрептовичъ писалъ при этомъ, что выгоднѣе было пустить Головина въ Россію, гдѣ за нимъ были бы постоянный надзоръ, чѣмъ оставлять его влатьчи такое жалкое существованіе за границей, гдѣ онъ дѣлаетъ массу всевозможныхъ хлопотъ и неприятностей послѣдствію и правительству.

Пока бумага эта шла въ Петербургъ, 15 ноября Головинъ обратился къ Хрептовичу съ просьбой выдать ему паспортъ для вѣзда въ Россію со всѣми положенными коронационными манифестомъ ограниченіями, такъ какъ онъ не можетъ оставаться праздымъ зрителемъ новой эры, которую вводитъ въ Россію государь императоръ рядомъ такихъ мѣръ, какъ возстановленіе Польши, предстоющее освобожденіе крѣпостныхъ и т. п.

Черезъ десять дней Головинъ написалъ Александру II французское письмо:

«Я не зналъ, что письмо, адресованное мною 7 марта 1857 г. графу Хрептовичу, должно было попасть на глаза вашему величеству. Если бы и зналъ это, я бы привѣлъ слѣдующую выдержку изъ завѣщанія моего августѣйшаго батюшки: «благодарю всѣхъ, кто любилъ меня и служилъ мнѣ, прощамъ всѣхъ, кто ненавидѣлъ меня, и прошу всѣхъ тѣхъ, кого я оскорбилъ безъ намѣренія, простить меня». Я вознозилъ бы себя прибавить, что, наслѣдывая дружбу, вы не наслѣдовали ненависти, которую могли питать къ вашему прѣдшественнику.

«Прошеніе не должно быть случайно; въ такомъ сердцѣ, какъ ваше, истинная мнѣдота не должна неслать. Къ тому же прощеніе не дается хлѣба на 15 дѣей, тамъ же годъ, а навсегда. Тѣмъ хуже вамъ тѣмъ лучше для тѣхъ, кто мнѣ не пользуется или кто хочетъ воспользоваться.

«Влагодаря этому власти не имѣютъ возможности отвѣтъ разъ давнее, подданные не имѣютъ покушенія отказываться отъ предложеннаго. Государь, вашъ отецъ все далъ вамъ, у меня все отнятъ. Поэтому вы не можете быть ко мнѣ слишкомъ снисходительныи Имперя, которую вы наслѣдовали, достаточно обширна, чтобы въ ней не нашлось мѣсто для свободныхъ людей, не подчиня ихъ назвору, не заирая ихъ въ пачваніе. Недовѣріе вызываетъ недолюбвіе. Всѣхъ изродившихъ дарованій не будетъ слишкомъ много, чтобы помочь вамъ въ славномъ дѣлѣ реформы. Но самолюбіе и даровитость неравноручны. Увидѣть одно, значить давать ложное направленіе другому. Служба — это такая должность, которую никогда нельзя налагать, какъ наказаніе. Но отечество — благо, котораго не слѣдуетъ лишать тѣхъ, кто вѣрять въ васъ, какъ я всегда вѣрять.

«Вотъ, государь, что и сказалъ бы вамъ, и если мои рѣчи заслуживаютъ наказанія, ваше величество останется при своемъ рѣшеніи и не раскроете руку щедротъ своихъ для того, кто будетъ вѣчно предавать вамъ».

Дѣло было снова передано въ III отдѣленіе, гдѣ, какъ помнитъ читатель, о Головинѣ уже составлялась особая записка. Управляющій

отдѣленіемъ, помощникъ Долгорукова, Тимашевъ написалъ свое заключеніе: «Мнѣніе графа Хрептовича я признаю, вовсе не раздѣляю. Въ чемъ опасность оставить Головина за границею? Онъ всюду презираемъ, и какъ человекъ, и какъ писатель. Если по возвращеніи въ Россію онъ упадетъ въ новыя проступки, что очень вѣроятно, и будетъ подвергнутъ законной отвѣтственности, то враги наши неминуемо назовутъ помилowanіе его коварствомъ, оставитъ же его безнаказаннымъ было бы несправедливо въ отношеніи ко всѣмъ преслѣдуемымъ закономъ, и, наконецъ, съ пріѣзда его въ Россію какое будетъ его положеніе. Если въ обществѣ ему будетъ выражено вполнѣ заслуженное презрѣніе, то онъ снова уйдетъ за границу, болѣе чѣмъ когда-нибудь озлобленный, если же, напротивъ того, онъ найдетъ сочувствіе, то можетъ за собой увлечь нѣсколько несчастныхъ жертвъ. Опасеніе это, по мнѣ, тѣмъ основательнѣе, что изъ его писемъ видно намѣреніе быть *дѣятелемъ* на поприщѣ реформъ. Считаю долгомъ совѣсти представить все это на благоумерѣніе Вашего Сіятельства».

Долгоруковъ совершенно не согласился съ Тимашевымъ и самъ написалъ бумагу, (датированную декабремъ 1857 г.) назвавъ ее «соображеніемъ».

«Мнѣніе гр. Хрептовича, что опаснѣе оставлять бывшаго кол. секр. Головина за границею, нежели позволить ему возвратиться въ Россію, вполнѣ справедливо: ибо здѣсь въ случаѣ новыхъ проступковъ всегда можно удержать его или подвергнуть законной отвѣтственности, тогда какъ если за границею это ожесточенія онъ вовлечется въ новыя, еще болѣе вредныя для насъ дѣянія, то къ остановленію его правительство наше не будетъ имѣть никакихъ средствъ. Поэтому, чтобы, съ одной стороны, предотвратитъ означенныя послѣдствія, а съ другой—лишитъ Головина поводовъ непрерывно просить и жаловаться на ожидаемая имъ въ Россіи стѣсненія и принужденіе къ службѣ, было бы можно позволить ему возвратиться въ отечество и жить гдѣ пожелаетъ, не исключая столицъ, предоставивъ ему на волю, вступить или не вступать на службу, но съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго надзора».

«Если это удостоится утвержденія, то не будетъ ли признано нужнымъ объявить Головину, что распоряженіе объ оставленіи его въ прежнемъ положеніи сдѣлано было вслѣдствіе собственнаго его отзыва о нежеланіи возвратиться въ Россію, что въ день св. коронаванія Высочайшая воля о дарованіи ему прежнихъ правъ объявлена была въ той силѣ, что ему дозволено будетъ пользоваться имъ по возвращеніи въ отечество; что и мнѣ распоряженіе о предоставленіи ему означенныхъ правъ, безъ права однако же, на прежнее имущество, сдѣлано будетъ не прежде, какъ по прибытіи его въ Россію. Само собою разумѣется, что о предполагаемомъ секретномъ надзорѣ ему объявлять не слѣдуетъ».

Это «соображеніе» было доложено государю одновременно съ письмами Головина къ парижскому послу, гр. П. Д. Киселеву, и къ кн. А. Ф. Орлову. Въ первомъ Головинъ писалъ, что, строго соблюдая повелѣніе государя служить правительству, онъ не считаетъ воз-

можнымъ молчать при видѣ унижительной политики Россіи въ отношеніи Франціи. Орлову онъ высказалъ, между прочимъ, свою готовность «представлять о предметахъ общаго интереса», но чтобы не черезъ III отдѣленіе.

Александръ II разрѣшилъ позволить Головину возвратиться въ Россію безъ всякихъ ограниченій, но, видя изъ его писемъ, что онъ хочетъ быть здѣсь въ дѣлахъ государственныхъ, приказалъ: «забы Головину предварительно объявлено было, что правительство наше ни мало не нуждается въ его участіи, и что пріѣздъ разрѣшается ему все же въ тѣхъ видахъ, а единственно по снисхожденію къ его раскаянію, и чтобы все это объявлено ему было обстоятельно, дабы онъ впоследствии не имѣлъ повода жаловаться на неисполненіе надеждъ его, которыя не могутъ осуществиться». Кромѣ того, Долгоруковъ просилъ министра иностр. дѣлъ объявить Головину, что правительство не будетъ платить ему ничего, а братъ обѣщаетъ самое большое 1000 рублей сер. въ годъ.

За отсутствіемъ графа Хрептовича, бывшаго въ Петербургѣ и тамъ замолвившаго слово въ пользу Головина, замѣшавшій его баронъ Николаи объявилъ Головину царскую милость, на что услышалъ цѣлый панегирикъ императору. Поинтересовавшись, чѣмъ будетъ заниматься онъ въ Россіи и на какія средства жить, баронъ получилъ въ отвѣтъ, что Хлестаковъ намѣренъ заняться приготовленіемъ матеріаловъ для исторіи крѣпостного права, а жить будетъ на литературный заработокъ, въ которомъ совершенно увѣренъ. Николаи сообщилъ объ этомъ министру иностранныхъ дѣлъ и прибавилъ отъ себя, что возвращеніе въ Россію Головина «благопріятно подѣйствуетъ на его натуру, которая теперь находится въ аномальномъ состояніи. Съ нимъ надо обходиться, какъ съ больнымъ, и всё его письма, даже слова и писанія, достаточно указываютъ, что у него родъ моральнаго безпокойства, лихорадочнаго возбужденія, которая происходитъ отъ нѣсколько разстроеннаго разсудка...»

Когда за границу дошли слухи о поркѣ крестьянъ, говорившихъ о близкомъ пришествіи свободы, Головинъ рѣшилъ написать министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому, чтобы имѣлъ случай олубковатъ это письмо за границей, какъ въ доказательство своей неприкосновенности къ правительству, такъ и для того, чтобы хвастнуть кажушчися ему остроуміемъ. Вотъ оно: «Ваше Превосходительство! Въ минуту счастья Его Величество назначилъ васъ министромъ, и на памятникъ, который народъ воздвигнетъ за освобожденіе мужиковъ, ваше имя будетъ стоять высоко. Но у меня до васъ просьба, не отъ крестьянъ, а отъ львовъ. Ихъ бѣдныхъ скоро лишатъ всѣхъ вѣтвей. Временные генералъ-губернаторы, какъ военные, вѣроятно, также будутъ часто прибѣгать къ этому православному цѣлителю всѣхъ золъ. Предложите Его Величеству уничтожить тѣлесныя наказанія, и вы увидите, что проступки значительно уменьшатся. Русскій человѣкъ какъ-то свикъ съ розгами; онъ, раздирая кожу, раздражаютъ мозгъ и располагаютъ его къ шалостямъ. Или мы не просвѣтимъ Россію, а просвѣтимъ ее возвышая нравственное достоинство жителей. Помѣщикамъ и исправникамъ нельзя будетъ грѣшить,

когда не будет розогъ, порядокъ воцарится самъ собою и русский будетъ равенъ пруссаку или французу. Тюремное же наказаніе пускаетъ русскаго и должно дѣйствовать на него исправительно. Какою радостью озарится свѣтъ, когда государь приметъ этимъ указомъ!

17 марта 1858 г. Головину, наконецъ, былъ выданъ паспортъ для проѣзда до русской границы. Въ Берлинѣ его слѣдовало обмѣнять на другой, для въѣзда уже въ Россію. Затѣмъ ему былъ переданъ посольствомъ денежный переводъ отъ брата и сообщено вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ значительныхъ жертвъ, уже сдѣланныхъ семействомъ, оно не въ состояніи давать ему что бы то ни было. Головина не смутило это обстоятельство и онъ отвѣтилъ, что выѣдетъ въ началѣ апрѣля.

Однако, и на этотъ разъ онъ все откладывалъ отъѣздъ, считывая быть въ Россіи болѣе желаннымъ гостемъ и даже питая отдаленную надежду на субсидію для расчета съ лондонскими кредиторами.

Надежда эта поддерживалась по мѣрѣ отправки въ Петербургъ, политическихъ рецептовъ и особенно усилилась послѣ изданія книги объ Александрѣ I.

Мих. Лемне.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Неизданное письмо Пушкина.

Послѣ І. М. Пеньковского, Нижегородскаго управляющаго Пушкинскихъ, остался небольшой архивъ, который разбрелся по рукамъ его наслѣдниковъ. Часть его была передана одною изъ дочерей І. М. Триворову, который напечаталъ находившіяся въ немъ Пушкинскія письма (они перепечатаны въ послѣднихъ изданіяхъ гг. Морозова и Ефремова), и съ его смертью куда-то безслѣдно исчезла. Одно письмо А. С. Пушкина, документы по исторіи Нижегородскихъ имѣній Пушкиныхъ и письма Л. С. Пушкина, до сихъ поръ не опубликованные, достались паснику одного изъ сыновей Пеньковского, д-ру Н. Н. Оболонскому. Печатаемое ниже письмо только датировано и подписано Пушкинымъ; по семейнымъ преданіямъ Пеньковскихъ, текстъ его написанъ рукою І. М. (Н. Н. Оболонскій говорилъ намъ, что и другія видѣнные имъ письма А. С. къ Пеньковскому были только подписаны великимъ поэтомъ, текстъ же былъ написанъ другою рукою). Преданіе это подтверждается нѣкоторыми особенностями правописанія текста (Пеньковскій—бѣлорусскій шляхтичъ). Письмо было, повидимому, переслано или передано Пушкину для подписи. Текстъ его съ сохраненіемъ орвографіи таковъ:

«1834 году октября 30-го дня мною ниже подписавшимся назначается управителю по данной мною довѣренности на село Болдино и селцо Кистенево Юсифу Матвѣеву Пеньковскому жалованья въ годъ одну тысячу рублей ходячей монетой дозволяется держать пару лошадей собственныхъ и для оныхъ сѣно и овса двадцать четыре четверти — *ординарій* — ржи четыре четверти, ячменью три четверти, гороху четыре четверика, гречки одна четверть четыре четверика, муки крупичетой шесть пудовъ, крупъ рисовыхъ десять фунтовъ, манныхъ пятнадцать фунтовъ; соли три пуда, говядины восемь пудовъ, свинины три пуда, коровьяго масла три пуда, индѣекъ десять, гусей пятнадцать, утокъ двадцать, куръ тридцать, телятъ четыре, барановъ пять, поросятъ десять, яицъ четыреста, свечей сальныхъ два пуда двадцать фунтовъ, вина пѣннаго шесть ведеръ. Въ разѣздахъ расходы мой если по собственному моему дѣлу, если же по какимъ другимъ дѣламъ касающихся лично однихъ крестьянъ, тогда на шеть вотчины, угодіи прибѣжихъ по должности чиновника къ дѣлатъ умѣренныя. 30 октября 1834. Александръ Пушкинъ» (дата и подпись рукою Пушкина). Послѣдняя, очень характерная фраза письма была, вѣроятно, подсказана самимъ великимъ поэтомъ.

Вл. Калашъ.

Земское движение до образования партии Народной Свободы.

(Продолжение ¹⁾.)

Хотя созданное Государственным Советом Положение 12 июня 1890 года далеко отличалось от проекта гр. Толстого, но придав сословную дворянскую окраску, усилив опеку губернаторов и сдвывая председателей и членов управ чиновниками, правительство помнило, что тем самым оно введет земские учреждения в желательное для него русло—превратить в совещательные органы по местным делам и спаяет, так сказать, земство с администрацией, отдав всё преимущества последней. Но лишь бюрократическое недомыслие, полное непонимание законов человеческой жизни, незнание истории могло внушить самодержавному чиновничеству такую недальнюю мысль, чтобы оно могло приостановить движение вперед великого многомиллионного народа, прекратить биение его сердца, умертвить его душу, усыпить мысли. Разумные общества послѣ 1 марта 1881 года, искание новых путей, сопровождавшееся временным затиханием на поверхности общественной жизни, бюрократия приняла в полное и вѣчное «успокоение». Мы говорили «затихшие на поверхности общественной жизни» потому, что в глубинѣ ея шла деятельная работа, сильно бился пульс, но правительство не знало этого и не могло знать. Оно имѣло дѣло лишь съ типами Чехова, который также не проник в глубину жизни населения и не видѣлъ, что подъ пошлою поверхностью ключемъ бьетъ иное течение, которое, вскорѣ послѣ смерти его, проявилось наружу и быстро снесло сѣру пошлую накипь, образовавшуюся въ царствование Александра III-го, такъ художественно изображенную въ произведенияхъ Чехова.

Никакия гонения и репрессии на самомъ дѣлѣ не могли убить душу-жизнь: выноса невѣроятный гнетъ, люди все же жили и думали, думали и жили.

Энергичная освободительная работа шла и въ земствѣхъ.

Является вопросъ, какимъ образомъ она могла тамъ проявиться при Положении 12 июня 1890 года.

Самую существенную и важную роль въ земскомъ движении

сыграла бессословная, внѣклассовая русская интеллигенція, которая вообще была основнымъ и, пожалуй, единственнымъ элементомъ жизнедеятельности страны до самаго того момента, когда на арену русской жизни не выступили широкія массы населения.

Русская интеллигенція представляеть въ своемъ родѣ исключительное явленіе въ мировой истории. Выдѣленная въ первой фазѣ своего развитія, главнымъ образомъ, изъ среды землевладѣльческихъ и чиновныхъ классовъ, частью изъ купечества, духовенства и другихъ сословій, она, вырываясь изъ семьи и попадая въ учебное заведеніе, не только теряла всякую связь со своею средою, но вступала съ нею въ борьбу, во имя демократическихъ идеаловъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Долгое время не встрѣчая поддержки въ населении, русская интеллигенція, дѣйствительно, была «безпочвенна», какъ ее характеризовали реакціонные элементы, но это не мѣшало ей мужественно и самоотверженно стремиться къ лучшему будущему, будить общество и при всякомъ удобномъ случаѣ отвоёвывать шагъ за шагомъ права человѣка и гражданина.

Первое учрежденіе, которое дало пріютъ этой разнорочинной интеллигенціи, а впоследствии, въ лицѣ выдающихся дѣятелей, вступило съ нею въ тѣсную связь—это было земство. Наиболее оппозиционнымъ и энергичнымъ элементомъ изъ земской интеллигенціи, долгое время были земскіе статистики. Первыми статистиками были, въ сущности говоря, народники-пропагандисты. Основнымъ требованіемъ земской статистики было мѣстное подворное изслѣдованіе, т. е. собираніе свѣдѣній непременно отъ самого населения, въ мѣстѣ его жительства, въ присущей ему обстановкѣ. Нужно ли говорить, что такое занятіе, позволявшее имѣть непосредственную связь съ народомъ, легально изучать его нужды и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять эти нужды самостоятельно или при посредствѣ земства, такое, повторяемъ, занятіе привлекало къ статистикѣ большой процентъ лучшей мыслящей интеллигенціи. При наступленіи реакціи въ какомъ видѣ земствѣ она прежде всего отражалась конечно на статистикахъ, на которыхъ тогда же начиналось гоненіе. Тогда статистики перекочевывали въ другія земства, гдѣ условия были имъ благоприятны, а затѣмъ нѣрѣдко обратно возвращались въ мѣсто перваго служенія, когда реакція прекращалась. Словомъ, это былъ настолько приспособленный къ тяжелымъ условіямъ русской жизни элементъ, настолько «обстрѣленный», самоотверженный и неприхотливый въ своихъ требованіяхъ, что съ нимъ трудно было бороться. Его гоняли съ мѣста на мѣсто, но унычтжить не могли. Не мало было земскихъ статистиковъ, которые не разъ исколесили земскую Россію, перебивали чуть не во всѣхъ земствахъ, хладнокровно относясь къ ударамъ судьбы, чувствуя себя какъ дома, въ каждомъ новомъ земствѣ.

Помимо описанныхъ качествъ, громадный процентъ статистиковъ, особенно въ первое время существованія земской статистики, обладали широкимъ образованіемъ, всестороннимъ развитіемъ и превосходнымъ знаніемъ земскаго дѣла и жизни населения. Они являлись правую рукою земскихъ управъ, безъ которыхъ послѣднія просто иногда не могли обойтись. Въ виду этого лучшія земства, въ большинствѣ слу-

¹⁾ См. «Валок», апрѣль.

чаевъ, горою стояли за статистику и статистиковъ, мужественно защищая отъ администрации, которая не выносила земскую статистику, теряя ее, какъ допущенное зло и пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы забыть отъ него.

Съ развитіемъ земскаго дѣла, увеличивался въ земствѣ и другой контингентъ интеллигенціи. Расширеніе медицины повлекло за собой увеличеніе числа врачей, заботы объ улучшеніи сельскаго хозяйства и скотоводства заставили привлечь агрономовъ и ветеринаровъ, наконецъ, развитіе школьнаго дѣла потребовало цѣлой арміи учителей и учительницъ. А такъ какъ земская служба не представляла ни особенныхъ матеріальныхъ выгодъ, ни, тѣмъ болѣе, привилегій, въ смыслѣ карьеры, а, наоборотъ, губила эту карьеру, — такъ какъ власти болѣе, чѣмъ подозрительно, смотрѣли на земскую службу, — то на послѣднюю шли, въ большинствѣ случаевъ, лица, демократически настроенныя и проникнутыя искреннимъ стремленіемъ принести пользу населенію.

Вся эта земская интеллигенція, этотъ «третій элементъ», постоянно сталкивался на попріи земскаго дѣла, вслѣдствіе чего, мало по малу, образовалась довольно тѣсная связь всѣхъ интеллигентныхъ земскихъ профессій. Кроме того, при посредствѣ земской интеллигенціи, земство сблизилось съ лучшими представителями науки и литературы. Земскіе агрономы, статистики, врачи пользовались большимъ вниманіемъ выдающихся профессоровъ, которые, симпатизируя земскому дѣлу, готово оказывали всяческую помощь своимъ бывшимъ воспитанникамъ и нерѣдко принимали горячее участіе въ ихъ работахъ. Затѣмъ, лучшая пресса охотно открывала свои столбцы и страницы для земской интеллигенціи, которая давала богатѣйшій и жизненный матеріалъ для науки и литературы. Въ этомъ отношеніи, — скажемъ здѣсь къ слову, — особенною, можно сказать — историческую, роль сыграли «*Русскія Вѣдомости*», сослужившія великую незабвенную службу земскому дѣлу¹⁾.

Такимъ образомъ, вокругъ земства сгруппировалась почти вся лучшая, наиболее энергичная, демократически настроенная интеллигенція, которая, съ одной стороны, въ лицѣ, напримѣръ, сельскихъ учителей и врачей и т. д., связывала земство непосредственно съ народомъ, а съ другой — съ высшими интеллектуальными сферами, съ наукой и литературой, съ различными обществами, какъ, напримѣръ, Московское Юридическое или Импер. Вольно-Экон. Общество. Получилась громадная сила, прочная организация, если не связанная никакою программой, то проникнутая единымъ стремленіемъ — вывести народъ изъ тьмы, невежества, бѣдности и произвола къ свѣту, свободѣ и матеріальному обезпеченію.

Къ моменту введенія «новаго» земскаго Положенія 12 июня 1890 года земскія интеллигентныя силы были уже въ полномъ рас-

цвѣтѣ. Гоненія въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ Царствованія Александра III-го, съ 1881 по 1890 годъ включительно, не только не разгромили эту силу, а, какъ разъ наоборотъ, сплотили ее, какъ сплавивають всякія гоненія. Земскія «реформы» 1890 г., въ сущности говоря, непосредственно не трогали «третьяго элемента». Положеніе 1890 года стремилось, главнымъ образомъ, отдать земство въ руки дворянства и администрации, т. е. изъ всесловнаго земства сдѣлать сословное, дворянско-бюрократическое, но оно не уничтожило земскихъ функций, немыхъ безъ помощи интеллигенціи. Остались статистика, агрономія, школы, больницы и т. д. Мало этого, «реформа» 1890 года, пожалуй, даже способствовала упроченію земской интеллигенціи, расширила сферу ея дѣятельности. И вотъ почему, когда введено было Положеніе 12 июня 1890 года, то въ земствѣ произошла такая дифференціация. Съ одной стороны, въ него влилось крупное старое дворянство съ крѣпостническими тенденціями и тяготѣніемъ къ правительству, но совершенно неработоспособное и абсолютно бездѣтельное. Въ то время, какъ при всесловномъ земствѣ, по Положенію 1864 года, значительную часть земской работы исполняли сами земцы, въ лицѣ управы и гласныхъ, дворянское земство да еще при расширеніи земскаго хозяйства, совершенно не могло уже справиться съ работою и охотно взвалило ее на чужія плечи, то есть готово было, покуда не затронулись его личные, шкурные интересы, предоставить трудиться всякому, кто пожелаетъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались лучшія земскія силы изъ сохранившихся дѣтелей стараго земства, новаго поколѣнія земцевъ, и, наконецъ, — всесловной разночинной земской интеллигенціи. При этомъ лучшіе земцы протянули руку «третьему элементу» и пошли съ нимъ по пути, который долгое время былъ для нихъ одинъ. И вотъ, получилось удивительное явленіе: земство, какъ широкое самоуправленіе, было почти упразднено Положеніемъ 12 июня 1890 года, а между тѣмъ земская дѣятельность процвѣтала не меньше, если даже не больше, чѣмъ въ періодъ дѣйствія Положенія 1864 года. Вдругъ, неожиданно для правительства, «новое» земство стало, съ мѣста въ карьерѣ, въ непримиримую оппозицію съ бюрократіей; въ то же время рѣкою полились широкіе земскіе проекты: всеобщее обученіе, санитарная организация, продовольственная организация, учительскіе съѣзды, агрономическіе съѣзды, статистическіе съѣзды, а затѣмъ невзвѣренное количество комиссій при обходномъ участіи земцевъ и земской интеллигенціи и т. д., и т. п.

Уже въ 1891—1892 годы стали проявляться и открытая связь земской служилой интеллигенціи съ выборнымъ земствомъ, и стремленіе земствъ къ единенію, и совершенно оппозиционное отношеніе земскихъ учреждений къ правительству. Выяснилось это на вопросѣ о народномъ продовольствіи, обострившемся, вслѣдствіе сильнаго въ эти годы неурожая, повлекшаго за собою голодъ и холеру.

Земство проявило въ это время большую энергію, предоставивъ во многихъ губерніяхъ главную роль земской интеллигенціи и преимущественно, статистикамъ. Этотъ еле терпимый правительствомъ элементъ сталъ развѣзжать по деревнямъ, собирать свѣдѣнія о раз-

¹⁾ Это было, можно сказать, по преимуществу земской органъ, но въ общемъ и вся прогрессивная часть поддерживала земскую интеллигенцію. Нельзя, напримѣръ, не упомянуть такихъ органовъ, какъ: «Право», «Русское Богатство», «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль» и много другихъ.

мѣрахъ продовольственной нужды, опровергать данные, представляемые земскими начальниками и даже, какъ эта было, напримеръ, въ Нижегородскомъ земствѣ,—закупать хлѣбъ для голодающихъ. Въ то же время земскіе врачи, учителя, приглашенные студенты и интеллигенція вообще стали устраивать столовые, продовольственные пункты и т. д.

Правительство выходило изъ себя. Только что стало дѣйствовать «новое» положеніе, задачи котораго сводились къ подчиненію земства администраціи, и вдругъ это земство выступаетъ передъ населеніемъ въ первой роли, да еще выдвигаетъ и третій элементъ, способный, по мнѣнію бюрократіи, лишь къ производству смуты. И вотъ министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ тогда статсъ-секретарь П. Н. Дурново, входитъ въ Государственный Совѣтъ съ объяснительною запискою, въ которой доказываетъ всю несостоятельность земства въ дѣлѣ народнаго продовольствія. Министерство доказываетъ, что за земскими собраниями невозможно оставить распорядительную власть въ дѣлѣ продовольствія, а слѣдуетъ на ряду съ земскими управами привлечь административные органы, подчинивъ тѣ и другіе власти губернаторовъ. Для этого проектируется при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образовать особый продовольственный отдѣлъ, а въ губерніяхъ учредить должности непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій и усилить личный составъ земскихъ начальниковъ. Для этого министерскаго изобрѣтенія требовалось увеличеніе государственной сѣмты на 300.000 руб., помимо содержанія новаго штата земскихъ начальниковъ.

Въ самомъ началѣ 1892 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ была на эту тему разосланъ циркуляръ, чтобы выслушать мнѣніе продовольственныхъ комиссій.

Объ одной изъ такихъ комиссій, именно Нижегородской, мы и сообщимъ болѣе подробно свѣдѣнія. Замѣчательна эта комиссія тѣмъ, что во главѣ ея стоялъ умный и честолобивый тогдашній Нижегородскій губернаторъ извѣстный Н. М. Барановъ, употреблявшій всѣ усилія скомпрометтировать земство и передать народное продовольствіе въ руки правительства, а на сторонѣ земства стояли такіе лица, какъ извѣстный статистикъ, завѣдывавшій тогда Нижегородскимъ статистическимъ бюро Н. Ф. Анненскій и извѣстный писатель В. Г. Короленко ¹⁾.

¹⁾ Какъ извѣстно изъ талантливой книги «Въ годовой годъ», В. Г. Короленко принималъ большое участіе въ дѣлѣ продовольственнаго населенія въ Луконовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ. въ 1891—1892 г. Онъ работалъ какъ частный благотворитель, причемъ Нижегородское губернское земство отпустило въ его распоряженіе 1000 рублей хлѣба, и какъ члена благотворительнаго комитета и губернской продовольственной комиссій. Последнюю организовалъ губернаторъ Барановъ съ цѣлью вырвать дѣло продовольствія изъ рукъ губернской земской управы. Сначала Влад. Гагаевъ послѣлъ Барановскую комиссію въ качествѣ корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», причемъ Барановъ негдѣ записывалъ его, какъ «участника», но впоследствии, возмущившись изъ Луконовскаго уѣзда, В. Г. подъ впечатлѣніемъ безобразій, которыми творили изъ населеннаго уѣзда земскіе начальники надъ голодающимъ народомъ, рѣшилъ сдѣлать изъ этой комиссій докладъ, который въ свое время и былъ напечатанъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Нападавъ на губернскую земскую управу, Барановъ гиталесъ Короленко и Анненскаго увѣрить, что онъ, Барановъ, вскорѣ распрости земскую лажу съ голодающимъ хлѣбомъ и просилъ поддержать ему съ стороны хлѣ. Но на. Та. изъ докладъ негдѣ на это, что

Засѣданіе нижегородской продовольственной комиссій, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, происходило 27-го мая 1892 года. Предсѣдатель ея, губернаторъ Н. М. Барановъ, открывая засѣданіе, сказалъ, что, «приступая къ исполненію данной министромъ внутреннихъ дѣлъ задачи—выработать отвѣты на вопросы, поставленные его превосходительствомъ,—комиссія наша постановила: помощью печати и отдѣльныхъ писемъ, постараться, какъ можно болѣе огласить распоряженіе министра, съ цѣлю вызвать наибольшее количество отвѣтовъ и мнѣній. Затѣмъ была образована особая подкомиссія для разсмотрѣнія, группировки этихъ мнѣній и составленія по нимъ проекта доклада собранію губернской комиссій». Сообщивъ далѣе о работахъ подкомиссій, Барановъ въ концѣ рѣчи своей сказалъ: «Къ сожалѣнію В. Г. Короленко, членъ подкомиссій, не участвовалъ въ ея занятіяхъ, быть въ это время въ уѣздѣ. Передать его отдѣльное мнѣніе на предварительное обсужденіе подкомиссій, въ виду краткости срока, остающагося до представленія въ министерство нашего мнѣнія, мы не можемъ, и потому я просилъ бы собраніе, игнорировать постановленіе подкомиссій, полностью обсудить вопросъ, поднимаемый В. Г. Короленко».

Послѣдній послѣ этого прочелъ свой замѣчательный по обстоятельности и глубокому анализу докладъ, слѣдующаго содержанія: «Къ проекту, выработанному подкомиссіей, я имѣю сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся самыхъ началъ, на которыхъ строится продовольственное дѣло, такъ какъ мнѣ кажется, что критикъ должны подлежать мнѣ не только подробности, но прежде всего самыя принципы, изъ которыхъ эти подробности истекаютъ. Никто уже, кажется, не оспариваетъ положеніе, что мнѣніе бывшее является результатомъ не однихъ стихійныхъ случайностей послѣдняго года. Случайности эти вступились съ условіями хозяйства, глубоко подорваннаго цѣлымъ рядомъ прѣдшествовавшихъ лѣтъ, и оно не нашло въ себѣ силы для стойкаго сопротивленія. Еще одинъ такой годъ, и трудно сказать, каковы были бы послѣдствія для всей страны. А если это такъ, то ясно также, что рациональная система, направленная на борьбу съ этимъ явленіемъ, не можетъ ограничиться мѣрами, рассчитанными на новое такое же бѣдствіе, принимаемыми тогда, когда оно уже разразится. Необходимо прежде всего предупредить возможность въ будущемъ такой же катастрофы, необходимо устранить условия, которыя истощали и обезсиливали сельское хозяйство страны, необходимо помогать крестьянскому хозяйству постоянно, чтобы не быть вынужденными дѣлать все это сразу и спѣшно, какъ это пришлось нынѣ. Не дай Богъ встрѣтить еще въ будущемъ такіе годы, а это непременно должно случиться, если прежнія условія останутся въ силѣ, и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось бороться тѣми же средствами, потому что это

онъ можетъ писать и говорить только о фактахъ, что онъ хорошо знаетъ лицъ, стоящихъ во главѣ земскаго дѣла, какъ людей глубоко честныхъ. Н. Ф. Анненскій, въ свою очередь, горячо защищалъ земство. Въ главѣ VIII «Въ годовой годъ» отчасти изображена эта исторія, какъ и то, что было бы, если бы Барановъ восторжествовалъ. Но даже въ свѣченномъ видѣ эта глава не была свѣченна проиграна, а между тѣмъ тогда уже, въ 1892 г. въ Нижегородской губ. было вѣрно, весьма нахохлившееся Литла-Фидериса.

значило бы, что мы ничему не научились. Мы слышали нервно в течение последних месяцев, что помощь, оказываемая мнѣ населеніем, производила деморализующее вліяніе. Можетъ быть, это и не ожиданно, но изъ всего, что мнѣ пришлось видѣть и продумать за это время, я вынесъ именно это прискорбное убѣжденіе. И не потому помощь оказывала такое вліяніе, что располагала къ безлечности, лѣни и пьянству, какъ это утверждаютъ многие. Эти соображенія кажутся мнѣ совершенно неосновательными: въ народѣ привычка къ труду создавалась вѣками и, конечно, не исчезнетъ въ одну зиму. Я имѣю въ виду другую сторону дѣла. Намъ не унижаетъ только то, что мы получаемъ по праву. Не унижаетъ плата за трудъ, не унижаетъ кредитъ, истекающій изъ кредитоспособности берущаго, или страховая премія, выдаваемая въ случаѣ несчастія. Имѣло ли наше крестьянство, постигнутое неурожаемъ, право на помощь? Несомнѣнно. Государственная необходимость и государственная польза требовали поддержки населенію, несущему главную массу повинностей и тяготы. Но дѣйствительно ли на практикѣ нынѣшняго года пособие выдавалось русскому крестьянину такъ, какъ выдается оно человѣку, имѣющему право на то, чего онъ проситъ, какъ выдается банковская ссуда кредитоспособному заемщику или страховая премія давнему плательщику? Несомнѣнно—нѣтъ. Достаточно вникнуть въ смыслъ такъ называемой «провѣрки списковъ на мѣстахъ»,—явленія, получившаго какъ бы право гражданства и составляющаго почти логическую необходимость при нынѣшней постановкѣ дѣла, достаточно задуматься въ значеніе этихъ обысковъ въ амбарахъ, избахъ, подпольяхъ и даже въ печкахъ, чтобы понять истинный характеръ этой ссуды. Крестьянинъ рассматривается не какъ полноправный хозяинъ, приходящій, чтобы заключить извѣстную, хотя бы и льготную, кредитную сдѣлку, а какъ попрошайка, который прежде всего подлежитъ подозрѣнію въ утайкѣ имущества съ цѣлью вымогательства. Съ момента просьбы, а часто и ранѣе ея, всякій крестьянинъ оказывался въ положеніи подозрѣваемого и обискиваемого, а то, чѣмъ онъ законно владѣеть, обращалось въ поличное, сообразно взгляду ближайшаго начальства на «необходимое» и «излишнее» имущество. Несомнѣнно, что отношенія, возникающія на этой почвѣ, недостойны ни русскаго крестьянства, основаннаго на этой почвѣ, которое только клевета можетъ обвинять въ огульной порочности, ни представителей ближайшей власти. Несомнѣнно, что такая постановка глубоко симпатичнаго и необходимаго дѣла помощи деморализуетъ тѣхъ и другихъ, создавая самую нежелательную взаимную чувствъ. А между тѣмъ нельзя отрицать также многочисленныхъ фактовъ утайки и неправильныхъ показаній объ имуществѣ. Происходить они не отъ порочности и лживости русскаго народа, а отъ неправильной постановки дѣла. Кому прежде всего выдается ссуда? Тому, кто докажетъ, что онъ совершенно разоренъ, т. е. елико нѣ кредитоспособенъ. А съ кого мы брали всегда и впередъ будемъ взыскивать выданное за круговой порукой? Съ болѣе кредитоспособныхъ, со средняго, еще не окончательно разоряющагося хозяина. Совершенно понятно, что тѣ, кто всегда платилъ, кто будетъ платить впередъ, считаютъ себя вправѣ и брать прежде другихъ. Въ этомъ есть

внутренняя справедливость, и если для ея осуществленія приходится дать неправильную отяѣтку о наличномъ (скудномъ, во всякомъ случаѣ) имуществѣ, то ложь считается лишь формальной, что легко встрѣтить во всѣхъ, даже наиболее развитыхъ классахъ общества (вспомните хотя бы оцѣнки городскихъ и иныхъ имуществъ, подлежащихъ сборамъ). Что же нужно, чтобы устранить этотъ глубоко прискорбный характеръ въ будущемъ? Прежде всего, ясное и точное разграниченіе помощи государственной и земско-хозяйственной, поддерживающей плательщика, и филантропической (хотя бы тоже съ помощью государства), оказываемой нищему. Последнему нужна даровая милостина, первому—рациональный кредитъ и страховая премія, которые бы осуществляли и укрѣпляли его кредитоспособность. Отсюда мое первое предложеніе, что въ основаніе для организациі продовольственнаго дѣла должны лечь: начало широкаго земледѣльческаго кредита и принципъ страхования въ той или другой формѣ. Подъ кредитомъ же, въ широкомъ смыслѣ, я разумѣю и тѣ производительныя затраты государства на улучшеніе крестьянскаго хозяйства, которая подлежатъ возврату косвенному, въ видѣ подѣла платежныхъ силъ населенія. Все это, конечно, не легко, но и положеніе нашего отечества также трагично, и было бы прискорбно ошибкой думать, что мы выйдемъ изъ него безъ напряженныхъ усилій. Нужно искать не того пути, который легче, а того, который дѣйствительно ведетъ къ цѣли. Второй вопросъ, подлежащій принципиальному рѣшенію, состоитъ въ томъ, кто долженъ вести продовольственное дѣло, въ случаѣ бѣдствія, подобнаго нынѣшнему. Согласно обсуждаемому проекту—въ обычное время продовольственное хозяйство остается въ рукахъ земства. Иначе, конечно, и быть не можетъ, такъ какъ иначе не было бы и самого земства, которое, какъ извѣстно, преобразовано, но не упразднено. Но, въ случаяхъ «обостренія продовольственныхъ обстоятельствъ»—проектъ изымаетъ дѣло изъ рукъ обычныхъ хозяевъ и передаетъ въ особое смѣшанное учрежденіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора. Прежде всего я нахожу не совсѣмъ яснымъ выраженіе «обостренія продовольственныхъ обстоятельствъ», опредѣляющее моментъ этого изыятія. Если мы признали, что бѣдствіе, подобное нынѣшнему, есть результатъ взаимодѣйствія стихійныхъ случайностей и органическаго разстройства, то очевидно также, что характеръ явленія, прежде всего,—постепенное возрастаніе. И, дѣйствительно, голодъ подкрадывался къ намъ годами, и уже прошлой весной 1891 года губернія дала кое-гдѣ картины бѣдствія, болѣе остраго, чѣмъ нынѣшнее, смилостивенное правительственной помощью. Но въ такомъ случаѣ,—когда же уловить моментъ изыятія продовольственнаго дѣла изъ однихъ рукъ и передать его въ другія? Голодъ въ одной волости, въ 2-хъ, 3-хъ, въ Уездѣ, въ двухъ уездахъ, въ губерніи? Достаточно ли этого для отнятія продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства? Съ одной стороны, сплошного голода во всей губерніи не было даже и нынѣ, съ другой—для сущаго дѣла, для его губернской организациі почти безразлично, есть такое же обостреніе въ соседнихъ губерніяхъ, или нѣтъ. Это вопросъ, касающійся государственнаго казначейства, для данной же губерніи достаточно того, что она поражена неурожаемъ, независимо

отъ другихъ. Итакъ, если земство ведетъ дѣло продовольствія, когда неурожай постигаетъ его губернію, то дѣло, очевидно, не должно мѣняться отъ того, что и въ другихъ губерніяхъ земства вынуждены дѣлать то же. Измѣнятся подробности, сущность дѣла останется та же. Между тѣмъ проектъ предполагаетъ, повидимому, какой-то рѣзкій поворотной пунктъ, вродѣ формальнаго объявленія войны, съ котораго начинается мобилизація военныхъ силъ страны.

Въ действительности такого пункта быть не должно, если только дѣло будетъ поставлено правильно. Если уже брать это сравненіе—неурожая съ войной, то изъ примѣра военно-продовольственнаго учрежденія, интендантства, мы не должны упускать изъ виду одну очень существенную черту: интендантство есть учрежденіе, продовольствующее армию въ мирное, обычное время. Единственное, сколько мнѣ извѣстно, измѣненіе по существу въ его организаціи состоитъ въ выдѣленіи полевого интендантства. Но и это измѣненіе вызвано такимъ условіемъ, каково нѣтъ въ нашемъ случаѣ; армія передвигается, губернія же остается на мѣстѣ. Итакъ, оставляя въ сторонѣ вопросы о достоинствахъ или недостаткахъ интендантства по существу, мы должны взять изъ него основной и несомнѣнно правильный принципъ: то самое учрежденіе, которое ведетъ обычное продовольственное дѣло въ губерніи, должно вести его и въ случаѣ «обостренія затрудненій». Ломка и перемѣны въ виду нависающей грозы могутъ повлечь только потрясенія, замедленія и ошибки. Учрежденіе должно лишь быть настолько эластично, чтобы могло расширить сферу своихъ дѣйствій по требованію обстоятельствъ. А для этого земскія учрежденія имѣютъ законное средство въ усиленіи состава управъ во время неурожая. Затѣмъ гласность, составляющая въ земствѣ укоренившуюся традицію, и живая связь съ населеніемъ, съ обществомъ, которое, какъ это видно изъ нынѣшнихъ опытовъ, должно быть непрерывно привлекаемо къ дѣлу распределенія помощи, являющіяся важными добавочными соображеніями въ пользу защищаемого мною мнѣнія. Оба высказанные нами принципа связываются въ одно цѣлое слѣдующимъ образомъ: земство, какъ органъ государственно-хозяйственной жизни, должно взять на себя проведеніе широкихъ мѣръ сельско-хозяйственной жизни, должно взять на себя проведеніе широкихъ мѣръ сельско-хозяйственной помощи, въ видѣ кредита страхового и сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Эта работа трудная, но необходимая, составляющая жизненный узелъ нашего благосостоянія, должна быть ведома и въ нормальное время. Неурожай, хотя бы частичный,—есть всегда, нужда въ помощи никогда не прекращается. Нужно только не запускать, а расширять эту работу. Необходимо *опредѣлять* и *подыпать* постепенно кредитоспособность русскаго крестьянина. Разъ это будетъ сдѣлано заранее,—нѣтъ надобности въ экстренныхъ мѣрахъ, въ обыскахъ и провѣркѣ списковъ. Земская статистика даетъ общую картину неурожая и недорода, учрежденія, которыя еще должны быть созданы,—имѣютъ наготовѣ списки кредитоспособности. Общее же руководство должно находиться въ привычныхъ рукахъ, и работа только усиливается съ неурожаемъ, или, вѣрнѣе,—только мѣняется форма... Администраціи же должно принадлежать широкое право контроля.

Это отдѣленіе власти исполнительной въ дѣлѣ продовольствія и власти *контролирующей* я считаю необходимой гарантіей успѣха дѣла, гарантіей, которая совершенно исчезаетъ съ соединеніемъ обѣихъ функций въ одномъ, хотя бы и смѣшанномъ, учрежденіи.

Н. Ф. Анненскій въ чисто дѣловыхъ вѣсѣхъ замѣчаніяхъ талантливо защищалъ земство и разбивалъ адреналины всѣхъ бюрократическія поползновенія. Трудно было болѣе ясно и подробно изложить сущность продовольственнаго дѣла, чѣмъ это сдѣлали оба выдающиеся представители русской интеллигенціи, но въ то же время ихъ взгляды совершенно расходились съ возжеланіями бюрократіи, стремившейся, во что бы то ни стало, изъять продовольствіе изъ рукъ земства.

Поэтому предложеніе Короленко и Анненскаго даже не баллотировали, а просто «приложили» къ журналу.

Фактически съ 1892 г. народное продовольствіе, при большомъ содѣйствіи Баранова, перешло въ руки бюрократіи, а въ результатѣ въ наши дни явились Гурко—Ливаль—Фридериксъ, какъ наглядное доказательство «преимуществъ» чиновничьяго управленія надъ земскимъ¹⁾.

Земство, конечно, энергично протестовало противъ захвата дѣла народнаго продовольствія, но правительствомъ упорно стояло на своемъ, задавшись цѣлью, какъ увидимъ ниже, путемъ «частичныхъ измѣненій» низвести положеніе 1890 года до уровня проекта графа Толстого, т. е., иными словами,—раздѣлаться съ земскимъ самоуправленіемъ окончательно.

Въ 1893 году бюрократія сдѣлала покушеніе и на земскую статистику, и на медицину. 8 іюня 1893 года появились Высочайше утвержденныя правила объ отчѣтѣ недвижимыхъ имуществъ, а 10 іюня Высочайше утвержденный лечебный уставъ. «Правила» стремились изъять изъ рукъ земства одну изъ важнѣйшихъ его функций—обложеніе имуществъ, а цѣлью «устава» было—подчиненіе врачебнаго персонала правительству. Однако, послѣднему ни то, ни другое не удалось: путемъ то открытаго протеста, то обструкціи земство дало такой отпоръ бюрократіи, что отъ введенія лечебнаго устава министерство внутреннихъ дѣлъ должно было отказаться, а «правила» объ отчѣтѣ недвижимыхъ имуществъ хотя и были осуществлены, но они дали какъ разъ обратные результаты тому, что ожидало правительство. Послѣднее, вводя «Правила», думало, во-первыхъ, изъять обложеніе имуществъ изъ рукъ земства, во-вторыхъ—превратить земскую статистику въ официальное учрежденіе, содержащее на средства правительства и всецѣло подчиненное губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ, и въ третьихъ, наконецъ,—прекратить мѣстную подпорную изслѣдованія, которыми статистики, по мнѣнію бюрократіи, пользовались исключительно для цѣли пропаганды. Но громадное болѣ-

¹⁾ Скажемъ въ саову, что въ 1892 году для борьбы съ голодомъ былъ учрежденъ особый комитетъ для помощи нуждающимся, подъ предѣлительствомъ наслѣдника цесаревича, и особые совѣщанія въ трехъ министерствъ, подъ предѣлительствомъ А. А. Абазы, для организаціи общественныхъ работъ.

шинство земств высказались за ведение оцѣночныхъ работъ старыми статистическими бюро при управлѣнн и за экспедиционный способъ изслѣдованн, т. е. — за раздѣлы статистиковъ. Кроме того, правительственныя ассигновки на оцѣночныя работы повлекли за собою то, что статистическія работы возникли и тамъ, гдѣ раньше ихъ не было или онѣ были прекращены. Словомъ спросъ на статистиковъ возросъ до громадныхъ размѣровъ. Тогда правительству вооружилось циркуляромъ бывшаго министра Толстого отъ 7 декабря 1887 года, ко торый ставилъ утвержденіе лицъ въ должности статистиковъ въ непосредственной зависимости отъ усмотрѣнн мѣстной администраціи. И послѣдняя употребляла всѣ усилія не утверждать новыхъ статистиковъ и удалять старыхъ. Но изъ этого толку не вышло, и далѣе мы увидимъ, что въ послѣдствіи фонъ-Плеве пришлось предпринять противъ статистики форменный походъ. Въ этой борьбѣ вмѣстѣ съ земствомъ дѣятельное участіе принималъ и «третій элементъ». Приблизительно, начиная съ 1894 года, онъ уже открыто выступаетъ на сцену, какъ сила самостоятельная.

За первое открытое выступленіе земской интеллигенціи въ полномъ ея составѣ, включая и статистиковъ, которые до этого времени не выступали, слѣдуетъ, кажется, считать IX съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ въ 1894 году. Съ большимъ трудомъ удалось тогда втиснуть земскихъ статистиковъ въ число членовъ этого съѣзда, создавъ въ секціи географн подсекцію статистики. Насколько помнится, главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ профессоръ А. И. Чупровъ. Немало надо было усилій, чтобы открыто легализировать совершенно «неблагонадежныхъ» въ глазахъ администраціи людей, особенно, принимая во вниманіе, что генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ былъ тогда великій князь Сергій Александровичъ, не терпѣвшій никакой «крамолы». При переговорахъ съ нимъ вовсе, кажется, о земскихъ статистикахъ и не упоминали, а лишь докладывали, что статистика вообще — неотъемлемая часть географн, такъ что, соглашаясь на эту подсекцію, великій князь, повидимому, не догадывался, кто будетъ ея членами. У меня до сихъ поръ сохранился отвѣтъ Александра Ивановича Чупрова на мой запросъ. Изъ этого отвѣта видно, что я, какъ, несомнѣнно, и многие другіе, видѣли въ подсекціи статистики нѣчто незаконное, о чемъ открыто и говорить было нельзя. А. И., между прочимъ, писалъ мнѣ: «письмо мое (приглашеніе со стороны А. И. участвовать въ съѣздѣ) какого-либо официального характера не имѣетъ, но на существованіе подсекціи статистики при IX съѣздѣ естествоиспытателей Вы можете считать совершенно свободно, потому что тутъ нѣтъ никакого секрета и объ этомъ объявлено формально». Но дѣло-то въ томъ, что я, какъ и значительный % земскихъ статистиковъ, не имѣлъ права жить въ Москвѣ. Въ концѣ-концовъ, однако, «незаконные» «общинн», что называется, администрацію. Большинство изъ нихъ, а въ томъ числѣ и я, жили въ Москвѣ у добрыхъ знакомыхъ «зайцами», безъ прописки паспортовъ, и спокойно постилали происходившія въ университетѣ засѣданія съѣзда, стараясь лишь не особенно выдаваться и помѣньше говорить. Кто же рѣшался выступить, тотъ принималъ

особыя мѣры. Помню я, напримеръ, что В. И. Яковенко, прочитавъ докладъ, тотчасъ же послѣшилъ со съѣзда на полявъ. Нѣкоторые изъ немѣвшихъ права жительства въ Москвѣ прописались, и черезъ нѣсколько дней ихъ, кажется, попросили оставить Москву. Вообще администрація, узнавъ, что это за «подсекція статистики», спохватилась, но было уже поздно: единеніе третьяго элемента и между собою, и съ другими сферами, произошло, и все, что по тагдашнему времени надо было сдѣлать, — сдѣлано; мы даже снялись успѣли ¹⁾. Немало земскаго «третьяго элемента» было и въ другихъ секціяхъ, какъ, напримеръ, въ агрономической, медицинской. Помимо единенія въ секціяхъ и подсекціяхъ, «третій элементъ» имѣлъ частыя совѣщанія и собранія на квартирахъ, а также на устраиваемыхъ дешевыхъ обѣдахъ и ужинахъ, на которыхъ участвовали и профессора, и выборные земцы, причемъ всякія правительственныя дѣянія въ сферѣ самоуправленія осуждались безъ стѣсненія, и сплошь да рядомъ указывалось на необходимость новаго строя для Россіи. На одномъ изъ ужिनговъ въ Большомъ Московскомъ трактирѣ покойный В. А. Гольцевъ произнесъ рѣчь, въ которой прямо заявилъ, о необходимости конституціи. Если не отказываетъ мнѣ память, то кажется, за эту рѣчь В. А. постигла какая-то неприятность, хотя, впрочемъ, не ружаясь за это.

Съ этого же, приблизительно, года выторкая и служивая земская интеллигенція нашла себѣ арену для открытыхъ выступленій въ старѣйшемъ изъ научныхъ учреждений въ Россіи — въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ ²⁾, но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, такъ какъ наиболѣе дѣятельное участіе въ работахъ Общества земскій элементъ принялъ съ 1895 года, когда во главѣ Общества, въ качествѣ президента его, сталъ извѣстный земскій и общественный дѣятель графъ Петръ Александровичъ Гейденъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго ясно видно, что правительству за 30 лѣтъ, въ сущности говоря, не только не могло справиться съ земскимъ политическимъ движеніемъ (съ 1864 по 1894 годъ), но вышло оно какъ разъ наоборотъ: чѣмъ сильнѣе проявлялись репрессіи

¹⁾ На этой фотографической группѣ подсекціи статистики фигурируютъ, между прочимъ, слѣдующія лица: профессоръ — А. И. Чупровъ, Ф. Ф. Фришманъ, Н. А. Кабыловъ, А. Я. Фортунатовъ, К. А. Вернеръ; завыкъ: В. В. Скаловъ (бывшій редакторъ газеты «Земство» и одинъ изъ редакторовъ «Русскихъ Видомостей»); М. А. Сабининъ (членъ редакціи «Русскихъ Видомостей»); А. А. Кауфманъ, Д. И. Рехтеръ, В. П. Воронцовъ, В. П. Чарновскій, Г. А. Фальбергъ, В. А. Кошачевъ; изъ земскихъ дѣятелей на группѣ съѣзда: А. П. Шавенскій (бывшій членъ Чертаговской губ. земской управы), кн. Д. И. Шаховской, В. И. Волыбинъ (бывшій предѣлатель Воронежской губ. земской управы), Г. Р. Каземейнъ (членъ Нижегород. с. управы), докторъ: В. П. Долгополовъ, И. Н. Долгополовъ, М. С. Уваровъ; въ земскихъ статистикахъ на группѣ съѣзда: И. П. Погорельскій, Ф. А. Шернина, Л. К. Чермакъ, В. И. Яковенко, В. Н. Гурьевъ, К. А. Вернеръ, Н. А. Кабыловъ, Л. П. Богоявленскій, С. Ф. Гуденъ, С. М. Власовъ, К. Я. Воробьевъ, Л. П. Маресъ, П. И. Невольнинъ, М. А. Шотинскій, Д. В. Добровольскій, Н. С. Киселевъ, Ю. А. Бунинъ, Н. Т. Кулабко-Борейскій, А. В. Шаховской, М. П. Борисовъ, А. С. Барановскій, Л. Н. Яковенко.

²⁾ Впрочемъ, еще раньше земскій элементъ получалъ право въ слуханно Московскомъ Императорскомъ Обществѣ, при Московскомъ университетѣ.

со стороны бюрократии, тѣмъ интенсивнѣе было это движеніе. Земство, въ силу роста общественнаго самосознанія, повышения культуры, стремленія всего населенія къ избавленію отъ гнета правительства, получало все большую и большую популярность, привлекало наиболее интеллигентные и дѣятельные элементы и становилось видимымъ центромъ открытаго, легальнаго, такъ сказать, освободительнаго движенія. Въ общемъ въ этомъ движеніи не было ничего революціоннаго. Оно было, если можно такъ выразиться, движеніе земско-парламентарное. Говорили *земско-парламентарное*, потому что русское земство, близко соприкасаясь съ населеніемъ, никогда не ограничивалось одними чисто либеральными требованіями въ западно-европейскомъ смыслѣ, и присовокупляло къ нимъ неприменно культурныя и социальныя реформы и широкое мѣстное самоуправленіе. Мало-мальски разумное правительство, конечно, воспользовалось бы этимъ движеніемъ для мирнаго перехода отъ полицейско-бюрократическаго строя къ земско-парламентарному. Но недалекая русская самодержавная бюрократія, конечно, этого не сдѣлала: она по искони завелому порядку и этому движенію соорудила еще одинъ шлюзъ, послѣдній уже.

Шлюзъ этотъ былъ поставленъ въ 1895 году, черезъ три мѣсяца послѣ смерти Императора Александра III, скончавшагося 20 октября 1894 года.

Вліяніе безотвѣстныхъ совѣтниковъ проявилось уже въ манифестѣ отъ 20 октября 1894 г. о восшествіи на престолъ молодого императора Николая II¹⁾. Въ немъ говорилось, между прочимъ, что новой императоръ „ни въ чемъ не уклонится отъ вѣрности миролюбивой, твердой и прамоудной политики (Александра III-го), столь мощно содѣйствовавшей всеобщему успокоенію“²⁾.

Земцы не преминули воспользоваться манифестомъ для проведенія своихъ пожеланій въ адресѣхъ, составленныхъ по случаю восшествия на престолъ императора Николая II-го.

Курское, Новгородское, Орловское, Полтавское, Саратовское, Смоленское, Тамбовское, Тверское, Тульское, Уфимское и Черниговское губернскія земскія собранія, по прежнему, указывали на ненормальность существующаго строя и необходимость привлеченія земства къ законодательству, „дабы“, — какъ говорилось въ тверскомъ адресѣ, — „до высоты престола могло достигъ выраженіе потребностей и мысли не только администраціи, но и народа русскаго“. Эти адреса не только не встрѣтили сочувствія въ высшихъ сферахъ, а, наоборотъ, къ нимъ проявлено было явно враждебное отношеніе Тверской, напримѣръ адресъ не былъ принятъ и на докладъ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала такая резолюція государя: „я чрезвычайно удивленъ

и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія“. На впоследствиишемъ отчетѣ Уфимскаго губернатора, въ которомъ сообщалось, что Уфимское губернское земство „рѣшилось домогаться, чтобы въ засѣданія высшихъ правительственныхъ учреждений были допущены представители всѣхъ земствъ Россіи при сужденіи о вопросахъ, касающихся земствъ, и, въ частности, — объ измѣненіи системы народнаго продовольствія“, — была сдѣлана отписка: „къ серьезному вниманію министра внутреннихъ дѣлъ“. По этому поводу всѣмъ губернаторамъ былъ разосланъ циркуляръ, напоявшающій имъ рамки земской компетенціи. Наконецъ, 17 января 1895 года, когда, по случаю бракосочетанія государя, состоялся пріемъ депутатовъ отъ дворянствъ, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, императоръ Николай II, основываясь, несомнѣнно, на превратныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ему министрами о настроеніи и состояніи страны, въ рѣчи своей къ депутатамъ, между прочимъ, сказалъ: „Мнѣ извѣстно, что въ последнее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель“.

Внушая такую рѣчь императору, бюрократія, можно съ увѣренностью сказать, заложила фундаментъ для революціи. Никакія прокламаціи, никакіе агитаторы не могли сдѣлать того, что сдѣлала приведенная рѣчь. Она обузала всѣхъ отчаяніемъ и лишила всякой надежды на мирный переходъ отъ полицейско-бюрократическаго строя къ правовому, парламентарному, безотлагательной необходимости котораго чувствовали всѣ сознательные русскіе граждане.

Послѣ этой рѣчи всѣ участники общественнаго движенія полнѣе, причѣмъ многіе пришли къ убѣжденію, что, при той позиціи, которую заняла бюрократія, нѣтъ надежды на плодотворные результаты отъ оппозиціонной борьбы — она должна быть революціонной, опирающейся на силу народа, безъ чего немислимы уступки со стороны правительства. Въ земскихъ сферахъ, какъ въ выборныхъ, такъ и среди „третьяго элемента“, съ этого момента начинается постепенно обнаруживаться великій расколъ. Въ средѣ выборныхъ земцевъ наиболее энергичные приходили къ убѣжденію въ необходимости тайной организаціи всѣхъ активныхъ земскихъ силъ для систематичной борьбы съ правительствомъ въ тѣсномъ единеніи съ третьимъ элементомъ; другіе же не рѣшались переходить на нелегальную работу и предпочитали прежній путь открытой оппозиціи, *обхода*, такъ сказать, препятствія, устраиваемыя бюрократіей. Что касается третьяго земскаго элемента, то значительный процентъ его, собственно говоря, начинаетъ отталкиваться отъ выборныхъ земцевъ и переходитъ мало по малу въ лагерь социалистическихъ, революціонныхъ партій разныхъ направленій. Но, повторимъ, все это происходило не сразу, а въ извѣстной постепенности.

Въ началѣ царствованія Николая II земскія сферы продолжали открыто высказывать свои взгляды и на собранія ихъ, и еще больше,

¹⁾ Носилась тогда слухъ, будто на содрваніе манифеста изъясъ сильное вліяніе Побѣдоносцевъ.

²⁾ Врядъ ли однако можно согласиться съ мнѣніемъ объ успокоеніи страны въ царствованіе Александра III-го. Достаточно сказать, что съ 1861 по 1888 гг. департаментскою полиціи было рассмотрѣно 1500 дѣлъ, въ которыхъ фигурировало 8.240 обвиненныхъ. Изъ нихъ, не включая дѣлъ, связанныхъ за убійство Александра II-го, было вынесено 29 членствъ, сослано на каторгу 128, сослано на поселеніе 46, приговорено къ земнымъ наказаніямъ 2.4, выслано административныхъ порядкомъ 2822 лица.

въ другихъ общественныхъ организаціяхъ, которыя, въ концѣ концовъ, были завоеваны земскимъ элементомъ.

Одну изъ главныхъ аренъ проведенія освободительныхъ взглядовъ, какъ мы уже ранее говорили, представило Императорское Вольное Экономическое Общество со времени избранія президентомъ его графа П. А. Гейдена, со стойкостью и мужествомъ защищавшаго свободу и волю этого Общества. Въ этомъ обществѣ, начиная съ 1895 г., обсуждались при активномъ участіи земскихъ сферъ такіе, между прочимъ, вопросы, какъ тѣлесное наказаніе, причемъ возбуждено было ходатайство объ отмінѣ его; новая финансовая политика и реформа денежнаго обращенія¹⁾; законъ 1893 г. объ отмінѣ недвижимыхъ имуществъ и т. п. Послѣдній обсуждался, къ слову сказать, въ III отдѣленіи Общества, въ особой статистической комиссіи, въ которую входили почти всѣ земскіе статистики. Не ограничиваясь вопросами экономическими, земскіе элементы принимали весьма живое участіе въ вопросахъ просвѣщенія и были дѣятельными сотрудниками знаменитаго С.-Петербургскаго Комитета Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, который въ 1896 году былъ закрытъ правительствомъ. Этому предшествовало весьма любопытное, кажется, никогда еще не опубликованное нижеслѣдующее конфиденціальное письмо министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, отъ 5 февраля 1895 г.²⁾ за № 799 къ министру народнаго просвѣщенія Делянову:

Довѣрительно. Копія.

Его Сіятельству графу И. Д. Делянову.

«М. Г.

Графъ Иванъ Давыдовичъ!

«Въ ряду явленій, особенно выдвинувшихся въ минувшемъ году, слѣдуетъ отмѣтить рѣзко проявившіяся въ различныхъ слояхъ интеллигентныхъ классовъ стремленіе содѣйствовать поднятію народнаго образованія путемъ организаціи народныхъ чтеній, открытія библиотекъ и читальнъ для фабричнаго и сельскаго населенія, и наконецъ безвозмезднаго распространенія въ народѣ дешевыхъ изданій, книгъ и брошюръ научнаго, нравственнаго и литературнаго содержанія. Заботами столичныхъ комитетовъ грамотности и всякаго рода провинціальнаго общества, комитетовъ и кружковъ различнаго наименованія, при содѣйствіи мѣстныхъ земствъ, заложено весьма много библиотекъ въ народныхъ и приходскихъ училищахъ, а такъ же учреждено въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи значительное число библиотекъ и читальнъ для народа независимо отъ школъ. Большая часть этихъ учрежденій находится подъ нѣкоторымъ надзоромъ мѣстной администраціи; контроль этотъ, конечно, болѣе формальный, чѣмъ дѣйствительный и къ тому же разнообразно примѣняемый въ различныхъ губ., едва ли можетъ обезпечить за этими учрежденіями нормальное

¹⁾ Сведенная С. Ю. Витте, который съ 1892 года занялъ постъ министра финансовъ.

²⁾ Въ этомъ же году вѣсто Дурново министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Горемыкинъ.

развитіе въ тѣхъ случаяхъ, когда учредители, сами завѣдующіе ими, проникнутые противуправительственнымъ образомъ мыслей, усматриваютъ въ этихъ учрежденіяхъ легальное средство проводить свои теории въ жизнь и воспитывать народъ въ желательномъ для нихъ направленіи, не всегда согласномъ съ истинными условіями нашего государственнаго строя. Но если библиотеки и читальни подчинены какъ либо хотя и недостаточному надзору, то безвозмездная раздача книгъ ускользаетъ отъ всякаго правительственнаго надзора, и обстоятельство это обращаетъ на себя тѣмъ болѣе серьезное вниманіе, что непосредственнымъ распространіемъ книгъ въ народѣ занимается главнымъ образомъ интеллигентная и часто еще учащаяся молодежь обоюбо пола, проникающая въ народную среду къ качествъ учителей, фельдшеровъ, ветеринаровъ, санитаровъ, завѣдующихъ столовыми и т. д. Неурожай 91 г. и холера 92 и 93 гг. вызвали усиленный наплывъ молодежи въ деревни и въ результатѣ оживили нѣсколько заглохшее въ теченіе 80-хъ годовъ стремленіе русской молодежи къ поднятію, по личному почину интеллигенціи, умственнаго уровня народа. Изъ имѣющихся въ Мин. Влѣ свѣдѣній можно заключить, что это движеніе, охватывающее молодежь, развивалось послѣдовательно и носило на себѣ характеръ не случайнаго, временнаго явленія, а какъ бы систематическое осуществленіе программы и представляется однимъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ на легальной почвѣ противуправительственныхъ элементовъ, причемъ лицамъ, распространяющимъ народныя книжки, рекомендуется не ограничиваться одной раздачей таковыхъ, но по возможности и истолковывать ихъ народу въ смыслѣ подготовленія къ воспріятію революціонныхъ идей. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ началѣ 80-хъ гг. хожденіе молодежи въ народъ было основано на исключительномъ стремленіи содѣйствовать скорѣйшему образованію народа, но эта благая цѣль вскорѣ пріобрѣла своеобразную окраску отъ стремленія агитаторовъ развить народъ въ усвоенныхъ ими революц. ученіяхъ. Народившееся движеніе вызвало въ настоящее время усиленіе издательской дѣятельности СПБ-каго комитета грамотности, фирмы «Посредникъ» и нѣкоторыхъ другихъ Петербургскихъ и Московскихъ книгопродавцевъ, причемъ за народную литературу принимались болѣе или менѣе выдающиеся литераторы народники: Михайловскій, Засодимскій, Успенскій и др., не считая гр. Л. Н. Толстого, сочиненія котораго распространяются въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Цензура, поставленная въ опредѣленную закономъ рамки, не всегда можетъ противодѣйствовать искусно маскированной пропагандѣ извѣстныхъ идей, за отсутствіемъ формальнаго основанія къ запрещенію книги, пропускаетъ въ народъ обращеніе сочиненій не всегда соотвѣствующихъ народному пониманію и міровоззрѣнію и несогласныхъ съ духомъ православія и русской государственной жизни. Вотъ эти именно произведенія печати и составляютъ главное орудіе легальной пропаганды въ народѣ и разсмѣлаются въ библиотекѣ и читальнѣ, а также учителями, фельдшерами, санитарамъ и т. п. молодымъ людемъ обоюбо пола для безвозмезднаго и безконтрольнаго распространенія въ средѣ сельскаго и фабричнаго населенія.

«Если принять во внимание, что во главѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ по распространенію народныхъ книгъ учреждений, СПБ. Комитета грамотности,—стоитъ нѣсколько лицъ, политическая благонадежность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна и что въ изданіи и распространеніи народной литературы принимаютъ горячее участіе лица, извѣстные своимъ либеральнымъ направленіемъ, какъ Михайловскій, Гольцевъ, Засодимскій, Успенскій, Рубакинъ и многіе другіе, то представляется вѣроятнымъ, что указанное выше движеніе, вызванное наружу народнымъ бдѣствіемъ послѣднихъ дѣтъ, будетъ развиваться систематически въ духѣ, несогласномъ съ видами правительства и въ недалекомъ будущемъ можетъ повести къ весьма нежелательнымъ результатамъ. Въ виду изложенныхъ соображеній и озобочивая охраненіемъ общественной безопасности и порядка, я полагаю бы настоятельнымъ нынѣ же принять серьезныя мѣры къ тому, чтобы общественное содѣствіе дѣлу народнаго образованія, всегда почтенное и цѣнное по своему принципу, не сдѣлалось, подъ влияніемъ людей эгоистичныхъ, и при условіи безконтрольнаго допущенія вышатастельства частныхъ лицъ и обществъ въ эту важную сферу государственныхъ заботъ, источникомъ извращенія народнаго мировоззрѣнія и отчужденія народа отъ освѣщенныхъ вѣсками историческихъ заветовъ.

«По моему мнѣнію активное содѣствіе частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ дѣлу народнаго образованія можетъ быть полезно и допускаемо только при условіи, чтобы содѣствіе это согласовалось съ направленіемъ, котораго придерживается правительство въ дѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія, чтобы дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ находилась подъ бдительнымъ контролемъ его органовъ.

«Между тѣмъ въ настоящее время положеніе дѣла иное. СПБ. комитетъ грамотности, состоящій въ видѣ временнаго учрежденія при имп. в. экон. об-вѣ (§ 3 устава об-ва), дѣйствуетъ на основаніи правилъ утвержденныхъ мин. гос. имущ. Если при возникновеніи имп. в. экон. об-ва въ 1765 году, учрежденіе это, въ составъ котораго вошли лучшіе люди того времени, могло играть роль разсадника просвѣщенія, и если въ послѣднее время подъ сѣнью этого об-ва могли возникнуть отдѣльныя учрежденія, преслѣдующія просвѣтительныя цѣли, хотя и спеціально экономическія, то въ настоящую минуту основаніе комитета грам. и его отдѣленій въ вѣдѣніи какого либо иного министерства, кромя министерства народ. просв., наблюденію котораго всецѣло подлечь по своимъ задачамъ его дѣятельность, представляется лишенымъ правильнаго основанія. Точно также большинство провинціальнаго общества грамотности дѣйствуетъ внѣ надлежащаго нравственнаго контроля, по собственному почину, и слѣдовательно въ направленіи, которое соотвѣтствуетъ взглядамъ ихъ руководителей. Сельскіе книжные склады, библиотеки и читальни, если они состоятъ не при школахъ, находятся также внѣ контроля народныхъ училищъ, а потому доступъ въ оныя книгъ, хотя и дозволенныхъ цензурой, но могущихъ по своей тенденціозности вредно вліять на народное развитіе, открытъ безпрятственно. Мнѣ не-

извѣстно, существуетъ ли повсемѣстно строгій просмотръ книгъ, жертвуемыхъ разными комитетами, обществами и частными лицами въ народныя библиотеки, состоящія при приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, но было бы очень желательно, чтобы по сему предмету были установлены повсемѣстно точныя правила, подобно введеннымъ въ прошломъ году попечителемъ Виленск. уч. окр. для народныхъ библиотекъ Ковенской губ. Наконецъ безвозмездная раздача книгъ, неподчиненная надзору, которому подвергается по существующимъ законоположеніямъ торговля книгами, требуетъ обязательнаго упорядоченія, тѣмъ болѣе, что какъ это достовѣрно извѣстно департаменту полиціи, этотъ способъ распространенія народныхъ изданій особенно практикуется кружками неблагонамеренной учащейся молодежи. Но и въ данномъ вопросѣ, относимся ближе всего къ предметамъ вѣдомства Мин. Внутр. Дѣлъ, я затрудняюсь принять какія либо мѣры безъ согласія съ Мин. Нар. Просв., которое одно не стѣсняется цензурными правилами и можетъ указать съ достаточной компетентностью, какія именно книги изъ числа изданныхъ и издающихся для народа вредно вліяютъ на народное развитіе. Сообщая вышеизложенныя сѣдвія и соображенія на усмотрѣніе Вашего Сіятельства, я имѣю честь покорнѣе просить Васъ, не признаете ли Вы своевременнымъ и цѣлесообразнымъ нынѣ же возбудить вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе вѣрнанаго Вашему Сіятельству Министерства СПБ. Комитета Грам. и его отдѣленій, а также принять надлежащія мѣры или испростить въ государственномъ порядкѣ надлежащія полномочія для подчиненія Мин. Нар. Просв. всѣхъ частныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли народнаго образованія и къ учрежденію однообразнаго по всей имперіи надзора со стороны инспекціи народныхъ училищъ за всякаго рода народными библиотеками, читальнями и книжными складами, предназначаемыми для народа.

«О послѣдующемъ покорнѣе прошу Ваше Сіятельство почтить меня въ возможно непродолжительномъ времени извѣщеніемъ, причемъ я буду весьма признателенъ Вашему Сіятельству за указаніе пріемовъ и способовъ содѣствія, которое потребуетъ по этому дѣлу со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

«Примите мое Вамъ увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписано *И. Дурново*.

Этотъ историческій документъ ясно показываетъ, въ какомъ направденіи въ началѣ царствованія императора Николая II-го пошло освободительное движеніе, какіе пути оно изыскивало для развитія народныхъ массъ и пробужденія ихъ къ государственной жизни. То, что С.-Петербургскій комитетъ и другія центральныя культурно-просвѣтительныя учрежденія дѣлали для всей Россіи,—земства многихъ губерній дѣлали въ своихъ губерніяхъ. Къ этому именно времени относится необыкновенный подъемъ вопроса о всеобщемъ обученіи. При земскихъ управлахъ образовываются комиссіи по народному образованію, въ которыхъ на равныхъ правахъ участвуютъ лучшіе вѣбные и служилые земцы и вырабатываютъ планы возможно скорѣй-

шаго развития народного школьного и внѣшкольного образования. Въ то же время земства или способствуютъ учрежденію новыхъ просвѣдительныхъ обществъ, или поддерживаютъ старія, гдѣ сосредоточиваются въ свою очередь интеллигентныя истинныя силы¹⁾. Такой же характеръ носили и другія земскія организаціи, какъ то врачебныя совѣты, санитарныя организаціи, агрономическія и т. д. и т. п. Въ этотъ же періодъ умѣренные земцы стремятся возобновить единеніе земствъ на легальной почвѣ. Любопытнымъ образчикомъ такой попытки является проектъ предсѣдателя Самарской губернской земской управы, г. Племянникова, воспользовавшагося для начала единенія коронаціею императора Николая II-го, состоявшейся 14 мая 1896 года. Любопытною мы называемъ эту попытку потому, что она съ необыкновенною ясностью показываетъ, какъ русское правительство выковыляло, такъ сказать, недовольство: какъ самодержавная бюрократія съѣда вѣтеръ, чтобы пожать бурю. Она, эта бюрократія, благонадежнѣйшихъ земцевъ, искреннихъ вѣропопанныхъ, стремившихся эволюционировать самымъ мирнѣйшимъ образомъ, превратила въ оппозицію.

На коронацію, о которой мы говорили, въ числѣ прочихъ представителей, были приглашены и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ. Съѣздъ ихъ слѣдовательно былъ официальный, даже предписанный, причемъ предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ своимъ присутствіемъ должны были увеличивать блескъ коронаціи и, до нѣкоторой степени, являться избранными представителями народа.

Но земцы на первыхъ же порахъ внесли маленькое, мирное, совершенно вѣропопаческое новшество въ священное коронаціе, новшество, которое для заскорузлыхъ бюрократовъ показалось диссонансомъ, не соответствовавшимъ вѣковѣчнымъ традиціямъ абсолютизма, и она этого новшества не разрешила. Дѣло въ томъ, что вышеупомянутый предсѣдатель Самарской губернской земской управы, г. Племянниковъ, обратился съ нижеслѣдующимъ предложеніемъ къ предсѣдателю Московской губернской земской управы, г. Шипову, которое послѣдній, присовокупивъ мнѣніе Московской губернской земской управы, разослалъ всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ.

«Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Предстоящимъ Губернскимъ Земскимъ Собраніямъ придется обсуждать вопросъ: чѣмъ чествовать имѣющее быть коронаціею ихъ Императорскихъ Величествъ и, вѣроятно, по заведенному изстаріи обычаю, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ постановить поднести хлѣбъ-соль, для чего необходимо будетъ приобрести блюда и солонки. Конечно, каждому Губернскому Земству въ отдаленности на покупку ихъ придется потратить небольшую сумму, но если соединить всѣ суммы, которыя будутъ истрачены Земствами на покупку блюдъ и солонокъ, то составится весьма почтенная сумма, на которую, въ память Священнаго Коронаванія ихъ Величествъ, можно бы было устроить какое нибудь общепольное дѣло.

¹⁾ Таково, напримеръ, известное Харьковское общество грамотности, Курское общество содѣйствія взаимному народному образованію, Ярославское и т. д.

«Такая мысль родилась у Членовъ Самарской Губернской Земской Управы, но для осуществленія ея необходимо, чтобы кто нибудь принялъ на себя трудъ снестися со всѣми Губернскими Уравами Земскихъ губерній. Самарская Губернская Управа считаетъ, что инициативу этого дѣла было бы всего ближе принять на себя Губернской Уравѣ первопрестольной столицы нашей, въ которой будетъ происходить и самое Коронаваніе, а потому, сообщая Вамъ настоящую мысль нашу, я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшей просьбой, если Вы раздѣлите эту мысль, то примите на себя и трудъ сношеній со всѣми Губернскими Уравами.

«Къ этому считаю нужнымъ присовокупить, что какъ я, такъ и товарищи мои полагаютъ, что выборъ учрежденія, которое должно быть устроено на средства всѣхъ Земствъ, а равно и выборъ мѣста, гдѣ такое должно быть устроено, должны принадлежать Московскому Земскому Собранію.

«Московская Губернская Управа, всецѣло раздѣляя высказанную Самарскому Управою мысль, съ своей стороны, признаетъ осуществленіе ея въ высокой степени желательнымъ и полагаетъ, что предложеніе Самарской Губернской Управы, вѣроятно, будетъ встрѣчено сочувственно всѣми Губернскими Земскими Собраніями. Остаиваясь на разрѣшеніи вопроса о томъ, какое общепольное дѣло могло бы быть устроено въ память Священнаго Коронаванія Ихъ Величествъ, Московская Губернская Управа приходитъ къ заключенію, что созданіе для этой цѣли особаго учрежденія едва ли можетъ представиться возможнымъ. Съ одной стороны, для устройства и содержанія такого рода учрежденія, которое не могло бы не быть грандіознымъ, потребовался бы слишкомъ большой капиталъ; съ другой стороны, подобное учрежденіе должно бы, конечно, по возможности въ равной мѣрѣ служить интересамъ всѣхъ участвующихъ Земствъ, но это не можетъ быть осуществимо, такъ какъ всякое учрежденіе, устроенное въ предѣлахъ той или другой губерніи, будетъ, по преимуществу, служить мѣстному населенію и, во всякомъ случаѣ, не можетъ распространить свое дѣйствіе болѣе, чѣмъ на нѣсколько сосѣднихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Московская Губернская Управа полагала бы желательнымъ передать капиталъ, который составится изъ взносовъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ, въ распоряженіе Установленія, имѣющаго своею цѣлью приходить на помощь всѣмъ нуждающимся, безразлично принадлежности ихъ къ населенію той или другой губерніи.

«1-го сентября настоящаго года Государю Императору благоугодно было, въ заботахъ о всѣхъ своихъ вѣропопачныхъ, обратить вниманіе на горестную судьбу тѣхъ изъ нихъ, которые, теряя крайнюю нужду, тѣшны ищутъ себѣ заработка и пріюта, учредить особое попечительство о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ. Ея Императорскому Величеству благоугодно было, принявъ упомянутое попечительство подъ непосредственное Свое покровительство, принять на Себя и предсѣдательство въ Комитетѣ Попечительства. По мнѣнію Московской Губернской Управы, представлялось бы вполнѣ отвѣчающимъ намѣченной Самарской Губернской Уравой цѣли представити

отъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ сумму, имѣющую образоваться изъ ихъ взносовъ, въ состоящее подъ покровительствомъ Государини Императрицы попечительство для покрѣпленія этого капитала по указаніямъ Ея Величества.

«Московская Губернская Управа, имѣя въ виду общій итогъ сѣмь всѣхъ 34 земскихъ губерній приблизительно въ 15.000.000 р., предполагаетъ, что размѣръ капитала, который можетъ образоваться изъ взносовъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ, составитъ сумму въ 300.000 р., если всѣ Губернскія Собранія отчислятъ для этой цѣли, въ круглыхъ цифрахъ, не менѣе двухъ процентовъ итога своихъ сѣмь въ 1896 г.

«Представляя все вышеизложенное на Ваше, Милостивый Государь, благоусмотрѣніе, я покорнѣйше прошу Васъ доложить, если признаете возможнымъ, настоящее предложеніе предстоящему Губернскому Земскому Собранію и о послѣдуемъ не оставятъ меня въ недоумленіи.

«По полученіи отъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ управъ извѣстій о постановленіяхъ губернскихъ собраний, московская губернская управа, въ случаѣ принятія губернскими собраниями настоящаго предложенія, испроситъ надлежащее разрѣшеніе для его осуществленія, о чемъ я не замедлю своевременно Васъ извѣдомить и сообщить Вамъ постановленія всѣхъ собраний».

Мы нарочно привели цѣлкомъ изложенное письмо, чтобы показать всю невинность его содержанія и его вѣроподобности.

Казалось бы, что мало-мальскіе дальновидные правители обшми руками должны были захватиться за такое настроеніе представителей земства. Но не тутъ-то было.

Когда Д. Н. Шиповъ сообщилъ мысль предсѣдателя самарской губернской земской управы московскому генералъ-губернатору, Великому Князю Сергѣю Александровичу, послѣдній, повидимому, сочувственно отнесся къ предложенію, но прибавилъ, что объ этомъ надо еще поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ, который долженъ былъ пріѣхать въ Москву.

По пріѣздѣ министра, Д. Н. Шиповъ вошелъ съ нимъ въ переговоры, которые дали отрицательные результаты. Простому смертному трудно понять, чѣмъ руководствовался Горемыкинъ, не соглашаясь на самарскій проектъ, но стоить только направить мысль въ бюрократическое русло, какъ несомнѣннымъ дѣлается, что Горемыкинымъ руководилъ страхъ предъ земскимъ единеніемъ по вопросу о назначеніи коронационныхъ суммъ, который долженъ былъ обсуждаться на всѣхъ земскихъ собраніяхъ.

Не нужно было обладать пророческимъ даромъ, чтобы предсказать, что разъ воспрещается такое благодѣтельное земское единеніе, то объединенія дѣйствія земства по болѣе важнымъ вопросамъ, конечно, встрѣтятъ упорное сопротивленіе бюрократіи.

И факты такого рода не заставили себя долго ждать.

Во время коронационныхъ торжествъ, омраченныхъ, къ слову сказать, извѣстною ходою катастрофою, Д. Н. Шиповъ предложилъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ устраивать

ежегодные сѣзды, для совмѣстнаго обсужденія важныхъ земскихъ вопросовъ.

Мысль предсѣдателя московской губернской земской управы была встрѣчена сочувственно, причемъ рѣшено было устроить сѣздъ въ слѣдующемъ 1896 году на всероссійской Нижегородской выставкѣ. Д. Н. Шиповъ сообщилъ объ этомъ намѣреніи предсѣдателямъ Горемыкину, и послѣдній, не давая официального разрѣшенія, фактически далъ свое согласіе на сѣздъ, что можно было замѣтить изъ того, что въ бесѣдѣ съ Шиповымъ, сдѣлавъ ему такіе «совѣты»: 1) ограничить сѣздъ только предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ, 2) собираться не въ помѣщеніи Нижегородской губернской земской управы, а въ частныхъ квартирахъ и ресторанахъ и 3) принять мѣры, чтобы печатъ объ этомъ «не трубила»¹⁾.

Всѣ эти «совѣты» были въ точности соблюдены предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ, если не считать за «преступленіе», присутствіе на сѣздѣ единственнаго предсѣдателя уѣздной земской управы—князя Петра Дмитріевича Долгорукова, который, начиная съ 1896 г., занимается одно изъ первыхъ мѣстъ въ земскомъ движеніи.

Нижегородскій земскій сѣздъ прошелъ вполне благополучно, причемъ въ немъ принималъ участіе и представитель министерства финансовъ, присланный министромъ Витте, такъ какъ среди вопросовъ, обсуждавшихся на сѣздѣ, были между прочимъ и вопросы объ оціночно-статистическихъ работахъ по закону 1893 года, возникшему по инициативѣ Витте.

Въ виду того, что Нижегородское совѣщаніе установило положеніе для будущихъ сѣздовъ, приведемъ здѣсь вкратцѣ наиболѣе существенныя постановленія его.

При обсужденіи вопроса объ организаціи занятій присутствовавшими были высказаны слѣдующія соображенія. Периодическіе сѣзды предсѣдателей должны быть признаны въ высшей степени желательными и могутъ имѣть большое значеніе для цѣлесообразности развитія и направленія земскаго дѣла вообще. Такіе сѣзды даютъ возможность каждому изъ предсѣдателей легко ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ земствахъ. Дѣятельность земскихъ учрежденій, для болѣе успѣшнаго и плодотворнаго направленія и развитія каждой своей отрасли, должна руководиться опредѣленной идеей, твердо установленными принципами. Практическія мѣропріятія каждаго отдѣльнаго земства могутъ быть крайне разнообразны, въ зависимости отъ особенностей мѣстныхъ условий, но конечная цѣль и главная руководящая основанія, отвѣчающія существованію земскаго дѣла, не могутъ быть различны. Совѣщаніе предсѣдателей управъ можетъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать выясненію и установленію основныхъ положеній земской дѣятельности и въ этомъ должна заключаться главная задача сѣздовъ. Съ другой стороны, на такихъ сѣздахъ

¹⁾ Сдѣлавъ здѣсь ссылку, что по окончаніи Нижегородскаго сѣзда съ болѣе крупнымъ удалось организовать журналъ совѣщаній предсѣдателей. Для этого пришлось прибѣгнуть къ помощи князя Шаховскаго и къ университетѣ,—къ тогдашнему главѣ педурнаго комитета Соловьеву, который при всей своей реакционности, не встрѣтилъ препятствій въ разрѣшеніи.

могут быть обсуждаемы вопросы, касающиеся деятельности земских учреждений, но осуществление которых нуждается в согласии правительственной власти. Нередко отдельные земства возбуждают пред правительством ходатайства по различным вопросам, имбующим по существу своему общее значение, и в большинстве случаев, такая ходатайства остаются без удовлетворения томъ основани, что для разршенія их въ положительномъ смыслѣ, представлялась бы необходимость измненія въ которыхъ существующихъ законоположеній, но возбужденіе такихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ министерство не признаетъ возможнымъ по ходатайству того или другого земства, основанному, быть можетъ, исключительно на мѣстныхъ условияхъ. Такого рода вопросы могутъ обсуждаться на совѣщаніи председателей губернскихъ земскихъ управъ и по тѣмъ изъ нихъ, которые имбуютъ существенное значение для всѣхъ или большинства земствъ, председатели могутъ придти къ соглашенію о внесении одновременно въ губернскія собранія предложеній о возбужденіи послѣдними извѣстнаго ходатайства предъ правительствомъ и удовлетвореніе такихъ однообразныхъ и одновременныхъ ходатайствъ всѣхъ или большинства земствъ можетъ быть болѣе вѣроятнымъ. Для того, чтобы заключеніе совѣщанія было определено и возможно полно обосновано, желательно, чтобы по каждому разсматриваемому на съѣздѣ вопросу были представлены и сообщаемы одновременно всѣмъ членамъ совѣщанія обстоятельные доклады. Доклады эти должны заключать въ себѣ данія о положеніи вопроса, по возможности, во всѣхъ земствахъ, общія соображенія и окончательные выводы, изложенные въ формѣ положеній (тезисовъ), которые и будутъ подлежать разсмотрѣнію на съѣздѣ председателей. Инициатива возбужденія вопросовъ должна принадлежать всѣмъ членамъ совѣщанія, причѣмъ желательно, чтобы возбуждающій вопросъ принималъ на себя его предварительную разработку и представленіе соответствующаго доклада. Признавалось даже желательнымъ образованіе бюро съѣзда председателей управъ, которое приняло бы на себя всѣ необходимыя подготовительныя дѣйствія. Въ это бюро могли бы направляться членами съѣзда всѣ заявленія и доклады. Разработка нѣкоторыхъ вопросовъ, признанная совѣщаніемъ желательной, но которая, по сложности своей, не могла бы быть принята на себя кѣмъ либо изъ его членовъ, можетъ быть поручаема бюро приглашеннымъ или постороннимъ лицамъ. Въ этихъ случаяхъ бюро должно выработать программу вопросовъ, по которой и просить председателей управъ доставить по данному вопросу необходимыя свѣдѣнія.

Приведенныя постановленія нижегородскаго съѣзда председателей послужили руководствомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ съѣздовъ. На этомъ же съѣздѣ были возбуждены не маловажные вопросы. Такъ, было заявлено, между прочимъ, о желаніи многихъ гласныхъ принимать участіе въ занятіяхъ совѣщанія. Но осторожнѣй Д. Н. Шиповъ указалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ высказался лишь за председателей губернскихъ управъ. Затѣмъ, кромѣ вопроса объ оффично-статистическихъ работахъ, на нижегородскомъ совѣщаніи обсуждались еще вопросы: о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, о народномъ продо-

вольствіи, о всеобщемъ начальномъ образованіи, о взаимныхъ отношеніяхъ между губернской и уѣздными земствами. Наконецъ, въ одномъ изъ засѣданій председателей принялъ участіе графъ П. А. Гейденъ, какъ президентъ волнаго экономическаго общества. Указавъ на общность задачъ этого общества и земскихъ учреждений, онъ высказалъ пожеланіе организовать связь между ними, путемъ включенія председателей губернскихъ управъ въ члены волнаго экономическаго общества, при которомъ слѣдовало бы образованъ особый отдѣлъ для разработки вопросовъ земскаго хозяйства. Совѣщаніе выразило благодарность П. А. Гейдену, согласившись тѣмъ самымъ на важное предложеніе послѣдняго, такъ какъ связь земства съ волнымъ экономическимъ обществомъ играла, какъ мы видимъ, громадную роль въ земскомъ движеніи.

Въ слѣдующій разъ председатели губернскихъ земскихъ управъ рѣшили съѣздаться въ 1897 году въ С.-Петербургѣ, о чемъ также были увѣдомлены Горемыкинъ тѣмъ же Д. Н. Шиповымъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, этотъ съѣздъ уже не былъ разршенъ. Высококомичная дѣянія бюрократіи, сопровождавшія это неразршеніе, заставляють насъ остановиться на нихъ.

Нижегородскій съѣздъ происходилъ въ августѣ 1896 г. (съ 8 по 11 августа), а въ ноябрѣ Д. Н. Шиповъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія.

Горемыкинъ, конечно, могъ видѣться и говорить съ Шиповымъ ежедневно, но онъ избѣгалъ встрѣчи съ председателемъ московской губернской земской управы, и распоряженіе о недозволении Съѣзда въ Петербургъ послалъ черезъ Московскаго губернатора Булыгина.

Возвратившись изъ С.-Петербурга въ Москву, Д. Н. Шиповъ, къ своему удивленію, получилъ «оффициально» отъ Булыгина такое письмо отъ 25 ноября 1896 года:

«Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ. Г. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, на частномъ совѣщаніи председателей губернскихъ земскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, происходившемъ между 8 и 11 августа текущаго года, было, между прочимъ, рѣшено: 1) организовать періодическіе съѣзды председателей всѣхъ губернскихъ земскихъ управъ, 2) для подготовительныхъ дѣйствій и для разработки подлежащихъ обсужденію съѣздовъ вопросовъ, учредить при Московской Губернской Земской управѣ Бюро совѣщанія председателей губернскихъ земскихъ управъ и 3) слѣдующій Съѣздъ председателей назначить въ мартѣ 1897 года въ С.-Петербургѣ. Съ своей стороны, г. Министръ внутреннихъ дѣлъ находитъ, что никакіе съѣзды, и тѣмъ болѣе должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не могутъ имѣть мѣста безъ особаго каждый разъ разршенія отъ установленнаго порядка, и что объединеніе деятельности земскихъ учреждений и установленіе общаго руководящаго началъ для этой деятельности принадлежитъ исключительно отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ»¹⁾.

¹⁾ Курскъ, январь.

«По симь соображениямъ и имѣя въ виду, что предполагаемая на нижегородскомъ совѣщаніи председателей губернскихъ земскихъ управъ организація съѣздовъ означенныхъ председателей не была разбѣшена имъ, министромъ, и какъ нарушающая строй нашего государственнаго порядка») и не соответствующая основной задачѣ земскихъ учреждений — вѣдать только мѣстныя дѣла губерніи и убѣждая ни въ какомъ случаѣ допустить бытъ не можетъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ меня поставить о семъ въ извѣстность ваше превосходительство и предложить вамъ немедленно закрыть учрежденное при Московской губернской земской управѣ бюро председателей управъ и не принимать въ таковыхъ съѣздахъ никакого участія. Сообщая вамъ о всемъ вышеизложенномъ, для соответствующихъ распоряженій и исполненія, имѣю честь просить ваше превосходительство увѣдомить меня какъ о времени закрытія означеннаго бюро, такъ и о полученіи вами настоящаго сообщенія».

На это Д. Н. Шиповъ отвѣтилъ Булыгину нижеслѣдующимъ письмомъ: «Милостивый Государь, Александръ Григорьевичъ! Письмо вашего пр.—ва отъ 25 ноября получено мною только 30-го, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга, гдѣ въ те же нынѣшныя, какъ вамъ извѣстно, принималъ участіе въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ министерства земледѣлія. Ваше пр.—во изволите предлагать мнѣ, согласно распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, немедленно закрыть учрежденное при московской губернской земской управѣ бюро съѣзда председателей губернскихъ управъ, вслѣдствіе чего я имѣю честь представить слѣдующее объясненіе.

«Состоявшееся въ прошломъ августѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ совѣщаніе 19-ти председателей губернскихъ управъ имѣло совершенно частный характеръ. Присутствовавшие на этомъ совѣщаніи председатели управъ пришли, между прочимъ, къ заключенію, что такого рода бесѣды и обмѣны мнѣній имѣютъ для лицъ, стоящихъ близко къ земскому дѣлу, большое значеніе, содѣйствуя имъ въ выясненіи и правильномъ освѣщеніи различныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учреждений, и поэтому было признано желательнымъ собираться и въ будущемъ, время отъ времени, для такихъ частныхъ между собою совѣщаній. Для того, чтобы всѣмъ председателямъ управъ были извѣстны предметы, которые предполагается обсуждать въ частныхъ между собою бесѣдахъ, и для того, чтобы имѣть возможность по намѣченнымъ вопросамъ предварительно ознакомиться съ относящимся къ нимъ матеріаломъ, совѣщаніе нашло полезнымъ избрать изъ своей среды пять лицъ, которые образовали бы бюро совѣщанія. Этому бюро не предполагалось вовсе придать значеніе какого-либо постояннаго учрежденія, а имѣлось только въ виду, что избранныя пять лицъ будутъ иногда собираться, предварительно выясняя—обсужденіе какихъ вопросовъ въ частныхъ совѣщаніяхъ председателей управъ желательно, какой для того долженъ быть собранъ матеріалъ, и будутъ распределять между собою трудъ по разработкѣ этого матеріала. Пять лицъ, принявшихъ на себя такую предвари-

тельную работу, согласились собираться для намѣченной цѣли въ Москвѣ, какъ въ болѣе центральномъ пунктѣ, о чемъ и было записано въ журналѣ частнаго совѣщанія, но при этомъ случайно вкралась редакціонная ошибка: въ журналѣ было записано, что совѣщаніе пришло къ заключенію организовать бюро при московской управѣ, тогда какъ слѣдовало записать, что избранные совѣщаніемъ члены бюро будутъ собираться въ Москвѣ, какъ это въ действительности и безусловно понимало совѣщаніе.

«Въ концѣ прошлаго сентября пять лицъ, избранныхъ совѣщаніемъ, собирались въ Москвѣ, и наши частныя бесѣды происходили отнюдь не въ управѣ, а въ моей частной квартирѣ, и никакого отношенія ни къ управѣ, ни къ нашимъ служебнымъ обязанностямъ не имѣли. Изъ представленныхъ мною объясненій ваше пр.—во усмотрѣть изволите, что при московской губернской управѣ не существовало и не существуетъ никакого бюро совѣщанія председателей губернскихъ управъ, о закрытіи котораго вы предлагаете. Какъ происходившее въ Нижнемъ-Новгородѣ, такъ и предполагаемое въ будущемъ совѣщаніе могутъ имѣть, несомнѣнно, характеръ лишь исключительно частныхъ бесѣдъ и обмѣна мнѣній, и председатели управъ, принимающіе въ этихъ совѣщаніяхъ участіе, участвуютъ въ нихъ только какъ частныя лица».

Такое разъясненіе, казалось бы, могло успокоить даже турецкаго визиря, самаго фанатическаго представителя восточнаго деспотизма. Со свойственною Д. Н. Шипову искренностью и правдивостью, онъ изложилъ губернатору всѣ подробности земскаго проекта, но бюрократія обуюла ужасъ при мысли о возможности «объединенія дѣятельности земскихъ учреждений и установленія общихъ руководящихъ началъ», а за этимъ, въ перспективѣ она уже видѣла «нарушеніе строя нашего государственнаго порядка». Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что на свое разъясненіе Д. Н. Шиповъ получилъ отъ того-же Булыгина такого рода «конфиденціальный» отвѣтъ:

Конфиденціально.
«Милостивый Государь,
Дмитрій Николаевичъ!

«Сообщенія мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ 2 сего Декабря за № 3196, свѣдѣнія по вопросу о Съѣздахъ Председателей Губернскихъ Земскихъ Управъ были мною представлены по принадлежности и нынѣ Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ меня, что представленныя Вами по означенному вопросу объясненія не могутъ быть признаны удовлетворительными и не убѣждаютъ въ возможности разрѣшенія періодическихъ съѣздовъ Председателей Управъ. Означенные представители земскаго общественнаго Управленія являются, по закону, лицами должностными, состоящими на государственной службѣ. При такомъ положеніи дѣла, какъ самыя съѣзды, такъ и бюро для подготовительныхъ къ онымъ дѣйствій, не могутъ быть признаны исключительно частными собраніями, не требующими разрѣшенія Правительства, а потому и организація ихъ, безъ испрошенія такого разрѣшенія,

представляется нарушением закона. Вследствие сего Г. Министр Внутренних Дѣлъ проситъ меня объявить Вашему Превосходительству, къ исполнению, что онъ, Министръ, не допускаетъ ни дальнѣйшаго существованія бюро, въ какомъ бы видѣ оно не было учреждено, ни участія Вашего въ вышеупомянутыхъ съездахъ. ¹⁾ Объ этомъ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, къ надлежащему исполненію.

№ 2897

Декабря 20 дня 1896 года.

Чего же добилось правительство такими нелѣпными репрессіями? Единственнымъ результатомъ ихъ было то, что государство, въ лицѣ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, вынуждено было изыскивать другіе пути для удовлетворенія назрѣвшихъ запросовъ жизни, какъ это было уже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ.

И. П. Бѣлоногий.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Маленькое Дѣло.

„Къ смертной казни, родъ которой опредѣленъ ему судомъ черезъ повѣщеніе“, — безстрастнымъ голосомъ прочиталъ ген.-м. Лейхтъ. . . Приговоръ былъ совершенно неожиданнымъ и даже по высшей военно-полевой мѣрѣ безусловно несоотвѣтствовавшей характеру «преступленія». На меня, котораго онъ касался, приговоръ произвелъ ужасное впечатлѣніе и, откровенно говоря, я не желалъ бы вторично пережить его. . . Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы, окруженные плотнымъ кольцомъ пѣшихъ и конныхъ войскъ, во дворѣ харьковскаго военно-окружнаго суда рассаживались по каретамъ, на насъ весело смотрѣла нарядная группа военно-судейскихъ дамъ и кавалеровъ.

Прокуроромъ военно-окружнаго былъ Савенковъ. Онъ требовалъ для всѣхъ насъ, шестерыхъ, не исключая и несовершеннолѣтняго Н. В. Ивашча, смертной казни, и если успѣлъ добиться смертнаго приговора только для меня, то это не его вина.

Лѣтомъ 1878 г. подѣ Харьковомъ сдѣлана была попытка освободить Войнаральскаго, осужденнаго по Большому процессу на каторгу и перевозившагося жандармами въ харьковскую централку. Меня тогда въ Харьковѣ не было и никакого участія въ дѣлѣ я не принималъ. Детали его мнѣ стали извѣстны только уже на Карѣ отъ нѣкоторыхъ участивковъ въ немъ, но я не буду касаться ихъ, такъ какъ, повидимому, живые еще дѣятели не находятъ возможнымъ оглашать это дѣло, — единственное, о которомъ до сихъ поръ власти почти ничего не знаютъ. Именно съ этимъ дѣломъ судьба и связала нашъ процессъ:

„Дѣло о попыткѣ освобожденія Фомина“.

Фоминъ (дѣйствительная фамилія Медвѣдевъ) — единственный задержанный участникъ освобожденія Войнаральскаго, былъ арестованъ на Харьковскомъ вокзалѣ. Близкая ему группа кружка киевлянъ и одеситовъ имѣла основаніе дорожить имъ и рѣшила, но что бы то ни стало освободить его. Въ августѣ того же года Фомина удалось ѣхать вмѣстѣ съ каторжанами. На волѣ знали объ этомъ, приняли мѣры къ тому, чтобы послѣ побѣды встрѣтить его и укрыть, для чего по всѣмъ выходамъ отъ тюрьмы расставлены были свои люди. Иванченко (последствіемъ осужденный на каторгу по другому дѣлу), мимо котораго прошелъ

¹⁾ Кузнецъ нашъ.

Фоминя, не рѣшился его окликнуть, приняв за уголовного. Фоминя былъ арестованъ два черезъ два за Харьковомъ вмѣстѣ съ уголовными.

Тогда предпринята была другая попытка. Черезъ улицу отъ тюрьмы нанята была квартира, изъ которой начать подкопъ въ тюрьму. Предполагалось провести ходъ подъ угловую башню, въ которой помѣщался на день параша для общаго пользования, и оставшаюся поэтому безъ всякаго надзора. Соответствующее помѣщеніе внизу было занято подлѣ склада зимнихъ рамы, мѣтель и т. п., такъ что легко было, когда главная работа будетъ окончена, пробраться небольшою вѣтринкой ходъ. Фоминя не выпустили изъ камеры, но выбраться было легко. Его одиночка внутренней стѣны какъ разъ примыкала къ отдѣленію съ парашами и, кромѣ того, въ этой стѣнѣ для чего-то была устроена ниша, такъ что толща стѣны была не болѣе двухъ карпичей. Разобрать ее и выдѣлать въ отдѣленіе—полчаса работы, а тамъ по свободной винтовой лѣстницѣ въ нижнее отдѣленіе—и дѣлу конецъ.

Но опять неудача. Хозяиномъ квартиры и вмѣстѣ главнымъ распорядителемъ подкопныхъ работъ былъ Сентянинъ—студентъ горскаго института, проживавшій по подложному паспорту и розыскиваемый по другому дѣлу (кажется, по дѣлу о волненияхъ донскихъ казаковъ). Случилось такъ, что его гимназической товарищъ служилъ окологонимымъ въ Харьковѣ, встрѣтилъ его, донесъ и Сентянина на улицѣ арестовали.¹⁾ Участники подкопа (Сараидовичъ, Е. В. Туманова, Иванченко), проживавшіе въ томъ же домѣ, не зная настоящей причины ареста, подумали, что ихъ прослѣдили, и немедленно оставили квартиру, заявивъ хозяйню о выдѣлѣ по неотложной надобности, но оставивъ квартиру за собой. Только въ декабрѣ квартира была открыта полиціей и то по заявленію хозяйни, встревоженнаго долгимъ отсутствіемъ квартирантовъ. Хозяйни, чтобы избѣжать ответственности, кажется, схитрила, указавъ срокъ оставленія квартиры болѣе близкій, и полиція страшно переполошилась (мы тогда уже были въ тюрьмѣ), видя въ этомъ новую, вслѣдъ нашей, попытку освобожденія Фоминя. Послѣ этой неудачи рѣшено было еще разъ попытаться. Планъ былъ такой: два лица, переодѣвшись жандармами, явятся въ тюрьму съ приказомъ жандармскаго генерала Ковалевскаго—прислать арестанта Фоминя для вопроса—и увезутъ его. Дѣло это всецѣло принадлежало киевлянамъ, но безъ содѣйствія мѣстныхъ силъ обойтись было нельзя. Самой видной въ Харьковѣ группой тогда былъ кружокъ Вуцлинскаго²⁾ (умеръ въ Шлиссель-

бургѣ), къ которому принадлежалъ и я. У насъ были связи съ другими городами, но болѣе близкіи—съ киевлянами, съ многими изъ которыхъ мы были лично и хорошо знакомы. Къ намъ и обратились киевляне.

Не знаю, какъ въ другихъ кружкахъ того времени, а у насъ строжайшимъ образомъ проводилось начало конспиративности и, напр., принято было за правило, если въ какомъ-либо дѣлѣ, предпринятомъ по стонающей инициативѣ, участвуютъ отдѣльные члены кружка, то они не имѣютъ права сообщать объ этомъ кружку безъ крайней необходимости.

Киевляне обратились именно не къ кружку, а къ отдѣльнымъ лицамъ, и сперва къ Яценуцу для необходимыхъ телеграфныхъ сношеній. Мы объ этомъ ничего не знали. Понадобилась квартира—обратились ко мнѣ. Я тогда проживалъ вдвоемъ съ Адамомъ Ивановичемъ (фамилію не называю, такъ какъ не знаю о его судьбѣ и не увѣренъ, удобно ли теперь будетъ напоминать ему юношескую старину), которого мнѣ было поручено подготовить къ вступленію въ кружокъ,—человѣкомъ, къ конспираціи тогда непричастнымъ,—на углу Примѣровской и Потюгова пер., д. Сулиной. Квартира была очень удобная: изолированная отъ хозяевъ, отдѣльный ходъ, двѣ комнаты, уборку производилъ самъ.

Какъ-то заходитъ ко мнѣ Иванъ Инчичевичъ (убитъ въ 1879 г. при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, на Жданской). Зналъ я его уже около года, зналъ хорошо,—онъ иногда въ бытность въ Харьковѣ, ночевалъ у меня и каждый разъ предупреджалъ, что если явятся жандармы, онъ будетъ стрѣлять,—но зналъ только какъ Иванъ,—фамилію узналъ уже потомъ. По силѣ характера и рѣшимости, онъ мнѣ замѣчательно нравился. Это былъ рабочий изъ семьи когда-то сербскихъ выходцевъ. Широкой теоретической подготовкой онъ не обладалъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ, студенту, импонировалъ. И когда онъ спросилъ меня, могу-ли я временно помѣстять у себя двухъ человѣкъ, я безъ всякихъ колебаній согласился. Правда, уже въ то время я былъ на виду у жандармовъ, но такъ какъ я жилъ безъ провинки, то рискъ провала былъ ничтожный. Цѣли Инчичевичъ мнѣ не объяснялъ, я не спрашивалъ, хотя, разумѣется, общую цѣль я отлично понималъ. Нужно было сплавить Адама Ивановича. Онъ уже достаточно былъ освоено съ нашими правилами, и потому и только заявилъ, что ему удобнѣе перебраться въ другое помѣщеніе, такъ какъ квартира нужна для конспираціи, въ которой его втягивать нѣтъ смысла, и А. И. безъ распросовъ перебралъ. Послѣдствія показали, что предосторожность была не лишняя. Послѣ моего ареста Адамъ Ивановичъ до того растерялся, что открыто заявилъ: если меня арестуютъ, я расскажу все, что знаю. Его сплавилъ изъ Харькова. Какъ-то ѣдетъ онъ, кажется, съ Камескинымъ по жел. дорогѣ, на одной изъ станцій покупаютъ газету и читаютъ приговоръ по нашему дѣлу. Какъ только Адамъ Ивановичъ дочиталъ до словъ: подлуднымъ Ефремовъ приговора-

¹⁾ Сентянинъ умеръ въ Петропавловской крѣпости.

Ред.

²⁾ На всѣ его часто называли «кружкомъ подпольцевъ». Ядро его образовали трое товарищей по Потюговой гимназии: Р. А. Стеблицъ-Камескій (застрѣлся въ Иркутскѣ), Николай Сажинъ (впоследствии правъ, умеръ въ Поттвѣ) и Н. В. Яценуцъ, а трое сурьезнѣе—бывшій семинаристъ: Д. Т. Бушневскій, А. И. Преображенскій (умеръ въ Иркутскѣ) и А. Столбула насъ студенческая среда, объединяющая революціонное движеніе того времени. Подпольца были болѣе вѣстными «кавалерами», а по нимъ и весь кружокъ, впоследствии значительно разросшійся, именовали подпольцами.

ривается к смертной казни, — хлопот в обморок. Стопнулась публичка, жандармы... А Каменский скрывался и по близорукости не обратил внимания на то, что перекраска в бронету уже начала лопнуть, переходя из зеленоватый цвет; к счастью, обморок отвлел все внимание жандармов.

Вечером того же дня ко мне перебежал Рашко и Березинюк (Тященко). Отрекомендовались — один «Американец», другой — Ивановом — и дядю коонец, Жили они у меня несколько дней до самого ареста. В квартиру иногда заходили по делам Николай Сажин, Будинский и др., видели, что что-то готовится, но никак их расспросить не могли. На другой день после перебега молх квартирантов, Пиченевич попросил и меня, если можно, не ночевать дома, так как вь с одним из участников дела, которое подготовляется, они не совсем уверены, без которого, однако, как типичной жандармской фигуры, обойтись было нельзя; в случай провала, он, пожалуй, и проболтает и выдает меня, если я буду присутствовать на их вечерних собианиях. И олать таки я безрекетословно исполнил и это, так как для дела именно требовалась моя квартира, а не я. Словом, дело делалось так: просто, что ни один прокурор не поверит...

Таких, как Рашко, революционеров я встрѣтил въ первый разъ. Это былъ профессиональный разбойникъ, известный въ уголовномъ мѣрѣ подъ кличкой «Американецъ», но разбойникъ съ тенденціозной подкладкой. Онъ, между прочимъ, принималъ участіе въ польскомъ движеніи 63 года и даже былъ сосланъ въ Тюмень, откуда бѣжалъ. Изъ его разсказовъ мнѣ запомнилса особенно одинъ, когда Рашко съ товарищемъ рѣшили прочесть екатеринославскаго богатаго помѣщика за безчеловѣчно-жестокое обращеніе съ прислугой. Они поступили въ нему въ качествѣ кучера и лакея и однажды, по пути въ Екатеринославъ, жестоко набили помѣщика и, раскачавъ за руки и ноги, связаннаго бросили въ терновникъ. Деньги 12 тыс. руб. ограбали, карету бросили на постояломъ, четверку лошадей продали и безслѣдно скрылись. Послѣ заводили справку, — баринъ, пролежавъ нѣсколько дней въ терновыхъ кустахъ и случайно спасенный, сталъ шелковымъ... Раскачалась все это и многи другія исторіи споконьямъ, эпическимъ слогомъ. Меня эти разсказы въ ужасѣ приводили, и я не могъ повѣтъ, какъ серьезные революционеры могли игнорировать въ дѣло такихъ людей. Но, оставивъ это всторонѣ, Рашко мнѣ, какъ типъ, являлся умный, бывалый, до безраздѣльности смѣлый и спокойный въ самые критическіе моменты.

Исторія его «обращенія» такова. По какому-то темному уголовному дѣлу онъ, въ качествѣ бродяги, былъ посаженъ въ Киевскую тюрьму, гдѣ въ это время сидѣлъ политическій Пабичий (близка къ пути сибиряновъ въ Сибирь и безъ вѣсти пропалъ). По слухамъ, убить бродягамъ въ сибирской тайгѣ, — человѣкъ увлекающійся. Онъ-то и «открылъ» Рашко и ознакомилъ его съ

революционнымъ направлениемъ Киевской группы, тогда становившейся на террористическую дорогу. Рашко ухватился за мысль «заглядѣть свое прошлое» услугами революціи въ доступной и посылной для него формѣ.

Ему удалось легализироваться на чужое имя, — безвѣстно пропавшаго традитъ дѣтъ крестьянскаго сына Рашко. Въ тюрьмѣ всегда такіа сибиряны имѣются. Въ данномъ случаѣ они были такъ обстоятельны, что Рашко указалъ и домъ дяди Егора, и свертника, съ которыми игралъ ребенкомъ, и свой домъ, и мать. Мать признала его за сына, за тридцать лѣтъ только до неузнаваемости замѣнившася, сходъ крестьянъ рѣшилъ: «нашъ» и выдать удостовѣреніе Рашко, по отбѣтн срока наказанія, выпустили, и онъ по даннымъ Пабичнымъ адресамъ вошелъ въ связь съ киевлянами. Онъ являлся «на дѣло» и съ неподдѣльнымъ огорченіемъ выражалъ свое неудовольствие на то, что киевляне однажды не разрѣшили ему «принять» городского, наблюдавшаго за одною квартирой... «А мнѣ бы это влени дѣло», — посылалъ Рашко.

Вотъ его-то и рѣшили взять вторымъ «жандармомъ» и, какъ человѣка уже пожилого, — ему въ то время было 40 съ хвостомъ лѣтъ, — въ качествѣ унтера-офицера.

На третій день Пиченевич все же нашелъ нужнымъ ознакомить меня съ дѣломъ.

— Вы, — сказалъ онъ, — должно быть уже догадываетесь въ чемъ дѣло.

— Почти, такъ какъ нѣкоторыя детали очень прозрачны. Жандармскіе мундиръ, шапки...

— Такъ какъ возможно, что на худой оборотъ и васъ могутъ притянуть, то я считаю себя обязаннымъ познакомить васъ съ дѣломъ. Мы хотимъ освободить Фомина при помощи передѣланныхъ жандармовъ — вотъ эти двое: — ваша квартира нужна, какъ пріютъ. Мы сами понимаемъ, что нельзя зря втягивать человѣка, но весь городъ обходили, — другой подходившей квартиры не нашли.

— Я ничего не имѣю противъ.

Больше я Пиченевича не выдалъ.

На другой день 17 или 18 сентября, точно не помню, — прихожу домой часовъ въ 12, — квартира на замкѣ; вхожу своимъ ключомъ, въ комнатахъ полней хаосъ: дорожныя корзины раскаты, въ нихъ запасные жандармскіе мундиръ, оружіе, цѣлое паспортное бюро и масса патроновъ. Долгое невозвращеніе «жандармовъ» означаетъ меня тревожить и я, зайдя въ университетъ и отдавъ на храненіе бывшія при мнѣ конспиративныя мелочи, иду въ тюрьму на рекогносцировку.

Не доходя къ вратамъ до тюремной площади, встрѣчаю жандарма, писаря жанд. управленія, съ которымъ я познакомился во первомъ аресту и умшленно поддерживать знакомство. Поздоровался за руку.

— Слышали новость? Фомина хотѣли выкрасть... Пиченевича на

тюремной площади арестовали,—все чего-то терся... Смотрите и вась притануть...

Как я поражен я быть извѣстѣемъ, но очевидно критическое положеніе побдило даже мою узаконну неврастѣю, заставляющую дрожать по сущимъ пулякамъ; я пробосталъ съ нимъ еще нѣсколько минутъ, шутилъ и затѣмъ, растапшисъ, продолжалъ дорогу къ тюрьмѣ, пока жандармъ не завернуть за уголъ.

Въ тюрьмѣ же происходило вотъ что. Когда наши жандармы предъявили приказъ о выдачѣ арестанта, смотритель отдалъ надзирателю приказъ „привести Фомина“, а имъ предложилъ респциаться въ книгѣ. И когда они заняты были книгой, настояше жандармы схватили ихъ сзади за руки, обезоружили и арестовали. Идучи въ наблюданій за исходомъ пошатки, былъ замѣченъ знашимъ его въ лицо передѣтими жандармами, которыми оцѣнена была вся тюремная площадь, и арестованъ. Онъ имѣлъ неосторожность носить при себѣ конспиративныя мелочи, что и послужило первой причиною его ареста.

Почему случился провалъ? Для подбѣжки приказа о выдачѣ Фомина пужно было имѣть въ рукахъ подлинникъ приказа жандармскаго генерала, его можно достать только изъ дѣлъ тюремной конторы. Въ тюрьмѣ и даже въ тюремной конторѣ (въ качествѣ писца) были безкорыстно и глубоко преданные намъ люди изъ распротпагандированныхъ уголовныхъ, черезъ которыхъ на свиданіяхъ подъ видомъ родственничковъ (одинъ разъ ходилъ и я) велелъ нефъ сношенія. По ихъ указанію рѣшили играть въ открытыи съ тюремными писемоводителямъ (фамилію теперь не помню), готовымъ за приличную мзду продать что угодно. Сношенія съ нимъ велъ все тотъ-же Иванъ Ивичевичъ. Сомнѣсь, кажется, на 500 рубльяхъ, половина которыхъ вручена немедленно, другая же должна быть выдана послѣ успешнаго окончанія дѣла. Точно до сихъ поръ не знаю, но, кажется, чтобы гарантировать себя отъ напѣны, бумажки были разрываны пополамъ и одна половина была вручена до освобожденія, другая подлежала выдачѣ послѣ. Нужный документъ онъ выдалъ, но въ рѣшительный моментъ выдалъ и все дѣло жандармамъ. За участіемъ слѣдили, но не совѣсть удачно, такъ какъ, повидимому, успѣли узнать только узину, но не домъ. Все это впрочемъ я узналъ много послѣ суда, а до того и не подозрѣвалъ степени осѣбдомленности жандармовъ. Мзموходомъ, Пшемоводитель на другой день оставилъ службу въ тюрьмѣ и до того перетрусилъ, что, встрѣтивъ чрезъ нѣсколько дней на улицѣ Ивичевича, удержалъ жандармовъ перевести его въ другой городъ, гдѣ и служилъ въ фальшивому паспорту, выданному жандармамъ.

Частье жандармовъ, что имъ не удалось прослѣдить квартиру; вечерами здѣсь собиралось „гдѣто террористовъ“,—часть лицъ, входившихъ въ Исполнительный Комитетъ кіевскаго центра. Достаточно назвать такихъ людей, какъ бр. Ивичевичи (Игнатъ и Иванъ,—оба убиты при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ),

Владимиръ Свириденко (повѣшенъ въ Кіевѣ подъ фамиліей Антонова на вооруженное сопротивление). Вослѣ ошлбитисъ, но, конечно, былъ и Валеріанъ Осипскій (повѣшенъ въ Кіевѣ) и др. Все это народъ безпредѣльно смѣлый, и если бы случилось несчастье жандармамъ накрыть ихъ, то напѣрика, имъ удалось бы отбиться и скрытисъ; тогда жандармы еще не носли напѣдрей, какъ оказалось позже при вооруженномъ сопротивленіи на Яндинской, и такіе идеальныя стрѣлки, какъ Ивичевичи и Свириденко, перешелкалы бы жандармовъ.

Когда я растался съ знакомымъ жандармомъ, первою мыслію было: очистить квартиру во чтобы то ни стало. Вообще фантазія у меня небогатая, даже скудная, но въ роковыхъ положеніяхъ случается, что на меня иногда находятъ положительно вдохновеніе. 1)

Точно такое-же состояніе я пережилъ послѣ разговора съ жандармомъ. До этого момента я вовсе не думалъ объ отпѣтѣ, но тутъ мгновенно соарѣлъ планъ. На той-же улицѣ жила уюленный за полненія и отбывавшій военскую повинность кіевскій студентъ Константинъ К-вичъ (опять таки, не знаа, пріятно-ли ему будетъ теперь, если онъ живъ, фамилію не называю). Захожу къ нему и прошу черезъ двадцать минутъ взять извозчика и ѣхать на квартиру Вудчинскаго, и тамъ скажутъ, что нужно дѣлать. Самъ на извозчикѣ—же ѣду къ Вудчинскому и прому черезъ пять минутъ ѣхать ко мнѣ, забравъ корзины и проч., отпустить затѣмъ извозчика, и когда прійдетъ К., все сдать ему.

1) Хотя это въ дѣлу и не отнесито, расскажу одинъ случай. Имѣя, възду трупу скаринтовъ, оставая на три дня до освобожденія, засначивавшій образовательный курсъ (пѣтвій четвертый классъ), подать прошеніе объ увольненіи, вынулъ скаринтовъ съ собою; иредсходнаго экзамена изъ средняго отдала на высше не „дѣлать“, чѣмъ лишка возмозжнаго поступленія въ университетъ; кромѣ того поставила по тройбу повеленія. Поэтому всѣ мы рѣшили поступитъ въ Харьковскій ветеринарій институтъ. На реносисировку похалъ а, показавъ свой документъ и получивъ отпѣтъ: пріймайте, примемъ. Пріймаа. Цѣлуя трупу входилъ въ директоръ, прѣдлагающъ документъ; тотъ рассматриваетъ и другѣ опрокидываетъ.

— Все вичего,—отпѣтъ и всѣ хоромы, недержатъ экзамена—не прѣмателіе, но лѣтъ тройбу повеленія... Скажите откровенно, за что вамъ ее поставили, да еще цѣлуя трупу?

Вопросъ былъ столь неожиданнымъ послѣ заявленія о нѣтвійхъ прѣдѣтій къ поступленію, что поставилъ мѣхъ въ трупу... Пѣтвилько отуталъ холбовай, и парту мѣна обѣщала „генеральна жока“, какъ называл мой отпѣтъ товарищи по несчастью.

— Видите-ли, мы воспитанники семинарія, готовимся быть духовными пастырями и потому обязаны были подчиняться особымъ правиламъ. Мы подбѣдрили, съшли изъ ностъ споромко, инспектору обрѣзавалъ нѣтъ—и вотъ...

Товарищи нѣсколько поворотыа голова ко мнѣ и нумуленно скорбѣли. Тапе случай въ семинаріи дѣйствительно бывалъ, но не съ нами и мы нѣкогда на одной квартирѣ не жила.

О если такъ,—вспрѣмать меня директоръ,—можете ходить на декады. И немедленно телеграфирати министру (Тоскову) и за утвержденіемъ отпѣтъ рѣчьмъ.

Отпѣтъ, дѣло вѣдливо получился въ нину ностъ... Нѣсколько ставнотому приравнялись, но для характеристичнаго времени необходимо. Причина увольненія была такая. Всѣтѣе мѣстало и довольно глупо и съ той, и съ другой стороны спора жоего съ прѣдоставителю философіи Поникавъ (нынѣ, кажется, ректоръ Курскѣ семинаріи), у которого а, но несостояннѣмъ для меня при-

Немедленно еду к себе на квартиру, кое-как собираю и укладываю, — как раз подбывает Вуцинский. Для отвода глаз на виду у хозяйки мы с Вуцинским пофланились, и поехали к нему счастливого пути, в хозяйка действительно потом показала, что вещи увезены на вокзал. Только что Вуцинский снес вещи к себе и отпустил извозчика, как к нему прибывает К., и увозит вещи к себе. Фокус удался блестяще: вещи как в воду канули, хотя за моей квартирой уже наблюдали.

После ареста «жандармов», полиция открыто отравилась по Почтовой ул. и, ходя изъ дома в из домъ, огрызавшая, кто квартиру? Дойди до нашего дома, она узнала от хозяйки, что квартируют какие-то двое (хозяйка подрауэвывала меня и Адама Ивановича, так как жандармов, к моему величайшему сожалению, она на судъ не признала и заявила, что видела ихъ въ первый раз, хотя Рашко и Верезюнок не стѣснялись бродили по двору), сейчасъ квартира на замкѣ, но кто-то входилъ въ окно и на вопросъ, кто тамъ, отиѣталъ усупоконительно: свои—свои. Это былъ Свириденко, забывший свой револьверъ. Для полици было ясно, что здѣсь завязать уеель. Надѣясь открыть всѣхъ сразу, она оставила наблюдательный постъ, но арестовъ дѣлать не велѣла. Наблюдатели видѣли отъѣзд Вуцинскаго, прослѣдили его до квартиры, обрадовались, побѣжали докладывать и прозѣвали К.—а. У Вуцинскаго сдѣланы обыскъ, но ничего не нашли. На вопросъ, что онъ перевозитъ, онъ показавъ, что я хотѣлъ переѣхать къ нему на квартиру, и онъ часть вещей моилъ и перенезъ. Его оставили въ покоѣ и судился онъ потомъ уже по другому дѣлу.

Очистивъ такимъ образомъ квартиру, я пошелъ къ Вуцинскому, куда собралось нѣсколько человекъ изъ кружка, и мы обсуждали, стоить ли мнѣ бѣжать, или туча морозовъ пройдетъ, когда обыскъ не дастъ результатовъ, что со мною тоже рабъ было. Рѣшили риснуть, благо денегъ въ кружкѣ не было ни копейки. Вечеромъ возвращаюсь въ квартиру, произвожу новую ревизию и дѣлаю важную находку: совершенно открыто у вход-

чикъ, былъ на хорошемъ счету, у меня произошло объяснение съ ректоромъ о. Матвѣемъ Песковым (споспѣвствія, кажется, петербургскій викарій Мезлинъ умеръ), во время котораго онъ доуговаривалъ отъ меня занять ходки. Переложилъ, «Кукунда», — новопоинскій инспектора, — быстро соорудилъ, съ кѣмъ я задѣе всего хоужу, обижалъ и тѣхъ; «пахтеть». Въ результатѣ—предложение всѣмъ нодать прошение, «Калуга», инспекторъ Василій Алексѣевичъ Калачевъ, далъ мнѣ честное слово въ аттестатѣ не жарить поведенья и обмануть.

Передъ изъѣздомъ проинималъ я бѣду у ректора, умоляя дать мнѣ возможность держать взаменъ и получить характерный отгѣтъ:

— О-о. Тогда вы засидите въ университетѣ. Нѣтъ, нужно, чтобы вы всю жизнь сидѣли.

Мы были съ глазу на глазъ... Кланусъ, у меня было желаніе броситься и задуть этого индѣвца и стоило величайшихъ усилій сдержаться... Въ члѣтѣ преподавателей были форменно алкоголики, о проложокъ «Калуга» или отгѣм, его свестившия, рассказывала чудеса разгуда и разврата... А тутъ сама обильнѣвшая индѣвическая виртуша накануне рожденого дня.

ныхъ дверей виситъ дорожная сумка, полная патроновъ. На улицѣ уже слышимъ полицейскіе свисты, — куда дѣвать? Противъ меня жить нашъ-же сотоварищъ Николай Сажинъ. Въ темнотѣ перебѣгаю улицу и успеваю сдѣать сумку ему. Оказалось потому, что и это выдѣли: у Сажина сдѣланы обыскъ, но сумка исчезла. Возвращаюсь и еще съ большимъ вниманіемъ обыскаю квартиру и въ складкѣ между спинкой и сидѣньемъ мягкаго дивана нахожу громадѣйшій зараженный бульдогъ. Вторично бѣжать черезъ улицу не рѣшаюсь, такъ какъ ясно слышу подъ окнами сдержанный разговоръ. Осторожно выхожу на дворъ, между заборомъ и будкой, «куда царъ ишкомъ ходитъ», зарываю револьверъ, а чтобы скрыть слѣды свѣжей раскопки, сверху «сажу»... Хитрость и на этотъ разъ удалась: на другой день жандармы весь дворъ обшарили, рылись въ мусорной кучѣ, рылись въ навозѣ, но это мѣсто осталось для нихъ «табу». Возвращаюсь, заглядываю въ печь, куда сметался комнатный хламъ, перебираю торшонку бумажки и вдругъ нахожу подползеть почтовой бумаги, весь испещренный фразами: «прислать арестанта для допроса генераль маіоръ Ковалинскій». Управившись въ поддѣлкѣ... Въ дверь уже стучать. — Кто тамъ? — Отгорите, приставъ! Торопливо ескаю на свѣчѣй улукъ, педель растапываю ногами...

— Что намъ угодно? — Кто здѣсь живетъ? — Я, студентъ Ефремовъ. — Прописаны? — Нѣтъ. — Покажите въ часть для прописки.

Въ части протестую, требую скорѣйшей прописки и отпуска, но что-то медлятъ. Въ соседней комнатѣ шепотъ: «немедленно доложу генералу, что въ квартирѣ проживаетъ Ефремовъ, задержавъ, какъ воступитъ.» Ну, теперь кришка, думаю: Ковалинскій меня знаетъ, — всего вѣсколю мѣсяцевъ и двѣ собственныя его превосходительства руки чай пальъ. И действительно, — вѣдно задержать до утра... Посадили въ катажку; окно довольно высоко, но доступно, выходитъ на частный дворъ, кирпичъ у рѣшетки предмѣстиями «по пыльному дѣлу» полураобразны, — бѣжать—суще пустяки. Но опытъ удержалъ прежнія соображенія. На утро уже честь другая. Являлся масса жандармовъ, городовыхъ, самъ позицімейстеръ; меня одного посадили на навозника и, окруживъ плотнымъ кольцомъ стражи, шагомъ повели по городу на квартиру. Начался обыскъ, длившійся съ 9 час. до 5. Результатовъ никакихъ, а уже торжественно. Вдругъ приставъ Флавицкій наклоняется, поднимаетъ кусочекъ сгорѣвшей бумаги, что-то разсматриваетъ... На лицѣ торжество, подымается жандармскаго офицера, прокурора... Я почти догадываюсь, когда, приставивъ ко мнѣ четырехъ здоровѣйшихъ жандармовъ, подымаютъ меня: — Прочтите, что вы на это скажете? — По темному подю совершенно сгорѣвшей бумаги бѣлыми буквами отчетливо видны слова: «присл. арест. Ковалинскій». Далъ меня все поватно: когда къ торопнхъ и сжигать и растапывать листъ съ управленіями въ поддѣлкѣ, кусокъ перла вырвался и отлетѣлъ въ сторону... Тутъ-же на мѣстѣ сдѣлана экспертиза. Составляется по-

становление объ арестѣ, и вечеромъ я въ «клубѣ» «жандармовъ» и Яценича, — одиночки наши выходили другъ надъ другомъ.

Отъ дали какихъ бы то ни было показаній мы всё отказались, на чемъ и покончили предварительное дознание. Система эта превосходная, разъ рѣшено себя не падать: лезъ за насъ не привели буквально ни одной души и это было величайшимъ утѣшеиельмъ во всѣхъ слѣдующихъ огорченіяхъ. Но на судѣ я чуть-чуть не «промазаль». Спрашиваютъ: кто съ вами жилъ. — Отвѣчаю: студентъ медикъ, съ ивменкой фамиліей, но вспомнить не могу. — Сказать я это и оговорбелъ: фамилія соквартиранта дѣйствительно ивменская, отвъ медикъ-студентъ... Что, если перепутаю съ всѣхъ медиковъ съ ивменкой фамиліей. Ихъ немного и это не такъ трудно. Къ счастью, основной отвѣтъ — забыте фамилію — такъ явно ложное, что и всему остальному не придали значения.

Жандармы, однако, понимали, что, захвативъ только меня, они поживиши, какъ собака мухомо, и потому направили всѣ усилія для пополненія «штата». Свидѣтелижъ, напрямѣръ, буфетчику гостиницы, въ которой Ничевичъ устраивалъ свиданія съ писмоводителемъ, квартирант мой хозяйка и др., предвѣдлалась масса карточекъ, имѣвшихъ въ распоряженіи полиціи. Карточку Родина хозяйка признала похожей на то лицо, которое узнало вещи съ моей квартиры, и хотя было извѣстно, что узнали Будинскій и у него именно по этому поводу обыскъ дѣлалъ, начались поиски Петра Родина, крестьянина-мордвина изъ Самарской губ., раньше уже имѣвшего дѣло съ жандармами въ Самарѣ. Родинъ былъ знакомъ съ нашимъ кружкомъ, но въ это время проживалъ въ Кубанской области и объ освобожденіи Фомина не знаетъ ни слова, ни духомъ.

Какъ-то въ тюрьмѣ къ форточкѣ подходить надзиратель и презрительно говорить: — «Вамъ въ сосѣда куку привезли, — сидеть да все плачеть»...

Вызываю сосѣда напротивъ. — Какъ фамилія? — Рода. — За что арестованы? — Положительно недоумѣваю...

Рода держали ровно до того дня, когда къ намъ привели Родина. Очевидно Рода сидѣлъ за Родина, хотя отвъ еврей, студентъ и похоть на Родина, какъ укусъ на колесо... И его счастье, что Родина арестовали, потому что иначе Рода съ такимъ же точно основаніемъ послали бы на ивчюю каторгу, какъ осудили Родина.

Меня крайне забавляло неожиданное мое превращеніе изъ сѣренькаго студента-ветеринара въ важнаго государственнаго преступника. Первый мѣсяцъ на прогулку выводили только послѣ вечерней повѣрки, когда всѣ арестанты были уже подзамкомъ, и не иначе, какъ въ сопровожденіи четырехъ специально командированныхъ жандармовъ. Разумѣется, помня эта не мѣшала намъ имѣть самая широкая сношенія съ волей.

Сидимъ нѣсколько мѣсяцевъ, два раза бунтъ устроили, — развели за это всѣхъ по удачнымъ тюрьмамъ, оставши въ

Харьковѣ меня — въ тюрьмѣ и Яценича — въ арестантскихъ ротахъ.

Какъ-то посѣщаетъ тюрьму прокуроръ судебной палаты Мечниковъ. — Въ какомъ положеніи наше дѣло? — Не могу насъ утѣшить: направлено въ административномъ порядкѣ. — Архангельской губерніи не мнать...

Досидѣли до апрѣля, когда выстрѣлъ Соловья перенервиль все вверхъ дюмъ: введены генераль-губернаторства, военные суды; по провинціямъ развѣзжалъ главный военный прокуроръ (кажется, Философовъ) и давалъ инструкцію направлять всё безъ исключенія дѣла по статьямъ, влекущимъ смертную казнь. Перекривившись съ Родинимъ, — насъ только двое и было тогда въ тюрьмѣ, — мы шутили: — А что какъ возмуть, да и осудятъ насъ къ смертной казни?... Ха-ха-ха».

Прямо съ петлянской чумы въ Харьковѣ назначенъ былъ генераль-губернаторомъ Лорисъ-Меликовъ. По русскому обычаю, одинъ изъ первыхъ административныхъ визитовъ — въ тюрьму. Заходить Лорисъ ко мнѣ. — Давно сидите? — 10 мѣсяцевъ. — Нужно ускорить, нужно ускорить...

Дѣлюсь радостной вѣстью съ Родинимъ. Онъ тоже дождеть. Въ концѣ іюля вызывають въ контору и подъ густымъ ковшемъ силошной цѣпью червъ весь почти городъ ведутъ въ военно-огражденный судъ звучат обвинительный актъ... Объявляется по 273 ст. Спрашиваю секретаря а что это за статья? — А вотъ прочтите. — Читаю: за бунтъ противъ власти верховной, за покушеніе ниспровергнуть и т. д. виновные подвергаются смертной казни. Подустигиди, укравителі, пособники и недоустигиди подвергаются тому же наказанію... Покорно благодарю, — это выхито Архангельской-то губерніи... Но что же было дѣлать «армянкѣ»? Придаль сократитъ кривоуду, а ея, какъ на ало, итъ да итъ въ Харьковѣ. Повелюді приходите выкаивать дѣла изъ архивовъ...

Наше дѣло было все же относительно сѣзко, а вотъ дѣло Ястремскаго, Чугуенца и др. ужъ совсемъ архивное. Еще въ 76 году арестованъ былъ по доносу прокуратора чисто пронагадическій кружокъ Ястремскаго, скоро, впрочемъ, выпущенный изъ тюрьмы. Самъ С. В. Ястремскій бѣжалъ за границу, но стосковавшись по роднѣ, въ 1878 г. воротился и объявился въ жандармское правленіе; несмотря на это былъ арестованъ. Съ его появленіемъ ихъ дѣло быстро пошло къ концу, и въ томъ же году часть, въ томъ числѣ и Ястремскаго, отправили въ административную ссылку, другая ничѣмъ не пострадала и, напр., Чугуенецъ, къ тому времени настолько поправившій, что на одной изъ сходокъ публично высказывалъ формулу «свобода, равенство и братство», — спокойно заканчивалъ университетъ. Лорисъ потребовалъ къ себѣ для пересмотра рѣшеное по высочайшему повелѣнію дѣло, воротилъ изъ ссылки обвиняемыхъ, предель военному суду, который приговорилъ четверыхъ на каторгу. Лорисъ утвердилъ каторгу только для Ястремскаго, а прочиыхъ

великодушно помывало... Это те знаменитые „трое англичанство“ (въ числѣ ихъ и Чугуевецъ), которые съ тѣхъ поръ непременно фигурировали на страницахъ тогдашней русской и иностранной печати, доказывавшей, сколь великодушны Лорисъ-Меликовъ...

Ожидая суда, мы очень сбивали, что процессъ будетъ безъ дамы. Два за три до врученія актовъ надиратель говоритъ мнѣ: — Барышня просила у насъ прислать чаю, сахару. — Какая барышня? — Да по нашему же дѣлу. — Что вы плетете, никакая барышня у насъ нѣтъ...

Обвинительный актъ все разъяснилъ: оказывается, мы и не знали, что мы, вмѣстѣ съ г-жей Е. П. Саенко, «составили преступное сообщество съ цѣлью испровергнуть существующую власть, для чего и пытались ослободить Фомина»... Никому изъ насъ тогда неизвѣстна Е. П. Саенко, оказывается, по просьбѣ Свириденко, заказывала въ Киевѣ нортному жандармскіе мундиры, до чего добрался по клеймамъ, забытымъ на мундирахъ.

8 июля я въ первый въ жизни разъ бѣжалъ въ каретѣ, — не въ тюремной, а настоящей, взятой изъ свадебнаго бюро. Въ нѣтъ подъ цѣпью дощевъ съ пинами наперевѣсъ, направленныхъ въ окна каретъ, насъ возилъ въ судъ. У суды (на Старо-Московской) и во дворѣ его — цѣпль лагерь.

Никогда, ни раньше, ни потомъ, я въ жизни не переживалъ такого неселаго времени, какъ три дня суда (съ 3 по 6 июля). Даже теперь вспоминается оно съ удовольствіемъ. Нѣсколько омрачало мое настроеніе только секретное сообщеніе мнѣ моего защитника, пом. секретаря военно-окружнаго суда Михайловскаго (гражданскихъ защитниковъ не допускали), что одного рѣшено приговорить къ смертной казни. — Кого? — Должно быть, Березинку; онъ своей фамиліей не открываетъ, и этому придаетъ особое значеніе. Его считаютъ по манерамъ семинаристомъ, а „преступу“ онъ напускаетъ.

Нужно отдать справедливость непроницаемости полиціи, — Березинку быть матросъ черноморскаго флота и выданая себя на каждомъ шагѣ: роль у него обязательно наудба, дѣлница — трагъ... Онъ былъ ученикъ Виттенберга (повѣсть въ Николаевѣ) и вынужденъ былъ скрываться послѣ несуществившейся попытки Виттенберга взорвать мшну при провадѣ Александра II изъ Крыма. Ничего этого тогда власти не знали, и потому я утѣшался тѣмъ, что защитникъ преувеличиваетъ.

Защиту свою мы построили на полномъ отрицаніи всякаго участія, кромѣ „жандармовъ“, которые придумали цѣпль, довольно таки нелѣпна, небилцимъ: Березинковская версія, впротемъ, все проникнута была такимъ невообразимымъ хохлацкимъ юморомъ, что мы все лопались отъ смѣха.

Моя версія задумана была удачно. Передъ форточкой моей намери каждую недѣлю въ корридорѣ (зимою) формировались партіи пересылаемыхъ въ уѣздныя тюрьмы, въ томъ числѣ въ богодуховскую, куда первенезъ былъ Рашко. Черезъ пересы-

лаемыхъ и съ нимъ списался, и вотъ Рашко подаетъ заявленіе: въ бытность въ Харьковской тюрьмѣ онъ изъ окна видѣлъ на прогулкѣ человѣка, походата на того, къ которому онъ заходилъ до ареста въ квартиру по билету на окна: „передается квартира“. Если этотъ человѣкъ содержится по его дѣлу, то онъ хотѣлъ бы имѣть очную ставку. Рашко привезли въ Харьковъ, очную ставку дали. На допросѣ а подтвердилось, что квартиру хотѣлъ передать, собиравсь поселиться съ Будницкимъ, почему послѣдній и перевезилъ къ себѣ часть вещей. Въ своихъ показаніяхъ я прибавилъ, что теперь для меня познато роковое поданіе клочка пелла: Рашко могъ обронить а, скажетъ, конечно, а вмѣстѣ съ другимъ хламомъ при уборкѣ комнаты.

Не знаю, вѣрили ли, или нѣтъ жандармы этой версії, но имъ она была невыгодна, если бы была сама истина. Они упустили главней а должны были для зарекомендовки своихъ способностей, создать главари. Выборъ палъ на меня. Версія моей защиты все таки была вѣроподобна, ее нужно опровергнуть, — и вотъ выдвигается форменный лжеислѣдатель...

До своего суда а много разъ слышалъ рассказы а лжеислѣдателяхъ, создаваемыхъ жандармами, но, грѣшныя человекъ, не вѣрилъ, полагаю, что это такая же легенда, какъ и рассказы а ворахъ въ третьемъ отдѣленіи. Только послѣ своего суда а твердо узналъ, что дѣйствительно, бываетъ...

Дѣло наше слушалось безъ предварительнаго слѣдствія, на основаніи данныхъ первоначальнаго дознанія, и потому многое впервые выплывало на судъ. Въ числѣ ихъ было показаніе пристава Флавицаго, буквально ошорившее меня. Выступалъ онъ со стороны обвиненія, онъ показвалъ въ день попытки освобожденія Фомина помощ. пристава Земборскій, докладывавъ ему, Флавицаго, что къ нему явился явочникъ, который заявилъ, что онъ возилъ изъ квартиры Ефремова жандармовъ.

— Показаніе Земборскаго въ дѣлѣ есть?

— Онъ докладывалъ устно.

— Я желаю допросить самого Земборскаго.

— Онъ переведенъ въ Черниговъ и за дальностью расстоянія на судъ не могъ явиться.

— Явочника вы знаете?

— Нѣтъ, не явша...

Къ удивленію, и судъ, и прокуроръ, и даже защитникъ не вмѣшались въ допросъ, и приставъ побѣдоносно удалился.

Дѣло-то въ томъ, что первоцѣпльнъ жандармовъ происеходило въ яру, въ университетовомъ саду, совсѣмъ въ другомъ концѣ города. Оттуда же „жандармы“ вышли и побѣжали въ тюрьму. Штатская одежда „жандармовъ“ была оставлена въ томъ же яру, была подобрана полиціей, настолько не сомѣшавшей въ прохожденіи этихъ костюмовъ, что тѣ лежали передъ глазами судей на столѣ вещественныхъ доказательствъ. И на это ничто, ровно никто не обратилъ вниманія. Слѣдствль-явочникъ, явившій противъ моей квартиры, вызванный обвиненіемъ, торжественно за-

являть, что в течение 16 лет, как они живут здесь, ни разу они не видали жандармов. Это тоже пропустили мимо ушей...

Это была козырный ход, после которого игра моя была явно проиграна. Ложная система защиты, принятая «жандармами», не давала мне возможности указать на то, что периодичные и выходящие извне менты в университетском саду: это значило бы в корень опровергнуть их защиту, так как они указывали ментам периодичности какой-то из неизвестных домов. Сами они как-то не догадались сделать это, мне стыдно было обратиться на это их внимание, так как тогда мое положение ухудшалось на их счет, а я ведь знал, что именно одному из них грозила казнь. . . И я махнул рукой.

Петра Родина обвиняли в том, что он — Ивичевич; бухгалтер гостиницы, из которой происходили переговоры с письмоводителем, показал, что «будто-бы немного походит», — в действительности между ними сходства никакого. Главного свидетеля-письмоводителя как-бы не существовало; о нем, как и вообще о всей закулисе, на судьи не упоминалось ни слова: суду это было невыгодно, а нам мешала наша система сплошного отрицания. Родню же приписано было авторство одной телеграммы, почерк которой первоначальная экспертиза признала несколько сходным с почерком Родина. Но на судьи, после присяги, четыре эксперта признали, что почерк не его. Тем не менее обвинение осталось. Родню доказывать свое алиби, — его свидетелем не являлись.

Объ обвинений против других и распространяться не буду, — фактически они близки к истине.

Прокурор Савинков — «честный судья» под старость, — тогда бесчестно топил истину и требовал для всех смертной казни. Особенно красноречиво доказывал он, что 19-летнего Ядевича обязательно нужно повесить, и сослался на кассационное решение сената, по которому из 60 годовых были казнены в Тамбовской несовершеннолетней убица целой семьи.

Защитниками были все кандидаты на военно-судебные должности: лучший из них, кажется, был мой — пом. секр. Михайловский, начавший речь так:

— Подсудимый Ефремов действительно заслуживает смертной казни, но в т. д. Такое начало, впрочем, сбывало с моего согласия после довода г. Михайловского, что ему только после долгих лет удалось добиться назначения помощником секретаря, и потому прямая защита опасна для его карьеры...

Защитник Е. И. Савенко варьировал мысль, что прошли те времена, когда колокола звяли и отпраздник в ссылке на Сибирь...

Лучше всех отличился защитник Родина. Он, доказывая неспособность Родина участвовать в политическом движении, начал так поносить его, что Родню не выдержало и среди речи попросил слова.

— Я, — заявил он, — не уподобляю себя на такую систему защиты и отказываюсь от защиты.

Вышел скандал, судья прервал заседание. В слезах выбежал защитник Родина в нашу комнату:

— Г. Родню, ради Бога, спасите. Пятнадцать лет состою кандидатом на судебные должности, председатель говорить, что если вы не возьмете своего отказа обратно, он меня уволит...

Родню согласился.

— Подсудимый Ефремов, ваше последнее слово.

Что я им скажу? Не выворачивай же душу на этом свете нечестных! И я начал излагать проблемы речи защитника, упустившего массу защитительного материала. Я разбирал пункт за пунктом: речь прокурора, показал, что он, одно недоказанное обвинение подкрепляет другим недоказанным же, а в итоге — высылка. Она действительно имела такую структуру. В ее речи особенно приятно было следующее единственное вещественное доказательство, найденное у меня, достаточно изобличает мою преступность; но еще больше изобличает то, что никаких других улик не оказалось, так как это только доказывает, с какими опытным и закоренелым преступником судья ямлет дело...

Прокурору казалось, что после моего слова жертва вырывается из петли, и он постарался заткнуть ее потуже. Вопреки судебным традициям, он требует себя слова, чтобы отбить на мое «последнее слово»... Судья поражен, уходит из совещательную комнату, — слово прокурору дано... и вновь высылка, высылка... Отг вторичного «последнего слова» и отказался.

Родню избрать содержание последнего слова неудачно. Умница, широко начитанный, философ по характеру и по склонностям, Родню старался доказать, что он только либераль и «далее «Отечественных Записок» не пошел». Последняя фраза мнѣ запомнилась буквально, потому что ее подхватила реакционная печать в своих нападках против легальной печати, доказывая тождество ее с «нигилизмом».

Речь Ядевича была блестяща, но я ее рѣшительно теперь не помню.

Приговор поразили всех своей несоразмерностью с делами, даже принявая их в формулировке обвинительного акта: одного к смертной казни, — этим одним оказался я; Рышко, Верезнико и Родина — к безсрочной каторге; Ядевича — на 15 лет. Е. И. Савенко — к 12 годам с замѣной поселением. А перед судом мой защитник, между прочим, говорил: — Смысл ваше, что председательствовать на судьи буди не самъ председатель, находящийся в отпуску, а его товарищ (или как он там назывался) Г. М. Лейхт. Это человек мягкий...»

Особенно обидно было за Родина, непричастного ни в каком смысле к делу. Его это угнетало и выдержало он не

долго. После тифа в Иркутской тюрьме его разбил паралич. Еще не оправившись его прислали на каторгу. Здесь под толчком одной семейной истории, которая при других условиях только скользнула-бы по философу, временно наблил его изъяс колени, они отравились раствором спичекъ и умерь, не выживи и года Кары.

Скоро связавшись в Рашко, но въ другомъ смыслѣ. Еще до-рогой въ вагонѣ овъ началъ, поводяному, симулировать магию преследования. По прибытіи въ Иркутск овъ подъ тѣмъ же предлогомъ попросился въ одиночку и оттуда написалъ Лорисъ-Мелікову, тогда уже начальнику верховной распорядительной комисіи, прошение о помилованіи, открытъ свое настоящее имя, расказавъ подробно о намѣстѣ дѣлѣ. Такимъ образомъ третье отдѣленіе уже тогда знало всю закулисную сторону дѣла и степенъ нашего участія. Родить тогда еще жить быль и его не освободили...

А Рашко, несомнѣнный уголовный, былъ помилованъ и поселенъ въ Тюмени, гдѣ, впрочемъ, скоро умерь. Это одно достаточно характеризуетъ престолутую „гуманность Михаила Таріе-личина“¹⁾.

¹⁾ На своемъ янгу я зналъ нѣсколько распродвигированныхъ уголовныхъ и все они кончили очень скоро.

Имя Цылова—крупный уголовный, его рѣчь, въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ, гдѣ овъ судился подъ фамиліей Гаринцовъ (Гаринъ тожъ) отъсылка Ирриченскъ въ его книгѣ „Сибирь, какъ колонія“. Въ Западной Сибири овъ сполна съ политическими взглядами, нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи съ порученіями, которыя добросовѣстно исполнял. Въ послѣднюю поѣздку былъ арестованъ, омазалъ воздушное со-протавленіе, присуденъ къ смерти и помилованъ на каторгу. Многогознае реална нѣтъ каторги непереносима для такихъ натуръ, на своей каторгѣ ирившились и къ большому восторгу, и возможности испытать сильнаго оупищенія, хотя бы въ картахъ, шашкахъ, аркадах. И овъ выдалъ консервативнаго глоріана милоди, былъ переведенъ въ Тюмени и съ оловательно оупищенъ.

Онишениковъ—молодой ружья“ Алексисъ кармизинчикъ. Молодой, подковой, рѣшительный. Распорядившись, вместе, тѣмъ же Ибрагимъ. Уоивъ шлола, приговоренъ къ смерти, проинесъ съестанту, вызвавшую рѣчь, написанную, впрочемъ, Малласкивъ. Съ нѣмъ описали, намъ уполномоченъ. На мѣня проинесъ веріетное алачательное жидицкѣе андерой уоакъ и горячіе глаза вирожились. Въ обѣдничіи ему скоро нашла настоящую цѣну и, кажется, это-то омазало послужило толчкомъ къ тому, что овъ выдалъ подоплю, буръ и все оное омазало въ тюрьмѣ, былъ переведенъ въ Александровскую централку, гдѣ и обыль срокъ.

Мельниковъ—вообразилъ былъ поюющимъ. Самовольскъ изъ бѣсенокъ, какъ же приключенъ къ участію въ покушеніи на Черемша. Оупищенъ на каторгу. Скоро подлъ прошение о помилованіи и ишупель въ юлную команду. Но поиня, выдалъ-ли что, но что его жандармы считали на это способнымъ, доламельт такой случай: казато жандармъ, нѣмшій янгу оубрину перенесу съ оубей, къ теинтой передалъ лоту ему. Жандармъ свою оубину, потребовалъ лоту, назвалъ и приносилъ: если ты съажени команду, то я теби прудрѣжу въ этою лоту рѣдильеру.

Осовскій—какъ уголовный совелелъ въ Енисейскѣ съ политическими. Наступающіи всякихъ рѣчей и не перенерши ихъ, овъ подалъ на высочайшее имя прошение о помилованіи въ такихъ сквернословныхъ выраженіяхъ, что его оочи судисудились. Нававило было непитане умственныхъ способностей. Собрался комиссія и предлагать ему прослонтать слово глорна. Осовскій начинаеть: дуракъ, дуракъ, дуракъ... Овъ—знава и эффектъ получаетъ необычайный. Приниматъ арзамосмеліата и оупищенъ на каторгу, гдѣ дѣлѣ поинитъ себя всеа даже заносично—въ отношеніи нѣко-

Приговоръ былъ неосуждать ни для меня, ни для кого друго-го. Каторгу, хоти-бы и безсрочную, я привалъ-бы легко, —къ этому я готовился, какъ въ неизбѣжной судьбѣ русскаго социалиста, съ мыслью о ней и сынка. Но смертная казнь—о ней мы все думали только въ шутку. Да она и не вытекала изъ существа нашихъ воззрѣній. Нашъ кружокъ возяикъ и закончился въ періодѣ безразмѣна, когда интеллигенція разочаровалась въ хожденіи въ народъ, въ мирной идейной пронагандѣ и напушывала новыя формы.¹⁾ Въ 1878 г. шли горячіе споры между приверженцами „городской“ и „деревенской“ дѣятельности. Люди самые близкіе расказывались по стѣмъ двумъ категоріямъ, но пока теоретически. Не было еще стѣмъ дѣломъ ни Липецкаго, ни Воронежскаго, когда опредѣлилось теченіе Народной Воли; всего оосенью 1878 г. вышли первые номера „Земли и Воли“. Словомъ, мы ни въ какомъ случаѣ не были террористами, отрядительно относилсъ къ царубіевию и съ этой точки арвіна обидывали даже выстрѣлъ Соловьева. И вдругъ насъ судить, какъ террористовъ.

И черезить ужасные моменты въ пераи минуты послѣ приговора: описать это состояніе у меня не хватаетъ словъ. Но мысли о подачѣ прошения о помилованіи у меня не являлось. Только на другой день, послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ, меня защитникъ назавать въ какую-то комнату окружнаго суда, гдѣ нѣкто-то судейскіе члены и, кажется, адъютантъ Лориса заявили мнѣ, что если я подамъ прошение о помилованіи, то казни не будетъ. Тутъ-же предложили готовое прошение, оставалось только подписать. Все это для меня происходило въ какомъ-то туманѣ. Прочитавъ прошеніе, я нашелъ форму рабскихъ выраженій безусловно неприемлемой и отказался. Но мысль была брошена, а я чувствовалъ, что не могу-бы умереть съ достоинствомъ, и боролся тогда на знафотъ. Сопротесники рѣшили облегчить мнѣ выходъ путемъ пожертвования собственнымъ достоинствомъ: они все подали прошение о помилованіи, чтобы оубиить такой же шагъ и для меня. Мнѣ показывали ихъ. Написаны они были съ достоинствомъ, въ янотѣ приемлемыхъ выраженіяхъ. Я согласился на такую же форму. Но черезъ защитника мнѣ дали знать, что для меня, приговореннаго къ смерти, такой тонъ

торяхъ. Во время одной изъ такихъ поинтокъ, получивъ аффронтъ, угрожающій разоблаченіемъ нѣкоторыхъ северныхъ его проинтовъ, подаль прошение о помилованіи, перевелъ въ команду, но выдалъ ему уже почти всего было, крокъ, поинткъ, нѣкоторыхъ субіогорныхъ таликъ, да нѣстернѣ тюрьмы, въ тѣлодемъ годовозной, порчи И. Сидла, отравленій.

¹⁾ Первая прокламція Неполитическаго Комитета „Новое направленіе“ в г. А. (напечатана въ „Выходѣ“) была распространена въ августѣ 1878 г. Въ Курскѣ распространить ее было поручено мнѣ. Рашко было работать по поитѣ. Мой поитеръ жандармахъ уже былъ поинткъ и потому и оубрился въ означивающую гимназію в г. Дѣло оово янотѣ удачно, но на это поиня въ сенку въ Красноярске админера-фельдшеръ Ширьеръ. Жандармы нашли, что ево поитеръ схожъ съ выдвиги на поинтѣхъ. Г-жа Ширьеръ не водорѣкала о существованіи прокламаций и съ нею и въ сей дѣло неинвожъ. Такова жандармская аэриотика.

прошения допустить нельзя... Осталось всего несколько часов до вступления приговора в силу, защитник привез воюю редакцию готового прошения. Было здесь и отречение от своих убийств, и „принадлею къ стоамам“... Краска жгучего стыда заливает мое лицо и теперь, спустя 28 летъ постъ этого... Я подписалъ...

Я несколько распространялся объ этомъ потому, что этотъ ужасный шагъ я считаю самымъ постыднымъ въ моей короткой политической жизни и на шестомъ десяткѣ дѣтъ не могу отдѣлаться отъ гнетущаго чувства при воспоминаніи о немъ.

Долженъ сказать къ чести своихъ товарищей по Карѣ и Сибирѣ, — никто изъ однимъ намекомъ не достигавших до этого большого мѣста и вѣстки при всякомъ теоретическомъ спорѣ, при всякихъ экскурсіяхъ въ прошлое неотступно остается удержъ: а вѣстки ты не въ состояніи умереть за свои убийства...

Философъ по склонностямъ и натурѣ Яценячъ, наоборотъ, видѣвъ въ этомъ исходѣ процесса даже хорошей результатъ: публика изъ массовой подачи прошений увидитъ, какихъ мало частныхъ къ движению и неважныхъ людей такъ жестоко осуждаютъ, и тѣмъ больше будетъ ей негодование противъ правительства. Негодование дѣйствительно было велико: приговоръ былъ тогда безпримѣренъ по своей жестокости и особенно въ сопоставленіи съ тѣмъ, что самъ Фоминъ, участвія попытки освобожденія Войнаральскаго, окончившій убійствомъ жандарма, приговоренъ былъ судебной палатою въ 20-ти годамъ каторги...

Служается, что ложь, часто повторяемая, заставляетъ вѣрить въ нее самихъ лжецовъ. Такъ было и съ жандармами: умнишено возведя меня въ званіе главаря харьковскихъ революціонеровъ, они стали считать это непреодолимымъ фактомъ и соображая съ этимъ и воодѣйствовать на меня. Когда мать, прося свиданія со мной, послѣ приговора была у жандармовъ, то ей прямо рекомендовали предложить мнѣ „перемѣнить арестантскій костюмъ на обыкновенный“, если только я скажу, кто такой Фоминъ и кто убилъ харьковского губернатора кн. Кропоткина. Мать, видя, какое ужасное впечатлѣніе произвело на меня это предложеніе, явно показывающее, что подъ ножемъ вырваннаго выраженія раскаянія поняты были до такой степени за чистую монету, что меня считали способнымъ на предательство, больше не возирапалась къ этому предмету.

Интересно вотъ что: Кропоткинъ былъ убитъ, когда я уже давно сидѣлъ въ тюрьмѣ, и тѣмъ не менѣе меня спрашивали объ убийствѣ его, — очевидно изъ сурьозъ утѣравали, что безъ меня вода не осветится. Я дѣйствительно зналъ кое-что объ убійствѣ Кропоткина, но совершенно случайно. Въ это время въ тюрьмѣ сидѣлъ харьковскій студентъ Ск—нъ, бывший ранѣе студентомъ кievскаго университета. Для за три до убійства Кропоткина наша тайная почта, въ числѣ другихъ, принесла записочку и С—пу, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Приѣхать изъ Кіева на

короткое время обдѣлать одно хорошее дѣло. Гришка.* Въ тюрьмѣ дѣлается всякими мелочами, и Ск—нъ прислалъ мнѣ и эту записочку. Вечеромъ въ разговорѣ черезъ окно онъ сообщилъ мнѣ, что Гришка—это нѣкто Голденбергъ, его знакомый по кievскимъ кружкамъ, „неважный человѣкъ, но очень смѣлый“. Когда Кропоткина черезъ три дня убили, для меня не было сомнѣній въ связи между Голденбергомъ и убійствомъ Кропоткина.

Кто такой Фоминъ, я узналъ въ тюрьмѣ отъ самого Фомина, но до того никогда его не видѣлъ и не имѣлъ о немъ ровно никакого представленія. Жандармы же до того мало были знакомы съ психологіей революціонеровъ, что не допускали мысли, чтобы можно было освободить лично совершенно незнакомому человѣку.

На этомъ не кончились попытки утилизировать меня для сыска. Очевидно, предполагая, что мое „упорство“ записать отъ давления товарищей, они неожиданно вслѣдъ отпращивать на каторгу, меня же оставлять въ Харьковѣ. Разъ среди глубокой ночи открывается камера, и ко мнѣ садитъ какого-то прилично одѣтаго господина. Совѣстное помѣненіе у насъ не практиковалось, и я сразу же настоюжилъ, хотя все время виду не подавалъ. Субъектъ назвался политическимъ пересыльнымъ, казался очень виноватымъ. Характеръ выдерживалъ довольно твердо и только на третій день осторожно, мимоходомъ, навелъ разговоръ на то, кто Фоминъ, кто убилъ Кропоткина, много ли революціонеровъ въ Харьковѣ и т. п. Но если-бы я самъ былъ не догадливъ, то уголовные открыли бы мнѣ глаза. Окно моей камеры выходило на дворъ, гдѣ они гуляли. И вотъ то и дѣло, удучивъ минутой, когда стража на нихъ не смотритъ, они, оборотисъ къ моему окну, показывали языкъ и сдаивали шею. „Языкъ“—на тюремномъ жаргонѣ значить шпионъ, котораго мнѣ и рекомендовали придумитъ. Я рѣшилъ иначе, — и виду не показавъ, что я знаю, съ кѣмъ дѣло избу, развлекался съ нимъ, оказавшимся человекомъ бывалымъ, разговорами, но отъ меня онъ не удучилъ ни одного нужнаго ему звука, и черезъ недѣлю его убрали.

Какъ то мать и сестра приходятъ на свиданіе. Ихъ просить—обосидать, а въ это время меня закончиваютъ въ кандалы, обриваютъ полонну головы и только тогда ведутъ на свиданіе. Кто не видѣлъ такого преобразенія, не пойметъ того ужаснаго впечатлѣнія, которое оно производитъ на сѣваго человѣка. Это какъ бы половинки двухъ разныхъ лицъ, склеиванія вмѣстѣ. Съ матерью обморокъ, слезы... Лучно на меня все это издѣвательство ровно никакого впечатлѣнія не произвело, а кандалы даже нравились: когда ихъ снимаешь, такое хорошее, легкое состояніе, точно у тебя крылья выросли. Но меня глубоко возмущало издѣвательство надъ родными: идъ могли-бы продѣлать маскардъ послѣ свиданія, тѣмъ болше, что они были безусловно беззащитны, — такъ какъ надъ привилегированными обридъ этотъ могъ соверпался только по прибитію на каторгу. Это повилъ даже архаическій тюменскій приказъ о осмынныхъ, „незаставившій меня въ правяхъ“ разрѣшеніемъ обривъ и вторую половину головы.

Но „армишки“ нужен был эффект, чтобы заставить меня во благо его карьеры совершить подлое дѣло.

6 августа въ 3 часа у меня должно было быть свиданіе съ матерью и сестрой. Около этого времени меня вызываютъ въ каторгу, гдѣ я застаю жандармскаго офицера Голуба. Онъ смотритъ на меня злыми жесткими глазами.

— Что скажете?—Задастъ онъ вопросъ.

— Вы меня вызвали.

— Вы намъ ничего не скажете?

— Я мой отвѣтъ далъ.

— Смотрите, послѣ будучи каторжаниномъ, но будетъ поздно: черезъ часъ васъ отправляютъ на каторгу.

— Я только этого и хочу.

— Ну, такъ идите,—злобно прошипѣлъ жандармъ.

Но за эту неудачу онъ жестоко отомстятъ.. матери и сестрѣ: когда въ 3 часа онѣ пришли на свиданіе, изъ попросили придти въ 4. Но когда онѣ снова явились, меня уже погнали уносить на каторгу...

Дѣло наше очень мелко и ни въ малой мѣрѣ не вліяло на ходъ событий, какъ и сами мы люди мелкаго калибра—пушечное мясо революціи, статисты. Но мнѣ казалось, что заглянуть за кулисы провинціальной конспираціи и въ душу статиста не безынтересно. Въдѣ подобная намъ масса статистовъ образовала ту дану, на которой черезъ годъ вынырнула свои историческіе узоры великая „Народная Воля“...

Впрочемъ, нужно сдѣлать оговорку: изъ „мы“ нужно исключить Н. В. Яценича. Въ кружкѣ мы его цѣнили, но какъ то не замѣчали его превосходства надъ собой. Оцѣнилъ его сторонній человекъ,—С. Н. Юзиковъ, встрѣтившійся съ Н. В. въ Мценской центральной пересыльной тюрьмѣ.

Я попалъ въ нее уже по отвѣдѣ моихъ сопросессорковъ. Заговоривъ какъ то о нашемъ дѣлѣ, С. Н. отозвался о Яценичѣ буквально такъ:

— Какой гениальный юноша!

Фразу эту я запомнилъ именно потому, что въ мелочахъ текущихъ конспирацій превосходству Яценича не на чѣмъ было проявиться и мы не замѣчали этого превосходства...

Безакононый судъ и долгая—долгая каторга сдѣлали силы и этого исключительнаго человека...

В. С. Ефремовъ.

Документъ къ дѣлу Валеріана Лукасинскаго 1).

Министерство Военное, Канцеларія Министерства. По секретной части. Въ Санктпетербургѣ, 5 июля 1850 года, № 111. 0 Государственному преступникъ Валеріанъ Лукасинскій. Его Сіятельству Графу А. Ѳ. Орлову.

Милостивый Государь, Графъ Алексѣй Федоровичъ!

Предписаніемъ моимъ отъ 21-го Декабря 1830 года за № 761, объявлено Шансесбургскому Команданту, Высочайшее позволеніе, доставленнаго изъ Бобрювска преступника Царства Польскаго Лукасинско, принять и содержать въ Шансесбургской крѣпости, какъ Государственного преступника самымъ тайнымъ образомъ, такъ что бы, кромѣ Команданта крѣпости, никто не зналъ даже его имени и откуда привезенъ изъ заключенія.

Въ Мѣзъ сего года, во время отсутствія Вашего Сіятельства изъ Санктпетербурга, Управляющій 3-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеларія, отношеніемъ № 1018, просилъ сообщить ему, о преступленіи Лукасинскаго и о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ суда.

Въ свѣдѣніи сего, имѣю честь уведомить Васъ, Милостивый Государь, что во вѣрномъ мнѣ Военномъ Министерствѣ хранятся въ глубокой тайнѣ:

1) Секретное дѣло, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ для перевода Государственнаго преступника Лукасинско изъ Бобрювска въ Шансесбургскую крѣпость.

и 2) Зачетнаго конверта, заключающій присланныя Генераломъ Фельдмаршаломъ Княземъ Варшавскимъ, о преступникѣ Царства Польскаго Лукасинскимъ и сопрѣчавшіе его заговору лица, въ которыхъ бумаги и черновыя весьма перемаравные отписки, которые найдены были въ Архивахъ военнаго Отдѣленія Главнаго Секретаріата покойнаго Цесаревича и Канцеларія Святогра Новопольскаго и въ описи сего дѣла, имѣется отмѣтка, что другія хранившіяся въ секретномъ Архивѣ дипломатическаго Отдѣленія Секретаріата бумаги о Лукасинскомъ, захвачены въ 1830 году Польскими миткалками.

Изъ оставшихся же въ вѣрности бумагъ, имѣются о преступленіи Лукасинскаго, слѣдующія свѣдѣнія:

Служавшій въ 4-мъ Ливонномъ полку бывшей Польской Арміи, Майоръ Валеріанъ Лукасинскій, былъ главнымъ основателемъ въ 1819 году тайнаго общества подъ названіемъ національнаго Массонства.

Это общество, учрежденное подъ видомъ взаимной помощи и поддержанія національности, Лукасинскій наружно раздѣлилъ на Массонскія дожи, съ

1) Биографіа Лукасинскаго см. въ книгѣ „Галлерія Шансесбургскихъ узниковъ“.

присвоением каждой Масонских обрядов и украшений, но в то же время, распространяя въ них свои митогическія помышленія постепенными обрядами, приготавливалъ нѣкоторыхъ членовъ, раздѣлявшихъ его умысла, къ исполненію своихъ политическихъ замысловъ.

Стремясь къ этой цѣли, *Лукасинскій* устремлялъ три степени національнаго Масонства; присвоить каждой, особое свойство, а именно: первой, постоянство; второй, мужество; третій, отважность.—Четвертую степень или Капитулъ составляли главные зачинщики подд. предательствамъ *Лукасинскому*, присвоившаго себѣ званіе великаго Магистра.

Этотъ капитулъ, сокрытый предъ глазами тремя степенями въ качествѣ верховной невидимой власти, общества, долженъ знать тайную политическую цѣль *Лукасинского*, диспровергать законное Правительство и востановить изъ всѣхъ владѣній древней Польши одно отдѣльное Государство подд. управленіемъ Короля избираемаго изъ Польши.

Лукасинскій, распределялъ Членовъ въ ту или другую степень масонства по мѣрѣ къ нимъ своей доблѣтности и определялъ для каждой степени отличія или позывательное слово—они были слѣдующіе: первой степени, сперва Стефанъ Баторій, а потомъ Чарнодѣй; второй степени, Волеславъ Храбрый и третей степени Замойскій и Понатовскій.

Всюръ, въ трехъ низшихъ степеняхъ Масонства, произошли между Членами раздоры, они были недовольны самовластными распоряженіями *Лукасинского*; востановили за чѣмъ, онъ самъ набираетъ въ Члены, безъ общаго согласія общества и распространяетъ въ ихъ ложахъ митогическія помышленія, а по всему этому, требовали отъ него соблюденія всѣхъ обрядовъ и установленій масонскихъ ложъ.

Лукасинскій, опасаясь дурныхъ послѣдствій отъ обнаружившихся въ обществѣ недовольствій, приказавъ благодарнымъ своимъ, отдѣлится отъ Членовъ, не согласныхъ съ его помышленіями а для этого онъ объявилъ тремя иными степенями національнаго Масонства, безъ уничтоженія ихъ обществу во, въ то же самое время, *Лукасинскій* обрѣцалъ маску Масонства съ секретнаго того же общества Капитула, составленнаго, какъ уже объяснено, изъ главнѣйшихъ его сообщниковъ и устремлялъ въ него въ 1820 году, другое тайное общество, имѣвшее одну политическую цѣль.

Вмѣстѣ съ тѣмъ основатели новаго тайнаго общества рѣшили распространить оное вездѣ, гдѣ только господствуетъ Польскій языкъ и для сего, послали во всѣ древнія владѣнія Польши, эмиссаровъ подд. видомъ путешественниковъ, а въ Парижъ, отправилъ нѣкто *Курскій* въ инструкцію написанною *Лукасинскимъ*, для печатанія тамъ, дерзкихъ возразовъ, противъ распоряженій высшаго нашего Правительства.

Заговорщики раздѣлились на десятки или гмины; нѣсколько гминъ составляло оупуть, а нѣсколько оупуть, образовало Провинцію.—Директоры Провинцій, назывались путешеводителями (Przewodnicy).

Поступившій въ это тайное общество, долженъ былъ присягнуть, принося клятву повиноваться какъ существующимъ ихъ законамъ, такъ и тѣмъ, которые могутъ быть, имъ въ послѣдствіи предписаны для нововоленія; предпослать смерть, но не открывать свою тайну; не лить крови, не только на ибливонныхъ ихъ обществу, но и тѣхъ которые будутъ дѣйствовать противно ихъ замысламъ; и наконецъ не писать ни какихъ бумагъ относящихся до тайнаго общества.

Уставы національнаго Масонства и новаго тайнаго общества, а также конституція, были сочинены *Лукасинскимъ*; эти уставы и всѣ другія бумаги о нихъ замыслахъ, всегда хранились у одаго *Лукасинского*, который какъ и другіе Члены общества, желая скрыть свои фамиліи, подписывали ихъ древними именами сообразно первоначальнымъ буквамъ своихъ фамилій, такимъ образомъ въ числѣ прочихъ *Лукасинскій* подписывалъ бумаги учрежденнаго имъ общества, не илаче какъ *Лукуртъ*.

Наконцѣ въ 1822 году, заговоръ ихъ открытъ и нинионы арестованы. При слѣдствіи *Лукасинскій* ни въ чемъ не сознавался, а разными изобрѣтеніями запугивалъ только дадо, уверяя, что общество ихъ составляло обыкновенную масонскую ложу, учрежденную будто бы по внушенію Генерала Рожанскаго; относительно своихъ бумагъ по дѣламъ общества, давалъ ложныя показанія, сперва, что онъ ихъ съжогъ, потомъ, что онъ зарылъ ихъ въ г. Прагъ, но будучи туда приведенъ, бумагахъ своихъ не представилъ слѣдвателямъ.

Слѣдственные коммисіи, обнаруживъ всѣ обстояельства сего дѣла и сообразивъ показанія его сообщниковъ, приказала *Лукасинскому* Государственнымъ преступникомъ и главнымъ ослепителемъ двухъ тайныхъ обществъ.

1) Въ 1819 году, общества національнаго Масонства, оставленнаго преимущественно изъ военныхъ лицъ: капитулъ этого общества зналъ тайную политическую цѣль *Лукасинского*.

2) Въ 1820 году, тайнаго общества имѣвшего одну политическую цѣль, диспровергать законное Правительство, провѣсти всеобщій истребъ и учредить изъ всѣхъ владѣній древней Польши независимую Польскую республику.

Лукасинскій и главныя его сообщники, за наложеннымъ преступленіемъ, были преданы верховному военному суду, учрежденному подд. предѣлательствомъ Генерала Гауке.

Военный судъ опредѣлялъ *Лукасинскому*, за совершеннымъ имъ Государственнымъ преступленіемъ, лишить чиновъ, принадлежавшихъ ему правъ состоянія и обратитъ его на десять лѣтъ въ крѣпостныя работы съ заключеніемъ въ каланды.

Согласно Высочайшей Государя Императора конфирмаціи, послѣдовавшей 12—24 Августа 1824 года, Маіоръ Валеріанъ *Лукасинскій*, въ присутствіи всѣхъ войскъ бывшихъ въ Варшавѣ, лишенъ чиновъ, принадлежавшихъ ему правъ состоянія и законныхъ въ каланды, съ назначеніемъ вмѣсто десяти на семь лѣтъ въ крѣпостныя работы, для чего и отправленъ подд. строгимъ карауломъ въ крѣпость Замоскъ.

Послѣ того, *Лукасинскій* сдѣлалъ новое преступленіе, подговоривъ одаго арестанта къ бунту, произведенному въ Замоскѣ слѣдующимъ образомъ:

16—26 Августа 1825 года, при распрѣдѣніи на Илнковскія работы 208 арестантовъ, одинъ изъ нихъ, поступившій въ крѣпостныя работы изъ прѣстѣхъ солдатъ, за неоднократныя побѣги, нѣкто *Сумишскій*, вывелъ изъ своего рада, стрелятельно бросился на конвойнаго Улана, опрокинулъ его и вырвалъ у него саблю, кричалъ предъ фронтомъ арестантской команды: «Ура! да здравствуютъ честь и свобода, Маіоръ *Лукасинскій*, совершившій, что рѣшили!» Послѣ того, *Сумишскій*, вида, что арестанты и въ томъ числѣ *Лукасинскій* оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, бросился уже на нихъ и ударами сабли, обратилъ ихъ рядъ въ безпорядокъ.

Возмутъ возмущене прекращено, къ чему даже способствовали некоторыя арестанты.

При сѣдѣніи, *Суминскій* показалъ, что *Лукасинскій* убѣдилъ его произвести возмущене, уверяя при томъ, что дажъ сего, стоитъ только ему вѣрять у коновѣянаго сабля и что за этимъ подвѣгомъ, *Лукасинскій* самъ слышать всѣ распоряженія для общаго ихъ освобожденія. Кромя того, *Суминскій* сообщилъ, что *Лукасинскій* предлагалъ въ случаѣ удачнаго возмущенія, выгнать изъ крѣпости весь гарнизонъ и замершсе въ Замосць, просить милости Его Величества, а между тѣмъ, заложить во всѣхъ крѣпостныхъ сооруженіяхъ мины, для взорванія крѣпости, если бы не удалось имъ предположенное мѣрою, получить свободу.

На допросѣ *Лукасинскій*, не подтвердилъ это показаніе, но сознался, что подговорилъ *Суминскаго*, произвести возмущене съ намѣреніемъ счастья при этомъ бѣгствѣмъ.

Военный судъ приговорилъ за это преступленіе *Лукасинскаго* и *Суминскаго* къ смертной казни; но покойный Цесаревичъ, имѣя въ виду, что опредѣленный имъ срокъ наказанія за первыя ихъ преступленія еще не окончился, приказалъ извинить въ присутствіи всѣхъ арестантовъ, подвергнуть *Лукасинскаго* и *Суминскаго* строгому тѣлесному наказанію и заковать руки и ноги въ кандалы, обратить ихъ на самыя тяжелыя работы, съ тѣмъ, чтобы опредѣленнымъ для нихъ срокомъ нахождения въ крѣпостной работѣ, былъ имъ удвоенъ.

Въ 1826 году по встрѣтившейся надобности для допросовъ по возникшимъ новымъ заговорамъ, *Лукасинскій*, былъ привезенъ въ Варшаву, гдѣ своими тайными показаніями, онъ принудилъ *Добржинскаго* признаться въ такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ онъ умалчивалъ и тѣмъ весьма много облегчилъ сѣдственное разсѣваніе на счетъ заговора Подковника *Кржижановскаго*, бывшаго только продолжателемъ заговора *Лукасинскаго*.

Кржижановскій съ своими сообщниками былъ сужденъ Сенатомъ Польскимъ въ 1827 и 1828 годахъ.

Лукасинскій же, съ того времени содержался подъ арестомъ, сначала при пѣше Гвардейской Артиллеріи въ М. Гуры, а потомъ въ Варшавѣ при Дѣлѣ Гвардіи Волыянаго полку. Въ 1830 году, были сняты у него съ ногъ желѣзные кандалы, а при случившемся въ томъ году мятежѣ въ Варшавѣ, Дѣлѣ Гвардіи Волыянаго полку, при выступленіи своемъ съ прочими Россійскими войсками изъ Варшавы, исполняя зѣрно, данное ему приказаніе, всталъ съ собою изъ подъ ареста Государственнаго преступника *Лукасинскаго* и сопровождалъ его въ пути по Царству Польскому, доставилъ *Лукасинскаго* благополучно въ Высоко-Литовскъ, не смотря на самыя дѣвательныя о немъ разсѣванія Польковъ. Потомъ, по волю покойнаго Цесаревича, *Лукасинскій*, присланъ былъ къ Командиру 6-го пѣхотнаго корпуса Генералъ-Адъютанту Барону Розеку, для отправленія въ Бобруюскую крѣпость, откуда, какъ выше объяснено, *Лукасинскій*, по Высочайшему повелѣнію, присланъ въ Шлессельбургскую крѣпость.

Генералъ Графъ Курта, отъ 23-го Декабря 1831 года отозвался, что блаженный памяти покойный Цесаревичъ, какъ ему поминется, полагаютъ, что *Лукасинскій* за произведенное имъ возмущене въ крѣпости Замосць, долженствовали быть осужденнымъ на двадцати лѣтній арестъ, но это сѣдствие, не сходило съ собственнымъ Генералъ Графа Курта, предписаніемъ отъ 4—16 Ок-

тября 1825 года за № 1977., по которому, *Лукасинскому* удлено съ семилѣтній срокъ заключенія въ крѣпости и сверхъ того, опредѣлено ему тѣлесное наказание.

Впрочемъ, по мѣтвію покойнаго Цесаревича, преступленія *Лукасинскаго* стоить назвать, что Его Императорское Высочество, приказалъ извинить происшедшія въ 1830 году мятежи въ Царствѣ Польскомъ, только послѣдствіемъ двухъ предшествовавшихъ ему заговоровъ *Лукасинскаго* и *Кржижановскаго*.

Сободна въ эти сѣдствія о важныхъ Государственныхъ преступленіяхъ *Лукасинскаго*, Вашему Святѣйству, покорнѣйше прощу, Васъ, Милостивыя Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности

(подписалъ: *Чернышевъ*.)

ВОСПОМИНАНІЯ.

Шестидесятые и семидесятые годы.

(Продолженіе ¹).

VI.

И я попалъ въ «неблагодѣтельные». Обыкновенно такихъ перенесли въ отдаленные гарнизоны, но вѣроятно я былъ очень неблагонамѣренный, потому, что исправительная мѣра, примѣненная ко мнѣ, была оригинальнѣе. Я, какъ вѣчный жилецъ въ миніаторѣ, перекочевывалъ, нигдѣ не задерживаясь, изъ Москвы въ Аккерманъ, оттуда въ Екатеринбургъ, потомъ въ Миргородъ и, наконецъ, въ Туркестанъ. Правда, грозное «иди! иди! иди!» въ примѣненіи къ гонимому офицеру принимало обычную форму «предписанія» съ приложеніемъ прогонныхъ денегъ и вовсе не было страшно. Также несомнѣнно, что всюду мнѣ сопутствовала дурная аттестация и командиры старались сбить меня съ рукъ при первомъ случаѣ; но я былъ очень молодъ и любознателенъ и эти переѣзды мнѣ были пріятны.

Въ Миргородѣ я имѣлъ счастье видѣть декабриста Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Тамъ я прожилъ часть осени и зиму 64 года. Д-ръ К. имѣлъ небольшую, но хорошую бібліотеку и любилъ молодежь, которая ему отвѣчала тѣмъ-же. Однажды я былъ у доктора и онъ предложилъ мнѣ отправиться на литературный вечеръ съ благотворительной цѣлью къ декабристу Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу, который жилъ тогда въ своемъ имѣніи верстахъ въ 26 отъ города. Я и мой пріятель Н. пріѣхали туда задолго до начала. Намъ ввели въ комнату, которая больше была похожа на теллицу, чѣмъ на пріемную. Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги и за цвѣточными горшками мелкунжъю слезуэтъ высокаго, плотнаго, сѣдого человѣка. Это былъ хозяинъ. Мы встали; и онъ подошелъ къ намъ, и на нашъ глубокій поклонъ отвѣтилъ рукопожатіемъ. Муравьевъ-Апостолъ мнѣ показался свѣжимъ и здоровымъ старикомъ. Онъ спросилъ гдѣ я учился и давно ли на службѣ, и замѣтивъ мой штабъ-капитанскій чинъ, спросилъ: «не служилъ ли я прежде въ

гвардіи? Мнѣ такъ хотѣлось сказать ему о любви и почтеніи военной молодежи къ нему и его друзьямъ. Вѣроятно, это желаніе отразилось на моемъ лицѣ, въ моихъ взглядахъ и нерѣшительныхъ попыткахъ сказать ему болѣе, чѣмъ нужно было отвѣтить на его вопросы. Но мнѣ показалось, что пріятливое его лицо стало серьезно; я смутился и замолчалъ. Онъ любезно улыбнулся, протянулъ намъ руку и спросилъ, не играемъ ли мы на биллардѣ, и ушелъ, а насъ провели въ биллардную. Между тѣмъ, концертный залъ наполнился публикой: съѣхались не только изъ ближайшихъ уѣздовъ, но и изъ Полтавы. Въ первомъ ряду сидѣлъ Муравьевъ-Апостолъ съ своими родными и гостями изъ Петербурга; нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ вокальномъ отдѣленіи вечера. Изъ литературнаго чтенія я помню только, что д-ръ К. читалъ поэму Некрасова «Филантропъ»; по окончаніи программы публику пригласили пить чай въ столовую. Кругомъ стѣны тянулись мраморные прилавки, уставленные чайной посудой, фруктами, печеніемъ и проч. На обратномъ пути извозчики и кучера не могли достаточно нахвалиться пріемомъ: ихъ сытно накормили, а лошадей дали вволю овса и сѣна. Хохолъ, который насъ везъ, называлъ Муравьева «нашъ гетманъ».

Въ 70-мъ году поздней зимой, вечеромъ въ какомъ-то большомъ промышленномъ селѣ на Волгѣ, проѣзжая изъ Казани въ Нижний, я вошелъ на почтовую станцію и просилъ смотрителя дать мнѣ поскорѣ лошадей. Смотритель просилъ обождать немного и указалъ на комнату для проѣзжающихъ. Я вошелъ и увидѣлъ сцену, мнѣ непонятную. Человѣкъ пятьдесятъ стояли молча, полукругомъ, нѣсколько шаговъ отступая отъ стола и смотря въ уголь подъ образами. Въ толпѣ было нѣсколько человѣкъ, очень хорошо одѣтыхъ, гораздо больше было мастеровыхъ, были крестьяне и крестьянки. За столомъ въ красномъ углу сидѣлъ небольшого роста сѣдой старикъ, съ розовымъ лицомъ, въ ситцевой рубашкѣ и мѣшанскомъ сюртукѣ; радостъ съ нимъ сидѣли дѣвочки лѣтъ 8—10 въ ситцевомъ платьѣ и высокая, молодая женщина въ простомъ сарафанѣ. Толпа, поглощенная какою-то мыслью, затаявъ дыханіе, смотрѣла на нихъ. Не слышно было ни шороха, ни вздоха. Строгое выраженіе лица, на которыхъ не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда празднаго любопытства, необычайная тишина, разстояніе, на которое толпа почтительно отступила отъ сидящихъ въ красномъ углу, взоры, прикованные къ нимъ, все это меня сразу захватило и я сталъ смотрѣть туда, куда смотрѣли всѣ. Я шепотомъ спросилъ сосѣда: кто онъ? Онъ тихо отвѣтилъ: «изъ Сибири, Бестужевъ».

Такъ мы стояли и смотрѣли на Бестужева, пока смотритель не доложилъ ему, что лошади готовы. Бестужевъ и его спутники стали одѣваться, и толпа заводновалась. Когда путники двинулись, толпа почтительно разступилась и молча кланялась имъ въ поясъ. И они кланялись. Смотритель подтвердилъ мнѣ, что это былъ Бестужевъ, а если это такъ, то это былъ Михаилъ Бестужевъ, такъ какъ его братьевъ уже не было въ живыхъ.

¹) См. Визол. Дирѣкц.

VII.

Я простился сь родными; повилака въ Москвѣ съ друзьями и отправился въ Ташкентъ. На пути между Нижнимъ и Казанью я познакомился съ семьею А-хъ, которая возвращалась изъ Москвы въ Уфу. Молодая дѣвушка лѣтъ 17 и юноша лѣтъ 18 были такъ милы, такъ простосердечны и дружелюбны, что мы всю дорогу оставались неразлучными и весело проболтали. Мнѣ было 22 года, но я былъ моложавъ и походилъ на иррегулярнаго офицера и они не замедлили со мною подружиться. Къ намъ подходили не разъ отецъ и мать—люди патриархально простодушные и добрые и аступали въ бытъ. Старшій А—въ пожелалъ узнать куда и зачѣмъ я путешествую и когда я сказалъ, что ъду не по своей волѣ на войну, въ жаркія туркестанскія пустыни, всѣ они отнеслись ко мнѣ съ глубокимъ состраданіемъ, и съ этого момента я сталъ членомъ этой семьи, облакшавшей и пригрѣвшей меня. Они безъ труда уговорили меня ѣхать съ ними въ Уфу и прогостить у нихъ хоть недѣлю. Тамъ я узналъ, что А. богатый золотопромышленникъ и очень уважаемый человѣкъ и, что молоденькая дочь его уже около года замужемъ. Въ Уфѣ я прожилъ недѣлю двѣ, хотя старикъ А. и уговаривалъ меня отложить свой отъѣздъ еще на двѣ недѣли, обѣщая меня самолично доставить въ Оренбургъ черезъ Троицкъ, куда онъ выѣзжалъ по своимъ дѣламъ. Старше А—вы говорили мнѣ ты, а молодые называли просто по имени. Старики любовно журили меня, когда я этого заслуживалъ, также какъ и своихъ дѣтей. На ночь, когда они удалялись, мы втроемъ цѣловали руки у А—хъ; они насъ крестили и шептали молитву, а потомъ цѣловались съ нами. Послѣ отбѣда когда А—вы уходили отдавать, мы оставались одни и у насъ начиналась длинная бесѣда. Эти хороше, но простосердечные дѣти считали причиною добра и зла въ жизни добрую и злую волю, вложенную въ сердца людей Богомъ и не помышляли о социальномъ происхожденіи морали. Подавленный авторитетомъ любимыхъ писателей, я и мысли свои выражалъ афоризмами, взятыми у нихъ. Такъ я доказывалъ, что «собственность есть кража», что «государство есть договоръ, имѣющихъ собственность противъ неимѣющихъ». Они слушали меня съ большимъ удивленіемъ, но признавали мои рассужденія правильными, оговариваясь только, что «нашъ папаша добрый христіанинъ и не обижаетъ своихъ рабочихъ, заботится о нихъ какъ о своихъ домашцахъ и они его любятъ». Это такъ и было. Зачѣмъ они неожиданно спрашивали меня: «правда ли, что Бога нѣтъ, какъ доказываютъ ученые? Разрушить ли дѣтскую вѣру я считалъ дѣломъ жестокимъ и напраснымъ потому, что вѣра ихъ была глубока, счастливила ихъ, а я поклонникъ Фейербаха, говорилъ имъ вещи въ сущности для нихъ очень темныя: что въ Бога можно вѣрить, или не вѣрить, но доказывать его бытіе невозможно, потому, что положительное и отрицательное ршеніе этого вопроса одинаково несостоятельны, что «теология есть въ сущности антропология»: «каковы люди, таковы ихъ боги», ибо «Богъ есть обожествленная сущность человѣка» и «Богословіе есть чело-

вѣсловіе»; что религіозная дѣль состоитъ въ томъ, чтобы преобразовать: «поклонниковъ въ работниковъ», «кандидатовъ загробной жизни въ студентовъ настоящей жизни», «полуангеловъ и полуидеальныхъ (по Лютеру) въ людей, полныхъ людей». (Все это изъ Фейербаха). Они удивлялись, вѣрили моимъ словамъ и, какъ это часто бываетъ, принимая повидимому новшество, оставались при своей старой глубокой вѣрѣ. Когда я беседовалъ, я закуривалъ сигару. Дѣло въ томъ, что отправляясь на войну въ невѣдомую страну я предвидѣлъ, что мнѣ предстоитъ испытанія и для душевнаго успокоенія я курилъ себѣ нѣсколько сотенъ сигаръ, слѣдуя указанію писателя, что «сигара дѣйствуетъ очень благотворно на мыслящаго реалиста». Когда я закуривалъ сигару кто-нибудь изъ моихъ собесѣдниковъ становился на стражѣ у дверей. «Вамъ достанется, если папаша увидитъ, что вы курите: папаша не любитъ табачнаго запаха», говорили мнѣ. Я, старый кадетъ, нашелъ компромисъ, который привелъ моихъ друзей въ восторгъ: подставилъ къ печѣ стулъ, открылъ трубу и курилъ, стоя на стулѣ, чтобы дымъ уходилъ въ трубу. Эта уловка была для нихъ такъ нова и такъ ихъ заинтересовала, что они сами по очереди стали пускать дымъ въ отдушину. Однажды, въ тотъ моментъ, когда молодая дѣва курила на стулѣ въ трубу, а мы ожидали своей очереди, дверь отворилась и вошелъ отецъ. «Это что такое?! Поди сюда! Дохни на меня! Ахъ какая гадость! Молоденькая женщина, а отъ нея воняетъ табачищемъ! Какъ тебѣ не стыдно Мих. Юльевичъ, ты старшій и долженъ удерживать ихъ отъ глупостей, а ты ушибъ мукозосовъ курить!» Я извинился и объяснилъ, что только одинъ курилъ, а его дѣти забавлялись пуская струи дыма въ трубу. Онъ успокоился и расхвѣлся, но уприсилъ меня бросить курить, по крайней вѣрѣ, до отъѣзда. Передъ отъѣздомъ старикъ А—въ позвалъ меня въ кабинетъ и предложилъ мнѣ денегъ на дорогу. Я горячо благодарилъ его, но отъ денегъ отказался, такъ какъ у меня ихъ было больше чѣмъ достаточно. Все же семья осыпала меня подарками и взяла съ меня слово писать имъ съ дороги и съ мѣста, а на возвратномъ пути заѣхать къ нимъ погостить. Мать нашла на меня серебряное распятіе на цѣпочкѣ и подарила серебряную гребенку, отецъ заставилъ меня взять рублей на 25 гривенниковъ, чтобы платить ямщикамъ на чай; дочь подарила вязаный изъ зеленого шелка кошелекъ съ серебряными кольцами, а снись серебряную свиченницу. Я промчался быстро по прекрасной Башкиріи. Кузовъ повозки—плетеная корзинка былъ поставленъ посерединѣ длинныхъ дрогъ и бѣшеная ѣзда на отличныхъ лошадакахъ была спокойна и пріятна. Въ Оренбургѣ я узналъ, что вновь сформированный Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, куда я былъ назначенъ, уже подходитъ къ форту Перовскаго.

На пути въ Ташкентъ мы съ попутникомъ гр. Т. заѣхали въ Орскъ къ пріятелю Т., купцу Мякинскому. Мякинскій принялъ насъ очень радушно: облобозался съ нами и усидилъ въ бухарскую палатку, поставленную на дворѣ. Мы съѣли на коверѣ по-турецки, т. е. поджавъ ноги калачикомъ. У нашего хозяина все было по-азиатски и такъ

странно было видѣть въ азиатскомъ тѣлоденіи обликъ русскаго купца съ энергичными, но чисто купецкими движениями. Онъ дружелюбно смотрѣлъ то на меня, то на Т., и его живые сѣрые глаза улыбались, а чисто-русская рѣчь сыпалась, какъ горохъ. Потомъ эта маленькая съдѣнная фигурка въ зеленомъ шелковомъ халатѣ, въ шитой золотомъ тибетейкѣ, въ синихъ, расшитыхъ шелкомъ шароварахъ изъ замши быстро вскакивала и энергично отдавала на татарскомъ языкѣ приказанія прислугѣ. Вся прислуга—его же приказчики—были татары, и угостили онъ насъ по-азиатски: пловомъ и пельменями съ укусомъ. Этого цвѣтущаго старикъ лѣтъ 65 водилъ уже давно свои караваны въ Хиву и Бухару и даль намъ не мало полезныхъ совѣтовъ. «Вы гг. напрасно взяли съ собой закуски: все это протухнетъ! Вы, ваше сіятельство, охотники; возьмите съ собой котелокъ да треногу, да мѣдный чайникъ. Купите здѣсь гречневую крупу и малороссійскаго сала. Поѣдете по Иргизу тамъ дичи видимо-невидимо. Изъ дичи варите бульонъ, а на бульонѣ варите кашу съ саломъ. Только въ Кара-Кумѣ вамъ будетъ трудно. Запаситесь бутылками, обшитыми кошмою и берите въ дорогу вареной воды, а еще лучше чаю. Вода въ Кара-Кумѣ горько-соленая, да и та встрѣчается на станціяхъ; а станціи длинныя, по ихнему 5—6 ташъ, по нашему верстѣ 40—50 а кто ихъ мѣрять? А поѣдете берегомъ Дарьи, тамъ опять, въ камышахъ, да въ заросляхъ саксаула, водятся фазаны». Мы сказали, что взяли съ собой нѣсколько бутылокъ коньяку: «это хорошо, одобрилъ онъ, только вы гг. не пейте никогда водки; водка по тому климату нездорова; когда нужно пейте спиртъ: понемому, наперсточкомъ; Боже васъ сохрани не пейте водки, а спиртъ пейте наперсточкомъ и будете здоровы!» Подъ его диктовку мы записали русскими буквами необходимыя татарскія слова, вопросы, отвѣты и счетъ.

VIII.

Здѣсь на рубежѣ Европы и Азии, мы вступали въ область чуждой намъ культуры. Русскіе шли завоевывать эту область, вѣроятно, для того, чтобы поднять ее на высшую ступень; но для этого цивилизаторы должны были конечно сами опуститься на нѣкоторую ступень, чтобы подать свою (вооруженную) руку будущимъ собратьямъ. Всѣ условія жизни, службы, передвиженія въ этой странѣ были непохожи на наши русскія. Станціи располагались тамъ, гдѣ были колоды и были очень удалены одна отъ другой; станціонныя домики не было; кой-гдѣ стояли землянки, кой-гдѣ войлочные юрты. Станціями завѣдывали казаки-урядники, зачастую безграмотные. Ученый Сѣверцевъ разсказывал¹⁾, что на одной станціи смотритель прочитавъ по складамъ вслухъ въ полоружной: «Министру (вмѣсто магистра) зоологій Сѣверцеву дать и пр.» спросилъ его: «А ты братецъ, кто же бу-

дешь? Кухня министра зоологій что-ли?—Да, кухня; а вотъ погоди сейчасъ побѣдетъ самъ министръ зоологій!» Упомянувъ имя этого замѣчательнаго человѣка, разскажу кстати еще одинъ случай съ Сѣверцевымъ. Онъ былъ большой оригиналъ и не считался ни съ какими свѣчами и обмѣяны; оцѣвалъ очень небрежно, приходилъ въ гости, когда ему вздумается, иногда часовъ въ 6 утра по холоду, когда хозяева спали и безъ церемоній снималъ сюртукъ и расплагался на диванѣ съ ногами; бралъ книгу и читалъ, не обращая ни на кого вниманія. Однажды, въ Ташкентѣ, я пришелъ часовъ въ 8 утра въ одинъ семейный домъ; хозяева еще почивали, а Сѣверцевъ сидѣлъ безъ сюртука на диванѣ и курилъ трубку-носорожку. Махорка трещала и свергала фонтаны пылающихъ искръ, горячія падали на него и на диванъ. Сѣверцевъ никогда не трогалъ словъ на пустые разговоры. Онъ молчалъ и я молча стоялъ около дивана у окна. Сѣверцевъ бросилъ два или три взгляда на меня, быстро поднялся со словами: «Стойте свирно! Не шевелитесь! Не вертите головой!» И бросившись къ столу схватилъ стаканъ и приложилъ его къ моей груди у борта сюртука: въ стаканъ свалился сороконожка. «Вамъ наука очень обзавна: это очень рѣдкая разновидность полосатой (кажется такъ онъ называлъ сороконожки). Продолжай. Когда къ станціи подъѣзжали путники, оттуда выѣзжали въ разныя стороны верховые съ арканями на поиски табуна. Съ поля приводили иногда дикихъ, иногда малообъезженныхъ лошадей. Въ упражкѣ принимали участіе всѣ обитатели станціи. Лошадь лягались, кусались, били повозку; ихъ то оглаживали, то колодили чѣмъ попало и неистово ругались. Когда все было готово, пассажиры и ямщикъ осторожно садились; толпа мгновенно разбѣгалась и бѣшеная тройка, не переставая бить повозку, мчалась какъ вихрь куда глаза глядятъ, иногда въ противоположную сторону. Ямщикъ не управлялъ лошадьми, озабоченный какъ бы усидѣть на мѣстѣ, да не уронить возжей. Отчаянная скачка продолжалась верстѣ 8—10 и тройка начинала умѣрять аллюръ; тогда ямщикъ пытался направить ее куда слѣдуетъ. Это не всегда удавалось сразу, но въ концѣ концовъ, искусная политика награждалась успѣхомъ: давая волю тройкѣ натѣпиться и умяться, ямщикъ добивался покорности; а затѣмъ не трудно было удержать въ рукахъ бразды правленія. Конечно, если повозка и сбруя были неисправны, а ямщикъ неопытенъ, то катастрофа была неизбежна. Къ счастью нашъ путь пролеталъ на 1000 верстѣ по равнинѣ, гдѣ встрѣчались только маленькія трещины да кочки. Памятна мнѣ станція Дамды, гдѣ мы потеряли крушеніе. Лошадь неслись Богъ въстанъ куда; въ это время киргизы лѣтъ 16 упустили одну возку и, наклоняясь чтобы ее подхватить, упали съ повозки, увлекая за собой всѣ возжи. Мы оглянулись назадъ: ямщикъ лежалъ, а черезъ минуту мы были уже далеко. Т. осторожно влѣзъ на передокъ и наклонился, чтобы поднять возжи, а я его крѣпко держалъ; но возжи или волочились, или закручивались въ колѣса. Закрутившіяся возжи все круче и круче ссорачивали тройку направо; лошади топгались, металась, лягались и наконецъ остановились. Нужно было воспользоваться этимъ и мы осторожно вышли изъ повозки. Т. взялъ на себя очень опасное дѣло: распутать возжи около заднихъ ногъ дикой пристяжной; а я сталъ пе-

¹⁾ Былъ перевѣтъ тѣмъ захваченъ Коканшанъ въ плѣнъ во время экскурсіи и вооруженъ въ плѣнъ обезображеннаго; послѣдствіи побѣды въ Россіи почти такой же смертъ, какъ другой ученый Федченко, тоже знаменитый путешественникъ.

редь тройкой въ надеждѣ удержать ее на мѣстѣ своимъ присутвіемъ. Но мы потерпѣли неудачу: лошади бросились впередъ, сбивъ меня далеко въ сторону и умчались. Мы видѣли какъ встряхнулась повозка, изъ нея посыпались разныя вещи; а черезъ нѣсколько минутъ она скрылась изъ вида. Посовѣтовавшись, мы приняли ошибочный планъ: мы раздѣлились: Т. пошелъ по слѣдамъ повозки, я пошелъ назадъ провѣдать ящика. Весьма слабо обозначавшаяся колея на твердомъ грунтѣ меня вела очень не долго и пропадала и мнѣ пришлось итти по соображеніямъ на сѣверъ. Было около 5 час. пополудни, и солнце находилось слѣва. На мѣстѣ крушенія я вырылъ большимъ складнымъ ножомъ, который у меня былъ въ карманѣ крестъ, а затѣмъ время отъ времени дѣлалъ кресты на своемъ пути. Жара была страшная и меня стала мучить жажда. Ящика я не нашель: натолкнуться на него случайно было дѣло маловѣроятное, а разыскать его можно было только обладая соколинымъ зрѣніемъ киргиза. Солнце заходило, а я измученный все влачился куда-то на сѣверъ и думалъ только одно: наступитъ ночь, станетъ прохладно; покажутся звѣзды; я буду итти по тому же направленію, пока не выбѣю изъ силъ, или пока не замѣчу огней на станціи, или въ какомъ нибудь аулѣ. Въ сумерки я неожиданно увидаль близко передъ собой какую-то квадратную темную фигуру, которая словно изъ земли выросла. Я подошелъ и увидѣлъ малорослаго, но широкоплечаго пастуха киргиза съ длиннымъ посохомъ, конецъ котораго загибался крючкомъ, какъ у библейскихъ пастуховъ; на поясѣ висѣла чашка въ футлярѣ и пшакъ въ ножнахъ (ножь вродѣ финскаго). Я спросилъ его по-татарски: гдѣ станція Дамды? И объяснилъ какъ умѣлъ, что онъ получить ахча (деньги), если проведетъ меня туда. На мнѣ была красная кумачевая рубаха, воротъ которой застегивался двумя топазовыми запонками. Онъ мнѣ указалъ рукою вправо и назадъ и сказалъ: «якши» (хорошо) и вмѣстѣ съ этимъ оборвалъ эти запонки, пояснивъ свое насиліе словомъ «силау» (подарокъ). Воротъ рубахи откинулся и показался натѣльный крестъ. Онъ схватился за крестъ и сталъ его тянуть съ такой силой, что цѣпочка врѣзалась мнѣ въ шею. Такая наглость возмутила меня и я вынулъ изъ праваго кармана складной ножъ. Ножъ ему показался привлекательнѣе креста; онъ крестъ выпустилъ и хотѣлъ вырвать у меня ножъ; но въ этомъ ножѣ было мое послѣднее спасеніе и я, отступивъ въ сторону, раскрылъ ножъ и, со словомъ: «юкъ!» (нѣтъ) сдѣлалъ угрожающее движеніе; тогда онъ полѣзъ въ другой карманъ и вытащилъ оттуда серебряную спичечницу. Я ему объяснилъ, что при себѣ не имѣю ахча и, что на станціи я выкуплю захваченныя имъ вещи. Онъ повернулся и мы пошли; но куда? Это оставалось для меня загадкой. Долго мы шли; стало темно. Онъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться и всматриваться во что-то. Минуту черезъ 10 со словомъ: «кайсакъ!» (казакъ), онъ повернулъ направо. Скоро и я замѣтилъ, что къ намъ несутся всадники съ разныхъ сторонъ. Это были казаки съ Т. Одинъ казакъ уступилъ мнѣ свою лошадь и мы всѣ отправились на ближайшую станцію. Т. шель около часу по слѣдамъ повозки, подбирая то подушку, то сумку, то корзинку и т. д. Онъ не терялъ надежды добраться до станціи засвѣтло, но ему было

Михаил Юльевич
АШЕНБРЕННЕРЪ.

Съ карточки, снятой въ 1864 году.

тяжело нести подобранные вещи. Къ счастью, навстрѣчу ему выѣхали урядникъ съ нѣсколькими казаками, которые и рассказали, что отправляясь по службѣ изъ одного укрѣпленія въ другое, они встрѣтили пустую повозку недалеко отъ станціи, перехватили ее и отвезли на станцію и, оставивъ одного казака для охраны вещей, выѣхали на розыски. Розыскавъ Т., они по его указанію поѣхали искать меня. Монхъ крестовъ не видѣли; а отбѣлвшись далеко другъ отъ друга, чтобы не терять изъ вида сосѣда и осмотрѣть большое пространство, шли лавой (или облавой) и часа два искали меня. На станціи казаки хотѣли избить киргиза за грабежъ, но мы этого не допустили. Вещи я отобралъ у киргиза и расплатился съ нимъ деньгами. Мы щедро вознаградили казаковъ за ихъ великую услугу намъ, а также послали денегъ ящику, который сильно расшибся и былъ отвезенъ въ ближайшій аулъ.

IX.

Въ форть Перовскомъ я догналъ свой батальонъ и расстался съ Т. Въ составъ батальона входило нѣсколько человѣкъ такихъ же штрафованныхъ, какъ и я, кто за панихиду, кто за близкія связи съ кружкомъ Аригольда. Понятно, что такіе офицеры жили съ солдатами хорошо—раздѣляли съ ними трудъ и опасности, честно и заботливо относились къ ихъ интересамъ, прислушивались къ ихъ толосу, считались съ солдатскими желаніями, не изводили солдатъ формализмомъ; всегда были въживливы и человѣчны даже съ провинившимися; а въ силу этого между солдатами и офицерами возникла не уставная, искусственная связь, а естественное дружное сотрудничество для достиженія ближайшей цѣли. Неподавленная самодурствомъ, жестокостью, барскимъ отношеніемъ свысока, солдатская личность сохраняла ту бодрость, которая ей была необходима въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Такая постановка дала блестящіе результаты. Батальонъ совершилъ безпримѣрный походъ въ 2500 верстѣ по жаркой и почти безводной пустынѣ¹⁾ отъ Самары до Ташкента и пришелъ на мѣсто въ полномъ составѣ: больныхъ и отсталыхъ было меньше, чѣмъ обыкновенно. Трудности похода я считаю достаточнымъ описать въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ. Большія рѣки Сырь-Дарья, Аму-Дарья и малыя горныя рѣчки въ Туркестанѣ разливаются не весною, а лѣтомъ, когда въ горахъ таетъ снѣгъ. Путь нашъ лежалъ по берегу Сырь-Дарья. Рѣка выходила изъ береговъ и затопляла дорогу. Интересно, что разливъ и быстрое теченіе размываютъ правый берегъ Дарья (течетъ въ меридіональномъ направленіи) и укрѣпленія на этомъ берегу придается переносить все дальше и дальше на востокъ. Переправа въ бродъ черезъ небольшія горныя рѣчки напр., Арысь, Чирчикъ, Заравшанъ и др. возможна только на разсвѣтѣ: въ полдень прибывала вода и сильное теченіе сносило и опрокидывало не только пѣхотин-

¹⁾ До Дарья конечно безводной, при чемъ намъ путь пролегалъ болѣе чѣмъ 400 вер. по Кара-Кумскимъ пескамъ. Отъ форты Перовскаго батальонъ протопталъ на своихъ плечахъ четыре прилостныхъ пути до Ташкента.

цев, но всадников и повозки. По разливам Сырь-Дары нашим солдатам приходилось волочить на своих плечах тяжелые крепостные пушки по пояс в воду. Къ перевозкѣ орудій была приспособлена верблюжья упряжка. Верблюды незамысловатое выючное животное, но, какъ упряжное, ниже своей славы можетъ быть и потому, что караванъ-баши злоупотребляютъ его выносливостію, полагаютъ, что верблюдъ можетъ обходиться вовсе безъ фѣм и питья. Несчастное измученное и голодное существо ложится, и тутъ уже никакія истязанія не помогаютъ. Поэтому солдатамъ и приходилось всю дорогу тащить пушки на ляжкахъ, какъ бурлаки тянутъ барку. Когда же мы вступили въ Ташкентскій оазисъ, стали попадаться крутые подъемы и спуски. Особенно мучительны были походы по безводнымъ мѣстамъ. На большой и прямой дорогѣ между Ташкентомъ и Самаркандомъ лежитъ голодная степь, по которой каждому туркестанцу пришлось прослѣдовать разъ 10, 12. Она тянется 120 верстъ между Чиназомамъ на Дарьѣ и Дизакомъ въ горномъ ущельѣ. Воду для людей и животныхъ нужно брать съ собой: чѣмъ больше воды, тѣмъ больше перевозочныхъ средствъ, чѣмъ больше перевозочныхъ средствъ, тѣмъ больше нужна вода. Поэтому воды брали мало и отпускали солдатамъ недостаточныя порціи ея. Пустыню же проходили въ двое сутокъ, дѣлая по 60 верстъ, а такой переходъ тянулся около 20 часовъ. И солдаты, безъ видимаго раздраженія, безъ проклятій, мужественно и безмолвно страдали, умирая отъ жажды и усталости. Въ каждой ротѣ есть одинъ, два, иногда нѣсколько героевъ, людей полнѣй сознательныхъ. Въ большихъ и малыхъ дѣлахъ они увлекаютъ за собою всѣхъ и авторитетъ ихъ для солдатъ выше авторитета офицераго. Понятъ такovýchъ и отнести къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ обязанъ всякій порядочный и разумный начальникъ. Солдаты не «святая скотина», а такой же незнакомецъ, такой же сфинксъ для насъ, какъ и мужикъ.

Завоеваніе средней Азіи осуществлялось военными экспедиціями, которыя неизбежно обуславливали одна другую: захватывая область въ ея естественныхъ границахъ, наталкивались на необходимость округленія своихъ новыхъ владѣній, а затѣмъ приходилось искать новыхъ естественныхъ границъ и т. д. Послѣ экспедиціи отряды не всегда возвращались на свои квартиры, напр. передъ взятіемъ Самарканды значительный отрядъ оставался около года на передовой линіи у Яны-Кургана въ Тамерлановомъ ущельѣ. Зѣбъ, лѣтомъ офицеры и солдаты жили въ шалашахъ изъ прутьевъ, камыша, циновки, а на зиму офицеры строили себѣ домики изъ глиняныхъ комковъ; солдаты, обитали въ землянкахъ. Зимой въ этихъ краяхъ идутъ непрерывные дожди, а по ночамъ снѣгъ и бываютъ небольшие морозы. Землянки заливались водою и рушились; глиняныя хижинны таяли. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ въ отрядѣ свирѣпствовалъ пятнистый тифъ. Въ аттрактахъ между экспедиціями солдатамъ отдыхать не приходилось: они возводили укрѣпленія, строили казармы, лазареты, казенныя здания. Смертность между солдатами была велика, хотя туркестанскія войска пользовались улучшеннымъ довольствіемъ и многе продукты стоили очень дешево: баранина, пшеничный

хлѣбъ, фрукты, рисъ, пшено, ячмень, клеверъ. Картофеля же, капусты, гречневой крупы, ржи вовсе не было въ первые годы, а сахаръ, сѣчи для солдатъ были недоступны по цѣнѣ и чай они пили съ кишишмемъ. Въ штабъ-квартирахъ службъ было очень мало; для офицеровъ это было сплошной праздникъ: играли въ карты, кутили, охотились на фазановъ, кабановъ, тигровъ, бывали у знакомыхъ семейныхъ. Библиотекъ и книжныхъ магазиновъ тогда не существовало; читали очень мало. Кажется, въ 69 году впервые открылись любительскіе спектакли.

Всѣмъ извѣстно, какъ безпощадно приговоры военного суда, и какъ рѣдко военные подсудимые получаютъ оправданіе. Можетъ быть поэтому я ничего не слыхалъ о готовности осужденнаго солдата принять кару, какъ возмездіе за содѣянное преступленіе. Кромѣ того, солдаты предавали суду за утраченную отвертку, за потерянную пуговицу, за пропавшую портянку. Мало привычный къ обобщенію, къ отнесенію частнаго случая къ общей причинѣ, солдатъ меньше вооружался противъ военныхъ постановленій и драконовскихъ порядковъ, чѣмъ противъ формалистовъ и безсердечныхъ начальниковъ. Въ Туркестанѣ и, сколько мнѣ извѣстно, на Кавказѣ до покоренія, а также въ турецкую кампанію солдатъ не предавали суду за подобныя маловажныя, да даже за болѣе важныя проступки. Другими словами, когда воинскія части должны были служить той цѣли, для которой ихъ готовили въ мирное время, самая непрерываемая, неустрашимая воспитательная, исправительная и карательная максимумъ естественнымъ путемъ сокращались до нуля. Отсюда неудивительно, что запасные, побывавшіе на войнѣ, являются благодарной почвой для пропаганды и революціонно настроеннымъ элементомъ въ войскахъ, переведеннымъ на мирное положеніе. И такое уменьшеніе уголовной практики въ военное время нисколько не безпокоило властей. Да и нельзя было судить солдата, напр. за промотаніе отвертки или шомпола потому, что послѣ каждой битвы составлялся актъ объ испорченныхъ и утраченныхъ винтовкахъ, амуниціи, строевыхъ и обозныхъ лошадяхъ и т. д., и нѣкоторые командиры такъ щедро пользовались этимъ правомъ, что у нихъ въ цейхгаузахъ накоплялся второй комплектъ орудій и амуниціи, выведенныхъ въ расхоль, и они сами не знали куда събѣе все это. Отъ другой же, болѣе важной уголовщины, напр. отъ воровства, буйства, частныхъ случаевъ неповиновенія или дерзости, роты и батальоны иногда огораживались самосудомъ; при этомъ товарищеская расправа отличалась варварской жестокостію,—напр. за воровство назначалась безпощадная порка. Можетъ быть этой жестокостію солдаты афишировали свою ненависть къ узаконенному судилищу.

Большое вліяніе на молодежь имѣли два замѣчательныхъ человека: А. Е. Барановъ и А. В. Пистолькоркъ. Барановъ, герой мнущей турецкой войны, служилъ въ Нижегородскихъ драгунахъ—въ первомъ по доблести полку русской арміи. Блестяще подвиги Баранова при Башъ-Кадмыкъ-Ларѣ и Кюрюкъ-Дара записаны въ военныхъ

дѣтописяхъ. Въ одной изъ этихъ битвъ нашъ правый флангъ никакъ не могъ сломить турецкія боевыя линіи, за которыми стояли большія массы иррегулярной кавалеріи. За нашими правымъ флангомъ стояли два драгунскіе полка: Нижегородскій и Сѣверскій (кажется, или Тверской) съ конной батареей. Два младшихъ офицера, именно эскадронный командиръ Барановъ и батарейный командиръ, если не ошибаюсь Кульгачевъ, составили отважный планъ и рѣшительнымъ его исполненіемъ содѣйствовали пораженію непріятельской арміи. Кульгачевъ неожиданно заскакалъ съ своей батареей въ тылъ лѣво-фланговымъ турецкимъ баталіонамъ и сталъ ихъ разстрѣливать картечью. Картечь косила турокъ, которымъ некуда было податься: ни впередъ ни назадъ, пока не опомнилась турецкая кавалерія, стоявшая за этой пѣхотой. Всей массой она налетѣла на батарею Кульгачева и въ одинъ мигъ захватила ее, порѣзавъ построики, перебивъ лошадей, изранивъ артиллеристовъ. Въ этотъ моментъ Барановъ, кажется съ двумя эскадронами, ударилъ на турецкую кавалерію: отбилъ батарею обратно и разсѣялъ иррегулярныя турецкія полчища. За это дѣло онъ получилъ георгіевскій крестъ. Барановъ былъ практически воспитателемъ молодежи, ходившей подъ его начальствомъ на штурмы.

X.

Обособленное военное общество жило своею исключительной жизнью, но видоизмѣнялось въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ развитіемъ русскаго общества, нѣсколько отстава отъ него. Когда въ обществѣ вымиралъ типъ «Героя нашего времени», между военными встрѣчался еще Печоринъ, хотя въ это время уже нарождалась новая разновидность офицера: офицера—гражданина (Аригольдтъ, Сливичкій 2-й и др.). Печоринъ не уживался въ столицахъ: его тянуло на Кавказъ, гдѣ жизнь кипѣла ключемъ. Военное движеніе 60-хъ годовъ Печоринъ прозвалъ можетъ быть потому, что былъ уже въ высочайшихъ чинахъ. Вероятно въ силу спеціальныхъ условій военной среды, дѣлѣннѣе превращеніе печоринскаго типа совершилось въ одномъ направленіи: Обломовымъ встрѣчалось сколько угодно, а о Рудинѣхъ никто не слыхалъ. Затѣмъ, въ 70 хъ годахъ въ психическомъ мѣрѣ военныхъ происходила сложная дифференціація, мало замѣтная близкому наблюдателю. Ясно опредѣленные, рѣзко очерченные характеры въ родѣ Печорина, Обломова исчезали или превращались въ иныя формы. Въ социальномъ мѣрѣ происходили сложныя перемѣны, которымъ отвѣчало въ мѣрѣ психическомъ сложное броженіе. Однако, во второй половинѣ 70-хъ годовъ въ русскомъ обществѣ снова народился рѣзко очерченный типъ революціонера и къ началу 80 хъ годовъ, въ военной средѣ снова оживаетъ разновидность офицера-гражданина. Въ нашу критическую эпоху, мнѣ кажется происходитъ тотъ психологическій синтезъ, который строить два рѣзко очерченныя типа. Типическія черты какъ бы мобилизуются и выносятся двѣ враждебныя другъ другу группы: революціонеровъ и „патріотовъ“; конечно есть и среднія группы, но онѣ расплываты и неустойчивы.

Пистолькорсъ, прослужившій на Кавказѣ около 20 лѣтъ, явился въ Туркестанъ уже въ большихъ чинахъ, украшенный многими боевыми отличіями. Онъ былъ начальникомъ туркестанской кавалеріи. Духовное его родство съ Печориннымъ былъ несомнѣнно; но тутъ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ вымирающаго типа и этимъ объясняется нѣкоторая спутанность его характеристики ¹⁾. Много лѣтъ велъ онъ на Кавказѣ войну на два фронта и съ горцами, и съ начальствомъ. Почему именно враждовалъ онъ съ начальствомъ, я не знаю. Очевидно борьба съ горцами служила ему только развлеченіемъ и не насыщала его мятежную душу: онъ принуждался къ боевому типу вѣчно недовольныхъ и протестующихъ; въ военной средѣ такихъ было не мало, и назывались они «безполковыми». Въ Туркестанѣ своими злыми сарказмами и ядовитыми насмѣшками онъ создалъ себѣ много враговъ, между которыми были и благородные люди, и наконецъ, враги соединеннымъ натискомъ одолѣли его, и только генералъ Кауфманъ, цѣлнвшій его военныя доблести и дарованія, отстоялъ его. Пистолькорсъ ухаживалъ уже въ генеральскихъ чинахъ послѣ Самаркандскаго похода на родину въ Остзейскій край и тамъ скоро умеръ. Эта крупная личность была привлекательна для молодежи, которую онъ окружалъ себя. Жилъ онъ широко и ежедневно у него собирались. Тамъ иногда можно было встрѣтить людей съ громкими именами; но подъ его кровлей исчезали всѣ чиновныя и сословныя неравенства. Блестящій графъ и поручикъ изъ плебеевъ встрѣчались какъ товарищи, и такія отношенія не прекращались за порогомъ его дома. Вечеромъ играли по маленькой въ коммерческія игры, потомъ ужинали. За ужиномъ вина было больше чѣмъ достаточно, и начиналась живая общая бесѣда, причеи центральную фигуру былъ всегда самъ хозяинъ, блистающій умомъ и парадоксами. Пистолькорсъ былъ очень образованный человѣкъ и у него была хорошая и, въ тѣ времена, единственная въ Ташкентѣ библіотека. Онъ отчасти руководилъ чтеніемъ своихъ молодыхъ друзей: я, напр., зналъ Сенъ-Симона и Фурье только по наслышкѣ, и онъ заставлялъ меня прочесть этихъ авторовъ въ подлинникѣ. Хотя застольныя бесѣды у Пистолькорса протекали прихотливо, но никогда не были банальны: нашъ хозяинъ не терпѣлъ пошлости. Молодежь, склонная къ доктринству, подымала теоретическія споры, которымъ онъ придавалъ особую остроту своими мѣткими замѣчаніями. Словомъ, бесѣды Пистолькорса походили на эпикурейскіе вечера. Замѣчанія Пистолькорса были всегда интересны. Однажды, напр., онъ такъ резюмировалъ предшествовавшій споръ: «Слушалъ я васъ, NN съ глубокимъ вниманіемъ. Взгляните на него г.г! Сидитъ онъ, поджавъ ноги, какъ китайскій божокъ и, съ дѣтскою улыбкой на розовомъ лицѣ, ломаетъ, попираетъ, разрушаетъ и, по его слѣдамъ все трещитъ и валится, какъ за медвѣдемъ въ дѣсу. У васъ женскій складъ ума: вы мыслите не аналитически, а пожалуй, интуитивно. Все, что вы говорили — это слова, слова, которая намъ приходится принять на вѣру». Ему оставалось только прибавить: «укажите намъ дѣло!» Однако этотъ от-

¹⁾ Говорятъ, Пистолькорсъ былъ героемъ расказа А. Н. Толстого „Набѣга“.

важный, но усталый человек заканчивал скептической сентенцией: «Видь разрушать легче, чѣмъ созидать!».

Особенно любопытны были развлечения этого кружка, имѣвшія также въ виду и боевую подготовку молодежи, пикники безъ дамъ, охота на кабановъ и тигровъ. Поздно вечеромъ кавалькада выѣзжала крупной рысью за городъ. За офицерами ѣхала дежурная полусотня со значкомъ начальника кавалеріи изъ чернаго шелка съ серебряными кистями, на полотнѣ котораго была вышита мертвая голова и два пистолета — накрестъ. За городомъ лошадей пускали маршъ-маршемъ по прямому направлению, минуя дорогу. Дружная скачка горчила и коней, и всадниковъ, и они рисковали на такіе волтижерские подвиги, на которые не рѣшились бы въ другое время: сползали на крутѣ лошади съ кручи, прыгали черезъ стѣнки и широкіе арки, карабкались по едва доступнымъ подъемамъ и, наконецъ выѣзжали на широкую поляну въ рощѣ, гдѣ уже пылали костры. Тамъ спѣшивались и садились на коверъ въ большой, нарядной бухарской палаткѣ, отвѣсныя стѣнки которой были поставлены полукругомъ и, приступали къ приготовленію въ большомъ котлѣ жженки, или глинтвейна. Казаки, которыхъ обильно угощали спиртомъ, садились также полукругомъ по ту сторону палатки. Когда загорался ромъ въ котлѣ, жарился шашлыкъ и хоръ запѣвалъ пѣсно, Пистолькорсъ отдавалъ приказъ казакамъ: «начинай!» И казаки открывали пальбу боевыми патронами въ палатку, пули летѣли надъ нашими головами. Тутъ по примѣру Пистолькорса нѣкоторые удалисты приподымались подъ какимъ-нибудь предлогомъ, стараясь это сдѣлать также непринужденно, какъ и онъ. Такія удаляя выходы повторялись чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ выпивалась жженка, а Пистолькорсъ кричалъ: «цѣлься ниже!» Пули свистали надъ самыми головами, и тогда глуще удовольствіе становилось весьма опаснымъ.

Охота на кабановъ была безопасна и выгодна. Войсковыя части отправляли охотниковъ командами со всѣмъ необходимымъ для дальняго промисла и оттуда, время отъ времени, высылались на арабахъ въ баталіонные штабы битвы туши для продажи и на улучшеніе ротной кухни. Каждая рота приваживала много собакъ-дворянжекъ. Солдаты, оторванные отъ родины и родныхъ, привязывались къ этимъ вѣрнымъ и полезнымъ животнымъ. Въ походахъ ротныя собаки бѣжали передъ авангардомъ. На аванпостяхъ рыскали передъ цѣпью и своей бдительностью и чуткостью чрезвычайно облегчали сторожевую службу. Во время битвы онѣ находились при ротахъ; но какъ только рота вступала въ сферу ружейнаго огня, онѣ, поджавъ хвосты, уносились къ обозамъ. Ротныя собаки дѣлали охоту на кабановъ со всѣмъ безопасной. Мужественно нападая на звѣря, цѣлыми стадами, онѣ такъ его занимали, что охотникъ подходилъ вплотную и стрѣлялъ въ упоръ.

Охота на тигровъ была очень опасна и не обходилась безъ жертвъ до прѣзда въ Ташкентъ кн. Б., который примѣнилъ къ этой охотѣ ружья, стрѣляющія разрывными пулями.

Теперь я попытаюсь дать характеристику другого выдающагося человека. Капитанъ Z., получившій образцовое воспитаніе въ учебной воинской части, принявъ роту въ боевомъ баталіонѣ. Z. былъ безусловно честный человекъ, строгій, энергичный. Не суббота для человека, а человекъ для субботы—было принципомъ его управления. На свою роту онъ смотрѣлъ, какъ на распутный сбродъ, и сталъ насаждать въ ней казарменные порядки, подобные тюремнымъ. Въ мирное время, фанатики дисциплины нѣрѣдко добиваются удивительныхъ эффектовъ, подобныхъ тѣмъ, которые показываются въ циркѣ. Такихъ командировъ боятся, слушаются и ненавидятъ, а недобрый чувствъ плохая гарантія для порядка и дисциплины. Къ тому же, пылкой Z. иногда позволялъ себѣ обзывать роту въ цѣломъ составѣ бранными словами въ родѣ: «арестанты, варнаки!» и пр., не считаясь ни съ личнымъ достоинствомъ, ни съ l'esprit de corps своихъ боевыхъ товарищей, а это уже являлось двойнымъ оскорбленіемъ. И вотъ, передъ экспедиціей солдаты громко заговорили: «первая пуля нашему командиру!» Предостереженіе, переданное ему, онъ принял съ гордымъ презрѣніемъ. Въ походѣ пѣхотные офицеры ѣхали верхомъ; это было разумное отступленіе отъ порядковъ мирнаго времени. Офицеры ѣхали чаще всего въ головѣ колонны, а не на своемъ мѣстѣ. Z. въ походѣ шелъ пѣшкомъ передъ своей ротой. Солдаты раздражались, полагая, что Z. хочетъ вести ихъ по безводной пустынѣ церемоніальнымъ маршемъ. Однако, они скоро замѣтили, что онъ идетъ съ ними не для безполезнаго стѣсненія ихъ своими присутствіемъ, а по инымъ, болѣе разумнымъ соображеніямъ, и стали съ особеннымъ вниманіемъ приглядываться къ нему, какъ къ любимому, но отнынѣ интересному командиру. По приходѣ на bivакъ офицеры расположились на своихъ складныхъ кроватяхъ, пили чай, обѣдали и т. д., предоставляя унтерамъ всѣ заботы о солдатскомъ отдыхѣ и пр., и въ этомъ не было ничего дурного потому, что солдаты великолюбно обходились безъ офицера, призывая его, когда это нужно. Z. сначала самодично дѣлалъ всевозможныя распоряженія, контролировалъ ихъ исполненіе, а затѣмъ уже вспоминалъ о себѣ. Суровый, безъ дружелюбной улыбки, безъ привѣтливаго слова, безъ веселой шутки—что такъ привлекаетъ солдатскіе сердца—онъ, несмотря на свою усталость, шелъ провѣдать своихъ больныхъ и дѣлился молча съ ними своимъ чаемъ и сахаромъ такъ дѣловито, словно онъ раздавалъ казенный сапожный товаръ. Отношеніе къ нему солдатъ стало мѣняться: къ нему стали относиться со смѣшаннымъ чувствомъ недобрыя, суетнаго страха и невольнаго уваженія. Потомъ, въ малыхъ стычкахъ, въ полевыхъ дѣлахъ, на штурмахъ, въ схваткахъ на улицахъ неприятельскаго города, онъ всегда былъ впереди, спокойный, рѣшительный, безстрашный, распорядительный и особенно внимательный къ раненымъ. Это создавало ему извѣстность въ отрядѣ и объ немъ заговорили посторонніе солдаты: «Ну, и молодецъ же командиръ N роты!» Съ этого времени рота Z. стала гордиться своимъ командиромъ; да и самъ Z. можетъ быть незаметно для себя, а можетъ быть послѣ тяжелой душевной драмы, измѣнилъ своему прежнему credo. Люди такой категоріи, люди долга своеобразно понимаемаго, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, изъ Саяда дѣлаются Павломъ.

Въ кружкѣ Пистолькорса господствовала полная свобода слова и неоглавыренныя рѣчи выслушивались сочувственно: почему же, въ самомъ дѣлѣ, за стаканомъ вина не «поговорить о меньшемъ братѣ, не погорячиться о добротѣ»? Радикальные же политическіе, а чаще экономическіе разговоры велись не на людяхъ, а въ другомъ мѣстѣ въ тѣсной дружеской семьѣ: но и тутъ они были бесплодны, оставаясь въ сферѣ благихъ пожеланій.

XI.

Распространяться о туркестанскихъ битвахъ послѣ Манчжурской кампаніи не приходится. Коканды, Бухары, Туркмены нападали на наши маленькіе отряды въ 2 или 3 тысячи человекъ большими нестройными массами въ нѣскольکو десятковъ тысячъ. Эти храбрые и лихіе наѣзники на превосходныхъ лошадахъ были очень дурно вооружены и совсѣмъ неорганизованы. Въ полевыхъ дѣлахъ они были не стойки, въ укрѣпленныхъ городахъ держались упорнѣе. Старинныя, разнокалиберныя, гладкоствѣнная, неповоротливыя пушки стрѣляли только ядрами да картечью. Безчисленныя фальконеты шумѣли, но не поражали. Пѣхоты, плохо обученной и дурно вооруженной, было немного и она заблаговременно уходила, а если это ей не удавалось (напримѣръ при Зари-Булакѣ), то ложился подъ нашей картечью. Большія кавалерійскія массы, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ и быстротою коней, окружали русскій отрядъ. Какъ черныя грозовыя тучи мчалась со всѣхъ сторонъ на маленькія русскія группы эти конники и казалось, что надвигающаяся лавина сейчасъ обрушится и поглотитъ жалкую горсть людей; но эта горсть метала по всѣмъ направленіямъ молнии: картечь, гранаты, ракеты. Боевыя ракеты, оставшаяся за собой огненной слѣдъ, пугали лошадей и производили неописуемое смятеніе въ неприятельскихъ колоннахъ. Отбитая кавалерія быстро уносила назадъ, и тогда артиллерія противника становилась легкою добычею. Послѣ одного такого дѣла (при Ирджарѣ), когда неприятельская артиллерія за завалами была нами взята, и нашъ батальонъ, батарея и нѣскольکو сотенъ казаковъ получили приказаніе прослѣдовать впередъ и занять два большихъ лагеря, брошеннымъ бѣжавшимъ неприятелемъ, нашъ командиръ полковникъ Пищимуки—начальникъ этого отряда—поставивъ гдѣ нужно было часовыхъ въ неприяльскихъ лагеряхъ, расположилъ свой отрядъ на позиціи внѣ этихъ лагерей. Тутъ ему доложили разъѣзды, что около лагеря бродитъ отборный и хорошо вооруженный отрядъ бухарскихъ кавалеристовъ, который назывался «безсмертными» (человѣкъ сто, вооруженныхъ двустовками и револьверами) и, что въ нѣсколькихъ верстахъ на пути неприяльскаго отступленія, медленно тянутся тяжелыя орудія, увезенныя неприятелемъ заблаговременно съ позиціи. Пищимуки, взявъ съ собою казаковъ, отправился впередъ, чтобы захватить пушки, а если возможно то и «безсмертныхъ», а меня назначилъ вмѣсто себя начальникомъ. Такъ какъ въ нашемъ отрядѣ были офицеры старше меня чинами, то я и полагалъ, что онъ меня оставилъ за командира нашего батальона, а начальство надъ авангардомъ, за его отъѣздомъ,

переходить къ старшему въ чинѣ. День былъ очень жаркій; съ раннего утра мы ничего не ѣли; жажда насъ мучила, и я отпускалъ своихъ стрѣлковъ командами къ берегу Сыръ-Дарьи за водой. Вскорѣ мнѣ доложили, что казаки грабятъ бухарскій лагерь. Посланный туда офицеръ сообщилъ, что казаки берутъ только свѣтное, чай, разсыпанный по лагернымъ улудямъ, чайную посуду, да палатки, чтобы укрыться на сегодня отъ зноя. Кто знаетъ, какой тяжелой багажъ несутъ на себѣ въ походѣ пѣхотинецъ, тотъ пойметъ, что солдаты не въ силахъ унести съ собой еще и бухарскую палатку. Поэтому я и дозволилъ своимъ стрѣлкамъ взять по нѣскольکو палатокъ на роту, да чаю на заварку, а скорѣе прибылъ къ намъ командующій войсками и въ свѣтѣ его комиссія для описи военной добычи. Генераль прослышалъ о разграбленіи лагеря и прибылъ для того, чтобы самолично учинить расправу надъ виновными. Мои объясненія онъ призналъ неосновательными и пригрозилъ мнѣ полевымъ судомъ за разграбленіе лагеря. У стрѣлковъ комиссія отобрала десятка два палатокъ, а у казаковъ, кромѣ палатокъ, нѣкоторое количество цѣннаго оружія и узденекъ, украшенныхъ серебромъ и бирюзой и т. п. Ходатайство за меня начальныя кавалеріи и вернувагося Пищимуки сначала встрѣчено было холодно, но когда начальникъ авангарда указалъ генералу на новыя трофеи, т. е. на захваченныя имъ пушки и на кучку плѣнныхъ «безсмертныхъ», причѣмъ заявилъ, будто я съ своей ротой содѣйствовалъ этому плѣненію,—чего на самомъ дѣлѣ не было,—то командующій смягчился и рѣшилъ оставить безъ послѣдствія дѣло о разграбленіи лагеря, но пообѣщавъ вычеркнуть меня изъ наградныхъ списковъ.

Передъ штурмомъ надѣвали чистое бѣлье, и въ отрядѣ наступала жуткая тишина, только издали,—оттуда, гдѣ дѣлалась штурмовая лѣстница,—долеталъ неприяльнй стукъ забиваемыхъ гвоздей, который подымалъ въ душѣ безпокойство: казалась, яремъ сбивали большой гробъ, который завтра опустятъ въ братскую могилу. Штурму предшествовали разныя дѣйствія, реконгносцировка, постройка насыпи для батарей и ложементовъ для пѣхотнаго прикрытія, бомбардировка крѣпости, измѣненіе крѣпостнаго рва и т. д. Самое развитіе боя рѣдко совпадало съ диспозиціей. Напримѣръ, при штурмѣ Ходжента предпологалось, что правая, самая сильная колонна ворвется первая въ городъ и отворитъ Кленавскія ворота дѣвой колоннѣ; но правая колонна была отбита, а лѣвая сама овладѣла воротами. Предпологалось, что въ головѣ штурмующей колонны пойдутъ охотники съ лѣстницами, а на дѣлѣ колонна, пустившаяся бѣгомъ, обогнала охотниковъ медленно тащившихъ длинныя лѣстницы. Невсмысла передовая стѣна была взята безъ труда и атакующіе, поднявшись на ту сторону рва, оказались передъ воротами между двумя башнями, изъ бойницъ которыхъ стрѣляли въ упоръ, а сверху летѣли камни и бревна. Сгоряча солдаты принялись разбивать ворота прикладами, но приклады безъ толку ломались; тогда вспомнили о шанцевомъ инструментѣ, забытомъ въ ложементѣхъ, и о лѣстницахъ, брошенныхъ, какъ оказалось, передъ первой стѣнкой. Такое упущеніе ставило атакующихъ въ чрезвычайно

опасное положение. Къ довершению неурядицы начальникъ колонны былъ жестоко избитъ камнями; но этотъ опытный и славный воинъ съумѣлъ быстро возстановить порядокъ: охотниковъ оставилъ за первой стѣной, приказавъ имъ энергично обстрѣливать крѣпостныя бойницы, и немедленно отправилъ расторопныхъ людей за шанцевымъ инструментомъ въ ложементы. Раньше чѣмъ были доставлены лѣстницы, топоры и ломы, солдаты, съ помощью штыковъ вбитыхъ въ отвѣсную глинобитную стѣну, стали подыматься: они дѣлились какъ стрижи по всей стѣнѣ до зубцовъ. Обстрѣливаемые охотниками защитники крѣпости стали прятаться, а потому и хуже направлять огонь, камни и бревна. Перевѣшенное на верху стѣны для метанія бревно принималось отъ неприятеля и передавалось изъ рукъ въ руки и осторожно опускалось на землю, не задѣвая людей внизу. И въ тотъ моментъ, когда явились первые топоры и ломъ, которыми начали разбивать ворота, какому-то солдату пришло въ голову воспользоваться спущенными бревнами какъ тараномъ. Эти тараны дѣйствовали очень удачно, а главное, кипучая и дружная поголовная работа занимала всѣхъ и этимъ изглаживалась опасная мысль о неудачѣ съ ея роковыми послѣдствіями и, взаимнѣе неизбѣжнаго при неудачѣ недоверія къ командиру, явилась мысль, хотя и неясная для всѣхъ, о соединенныхъ усилахъ офицеровъ и подчиненныхъ, какъ о необходимомъ условиіи не только для исправленія ошибки, но и для побѣды. И солдаты въ такихъ случаяхъ отличаются большей чуткостью, чѣмъ тѣ офицеры, которые склонны приписывать себѣ успѣхъ, а неудачу относить на счетъ солдатъ. И отношеніе солдатъ къ офицерамъ честно различающимъ съ ними труды и опасности съ одной стороны, и къ параднымъ командирамъ, дѣятельность которыхъ въ бою иногда слишкомъ шумовывается съ другой, рѣзко различное: за первыхъ они жертвуютъ жизнью, а вторыхъ третируютъ со скандальной дерзостью, которую вынести могутъ только люди отпѣтые.

Наконецъ въ продоланные ворота ворвалась колонна. По диспозиціи она должна была занять всѣ башни влѣво до Сирь-Дарьи, привести въ негодность неприятельскую артиллерию на стѣнахъ, сдать раненныхъ на берегу Дарьи въ баркасъ, посланный изъ вспомогательнаго отряда съ той стороны рѣки и двинуться оттуда кратчайшимъ путемъ къ цитадели на помощь къ третьей колоннѣ, назначенной захватить цитадель. Все это было легко исполнено, хотя на улицахъ приходилось брать баррикады, или лучше сказать земляныя насыпи солидной профили. Въ одномъ мѣстѣ, едва только голова колонны повернула въ широкую улицу, какъ съ большой баррикады послѣдовалъ залпъ изъ фальконетовъ и ружей. За одинъ моментъ передъ тѣмъ, солдатикъ изъ самыхъ незамѣтныхъ въ 4-ой ротѣ стрѣлковаго батальона, Сахаровъ оттолкнулъ своего ротнаго командира и прикрылъ его своимъ тѣломъ, а черезъ нѣсколько секундъ упалъ на его руки смертельно раненый. Жизнь этого офицера была куплена цѣною великой и благородной жертвы, на которую онъ добровольно не согласился бы. Понятно, что этотъ офицеръ считалъ себя потомъ всегда въ долгу передъ солдатами. Этотъ залпъ вывелъ изъ строя около десятка солдатъ потому, что неприятель сдѣлалъ ошибку: если бы колонна

втянулась въ улицу, то результатъ былъ бы несравненно губительнѣе. Зарядить вторично свое оружіе защитники баррикады не успѣли потому, что нѣсколько человекъ солдатъ инстинктивно, а можетъ быть и по расчету, бросились бѣгомъ впередъ, увлекая за собой всю колонну: такимъ образомъ сильная баррикада была взята.

Описание другихъ битвъ было-бы повтореніемъ сказаннаго съ не большими вариациями.

Я возвратился въ Россію уже въ штабъ-офицерскія чинѣ.

М. Ашенбреннеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Красные дни в Нижнем-Новгороде ¹⁾

I.

Лѣтний вечер 1905 года. На окраинѣ Сормова, на полянкѣ около больницы кучка народа. Съ каждой минутой толпа увеличивается. По дорогѣ тянутся къ ней группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Это митингъ. Говоритъ ораторъ. Кругомъ на землѣ сидятъ рабочіе; послѣдніе ряды слушателей стоятъ. У каждаго въ рукахъ зеленая вѣтка. Въ нѣсколькихъ саженяхъ въ сторонѣ дымятся костры. Это средства противъ надоедливыхъ комаровъ.

Ораторъ кончилъ. Аплодисменты. Поднимается другой. Рѣчи и споры тянутся до поздней ночи. Уже совсемъ стемнѣло. Погасли костры, и толпа сливается съ силуэтомъ деревьевъ. Только блестятъ въ темнотѣ огоньки папиросъ. Среди лѣтней тихой, прозрачной ночи—ясно и далеко слышенъ голосъ оратора.

Митингъ конченъ. Толпа встаетъ и, обнаживъ головы, поетъ прощальную пѣсню павшимъ борцамъ. Поютъ всѣ, дружно, хорошо спѣвшись. Потомъ затягиваютъ любимую: «Дружно, товарищи, въ ногу». Съ послѣдними аккордами толпа начинаетъ расходиться.

Попятки устроить митинги на лодкахъ и въ самомъ Сормовѣ въ апрѣлѣ 1905 года сопровождался вооруженными столкновениями съ полицией и жертвами съ обѣихъ сторонъ. Зато съ мая (главнымъ образомъ, съ середины мая) митинги, сперва подъ предлогомъ обсуждения экономическихъ нуждъ, стали почти ежедневными. Полиція до июльскихъ дней почти не дѣлала попытокъ разогнать ихъ. Свобода собраній и слова были завоеваны.

За два мѣсяца (середина мая—середина июля) почти не было дней, чтобы на обычномъ мѣстѣ за больницей не собралась толпа. Сюда шли буквально всѣ сормовскіе жители всѣхъ возрастовъ, званій, состояній. Иногда въ дурную погоду собиралось нѣсколько десятковъ человекъ; кое-гдѣ открывались зонтики и несмотря на дождь, толпа терпѣливо, внимательно слушала оратора. Слишкомъ изголодалась всѣ по свободному слову, чтобы пугаться ненастья. Въ другіе дни (особенно въ праздники, когда митингъ шелъ чуть не цѣлый день) пяти-

шесть тысячъ окружало оратора тѣсной массой. Выступали главнымъ образомъ представители социалдемократической партіи. Но мало-помалу сами присутствующіе стали брать слово. Говорили рабочіе о своихъ нуждахъ, манджурскіе солдаты рассказывали о притѣсненіяхъ на войнѣ, крестьяне жаловались на земельныя неурядицы. Аудиторія начала втягиваться въ дебаты. Митинги превратились въ дискуссіи. Нѣсколько разъ цѣлыми часами спорили представители партій социалдемократовъ и социалистовъ-революціонеровъ. И толпа внимательно слушала и горячо участвовала въ дебатахъ.

Цѣлый рядъ рѣчей былъ посвященъ обоснованію социалдемократической программы максимумъ и минимумъ и выясненію тактики социалдемократіи. Было прочитано нѣсколько лекцій въ систематическомъ порядкѣ. Рабочіе называли митинги своимъ «народнымъ университетомъ». Очень много вниманія было уделено злобамъ дня. Съ одной стороны—экономическимъ нуждамъ рабочихъ (въ это время какъ разъ бастовали нѣкоторые цехи и былъ остро поставленъ вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ ¹⁾, съ другой—политическому моменту. Ораторы съ номеромъ мѣстной газеты въ рукахъ комментировали происходившія событія. Въ нихъ не было недостатка; Цусима, депутація 6-го июня, Лодзинская забастовка, «Красный броненосецъ», земскій съѣздъ.

Задачей митинговъ было не только дать извѣстное социалдемократическое образованіе, но и пручить осваивать всѣ вопросы дня съ социалдемократической точки зрѣнія. Митинги замѣняли политическую газету.

Значеніе этой поры собраній было громадно. Партія *первое* выступила открыто на широкой аренѣ. *Впервые* могла обратиться непосредственно къ незатронутымъ массамъ. Пропаганда и агитація вмѣсто кружковъ собраній передъ десяткомъ рабочихъ, стала вестись передъ тысячами. Социалдемократическое ученіе стало извѣстнымъ, и близкимъ и роднымъ для очень многихъ.

Идейное вліяніе партіи не соответствовало ея организациі. Организационное дѣло партіи стояло плохо. Въ ея средѣ шли разногласія. Какъ разъ лѣтомъ (въ июнѣ—июлѣ) возникла отдѣльная «меньшевистская» организациія. Партія была расколота пополамъ. Агитація велась сообща. Организациія отдѣльна.

Въ Канавинѣ и Медитовкѣ, которая отдѣлена отъ города рѣкой, лѣтомъ установились почти такого же рода митинги, какъ и въ Сормовѣ. Населеніе этихъ мѣстностей почти исключительно пролетарское. Съ свободой собраній хуже всего дѣло обстояло въ городѣ. Открытыхъ митинговъ не было до самыхъ дней свободы. Нѣсколько малочисленныхъ массовокъ было организовано за городомъ. Это не удовлетворяло. Организациія стала пользоваться собраніями просвѣдательныхъ обществъ и вскинулъ союзовъ, клубными вечерами и т. д., чтобы превратить дѣловыя собранія въ политическій митингъ. Такимъ путемъ было организовано довольно много митинговъ. Но все-таки

¹⁾ Въ основѣ очерка лежатъ мои личныя воспоминанія, профорпаниа и 10-вольные огни во расказами товарищей, огни во вѣстныхъ газетамъ.

¹⁾ Одинъ или два раза былъ митингъ по этому вопросу въ державкѣ,—рабочіе спрашивали съ духовенствомъ.

это было не то что в Сормовѣ. Это понятно. В городѣ не было крупныхъ фабрикъ. Большая часть организованныхъ рабочихъ вербовалась изъ ремесленниковъ, приказчиковъ и т. д. Сормово же представляло собою чисто пролетарскій поселокъ. Условия работы на тамошнихъ механическихъ заводахъ въ общемъ были очень хороши, особенно принимая во внимание дешезизну жизни ¹⁾. У рабочихъ было и время и возможность, какъ для саморазвитія, такъ и для общепартийной работы. Сормово числилось чуть не деревней: перепись 97 года его население почему то причислила къ сельскому, а между тѣмъ многие города могли бы позавидовать этому поселку.

Неудивительно, что Сормову принадлежала руководящая роль въ событіяхъ. Рѣшенія сормовичей всегда имѣли первое значение. Ихъ поведение оказывало влияние на поведение Кананина и города.

Сормовичей боялась администрація. При одномъ возгласѣ «сормовичи идутъ» бѣжала враспынную черная сотня. Одинъ случай, что въ случаѣ еврейскаго погрома придуть сормовичи—парализовалъ «истинно-русскихъ людей».

Въ деревнѣ слово «сормовичъ» употреблялось по отношению къ революціонерамъ вообще, оно было равнозначно словамъ «студентъ», «забастовщикъ», «соціалистъ». О сѣбистости и рѣшительности сормовичей ходили чуть не легенды. Недаромъ горожане говорили, что въ Нижнемѣ сормовичей можно сразу узнать по ихъ независимому виду, гордой поступи и т. д.

II.

Наступало 9-ое іюля—полугодовщина кровавого воскресенья. Партия усиленно готовилась къ однодневной всеобщей забастовкѣ. Шли митинги и собранія. Въ городѣ, кромѣ забастовки, было рѣшено устроить общій открытый митингъ около Народнаго Дома и попытаться отвоевать право собраній. Въ городѣ душой дѣла явилась городской организаторъ «Марья Петровна» (О. М. Генкина, убитая черной сотней въ Ивановѣ-Вознесенскѣ въ ноябрѣ 1905 года) ²⁾.

Забастовка въ общемъ удалась. Особенно дружно она прошла въ Сормовѣ, гдѣ было закрыто буквально все. Въ городѣ приходилось снимать. Днемъ у Народнаго Дома въ нѣсколько сотъ человекъ былъ митингъ. Развѣвались знамена, слышались рѣчи и пѣнье. Часть толпы демонстрантовъ прошла по улицамъ—было небольшое столкновение съ казаками и полиціей.

¹⁾ Больше четверти всѣхъ рабочихъ получали 60—70 и до 120 рублей въ мѣсяцъ, около половины—30—40 рублей; чернорабочіе получали 16—18 рублей; рабочее время продолжалось около 9 часовъ.

²⁾ О. М. начала работать въ Нижнемѣ въ іюль 1905 года. 10-го іюля она была на площади и едва свалилась отъ черной сотни на чердакъ Народнаго Дома. Въ іюль организовала побѣду одного товарища въ больницу. Въ началѣ сентября была арестована и ввѣзла освобожденная толпой 18-го октября. Помню какъ-то ей откликъ изъ Нижнегго, оидя изъ товарищей рабочихъ случайно предостерегала ее противъ Николая-Вознесенска: «такъ черносотенцы насъ въ котель бросать». Черезъ нѣсколько дней приняла вѣсть о ея смерти.

Въ Сормовѣ была попытка разогнать митингъ, но, разойдясь, рабочіе собрались снова. До поздней ночи длился митингъ, привлечшій тысячи двѣ-три.

На слѣдующій день, въ воскресенье 10-го, въ Сормовѣ былъ обычный митингъ. Въ Нижнемѣ митингъ не удался. Уже нѣсколько дней администрація готовилась. По трактатамъ шла черносотенная агитація. Въ городѣ были опредѣленно извѣстны имена руководителей.

И вотъ когда народъ сталъ собираться на митингъ къ Народному Дому, черная сотня набросилась на собравшихся. Часть рабочихъ защищалась и даже обратила черную сотню въ бѣгство, но тутъ явились на помощь казаки, и за черной сотней остался перебивъ. Собравшихся звѣрски избili. Потомъ черносотенцы разошлись группами по городу, сопровождаемые отрядами казаковъ и продолжали избіеніе отдѣльныхъ лицъ—рабочихъ, учащихся и всякаго случайно подвернушаго за то, что онъ носитъ шляпу, или очки, за то, что онъ кому нибудь напоминаетъ рабочаго, интеллигента, студента и т. д.

Нѣсколько человекъ было убито, нѣсколько десятковъ ранено.

До ночи по городу слышалось улюлюканье, пьяные крики ура, битые стекла.

Городская дружина была малочисленна и не имѣла никакой возможности оказывать сопротивление. На слѣдующій день съ ранняго утра пріѣхало нѣсколько десятковъ сормовичей. Было организовано патрулированіе города. Въ этотъ день на группу сормовичей на Нижнемѣ базарѣ напала толпа черной сотни и при содѣйствіи полиціи началось избіеніе. Сормовичи отстрѣливаясь направились къ пристаямъ. Часть изъ нихъ уѣхала. Нѣсколько человекъ были избиты и свезены въ больницу (а оттуда въ тюрьму), двое—Леонидъ Командинъ и Алексѣй Дмитріевъ убиты.

Вечеромъ того же дня въ Сормовѣ при попыткѣ полиціи разогнать митингъ была брошена бомба. Полиція обратилась въ бѣгство. А на слѣдующій день Андрей Ефремовъ былъ убитъ бомбой, которую онъ собирався бросить въ казаковъ. ³⁾

Послѣ этихъ событий черносотенными избіеніями прекратились, административный терроръ—продолжался. Митинги въ Сормовѣ и Кананинѣ стали энергично разгоняться. Ихъ пришлось перенести далеко отъ Сормова, они стали малочисленны и нерегулярны.

Въ субботу 16 въ Сормовѣ торжественно хоронили Командина и Дмитріева. Собралось все Сормово. Трупы везли изъ города. Толпа шла навстрѣчу. Развѣвались флаги. Слышалось пѣнье. На кладбищѣ не могли помѣститься всѣ, кто пришелъ. Тысячи стояли за оградой. Надъ могилой говорились рѣчи. Толпа плакала. Сормово не видало

³⁾ Ефремовъ не былъ въ дружествѣ и пошелъ по своей инициативѣ въ зданіемъ соборній въ городѣ. Нѣсколько разъ онъ вѣздился на патруль солдатъ, но ихъ онъ хотѣлъ убивать. Когда онъ подходилъ къ казакамъ, его два раза окликали часовой. Онъ сталъ перекладывать бомбу изъ руки въ руку и уронилъ ее.

таких грандиозных похорон. Все пришли сказать последнее прощание погибшим товарищам.¹⁾

Как же проявила себя организация в черные июльские дни? Что делал комитет? Он бездействовал. Организация растерялась (я имью в виду, главным образом, город). Она была подавлена неожиданным происшедшим. Она не знала, что делать. Она мучительно чувствовала свое бессилие. Комитет не дал никаких лозунгов, и никаких директив. На этой почве произошел конфликт периферии с комитетом: она обвиняла его в бездейственности и т. д., и он был вынужден согласиться со всеми обвинениями. Партийные работники собирались случайно, чтобы выработать программу действий, но эти частные собрания ни к чему не привели. Все растерялся, все были подавлены, некоторые предлагали... приступить к террористической борьбе и партизанским выступлениям...

Никакой тактики выработано не было, и члены партии действовали всякий на свой страх.

Только недели через две растерянность и дезорганизация начали проходить. И только в конце июля вышел листок о событиях. Июльские дни показали неподготовленность партии к активным действиям, ее неумные приспособления к переменчивым обстоятельствам, дать жизненные лозунги.

Октябрьская стачка не захватила Нижнего. Одна из основных причин этого была расчет Сормовского завода. В начале августа завод был закрыт на неопределенное время. В конце месяца работы начали возобновляться, но значительная часть рабочих не была принята вновь. Благодаря этому, на заводе было пониженное настроение, и не представлялось почти фактической возможности забастовать. А без поддержки Сормова город был ноль. В середине октября велась кое-какая агитация в пользу присоединения к забастовке, начиная с 18 октября, но без успеха.

Телеграммы о манифесте пришли 17-го ночью. Завонили телефоны. Буржуазия города поднимала с постели своих знакомых. Клубная публика, побросав карты, начала произносить тосты, поздравлять с конституцией и пить шампанское. Часть партийных работников, еще ночью узнав о манифесте, выработывала программу действий на завтра. В рабочих кварталах было тихо. Буржуазия первая отпраздновала победу. Широкая масса населения узнали о манифесте утром и днем 18-го.

Съ утра 18 го город принял необычный вид. Всюду группы и толпы, обсуждающая манифест. Со всех улиц и окраин народ тянется на Благовещенскую площадь, к Кремлю. Там и сям рабочие, разнося вист о манифесте, снимают съ работу и зовут на

¹⁾ Андрей Ефремов преданно работал в организации с 1902 года; главным образом организовал отельщиков, работал пекарем и в техник; летом 1905 года энергично раз распространял оружие. Был в сормовских коллективах.

Леонид Кохандин работал с 1901 года; сначала дома провёл в тюрьме, одно время был в Нижегородском комитете; весной 1905 г. был ранен при попытке организовать митинг. Был в сормовских коллективах.

А. Дитрихев еще совсем молодой человек, лет 18—19, в организации с конца 1904 г.; был очень активным членом боев дружин.

улицу. 11 часов утра. На площади уже несколько тысяч. Толпа все растет. Оратор (социалдемократ) взбирается на фундамент строящегося памятника Александра Второго:

«Граждане»...

Он говорит о победе над самодержавием. Первая речь, которую слышит народ, первое свободное слово—звучит предостережение против отступившего, но не свергнутого окончательно врага. Оратор убеждает не верить бумажной конституции, резко критикует манифест, призывает бороться дальше. Говорит другой, третий. Недовольные правительству, критика «свободы», призыв к борьбе—так звучат основные ноты первых свободных речей. Другая тема речей—свобода не дарована, а завоевана упорной борьбой рабочих. Ораторы призывают почтить погибших и приветствовать живых. Толпа с энтузиазмом встречает предложение. И в эти же первые часы народных митингов говорят о конечной цели пролетариата—социализм; конституционной монархии противопоставляют демократическую республику.

Митинг продолжается. Флагов еще нет. Какой-либо организации митингов тоже. Выступают главным образом не профессиональные агитаторы, а рядовые работники партии. (Почти исключительно социалдемократы, мало социалистов-революционеров, ни одного кадеты). Говорят рабочие. Один сормович говорит с удивительно простым, ясным и образным красноречием. Стихийный подъем делят ораторов.

Толпа слушает внимательно. Но она еще не разобралась в том, что случилось. Она не воспринимает социалдемократических лозунгов,—демократической республики, социализма. Кое-где заметно даже неудовольствие против нападок на самодержавие. Публика смотрит на происходящее, как на какое-то новое, невиданное зрелище. Она не ориентировалась, и ошибка ораторов отчасти в том, что они недостаточно чутко отнеслись к этой раскряпанной, неподготовленной аудитории. (Я не разумею «простую» публику, в первый день преобладала публика «чистая»).

Около часу—двух кто-то в толпе бросает лозунг: «к тюрьме!» (Ораторы упоминали о жертвах, о необходимости амнистии). Толпа подхватывает. Некоторые организованные рабочие пытаются удержать это движение: толпа смешанная, рабочих мало, много женщин и подростков, да и не настолько грандиозна, чтобы рассчитывать на успех. Но ничего нельзя было поддлат. Часть толпы направляется к первой тюрьме, часть ко второй. Остальные остаются или разбредутся по городу. Кадеты и кое-кто из публики пошли к губернатору депутацией с просьбой об освобождении.

Около женской тюрьмы довольно много народа, около мужской несколько сотен. Требование толпы быстро удовлетворяют. Радостными криками встречают освобожденных, обнимают, жмут руки. Представители от толпы обходят все камеры, чтобы проверить слова администрации.

От тюрьм идут назад на площадь. Кто-то затягивает маршевую. Подхватывают. А флаги? Где же красные флаги? Флаги

гласные идут на площадь. Меморский читает толщ постановления. Часть публики—вообще радостно настроенной—громко аплодирует городскому головь. Другая кричить и спрашивает, почему Дума хот-дайтствовать объ удалении казаковъ, а не отказывает немедленно казакамъ въ помѣщеніи и пособіяхъ. Городской голова возражаетъ, «вѣдь и казаки люди», и спѣшитъ уйти съ площади.

Послѣ митинга, толпа въ порядкѣ, окружая цѣпью знамени и оркестръ, двинулась по Покровкѣ; другая, во главѣ съ сормовцами, по зеленому съѣзду къ пристани. Для сормовцевъ были приготовлены два волжскихъ парохода. До поздняго вечера танцуютъ толпа, развѣдывались флаги, слышалось пѣніе. Вечеромъ снова были грандіозные митинги. Въ виду того, что кое-гдѣ забастовка вызвала недовольство мало сознательныхъ массъ и давала поводъ къ черносотенной агитации, рѣшено было прекратить принудительную забастовку 20-го. Кромѣ того партійные работники всюду при всякомъ скопленіи черносотенной публики вѣшивались въ толпу и старались парализовать черносотенное настроеніе, что имъ и удавалось. 20-го начались работы почти вездѣ, кое-гдѣ бастовали и въ этотъ день. Газеты не выходили только 19 и 20. 21-го Нижегородскій Листокъ вышелъ съ крупной надписью на первой страницѣ «Да здравствуетъ свобода», а на 4-ой страницѣ мелко значилось «дозволено цензурой». Свобода была еще подъ опекой.

19-е положило рѣзкую печать на все дальнейшее. Прибытіе сормовичей и грандіозная демонстрація показали силу рабочихъ. Послѣ этихъ двухъ дней манифестацій, уличныхъ движеній въ широкихъ размѣрахъ не повторялось. Главная дѣятельность партій свелась къ организациіи митинговъ.

4.

Октябрьские дни—были днями митинговъ. Ни одна изъ свободъ не была такъ широко использована какъ свобода собраній и слова; и ничто не имѣло такого колоссальнаго успѣха. Центромъ митинговъ все время былъ Народный Домъ. Часовъ съ 8-ми толпа слухосной массой начинаетъ тянуться черезъ турникеты. Около нихъ стоятъ лица отъ партій, собирающія на дружини, на самооборону, на нужды организациі, на работу въ деревнѣ и т. д. Здѣсь же продаются программы партій, брошюры, раздаются прокламации. Скоро зала набита такъ, что нѣтъ возможности протолкаться даже черезъ проходы. Всѣ помѣщенія переполнены. Пора начинать. Выбираютъ предсѣдателя изъ членовъ социалдемократической партіи. Начинаются рѣчи. Во время перерывовъ толпа поетъ рабочія пѣсни. Одновременно въ столовой идетъ свой митингъ. Въ одномъ фойѣ собраніе партійныхъ работниковъ, въ другомъ—засѣданіе какого-нибудь профессиональнаго союза и т. д. Всѣ помѣщенія используются. Часовъ въ 11—12 митингъ заканчивается, но иной разъ, особенно при дискуссіяхъ, толпа не расходится до поздней ночи. Все время напряженное вниманіе и образцовый порядокъ. Несмотря на всѣ попытки черносотенцевъ, ни разу не было паники.

Иногда, главнымъ образомъ въ декабрѣ въ моментъ забастовки электрической станицы, засѣданія носили фантастическій характеръ—въ громадномъ зданіи было совершенно темно и только кое-гдѣ горѣли свѣчи, сильно коптя, едва освѣщая лица собравшихся. И невольно вспоминалась французская революція съ ея засѣданіями клубовъ при мерцаніи салныхъ огарковъ.

На первыхъ порахъ митинги происходили въ двухъ трехъ мѣстахъ. Скоро кромѣ Народнаго Дома, двухъ общественныхъ клубовъ (а иногда трехъ) и театра—явилась возможность использовать рядъ городскихъ помѣщеній: зданія школы, чайныхъ и столовыхъ, помѣщеніе городской библіотеки, «столбы» (на Милліонной) зданіе биржи и т. д. Митинги стали одновременно организовываться въ нѣсколькихъ мѣстахъ города. Партія старалась для каждаго района найти свое помѣщеніе. Въ Сормовѣ центромъ собраній явилась народная столовая; кромѣ нея народные митинги происходили въ клубѣ служащихъ, школахъ и даже на берегу Волги (для судорабочихъ). Всего въ распоряженіи партіи было нѣсколько десятковъ помѣщеній разныхъ размѣровъ. О митингахъ извѣщали черезъ газеты, а въ Сормовѣ при средствахъ особыхъ объявленій, расклеенныхъ повсюду. Митинги были въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и въ нѣсколько тысячъ.

Митинги въ Народномъ Домѣ и въ Сормовѣ происходили справа еженедельно. Потомъ разъ пять въ недѣлю. Число мелкихъ митинговъ невозможно подсчитать. Ихъ было въ одномъ городѣ много десятковъ. И всегда всѣ помѣщенія митинговъ были переполнены. Сотнямъ приходилось отказывать. Число участниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстно довольно точно, благодаря турникетамъ, регистрировавшимъ публику. Въ Народномъ Домѣ за двѣ недѣли съ 18 октября по 2 ноября перебивало около 30,000 человѣкъ. При такой посѣщаемости за все время свободъ число участниковъ митинговъ въ Народномъ Домѣ должно достигнуть по крайней мѣрѣ 100,000 человѣкъ. Известно также, что съ 6 ноября по 5 декабря въ городскихъ помѣщеніяхъ на 25 митингахъ было около 12 съ половиной тысячъ человѣкъ.

Сормовская столовая часто собирала митинги въ нѣсколько тысячъ человѣкъ (иногда тысячъ 3—4). Общее число посѣщеній митинговъ въ городѣ, Канавинѣ и Сормовѣ при скромномъ расчетѣ придется опредѣлить въ 250—300 тыс. Замѣтимъ, что почти всѣ митинги были организованы социалдемократіей и всѣ помѣщенія были въ ея рукахъ. Кадеты организовали за все время едва ли два, три, да и то для интеллигенціи; социалісты-революціонеры устроили митинговъ 10 въ городѣ, въ Сормовѣ больше.

Сперва на митингахъ (въ городѣ) преобладали интеллигенты. Мало по малу процентъ рабочихъ увеличился. Партія приняла къ этому мѣру, устраивая иногда исключительно рабочіе митинги, куда пускали только по билетамъ распространяемымъ партійными организациями. Общій составъ публики былъ очень смѣшанный. И старики, и дѣти въ началѣ ноября перестали пускаться слишкомъ юныхъ), женщины, рабочіе, крестьяне, босяки, офицеры, солдаты, прокуроры и передѣльные околоточные, черносотенцы и духовенство вплоть до ар-

хирея. Иной разъ были специальные митинги или представителей одной профессии (железнодорожников, почтово-телеграфных служащих, портных, извозчиков, прислуги и т. д., и т. д.), или митинги женщин (въ Сормовѣ), митинги поляковъ, босяковъ (въ «Столбахъ» раза три-четыре въ недѣлю), рекрутствъ и учащихся средних школъ.

Ораторами выступали представители партій (преимущественно социалдемократы, нѣсколько разъ социалисты-революционеры и, кажется, всего раза два кадеты). Но значительную часть ораторовъ давала сама аудитория. Такихъ самобытныхъ ораторовъ было гораздо больше. Надо замѣтить, что эти ораторы изъ толпы очень часто имѣли грандіозный успѣхъ среди публики, потому что говорили просто на доступныя житейскія темы. Выступаетъ солдатъ и говоритъ о будствіяхъ въ Манчжуріи, объ испытаніяхъ имъ притѣсненій. Говоритъ мужикъ о землѣ и земскомъ начальникѣ. Другой нападаетъ на поповъ, иллюстрируя рѣчь своими собственными митарствами. Босякъ описываетъ положеніе золотой роты. Безработный проситъ помочь. Бастующій телеграфный чиновникъ или рабочій трамвая сообщаетъ о ходѣ забастовки. Говоритъ новобранецъ.

Этого рода доморощенные ораторы давали обычно любопытный конкретный матеріалъ, освѣщавшій рѣчь партійнаго оратора и вполнѣ дававшій его теоретическія разсужденія. Ораторъ изъ толпы былъ нецѣлѣнъ для митинга. Онъ не разбирался въ вопросѣ, онъ не давалъ партійнаго освѣщенія, но зато онъ былъ неистощимымъ источникомъ агитационнаго матеріала. Сама жизнь подтверждала теорію. И надо признаться, мы часто слишкомъ теоретически говорили, слишкомъ теоретически подходили къ аудитории. Мы не умѣли конкретизировать. Партійные работники привыкли къ пропагандистскимъ кружкамъ и лекціонной системѣ. Имъ пришлось теперь наскоро переобучиваться въ агитаторовъ. Иногда наши ораторы, пережившая сознательности и революционности аудитория, или были непонимаемы слушателями, или давали почву для черносотенной пропаганды. Надо было, начиная съ безспорнаго положенія о вредѣ земскаго начальника, донести протестующую мысль до логическаго конца. Мы только современемъ научились этому. Сперва мы часто шли обратнымъ дедуктивнымъ путемъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ шаговъ партійные ораторы сумѣли найти дорогу въ сердце темной массы. И часто полупьяная толпа черной сотни въ «манежѣ» безмолвно слушала рѣчи социалдемократовъ и восторженно принимала ихъ лозунги.

Третій рядъ ораторовъ — не партійные, но и не непосредственные. Ихъ было три, четыре. Они были радикальны, склонялись къ социалдемократической партіи, но теоретически невыдержанные, иной разъ говорили поразительно наивными или нелѣпыми вещами. Интересно одинъ приказчикъ, искренній христіанинъ, который не одинъ разъ выступалъ противъ православнаго духовенства. Другіе боролись противъ національныхъ предрасудковъ или призывали къ объединенію всѣхъ партій, въ «Столбахъ» регулярно выступалъ, бывшій учитель, босякъ съ темами на текущіе вопросы и мелкій пароходчикъ, воевавшій съ «красными».

Главной темой митинга были злобы дня. Освѣщеніе событий,

комментированіе правительственныхъ актовъ, и т. д. Одновременно шла и теоретическая пропаганда — излагали программу максимизма и подробно всѣ пункты программы минимумъ, разбирали вопросы тактики. Иной разъ митингъ носилъ чисто агитационный характеръ, выносившій резолюціи и рѣшенія (например, протестъ противъ назначенія Нейгардта губернаторомъ, требованіе къ Думѣ объ образованіи народной милиціи, о бойкотѣ штрейкбрехеровъ трамвая и т. д.). Временами на митингахъ читались теоретическія лекціи. Съ 5 ноября началось специальное чтеніе лекцій для рабочихъ (по билетамъ). Была составлена лекторская коллегія и намѣнены слѣдующія темы (около половины и были прочитаны): 1) о социализмѣ, 2) о самодеятельности, 3) о свободахъ, 4) системы народнаго представительства, 5) мѣстное самоуправленіе, 6) финансовая система, 7) демократическая республика, 8) о рабочемъ днѣ, 9) государственное страхование рабочихъ, 10) аграрная программа, 11) исторія рабочаго и революціоннаго движенія въ Россіи, 12) международный характеръ рабочаго движенія, 13) милитаризмъ, 14) отдѣленіе церкви отъ государства, 15) национальный вопросъ, 16) либералы. Послѣ лекціи бесѣдовали на тему дня. Лекціи были организованы въ народномъ домѣ, въ Сормовской столовой; нѣкоторыя были прочитаны и въ другихъ аудиторияхъ. (Были еще организованы 3—4 платныя лекціи, преимущественно для интеллигенціи; социалисты-революционеры устроили около трехъ, а кадеты, кажется, одну). Митинги довольно часто превращались въ дискуссіи представителей разныхъ партій, особенно социалдемократовъ и социаль-революционеровъ, по аграрному вопросу. Рaza два сдѣлывались съ кадетами. (Обычно кадеты на народныхъ митингахъ присутствовали, но не говорили). Были дискуссіи... съ черной сотней (о нихъ ниже). Особенно интересно было выступленіе духовенства. Товарищъ социалдемократъ читалъ лекцію объ отдѣленіи церкви отъ государства, оппонентами явились мѣстный архіерей и кое-кто изъ священниковъ. Вышелъ формальный бой, весьма печальный для защитниковъ правослavia — духовенство ушло, не дождавшисъ конца. Аудитория была на сторонѣ «красныхъ». Это, кажется, единственный въ Россіи примѣръ, чтобы архіерей присутствовалъ на социалдемократическомъ митингѣ, да еще вступалъ въ споръ съ представителями партіи.

Нѣкоторые митинги организовывались только для членовъ извѣстной профессіи и являлись учредительнымъ собраніемъ для профессиональныхъ союзовъ. Въ Сормовѣ митингъ иногда превращался въ народный судъ. Потомъ для суда былъ назначенъ одинъ день въ недѣлю. Судили двухъ мастеровъ — оба явились на судъ по требованію и принесли съ собою вороха писемъ и документовъ. Судъ постановилъ, чтобы мастера ушли съ завода. Судили шпионовъ: обычный приговоръ — высленіе изъ Сормова.

Въ Сормовскій народный судъ скоро стали обращаться со всѣми нуждами. Ему жаловались женщины на дороговизну молока (быть проведетъ своеобразный бойкотъ, урегулировавшій цѣны), къ нему обращались съ просьбами разобрать семейныя неурядицы, или... «отыскать пропавшаго мужа» и т. д. Судъ энергично боролся противъ тайной

продажи вина: ряд шинковъ былъ закрытъ, вино конфисковано. Дѣло дошло до того, что самъ приставъ не разбиралъ жалобъ, а отпра- влялъ просителей въ рабочей судъ.

Агитация была поставлена въ общемъ очень широко и захвати- вала всѣ слои населенія, шла работа и среди солдатъ: они очень охот- но посѣщали митинги. Запрещеніе начальства затормозило дѣло— приходилось переодѣваться, что не для всѣхъ было возможно. Среди солдатъ было организовано нѣсколько кружковъ (2, 3). Распростра- нились прокламаціи. (Кажется, четыре прокламаціи были специально для солдатъ—онѣ разошлись тысячами въ 20). Гораздо успѣшнѣе шла агитация среди новобранцевъ. Было нѣсколько митинговъ специально для нихъ. Во время призыва новобранцы расхаживали по улицамъ съ марсельезой. Въ самомъ воинскомъ присутствіи, несмотря на всѣ окрики начальства, пѣли марсельезу, открыто раздавали и расклеивали про- кламаціи.

Не была забыта и деревня. И для нея настала пора митинговъ и демонстрацій; и тамъ появился красный флагъ и раздались звуки марсельезы. Было организовано много десятковъ митинговъ, на кото- рымъ присутствовало по 200—300 человекъ. Основной агитацией явил- ось ознакомленіе населенія съ «манифестомъ 17-го октября». Во мно- гихъ мѣстахъ только агитаторы впервые читали его населенію, такъ какъ власти его замалчивали. Ораторы высказали, при какихъ усло- віяхъ данъ манифестъ, критиковали его, призывали къ борьбѣ. Обы- коვნено митинги заканчивались принятіемъ резолюцій и приговоровъ объ учредительномъ собраніи, милиціи, отобраніи земель и т. д.

Особенно энергично велась агитация среди деревень около Сор- мовы. Сормовичи съ флагами толпой обходили сосѣднія деревни и орга- низовывали митинги и демонстраціи. За дни свободы окружающія социал- демократическая организация значительно расширила связи, почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ возникли группы, явившіяся центрами для уѣздовъ. Въ серединѣ декабря (на 18-ое) партія готовила крестьянскій съѣздъ въ Народномъ Домѣ. Онъ не могъ состояться изъ- за начавшихся репрессій¹⁾.

Среди крестьянъ было распространено около 120—150 тыс. про- кламацій. Вообще литературная дѣятельность организациі оживилась съ днями свободы, 18-го была избрана соединенная редакціонная группа (человѣкъ около 8-ми), которая собиралась первое время ежедневно, а потомъ раза 4 въ недѣлю. Появилась возможность пользоваться тѣмъ или инымъ путемъ легальными типографіями, поэтому работа могла итти довольно успѣшно, хотя все-таки часто (особенно въ де- кабрь) техника заверживала. За два мѣсяца (до середины декабря) было издано около 20 прокламацій болѣе, чѣмъ въ *трехстахъ* тысячахъ экземпляровъ. (Кромѣ того нѣкоторая издала и перепечатала Сормо- вская организациі). Припоминаются слѣдующія: первая—къ гражданамъ (25 тысячъ), къ солдатамъ (кажется три, въ томъ числѣ перепечатка

письма матроса), къ офицерамъ, къ казакамъ, къ крестьянамъ (2—3 дня въ 50 тысячъ, другая въ 60 тысячъ), красное и бѣлое знамя, при- зывъ къ бойкоту трамвая, о выкупныхъ платежахъ, объ еврейскихъ и черносотенныхъ погромахъ (2), о забастовкѣ въ декабрь (2—3) программа партіи (около 25 тысячъ), пѣсни революціи (около 10—16 тысячъ), манифестъ объединенныхъ организациі о финансовомъ бой- котѣ (около 60 тысячъ экземпляровъ), долей Нейдгардта, и т. д. Въ декабрьскіе дни издавались бюллетени (по нѣскольку въ день) о ходѣ забастовки. Литературы все-таки не хватало, спросъ невозможно было удовлетворить. Препятствовали и недостатки средствъ. Правда, финан- совая дѣла партіи значительно улучшились въ сравненіи съ прошлы- ми: явилась возможность собирать пожертвованія, организовывать лекціи и спектакли въ пользу партіи, но зато неизмѣнно увеличилось и расходы¹⁾.

Значительную роль сыграло распространеніе петербургскихъ изданій—«Новой Жизни», «Начала», «Русской Газеты» и пр., которая раздавалась и продавалась на митингахъ и на улицахъ, разносились подписчикамъ и т. д. Въ ноябрѣ возникла мысль объ изданіи своей газеты. (Приблизительно въ концѣ ноября вышелъ № 1 «Крестьянской Газеты» изданія крестьянской группы). Только 1-го января 1906 года вышелъ № 1 первой социалдемократической газеты въ Нижнемѣ «Утро»—пятавшийся освѣтить результаты дней свободы и декабрьскаго поражения. Въ тотъ же день № былъ конфискованъ, газета закрыта, а редакторъ поплатился трехъ мѣсячнымъ арестомъ по волѣ губерна- тора и 11 мѣсяцами тюремнаго заключенія по приговору судебной палаты.

За отсутствіемъ партійной газеты приходилось прибѣгать къ по- мощи мѣстной прессы. Она ухаживала довольно много мѣста партійнымъ дѣламъ, отчетамъ о митингахъ и собраніяхъ, резолюціямъ и т. д.

Въ декабрь, особенно послѣ неудачной забастовки, дѣло пере- мѣнилось: одна изъ газетъ стала нападать на социалдемократію, дру- гая стала ее замалчивать.

Агитация имѣла громадное значеніе: она внесла въ голову сѣрой массы совершенно новыя понятія, направила работу мысли въ новое русло.

Поведеніе массы на митингахъ было удивительное. Когда слыша- лись свистки—она протестовала «пустя не свиститъ, а выставляють оратора». Утомительные споры между социалдемократами и социалиста- ми-революционерами она слушала съ безконечнымъ вниманіемъ до поздней ночи. Въ то время какъ интеллигенція смотрѣла на митинги какъ на интересное развлеченіе, масса рабочихъ, крестьянъ, солдатъ видѣла въ нихъ живое, непосредственное дѣло, близко ихъ задѣваю- щее. Споры были для нихъ не простой игрой словъ, а глубокой борь- бой за жизнь разныхъ слоевъ населенія. Митингъ сталъ имъ роднымъ, близкимъ.

¹⁾ О дняхъ свободы въ нижегородскихъ деревняхъ см. статью, составленную на основаніи данныхъ оружаной организациі въ № 1 нижегородской газеты «Утро» (1-го января 1906 г.).

²⁾ Бюджетъ города (бывъ Каванава и Сормова) достигъ за два мѣсяца 2 съ по- ловинной тысячъ. (Въ первую недѣлю свободы партій было получено тысяча рублей, во вторую 600 руб.—Въ обычное время годового бюджета города (кажется съ Сормовымъ достигая 2 съ половиной—3 тыс.

Здесь они слышали впервые про всю неправду, какую испытывали. Здесь открывались их глаза. Недаром так часто благодарили ораторов, пожимали имь руки. Недаромъ съ такою жадностью бросались на прокламаціи.

Говорили про одного слѣпого старика: онъ былъ тяжело наказанъ въ 61 году за то, что призналъ обманомъ «волю», отнявшую землю у крѣпостныхъ. Теперь онъ ходилъ на митинги и говорилъ, что наконецъ-то пришла настоящая «волю». Онъ жадно ловилъ это слово у ораторовъ. И слѣпые глаза плакали отъ счастья.

Да, митинги производили потрясающее впечатлѣніе, особенно на сѣрую публику. И недаромъ къ товарищу предсѣдателю митинга въ Народномъ Домѣ такъ часто танулись руки съ сѣрыми ладьями бумаги, исписанными жалобами, просьбами и ходатайствами. Какая-то женщина жаловалась на богача, лишившаго ее заработка и просила социалдемократической комитетъ помочь ей. Другіе жаловались на думу. Третьи обращались съ просьбой о матеріальной помощи и т. д., и т. д. Одинъ разъ подана была гражданная жалоба отъ мѣстныхъ солдатъ на притѣсненія начальства; просили защитить ихъ. Нѣсколько разъ приходили депутаціи отъ крестьянъ и ходоки отъ деревень. Депутаты излагали свои нужды, просили изложить имъ правду, спрашивали, что дѣлать, ждали помощи.

Слухи объ томъ, что въ Народномъ Домѣ происходитъ что-то необычайное шли по всей губернии. Народный Домъ сталъ центромъ политической жизни. Крестьяне шли на митинги цѣлыми артелями, прѣзжали изъ далекихъ уѣздовъ за сотни верстъ—полные надежды, съ жаждой узнать «всю правду».

Вся жизнь города приняла другой характеръ. И днемъ и ночью слышалась на улицахъ жарьельза. Всюду открыто говорили о злобахъ дня, открыто раздавали прокламаціи. Проходя ночью перекрестокъ можно было слышать, какъ извошки на всю улицу спорили объ отвѣтственности министерства въ Западной Европѣ.

Митинги стали нервомъ города. Недаромъ черная сотня и администрація дѣлали попытки сорвать ихъ, грозили сжечь Народный Домъ и т. д. Въ виду этихъ слуховъ и угрозъ въ теченіе митинга помѣщеніе (особенно Народный Домъ) тщательно охранялось нѣсколькими десятками дружинниковъ, которые слѣдили и за порядкомъ собраний, стояли у входовъ, патрулировали. Предосторожности были не лишними: одинъ разъ во время митинга дружинники нашли среди декораций человѣка съ бутылкой керосина за пазухой, пытавшагося поджечь домъ. Онъ былъ арестованъ и признался, что подкупленъ однимъ изъ вождей черной сотни. На слѣдующій день онъ былъ отпущенъ. Когда ему разъяснили задачи черной сотни и «красныхъ», онъ хотѣлъ итти убить черносотеннаго заправилу, и его едва удержали. Потомъ онъ часто посѣщалъ митинги.

Сборы на вооруженіе и образованіе дружинъ *шлись прямымъ послѣдствіемъ черносотенной агитаціи.* У всѣхъ на памяти были июльскіе дни, когда отсутствіе вооруженнаго отпора привело къ погрому. Главной задачей дружинниковъ была охрана митинговъ и ораторовъ отъ черной сотни. И, конечно, только страхъ передъ отро-

ромъ удержалъ черную сотню отъ активныхъ дѣйствій. Партиная дружина города насчитывала около 30 человекъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ. Къ ней примыкали такъ называемые «десятки», организованные главнымъ образомъ изъ партийныхъ людей—ихъ было человекъ 150; вооруженіе плохое (3—4 револьвера на десктокъ у остальныхъ кинжалы и т. п.). Въ городѣ кромѣ того была пресловутая тайная внепартиная боевая дружина или «централизаціи» (нѣсколько десятковъ человекъ). Она была очень недисциплинирована, очень случайна по составу. Партиная дружина не входила съ ней въ какое соглашеніе. Въ Сормовѣ была своя дружина человекъ въ 50—60 и милиція (человекъ 150—200). Въ Канавинѣ была дружина въ нѣсколько десятковъ человекъ.

На дружинниковъ выпала тяжелая работа и надо сказать они выполняли ее очень хорошо.

5.

Агитація будила массу. Организація должна была закрѣпить пробудившихся къ политической жизни въ сплоченные кадры. Организационный вопросъ сталъ передъ партией. Но какъ организовать широкія массы, разъ сама партія не едина, разъ ея собственные ряды разстроены?

Неизбѣжность слиянія фракцій поэтому такъ остро ощущалась всѣми, что въ первый же день, какъ-то непроизвольно, состоялось объединенное засѣданіе всѣхъ членовъ партіи. Объединенный комитетъ (върѣшѣ—федеративный, такъ какъ онъ, объединялъ только верхи, а не организациі цѣликомъ)—возникъ, кажется, утромъ 18-го. Было необходимо довести объединеніе до логическаго конца, но это совершилось уже въ началѣ декабря. «Низы» все время упорно стремились къ полному слиянію обѣихъ организацій. «Верхи» главнымъ образомъ большевики, настаивали на томъ, что пока возможно лишь объединеніе, а слияніе произойдетъ лишь послѣ объединительнаго съѣзда (назначеннаго на 10 декабря).

Съ первыхъ же дней кромѣ общихъ собраний всѣхъ членовъ партіи, возникла общая редакционная коммисія, общая финансовая, общая группа лекторовъ и агитаторовъ; общаа организовывалась митинги и т. д., и т. д. Но въ то же время у каждой фракціи была и отдѣльная жизнь. Были фракціонныя собранія, (например, общія собранія всѣхъ членовъ фракціи, собиравшихся довольно часто), нѣкоторые клубы были по преимуществу меньшевистскіе, другіе большевистскіе (въ Сормовѣ это дѣленіе клубовъ было особенно рѣзко), нѣкоторые митинги и лекціи организовывались главнымъ образомъ большевиками, другіе меньшевиками и т. д. «Низы» (главнымъ образомъ городскіе) упорно стремились слиться въ значительной степени подъ ихъ влияніемъ 25 ноября собраніе большевиковъ въ городѣ приняло резолюцію «слиться независимо отъ съѣзда» путемъ объединенія работъ на мѣстахъ и во всѣхъ функціяхъ». Аналогичную резолюцію приняли и меньшевики, 6 декабря общее собраніе въ Сормовѣ окончательно рѣшило немедленно слиться во всѣхъ частяхъ.

Канавинская организация меньшевиков распустила себя и слилась с большевистской. 10 декабря, окончательное решение слиться было принято и в город. Наступившая стачка помешала осуществить слияние как следует.

Перестройка организации велась в сторону ее демократизации и децентрализации. С первого же дня появились учреждения, до тех пор неизвестные партии—общее собрание всех членов. Эти общие собрания созывались в обычное время, приблизительно раз в неделю, для решения наиболее важных вопросов. Демократический принцип был проведен всюду. Весь город был разбит на районы (кажется, на шесть)—во главъ района стало районное собрание всех членов партии. Роль центра играло правление клуба, состоявшее членовъ изъ 7—10 и выбиравшееся всеми членами данного района. Реорганизация верховъ произошла поздно. В Сормовъ в началъ декабря, кажется 6-го, былъ избранъ руководящій коллективъ на основъ четырехчленной формулы всеми членами партии (общихъ фракцій). В городъ тоже в началъ декабря (около 10-го) была избрана центральная группа, но не на общемъ собрании, а по клубамъ. Ее роль была незначительна. Главной причиной было то, что наряду съ этой группой существовалъ и объединенный комитетъ: функции общихъ учреждений не были разграничены достаточно отчетливо. Отсюда выходили неурядицы и конфликты. Реорганизация «верховъ» такъ запоздала потому, что фактически руководящая роль съ октября перешла частью къ общему собранію, частью къ районамъ.

Наиболее характерной чертой организации было образование клубовъ. Мысль о нихъ явилась еще съ 18 октября, но первое возникновение ихъ относится къ началу ноября; особенно горячо принялись за нихъ съ середины ноября. В городъ было около 6-ти клубовъ: центральный, похвалкинский, благоушевский, базарный (потомъ слившійся съ похвалкинскимъ), острожный и фабричный. Правильные другіехъ функционировали 3 первыхъ. В Сормовъ было 4 клуба (меньшевистскій,—первый по времени, большевистскій, с.р.-овъ и женскій). В Канавинъ—одинъ клубъ. Обычно для клубовъ занимались особое помѣщеніе в одну, двѣ комнаты, которыя обставлялись всякой сборной мебелью. Здѣсь устраивались читальня, библиотека, по вечерамъ происходили собранія, лекціи, засѣданія профессиональныхъ союзовъ. Вся жизнь районовъ сосредоточивалась въ этихъ клубахъ. Члены партии считались членами клуба, сочувствующие записывались гостями-кандидатами и не имѣли рѣшающаго голоса. Возникновение клубовъ дало возможность урегулировать и упростить аступленіе въ члены партии¹⁾. И если митинги дали возможность широко развить агитацию, то клубы помогли организационному спло-

¹⁾ Членовъ партии въ середнй декабря насчитывалось около 1400 человекъ. (Въ Сормовъ по регистраціи клубовъ, — 550 человекъ, большевиковъ и 450 меньшевиковъ; въ городъ около 250 человекъ; въ Канавинъ и Молинонъ около 150—200). Насколько возросла партия за дни свободы видно, напримеръ, изъ того, что въ середнй октября въ Сормовской организации насчитывалось 200 большевиковъ и 150 меньшевиковъ. Надо сознаться, что пріемъ новыхъ членовъ въ дни свободы былъ не всегда достаточно осмотрительный и строгий.

ченно массу. Сюда шли и члены партии, сюда шель всякій сочувствующій, чтобы почитать «Новую Жизнь» или «Начало», поговорить, послушать. Клубы дали рабочимъ непосредственное дѣло. Если они рѣдко могли выступать на большихъ митингахъ, то здѣсь въ узкомъ кругу имъ предоставлялась возможность приложить и агитационная способности и организаторскій талантъ. Здѣсь рабочій учился и училъ, здѣсь онъ былъ активнѣе. Съ другой стороны—клубы очень помогли сближенію какъ рабочихъ между собой, такъ рабочихъ и интеллигентовъ. Создавалась атмосфера благоприятная для дружной общей работы и сплоченія. Наконецъ, децентрализованная работа повела къ гораздо болѣе успѣшному ходу дѣлъ, особенно, при известномъ соеврнованіи районовъ другъ передъ другомъ. Децентрализация приблизила партию къ массамъ. Дала возможность глубоко проникнуть въ самую гущу жизни. Митинги бросили искру въ широкія массы. Задача клубовъ была закрѣпить агитацию, углубить ее, разъяснить непонятое. Сочувствующаго партии клубы превращали въ сознательнаго ея члена. Оторванныхъ отъ организации они спаивали въ одно цѣлое. Дни свободы были не только днями митинговъ, но и днями клубовъ.

Организация партии сосредоточивается около клубовъ, организация широкихъ массъ около профессиональныхъ союзовъ. До октября, кромѣ союза приказчиковъ, въ сущности не было профессиональныхъ союзовъ. Союзы печатниковъ и судовыхъ рабочихъ не носили чисто пролетарскаго характера. Толчекъ къ профессиональному объединенію дали дни свободы. Въ первыхъ числахъ ноября возникли первые профессиональные союзы: Сормовскій, а в городъ: Добровскій и Курбатовскій (все три объединили рабочихъ механическихъ заводовъ). Прімырь былъ данъ. Весь ноябрь идетъ нервная организация союзовъ. Обычно дѣло устраивали такъ: созывался митингъ рабочихъ известной профессіи, который при руководствѣ партийныхъ работниковъ клалъ начало союзу. За полтора мѣсяца (до середины декабря) возникли союзъ ткачей, портняжнй союзъ, къ которому примкнули модистки и корсетницы, союзъ официантовъ, союзъ рабочихъ мукомольнаго дѣла, союзъ жестянниковъ, союзъ газетныхъ разношниковъ, союзъ трамвайщиковъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ, союзъ фонаришниковъ, рабочихъ винныхъ складовъ и т. д. Реорганизовались и расширились союзы приказчиковъ, печатниковъ, судовыхъ служащихъ. Организовывался союзъ домашней прислуги, поваровъ, извозчиковъ. В Сормовъ созданъ женскій клубъ (150 человекъ), былъ рядъ женскихъ митинговъ. Даже среди босяковъ возникла мысль организовать союзъ. Несколько митинговъ въ «Столбахъ», горячо обсуждали это предложеніе, было много сторонниковъ союза—но фактически онъ не возникъ. Въ газетахъ каждый день печатались приглашенія на засѣданіе какого-нибудь профессиональнаго союза, уставы ихъ и т. д. На митингахъ рабочіе часто обращались къ предъядтелю и ораторамъ съ просьбой «устроить союзъ», или указать къ кому имъ присоединиться. Двѣ самыхъ крупныхъ забастовки¹⁾ въ дни свободы

¹⁾ Кромѣ нихъ съ 12 ноября бастовали: сормовскія железнодорожныя дѣла, белъ-Устѣха; дня 8—4 въ ноябрѣ бастовали рабочіе виннаго склада и добились своего.

были вызваны преследованиями профессиональных союзов: забастовка трамвая (съ 14 ноября) и почтово-телеграфных (кажется, съ 16 ноября). Общ. тянулись около мѣсяца и вызвали общее сочувствіе и поддержку. Не одна сотня рублей была собрана на митингахъ и по листкамъ въ пользу бастующихъ. Къ сборамъ въ пользу рабочихъ сърая публика была очень отзывчива. Часто шапка, проляя по рядамъ, возвращалась къ председателю, наполненная мѣдной монетой (рублей на 10): рабочий помогалъ рабочему.

Профессиональное движеніе широко раскинулось, но не успѣло укорениться, такъ какъ большинство союзовъ просуществовало какихъ-нибудь двѣ, три недѣли. Въ началѣ декабря союзы соединились вмѣстѣ, образовавъ центральное бюро, но наступившіе декабрьскіе дни быстро разрушили значительную часть профессиональныхъ организацій.¹⁾

Значеніе союзнаго движенія состояло въ томъ, что оно внесло идею организаціи въ самые темные слои населенія, и, сплачивая ихъ на почвѣ профессиональныхъ нуждъ, сблизило съ партией.

За дни свободъ агитациі была поставлена хорошо. Организація слабо.—Послѣднее вполнѣ понятно.—Сама партія не составляла организаціоннаго цѣлаго. Она дѣлилась фракціонной враждой и, не будучи единой, не могла успѣшно объединять. Мало того организаціонный вопросъ не былъ рѣшеннымъ и бесспорнымъ. У фракцій существовали разные взгляды на него, разное отношеніе, напримѣръ, къ профессиональнымъ союзамъ. Съ другой стороны, не было никакого широкаго опыта партійнаго строительства. Приходилось создавать новыя формы. Наконецъ сама партія находилась во время дней свободъ въ состояніи постоянного организаціоннаго измѣненія. Федеративное объединеніе, мало по малу замѣнялось полнымъ сліаніемъ, централизмъ переходилъ путемъ ряда ступеней въ демократизмъ и т. д.

Дни свободъ не могли внести много новыхъ элементовъ въ постановку агитациі—она только неизмѣримо расширилась. Напротивъ для организаціоннаго строительства являлась новая, нежданная ситуація. Приспособить агитацию было гораздо легче, чѣмъ перестроить организацію.

Да и среди фракцій постановка агитациі не вызывала разногласія и могла успѣшно вестись сообща.

Въ ноябрѣ прошелъ слухъ объ назначеніи въ Нижній губернаторомъ Нейдгарта, извѣстнаго по Одессѣ. Партія выставила лозунгъ «долгой Нейдгарта», и заявила, что она приметъ рѣшительныя мѣры включительно до бойкота и забастовокъ, если Нейдгартъ пріѣдетъ въ городъ. Началась кампанія. Цѣлый рядъ митинговъ и собраній принялъ резолюціи противъ Нейдгарта. Въ газетахъ (въ серединѣ

¹⁾ Крѣпче другихъ былъ сормовскій союзъ. Здѣсь вообще работа пошла широкимъ размахомъ. Рабочіе очень скоро добились перемены въ свои руки стеновыхъ, ашвельскихъ и центральнаго партійнаго работъ, а затѣмъ и ашвельскихъ. Шлово были выстроены и содержались на счетъ работъ, но находились въ вѣдѣніи кереноваго повѣстителя. Борьба шла за школу вѣла уже давно, и лишь въ октябрѣ уречалась побѣдой—завѣщаніе школамъ передано въ руки рабочей волиніи. Выбранной по цехамъ. Это завоеваніе рабочіе сохранили и послѣ декабря.

ноября) появлялся особый отдѣлъ, который помѣщалъ резолюціи и протесты противъ Нейдгарта. Какъ извѣстно, одесскій сатрапъ не пріѣзжалъ въ Нижній.

Ходъ событій поставилъ партію на первый планъ. Она не только просвѣщала и организовывала массу—она руководила. И въ этой области, пожалуй, дѣло обстояло хуже всего. Масса ждала отъ агитаторовъ не только слова, но и практическаго лозунга. Часто партійные работники оказывались къ этому совершенно не способными. Они не были политическими вождями. У нихъ не было опыта. Это особенно относится къ тѣмъ работникамъ, какихъ масса вынесла впередъ изъ своей среды. Они были тѣсно связаны съ широкими слоями, но зато они не были способные къ политическому руководству. Партія имѣла людей теоретически образованныхъ, но эти «верхи» были мало связаны съ массами, масса не считала ихъ своими. Партія не доставала опыта, который дается долговременнымъ открытиемъ существованіемъ.

Несмотря на эти неблагоприятныя условія, партія за два мѣсяца развила грандіозную дѣятельность, потребовавшую напряженія всѣхъ ея силъ.

6.

Грандіозность дѣятельности социалдемократіи особенно бросается въ глаза, если сравнить дѣятельность другихъ партій за то же время.

Въ Нижнемъ послѣ социалдемократовъ изъ политическихъ партій наибольшую энергію проявили... черносотенцы. Они организовались въ союзъ «бѣло знамя», и вступили въ горячую борьбу съ «красными». До дней свободъ они ознакомили себя ильскими извѣщеніями. Въ дни свободъ они избивали въ Арзамасѣ, въ Горбатовѣ, Балахнѣ, но въ городѣ они должны были временно измѣнить тактику. Здѣсь они явились парламентаріями. Правда ихъ практики открыто призывали къ извѣщеніямъ евреевъ и «красныхъ» и пытались выступить активно. Но большинство боролось главнымъ образомъ путемъ слова и печати. Первые «бѣлыя» рѣчи раздались 20 октября на собраніи въ ремесленной управѣ. Вечеромъ того же дня кучка бѣлознаменцевъ прошла по улицамъ. Жалкій видъ былъ у этой процессіи—изъ нѣсколькихъ десятковъ человекъ съ 3—4 флагами—въ сравненіи съ тѣмъ, что Нижній видѣлъ наканунѣ. 21-го бѣлознаменцы организовали демонстрацію по солидѣ. Архіерей отслужилъ молебствъ на площади и затѣмъ толпа двинулась по всему городу съ флагами (съ надписями «да здравствуетъ свобода», «Боже царя храни» и т. д.), хоругвями, иконами и пѣніемъ молитвъ и гимна. Но и на этотъ разъ было съ любопытствующими и «начальствующими» не больше полутысячи тысячъ. Въ тотъ же день въ городѣ появлялись воззванія—съ призывами избивать. Въ другихъ городахъ—молебствъ и процессій, какъ правило, приводили къ погрому. Въ Нижнемъ этого не произошло. Причина—страхъ передъ сормовичами, перелъ рабочими, которые только на дняхъ показались всѣмъ свою организованность и силу. Среди массъ шель упор-

ный слух:—въ случаѣ погрома сормовичи обѣщали разгромить черносотенцевъ, это поневоле охладжало пылъ. 22 и 23 манифестаціи «бѣлыхъ» повторились, но уже въ меньшихъ размѣрахъ. Ихъ спутствовали патрули солдатъ и полиціи. Партией было рѣшено не мѣшать «бѣлымъ» прогуливаться, но въ случаѣ погрома оказать энергичное сопротивление.

Наступили дни митинговъ. «Бѣлые» переняли тактику «красныхъ» и организовали свои митинги въ манежѣ, которые собирались довольно часто. Тутъ выступали заправилы, вроде Хохлова, инженера Николаева, священника Орловскаго, фельдшера Шитова и другіе; тутъ же говорили ораторы бѣлаго знамени. Сюда же приходили социалдемократы. Митинги носили обычно удивительно безтолковый, хаотическій характеръ. Ораторовъ прерывали криками. Всѣ говорили зарезъ. Пѣли гимны и молитвы. Потомъ опять поднимался крикъ и шумъ. Снова молитвы, пѣніе, ругань и т. д. Публика была смѣшанная, преобладала сбрыз: дворники, кучера, лавочники, босяки, часть профессиональных хулигановъ. По праздникамъ приходило много крестьянъ. Часто аудиторія горячо аплодировала «красному» и кричала его лозунги несмотря на всѣ старанія заправить этому воспрепятствовать. «Краснаго» слушали гораздо внимательнѣе. Царилъ тишина и публика толковала: «красные-то говорить хорошо».

21-го шелъ митингъ въ коммерческомъ клубѣ, организованный социалдемократами. Вдругъ вваливается группа лицъ съ бѣлыми и національными знаменами, съ бѣлыми бантами на груди, съ пѣніемъ, криками. Въ публикѣ переполохъ. Бѣлые идутъ на эстраду ставятъ свои знамена рядомъ съ красными. Начинается правильная дискусія бѣлыхъ съ социалдемократами. Дискусія повторялась много разъ и въ клубѣ и въ Народномъ Домѣ, и обычно кончалась тѣмъ, что бѣлые знаменосцы, не дождавшись конца, съ пѣніемъ «Спаси Господи» уходили. Но значительная часть оставалась, сбрасывала бѣлые значки и бросала бѣлые флаги. Скоро такія демонстраціи хождения «къ краснымъ» прекратились. Бѣлые испугались, какъ бы социалдемократы не переняли къ себѣ ихъ сторонниковъ.

Бѣлыми издавались прокламаціи, при этомъ они прибѣгали къ простому пріему. Они списывали фразу за фразой социалдемократическую прокламацію, но мѣняли ей смыслъ на обратный: призывы «не вѣрьте правительству», «идите въ ряды социалдемократовъ»—замѣняли «правительству вѣрьте, идите въ ряды бѣлыхъ»—и т. д. Даже марсельеза была переведена на «бѣлый языкъ». Успѣха эти прокламаціи не имѣли.

Администрація, конечно, все время покровительствовала «бѣлому знамени» и въ декабрѣ изъ ея рядовъ губернаторомъ была организована, такъ называемая, «черносотенная гвардія» подъ руководствомъ офицеровъ. Губернаторъ утверждалъ, что она составлена изъ «лицъ вполне благонамѣренныхъ и хорошо мнѣ известныхъ», поэтому тревога въ городѣ была понятна. Скоро поведение этой гвардіи, пропавшей свое оружіе, заставило ее распустить. Въ сущности, борьба партій выразилась главнымъ образомъ въ борьбѣ бѣлыхъ и красныхъ.

Всѣ остальные подраздѣленія какъ-то тушевались; въ такой общей формѣ борьба стала понятной для самыхъ широкихъ массъ. Бѣлый флагъ явился олицетвореніемъ стараго режима, красный—новаго.

Агитація бѣлознаменцевъ заставила партію, съ одной стороны, пойти въ среду самыхъ сѣрыхъ и остальныхъ элементовъ, съ другой—упростить и приблизить агитацію къ широкимъ массамъ. «Бѣлая» агитація помогла глубже забрести политикѣ. Самые темные элементы были втянуты въ борьбу красныхъ съ бѣлыми и старались рѣшить для себя вопросъ, какая партія чьи интересы защищаетъ.

Борьба съ черносотенной агитаціей выпала на долю главнымъ образомъ социалдемократіи и она очень успѣшно выполнила эту задачу. Ея агитаторы шли на черносотенные митинги, рядовые работники вмѣшивались въ толпу на улицѣ и агитировали, заводили бесѣды съ извозчиками, крестьянами и т. д., ходили по трактирамъ. Всюду велась горячая борьба. Буржуазія исполонившись отъ слуховъ о погромахъ—образовала (при думѣ) «умиротворительный комитетъ». Желаніе его было не столько ослабить бѣлыхъ, сколько сократить красныхъ. Онъ обращался къ краснымъ партиямъ съ просьбой не устраивать демонстрацій, сбавить тонъ и чуть-ли не прекратить митинги; затѣмъ онъ обратился съ воззваніемъ къ населенію и незамѣтно опочилъ.

Изъ другихъ партій проявляли себя социалисты-революционеры (главнымъ образомъ въ Сормовѣ). Ихъ работа сводилась главнымъ образомъ къ агитаціи. Крупиной роли они совершенно не играли, тѣмъ болѣе, что большую часть своихъ силъ они направили въ губернію.

Кадеты совершенно не были замѣтны.—22-го октября было первое собраніе членовъ партіи. 31-го первый митингъ организованный ими (не для широкихъ массъ, а исключительно для интеллигенціи). Позже они устроили одну—двѣ лекціи, нѣсколько партийныхъ собраній, но на народныхъ митингахъ не выступали вовсе (за 1—2 исключеніями). Они ограничились распространеніемъ 2—3 брошюръ. Ихъ политическая роль была ничтожна. Валіанъ на массы—никакого. Другія буржуазныя партіи ничѣмъ себя не заявляли.

Что касается буржуазіи вообще—ея поведение иллюстрировалъ городской голова. 19-го октября онъ говоритъ либеральную рѣчь, ругаетъ казаконъ и полицію, обращается на площади съ рѣчью къ народу и кричитъ, стоя подъ краснымъ флагомъ: «да здравствуетъ свобода». 20-го онъ благодаритъ рабочихъ городскихъ боевъ за то, что они не присоединились къ забастовкѣ. 22-го на нападки бѣлознаменцевъ отвѣчаетъ, что онъ «стоитъ подъ бѣлымъ знаменемъ, но готовъ встать и подъ краснымъ». Въ концѣ ноября онъ подноситъ адресъ и говоритъ благодарственную рѣчь губернатору. Вскорѣ онъ принимаетъ участіе въ составленіи черносотеннаго рѣшенія Городской Думы.

Декабрьской забастовки совсѣмъ не ожидали. Всѣ были увѣрены, что послѣдній бой разгорится въ январѣ. Съ этимъ расчетомъ комитетъ издалъ прокламацію («Готовьтесь»), гдѣ указывалъ на неизбеж-

ность нового массового выступления. Прокламация была уже отпечатана в тот момент, когда забастовка началась. Первые слухи пришли в среду 7-го декабря, 8-го частью забастовала нижегородская дорога, но очень не дружно. Навдвигавшиеся события еще не ошущались. 9-го была лекция об аграрном вопросе, на 14-е назначили митинг в память декабристов. События шли быстрым темпом. 9-го окончательно остановились желёзные дороги, а в тот же день Сормово рѣшило начать забастовку съ 12-го, а субботу посвятить ковкѣ оружія. Кажется, не одна сотня пудовъ желѣза ушла на пики, ножи, бомбы и т. д. Извѣстія изъ Сормова повливали и на городъ. Агитация за забастовку началась еще 8-го. Она имѣла слабый успѣхъ. Вляла и безработица и близость праздниковъ. Въ субботу 10-го былъ желѣзно-дорожный митингъ, а вечеромъ общее собраніе партіи въ городской библиотекѣ. Настроенеіе было нервно-приподнятое и въ то же время мрачное. Сообщали свѣдѣнія о настроеніи рабочихъ, числѣ и духѣ войскъ. Были прочитаны тревожныя телеграммы изъ Москвы. Какой то пустой возгласъ у дверей вызвалъ нелѣпную панику—шумъ, крики, толкотню. Эта паника подѣйствовала еще болѣе унетающе, чѣмъ извѣстія. Если партійные работники такъ легко дезорганизируются отъ одного возгласа—не было надежды на успѣшное выступленіе. Общій характеръ сообщений изъ районовъ, несмотря на невольный оптимизмъ ораторовъ, былъ очень печальный. Тѣмъ не менѣе, стачка была неизбежна. Она была назначена на 12-е. Всѣ понимали, что она будетъ только демонстраціей и продлится 2—3 дня. Въ воскресенье, 2-го на митингахъ (было собраніе профессиональныхъ союзовъ, съѣздъ судоводильныхъ служащихъ и т. д.) приглашали примкнуть къ забастовкѣ. Представители партій (социалдемократовъ и социалистовъ-революционеровъ), и профессиональныхъ союзовъ. Попытку создать Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не было. Забастовкой такимъ образомъ руководилъ объединенный комитетъ (бюллетени и воззванія выпускались отъ его имени), и, отчасти, стачечный. Они не всегда ладили—единства не было. Стачечный комитетъ, смѣшанный по составу (тутъ были представители и буржуазія), не пользовался авторитетомъ, да и вообще мало проявлялъ себя.

12-го забастовка началась. Было рѣшено избѣгать насильственныхъ дѣйствій, разрушено-торговать мелочными лавками. Часть крупныхъ заведеній сами бросили работу. Большую часть приходилось снимать. Въ этотъ день бастовали механическія заводы (Добровский, Курбатовскій), винный складъ, типографія, портняжныя мастерскія, папирсная фабрика, нѣсколько столярныхъ и жестянныхъ мастерскихъ и т. д. Въ Канавинѣ и Молитовѣ бастовали всѣ крупныя фабрики, заводы и мельницы.

13-го забастовка тянулась такъ же вяло. Приходилось почти всѣхъ снимать. Присоединились къ забастовкѣ городская управа, бани, винныя лавки, дрожжевая фабрика, нѣсколько жестянныхъ, кондитерскія, пивные склады, почто-телеграфная контора, учебныя заведенія. Въ Канавинѣ настроенеіе было лучше, шли многочисленные митинги на вокзалѣ.

Вечеромъ было общее собраніе партіи. Всталъ вопросъ о прекращеніи забастовки. Было очевидно, что настроенія нѣтъ. Чувствование уже чересотенное озлобленіе. Забастовка провалилась. Собраніе было вынуждено рѣшить, чтобы на слѣдующій день (въ среду 14-го) бастовали только желающіе. Рѣшили снимать только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть настроенеіе, а съ четверга забастовку прекратить.

14-го фактически забастовка прекратилась. Почти всѣ принялись за работу. Продолжали бастовать Добровскаго и Курбатовскій заводы, типографія—(газеты не выходили 13-го, 14-го, 15-го)—и нѣкоторые медкя заведенія. Тѣмъ временемъ губернаторъ началъ организовывать чересотенную милицію и объявлять городъ на положеніи чрезвычайной охраны. Въ тотъ же день къ вечеру громадное зарево показалося надъ Сормовымъ. Горѣла столовая. Въ городѣ было тревожно-тихо. Ночью начались обыски и аресты (арестовано 22 человѣка; докторъ Н. А. Семашко, А. М. Летова, А. П. Невзорова, докторъ Либинъ, А. А. Яворскій и др.). Народный Домъ, жеселословный клубъ и городская библиотека послѣ обыска были запечатаны. 15-го въ городѣ забастовка прекратилась окончательно.

Дни забастовки иначе прошли въ Канавинѣ. 14-го произошло столкновение толпы, собравшейся на митингъ съ черной сотней. Послѣ зашла дружинниковъ бѣлознаменцы, побросавъ оружіе, бѣжали. Въ тотъ же день начались неистовства казаковъ. Казаки разогнали митингъ, обстрѣливали дома, чересотенцы избивали прохожихъ. Были попытки построить баррикады.

Въ Сормовѣ забастовка началась съ 8-ми часовъ утра; въ понедѣльникъ послѣ митинга на заводѣ толпа пошла къ народной столовой. Туда не пустили. Полиція предложила немедленно («въ три минуты») разойтись. Организация рѣшила подчиниться. Стали раскопаться. Въ этотъ моментъ кто-то выстрѣлилъ. Казаки и полицейскіе открыли пальбу. Толпа разбѣжалась, оставивъ нѣсколько раненыхъ и убитыхъ (въ томъ числѣ былъ маленькій мальчикъ).

Затѣмъ начались неистовства. Казаки стрѣляли въ проходящихъ. Напали на домъ Чугурина. Въ нихъ была брошена бомба. На другой день съ ранняго утра толпа стала строить баррикаду около училища Александра III. Было встроено нѣсколько десятковъ баррикадъ на главной улицѣ и на прилегающихъ боковыхъ улицахъ и переулкахъ. За ними засѣло нѣсколько сотъ человѣкъ. Обыватели снабжали ихъ пищей. У осажденныхъ было нѣсколько ружей, (главнымъ образомъ охотничьихъ), револьверы, бомбы, много холоднаго оружія и двѣ самодѣльные пушки. 13-го происходила перестрѣлка. Казаки стояли далеко, до нихъ хватала только пушка (дѣйствовала только одна), вѣстрѣломъ которой, между прочимъ, былъ убитъ офицеръ. Происходили вылазки. Вечеромъ изъ города пришли двѣ пушки. 14-го началась бомбардировка. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ (изъ нихъ одинъ убилъ шесть человѣкъ)—было рѣшено оставить баррикады, такъ какъ сопротивленіе было фактически невозможно. Баррикады были оставлены, все оружіе унесено. Артиллерія долго продолжала разстрѣливать пустыя баррикады. Потомъ пошли на штурмъ. Зало-

женные фугасы были взорваны, но раньше времени. Къ вечеру баррикады были въ ихъ рукахъ. Губернаторъ, немедленно приступилъ къ арестамъ.

Нѣсколько дней продолжались неистовства. Между прочимъ было убито арестованный рабочий Шимборскій. За декабрьскіе дни въ Соромовѣ и Канавинѣ пострадало нѣсколько десятковъ чело-вѣкъ (около 15-ти чело-вѣкъ было убито).

Платонъ Лебедевъ.

Общество литературныхъ преній въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1837 года открыто было составившееся въ Петербургѣ 4-го января того же года „Общество литературныхъ преній“, цѣлью коего было развитіе умственныхъ способностей и распространеніе умственныхъ удо-вольствій.

Законы и правила этого общества были слѣдующіе:

1. Общество сіе будетъ именоваться „обществомъ литературныхъ преній“; цѣль его есть развитіе умственныхъ способностей.
2. Назначается ежемѣсячная подписка по 5 р.; сверхъ того каждый членъ, при вступленіи, долженъ внести 10 р.
3. При обществѣ избирается Секретарь, который будетъ обязанъ заведывать счетной частію общества, а также вести протоколы его дѣятель и всѣми силами стараться объ успѣхѣ общества, пользуясь по сему правомъ участвовать въ преніяхъ.
4. Учреждается Комитетъ изъ 4-хъ лицъ, набираемыхъ изъ числа членовъ общества, который, вмѣстѣ съ Секретаремъ, долженъ наблюдать и пекись о пользахъ общества, пользуясь правомъ вводить дополнителиые законы и постановленія, кои бы могли быть съ пользою приняты.
5. Комитетъ имѣетъ право назначать во всякое время чрезвычайное собраніе, какъ скоро польза общества того требуетъ; но онъ обязанъ преду-предить о томъ, по крайней мѣрѣ, за неделю.
6. Комитетъ распускается каждые 6 мѣсяцевъ въ общемъ собраніи, и въ томъ же засѣданіи общество приступаетъ къ учрежденію новаго Комитета изъ 4-хъ же лицъ, вмѣсто выбывшихъ.
7. Всѣ подписки и деньги, саблующія обществу, принимаются Секретаремъ, который обязанъ подводить счета и давать объ оныхъ надлежащій отчетъ гг. членамъ.
8. Всѣ деньги, поступающія такимъ образомъ къ Секретарю, должны быть обращаемы на уплату чрезвычайныхъ издержекъ общества и на покупку книгъ (подъ руководствомъ Комитета), для употребленія гг. членовъ.
9. Отчетныя книги Секретаря должны всегда быть открыты для членовъ, желающихъ оныя ревизовать.
10. Каждые 3 мѣсяца назначается общее собраніе членовъ для разсмотрѣнія состоянія и успѣховъ общества.
11. Такъ какъ цѣль общества есть развитіе умственныхъ способностей, то посему все, что клонится къ изощренію чувственныхъ склонностей, или какими бы то ни было образомъ поставлаетъ препятствія къ достиженію

предполагаемой цели, строго запрещается, как например: игра, излишнее употребление напитков и проч.

12. Въ каждомъ заседании избирается президентъ для слѣдующаго заседания; онъ обязанъ смотреть за соблюденіемъ порядка и установленной для пренія очереді; самъ же не принимаетъ никакого въ ономъ участія, развѣ въ томъ только случаѣ, если мнѣніи членовъ раздѣлены будутъ поровну.— тогда голосъ президента даетъ перевѣсъ.

13. Каждый членъ имѣетъ право приводить съ собою одного изъ своихъ друзей на вечерніе заседания.

14. Никто изъ членовъ не имѣетъ права говорить о предложенномъ предметѣ болѣе 2-хъ разъ въ одномъ и томъ же заседаніи, развѣ только съ разрѣшенія Президента.

15. Каждый членъ, желающій предложить о покупке какой-либо книги, долженъ изъяснить свое желаніе въ одномъ изъ еженедѣльныхъ заседаній. Вся таковая покупка будетъ дѣлаема Секретаремъ подъ руководствомъ Комитета и никакія книги не будутъ покупаться для общества иначе, какъ вслѣдствіе такого предложенія и съ согласія большинства голосовъ.

16. Когда кто изъ членовъ пожелаетъ предложить какой-либо предметъ на рассмотрениеъ общества, то онъ долженъ письменно предварить о томъ Секретаря, по крайней мѣрѣ за недѣлю и предлагаемое такимъ образомъ предметъ долженъ быть разбираемъ по очереди; Президентъ или Секретарь въ каждомъ случаѣ опредѣляютъ занятія будущаго заседания.

17. Политическіе и до религіи относящіеся предметы ни подъ какимъ видомъ допускаемы быть не могутъ и всякія сочиненія, опыты и рѣчи о таковыхъ предметахъ будутъ почитаемы противозаконными и вредными для успѣха общества.

18. Никакія личности или оскорбительныя замѣчанія въ продолженіи заседаній не дозволяются.

19. Присутствіе не менѣе 6-ти голосовъ почитается достаточнымъ для открытія собранія.

20. Рѣшенія постановляются по значе, какъ по большинству голосовъ и выборъ на должности по баллотировкѣ.

21. О всякомъ общемъ или частномъ собраніи, Секретарь долженъ объявить во время заседанія за недѣлю и письменно извѣстить о томъ отсутствующихъ.

22. Вся книга принадлежащая обществу, хранится у Секретаря, который и отвѣчаетъ за цѣлость ихъ.

23. Никто изъ членовъ не имѣетъ права удерживать у себя книгу болѣе недѣли, въ противномъ случаѣ повиненъ заплатить 20 коп. пени за каждый день просроченный; въ случаѣ потери книги, покупается другая на счетъ потерявшаго ее.

24. Подписка принимается Секретаремъ отъ 1 до 7-го числа каждаго мѣсяца.

25. Въ случаѣ уничтоженія общества, счета будутъ представлены въ собраніи, особо для сего предмета назначенномъ, книги будутъ раздѣлены на столько равныхъ частей, сколько въ обществѣ будетъ находиться членовъ, заседающихъ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ и разыграны въ лотерею. Буде по уплатѣ всѣхъ нужныхъ расходовъ, у Секретаря еще останется деньги, то дальѣйшее ихъ употребленіе будетъ зависѣть отъ произвола общества.

26. Секретарь долженъ снабжать каждаго члена копіей съ законовъ общества и буде кто изъ членовъ поступитъ въ противность онымъ, то повиненъ внести 2 р. пени за каждый проступокъ.

27. Если кто изъ членовъ будетъ задержанъ дѣлами, не позволяющими ему засѣсть, то онъ долженъ за 6 часовъ извѣстно или письменно уведомить о томъ секретаря (болѣзненные случаи исключаются).

28. Желающій вступить въ члены общества долженъ быть предварительно предложенъ двумя членами, а выборъ производится по баллотировкѣ. Членами этого общества были: *Г. М. Брюкнеръ, Г. Оттоль, Дж. Сайберъ, Дж. Коппманъ, А. Суанъ, Н. Иттельманъ, А. Д. Гизко, Д. Винне, С. Н. Коллеръ* ¹⁾.

Предметы, о коихъ въ обществѣ было уже говорено:

„Полезно ли имѣть вводить въ употребленіе машины?“

„Талантъ есть ли даръ природный или приобретаемый?“

„Вездѣ ли полезно установленіе обществъ поощреній?“

„Должно ли предпочитать супружество холостой жизни?“

„Четыре опыта о временахъ года.“

„Дозволено ли самоубійство?“

Какая Марія Королева Шотландской можетъ ли почитаться справедливою со стороны Елисаветы?
Какое вліяніе имѣетъ на нравственность учрежденіе воспитательныхъ домовъ?“

Общество это, установленное безъ вѣдома правительства, существовало только 5 мѣсяцевъ, и членамъ оного, по Высочайшему повелѣнію, объявлено, чтобы они не смѣли впасть на будущее время составлять никакіхъ тайныхъ обществъ.

¹⁾ Изъ равныхъ торговыхъ домовъ.

Изъ исторіи социалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году

(Личныя воспоминанія).

(Окончаніе ¹⁾).

IV.

Какъ же за все это время проходила и развивалась жизнь петербургской подпольной организации социалдемократической партіи? Послѣ январскихъ событій центральнымъ комитетомъ партіи были командированы въ Петербургъ наиболее видные и опытные социалдемократические дѣятели Россіи и мѣстная центральная группа по составу своему была, вѣроятно, самой выдающейся партійной организацией въ Россіи. Интеллигентская периферія была также очень многочисленна: всѣхъ интеллигентовъ, принимавшихъ регулярное участіе въ агитационной и пропагандистской работѣ организации и въ ея техническихъ предпріятіяхъ, было не меньше 300. Чуткость и восприимчивость рабочихъ за это время подъ влияніемъ начавшейся въ Россіи революціи и въ особенности историческихъ январскихъ дней, настолько увеличилась, желаніе разобраться въ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ важныхъ событіяхъ общественной жизни настолько было сильно, что рабочіе гораздо охотнѣе шли въ кружки и организации, чѣмъ когда-либо раньше. Такимъ образомъ создалась въ высшей степени благоприятная почва для социалдемократической работы, и петербургская организация настолько выросла, что достигла небывалыхъ для подпольной организации размѣровъ. Число правильно функционировавшихъ кружковъ доходило до 250, не говоря уже о довольно частыхъ «летучкахъ» и «массовкахъ».

Очень скоро однако оказалось, что такіе размѣры были слишкомъ велики для подпольной организации, и что послѣдняя уже не въ состояніи была внести въ свою работу ни достаточной чѣстности, ни плановѣрности. Мало того. Обнаружилось также противорѣчіе между провозглашаемыми задачами партіи и фактическимъ содержаніемъ ея

дѣятельности, что съ ростомъ партіи росли и ея центробѣжные, раздающиеся элементы, и организация, созданная съ большимъ трудомъ, оказалась крайне непрочной.

Главное содержаніе работы организации составляли пропаганда и агитация въ кружкахъ. Кружокъ представлялъ основную ячейку организации, поглощавшую почти всѣ ея силы: преимущественно кружковую работу объединяли и регулировали подрайонная, районная организации и агитаторскія собранія. Больше широкіе митинги на заводахъ или у ихъ воротъ, выступленія на легальныхъ собраніяхъ, были крайне рѣдкимъ явленіемъ. Такимъ образомъ по характеру своей дѣятельности, петербургская социалдемократическая организация и въ 1905 году продолжала представлять собой по преимуществу широко развитое тайное общество пропаганды социалдемократическихъ идей. Но въ виду того, что темпъ общественной жизни былъ въ это время гораздо больше быстрый, чѣмъ когда бы то ни было раньше, и что организация партіи, претендующей на роль руководителя рабочаго класса, не могла уже больше замкнуться въ своемъ собственномъ подпольномъ мирѣ и принуждена была реагировать на волнующіе всю Россію вопросы, кружки начинаютъ терять тотъ характеръ, который они имѣли раньше. О плановѣрной медлительной пропагандѣ уже не могло быть и рѣчи. Темы собесѣдованій и занятій въ кружкахъ стали диктоваться не опредѣленнымъ предварительно выработаннымъ планомъ занятій, какъ это было раньше, а самой, все болѣе и болѣе усложняющейся жизнью. Пропагандистъ, читавшій рядъ лекцій по социалистической теоріи и рабочему движенію, уступилъ мѣсто агитатору, ведущему бесѣду по современнымъ вопросамъ жизни, разъясняющему практическіе лозунги, выработываемые центральной организацией и потому постоянно мѣняющему тему своихъ занятій. Такимъ образомъ организация начинаетъ терять свой характеръ пропагандистскаго общества и начинаетъ развивать дѣятельность, которая должна быть расчитана не только на то, чтобы вліять на сознаніе отдѣльныхъ рабочихъ, но также и на то, чтобы оказывать воздѣйствіе на болѣе широкіе круги; другими словами, она обнаруживаетъ тенденцію превратиться въ политическую партію. Подпольный, кружковой характеръ партіи ставилъ, однако, этой тенденціи непреодолимая препятствія.

Въ самомъ дѣлѣ, если, измѣняя содержаніе работы этихъ кружковъ, партія дѣйствительно стремилась къ тому, чтобы лозунги ея претворились въ массовыя дѣйствія,—ея агитационная работа въ кружкахъ имѣла бы raison d'être лишь въ томъ случаѣ, еслибы она могла расчитывать, что изъ кружковъ ея лозунги распространятся въ болѣе широкихъ слояхъ пролетаріата. Но тогда подборъ членовъ кружковъ, какъ и вообще рекрутированіе рабочихъ въ партійныя организации, должны были бы совершаться на иныхъ основаніяхъ. Партія должна была бы включать въ себя дѣйствительно наиболѣе активные и инициативные, наиболѣе вліятельные и передовые элементы рабочихъ. Для этого партія должна была бы либо постоянно сталкиваться съ широкими рабочими массами и изъ нихъ привлекать ихъ естественныхъ вожаковъ, ихъ природныхъ агитаторовъ. Либо партія должна была бы расширять свою дѣятельность на всю классовую борьбу проле-

¹⁾ См. «Вѣнокъ», апрѣль.

гариата, и, завоеывая благодаря этому среди обширных кругов пролетариата репутацию истинно рабочей организации, настоящей выразительницы рабочих интересов, сама бы естественно втягивала в себя рабочих с наиболее развитым общественным чувством и наиболее ясным классовым сознанием. Известно, что партия не дбала ни того, ни другого. Я уже указывал, что будучи подпольной пропагандистской организацией, и в соответствии с этим больше всего заботясь о чистоте своих принципов, она оставалась чуждой жизни широких рабочих масс и даже сторонилась от их организационных стремлений, проявившаяся в галонсовском движении. С другой стороны, ставя своей задачей исключительно политическую борьбу или правильнее пропаганду политической борьбы в небольших кругах рабочих, она для рабочей массы никогда не была своей пролетарской партией. Поэтому рекрутирование рабочих членов в организацию зависело от совершенно случайных обстоятельств. По большей части в наши кружки и, следовательно, вообще в социал-демократическую организацию попадали рабочие наиболее молодые, которые в кружках искали главным образом знаний, удовлетворения своих умственных интересов и были недовольны всяким расширением задач организации, поскольку оно вредило пропагандистской деятельности в кружках. Тщ же немногочисленные более активные и зрелые элементы, которые привлекались теоретически провозглашаемыми задачами партии—быть авангардом классовой борьбы пролетариата и его руководителем—или быстро уходили из нея или же, оставаясь в ней, выражали наоборот недовольство тем, что главная задача партии остается на бумаге, а партия на самом деле занимается пропагандой в кружках. Таким образом лишь только партийная организация несколько разрасталась, в ней должны были возникнуть трения: создавалась оппозиция, которая, как мы видели, составлялась из двух частей, предьявлявших партии совершенно противоположные требования, но связанными общим недовольством.

Обыкновенно оппозиционных рабочих связывало также недовольство организационным строением партии. Известно, что со времени победы направления «Искры» над другим социал-демократическим течением, организационный демократизм стал синонимом хвостизма, оппортунизма и тому подобных грбхов. Демократический принцип был изгнан из организации почти повсюду. И следовало сознаться, что в обществах пропаганды,—каковым фактически партия всегда была,—общества, состоящего из учителей-интеллигентов и учеников-рабочих, демократизм не является насущной необходимостью и проведение его снизу доверху было, пожалуй, и практически неосуществимо. Мудрено установить равенство прав и обязанностей между интеллигентами членами руководящих организаций, переживавшими ряд периодов партийной жизни, длительно обсуждавшими массу теоретических и практических вопросов, устранивших общепартийные и областные съезды и конференции с одной стороны, и рабочими партийных низов, за крайне редкими исключениями, остававшимися совершенно чуждыми всей этой сравнительно богатой теоретической жизни партии и выполнявшими лишь роль слушателей в

кружках—с другой стороны. И без сомнния, правы были те, которые говорили, что при реальных задачах партийной деятельности демократизм превратится в значительной степени лишь в игру в демократизм, а не может быть действительным проведение в жизнь организационных демократических принципов. Они не отдавали себе однако отчета в том, что вместе с отрицанием демократизма произносится смертный приговор и вообще над возможностью социал-демократической партии в России.

Меньшевики, у которых, без сомнния, сильнее было сознание ненормальности существования рабочей партии без широких рабочих кадров и демократической партии без демократических принципов и с безответственной перед низами партийной бюрократией во главе, в Петербурге и в других мстах начали с того, что объявили войну излишнему бюрократизму.

Но в своих положительных организационных предложениях, в конституции, которую они предлагали дать партии они снова, совершенно разумеется безосознательно, шли по стопам «подпольной» бюрократии. Дальше «законосовещательных» учреждений из партийных низов, они не шли. Демократизм они заменили так называемым «принципом освободленности». В своих организационных требованиях они требовали от всех членов руководящих групп проведения возможно полного освобождения всех низов по всем вопросам партийной теории и практики. Всякия ршения руководящих учреждений должны были по возможности подробно и всесторонне обсуждаться в районных и подрайонных организациях и даже в кружках. Но примут ли правящая сфера мнения низов во внимание, и вообще каковы были формальные права последних, не было точно определено. Принималось за нечто вполне очевидное, что благоразумное руководящее учреждение, должно будет считаться с мнниями низов и не примет ршений, противорчащих желанию большинства партийных членов, но строго определенных прав, которые гарантировали бы низам влияние на всю партийную работу и объявляли бы верхи исполнять их ршения, не было. Само собой разумеется, что такая организационная непоследовательность, такая демократическая робость и половинчатость не могла не служить причиной постоянных трений и недоразумний между рабочими низами и интеллигентными верхами партии. Партийный «народ» требовал законодательных, и не хотел довольствоваться одним «законосовещательными» учреждениями. Чтобы заключить аналогию между подпольной и надпольной бюрократией, добавлю вперед и прибавлю, что когда впоследствии, послб октябрьской «конституции» партия стала открытой и ввела в свою организацию демократический принцип, петербургская меньшевистская группа рекомендовала двустепенное избирательное право при выборах делегатов на меньшевистскую конференцию, между прочим на том основании, что, как выразился один из старых членов партийной бюрократии, «с введением демократического принципа партия должна прыжок в неизвестное» и потому ей приходится принять меры против того, чтобы на партийные ршения не получали ршающего влияния «люди незнакомые ни с прошлым, ни с настоящим партии».

Оппозиция среди партийных рабочих низов против центральных учреждений объединилась таким образом: требованием оздоровления партии посредством ее демократизации. Все партийная бдм, все ее неудачи приписывались отсутствию демократизма, который стал для оппозиции панacea от всех зол. Она связывала все же недовольных партийной деятельностью, как ни противоречивы были другие требования, предъявляемая ими партии. Попытаюсь иллюстрировать развитая мной положения о партийной жизни разсказом о своем опыте в нарвском и городском районах Петербурга, которые занимали среднее положение между крайне оппозиционным Выборгским районом и другими несколько более мирно настроенными районами.

«Командированная» я была петербургской организацией в нарвский район, как я уже упоминал, после январских дней. Из большого состава партийных рабочих наиболее выдающиеся были арестованы, и крошечная районная организация еще более ослабла. В партийной организации были лишь 20—30 рабочих путиловского завода и 10—15 вагостроительного завода за Московской заставой, которая, как отдельный подрайон, входила в нарвский район. Первым делом было поэтому расширение контингента рабочих, подлежавших постоянному влиянию партии в кружках. После кратковременной усиленной работы как партийных рабочих, так и интеллигентов-агитаторов, эта задача вполне удалась. Число кружков очень быстро значительно выросло. Максимальное число их было 35—40 за Нарвской и 20—25 за Московской заставой, из которых в каждом было 5—8 рабочих. Кроме них как за Нарвской, так и за Московской заставой были центральный или подрайонный кружок, состоявший из 6—8 рабочих 1—2 интеллигентов-агитаторов и организатора района, члена петербургской центральной группы. Полагалось, что в каждой пропагандистской кружке должен входить член центрального кружка, который должен был осведомлять членов первого кружка о партийных делах, обсуждавшихся в районной и подрайонной организации, снабжать их легальной и нелегальной литературой и доставлять для более широкого распространения листки. Он же должен был давать отчеты в центральном кружке. Кроме подрайонной существовала еще очень вялительная агитаторская коллегия, состоявшая из 15—20 агитаторов и пропагандистов. Представители центральных подрайонных кружков входили в районное собрание, руководившее всей партийной работой в районе; в него тоже входили представители агитаторской коллегии и снова организатор района. Вся организация за все время своего существования функционировала очень правильно и строено, и, по всей вероятности, года 2—3 тому назад она считалась бы образцовой. Поскольку в ней были недочеты, они преимущественно зависели от слишком больших централизованных тенденций, которая пыталась, но не была в состоянии, проводить с пользой для дела руководящая петербургская группа. Отдельные районы имели напр. очень ограниченное право издавать листки, в лучшем случае они могли реагировать листками на районные злобы

дней исключительно местного характера, а так как центральная организация оказывалась не в силах обслуживать все районы, то листки были и рѣдки и в недостаточном количестве. Кроме того содержание, а еще более форма листков, вызвала вѣчное недовольство: по мнению рабочих они были и не популярны, и слишком рѣзки. Пробовали было рабочие сами писать листки, и порой очень образные и сильные, но последние почему-то либо застрѣвали по пути в редакцию и не появлялись в светѣ, либо рабочие не соглашались на предлагаемая исправления. Писатели-рабочие обыкновенно оказывались очень самолюбивыми авторами и их с большим трудом удавалось заставить согласиться на изменения или поправки в их произведениях. Как бы то ни было, но листки были большим пунктом в деятельности всей партийной организации в Петербурге. Кружковая же деятельность не только в указанном районе, но почти во всем Петербурге, была поставлена очень широко.

После январских событий эта деятельность однако почти ничего не удовлетворала. Надежды на то, что нам посредством кружков удастся захватить значительные круги рабочих, уже давно исчезли. Кроме того недавняя массовая события нам показали, что в крупных пролетарских выступлениях вожди рабочих меньше всего черпают из кружков. Напротив, оказалось даже, что мы своими кружками скорее отрываем рабочих от их родной стихии, настолько заполняем их интересами кружка, подрайона, района, что они теряют чутье действительно пролетарской массовой борьбы. И для партийных рабочих узкие интересы партийной организации отбросили на задний план общие интересы классовой борьбы. За Нарвской заставой это проявилось очень определенно и рѣзко, хотя, конечно, не вполне сознавалось самими партийными рабочими. Если рабочие центрального кружка и принимали участие в проведении стачек на путиловском заводе, то меньше всего они являлись руководителями или инициаторами их. В стачках они лишь шли—и часто без большого энтузиазма,—за общим течением и никогда сами не делали попыток вносить более широкие лозунги. Они даже выступлениях нередко их вносили, так как вообще в широких выступлениях считали вполне естественным оставаться пассивными: это было как бы дело, лежащее вне их специальности. И в этом отношении замѣчалось, за крайне рѣзкими исключениями, постепенное ослабление интереса к вопросам, лежащим вне сферы партийных дел, по мере того, как рабочие больше продолжительное время оставались в кружках или переходили в партийные группы высшего порядка. Больше сильное стремление вмѣшаться и влиять на широкие слои рабочих обнаруживали чаще всего рабочие, только что привлеченные в организацию и почти полная безучастность к ним замѣтна была среди членов центрального рабочего кружка. Когда началась кампания, вызванная комиссией Шидловского и появилась настоятельная необходимость влиять на рабочих, стоявших вне кружков, организатор района лишь с большим трудом и под сильными, вызывавшим недовольствие давлением, удавалось заставлять членов центрального кружка созывать массовки и летучки из не-

партийных рабочих. Что касается агитации среди выборщиков и проведения дозогов и заявлений центральной группы как среди них, так и среди близко стоявших к ним рабочих, то эта работа почти целиком лежала на плечах организатора района, без какой-либо помощи со стороны «руководителей» рабочей группы района. Напротив члены последней крайне неодобрительно смотрели на массовки и осуждали их на том основании, что они могут вызвать провалы и аресты, так как на них могли попасть люди, недостаточно известные; они также предвещали постоянная претензия к организатору за то, что он выступает на массовках и «возит» с выборными; благодаря этому он становился известным более широким кругам и тем самым опять-таки рисковал вызвать аресты всего центрального кружка, на заседаниях которого он должен был регулярно приходить. Мало того. Центральный кружок был недоволен тем, что из-за массовок и из-за иных «посторонних непартийных дел» запускалась такая важная партийная задача, как дело пропаганды, правильная работа в самом центральном кружке. Дело в том, что на заседаниях центрального кружка, организатор, со одной стороны, осуществлял меньшевистский принцип осведомления всех членов партии о всех партийных делах, и с другой, желая расширить горизонты передовых рабочих, обыкновенно давал подробные отчеты и разъяснения о всяких ршениях центральных и местных и общепартийных учреждений, и, как в пропагандистских кружках, из-за этих заобидных вопросов пренебрегал теоретическими занятиями в центральном кружке; причем постоянным приливом всех его бесед был призыв к самостоятельности рабочих, без которой партия существовать не может. Все эти объяснения выслушивались крайне охотно, особенно те, которые трактовали об участии рабочих в обсуждении и проведении всех партийных ршений. При этом рабочие оказывались однако, последовательные меньшевистской руководящей организации и требовали и *формальных* прав, полного проведения демократического принципа во всей организации сверху до низу. К сожалению они соединяли с этим вопль справедливым требованием упомянутая уже стремления известить организацию на степень исключительной кружковщины. Главным требованием центрального кружка нарвского района была постановка систематических регулярных кружковых занятий, и члены его были убеждены, что это их требование не выполнится потому, что в партии нет демократизма и у рабочих нет возможности провести своих желаний: с введением демократизма окончательно должны были исчезнуть все нежелательные для них элементы партийной деятельности.

Таким образом в Петербурге повторился уже давно пережитая партией история: передовые партийные рабочие настолько прониклись мелкими интересами своей организации и, благодаря этому, настолько удалились от общепролетарского движения, что они ставили препятствия переходу партии на более высокую ступень. В то время, когда кругом забастовочное движение уже начало расшатывать весь политический режим, когда рабочий класс активно стал реагиро-

вать на все крупные явления общественной жизни, когда петербургская рабочая масса волновалась по поводу выборов в комиссию Шидловского, которые на время спланивали и объединяли вокруг депутатов десятки тысяч рабочих, — в центральном рабочем кружке нарвского района шли длинные прения о правах и обязанностях партийных низов, кружков, районных групп, объединявших в лучшем случае несколько сот крайне молодых рабочих, из которых не мало было подростков. Это была по истинной мере буря в стакане воды в сравнении с наступающим общественным ураганом, раскаты которого уже носились по всей России. И если с одной стороны не подлежить сомнению, что изгнание демократизма из партии ничем не оправдывалось и не спало ее ни от понижения уровня руководящих организаций, ни даже от проникновения в партию нежелательных в конспиративном отношении элементов, то с другой стороны указанная связь демократизма с остальными тенденциями в партии должна доказать всякому мыслящему человеку, что не в одних организационных недочетах нашей партии заключались основные причины ее слабости и не в одной реорганизации ее на демократических началах следовало искать источников ее оздоровления.

Как бы для доказательства это противного, центральному рабочему кружку за Московской заставой удалось действительно стать рабочим авангардом и руководителем движения в этом районе. Он состоял из рабочих, лишь очень недавно присоединившихся к партийной организации, не прошедших длинной подготовительной кружковой школы и естественно выдвигавших в процесс стачечного движения. Всякого влиятельного, самоотверженного и сознательного рабочего они немедленно старались привлечь в центральный кружок, не считая нужным проводить его через все подготовительные классы партии. Это, конечно, противоречило партийным организационным принципам, на основании которых лишь на организатора района возлагалась задача подбирать новых членов в центральный кружок, а у самих членов его этого права не было. Но при создавшихся отношениях за Московской заставой, при широкой самостоятельности, проявляемой центральным кружком, представлявшим плоть от плоти всей рабочей массы, это право было взято ими, как нечто вопль естественно, и, я воображаю, каким смехом и непониманием была бы встряена претензия интеллигентного организатора заниматься подбором наиболее сознательных рабочих в рабочей среде, которой он не знал и среди заводской массы, в которой он не жил. Организационные обычаи здесь создавались самой жизнью и теоретическими словопрениям о демократизме и выборном начале там никогда не было. Влияние центрального кружка на заводскую жизнь, в особенности, на порядки руководящего завода этого района — вагоностроительного — было громадное. Вопрос о забастовках обсуждался всегда предварительно в кружке и по его сигналу он начинался и кончался. Под его влиянием на завод был отвоен ряд существенных улучшений, с администрацией завода постоянно велись правильные переговоры, регули-

ровались заводские порядки. Администрация вынуждена была терпеть митинги на заводе, входить къ градоначальнику от имени рабочих, требовать освобождения арестованных, при сокращении заказов уменьшать рабочее время для всѣхъ рабочих, чтобы не рассчитывать части рабочих. Словомъ, были заложены серьезные основанія для установления на заводе конституционного строя, въ борьбѣ за который главнымъ застрѣльщикомъ былъ партийный центральный кружокъ. Во время кампаніи по поводу комисіи Шидловскаго часть выборныхъ была членами кружка, а остальные находились въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Въ то же время расширились и кружки, но эта работа центральнымъ кружкомъ выполнялась попутно: всѣ его интересы лежали на сторонѣ массоваго движенія.

V.

Послѣ прекращенія стачки, послѣдовавшей за отказомъ рабочихъ участвовать въ комисіи Шидловскаго, въ рабочемъ движеніи наступало нѣкоторое затишье. Правда, стачки не прекращались, но онѣ были лишь частичныя, съ частными заводскими требованіями. Это продолжительное забастовочное движеніе, которое являлось продуктомъ чрезвычайно повышеннаго и нервного настроенія рабочихъ, вызываемаго независимо отъ чисто экономическихъ причинъ, какъ извѣстныя съ театра военныхъ дѣйствій, такъ и политическими актами правительства, указомъ 18 февраля, комиссіей министра финансовъ Коковцова по рабочему вопросу и др., сильно утомляли и обезсиляли рабочихъ. Социалдемократическая организація съ своей стороны не считала необходимымъ останавливать стачекъ, такъ какъ и она находилась подъ вліяніемъ тѣхъ же событій, и у нея настроеніе было такое же повышенное, она жадно ловила всякія проявленія революціонной энергіи массы и полагала, что не дѣло социалдемократіи задерживать ихъ и не давать имъ превратиться въ массовыя дѣйствія. Пользуясь однако сравнительнымъ затишьемъ, наступившимъ въ концѣ февраля, петербургская центральная группа посвящаетъ свои силы какъ укрѣпленію своей организаціи, такъ и дѣлу большаго теоретическаго и практическаго ея опредѣленія, внесеннаго въ свою работу большаго единства и планомерности.

Въ значительной степени подъ вліяніемъ событій въ нарскомъ районѣ, въ организаціи котораго, благодаря давленію рабочихъ и тайному «преступному» сочувствію организатора къ демократизму, онъ былъ допущенъ въ небольшой дозѣ, группа подвергаетъ обсужденію вопросъ организаціонный. Демократизмъ былъ крайне робкій въ указанномъ районѣ и заключался лишь въ томъ, что районная организація состояла изъ лицъ, выбранныхъ центральными кружками и агитаторской коллегіей, а не подобранныхъ организаторомъ, но его было вполне достаточно, чтобы сильно встревожить центральную группу, которая почти единогласно и приняла рѣшеніе, что руководящимъ организаціоннымъ принципомъ долженъ быть подборъ, а не выборное начало. Остальная часть организаціоннаго плана не пред-

ставляла ничего новаго и приближалась къ описанному мной типу организаціи въ нарскомъ районѣ.

Въ то же время группа начинаетъ выяснять и свою принципиальную и обще-тактическую фізіономію. Во время кампаніи, вызванной комиссіей Шидловскаго, въ Петербургѣ начинаетъ дѣйствовать энергичнѣе и большевистское теченіе. Я уже указывалъ, что если отвлечься отъ расхожденія по нѣкоторымъ вѣтвямъ разностепеннымъ организаціоннымъ деталямъ, въ началѣ крупнѣйшаго разногласія между большевиками и меньшевиками не было. Открывшаяся однако бурная политическая жизнь Россіи, которая требовала опредѣленнаго къ себѣ отношенія отъ всякаго теченія, претендовавшаго на вліяніе на общественныя дѣла, заставляла обѣ фракціи гораздо ярче и рѣзче раскрыть свою принципиальную сущность. И тогда скоро обнаружилось, что фракціи раздѣляютъ не мелкія организаціонныя разногласія, а глубоко различное пониманіе всей русской дѣятельности, разногласіе по вопросу о ближайшемъ теченіи русской революціи и о задачахъ социалдемократической партіи. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на политическихъ взглядахъ большеинства и меньшества партіи, я ограничусь лишь краткими, — а потому и нѣсколько упрощенными, — указаніями, поскольку разногласія опредѣлили практическую дѣятельность социалдемократовъ въ Петербургѣ.

Руководящимъ тактическимъ положеніемъ большевиковъ того періода было то, что русская революція «перелась въ возстаніе». По ихъ мнѣнію, лишь побѣдоносное возстаніе могло и должно было разбить политическія кризисы въ Россіи и потому въ тактикѣ социалдемократіи моментъ возстанія долженъ играть рѣшающую роль; важно лишь то, что способствовать и ускорять возстаніе, откидывается все то, что способно такъ или иначе замедлить его наступленіе. На положеніе дѣлъ въ Россіи, создавшееся послѣ 9 января, она смотрѣла такъ, что всякое массовое выступленіе пролетаріата необходимо должно было перейти въ возстаніе, и потому при обсужденіи тѣхъ или иныхъ массовыхъ дѣйствій пролетаріата, слѣдовало по ихъ мнѣнію прежде всего поставить вопросъ: способенъ и готовъ ли пролетаріатъ къ возстанію, которое должно быть непремѣннымъ слѣдствіемъ его массовыхъ выступленій — и воздерживаться отъ послѣднихъ, если пролетаріатъ казался недостаточно подготовленнымъ къ возстанію. Революціонную же готовность и сознательность рабочихъ большевики въ общемъ оцѣнивали однако такъ высоко, что съ этой стороны они не видѣли никакихъ препятствій даже для немедленнаго возстанія, и потому готовность къ возстанію они рассматривали преимущественно съ технической точки зрѣнія. Этой точкой зрѣнія опредѣлялся и бойкотъ, предлагаемый большевиками по отношенію къ выборамъ въ комиссію Шидловскаго, и проповѣдь воздержанія отъ частичныхъ кампаній пролетаріата вообще и отъ перво-майскаго уличнаго выступленія въ частности. Пролетаріатъ долженъ не растрчивать своихъ силъ въ мелкіхъ стачкахъ, а накопить ихъ ко дню генеральнаго сраженія, всенароднаго возстанія. Я не стану распространяться здѣсь о чрезвычайно характерномъ для всего мировоззрѣнія этого крыла социалдемократической партіи отношеніи къ захвату власти, къ вре-

менному правительству, диктатуре пролетариата и крестьянства, так как эти вопросы, хотя и имбли далекие на содержане агитации и пропаганды, но как *plac desideria*, далекие от практической жизни, эти тактические положения определяли лишь в слабой степени отношение большевиков к действительному рабочему движению того периода.

Меньшевистская группа в Петербурге, считая также неизбежным восстание, рассматривала его однако, как результат длительного процесса, цѣлаго ряда выступлений, в которых боевая способность и сознательность пролетариата постоянно растут вширь и вглубь. Хотя и у меньшевиков сильны были тенденции переоценивать революционность рабочих масс, но подготовку идеи неизбежности восстания, популярризацию этой идеи не только пропагандой и агитацией, но активным реагированием пролетариата на наиболее крупные события дня, постоянной поддержкой и расширением стачечного движения. Мы уже указывали на сильную педагогическую тенденцию в тактике меньшеинства. Она проявлялась и по отношению к стачечному движению: удачная стачка увеличивала боевую готовность рабочих, неудачная — научила их, что нужно вести борьбу против всего режима. Кроме того оба крыла социалдемократии расходились, как я уже говорил, по вопросам, касающимся дальнейшего хода русской революции, и, следовательно, меньшеинство вкладывало иное идейное содержание в свою агитацию и пропаганду.

Эти тактические разногласия, определяющие в особенности различное отношение к пролетарским выступлениям того времени, делали безрезультатными всякие попытки к соглашениям между большевиками и меньшевиками. Попытки эти делались несколько раз под влиянием как центрального комитета партии, так и под давлением рабочих низов, которые совершенно не разбирались в разногласиях и приписывали раскол лишь интеллигентским друзьям. Раз 2 образовывались федеративные комитеты из представителей большевистской и меньшевистской местных организаций с чрезвычайно скромными задачами, но каждый раз они быстро умирали, не принимая ни одного практического дела. Во всех этих попытках к примирению меньшевистская организация, впрочем, как более сильная, — обыкновенно шла гораздо дальше, предлагала выработать сообща практические лозунги, выпускать общие листки за подписью обеих организаций, открыто заявляла, что она рассматривает так же совместные действия, как подготовительные шаги для полного слияния, но в своих примирительных тенденциях не встрѣчала никакой взаимности. По мнению большевиков, слияние могло быть достигнуто лишь партийного съезда, которого они требовали уже давно; для соглашения же по техническим и узко практическим вопросам были достаточны, по их мнению, правильные сношения между отдельными районными организациями. При глубоком взаимном недоверии меньшеинки видели в последнем предложении лишь попытки большевиков добраться до «них» рабочих, чего ни в коем случае не следовало допустить. По существу меньшеинки были правы, так как

было непослѣдовательно отвергать соглашения между центральными петербургскими организациями и в то же время предлагать таковые между районами, но в этой боязни меньшеинков допустить своих фракционных противников к «своим» рабочим заключалось не только недоверие к большевикам, но еще больше недоверие к сознательности своих рабочих.

И сбывает действительное сознание, что партийные рабочие, за исключением лишь отдельных немногих единиц, были совершенно чужды всем разногласиям, которая разделяла оба крыла партии. В этом отношении «законосовещательный» принцип или принцип «осведомления» меньшеинков обнаружил свое полное банкротство. Несмотря на все искреннее желание руководящей группы действительно освободить рабочих по всем партийным вопросам, и тем самым внести идейное единство в «руководимую» ею организацию, это ей никогда не удавалось даже в самой отдаленной степени. К тому же оказалось, как уже было указано, что подпольная организация, начиная с извѣстных размеров теряет в единствѣ и планомерности своей деятельности то, что она выигрывает в своей величине. Когда районы разрослись, оказалось очень скоро, что у меньшеинства в Петербурге была не одна организация, а, как тогда говорили, «федерация районных организаций». Каждая районная организация жила своей собственной, лишь в слабой степени связанной с центром самостоятельной жизнью. Несмотря на запрет, районы вынуждены были издавать свои районные листки на всякую тему, особенно когда стало ясно, что центральная организация не в состоянии обслужить все свои ячейки. Планы занятий в кружках в каждом районе выработывались совершенно самостоятельно и резко отличались друг от друга в разных районах. Мало того. В больших районах даже отдельные подразделения вели свою работу самостоятельно. В особенности широко разбросанный городской район в этом отношении представлял невнятную путаницу. В одних кружках интеллигент-агитатор читает рабочим для назидания рассказы и драмы Горького, в другом передает в популярном изложении только что прочитанные переводчики из «Сына Отечества» и «Нашей Жизни», в третьих — проповѣдует, что с падением самодержавия всем рабочим будет положен конец и т. д. Само собой разумеется, что по вопросам, составляющим предмет прений в партийной литературе, как то о временном правительстве, о ближайшей диктатуре пролетариата и крестьянства и другие, внутри организации существовали самые противоположные воззрения, так как и в самой центральной группе были представлены разные течения, и районы по большей части отражали взгляды своих организаторов.

Таким образом подтвердилось, что подпольный мир может существовать лишь при крайне ограниченных рамках своего количественного роста; как только он разрастается, он начинает дезорганизовываться. Центральная группа предприняла ряд мер для того, чтобы укрепить идейную связь между отдельными частями организации. Делается попытка устроить лекции по тактическим вопросам для наиболее выдающихся рабочих всех районов. Создается между

районные собрания, т. е. собрания из представителей всех районов, для совместного обсуждения вопросов, причем характерно, что представители эти должны были не выбираться представляемыми ими организациями, а снова быть подобранными организаторами. На этих собраниях читаются доклады о тактических взглядах группы по волнующим в то время партию вопросам. Прения обнаруживают указанную мной разнородность, но проходят очень живо. После собрания у его участников опять возникает однако вопрос о практической ценности решений междурайонных собраний на тактику группы. Представители районов не хотят довольствоваться ролью аудитора для ораторов группы, они желали бы практических результатов своих обсуждений. Законосовещательная учреждения перестают окончательно удовлетворять партийную периферию и партийные низы. Другая начинания меньшевистской группы наталкиваются на совершенно противоположного характера протесты одной части интеллигентской периферии, указывающей меньшевистской руководящей организации на то, что она превисла свои права и полномочия по отношению к общепартийным центральным учреждениям. Этот протест возник по поводу решения центральной группы издавать местный орган. Для внесения большего единства во всю организацию, а также для расширения своего влияния во внепартийных рабочих кругах, центральная группа приняла решение приступить к изданию небольшого печатного органа. Когда это решение было доведено до сведения агитаторской коллегии нарвского района, оно восприняло возражения, явившиеся отголоском еще первоначальных «Искровских» тенденций. Группы указывают на всю опасность, которой издание специально петербургского органа грозит чистоту социалдемократических принципов, восстанавливаются старые сектантские жупелы о признающем влиянии повседневной борьбы и о необходимости существования органа вдали от поля битвы, который, далекий от соображений жизни, один в состоянии с достаточной принципиальной выдержанностью руководить партийной работой. Этот невзвешанный факт заслуживает тем большего внимания, что он имел место уже послѣ 9 января, послѣ кампании по поводу комиссии Шидловского и послѣ целого ряда попыток социалдемократической организации вмешаться и получить влияние на движение более широких пролетарских масс. Все это не могли однако окончательно заглушить сектантского страха перед жизнью, столь присущего всякой заговорщической подпольной организации.

Таким образом внутри меньшевистской организации amidst с ее ростом все более развиваются подтачивающие ее силы; она особенно усилилась, когда в март и апрѣль на первую очередь выдвигается вопрос о партийном съезде. Мы на нем остановимся несколько подробнее, так как он рельефно раскрывает массу противоречий, которая заполнила жизнь социалдемократической организации.

Извѣстно, что не успѣла партия сорганизоваться на своем втором съезде в 1903 году, как одним из наиболее жгучих вопросов ее партийной жизни, являлось раздора между фракциями създана борьба за съезд. И в описываемом нами 1905 году эта

борьба никогда не сходила с порядка дня. В это время все общепартийные центральные учреждения, центральный комитет, центральный орган «Искра» и совет партии находились в руках меньшевиков и все попытки большевиков создать третий съезд терпели крушение. Благодаря упорному сопротивлению центральных учреждений.

В 1905 году большевистская организация, не порвав формально с партией, объединилась в отдельную общую организацию, выбрали своей объединяющей орган, который назывался «Бюро комитетов большевистства» и решили общими силами добиваться съезда. По их требованию центральный комитет поставил на обсуждение всех организаций вопрос о ближайшем созыве съезда. Петербургская центральная группа высказалась за отсрочку съезда, мотивируя свое мнение създующими соображениями. Желая, чтобы в результате съезда произошло действительное объединение, они рекомендуют, чтобы съезду предшествовала совещательная партийная конференция, которая подготовила бы порядок дня съезда. Кроме того, для более правильного представительства партийных организаций на съезде, а также для сближения обоих течений на самой работѣ, группа рекомендовала, чтобы за мѣсяц до съезда отъѣзды, конкурирующия фракционная организации одного и того же города были распушены и слились в одну организацию, которая пошлетъ отъ себя своих представителей на съезд въ соответствии съ реальным соотношением сил обоих течений. При обсуждении вопроса о съезде произошел характерный инцидентъ, показавший насколько въ партии непопулярны даже непоследовательный демократизм. Один член группы предложил, чтобы къ мотивамъ, дѣлающимъ необходимой отсрочку общепартийного съезда были присоединены еще създующие «Группа высказывается за отсрочку еще потому, что необходимо, чтобы на ближайшемъ съезде въ противоположность второму, были представлены не одни комитеты, не высшяя организация или даже отъѣзды лица, а все партийныя организации. Поэтому порядокъ дня съезда долженъ предвзвѣтно обсуждаться подробно во всехъ партийныхъ низахъ, мнение ихъ должны регистрироваться и доводиться до сведения съезда. Только в этомъ случаѣ съезд приметъ свои решения на основании точнаго знания общепартийнаго мнѣния и будетъ его истиннымъ выразителемъ». Группа сначала хотѣла снять предложение съ очереди, какъ «нѣчто само собой разумеющееся», но въ виду категорическаго требованія внесенаго предложения проголосовать его, оно было принято только безъ историческаго его освѣщенія, т. е. безъ отрицательнаго отзыва о второмъ съезде. Какъ это, принятое положение, было применено, будетъ показано ниже.

Не успѣло однако кончиться в организации голосование по вопросу о созывѣ съезда, какъ произошли обстоятельства, сильно ускориливши этотъ созывъ. Въ Москвѣ былъ арестованъ почти целиком центральный комитетъ партии и благодаря этому создалось чрезвычайно характерное и поучительное положение дѣлъ. Могло показаться, что злая шутница—история хотѣла довести аналогию между надпольной и подпольной бюрократіями даже до второстепенныхъ подробностей. Послѣ ареста уцѣлѣлъ лишь одинъ членъ центрального комитета,

но этот единственный член имѣлъ по конституціи партіи право коопировать весь остальной комитетъ по своему усмотрѣнію. Отъ него одного зависѣла такимъ образомъ составъ партійнаго министерства. А права этого министерства очень обширны. Достаточно будетъ указать что центральный комитетъ выступаетъ, какъ постоянный законный и полномочный представитель партіи. Онъ имѣетъ право издавать отъ имени партіи литературу и даже агитационные листки съ практическими дозугами, и отказъ отъ ихъ распространѣнія мѣстной организаціей равносильно нарушенію партійной дисциплины. Въ мартѣ 1905 года напр., центральный комитетъ принималъ участіе въ конференціи россійскихъ национальныхъ социалдемократическихъ партій, не привлекая къ предварительному обсужденію вопросовъ конференціи ни одной мѣстной организаціи, и безъ ихъ вѣдома отъ имени партіи заключалъ договоры и бралъ на себя обязательства. Такая вліятельная организація, какъ петербургская центральная группа, узнала о конференціи лишь изъ печати, и принятыя на ней резолюціи были для нея уже fait accompli, непреложнымъ рѣшеніемъ. И такіе методы дѣйствія практиковались комитетомъ, болѣе демократическаго въ принципѣ меньшевистскаго направленія, несмотря на его позицію, имѣвшую сознваемую, оторванность отъ практической работы на мѣстахъ какъ нѣчто, совершенно естественное и само собой разумеющееся. И вотъ оказалось, что составъ этого руководящаго, имѣющаго формально рѣшающее вліяніе на общепартійную политику органа зависѣлъ отъ доброй или злой воли, отъ плохого или хорошаго разумія одного лишь человѣка, и это въ такое время, когда внутри партіи боролось два теченія, имѣвшія совершенно противоположныя воззрѣнія по основнымъ вопросамъ партійной тактики. И опять таки злорадному року угодно было, чтобы этотъ единственный вершитель судебъ партійной политики представлялъ собою особу, отличающуюся неустойчивостью, неуверенностью и шатаніями въ разныя стороны, между обоими теченіями. Само собой разумеется, что это стultz важную партійную особу съ фракціи пытались всѣми силами привлечь на свою сторону, и приобрести на нее вліяніе. И какъ будто для того, чтобы даже стлпому до очевидности доказать всю ненормальность и карикатурность создавающагося въ партіи положенія дѣлъ, въ упомянутой борьбѣ обихъ фракцій за вліяніе на надѣленного неограниченными полномочіями партійнаго человѣка, побѣдилъ большинство, т. е. не то теченіе, которое представляло партію до того времени. Такимъ образомъ по волѣ одного человѣка сразу мѣняется официальная руководящая политика социалдемократической партіи, поскольку она опредѣляется ея центральнымъ комитетомъ. Въ наиболее спорныхъ, злободневныхъ вопросахъ партійной тактики, по вопросамъ о захватѣ власти, о временномъ правительствѣ, а также по вопросу о первомайскомъ празднованіи, официальное мнѣніе партіи, представленное ея центральнымъ комитетомъ, сдѣлало оборотъ въ 180 градусовъ, и стало приближаться къ большевизму или, по крайней мѣрѣ, къ «болоту» (Троцкій и ему подобные). Центральный комитетъ также мѣняетъ свое мнѣніе о партійномъ съѣздѣ и рѣшаетъ его немедленный созывъ.

Петербургской меньшевистской организаціи пришлось, такимъ образомъ, немедленно начать готовиться къ съѣзду, и тутъ ей представался прекрасный случай доказать, какъ она практически приѣмлетъ въ столь важномъ для партіи вопросѣ свой «законосоудительный» принципъ, и какъ она расчитываетъ провести въ жизнь принятое ею положеніе, что съѣздъ долженъ представлять не одинъ руководящій учрежденіе, а всѣхъ организованныхъ партійныхъ членовъ. Подготовка къ съѣзду однако показала, что когда нѣтъ въ реальной, кроющейся въ самомъ содержаніи работы, почвы для широкаго развитія самодѣятельности массъ партійныхъ членовъ, всякія, даже лучшія, пожеланія остаются на бумагѣ. Обсужденіе вопросовъ порядка дня съѣзда происходило лишь въ мѣстной центральной группѣ, отчасти оно было перенесено въ интеллигентскія агитаторскія группы. Что же касается партійныхъ рабочихъ, то до нихъ доходили лишь обрывки свѣдѣній какъ о самомъ съѣздѣ, такъ и о подлежащемъ его обсужденію вопросахъ. Приходило впрочемъ признаться, что большая часть этихъ вопросовъ была совершенно чужда массѣ партійныхъ рабочихъ и врядъ ли предварительное обсужденіе этихъ вопросовъ послѣдними въ чемъ либо замѣтно измѣнило бы принятыя группой рѣшенія. На самыхъ рѣшеніяхъ я здѣсь не буду останавливаться, они въ общемъ совершенно совпадаютъ съ опубликованными резолюціями меньшевистской конференціи. Замѣчу лишь, что они обнаруживаютъ стремленіе бороться съ поднимшимъ въ партіи голову бланкизмомъ и жюкинизмомъ, порвать съ кружковымъ характеромъ партіи и распространить свою работу на начавшееся профессиональное движеніе, а въ организационномъ отношеніи—похвальное желаніе ввести въ партію возможно больше демократизма.

Но насколько эти рѣшенія были лишь «отъ уша», насколько дѣятельная практика организаціи этому противорѣчила, насколько и меньшевистское теченіе было дѣйствіемъ проникнуто болѣзнями заговорщической организаціи, показываетъ рядъ практическихъ мѣръ, принятыхъ, наряду съ хорошими теоретическими рѣшеніями, той же меньшевистской петербургской организаціей,—мѣръ предназначенныхъ для усиленія на съѣздѣ во что бы ни стало меньшевистскаго представительства и для болѣе успѣшной борьбы съ большевиками. Въ виду того, что большевистскія организаціи выступали на съѣздѣ тѣсно сплоченными и объединенными, въ группѣ было предложено разослать делегатовъ по всей Россіи въ меньшевистскія организаціи для того, чтобы сговориться съ ними о тактикѣ на съѣздѣ, сорганизоваться въ одинъ блокъ на съѣздѣ, и стараться получить возможно больше мандатовъ. Это называлось громкимъ терминомъ «организаціи меньшевистскаго общественнаго мнѣнія». Напрасно отдѣльные члены группы указывали на то, что если приходится идти на съѣздъ, то это слѣдуетъ дѣлать не для того, чтобы снова превратить его въ арену борьбы между двумя фракціями, раздѣленными не только теоретическими разногласіями, но и продолжительной, наполненной безконечнымъ рядомъ личныхъ трений и драгъ, взаимной борьбой. Напрасно указывалось группѣ на то, что рядъ новыхъ вопросовъ, возникшихъ въ эпоху революціоннаго подъема, вызвалъ среди социал-

демократов гораздо более глубокия принципиальная разногласія, которая не соответствуют прежнему организационному делению на большевиков и меньшевиков. Если бы эти вопросы были поставлены на съезд перед делегатами, не сплотившимися раньше в правящие блоки, действующие и голосующие по предварительному соглашению, какъ одинъ человекъ, пренія по этимъ вопросамъ были бы действительно полезны и служили бы отражениемъ существующихъ среди массы социалдемократическихъ работниковъ воззрѣній; и если бы оказалось, что въ партии действительно существуютъ непримиримыя разногласія, и расколъ былъ бы неизбеженъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, произошелъ бы на принципиальной почвѣ, «организация же общественного мнѣнія» фракціи способна лишь исказить характеръ преній, фальсифицировать действительное партийное общественное мнѣние и ввести принципиальныхъ разногласій на первый планъ, выдвинуть старья, наболѣвшія, и порой позорныя, партийныя язвы. Тѣ же одиночьи голоса указывали группѣ, что погоня за мандатами не только сама по себѣ довольно нечистоплотная вещь, но находится въ рѣзкомъ, кричащемъ противорѣчій съ хотя и слабыми, но все же демократическими тенденціями меньшинства. что лицо съ «пойманнымъ» мандатомъ, можетъ представлять лишь само себя, но отноудь не организацию, имъ представляемую, что это есть замѣстительство самого сквернаго пошиба. Всѣ эти голоса оказались однако «гласомъ вопиющаго въ пустынь». Послѣ остроумнаго замѣчания одного изъ «лидеровъ» группы, что о погонѣ за мандатами не говорить, но ее практикуютъ, рѣшено было послать делегатовъ по Россіи, чтобы въ теченіе одной недѣли, оставшейся до поѣздки на съездъ, «организовать общественное мнѣние», а главное, чтобы ловить мандаты, что отчасти и удалось.

Хотя всѣ эти подробности были лишь мало извѣстны широкой массѣ членовъ партии, но самый способъ обсуждения вопросовъ съезда одной лишь центральной группой, при полномъ игнорированіи партийныхъ низовъ, способно было лишь усилить оппозицію меньшинсткихъ низовъ, которые объединялись требованіями демократическаго строенія партии. Подготовка къ съезду доставила обильный матеріалъ оппозиціи для критики «законосовѣщательнаго» принципа, для иллюстраціи всей его демократической иллюзорности и безсодержательности и для обвиненія меньшевистской руководящей организациі въ неискреннемъ отношеніи къ проповѣдуемому ею, для одной лишь видности, демократическимъ симпатіямъ. Съ этого времени начинается процессъ объединения и формирования оппозиціи, оппозиціонные элементы разныхъ районовъ начинаютъ сговариваться о принятіи общихъ шаговъ для давленія на руководящія сферы партии. Такъ какъ оппозиція эта состояла изъ довольно разнообразныхъ и даже противорѣчивыхъ элементовъ, и объединялась лишь требованіемъ организационнаго демократизма, то послѣднее придавала громадную роль и рѣшающее значеніе въ дѣлѣ оздоровленія партии. Основныя причины ея сектантскаго, заговорщическаго и порой кликообразнаго характера, — подпольность организациі, одностороннее содержаніе ея работы и определяемая этимъ оторванность ея отъ массы, — для оппо-

Въ виду этого повсюду констатированнаго подъема настроенія, центральная группа и выработала очень широкій и подробный планъ празднованія. Предполагалось, что рабочіе всякаго района будутъ созваны специальными листками на определенное мѣсто, такимъ мѣстъ для всего Петербурга было указано семь, и въ случаѣ, если районныя митинги или демонстраціи пройдутъ удачно, всѣ рабочіе должны будутъ направиться на одно мѣсто, чтобы закончить майское празднованіе одной общепетербургской демонстраціей. Въ каждомъ районѣ такъ же подробно обсуждалась программа дѣйствій, для защиты отъ полиціи назначались районныя вооруженныя дружины, причемъ, по обыкновенію, оружія оказалось крайне мало, подобраны были районныя штабныя квартиры, куда должны были стекаться свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ районѣ, была назначена для всего Петербурга квартира генеральнаго штаба, куда должны были быть направлены свѣдѣнія изъ всѣхъ районовъ и откуда долженъ былъ исходить сигналъ для общей мобилизаціи всѣхъ рабочихъ кадровъ на общую манифестацію. Назначены были также районныя начальники, командированы штабныя велосипедисты для развозки свѣдѣній, были подобраны выработаны агитаторскія рѣчи въ видѣ «концентрическихъ круговъ», т. е. въ виду полной неизвѣстности, сколько можетъ продолжаться рѣчь до разгона собранія, она должна была быть построена такимъ образомъ, чтобы отдѣльныя части ея представляли вполне законченное цѣлое, наизбѣжны, наконецъ, ораторы для каждаго района, словомъ планъ кампаніи былъ разработанъ тщательно и детально.

Наступилъ день перваго мая, прогрессивныя легальныя газеты посвятили ему передовицы, полиція приняла надлежащія мѣры, мы всѣ, руководители, съ своей стороны приготовились, кто къ аресту, а кто къ разстрѣлу и... социалдемократическая организациія потерѣла небывалое даже въ ея исторіи поражение. Вслѣдствіи писали, что на улицѣ *были лишь организованые рабочіе*, но на основаніи моихъ наблюденій въ двухъ районахъ и свѣдѣній, полученныхъ изъ остальныхъ районовъ, *я рѣшился утверждать, что и эта цифра крайне низко оцениваетъ участіе стравдѣвъ еще излишнимъ преувеличеніемъ*. Въ городскомъ районѣ напр., вышла лишь небольшая часть организованныхъ рабочихъ, главную же «массу» участниковъ «выступленія» составляли интеллигенты и интеллигентки, выполнявшіе въ партии техническія функціи и ихъ знакомые. Приблизительно тоже было и на Васильевскомъ островѣ. Во всемъ Петербургѣ *въ майскою выступленіемъ принимало участіе тысяча полторы человекъ, изъ которыхъ около половины было не рабочихъ*.

Послѣдствіе этого неслыханнаго пораженія были, какъ и слѣдовало ожидать, очень благодѣтельныя, если не для дальнѣйшихъ судебъ партии, то для всего рабочаго движенія. Неудача оказалась столь сильно дѣйствующимъ средствомъ, что отмахнуться отъ нея звонкими успокоительными фразами было не легко. Она заставила всѣхъ, какъ оппозицію, такъ и руководящія партийныя сферы Петербурга, подвергнуть коренному пересмотру всѣ свои «партийныя цѣности». Часть болѣе видныхъ партийныхъ рабочихъ не только была глубоко разочарована, но прямо возмущена неудачей партии. И это возмущеніе

выражалось в таких формах, которые указывали, что в своих взглядах на партию ее члены-рабочие не далеко ушли от всего петербургского пролетариата. Масса петербургских рабочих, сочувственно слушающая социалдемократических ораторов и охотно читавшая социалдемократические листки, смотрела на партию, как на нечто очень хорошее, самоотверженное и рабочелюбивое, но считала ее не своими родным рабочим делом, а чужим, интеллигентским. Она крайне интересовалась партийными лозунгами, очень часто их одобряла, но вместе не считала необходимым активно участвовать в их проведении. Рабочие были искренно убеждены, что партия сдѣлает 1-го мая нечто большее и хорошее для нея, и сотнями развѣзжала на имперіалах конюк по городу для того, чтобы любоваться сражением, которое социалдемократическая партия даст самодержавию, причем им даже в голову часто не приходило, что ходъ и результат сражения зависит от их активного участия в нем. Когда первомайское сражение не состоялось за отсутствием дѣйствующих армій, рабочие смѣшались надъ партией, обманувшей их надежды и надъ собственнымъ легковѣріемъ. «Партия разсказала имъ небывлицы о своемъ могуществѣ, и они, дураки, ей повѣрили. И подобное отношеніе къ первомайскому поражению, такой же злорадный смѣхъ былъ не только у массы безпартийныхъ рабочихъ, онъ встрѣчался и у рабочихъ старухъ членовъ партии. Последніе злились на своихъ агитаторовъ за то, что тѣ «наврали» имъ, увѣривши, что партия приведетъ съ собой массы на первомайское уличное выступленіе. Были и такіе рабочіе, которые приписывали неудачу недостаточному вооруженію, но главная масса партийныхъ рабочихъ и эту неудачу, какъ и всѣ бѣды партии, продолжала объяснять преобладаніемъ интеллигенціи въ партии и отсутствіемъ въ ней демократичности и самодѣятельности рабочихъ. Всѣ оппозиціонные рабочіе Петербурга начинаютъ послѣ этого регулярно собираться для обсужденія и критики партийныхъ дѣлъ и для изысканія средствъ разрѣшенія партийнаго кризиса. Число участниковъ этихъ обсуждений росло съ каждымъ собраніемъ, вести дальше работу въ прежнемъ направленіи стало невозможнымъ, и центральная группа должна была вступить въ переговоры съ оппозиціей. Впрочемъ и въ самой центральной группѣ подъ влияніемъ тѣхъ же событий въ это время начался также коренной пересмотръ методовъ работы. Пишущій эти строки былъ посланъ центральной группой въ качествѣ ея представителя на одно собраніе оппозиціонныхъ рабочихъ, и ему пришлось выслушать не мало горькихъ истинъ по адресу «интеллигентской» партии. Собраніе происходило въ дѣсу. На немъ присутствовало около 70—80 наиболее выдающихся петербургскихъ партийныхъ рабочихъ. Все собраніе велось въ такомъ раздраженномъ, нетерпимомъ духѣ, наполнено было такой атмосферой недоверія къ партийнымъ руководителямъ и свидѣтельствовало о такой массѣ накопившейся у ее участниковъ злобы по отношенію къ своей партии, что для меня еще до сихъ поръ остается неразрѣшимой загадкой, какъ партийная организація могла столько времени существовать и дѣйствовать безъ сравнительно крупныхъ трений. Какъ я уже неоднократно указывалъ, не-

довольство оппозиціи было направлено въ разныя и часто противоположныя стороны. Но одинъ мотивъ заглушалъ всѣ остальные: мы желаемъ быть хозяевами въ нашей рабочей партиі, мы не желаемъ исполнять въ ней однѣ техническія функціи. Пора положить конецъ кумовству, свиншему себѣ гнѣздо въ партиі, при которомъ интеллигенты легко дѣлаютъ въ ней карьеру. Единственнымъ выходомъ изъ создавшагося позорнаго положенія партиі—это реорганизація ея на демократическихъ началахъ. Выборное начало должно быть положено въ основу всей партийной организаціи сверху до низу».

Когда я попытался объяснить, что будучи приверженцемъ демократизма и рекомендую его немедленное введеніе, я все-таки не могу въ отсутствіи его видѣть основную причину всѣхъ партийныхъ золь вообще и послѣдней неудачи въ частности, что, по моему мнѣнію, организація есть элементъ производный и является лишь продуктомъ содержанія всей работы организаціи; когда я старался развить ту мысль, что самодѣятельность рабочихъ можетъ найти себѣ поле для своего развитія лишь въ широкой рабочей партиі, вѣдающей всѣ формы классовой борьбы, и совершенно неосуществима для большихъ круговъ рабочихъ въ такой односторонней и бѣдной содержаніемъ своей дѣятельности партиі, каковой до сихъ поръ являлся социалдемократія въ Россіи, мнѣ отвѣтили, что все это, быть можетъ, и вѣрно, но что раньше, чѣмъ говорить о содержаніи дѣятельности партиі, слѣдуетъ построить само ее зданіе. Вслѣдствіи участника собранія мнѣ сознались, что на мои слова тогда смотрѣли лишь какъ на ловкій приемъ отвлечь вниманіе рабочихъ отъ наиболее интересующихъ ихъ насущныхъ вопросовъ въ другую сторону. Культивировавшееся въ партиі въ теченіе долгихъ лѣтъ недоверіе къ рабочимъ приносило свои плоды въ видѣ такого же недоверія къ ихъ стороны къ партиі. Въ результатѣ собранія была единогласно принята резолюція, требующая проведенія въ партиі выборнаго начала.

Не стану я описывать еще массы другихъ характерныхъ для создавшихся въ партиі отношеній индивидовъ, имѣвшихъ мѣсто на этомъ собраніи. Безъ сомнѣнія, много несправедливаго было высказано на немъ по адресу партийной интеллигенціи, очень часто то, что составляеть ея бѣду, было поставлено ей въ вину, то, что по необходимости вытекало изъ неестественнаго ея положенія въ качествѣ руководящаго элемента чужой ей по интересамъ и психологіи партиі, приписывалось сознательно эгоистическимъ мотивамъ, соображеніямъ, продиктованнымъ честолюбіемъ и желаніемъ командовать. Но рабочихъ не могло не шокировать прежде всего и больше всего то, что въ партиі, называвшей себя пролетарской, претендовавшей на роль руководителя рабочаго класса въ его борьбѣ, поставившей своимъ девизомъ слова «освобожденіе рабочаго класса есть дѣло самаго рабочаго класса»,—во всѣхъ ея руководящихъ органахъ засѣдаютъ почти исключительно интеллигенты, на сѣздахъ судьбы партиі, ея принциповъ и тактику опредѣляютъ интеллигенты, даже въ качествѣ главы каждой районной организаціи назначается интеллигентъ. «Какъ только у насъ создается въ районѣ организація, говоритъ на упомянутомъ собраніи одинъ рабочій, къ намъ немедленно посылается откуда-то

интеллигент-царь. Безспорно, есть у нас в отдаленных районах и добрые люди, но за то есть и такие, которые нам пикнуть не дадут. Но нам не нужно ни добрых, ни злых царей, мы сами желаем править в своей партии, и мы должны завести в ней свои порядки. Пусть интеллигенты, которым они будут по душам, работают у нас в партии, а остальные пусть уйдут от нас, им же мѣсто в нашей партии».

Съ этихъ общихъ собраний петербургскихъ рабочихъ оппозиція перекинулась въ отдаленные районы и партийной работѣ грозила полная остановка. Вновь назначенный в нарвскомъ районѣ организаторъ не былъ признанъ таковымъ рабочей районной группой не изъ личнаго недоброжелательства къ нему, а потому, что она отказывалась признавать какія либо должности, кромѣ выборныхъ.

На Васильевскомъ островѣ чрезвычайно популярный организаторъ натолкнулся на нежеланіе районнаго собрания выслушать отчетъ о меньшевистской конференціи. Намъ-то что, за дѣло до того, что вы толковали на вашей конференціи,—услышавъ оны,—мы не одобжали вопросовъ конференціи и потому мы и не признаемъ ее своей». Въ выборскомъ районѣ одолбленность наиболее передовыхъ рабочихъ противъ своей организациі достигла такихъ размѣровъ, при которыхъ не только общая работа, но и всякія переговоры становились совершенно немисляемыми.

На ряду съ этой, хотя и объединенной общимъ организационнымъ требованіемъ, но въ общемъ довольно безтолковой, не глубокой и принципиально не единой оппозиціей, начинаютъ пробиваться среди членовъ социалдемократической организациі болѣе опредѣленные течения, которымъ пережитая неудача диктовала менѣе поверхностныя заключенія о прошломъ партиі и о ближайшихъ ей задачахъ. На агитаторскомъ собраніи городского района, послѣ долгихъ преній, обнаружилось, что въ партиі сохранилось не мало элементовъ, окончательно безнадѣжныхъ, для которыхъ исторія не писана, и которыхъ никакія событія ничему не могутъ научить, была принята слѣдующая резолюція, требующая значительнаго расширенія всего содержанія партийной работы: «Неудача празднованія перваго мая въ нынѣшнемъ году показала разобщенность между партийной организацией и рабочей массой. Этотъ печальный фактъ заставилъ собраніе агитаторовъ городского района болѣе подробно остановиться на методахъ нашей работы. Обсудивъ этотъ вопросъ собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ: 1) До сего времени борьба пролетаріата за свои непосредственныя нужды велась при слабомъ участіи социалдемократіи, отрянувшейся благодаря этому отъ жизни широкихъ массъ. 2) Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обеспечиваетъ партиі достаточнаго участія въ общеклассовой борьбѣ и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой, партиі, какъ нелегальной организациі, послѣдней необходимо взять въ свои руки веденіе рабочими профессиональной борьбы на массовой почвѣ, строго связывая эту борьбу съ социалдемократическими задачами. 3) Для этой цѣли партиі необходимо не только принимать самое дѣятельное, непосредственное участіе въ существующихъ уже профессиональныхъ

союзахъ, кассахъ и т. п., но и брать на себя инициативу въ дѣлѣ созданія такихъ организациі, дающихъ возможность объединить болѣе широкія массы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ. 4) Въ связи съ этимъ собраніе считаетъ нужнымъ подчеркнуть настоятельную необходимость слѣвать новые дальнѣйшіе шаги по пути демократизаціи нашей партиі, обеспечивающей большую самостоятельность ея членовъ».

Эта резолюція встрѣтила сочувственный пріемъ какъ въ центральной группѣ, такъ и въ отдаленныхъ районахъ. Оторванности партиі отъ массы, заговорщицкой, кружковой характерѣ ея организациі и необходимость опереться на широкіе рабочіе союзы, ведущіе классовую борьбу пролетаріата во всѣхъ ея видахъ, находить все болѣе признаніе въ рядахъ партиі. Петербургская социалдемократическая организациі, которая до того времени совершенно игнорировала начавшееся среди рабочихъ организационное движеніе на экономической почвѣ, начинаетъ имъ интересоваться и во многихъ районахъ беретъ на себя инициативу въ дѣлѣ организациі профессиональныхъ союзовъ. Отдѣльные члены принимаютъ участіе въ организовываемся тогда союзѣ печатнаго дѣла, партийная организациі способствуетъ созванію собраний часовщиковъ, рабочихъ по обработкѣ дерева, шапочниковъ, сапожниковъ, и нѣкоторые члены ея отделяются всецѣло работѣ въ профессиональныхъ организацияхъ рабочихъ. На собраніи наиболее передовыхъ рабочихъ семанковскаго завода членомъ центральной группы прочитывается рефератъ о цѣляхъ и задачахъ заводской кассы и обсуждаются практическія мѣры, необходимыя для ея созданія на указанномъ заводѣ. Дѣло доходитъ даже до того, что члены группы вмѣстѣ съ рабочими Обуховскаго завода подробно обсуждаютъ планъ образованія союза обуховскихъ рабочихъ на основѣ существовавшей на заводѣ «лампадной кружки».

Послѣдняя должна была служить поводомомъ для распространенія среди рабочихъ идеи превращенія добровольныхъ и случайныхъ пожертвованій въ «кружку» въ регулярныя взносы, и для попытки расширенія задачъ «лампадной кассы» за предѣлы одной лишь покупки масла до широкихъ задачъ заводскаго рабочаго союза. Обсуждается также возможность сдѣлыванія рабочихъ на заводахъ вокругъ ихъ старости. Вносятся также значительная перемена въ содержаніе агитационныхъ рѣчей. Такъ въ городскомъ районѣ созывается собраніе всѣхъ болѣе или менѣе сочувствующихъ социалдемократіи рабочихъ для совместнаго обсужденія дальнѣйшихъ задачъ партиі. На собраніи, на которомъ присутствовало 150—180 рабочихъ, произносятся не обычные для массовыхъ значивающія рѣчи, а наоборотъ самымъ недипломатическимъ образомъ раскрываются всѣ недочеты партийной дѣятельности и партийной организациі, и проводится мысль, что лишь партиі, объединяющая широкія рабочія массы и тѣсно связанная со всѣми формами классовой борьбы пролетаріата, имѣетъ право называться социалдемократической и рабочей. Въ заключеніе вслѣдъ рабочимъ, участвовавшимъ на собраніи, предлагается совместными силами обсудить вопросъ о дальнѣйшей постановкѣ партийной работы; все собраніе избираетъ также представителей на обще-городское собраніе оппозиционныхъ рабочихъ, о которомъ я говорилъ.

Во всѣхъ этихъ планахъ и благихъ пожеланіяхъ было безъ сомнѣнія мало опредѣленности, но они обнаруживаютъ рѣзкую перемену въ настроеніи социалдемократическихъ круговъ, признаніе необходимости покончить съ ненормальнымъ положеніемъ рабочей партіи далекой отъ общественныхъ интересовъ и борьбы пролетариата. Довольно ярко изображаетъ настроеніе руководящей центральной группы одинъ изъ ея членовъ въ своемъ письмѣ въ «Искру», посланномъ нѣдѣлю 3 послѣ перво-майской неудачи, «Обычный типъ нашей политической организаціи,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—центральный кружокъ на заводѣ, стремящійся нѣмѣтливо возможно больше кружковъ по образу и подобию своему, только качествомъ ниже. Работая кружками, мы заранее исключаемъ эту возможность охватить широкие круги пролетариата (дѣсткую тысячу по кружкамъ не размѣстится!) Признавая методовъ работы—твореніе возможно большаго числа политическихъ кружковъ, стремясь выдѣлѣть изъ нихъ всякаго улавливаемого нами рабочаго, мы отрываемъ его отъ массы, отъ ея жизни и даже какъ бы проповолоставляемъ ей. Не лучше слои рабочихъ двигаются въ наши организаціи, а просто знакомые нашихъ рабочихъ. Въ нашихъ кружкахъ можно только учиться (и то плохо!) Потребности въ активной работѣ они не удовлетворяютъ. И хорошие рабочие гапоновцы (соц.-дем.) говорятъ: «зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю». Дѣйствительно идти затѣмъ, чтобы «числиться за организаціей»—не велика штука. Въ итогѣ у насъ преимущественно самый молодой, самый не вліятельный элементъ среди рабочихъ. «У васъ все молодятникъ» говорилъ рабочий гапоновецъ, «вы его раскалиете, а онъ васъ, а масса на рабочую партію, которая должна бить ея, смотритъ какъ на чужую, которая со стороны ей что-то хорошее хочетъ сдѣлать.» И дѣйствительно, масса напряженно ожидала перваго мая, предвѣдая что-то большое и хорошее для себя, но не отводя себѣ въ этомъ активной роли. И къ нашимъ митингамъ, разъ мы ихъ не связываемъ, такъ или иначе, съ активностью массы, съ дилетантствомъ къ нимъ интересомъ, отношеніемъ подчасъ, какъ къ какому-то занимательному перерыву въ работѣ. «Прилетѣтъ интеллигентъ на заводѣ» говорилъ адуничевый рабочий-социалдемократъ городского района, «прокричитъ всѣ свои «долгой», и мы покрываемъ, и уйдетъ. А намъ нужно не это; что вообще «долгой»—извѣстно, а надо обсужденіе всего, разборъ всей жизни.» И рабоче такъ показали, что они не считаютъ себя связанными сочувственными кликами на митингахъ: вѣзды и не вышли перваго мая. Какъ разбить рамки кружковщины, какъ измѣненіемъ методовъ работы привлечь всѣ лучшие элементы рабочаго класса? Группа, не договорившись пока подробно, выдвигаетъ *иниціативу социалдемократовъ въ область профессиональныхъ организацій рабочихъ*. Явочнымъ порядкомъ оснуетъ рабоче союзы, заводскія кассы и т. п.; изъ демократическихъ организацій дамъ рабочей массы выдвинуть своихъ вожаковъ, удовлетворилъ ихъ потребность въ активной борьбѣ; свяжемъ наши митинги съ предложеніями объ основаніи обществъ рабочихъ для борьбы за свое экономическое, политическое и духовное освобожденіе; серьезной постановкой руководства профессиональной борьбой, необходимостью объединенія для ко-

торой уже сознана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собой не хаотическое собраніе полусознательныхъ, просто революціонно настроенныхъ рабочихъ, а слюченіе рабочихъ-социалдемократовъ, организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихся профессиональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ.»

Трудно въ настоящее время опредѣлить, каково было бы дальнѣйшее естественное развитіе партійной организаціи и работы въ Петербургѣ, если бы оно не было внезапно прервано, хотя и нормальными въ Россіи, но посторонними причинами. Удалось-ли бы ей выбраться на торную дорогу среди той массы плановъ и мѣробріятій, которыми изобилвала тогдашняя жизнь всѣхъ мѣстныхъ партійныхъ организацій и которая всѣ были проникнута однимъ стремленіемъ:—связаться возможно тѣснѣе съ рабочей массой? Или старье, заговорщикіе, подпольные консервативные навыки и традиціи вѣзды бы снова верхъ и опять потянулась бы старая кружковая, бѣдная содержаниемъ реальная дѣятельности и богатая фразеологіей, интеллигентская партійная дѣятельность? Трудно въ настоящее время дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дальнѣйшее развитіе партіи въ Петербургѣ дѣлаетъ однако, очень вѣроятнымъ предположеніе, что старая тенденціи оказались бы, благодаря партійнымъ традиціямъ, сильнѣе новыхъ вѣяній и послѣднимъ представляла партіи еще продолжительная борьба за свое существованіе. Хотя во многихъ резолюціяхъ, принятыхъ на меньшевистской конференціи, собиравшейся, какъ извѣстно, одновременно съ большевистскимъ 3-мъ съездомъ, вліяніе «новыхъ вѣяній» очень сильно замѣтно, но насколько они не глубоко проникли въ сознаніе руководящихъ практиковъ партіи, показали даже съ чрезмѣрной очевидностью дальнѣйшія событія партійной жизни въ Петербургѣ. Какъ будто для того, чтобы изгнать приверженцевъ партійнаго бюрократизма и противниковъ демократизма изъ ихъ послѣдняго убижища, и показать, что отсутствіе демократизма вредно для партіи даже въ конспиративномъ отношеніи и отнюдь не спасаетъ отъ порученія самыхъ отвѣтственныхъ функций шпионамъ и провокаторамъ, въ концѣ мая и началѣ іюня въ Петербургѣ начались массовые аресты среди меньшевиковъ. Скоро обнаружилось, что они были вызваны провокаціей: одна изъ самыхъ важнѣхъ и конспиративныхъ функций, завѣдываніе техникой, была поручена провокатору Добросоколову, привѣшему изъ-за границы хорошаго рекомендаціи и потому сразу завоевавшему довѣріе. Приверженцы демократизма справедливо доказывали, что такіе уничтожающіе всякую прирественность въ работѣ, вызываемые провокаціей, разгромы были бы менѣе возможны при выборномъ началѣ, при которомъ отвѣтственная должностъ поручалась бы людямъ на основаніи дѣйствительныхъ, извѣстныхъ массъ партійныхъ членовъ, заслуговъ, а не на основаніи дружескихъ связей съ вліятельными лицами партіи. Какъ бы то ни было, съ разгромомъ партіи, особенно сильно пострадали представители

тѣхъ новыхъ тенденцій, о которыхъ я говорилъ. Почти вся центральная группа была арестована. И тогда, вопреки преобладающему желанію петербургскихъ партійныхъ членовъ, вопреки духу резолюцій меньшевистской конференціи, явилось 2—3 лица изъ-за границы, объявивши себя руководящей группой, кооптировали кое-кого изъ новоприбывшихъ «профессиональныхъ» революціонеровъ и, пользуясь общей, вызванной разгромомъ дезорганизацией, повели работу по стародавнимъ приемамъ. Правда, и эта организція существовала очень недолго. Тотъ же Доброскоковъ заставилъ и ее почти цѣлкомъ сойти со сцены. И тогда, какъ бы для еще болѣе яркаго доказательства слабой связи партіи съ общественной жизнью, ненормальности ее развитія, въ которой не можетъ быть никакой пріемственности и въ которой самые неожиданные скачки и повороты вполнѣ естественны, въ петербургскихъ партійныхъ кружкахъ стали временно господствовать не разгромленные большевики. Впрочемъ, самостоятельная организационная работа въ пролетариатѣ продолжалась и усиливалась. Рабочій классъ уже тогда начинаетъ самостоятельно процессъ использования нѣскольکو болѣе свободныхъ политическихъ условий для своего классового объединенія. Не получая отъ непролетарской ни по своему составу, ни по своимъ тактическимъ приемамъ социалдемократической партіи, указаній ни относительно классовыхъ средствъ борьбы съ самодержавіемъ, ни относительно организціи этой борьбы, пролетариатъ въ дальнейшей своей борьбѣ руководился только своимъ классовымъ инстинктомъ. Рѣшающее истинно пролетарское средство борьбы съ самодержавіемъ—общая стачка—явилась не результатомъ указаній со стороны партіи, а продуктомъ стихійнаго классового творчества рабочихъ массъ. Лишь послѣ этого въ рабочемъ движеніи Россіи наступилъ новый періодъ.

С. И. Соколовъ.

Григорій Анфимовичъ Попко ¹⁾.

(12-го апрѣля 1852 г.—20-го марта 1885 г.)

(Опытъ биографіи).

20-го марта 1885 г. въ 10^{1/2} часовъ вечера въ Нижне-Карійской каторжной тюрьмѣ для государственныхъ преступниковъ, послѣ тяжелой агоніи, скончался Г. А. Попко. Смерть его ни для кого не была неожиданностью, и всего менѣе для него самого. Года полтора онъ уже схватилъ сильный плеуритъ, который перешелъ потомъ въ водку. По мнѣнію лечащаго его товарища, Э. Веймара, всѣ эти болѣзненные явленія вытекали, впрочемъ, изъ одного: общаго туберкулеза. Крупный революціонеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне скромный и сдержанный, Попко не бросался въ глаза людямъ, поверхностно знавшимъ его, и теперь, вѣроятно, мало кому извѣстно, какую роль онъ игралъ въ русскомъ движеніи. Этой и безъ того сдержанной сильною натурой обстоятельства придали конспиративную закалку, и какъ характеристична въ этомъ смыслѣ его просьба, обращенная къ близкимъ товарищамъ: «если я буду бредить, говорить что-нибудь такое... революціонное, не давайте мнѣ». Смерть уже бросала на него свое тѣнь, а онъ все еще заботился о томъ, какъ-бы не проговориться, не сдѣлать безъ всякой надобности извѣстной какую-нибудь революціонную тайну...

¹⁾ Статья эта, написанная однимъ изъ ближайшихъ друзей Г. А. Попко, *Ростиславомъ Андреевичемъ Стебленинымъ-Каленскимъ*, была напечатана въ № 3 (1895 года) издавашагося «Группою старшихъ народовольцевъ» аграрнаго сборника, носившаго названіе «Материалы для исторіи русскаго социально-революціоннаго движенія». Напечатана она была тамъ *безъ подписи автора*, одного изъ крупнейших революціонныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ, перенесшаго восточн. и западн. ссылки въ Иркутскъ въ 1893 г. Въ виду большой рѣзкости сборника, въ которомъ напечатана статья Стебленина-Каленскаго и всеобщаго историческаго интереса рассказанныхъ авторомъ этой статьи событій, жи, по отношенію съ тѣмъ сдѣдуетъ, воспроизводить ее на страницахъ нашего журнала.

Материалами для настоящаго очерка мнѣ служили «Записки совѣтника», появившіяся въ рукописномъ журналѣ «Кара» 1881 и 1882 гг., авторомъ которыхъ была сама Г. А. Попко, воспоминанія Г. А. объ убійствѣ Гейкина, которая предзнаменовалась для того же журнала, но были найдены неудобными для опубликованія близкими товарищами. Весьма много фактовъ въ жизни покойнаго мнѣ сообщил Г. Волонинъ, А. Мельдиченъ, Г. Поничевъ и другіе.

Мнѣ выпало на долю счастье близко знать покойнаго и я считаю долгомъ сообщить о немъ все, что знаю.

Среди Кубанскихъ степей раскинулась станица Тимашевка. Сюда были высланы Екатериной II отставки разореннаго Запорожья и нѣсколько семей казаковъ Полтавской губернии. Дядя Г. А. Попко хорошо помнилъ свою родину Полтавщину, и Григорій сохранилъ изъ его разсказовъ смутныя воспоминанія о переселеніи и о жизни на родинѣ. По соглашенію со станицей дѣдъ Попко для одного изъ своихъ сыновей выбралъ должность священника. Окончивъ курсъ въ семинаріи, Анфимій былъ поставленъ священникомъ въ родной станицѣ. 12 го апрѣля 1852 г. у него родился первенецъ Григорій, болѣзненный и слабый мальчикъ. Скоро жена Анфимія, родивъ ему еще сына Антона, умерла. Отецъ Анфимій пилъ горькую, и когда Григорію было 8—9 лѣтъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ, въ припадкѣ ли блвой горячки, или просто потому, что ужъ очень горько стало жить на свѣтѣ. Григорій съ братомъ остались на рукахъ дѣда и дяди. Последний служилъ въ казацкихъ и своими неодолимыми способностями пробилъ себѣ дорогу, дослужился до генеральскихъ эполетъ, былъ предводителемъ Ставропольскаго дворянства и написалъ единственную, кажется, исторію Кубанскаго казачества. Впрочемъ, до смерти дѣда, дядя не имѣлъ ровно никакого вліянія на судьбу сиротъ и они росли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ суроваго дѣда. Отсутствіе семьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отсутствіе ибъныхъ материнскихъ заботъ, жизнь въ чужихъ не могли не оказать своего вліянія на развитіе маленькаго Григорія. Онъ, какъ и большинство сиротъ, былъ серьезенъ не по лѣтамъ, болѣе сверстниковъ понималъ окружающую жизнь. Трагическая смерть отца навсегда оставила тяжелое воспоминаніе. «Я никогда не былъ ребенкомъ»,—говорилъ грустно Попко—я рѣшительно не понимаю чувства любви къ матери».

Десяти или одиннадцати лѣтъ отдали Григорія въ бурсу. Болѣзненный, нервный мальчикъ учился хорошо, но отличался непокорнымъ, упрямымъ характеромъ. Много терпѣлъ онъ отъ семинарскаго начальства за этотъ «несчастный» характеръ. Уже тогда начало у него рости сочувствіе ко всему обиженному, обездоленному; уже тогда онъ держался передъ семинарскимъ начальствомъ гордо и независимо. На каникулы онъ прѣзжалъ домой, но тутъ его сурово и холодно встрѣчалъ дѣдъ, и мальчикъ чувствовалъ себя дома такимъ-же чужимъ для всѣхъ, какъ и въ бурсѣ. Два, три года подъ-рядъ, въ лѣтнее время, прободѣлъ Григорій упорной лихорадкой, вытанулся и сталъ на видъ совсѣмъ взрослымъ. Что-то печальное, сосредоточенное было въ этомъ худомъ юношѣ съ апостольскимъ лицомъ.

Вторая половина 60-хъ годовъ для Ставропольской семинаріи ознаменовалась великими событіями. Въ замкнутую душевную атмосферу пахнула свѣжій воздухъ: прѣхали два молодые профессора изъ «новыхъ». Въ семинаріи началось броженіе. Собирались сходы; велись оживленные толки по поводу новыхъ идей, завезенныхъ молодыми учителями. Начались занятія естественными науками, чтеніе тогдашнихъ журналовъ, «Русскаго Слова», «Современника», популярныхъ естественно-научныхъ книгъ, книгъ, касающихся религіи, въ родѣ Штра-

уса, Ренана. Заводились на послѣдній семинарскій грошъ химическія лабораторіи. Шли разговоры о томъ, какъ честно жить, какъ принести пользу людямъ. Однимъ словомъ, мысль лихорадочно заработала и въ бурсу проникли широкой струей идеи 60-хъ гг. Среди увлекавшихся новымъ словомъ видную роль игралъ юноша Попко.

Подъ вліяніемъ учителей и журнальныхъ статей, среди членовъ успѣваго образованія кружка, къ которому принадлежалъ и Попко, родилась и созрѣла мысль бросить семинарію, основать на родинѣ земледѣльческую ассоціацію, обрабатывать землю своимъ трудомъ, прилагая всѣ улучшенія и выводы науки; своимъ примѣромъ поднять народъ до умственнаго уровня самихъ пропагандистовъ и заставить его организоваться на точно такихъ же началахъ, на какихъ желали жить и члены кружка. Въ пылкомъ воображеніи ихъ уже рисовался рядъ ассоціацій, выросшихъ какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла; возставалъ фантастическій образъ реформированнаго ими міра; и съ вѣрой и энергіей они шли на новое дѣло. Но міръ легко было реформировать въ мечтахъ, а въ действительности, прежде всего, предстояла борьба, серьезная борьба съ семействомъ. Надо было бросить семинарію, а это было не такъ-то легко. Попко предстояло столкновеніе съ дѣдомъ, опекуномъ ядлей, со всею станицей. Да и семинарское начальство сочло-бы такое увольненіе позоромъ и безъ борьбы не согласилось-бы отпустить юношей. Трудно сказать, почему семья Попко не рѣшилась предпринять особенно крутыхъ мѣръ противъ Григорія. Воспоминаніе прошедшее, онъ и самъ удивился тому, что борьба кончилась сравнительно легкой побѣдой. Ему, правда, грозили и розгами, и тюрьмою, и тѣмъ, что съ голоду пропадетъ. Попко твердилъ одно: «не пустите волей, убѣгу!» Наконецъ, увѣщанія, угрозы, угрозы прекратились. Съ нимъ не говорилъ никто изъ домашнихъ, всѣ отвернулись отъ него, какъ отъ зачумленнаго... Надо было вѣхать. Передъ отъѣздомъ собралась вся семья, и дѣдъ торжественно проклялъ непокорнаго. Тяжело было на душѣ у юноши, когда онъ вышелъ изъ дому, ни съ кѣмъ не простившись, и въ послѣдній разъ взглянувъ на окно, увидѣлъ торжественно-грозную фигуру дѣда. Его охватилъ суевѣрный ужасъ передъ страшнымъ проклятіемъ и долго онъ не могъ безъ ужаса вспоминать этой сцены.

«Была минута, когда я готовъ былъ вернуться и молить дѣда о возвратѣ благословенія, на вѣки нерушимаго—говорилъ Попко—но что-то мѣшало. Прошла эта страшная минута слабости, новая впечатлѣнія вытѣснили только-что пережитыя, и стало думать о томъ, какое чудное будущее жлетъ насъ, впервые бросившихъ перчатку старому міру».

Однако дѣло этимъ не кончилось. Пришлось еще выслушать увѣщанія и угрозы семинарскаго начальства. Долго начальство замедляло выдачу нужныхъ документовъ; все думало, что Григорій побойтся грознаго, разрисованнаго «адскими» красками будущаго; и голода, и холода, и тюрьмы, и геены огненной!

Одновременно съ Попко уволились изъ семинаріи пять человѣкъ. Всѣ они рѣшились основать земледѣльческую ассоціацію. Деньгъ у нашихъ героевъ не было. Купить землю въ полную собственность не-

чего было и думать. На первое время юноши взяли в аренду землю у отца одного из участников предприятия, но, как люди совершенно незнакомы с практической стороной подобных сделок, ограничились словесным неопределенным условием с владельцем земли, Нельзя сказать, чтобы юноши были незнакомы с сельскими работами. Но одно дѣло работать въ качествѣ балушлагаго паныча, другое дѣло, когда знаешь, что отъ успѣшности работы зависитъ и самое существованіе, а главное, что неуспѣшность ея дискредитируетъ заветную идею.

Счастье какъ будто улыбнулось мечтателямъ. Годъ выпалъ очень урожайный, и хлѣбъ только успѣвая убирать. По расчетамъ участниковъ, изъ барышей перваго года они могли и землю приобрести съ собственностью, и прожить бездѣдно до слѣдующаго урожая. Но сметливый собственникъ воспользовался отсутствіемъ формальнаго условія и присвоилъ себѣ въ уплату аренды почти весь хлѣбъ. Это былъ жестокой ударъ. Первое лѣто показало и то, что мечтаній о примѣненіи научныхъ истинъ и усовершенствованій къ земледѣлю недостаточны; что нужно несравненно больше знаний теоретическихъ и практическихъ. Но юноши все еще крѣпко держались за предприятие. Правда, начали время отъ времени поднимать голоса, что нужно-де поучиться прежде чѣмъ дѣлать что-нибудь, что въ Россіи есть на то и спеціальное заведеніе; но такіе благоразумные голоса заглушались еще не остывшимъ энтузіазмомъ. Большинство думало такъ: время дорого, можно и учиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, исподволь осуществлять заветные планы; да и самое существованіе ихъ ассоціаціи, даже безъ агрономическихъ затѣй, уже полезно, ибо ясно говорить о возможности проведенія въ жизнь артельного начала...

На второе лѣто посыпались неудачи на бѣдныхъ мечтателей. Значительная часть сѣна сгорѣла, благодаря чей-то неосторожности. Урожай былъ плохъ. Попко чуть не утонувъ во время бури на рѣкѣ, гдѣ неводили рыбу. Увлеченіе стало проходить, и благоразумные голоса скоро оказались въ большинствѣ. Конечно, отказаться сразу и окончательно отъ предприятия теперь-же было неловко передъ посторонними, стыдно передъ своими. Попко упрямо сталъ на томъ, что опытъ не конченъ, что нужно итти до конца. Но большинство рѣшило бросить предприятие «до поры до времени» и отправить двухъ избранныхъ въ Петровско-Разумовскую академію, а когда тѣ окончатъ курсъ, снова возобновить опытъ. Однимъ изъ двухъ единогласно выбранныхъ былъ Попко. Для поступленія въ академію нужно было держать экзаменъ при семинаріи по нѣкоторымъ предметамъ. Попко снова явился въ Ставрополь; начальство обещало срѣзать его, но это не удалось. Попко выдержалъ экзаменъ и уѣхалъ въ Москву. Но средствъ къ жизни не было, и Попко въ незнакомомъ городѣ пришлось искать заработка. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось внимательно слѣдить за лекціями, много читать и учиться.

Незадолго передъ пріѣздомъ Григ. А. въ Москву разыгралась тамъ извѣстная Нечаевская исторія; много народу было арестовано, но движеніе не остановилось, и, по пріѣздѣ Попко, собираются сходки; обсуждаются вопросы о рефератахъ, о подборѣ книгъ для чтенія;

обсуждаются и теоретическіе вопросы. Попко изрѣдка бываетъ на сходкахъ, внимательно прислушивается къ рѣчамъ социалистовъ, но участія въ революціонныхъ дѣлахъ не принимаетъ. Здѣсь въ Москвѣ онъ познакомился съ блиставшей тогда А., впоследствии кончившей¹⁾ такъ позорно, съ Папинымъ, съ Фроленко; потому съ нѣкоторыми членами такъ называемаго Московскаго кружка, Грачевскимъ и друг. Почему Попко тогда же не принялъ участія въ революціонномъ дѣлѣ, онъ и самъ объяснить не могъ. Обязательство передъ участниками неудавшагося дѣла его не удерживало; тогда ясно стало уже и Попко, что дѣло провалилось окончательно; знакомые социалисты отнеслись къ Григ. А. хорошо, съ довѣріемъ; всѣ симпатіи Попко были на сторонѣ социализма. Но, несмотря на все это, Попко оставался внѣ тѣни. Весьма вѣроятно, что его удерживала отъ окончательнаго присоединенія къ социалистическимъ кружкамъ врожденная осторожность, которая, впрочемъ, нисколько не исключала смѣлости и энергіи: онъ рѣшался на какое-нибудь дѣло не скоро, но, рѣшившись, уже шель до конца, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Теперь Попко предстоялъ рѣшительный шагъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, разъ ожегшись, онъ колебался именно потому, что боялся снова ожечься. Кромѣ того, онъ считалъ себя и негоднымъ къ новой дѣятельности: онъ думалъ сначала заняться изученіемъ общественныхъ наукъ, съ которыми не могъ познакомиться основательно ни въ семинарскій періодъ, ни теперь, когда всецѣло былъ поглощенъ предметами, которые преподавались въ Земледѣльческой академіи.

Такъ прошло два года. Предприятие семинаристовъ было окончательно похоронено: участники ассоціаціи, оставшіе въ провинціи безъ поддержки болѣе сильныхъ и энергичныхъ товарищей, пали духомъ и написали имъ, что нечего и думать о продолженіи опыта. Такимъ образомъ руки Попко были развязаны, и онъ рѣшился переехать въ Одессу, гдѣ во второй половинѣ 1874 года онъ поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ. Къ этому времени дѣлъ Попко уже умеръ, а дѣла посмотрѣвъ на переходъ благосклонно и обещалъ помогать деньгами Григорію. Эта помощь дала Попко свободное время, которое иначе пошло-бы на добываніе хлѣба, а теперь всецѣло могло быть посвящено на подготовку и революціонную дѣятельность.

Въ Одессѣ Попко скоро по пріѣздѣ сблизается съ Заславскимъ, этимъ замѣчательнымъ пропагандистомъ и организаторомъ среди рабочихъ. Съ этого времени Григ. А. является активнымъ революціоннымъ дѣятелемъ. До самаго ареста Заславскаго Попко—его дѣятельный помощникъ: онъ читаетъ лекціи рабочимъ, обучаетъ ихъ грамотѣ, устраиваетъ кассы, библиотеки и беретъ на себя трудное и опасное дѣло перевозки книгъ изъ за-границы. Ему приходится для устройства перевозки книгъ ѣздить въ Кишиневъ, на границу и жить тамъ въ ожиданіи возможности перевезти книги; приходится сходиться съ

¹⁾ Редакція не могла въ точности указать, въ чемъ было дѣло, и потому рѣшила выказать только фамилию начальной буквой.

разными евреями-контрабандистами, рискуя каждую минуту быть пойманным. Уже в первое время деятельности Попко проявляются основные черты своего характера: он велит себя так скромно, умно, осторожно, что, хотя принимает участие во всех предприятиях того времени и особенно там, где опаснее, его фамилия остается неизвестной ни шпионам, ни жандармам, в то время как начались аресты по делу Заславского и сам Заславский был арестован. Попко не только избегал ареста, но даже сохранил легальность: Тавлѣвъ, Толстоносовъ и другие шпионы—имъ же имя легион—знали только его кличку. Среди рабочихъ онъ пользовался рѣдкимъ для интеллигента уваженіемъ. Онъ не заискивалъ передъ ними, что случается сплошь да рядом, велъ себя сдержанно, равно, закладныхъ друзей не имѣлъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые ярые противники интеллигенціи изъ рабочихъ всегда хорошо отзывались о «Козьмѣ», «Гришкѣ», о «Чернышювѣ» (клички Попко).

Послѣ ареста Заславскаго вся созданная имъ организация рушилась. Попко собираетъ остатокъ рабочихъ, не теряетъ ихъ ни на минуту изъ виду и, когда сбился новый кружокъ, снова втягиваетъ его въ дѣло. Въ числѣ этихъ остатковъ «Заславскихъ», между прочими, были: Игнатъ и Иванъ Ивичичи, Григорій Иванченко... Попко знаетъ о замыслѣ убить шпионовъ Толстоносова и Тавлѣва: Толстоносовъ ускользнулъ, а Тавлѣвъ чуть не всенародно былъ убитъ въ саду, на гуляньѣ.

Въ концѣ 1875 года идутъ переговоры одесскаго кружка о соединеніи съ такъ называемыми лавристами—организованной группой пропагандистовъ въ Петербургѣ. Это соединеніе происходитъ въ началѣ 1876 года. Рассказывать подробно о томъ, что въ то время дѣлалъ Попко, я не буду: для этого пришлось бы писать исторію революціоннаго движенія того времени. Попко дѣлалъ то же, что дѣлали другіе тогдашніе «пропагандисты». Онъ поѣхалъ по порученію своего кружка въ Петербургъ, пробрѣлъ тамъ много знакомствъ и, между прочимъ, познакомился съ Д. А. Лизогубомъ.

Въ тѣ времена рѣзко обозначались два направленія среди русскихъ революціонеровъ: бунтарское и лавристовское, или пропагандистское. По своимъ убѣжденіямъ Попко принадлежалъ къ лавристамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занималъ какъ бы нейтральное положеніе среди такъ часто враждовавшихъ направленій. Всякій пріѣзжающій, къ какой бы фракціи ни принадлежалъ онъ, находилъ пріютъ и всестороннюю помощь у Попко; всякое порученіе Попко исполнялъ независимо отъ того, какъ думалъ и во что вѣрилъ поручающій. Но, само собою разумеется, Попко былъ отнюдь не индифферентистъ, а человекъ съ вполне определенной фizioноміей. Многого онъ отрицалъ въ деятельности бунтарей, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ своимъ долгомъ помогать имъ,—и прежде всего потому, что они были враги русскаго правительства, какъ и самъ Попко, да и самыхъ идей ихъ онъ не отравлялъ ужъ такъ огульно и безапелляционно, какъ это дѣлали правительственные лавристы. Знавшій и страстно любившій народъ, Попко рано или поздно долженъ былъ понять, что такіе лавристы, въ сущности, отрицаютъ народъ, что для нихъ центръ тяжести была лич-

ность, чистота ея, а не общество, не народъ и не дѣятельность во имя ихъ. А Попко, по симпатіямъ, по натурѣ былъ народникомъ и лишь во имя народа и для него одного онъ вступилъ на революціонный путь. Бунтарство же было народничествомъ, хотя народничествомъ одностороннимъ, не охватывавшимъ всей программы потомъ окончательно сложившагося народничества, которое и поглотило бунтарство, какъ чужое свою часть. Короче сказать, Попко незамѣтно для себя, переходилъ къ бунтарямъ, а въ средѣ лавристовъ его держалъ элементъ подвижничества: по своимъ привычкамъ въ теченіе всей своей жизни Г. А. былъ ригористъ, аскетъ; онъ и пошелъ вначалѣ за той группой, которая вносила элементъ безукоризненной личной чистоты въ свою общественную дѣятельность. Но скоро онъ понялъ, что эта группа не идетъ впередъ, не развивается, а застыла, залюбовавшись на собственную красоту... Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ понялъ, что можно исповѣдывать и иную теорію личной нравственности, чѣмъ исповѣдали народники, и въ то же время въ практической дѣятельности идти рука объ руку съ ними. Но, главное, онъ былъ человекъ терпимый и мягкій. Терпимостью своей и мягкостью Попко отчасти и пробрѣлъ то вліяніе, которымъ пользовался среди товарищей,—говорю «отчасти», потому что не только этими качествами обуславливалось его вліяніе: о немъ слышались наилучшіе отзывы отъ самыхъ разнообразныхъ фракцій; ему всѣ доверяли, хотя отлично понимали, что онъ принадлежитъ именно къ той, а не къ иной группѣ.

Къ концу 76 года народническое направленіе все болѣе и болѣе начинаетъ пробрѣтать силу, какъ въ Петербургѣ, такъ и на югѣ. На сѣверѣ тогда выросла даже цѣлая народническая организация, которая дала потомъ столько выдающихся дѣятелей; если не было такой же правильной, тѣсно-слоченной организации на югѣ, то лишь благодаря разнымъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто. Это все болѣе и болѣе пробрѣтавшее силу теченіе вызвало главнымъ образомъ Парижскій съѣздъ 1876 года. Дѣло въ томъ, что петербскіе лавристы просмотрѣли, что въ провинціальныхъ кружкахъ идетъ броженіе, просмотрѣли, а, можетъ быть, нарочно игнорировали его; «Впередъ»—органъ лавристовъ и органъ петербскій по преуспеваю—не сумѣлъ отразить собой уже ясно обозначавшагося новаго теченія. Этимъ были недовольны провинціалы, свои жалобы они и привезли въ Парижъ. Представителемъ интересовъ Киева былъ избранъ К. И. Гриневичъ¹⁾, а представителемъ кружка одеситовъ—Г. А. Попко. Въ Парижѣ они отправились вмѣстѣ изъ Киева, куда Попко заѣхалъ за Гриневичемъ. Много новаго увидалъ и услышалъ Попко за-границей; побывъ въ Парижѣ и въ Женевѣ, въ Вѣнѣ и во Львовѣ и очень любилъ вспоминать это путешествіе.

О самомъ съѣздѣ рассказывать не буду: результаты его извѣстны²⁾. Петербургъ постарались, чтобы съѣздъ официальныхъ свои

¹⁾ О немъ сдѣлаю бы поговорить подробнѣе, но это—когда-нибудь потомъ.
²⁾ Преподисла разговоръ, вмѣняя дѣло въ Парижѣ въ мою притирку, и не сохранилъ въ памяти никакихъ слѣдовъ разногласія между киевлянами и петербуржцами. Напротивъ, мнѣ казалось, что они дѣйствуютъ совершенно согласно. Такъ какъ для

работы кончили до приезда представителей Киева и Одессы. На возвратном пути Гриневич и Попко остановились в Львовѣ, имѣя въ виду устройство правильной доставки книгъ изъ-за границы. Гриневичъ, не дождавшись транспорта книгъ, уѣхалъ и былъ арестованъ на границѣ. Попко остался и это спасло его отъ ареста. Между Гриневичемъ и Попко было условлено, что послѣдній выѣзаетъ не раньше чѣмъ получить отъ Гриневича телеграмму изъ Киева, но Попко перевезъ книги раньше получения телеграммы; она-же пришла не отъ Гриневича, а отъ другихъ товарищей, и пришла въ то время, когда въ Львовѣ были арестованы С. Ястрембскій, А. П. Ч.—нѣ, Ляхонскій и Павликъ. Такимъ образомъ Попко и закъ посчастливилось: ожидая отъ телеграммы, онъ былъ-бы арестованъ въ Львовѣ; прибывъ онъ съ Гриневичемъ, его бы арестовали на границѣ. По приѣздѣ въ Россію онъ отдалъ отчетъ киевлянамъ и одесситамъ о сѣздѣ.

Съ этого времени кievская и одесская группы совсѣмъ расходятся съ питерской группой пропагандистовъ. На югъ съ возрастающимъ преобладаніемъ народничества начинается и соответственная дѣятельность: идутъ хлопоты о поселеніяхъ, дѣлаются попытки воспользоваться подходящимъ настроеніемъ массъ. Но нѣтъ ни строго выработанной программы дѣйствій, ни хорошо организованной группы.

Теперь виднымъ представителемъ народническаго движенія является и Попко. Въ деревню его влекутъ всѣ симпатіи: онъ знаетъ ее такой, какова она въ дѣйствительности, знаетъ и любить, вѣрится въ нее. На дѣтѣ 77 года Г. А. ѣдетъ въ Тимашевку къ брату, который уже занялъ мѣсто священника въ своей станицѣ, сообразно желанію станицы и дѣда. Съ Гр. А. ѣдутъ двое изъ его товарищей. Цѣль этой поѣздки—выучиться сельскимъ работамъ, приглядѣться къ сельскимъ порядкамъ. Попко то и другое, конечно, хорошо было извѣстно а работая онъ лучше многихъ настоящихъ рабочихъ.

Тихо, мирно провели трое товарищій дѣтѣ въ Тимашевкѣ, а въ то время въ Питерѣ произошло весьма важное событие, повліявшее на всю дальнѣйшую судьбу Попко: Боголюбова подвергли тѣлесному наказанію. Узнавъ объ этомъ Гр. А., только когда вернулся изъ Тимашевки. Извѣстіе сначала его ошеломило; онъ нѣсколько дней не могъ прийти въ себя и, лежа на кровати, постоянно повторялъ одно: «выскли... выскли...» Потомъ это подавленное состояніе прошло, и въ душѣ его, доселѣ мирно настроенной, заговорило страшно жгучее чувство—чувство мести! Вистѣ съ желаніемъ отомстить за поправное достоинство человѣка, въ его сознаніи почти непосредственно выросла и мысль, что борьба съ врагомъ нужна не прежняя:

требовались не поселенія, не мирныя рѣчи, а борьба на смерть, борьба безпощадная.

Когда Попко приѣхалъ въ Одессу, тамъ шли оживленные толки по поводу расправы съ Боголюбовымъ; рѣшался вопросъ: что дѣлать, какъ отомстить за него? Попко зажатыхъ рѣчей не говорилъ, наружно онъ былъ спокоенъ, безстрастно присутствовалъ на бурныхъ сходахъ, но поѣхалъ въ Киевъ, чтобы оттуда отправиться въ Петербургъ и отомстить дѣломъ. Не удивительно, что по приѣздѣ въ Киевъ онъ тѣсно сблизился съ компаніею бунтарей. Бунтари и раньше говорили о политическихъ убійствахъ; за ними были и факты подобнаго рода, а настроеніе Попко теперь какъ нельзя болѣе подходило къ настроенію ихъ. Попко не прямо поѣхалъ въ Питеръ, потому что предполагалъ среди бунтарей найти помощника для осуществленія задуманной мести. И онъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Эта поѣздка совпала еще съ другимъ переломомъ въ мыслихъ Гр. А., переломомъ, въ Одессѣ для самого Попко еще не совсѣмъ яснымъ, но который въ Киевѣ скоро совсѣмъ определялся: расправа съ Боголюбовымъ до того сильно подѣйствовала на Гр. А., что онъ, до сихъ поръ горячій противникъ конституціи, переходитъ вдругъ въ ряды ея защитниковъ. Попко не могъ не видѣть, что при конституционномъ образѣ правленія, предполагаемъ неотъемлемость нѣкоторыхъ правъ личности, врядъ-ли былъ-бы возможенъ такой фактъ, какъ расправа съ Боголюбовымъ. Далѣе для Попко, какъ для практическаго дѣятеля и тогда уже было ясно, что та работа, которая при абсолютизмѣ всецѣло ложится на активныхъ работниковъ революціи, именно пропаганда теоріи социализма, при существованіи конституціи отойдетъ отъ нихъ и перейдетъ къ мирнымъ теоретикамъ, тогда какъ настоящіе революціонеры направятъ всѣ силы на организацію среди самого народа, что не могло, конечно, не быть желательнымъ. Весь Киевъ былъ волонъ впрочемъ, тогда разговорами о конституціи. Говорили о ней и либералы, и украинофилы, и просто студенты, и бунтари. Устроился даже клубъ спеціально... для разговоровъ о конституціи. Каждый возлагалъ на конституцію свои надежды; каждый говорилъ о ней, какъ о неизбѣжной, необходимой; и если-бы отъ количества сказанныхъ словъ зависѣла успѣхъ дѣла, то у насъ на Руси было-бы въ то время двадцать конституцій... Что касается Попко, то въ клубъ онъ бывалъ, но разговоры тамъ не велъ; онъ бесѣдуетъ—и то осторожно—лишь съ отдѣльными личностями. Наконецъ Попко прямо поставилъ передъ Дм. А. Лизогубомъ и В. А. Осинскимъ вопросъ о террорѣ, какъ объ орудіи и мести и политическаго переустройства. И Осинскій, и Лизогубъ были согласны съ Попко, что терроръ необходимъ. Но какъ вести его? Открыто поражать намѣченное лицо не расчеловѣло; погибнуть безстрашныя борцы, а много-ли будетъ за ними такихъ-же? Пришли къ такому рѣшенію: наносить удары врагу революціонеры должны не открыто, а сохраняя себя по возможности. Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о террорѣ, и первымъ на очередь было поставлено убійство Трепова. Кромѣ Лизогуба, Осинскаго, скоро примерженцами террористическаго направленія являются Иванъ и Игнатъ Ивничевичи, В. Свириденко, А. Брандтнеръ, А. Синтянинъ и еще нѣ-

читателей 90-хъ годовъ и самый сѣздъ, и его результаты составляютъ очень древнюю исторію и едва ли могутъ считаться «дѣлениемъ», то зачѣмъ, что настроеніе участниковъ сѣзда относительно вѣсны дѣлѣ «Впередъ» было таково, что я долженъ былъ отказаться отъ редакторства. Мнѣ неизвѣстно, насколько я оказалъ вѣтривую сочувствие асію апрохивавшея направленіе питерскія концентрировать дѣло на апрохивавъ и на агитанціи въ «народѣ», оставая въ сторонѣ «интеллигентскія» и нежелающія признать организаціи партіи «большой» характеръ.

Примечаніе П. Л. Ларина, одного изъ редакторовъ «Материаловъ».

сколько других лиц. Съ такими то незначительными силами рѣшились испробовать новое средство борьбы.

Незадолго до окончательныхъ переговоровъ Осинскаго, Попко и Лизогуба были открыты заговоръ среди Чигиринскихъ крестьянъ и арестованы организаторы этого дѣла: Стефановичъ, Дейчъ, Бохановскій. У Бохановскаго въ карманѣ были найдены ключъ отъ квартиры, гдѣ находились: типографія, оружіе и другія не менѣе важныя вещи. Пока жандармы рыскали по городу съ ключомъ и искали любопытную квартиру, товарищи арестованныхъ вынесли всѣ конспиративныя вещи, и въ числѣ этихъ смѣльчаковъ былъ и Попко. Только въ концѣ 77 года Гр. А. уѣхалъ въ Петербургъ съ однимъ изъ членовъ бунтарскаго кружка, согласившимся принять участіе въ преположенномъ убійствѣ Трепова. Этимъ членъ кружка игралъ одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ послѣдующемъ движеніи.

Послѣ ареста чигиринскихъ дѣятелей зарождается въ головѣ Попко мысль, что однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на смерть послѣ Трепова будетъ баронъ Гейкинъ, этотъ пресловутый либераль, адьютантъ выжившаго изъ ума Павлова. На первый взглядъ это покажется страннымъ; не разъ «баронъ» предупреждалъ объ обыскахъ, не разъ скрывалъ отъ прокурорскихъ глазъ найденнаго запрещеннаго книги. Однако дѣло объясняется просто. Изъ повеленія Гейкина при арестѣ и слѣдствіи по чигиринскому дѣлу стало ясно, что Гейкинъ—либераль лишь по отношенію къ такимъ безобиднымъ фрондерамъ, какъ украинифилы, лавристы и проч. Но не то вышло, когда попалась крупная птица. Гейкинъ зналъ очень многихъ изъ тогдашнихъ дѣятелей, зналъ, чего и отъ кого можно ожидать, и обыски и допросы производились съ такимъ знаніемъ текущихъ революціонныхъ дѣлъ, что стало ясно, какъ опасенъ будетъ при серьезномъ оборотѣ дѣлъ этотъ «либераль». Однако Боголюбовъ еще не отомщенъ и Попко ѣдетъ въ Питеръ.

Въ Петербургѣ къ предпріятію прѣбывавшихъ присоединяются двое изъ организациі «Земли и Воли». Нанимаются квартира на улицѣ, по которой часто ѣздитъ Треповъ, посредствомъ зеркала слѣдятъ за его прѣздами. Но пока идутъ окончательныя приготовления, неожиданно для всѣхъ раздается выстрѣлъ Засуличъ...

Во время пребыванія Попко въ Петербургѣ тамъ было сильное оживленіе: шель процессъ по дѣлу 193; каждый день, не ожидая конца процесса, притянутые къ нему отпускались на поруки изъ Петропавловки и изъ предварилки; понаѣхало много народа легальнаго и нелегальнаго изъ деревни, изъ-за-границы, читались рефераты, выяснялись программы; была затѣнена газета «Начало»; сходы проходили чуть не открыто.

Послѣ покушенія Засуличъ Попко уѣхалъ въ Киевъ. Первымъ террористическимъ актомъ, исходившимъ отъ организациі, созданной Попко, Лизогубомъ, Осинскимъ, было убійство въ Ростовѣ шпіона, рабочаго Никонова. По поводу этого убійства въ Петербургѣ были отпечатаны прокламаціи, и на этихъ прокламаціяхъ, расклеенныхъ одновременно въ Питерѣ, Киевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, и Курскѣ, въ первый разъ появилась печать Исполни-

тельнаго Комитета. Кстати, мысль объ этой печати возникла совершенно случайно на одной вечеринкѣ въ Киевѣ; на этой вечеринкѣ былъ и Попко. Кто былъ на свободѣ въ 78 г., тотъ долженъ помнить, какую сенсацию произвела эта печать среди жандармеріи, и не только ее одной; а между тѣмъ, прикладывая эту печать первый разъ, никто не думалъ, что она способна надѣвать переполохъ.

Не помню, по какому поводу въ Киевѣ были произведены многочисленные обыски. На этихъ обыскахъ отличался грубостью и нахальствомъ товарищъ прокурора Котлярскій. Отвѣтомъ на вызывающее поведеніе Котлярскаго были выстрѣлы въ него со стороны Ивана Ивановича, Осинскаго и еще одного. По поводу этого втораго террористическаго факта кружка террористовъ Попко расклеивалъ прокламаціи въ Одессѣ и чуть было не былъ арестованъ. Едва онъ наклеилъ прокламацію, какъ полицейскій сорвалъ ее и бросился по пятамъ за Попко; только благодаря какой-то случайности тотъ избѣжалъ ареста.

Вскоръ послѣ покушенія на жизнь Котлярскаго, и конечно именно вслѣдствіе этого покушенія, произошли извѣстные «безпорядки» въ Киевскомъ университетѣ. Начался университетскій судъ, а потомъ аресты, высылки. Гейкинъ снова показал свои котти: люди выслали по его указаніямъ; всѣмъ стало видно, что Гейкинъ недаромъ велъ знакомства и заискивалъ передъ простодушными «радикалами». Тогда окончательно была рѣшена смерть Гейкинга, и Попко, несмотря на всѣ убѣжденія товарищей не брать на себя исполненіе этого приговора, все-таки взялся исполнить его. Всѣ, безъ исключенія, товарищи, знавшіе Попко, были убѣждены, что онъ беретъ дѣло не по силамъ, и не потому, что бы былъ трусъ, что бы, попавшись, могъ выдать своихъ товарищей—такія дикія мысли никому, конечно, и въ голову не приходили—но каждый зналъ, что такое дѣло, какъ убійство будетъ стоить страшной борьбой мягкому и гуманному Гр. А. Попко, котораго болѣе, чѣмъ кого бы то ни было, истерзаетъ, измучитъ смерть Гейкинга, какъ бы то ни было виновенъ послѣдній. Наконецъ, просто сомнѣвались въ ловкости и силѣ Попко, ибо человекъ онъ былъ не изъ крѣпкихъ, и боялись, что вмѣсто казни Гейкинга погибнетъ лучшей товарищъ.

Несмотря на всѣ убѣжденія, Попко остался при своемъ рѣшеніи. Кромѣ него взялся за это дѣло и другой, принадлежавшій къ организациі «Земли и Воли». Слѣдили они за Гейкингомъ поочередно, черезъ день. Такое напряженное состояніе нервовъ, какое бываетъ у человека, рѣшившагося на убійство, длиться долго не можетъ. Несмотря на самую твердую рѣшимость исполнить задуманное, хоть сколько-нибудь удобнаго случая не представлялось. Нѣсколько разъ слѣдившіе начинали отчаиваться въ успѣхѣ дѣла. Одно-временно съ началомъ вслѣживанія Гейкинга затѣвалась исторія съ ключичникомъ¹⁾ для освобожденія въ киевской тюрьмѣ. Попко зналъ всѣ подробности предпринимаемаго дѣла, обсуждалъ его вмѣстѣ съ

¹⁾ Освобожденіе М. Ф. Фроленко изъ киевской тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго.

другими, слѣдилъ за нимъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ. Почти накануне освобожденія товарищей, печальный, измученный пережитымъ, Попоко сидѣлъ съ однимъ изъ товарищей въ одномъ изъ кіевскихъ скверовъ. Онъ, какъ и другіе, собирался убраться и до поры до времени бросить дѣло Гейкинга. Былъ поздній часъ. Вдругъ, почти какъ-то сдѣланныхъ, весело болтая съ какимъ-то господиномъ, прошепелъ Гейкингу. За нимъ Попоко въ этотъ день не слѣдилъ. «Сегодня или никогда», мелкается въ головѣ Попоко. Онъ посибно встаетъ изъ-за стола, уходитъ за только что прошепчаннымъ, догоняетъ Гейкинга и идетъ сзади тихо, опустивъ голову. «Нужно, нужно во что-бы то ни стало покончить. Такъ жить невозможно. Лучше сдѣлать отчаянную попытку, лучше сейчасъ быть арестованнымъ, чѣмъ жить съ невыносимой, постоянно гнетущей думой, что должно сдѣлать взятое на себя дѣло, что неисполненіе его тяжелейшимъ укоромъ ляжетъ на чести партіи, на чести моей... Вѣдь взялся же я... рѣшился! Зачѣмъ колебаться и думать?»... Но раздумье все больше и больше овладѣваетъ имъ... Вотъ онъ вынулъ кинжалъ. Обмотавъ руку платкомъ, онъ крѣпко держитъ его. Но не поднимается рука... А докъ Гейкинга уже близко... Вотъ Гейкингу садится на тумбу и оканчиваетъ свой веселый разговоръ... Нужно или пройти мимо, или... Голова кружится у Попоко, и онъ, почти не отдавая себѣ отчета, приближается къ сидящему и, проходя мимо, вонзаетъ ему въ бокъ кинжалъ. Только и помнить Попоко, что кинжалъ вошелъ во что-то мягкое. Онъ ускоряетъ шаги и слышитъ слова барона: «я убить»... Попоко почти бѣжитъ. «Держи, держи его!» раздается отчаянный крикъ. Слышится топотъ бѣгущихъ... Попоко теперь уже бѣжитъ, задыхаясь, въ гору, по расбросаннымъ мусору и кирпичамъ отъ строящихся домовъ... Топотъ все слышнѣе, вотъ кто-то догоняетъ его, онъ слышитъ чье-то ускоренное дыханіе. Онъ вдругъ останавливается, оборачивается къ опшвшему отъ неожиданности полицейскому, который тоже остановился, и, задыхаясь, произноситъ: «буду стрѣлять!» Потомъ, вздохнувъ всею грудью, снова бѣжитъ, но полицейскій не отстаетъ. Вотъ Попоко стрѣляетъ... еще и еще... Вотъ какой-то человѣкъ бѣжитъ наперерѣзъ, хватаетъ Попоко за руку; въ рукахъ преслѣдователя остается платокъ... Попоко стрѣляетъ въ упоръ. Тяжело, безъ крика, безъ звука падаетъ преслѣдователь. Но нѣтъ уже и силъ бѣжать, а погоня все ближе и ближе; голоса все отчетливѣе и отчетливѣе. Ноги едва передвигаются Попоко спотыкается и падаетъ. Падая, онъ задвываетъ чѣмъ-то извезданный курокъ, раздается выстрѣлъ, и револьверъ разряженъ. Обезсиливъ окончательно, Попоко перелезаетъ черезъ заборъ перваго попавшагося дома. Къ счастью, домъ нежилой: его перестраиваютъ. Попоко входитъ, садится въ самый темный уголокъ и, безъ мысли, въ полномъ изнеможеніи, ждетъ... Нѣтъ силъ даже зарядить револьверъ... Сидя здесь, онъ слышитъ, какъ пробѣгаетъ мимо погоня, слышитъ громкіе, взволнованные голоса преслѣдователей. Вдругъ вбѣгаетъ съ лаемъ собака, и съ лаемъ останавливается прямо противъ Попоко... За ней входитъ кто-то останавливается немного поодаль и вытягиваетъ голову, будто вглядываясь въ тотъ уголокъ, гдѣ сидитъ Попоко. Этотъ убѣжденъ, что вслѣдъ за че-

ловѣкомъ явится погоня, и онъ будетъ арестованъ, но въ ту минуту у него было единственное желаніе: «все равно, лишь бы еще не бѣжать»... Неизвѣстный, постоявъ нѣсколько времени, повернулся и ушелъ. Замѣтилъ-ли онъ человѣка, сходящаго въ уголъ, и пошелъ позвать людей, или безопытный удивнымъ шумомъ, просто наѣдлся, все ли благополучно въ строящемся домѣ, неизвѣстно. Какъ только замолкли шаги незнакомца, Попоко выльзъ изъ окна, осторожно перелезъ черезъ заборъ и пошелъ на квартиру. Опасность почти миновала, но тяжело было на сердцѣ Попоко. Съ одной стороны ему стало легко: внутренній голосъ говорилъ ему, что онъ исполнилъ свой долгъ. Но съ другой, все назойливѣе и назойливѣе являлся рядъ мучительныхъ вопросовъ: заслуживалъ ли смерти Гейкингу? По какому праву онъ, Попоко, рѣшился быть судьей? Кто далъ ему это право?... Всѣ эти вопросы были, конечно, давно рѣшены въ теоріи, но теперь они снова вставали въ душѣ и вставали неразрѣшенными. Попоко казалось что онъ теперь преступникъ; что теперь онъ не въ состояніи будетъ и сморѣть въ глаза людямъ... Правда, онъ раньше сочувствовалъ подобнымъ фактамъ, они оправдывали ихъ. Но одно дѣло—говорить, другое—сдѣлать... Какъ ни какъ, онъ исполнилъ свой долгъ; онъ взялъ на себя тяжелое дѣло, самъ на своихъ плечахъ вынесъ его и теперь знаетъ, какъ тяжело поднять руку на человѣка. Много, много горькихъ, безотрадныхъ мыслей тѣснилось въ головѣ Попоко, пока онъ шелъ къ своей квартирѣ. Долго стоялъ онъ у своихъ дверей, не въ силахъ будучи дернуть за звонокъ. Какой-то страхъ охватывалъ его при мысли явиться теперь передъ товарищами. «Исполнено»—только и сказали Попоко въ эту ночь своими товарищамъ.

На другой день на лодкѣ, на Днѣпрѣ, были напечатаны прокламаціи объ убійствѣ Гейкинга. Я забылъ упомянуть, что въ началѣ 78 г. кружкомъ Попоко была приобретена маленькая типографія; въ ней-то и печатались тѣ прокламаціи, которыя появились въ 78 г. отъ Исполнительнаго Комитета. Прокламаціи же по поводу убійства Никонова и покушенія на Котлярскаго были отпечатаны въ Питерѣ, такъ какъ въ то время своей типографіи кружокъ еще не имѣлъ.

По отпечатаніи прокламаціи почти всѣ террористы разѣхались. Попоко уѣхалъ въ Одессу. Близкіе товарищи, увидѣвъ прѣбывающаго въ Києвѣ и узнавъ отъ нихъ объ убійствѣ Гейкинга, и не предполагали, что это убійство совершилъ Попоко,—до того онъ былъ спокоенъ теперь. Предполагали, что это было дѣло одного изъ землевольцевъ, который сильно похуздѣлъ и осунулся за это полное тѣло и волненій жить въ Києвѣ. Впрочемъ, даже нѣкоторые кіевляне, знавшіе, кто взялся за это дѣло, думали, что совершилъ его все-таки другой слѣбдившій, а не Попоко. Всѣ, читавшіе газетныя сообщенія, были, конечно, далеки отъ мысли, чтобы такой слабый, неловкій человѣкъ, какъ Попоко, могъ такъ умѣло, повидимому, хладнокровно совершить убійство, такъ блистательно и долго вести самозащиту. Рана Гейкинга оказалась смертельной и нанесена была, повидимому, очень смѣлой и опытной рукой; при бѣгствѣ были ранены два полицейскіихъ и убить одинъ рабочій, взявшій наперерѣзъ убѣгающему и уже было

схвативший его. Власти никак не могли прийти въ себя отъ удивления, куда могъ скраться убийца, котораго преслѣдовали по пятамъ; предполагали, что его ожидали на извѣстномъ мѣстѣ съ лошадыю... Часто, слушая разсказъ Попко объ этомъ дѣлѣ, читая его записки, въ которыхъ онъ изображалъ всѣ муки, вынесенныя имъ за эти страшные часы, я вспоминалъ разные quasi-психическіе анализы разныхъ *героев* въ историческихъ и не историческихъ романахъ: какъ все это далеко отъ правды и какъ блѣдно, если правдиво!...

Въ Одессѣ въ то время готовились побѣгъ Виктора Алексѣевича Малинки и Э. Студзинскаго. Попко, едва оправившись отъ киевскихъ происшествій, идетъ къ тюрьмѣ оказывать помощь бѣгущимъ. Вслѣдствіе того, что у бѣжавшихъ подломилась доска, которая они перекинули изъ оконъ камеры на тюремную ограду, побѣгъ не удался, и ожидавшіе ушли ни съ чѣмъ. Наступило лѣто 1878 г. Попко потянуло въ деревню, хотѣлось отдохнуть, успокоиться хоть сколько-нибудь; онъ и уѣхалъ въ деревню къ одному изъ товарищей, жившихъ въ Харьковской губ. Онъ зналъ, что въ Харьковѣ готовится освобожденіе одного изъ пяти осужденныхъ на каторгу по дѣлу 193-хъ, которыхъ должны были везти въ Печенѣжскую централку. Мысль объ освобожденіи кого-либо изъ осужденныхъ на каторгу зародилась еще во время «большаго процесса». Тогда хотѣли освободить И. Н. Мышкина, были сдѣланы и кое-какія приготовления, но благодаря тому, что Мышкина провезли слишкомъ скоро послѣ суда, приготовления не были окончены, и попытки освободить не было сдѣлано. Теперь организацию всего дѣла взяли на себя члены «Земли и Воли», но среди нихъ были участниками и южане-террористы (между прочимъ, Бранднеръ и Синтянинъ). Попко пріѣхалъ въ Харьковъ на другой день послѣ неудавшейся попытки. Онъ пошелъ на квартиру А. Синтянина, узналъ о неудачѣ и въ тотъ же день уѣхалъ обратно. При отъѣздѣ же, на вокзалѣ, онъ былъ свидѣлемъ ареста лучшаго своего товарища А. Медвѣдева. Нужно ли говорить, какъ тяжело былъ этотъ первый ударъ, первый арестъ члена того кружка 1878 г., который рѣшилъ посвятить свою жизнь террору.

Въ то время «террористы» успѣли уже заслужить всеобщее одобрение, но это одобрение главнымъ образомъ было пріобрѣтено «неудовольствиемъ», успѣхомъ первыхъ шаговъ; свѣжихъ же силъ еще не было, и сказать тогда, что это направленіе жизненно, что будущее за нимъ—нельзя было. Тѣмъ не менѣе ясно было, что еще два-три удачныхъ факта—и успѣхъ обезпеченъ за дѣломъ. Понятно, какъ страшень былъ каждый арестъ для дорожившихъ этимъ дѣломъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда думали. Уже въ то время начинали толковать о сѣзѣдѣ. На этомъ сѣзѣдѣ должна была быть выработана точная программа дѣйствій, а, главное, должно было произойти окончательное сплоченіе террористовъ, которые не принадлежали къ одному какому-либо кружку. Большинство ихъ было изъ одесскаго кружка, но также и изъ кружка «бунтарей», и изъ Харькова, изъ организаций «Земли и Воли». Сѣзѣдъ вначалѣ предполагался въ Одессѣ, въ августѣ 78 года, но, благодаря одесской демонстраціи и послѣдовавшему за ней погрому, не состоялся...

Григорій Аѳимовичъ
ПОПКО.

Какъ известно, послѣ самозащиты И. М. Ковальскаго было издано правительственное распоряженіе о томъ, чтобы за сопротивление властямъ судить военно-окружнымъ судомъ.

Въ Одессѣ, Харьковѣ, Киевѣ шли разговоры о томъ, какъ отвѣтить правительству на случай примѣненія новаго распоряженія. Кандидатомъ на военно-окружную судъ былъ, конечно, Ив. М. Ковальскій. Предполагали устроить во время суда надъ Ковальскимъ вооруженную демонстрацію, но большинство отвергло этотъ нерасчетливый проектъ. Отвергъ этотъ проектъ и весь кружокъ Попко. Однако, демонстрація, помимо воли большинства, помимо воли самихъ участвовавшихъ въ ней, все-таки произошла. Дѣло вышло такъ: солдаты, которые разогнали толпу, шумѣвшую передъ судомъ, послѣ объявленія смертнаго приговора Ковальскому, пустили въ ходъ приклады и, наконецъ, стали стрѣлять. Нѣкоторые изъ тѣхъ, у кого были револьверы, на солдатскіе выстрѣлы и приклады отвѣтили выстрѣлами. Замѣчательно, что стрѣляли вовсе не тѣ, которые были за демонстрацію, а наоборотъ, тѣ, которые были противъ нея, и стрѣляли не по заранѣ обдуманному намѣренію, а подъ вліяніемъ аффекта, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ солдатскихъ прикладовъ и двухъ убитыхъ товарищей. Сейчас же послѣ демонстраціи и власти, и бывшіе на мѣстѣ лица, преувеличили ея размѣры и значеніе. Въ преувеличенномъ видѣ извѣстіе дошло и до Попко, который былъ уже въ Киевѣ. Онъ тотчасъ же прѣехалъ въ Одессу. По прѣздѣ туда Попко нѣсколько разъ былъ на квартирѣ Чубарова и даже ночевалъ тамъ. У Чубарова онъ встрѣтилъ двухъ бѣглыхъ изъ Николаева черноморскихъ флотскаго экипажа матросовъ—Михаила Скорнякова и Петра Никитина. Эта встрѣча и погубила Попко. Въ августѣ 78 г. въ одной изъ одесскихъ пивныхъ были арестованы шпионами сошедшіеся на свиданіе Г. А. Попко, Д. А. Лизогубъ, А. П. Колтоновскій и А. А. Спандони. Попко и Колтоновскій были посажены въ часть.

Въ чистосердечныхъ, но далеко не правдивыхъ показаніяхъ такихъ господъ какъ Суворовъ, Скорняковъ, Никитинъ и Андрей Болomezъ квартира С. Ф. Чубарова сдѣлана была очагомъ революціи и самъ онъ чуть не генералиссимусомъ революціонныхъ армій. Неудивительно поэтому, что всякій, посѣщавшій этотъ очагъ, пріобрѣталъ въ глазахъ жандармовъ особую важность. Скорняковъ и А. Болomezъ признали Попко посѣщавшимъ квартиру Чубарова, и его, какъ «важнѣе», перевели въ тюрьму и посадили въ одну изъ башенъ.

Г. А. былъ увѣренъ, что дѣло Гейкинга откроется, и потому пророчилъ себѣ сначала долгосрочную каторгу; но время шло, шла монотонная тюремная жизнь, разнообразившаяся лишь обычными «протестами», исторіями, бунтами, съ ихъ послѣдствіями—карцеромъ, «на хлѣбъ, на воду», и проч. И Попко все болѣе и болѣе убѣждался, что его ждетъ свобода.

Ходили слухи по городу, что выходъ Попко изъ тюрьмы главнымъ образомъ зависитъ отъ нахождения поручителя, и ждали со дня на день прѣзда его дядюшки-генерала, который долженъ былъ взять его на поруки.

Все это было до того вѣроятно, что Г. А. подалъ прошеніе въ

жандармское управление о томъ, чтобы ему была доставлена возможность держать экзамены на 4-ый курсъ. Все время пребывания въ тюрьмѣ Попко зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось на свободѣ, велѣ дѣятельную переписку съ «вольными друзьями». Изъ ихъ писемъ онъ зналъ о проектахъ освободить А. Медвѣдева, о неудачныхъ попыткахъ сдѣлать это, зналъ онъ о намѣреніи убить харьковского губернатора Кропоткина¹⁾. Зналъ Попко и о многихъ другихъ планахъ, намѣреніяхъ и неудавшихся попыткахъ товарищей въ подобномъ же родѣ.

Въ это время сидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ студентъ Харьковского Ветеринарнаго Института Федоръ Курицынъ. Арестованъ онъ былъ въ началѣ 77 года по такъ называемому Елисаветградскому дѣлу. Сидѣлъ да посиживалъ Курицынъ въ Одесской тюрьмѣ, болталъ немного по своему дѣлу, однако первое время совсѣмъ мерзавцемъ его назвать было нельзя. Но вотъ «хронически» сидѣть надоѣло Курицыну и онъ предложилъ свои «услуги» жандармскому управленію. Особо ценныхъ свѣдѣній Курицынъ не могъ дать о творившемся на свободѣ, но могъ предать только своихъ прежнихъ товарищей, что и сдѣлалъ: благодаря ему повѣсили Виктора Малинку и Ивана Дробязгина. Дабы сдѣлать услуги Курицына болѣе полезными, его садятъ въ одну камеру съ однимъ изъ вновь арестованныхъ по дѣлу Чубарова. Выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Довѣрчивый и словоохотливый N быстро сходится съ «бѣлкой» и выкладываетъ ему все, что зналъ, а нѣрѣдко выдаетъ за дѣйствительность плоды собственнаго воображенія, благо оно еще не остыло... Онъ и себя не жалѣетъ и рисуетъ «ужаснымъ чelовѣкомъ». За довѣріе, за дружбу Ф. Курицына платитъ ежедневными рапортами въ жандармское управленіе, подъ видомъ «писемъ къ родителямъ». Узнали предательство Ф. Курицына не скоро, и потому приговоръ по Одесскому дѣлу былъ совершенно непонятенъ. Приписывали этотъ приговоръ показаніямъ А. Болomezа, Василія Веленницкаго, Суворова, а Курицына просмотрили. N былъ знакомъ съ Григ. А. Попко, благоговѣлъ передъ нимъ и въ яркихъ краскахъ расписывалъ революціонныя добродѣтели Г. А. «другу». Къ счастью, N мало зналъ о дѣлахъ Попко; зналъ только, что Попко принималъ участіе въ неудавшейся попыткѣ освободить Малинку и Студзинскаго, да что Попко—террористъ. «Попко—это самый умный, самый способный изъ террористовъ»—рекомендовалъ онъ Попко Курицыну. За хорошей отзывъ N ждала Г. А. вѣчная каторга. На терроръ со стороны революціонной партіи правительство отвѣтило казнями, а послѣ покушенія Соловьева Россія была объявлена на военномъ положеніи.

Мало кто изъ сидящихъ въ Одесской тюрьмѣ думалъ о томъ, что дѣло, склеенное, сшитое на живую нитку, приметъ такой оборотъ, какой оно приняло; даже для мѣстныхъ властей его исходъ былъ

¹⁾ Это намѣреніе, впрочемъ, возникло задолго до исполненія его Гольдштейномъ: убитъ Кропоткинъ былъ раньше сейчасъ-же послѣ получения изъ централя «Знамя погребенныхъ», и дѣло было-бы вполне непрячливо и безъ Гольдштейна.

Прим. автора.

не совсѣмъ ожиданъ. За недѣлю до суда обвиняемымъ выдали обвинительный актъ, и по обвинительному акту Попко былъ изъ наименѣе скомпрометированныхъ. Во всемъ обвинительномъ актѣ противъ него только и значилось, что былъ-де онъ на квартирѣ Чубарова и говорилъ съ Владиміромъ (Свириденко) о подложныхъ документахъ, что онъ ночевалъ у «капитана», не имѣя собственной квартиры, что прѣхавшій изъ Кіева «Владимірецъ» (Комовъ) однажды ночевалъ у Попко—да, кажется, и только. Попко отказался отъ всякаго участія въ судѣ; ни единого слова онъ не сказалъ въ свою защиту. Его приговорили къ вѣчной каторгѣ.

Осужденнымъ на смерть была оказана великая милость: имъ дозволено было сидѣть до казни съ кѣмъ пожелають изъ товарищей. Дм. А. Лизогубъ сидѣлъ съ Попко. Я уже говорилъ, что Лизогубъ одинъ изъ первыхъ принялъ предложеніе о террорѣ. Почти всецѣло на средства Лизогуба и жить сборный, немногочисленный кружокъ террористовъ 78 года. Тяжело было на душѣ Попко, тяжело ему было слышать, какъ Лизогубъ горячо скорбѣлъ о томъ, что ему не удалось совершить какого-нибудь террористическаго факта. Григ. А. чувствовалъ себя виноватымъ передъ Лизогубомъ: ему казалось, что какъ-будто Лизогубъ умираетъ вмѣсто него; что ему-бы, Попко, нужно быть казеннымъ. Невносимо тяжело ему становилось, когда онъ вспоминалъ, что вотъ завтра полный жизни и энергіи чelовѣкъ станетъ бездыханнымъ трупомъ, и нѣтъ силъ чelовѣческихъ спасти его отъ смерти. Но наступилъ моментъ разставанія, и Попко холодно простился съ Лизогубомъ. Эту холодность Попко никогда не могъ простить себѣ, никогда не могъ безъ горькаго упрека вспомнить ее. Онъ говорилъ, что въ минуту разставанія ему не вѣрилось, что Лизогубъ умретъ: онъ хотѣлъ выразить кипѣвшее чувство, хотѣлъ сказать что-нибудь задуманное и хорошее и не «сумѣлъ». И, дѣйствительно, Попко не умѣлъ говорить о чувствахъ; говорилъ онъ и нихъ уже тогда, когда могъ объективно отнестись къ прошлому, т. е. когда самая чувства, собственно говоря, не были уже чувствами. Былъ-ли въ претензіи Лизогубъ за холодность прощанія? Конечно, нѣтъ! Лизогубъ зналъ Попко не одинъ годъ; онъ зналъ, что Попко не говоритъ, а дѣлаетъ, что чувствомъ святой злобы владѣетъ всѣмъ сердцемъ друга; зналъ—и цѣнилъ тотъ единственный поцѣлуй, который далъ ему Попко. Лизогубъ оставилъ Попко всѣ свои вещи, свое послѣднее прощаніе, обращенное ко всѣмъ товарищамъ, которое, я не знаю почему, не было напечатано въ свое время. Попко-же онъ оставилъ свой написанный завѣтъ отmistить за смерть его, убить Панютина. Попко общался, и не его вина, что судьба не позволила ему исполнить обѣщаннаго. До послѣднихъ дней своей жизни Попко думалъ о мести за смерть Лизогуба; и горько, горько скорбѣлъ онъ, когда Панютина умеръ своею смертью, а не отъ руки кого-либо изъ друзей Дмитрія Андреевича.

10-го августа были казнены Д. Лизогубъ, С. Чубаровъ и І. Давиденко въ Одессѣ; 11-го августа И. Логовенко и С. Виттенбергъ въ Николаевѣ. Въ сентябрѣ осужденные въ каторгу и на поселеніе были отправлены по желѣзной дорогѣ въ Москву. Они знали, что ихъ не-

зуть в Сибирь, и это казалось счастьем: все-же лучше Сибирь известная, чѣмъ ужасы русскихъ централовъ.

Всю дорогу Попко мечталъ о побѣгѣ. Въ Красноярскѣ мелькнулъ лучъ надежды, но, благодаря неосторожности одного изъ знавшихъ о предстоящемъ побѣгѣ, начальство узнало о приготовленіяхъ, приняло мѣры и побѣгъ не удался. Бѣжать изъ Красноярской тюрьмы собралось 4—5 человекъ, и каждый изъ нихъ взялъ какое-либо обязательство. Попко взялъ на себя убійство Панютина. Въ Красноярскѣ-же изъ за какого-то тюремнаго недоразумѣнія произошелъ «бунтъ»: были желающіе устроить сопротивление, но дѣло кончилось трехдневной голодовкой, кандалами и наручнями. Въ декабрѣ 1879 года одеситы пришли въ Иркутскъ. Въ Иркутской тюрьмѣ сидѣли осужденные въ каторгу киеляне и харьковцы, ожидая отправки на Кару. Нѣсколько человекъ изъ нихъ задумали побѣгъ и для этого рыли подкопъ изъ тюремной больницы въ чуланъ смотрительской квартиры. Подкопъ къ приходу одесской партіи почти былъ конченъ. Ожидали только нѣкоторыхъ свѣдѣній съ воли. Одинъ изъ желавшихъ бѣжать уступилъ свое мѣсто Попко. Въ февралѣ 80 года въ 10 часовъ вечера Попко, Яцевичъ, Иванченко («Неизвестный, раненный въ голову»), Фомичевъ, Березнюкъ (Тищенко) и Волошенко вышли изъ тюрьмы. На условленномъ мѣстѣ бѣжавшихъ ждалъ Владимиръ Дебаторій-Мокривичъ; онъ имъ передалъ деньги, кое-какія вещи и нужная свѣдѣнія. Планъ былъ идти на рѣку Иркутъ, на китайскую границу, но бѣжавшіе не расчитали своихъ силъ. Хроническій голодъ съ самого Красноярска, благодаря тому, что свои деньги были истрачены на побѣгъ В. Избицкаго и Вл. Мокривича, а на казенныя «кормовыя» при тогдашней дороговизнѣ только-только что можно было не умереть съ голоду¹⁾, сильныя въ Иркутской тюрьмѣ почти безъ прогулокъ въ полуметриный камеръ, въ которой было набито нѣсколько десятковъ человекъ,—все это оказало вліяніе. Пройди нѣсколько верстъ, Яцевичъ, Фомичевъ и Иванченко,—который передъ побѣгомъ былъ боленъ вдобавокъ тифомъ,—не могли дальше идти и рѣшились пойти прямо по тракту на Усолье; на другой день, еще до начала розсывокъ, они были взяты въ первый-же кабакъ, куда зашла отдохнуть и погрѣться. 7-го февраля бѣжало еще двое: Н. Позень и А. А. Каложный (мичманъ), а 8-го февраля, благодаря отправки на Кару «партіи», побѣгъ былъ открытъ. Попко, Тищенко, Волошенко шли по тайгѣ тихо, еле двигаясь, но все же шли. Не помню на какой день ихъ бѣгства, они встрѣтили какого-то человека, который сказалъ имъ, что онъ знаетъ, кто они такіе—бѣглецы «государственные»,—но что онъ ихъ не выдастъ, и предлагаетъ имъ идти на Усолье (тамъ Александровская центральная каторжная тюрьма), гдѣ есть зимники, что въ какомъ нибудь зимникѣ они проживутъ до прекращения розсывокъ, а потомъ спокойно двинутся дальше. Ничего, конечно, не оставалось, какъ принять услуги неизвестнаго, который оказался бѣглымъ уголовнымъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Усоля, въ зимовкѣ, расположились бѣглецы... Провизію покупалъ уголовный; у нихъ было нигде негодное ружье и старая кляча, которая носила громкую клячку «Варвара», въ честь знаменитаго «Варвара», уезжавшаго убійцу Мезенцева. Зима 1879-80 г.г. была лютая, зимовье тѣсное, печь полуразрушенная; кругомъ глухая тайга. Но бѣжавшіе не унывали: они рубили дрова, стряпали, ходили за «Варваромъ», играли въ шахматы. Бывали минуты, когда Попко не сомнѣвался, что онъ доберется до Россіи. Деньгъ у бѣглецовъ было мало, нужно было во что бы то ни стало раздобыть. Рѣшаютъ, что нужно бѣжать въ Тунку и взять денегъ у кого-либо изъ товарищей. Вдуть Волошенко и уголовный. Въ Тункѣ Волошенко оставляетъ уголовного на площади, а самъ идетъ разыскивать кого нибудь изъ сыльныхъ. Попадъ къ товарищамъ, Волошенко заговорился, а уголовный, то-ли прельстившись великою платой за бѣжавшихъ, о которой слышалъ на пути, то-ли подумавъ что Волошенко его бросилъ,—пошелъ да и выдалъ, что въ Тунку прихлѣлъ Волошенко и что Попко и Березнюкъ скрываются тамъ-то. На другой день Попко и Березнюкъ были арестованы, а на третій очутились въ Иркутской тюрьмѣ, проживши на волѣ полтора мѣсяца.

Началась знакомая томительная жизнь впроголодь, безъ книгъ, безъ прогулокъ, въ одиночныхъ камерахъ. Начались допросы. Попко отказался отъ дачи показаній. Иногда въ корридорѣ надзиратели вели разговоръ о томъ, что скоро-де будутъ пороть государственныхъ преступниковъ за побѣгъ. Разговоръ этотъ велся нарочно такъ, чтобы заключенный его слышалъ. Нечего и говорить, что это все не могло настроить на веселый ладъ Г. А. Съ самаго дня поимки, Попко какъ и прочіе бѣглецы, былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы. Особенно мучительны были наручни. Правда нѣтъ такихъ наручей, которыя нельзя было-бы снять, но надзиратели такъ зорко слѣдили, что снимать можно было только на ночь, да и то не всегда. Въ іюль или августѣ Г. Анф. былъ переведенъ въ секретный корридоръ, гдѣ помѣщались въ одной камерѣ, шагомъ 8 длины и 5—6 ширины, всѣ остальные бѣглецы. Начальство, большое и малое, всячески старалось досадить пытавшимся бѣжать: это были его личные враги,—за нихъ же оно получило чуть не высочайшій выговоръ. Придирки, всяческія униженія слѣдуютъ одно за другимъ вплоть до самыхъ грязныхъ мелочей, въ родѣ помѣхи удалять общепринятыми способами «парашку». Борьба арестантовъ съ начальствомъ по одному изъ подобныхъ поводовъ продолжалась мѣсяцъ слишкомъ и кончилась лишь отправкой бѣглецовъ на Кару. Положеніе было действительно ужасное, а тутъ еще имъ предлагаютъ идти въ полицію на медицинское освидѣтельство, способные-ли виновный выдержать наказаніе плетями. Идти въ полицію они отказывались. «Ну что же—хладнокровно говорилъ полиціймейстеръ²⁾,—свидѣтельство

¹⁾ Кормовыхъ было 14 коп. привилегированнымъ, 10 коп. непривилегированнымъ, а 1 ф. хлѣба стоилъ 7 коп.

вание—простая формальность, можно и без него обойтись.... Въ один прекрасный день врываются толпой солдаты въ камеру заключенныхъ, выводятъ ихъ по одиночкѣ и ведутъ въ полицію. Здѣсь читаютъ приговоръ. Приговоръ оказался безъ плетей: не посылъ! За побѣгъ Попко приговоренъ къ 3 годамъ тачки и весь срокъ каторги пробить въ «испытумныхъ», т. е. всѣ 20 дѣтъ просидѣть въ тюрьмѣ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, какъ это полагается по VI т. законовъ, тогда какъ уголовный, осужденный въ безсрочную каторгу, сидитъ въ тюрьмѣ по закону 11 дѣтъ, а кандалы носить $\frac{2}{3}$ этого срока. Тяжелое испытаніе кончилось! Почти полтора года прожили несчастные подъ дамкловымъ мечемъ.

Въ сентябрѣ пришли изъ Россіи партіи осужденныхъ на каторгу во второй половинѣ 79 и въ началѣ 80 г.... Скоро двинулись и на Кару. Вдохнули подлой грудью бѣглеца, оставивъ за собою ужасный Иркутскъ. Все время пути на Кару Попко начиналъ думать снова о побѣгѣ, но денегъ было такъ мало, а опытъ былъ такъ поучителенъ, что въ концѣ концовъ побѣгъ откладывался до Кары.

15 сентября 80 г. Попко вмѣстѣ съ другими прѣхалъ на Кару. Тамъ въ то время жилось сравнительно вольно. Были земляныя работы на открытомъ воздухѣ; къ работамъ никто не принуждалъ и работали, кто хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Эти работы и поддерживали здоровье заключенныхъ, потому что пища и гигиеническія условія были не блестящи. Въ то время Попко еще лелѣялъ мечту о возможности массоваго побѣга при помощи людей изъ Россіи. Въслѣдствіе этой надежды первое время жизни на Карѣ онъ и не предпринималъ чего-либо, а занялся изученіемъ французскаго и англійскаго языковъ, чтеніемъ.... Такъ прошла зима.

Весна въ тюрьмѣ, въ смѣлкѣ совѣмъ не то, что на свободѣ. Весна для заключенныхъ—самое критическое время. Сколько безумныхъ плановъ, надеждъ рождается весною! Сколько отчаянныхъ попытокъ! Весной 81-го года на Карѣ начались горячіе толки о побѣгѣ, и одинъ изъ самыхъ оживленныхъ центровъ подобныхъ толковъ были нарм, гдѣ спалъ Попко.

Новая партія, прѣхавшая во второй половинѣ февраля и состоявшая главнымъ образомъ изъ киевлян по процессу Жукова и Игн. Иванова, настраивала еще больше на всякаго рода планы. Эта партія привезла массу новостей, отъ которыхъ и кровь быстрѣ текла въ жилкахъ, и сердце скорѣ билось. Настроение большинства было бодрое. Революціонная партія гремѣла, и эхо ея дѣятельности достигло Карійской тюрьмы и наполняло душу заключенныхъ восторгомъ.... Всякій несбыточный планъ казался возможнымъ. Страстно хотѣлось вырваться на свободу и приложить и свои руки къ великому дѣлу.

Въ маѣ мѣсяцѣ на Карѣ начались земляныя работы. Для государственныхъ преступниковъ было отведено особое мѣсто, гдѣ они должны были снимать пласты земли, торфа. Попко былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ работниковъ: онъ работалъ для укрѣпления въ виду скорого побѣга. Въ то же время было нѣсколько попытокъ добыть оружіе, такъ какъ одинъ изъ плановъ побѣга окончился на проломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но всѣ попытки окон-

чились неудачей. Выйти изъ тюрьмы думали черезъ подкопъ, но рыть его не рѣшались, такъ какъ предстоялъ переводъ въ новую тюрьму. 3 ноября 81 г. тюрьма и была переведена со средняго промысла на нижній.

По переходѣ въ новую тюрьму Попко поднималъ вопросъ среди своихъ близкихъ товарищей, не слѣдуетъ ли, не начиная приготовленій для массоваго побѣга, выпустить двухъ или трехъ человекъ для того, чтобы они и денегъ добыли, и помогли остальнымъ. Мысль о невозможности и безсущественности побѣга въ большемъ числѣ заразъ давно уже занимала Попко; онъ еще въ старой тюрьмѣ проводилъ ее. Но этотъ благоразумный планъ не нашелъ сочувствія среди группы Григ. А., и онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей присталъ къ плану подкопа, начатаго уже нѣкоторыми отдѣльными лицами. Послѣдніе не составляли группы въ тѣсномъ смыслѣ, группы, которая была бы солидарна не только въ дѣлѣ сговора къ общему побѣгу, но и по убѣжденіямъ и планамъ дѣятельности въ будущемъ на свободѣ въ Россіи. Въ начатый подкопъ Попко не вѣрилъ; онъ былъ убѣжденъ, что начальство знаетъ о его существованіи, и присталъ къ нему только для того, чтобы отвести глаза начальству. «Принимаютъ участіе многие; значитъ, только и есть одинъ подкопъ: такъ будетъ думать начальство»—говорилъ Попко.

Предположеніе Попко о томъ, что начальство знаетъ о предпріятіи, скоро подтвердилось. Тогда одновременно съ этимъ безнадѣжнымъ подкопомъ былъ начатъ другой, существованіе котораго держалось въ строгой тайнѣ. Душою этого дѣла были Попко и еще одинъ его близкій товарищъ. Они влоумѣ придумали очень остроумный выходъ на чердакъ: потолокъ корридора былъ ниже потолка камеры, и, выклинивъ кусокъ бревна въ стѣнѣ камеры, можно было вылезть на чердакъ. Въ тюрьмѣ не было внутренняго караула; только при смѣнѣ часовыхъ и еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ заходили патрули на дворъ тюрьмы. Для предупрежденія о появленіи патруля заключенные ставили на чердакъ, у слуховаго окна, часового, въ руки котораго была веревка, протянутая въ камеру къ звонку. Раздавался звонокъ, и работы прекращались. На чердакъ же стаскивали вырпугую землю, разстилая ее ровными слоями и утаптывая такъ, чтобы незамѣтно было, что она свѣжая. Дѣлъ доски въ полу были вынуты, и вмѣсто гвоздей были винченныя винты, совершенно похожіе на прежніе гвозди и державшіе доски не менѣе крѣпко, чѣмъ гвозди. Чтобы подкопъ не былъ открытъ и въ томъ случаѣ, если бы сорвали полъ, въ колодезь подкопа былъ вѣланъ ящикъ, совершенно закрывавшій дыру; въ него насыпали точно такой же цементъ, какимъ была утрамбована и залита почва подъ поломъ. Дыра на чердакъ и самый подкопъ были такъ остроумно скрыты, что первую открыли только послѣ того какъ Овчинниковъ, знавшій о прорѣзѣ въ стѣнѣ, предалъ товарищя, а дыру въ подкопѣ долго не могли найти и скрыли чуть не всю землю подъ поломъ, пока отыскали ее. Овчинниковъ зналъ, что подкопъ есть, но не зналъ—гдѣ именно. До предательства-же Овчинникова несмотря на тщательнѣйшіе обыски, ничего не подозревали.

Въ февралѣ 82 г. снова прѣѣхала партія каторжанъ изъ Россіи, и работы въ подкопѣ въ виду нѣкоторыхъ соображеній временно были прекращены. Новая партія, вполне понимая несбыточность мечты о массовомъ побѣгѣ, предложили средства избѣжать нѣкоторымъ лицамъ. Предпріятіе не удалось. Тогда прѣѣхавшіе на свой страхъ и рискъ рѣшили выпустить двухъ человѣкъ. Однимъ изъ нихъ былъ И. Н. Мышкинъ, который долженъ былъ самъ выбрать себѣ спутника. Этому спутникомъ Мышкинъ предложилъ быть Попко. На несчастье ждали посѣщенія Галкина-Врасского, и Попко, думая, что отсутствіе его, какъ прикованнаго къ тачкѣ, можетъ быть скоро замѣчено, отказался, хотя именно это была его давнишняя мечта. Нужно-ли говорить, что въ побѣгѣ Мышкина и Н. Г. Хрущева Попко принималъ горячее участіе?

Галкинъ-Врасскій остался недоволенъ тюремными порядками, и было рѣшено отнять «вольности», которыми пользовались карийцы; однако, сдѣлать это не рѣшались, пока сами заключенные не дали къ этому повода. 1-го мая былъ открытъ побѣгъ 8 человѣкъ; начались обыски, и начальство начало заговаривать, впрочемъ очень мягко, о предполагаемыхъ «нововведеніяхъ». Заключенные рѣзко заявили, что дѣлать эти «нововведенія» въ ихъ жизни они не позволяютъ. Было это заявлено по частному, собственно говоря, случаю. Бутановъ, помощникъ завѣдывающаго Нерчинскими рудниками, передалъ «предложеніе» Галкина побрить половину головы. Послѣдовалъ рѣзкій единодушный отказъ. Большинство рѣшило не позволить брить себя, хотя бы цѣною жизни, и какъ-то внезапно созрѣлъ безумный планъ: когда казаки ворвутся въ тюрьму, забарикадировать всѣ входы и выходы и предать себя сожженію. Мысль была, конечно, страшная, тѣмъ не менѣе въ то время большинство было охвачено ею. Была собрана сходка. На этой сходкѣ были распределены роли. Распорядителемъ былъ избранъ Д. М. Рогачевъ; однимъ изъ поджигателей Григ. А. Попко. Часовые по-смыслу караулили на крышѣ и у входа въ тюрьму всякое движеніе неприятели. По сигналу часовыхъ всѣ должны были собраться въ одну камеру, и тюрьма, подоженная съ разныхъ угловъ, вспыхнула бы словно спичка. Это неминуемо и случилось-бы, если бы не Быдарины. Онъ улучилъ минуту, явился передъ начальствомъ и повѣдалъ, что думаетъ сдѣлать тюрьма. Начальство начало готовиться къ серьезному нападенію. Эти приготовления и разстроили задуманное дѣло. Заключенные о нихъ не знали и думали, что начальство рѣшило уступить; думали такъ, конечно, главнымъ образомъ потому, что страшное нервное напряженіе утомило всѣхъ: «нервы устали», бдительность ослабѣла; явились и многочисленные противники плана и... 11 мая 500 казаковъ, ворвавшись раннимъ утромъ, застали всю тюрьму спящей. Спротивленіе было оказано только единичными лицами, да и то больше принципиальное, а не такое, какое было бы, если-бы казаки ворвались, когда нервы были настроены высоко, когда смерть являлась чуть не счастьемъ...

«Главарей» отправили въ усть-карийскія одиночки; но среди нихъ не было Попко. Начальство считало его скромнымъ, а Быдарины, явившій планъ товарищій изъ-за страха сгорѣть вмѣстѣ съ ними, не

былъ способенъ дать истинную характеристику значенія Попко въ тюрьмѣ.

Въ самый день нападенія начальство и казаки отвели свое раздраженіе на арестантовъ, причинившихъ имъ столько хлопотъ: батальонный командиръ Руденко, придравшись къ тому, что С. Бобоховъ не всталъ при его входѣ, бросился на заключенныхъ съ толпой казаковъ, и произошла дикая сцена избіянія прикладами безоружныхъ людей...

Тяжелое время наступило для тюрьмы послѣ 11 мая: отняты были всѣ вещи, постели, книги, вся «мебель»; отнято было право трапезы собственныя деньги на улучшеніе пищи; кормили вонючимъ мясомъ да знаменитой «баландой»; производились чуть не ежедневные обыски, проверки съ переключкой по именному списку; прогулки не было. Тюрьму начали перестраивать: каждую камеру разбивали на три камеры и корридорчикъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ сопротивленіе «скопомъ»; парашки стояли въ камерѣ день и ночь. Потомъ прѣѣхали жандармы съ Халтуринимъ во главѣ, начали брить. Всѣ были закованы въ ножные кандалы, а осужденные въ безсрочную каторгу и въ ручные. Тяжело было жить, но многимъ думалось, что страданія эти не бесполезны, что уйдутъ по крайней мѣрѣ бѣжавшіе... Лопнула и эта надежда: всѣ восьмеро были пойманы. Мышкинъ и Хрущовъ были арестованы во Владивостокѣ, въ то время, когда собирались уже сѣсть на пароходъ. Новое «начальство», легко отнявъ у заключенныхъ всѣ «вольности» тюрьмы, готовилось сдѣлать дальнѣйшій шагъ по пути приравненія государственныхъ преступниковъ съ уголовными: оно имѣло въ виду примѣнить тѣлесное наказаніе... Какъ первый опытъ этого «нововведенія», была произведена экзекуція надъ «quasi-государственнымъ» Цыповымъ... Заключенные молчали, но уже въ то время Рогачевъ и др. вели агитацію среди товарищей за «голодовку»; переведенные изъ Усть-Кары отгважили ее по разнымъ соображеніямъ. Дѣло голодовки рѣшило само начальство: оно потребовало Овчинникова на освидѣтельствованіе къ доктору, освидѣтельствованіе-же, какъ извѣстно, производится передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Ясно было, что это второй опытъ Халтурина... Чаша терпѣнія заключенныхъ переполнилась... 13 июля они отказались отъ пищи. Отказался, конечно, и Г. А. Всѣ 12 дней голодовки они чувствовали постоянный позывъ къ пище; у большинства-же голодавшихъ аппетитъ во второй-третей день совсѣмъ исчезалъ и кромѣ слабости, все возраставшей, кроивъ сознанія, что быстрыми шагами приближаешься къ смерти, никакихъ мученій не испытывали. 26 июля «голодный бунтъ» кончился. Нельзя сказать, чтобы заключенные ничего не добились; примѣненіе тѣлеснаго наказанія надолого отошло въ область грознаго мѣна, но кто знаетъ, на сколько лѣтъ сократилась жизнь каждого изъ голодавшихъ?

Послѣ голодовки разрѣшили опять прогулки. Попко, прикованный къ тачкѣ, не ходилъ гулять; онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на нарахъ въ сырой и холодной камерѣ... Надежды на побѣгъ, конечно, не было и Попко считалъ себя теперь на вѣки погребеннымъ. Онъ не потерялъ интереса къ тому, что творится на любимой и несчастной ро-

дней, а сбавил лихорадочно за всё, что так или иначе касалось побед и поражений дорогого дёла. Он не сбавлял индифферентности и в так называемых тюремных дёлах. Но мысль о том, что для него возврата нѣтъ, неотступно стояла перед ним, и особенно съ этимъ изменилось всегдашнее строение Гр. А. Постоянная сосредоточенная грусть была написана на его лицѣ. Онъ не вель уже одушевленными бесѣда о томъ, что они будутъ дѣлать, когда воротятся въ Россію. И къ умственнымъ занятіямъ у него пропала охота. Правда, онъ читалъ, изучалъ нѣмецкій языкъ, но вяло, безцѣльно, такъ, лишь-бы что-нибудь дѣлать. «Къ чему заниматься? Для чего, когда возврата нѣтъ?» Попоко сталъ съ этого времени и противникомъ побговъ, находя, что на бѣжавшихъ лежитъ слишкомъ тяжёлая отвѣтственность за ухудшеніе положенія оставшихся товарищей. А жились все не легче: одного увезли въ Шлиссельбургъ, 17 человекъ сидѣли въ одиночкѣ...

Лѣтомъ 83 г. Попоко наконецъ слегъ...

13 января 1884 г. умеръ Д. М. Рогачевъ, близкій товарищ и старый пріятель Попоко. Все время болзанъ Рогачева Попоко часто заводилъ разговоры объ умирающемъ, возмущался, что живые такъ скоро забываютъ погибшихъ. Чаше и чаще онъ вспоминалъ свою родину. Кавказъ, югъ, дѣтство... Лѣтомъ 1884 г. Попоко заболѣлъ водянкой. Все чаще онъ повторялъ: «если я и вылежусь теперь, я скоро все равно умру». Онъ просилъ товарищей отравить его, когда они будутъ увѣрены въ его близкой смерти. Онъ и самъ отравился бы, но боялся, что вслѣдствіе этого Веймаръ запретитъ лечить товарищей, отберутъ аптеку. Въ началѣ 1884 года начали приходиться извѣщенія отъ преловутой комиссіи о разныхъ смягченіяхъ. По дѣлу Попоко не были сокращены вовсе сроки только тремъ: Г. А. Попоко, М. И. Кутитонской и Андрею Баломезу. Всѣмъ остальнымъ савлено по трети, а нѣкоторымъ сроки сокращены весьма значительно.

Въ концѣ 84 г. Попоко окончательно бросаетъ занятія; по цѣлымъ днямъ онъ лежитъ на больничной койкѣ. Каждый день у него лихорадка; желудокъ не варитъ; онъ гаснетъ видимо на глазахъ у всѣхъ; наконецъ, онъ глюхнетъ...

22 марта 1885 года незадолго до того выпущенные въ волюную команду и трое изъ тюремъ отнесли и сами зарыли трупъ Г. А. на тюремномъ кладбищѣ. Онъ похороненъ рядомъ съ Е. Семьянскимъ. Внизу лежатъ Д. Рогачевъ, В. Жуковъ и маленький сынъ Ястребскаго... Начальство хотѣло похоронить Попоко «по христіанскій» съ попомъ, но Веймаръ, зная все отвращеніе покойнаго отъ подобныхъ обрядовъ, уговорилъ начальство не дѣлать этого. Согласно его желанію, Попоко былъ похороненъ безъ всякихъ обрядовъ...

Григорій Анфимовичъ Попоко нашель первый источникъ своего умственнаго и нравственнаго развитія въ статьяхъ Добролюбова, хотя, можетъ быть, въ это время недостаточно ясно понималъ его, подобно и многимъ другимъ своимъ современникамъ. Но онъ самостоятельно пошелъ дальше и изъ жизни вынесъ ту нравственную крѣпость, то строгое, неумолимое отношеніе къ себѣ, которое такъ высоко ста-

вило его надъ большинствомъ его товарищей. Съ тѣмъ вмѣстѣ всё его стремленіе, помыслы направлялись на переработку общественныхъ формъ во имя любви къ русскому народу. Эта любовь была въ немъ не привинная, а внесенная въ него самою жизнью, и для согласенія поступковъ съ идеями ему не нужно было, подобно многимъ другимъ революціонерамъ, ломать себя, чтобы стать народникомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но когда для службы дѣлу ему приходилось поступать противъ личныхъ влеченій и симпатій, онъ умѣлъ не колебась слѣдовать своему убѣжденію. Такъ онъ поступилъ въ дѣлѣ Гейкина, какъ ни велики были при этомъ его личныя нравственныя страданія. Къ тому-же онъ обладалъ замѣчательнымъ политическимъ чутьемъ. Одинъ изъ первыхъ на югъ онъ понялъ, на зло личнымъ симпатіямъ, что политическая свобода является необходимымъ условіемъ экономическаго улучшенія положенія русскаго народа. Когда пріемы терроризма встали неизбежною задачею предъ умами русскихъ революціонеровъ, Попоко явился однимъ изъ первыхъ въ приложенія ихъ на дѣлѣ. Въ своихъ симпатіяхъ къ народу, нераздѣльныхъ отъ борьбы за политическую свободу, Гр. А. былъ провозвѣстникомъ Народной Воли, программу которой, уже будучи на каторгѣ, онъ воспринялъ всецѣло. Однако до конца дальнѣйшая борьба представлялась ему не въ формѣ политической революціонной дѣятельности, а главнымъ образомъ, на почвѣ аграрнаго террора. Побудительнымъ мотивомъ всей его дѣятельности была любовь къ русскому народу, — не къ народу отвлеченному, созданному воображеніемъ, но къ народу живому, который такъ и чистъ, и великъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ такъ слабъ, такъ грубъ и теменъ. Любимый разговоръ Гр. А. былъ о народной жизни, о чертахъ народнаго характера, которая сулятъ русскому народу великое будущее. Гр. А. посвятилъ себя революціонной дѣятельности, потому что въ ней одной видѣлъ путь ко благу народа, и все пріорочивалъ къ этой дѣятельности. Онъ читалъ, учился, работалъ, всегда имѣлъ въ виду, насколько то, что онъ дѣлаетъ, будетъ пригодно ему какъ революціонному дѣятелю. Именно поэтому онъ приобрилъ массу мелкихъ практическихъ и техническихъ свѣдѣній, такъ что товарищамъ приходилось удивляться, откуда онъ все это знаетъ.

Что касается его теоретическаго міросозерцанія, то онъ вынесъ изъ семинаріи непримиримую ненависть къ православію, смотрѣлъ подозрительно на всякій мистическій или метафизическій элементъ, который могъ, по его мнѣнію, вести къ какому-либо примиренію съ этимъ ненавистнымъ ему воззрѣніемъ, и стоялъ всего ближе къ материалистическому позитивизму. Но въ его характерѣ преобладало не теоретическое направленіе, а непреклонная сила воли: онъ былъ особенно человѣкомъ дѣла.

Именно это преобладаніе жизни, энергій надъ теоріей въ личности Гр. А., можетъ быть, дѣлало его въ высшей степени терпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ и поступкамъ при большой строгости къ самому себѣ и вызывало къ нему самыя теплыя симпатіи даже въ людяхъ, вовсе не расположенныхъ къ симпатическому настроенію, или прямо способныхъ къ подлымъ дѣламъ и къ предательству. Онъ защищалъ во всѣхъ случаяхъ право чело-

вѣка имѣть свое мнѣніе и поступать сообразно этому мнѣнію, хотя бы оно рѣзко расходилось съ тѣмъ, что онъ, Попко, считалъ обязательнымъ для себя. Самъ онъ отказывался давать показанія на слѣдствіи и на судѣ, прямо разорвалъ съ родными, имѣвшими въ виду «принасть къ стопамъ» царя съ «жольбою о смягченіи его участи», но съ большою терпимостью относился къ тѣмъ, которые на допросъ отказывались отъ участія въ партіи, пытались выгородить себя отъ компрометирующихъ обстоятельствъ, и за которыхъ «хлопотали». Немногимъ людямъ, входившимъ съ нимъ въ личныя сношенія, Попко не внушалъ самыхъ теплыхъ симпатій. Характеристиченъ фактъ, что Попко часто жаловался на свое неужьне сходить съ людьми и говорилъ, что дорого даль-бы за это умѣнье, между тѣмъ какъ люди сами охотно къ нему привязывались. Горячо любимая имъ дѣвушка, вполне раздѣлявшая его убѣжденія, готова была ѣхать за нимъ въ Сибирь; онъ на отрѣзъ отказался и на которгѣ часто думалъ о томъ, какъ бы привязанность къ нему не помѣшала ей всецѣло отдаться революціонному дѣлу. Но эта дѣвушка была достойна любви Гр. А. Даже предатель, выдавшій всѣхъ и имѣвшій полную возможность выдать Попко, умолчалъ о немъ, объясняя послѣдствіи это тѣмъ, что «любилъ его, хотя и не зналъ за что, такъ какъ былъ мало съ нимъ знакомъ».

Характеристическою чертою Попко была еще ненависть ко всякой рисовкѣ, ко всякому эффекту, ненависть доходившая даже до отреченія отъ прежнихъ поступковъ, въ которыхъ его личность неизбѣжно выступала болѣе или менѣе ярко на видъ; до крайней конфузливости въ рѣчи, какъ только его только его слова дѣлались предметомъ общаго вниманія и онъ самъ—невольнымъ центромъ собранія. По этому самому онъ не былъ ораторомъ; на сходкахъ и передъ незнакомыми людьми говорилъ не охотно и мало, а то и вовсе молчалъ. За то онъ умѣлъ слушать и, при этомъ, до крайности раздражался всякою попыткою другихъ рисоваться, бить на эффектъ.

Много еще могъ-бы я рассказать о покойномъ, но это было бы повтореніемъ сказаннаго. Мнѣ было-бы больно, если-бы эта характеристика моего друга показалась «похвальнымъ словомъ». Но что же дѣлать, когда характеръ, дѣла, всѣ онъ, милый и дорогой товарищъ возбуждаетъ во мнѣ только умиленье, благоговѣніе, удивленіе...

Да простится мнѣ, если я въ этомъ очеркѣ жизни горячо любимаго товарища допустилъ какую-либо ошибку или неточность. Я желалъ сказать лишь правду, да и глать мнѣ было не для чего, говоря о *такомъ* человѣкѣ, какимъ былъ Г. А. Попко...

Такие люди гибнуть, а такіе какъ Фед. Курицынъ

Р. Стеблинъ-Наменскій.

Западные друзья Герцена.

(Окончаніе) ¹⁾.

Гарибальди

Отъ героевъ пера и слова мы переходимъ къ людямъ практической борьбы, къ итальянскимъ борцамъ за свободу. И хотя Герцень по натурѣ и роду своей дѣятельности самъ принадлежалъ къ первымъ, но ни одинъ изъ нихъ не привлекалъ его къ себѣ такъ, какъ эти агитаторы, заговорщики и солдаты. Онъ высоко цѣнилъ Прудона, уважалъ Мишле, удивлялся таланту Гюго,—но влюбленъ онъ былъ въ Гарибальди и съ одушевленіемъ онъ говоритъ о дѣятельности Маццини, о характерѣ Орсини, о подвигахъ Пизакане и Чичероваккіо. Тутъ сказалось, разумеется, и обычное обаяніе смѣлаго дѣла для всякой гамлетовской натуры, но были и другія причины. Какъ это ни странно, итальянскій народный характеръ, повидимому, ближе къ русскому, нежели какой-либо другой национальный характеръ въ Европѣ, и точкой сходства—это можетъ показаться еще болѣе парадоксальнымъ—является какая-то простота, отсутствие рисовки, честность чувства и его проявленія у обихъ. Есть разница въ темпераментѣ, но и только; итальянецъ страстенъ—и тѣмъ увлекаетъ русскаго, тогда какъ французъ риториченъ и кажется фальшивымъ. Именно этой чертой психологическаго родства объясняется, вѣроятно, и то обстоятельство, что на попрѣци революціонной дѣятельности русскіе сближаются съ итальянцами чрезвычайно легко и тѣсно: стоитъ вспомнить Бакунина, Льва Мечникова, Степняка. Да и вообще, ни одно освободительное движеніе не представляетъ такого сходства съ нашимъ—и по общему характеру, и по типамъ борцовъ,—какъ итальянское, при всемъ различіи между освобожденіемъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Но и помимо этихъ общихъ причинъ, самая личность итальянскихъ друзей Герцена была такою, что при одномъ перечисленіи ихъ именъ понятнымъ становится очарованіе, которое они производили на него. Они не только блещутъ всемірной славой, эти имена Гарибальди, Маццини, Орсини, Саффи,—звукъ ихъ именъ не только

¹⁾ Опущены строки, направленные по адресу послѣднато и выходящія къ маццини.

¹⁾ См. „Визол“, апрѣль.

вызывает в памяти картины необыкновенных дѣл и необыкновенных превратностей, безпримѣрного героизма и титанической борьбы: главное то, что их образы сияютъ въ прошломъ такой удивительной человѣческой красотой, перedy которой не меркнетъ развъ только плеяда нашей «Народной Воли». Въ нихъ сочеталась великая духовная мощь съ необычайной чистотой характера; это были люди большого калибра, исключительно одаренные въ смыслъ ума и воли, и вмѣстѣ—идеалисты чистѣйшей воды, такъ что вся сила была гармонически подчинена въ нихъ высокому стремленію духа, свѣтлой мечтѣ человѣческой. И все это во-внѣ было такъ строго и просто, такъ ласково и *трусно*, какъ пѣсни генуэзскихъ рыбаковъ. Ихъ дѣятельность была элементарна: разговоры, возстанія, походы; но мыслили они глубоко и сложно, и далеко заглядывали вдале. Въ будни люди сурового практическаго дѣла, они въ свободныя минуты оказывались на одномъ уровнѣ съ самыми передовыми умами вѣка,—и даже впереди многихъ, либо свободою духа, какъ Гарибальди, либо глубиною прозрѣнія, какъ Мацини. Такимъ образомъ, они и умственно были по плечу Герцену.

Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ Гарибальди, послѣдней легендарной личности въ исторіи Европы, народному герою, всю жизнь служившему свободѣ народовъ—въ родной Италіи, въ Южной Америкѣ, во Франціи, республиканцу и демократу до мозга костей; его Герценъ любилъ всего нѣжнѣе и восторженнѣе.

Они познакомились въ Лондонѣ въ 1854 году. Гарибальди было уже подъ пятьдесятъ. За нимъ было 20 лѣтъ борьбы и скитаній, смертный приговоръ и тысячи смертельныхъ опасностей, Южная Америка и геройская оборона Рима въ 49 году; онъ былъ кумиръ итальянскаго народа и герой въ глазахъ всего міра, его статуэтки продавались во всей Европѣ. Онъ опять провелъ теперь четыре года въ Южной Америкѣ, куда ухажъ послѣ потери Рима и любимой Аниты; весной 1854 г. онъ вернулся оттуда въ Европу, привезя изъ Бостона въ Лондонъ американскій корабль *Commonwealth*,—и тутъ то, въ Индійскихъ докахъ, Герценъ былъ представленъ ему Гаукомъ и Орсини.

Герценъ въ разныхъ мѣстахъ разсказалъ, какое впечатлѣніе простоты и силы произвелъ на него этотъ герой, «цѣлкомъ взятый изъ Корнелія Непота», какъ они завтракали вчетверемъ въ его каютѣ, какъ Гарибальди въ тотъ же день, засидѣвшись поздно въ Лондонѣ, ночевалъ у Герцена, и на слѣдующій день пошелъ гулять съ Сашей, сыномъ Герцена, и съ прогулки принесъ къ обѣду сдѣланный въ городѣ дагерротипъ Саши. Ихъ раздѣляло, казалось-бы, непреодолимое пространство. Прошлое и дѣятельность—все было у нихъ различно. Одинъ—человѣкъ практическаго и грубаго дѣла, простой морякъ и вождь ополченій, другой—аристократъ по привычкамъ, челоѣкъ мысли и нервъ, гибкій, тонкій, блестящій, изысканный умъ... Значитъ, сильна же была въ обоихъ та общая черта, которая ихъ связала,—преданность дѣлу свободы, и очевидно, прекрасна была въ своемъ существѣ, подъ внѣшнимъ блескомъ, личность Герцена, если такъ сразу, несмотря на всѣ различія, полюбилъ его мудрый и простой народный

герой Италіи! А что онъ полюбилъ его отъ души, объ этомъ свидѣтельствуютъ два письма Гарибальди, писанныя имъ Герцену тотчасъ послѣ этого перваго знакомства. Первое помѣчено: Лондонъ, 14 марта 1854. Повидимому, Саша Герценъ и Мальвида Мейзенбургъ (губернантка дѣтей Герцена) поѣхали Гарибальди на его суднѣ, тогда какъ самъ Герценъ принужденъ былъ остаться дома. «Соотечественникъ», о которомъ говорится и въ этомъ, и въ слѣдующемъ письмѣ,—тотъ бѣглый русскій матросъ, котораго Гарибальди, по просьбѣ Герцена, нанялъ къ себѣ и который еще до отплытія сбѣжалъ съ корабля, бросивъ свои пожитки (Герценъ разсказалъ этотъ эпизодъ въ «Лондонской волнищѣ 50-хъ годовъ»).

«Дорогой Герценъ,—пишетъ Гарибальди 1),—Ваше нездоровье лишило меня удовольствія видѣть васъ, и я серьезно на него за это; надѣюсь, что оно смилостивилось и теперь уже оставило васъ. М-Не и Александръ сдѣлали все, чтобы оживить и украсить каюту *Commonwealth'a*. Вашъ соотечественникъ ведетъ себя прекрасно и я надѣюсь, что мы всегда будемъ друзьями. Мнѣ, конечно, нѣтъ надобности въ немъ, чтобы вспоминать васъ, но я чувствую къ нему расположеніе, потому что онъ отъ васъ. Если успѣю, то буду у васъ; во всякомъ случаѣ я вашъ другъ навѣки, Вашъ Дж. Гарибальди».

Второе письмо датировано 26-мъ марта; оно писано уже изъ Ньюкестля, куда, по пути къ берегамъ Италіи, Гарибальди зашелъ изъ Лондона за углемъ. «Какъ вы уже вѣрно знаете теперь, вашъ соотечественникъ остался въ Лондонѣ; признаюсь, это было мнѣ очень досадно. Часть его вещей осталась здѣсь, и я хотѣлъ бы знать, даюте-ли вы прислать его сюда, или я долженъ доставить вамъ его вещи? Напишите мнѣ вашъ адресъ; я не совсѣмъ звѣренъ въ немъ. Сердитесь ли вы на меня за то, что я не написалъ вамъ тотчасъ? Будьте терпѣливы. Я сердцемъ вашъ другъ. Что подвѣживаетъ Александръ, любезная губернантка и ваши прелестныя дѣвочки? Я надѣюсь увидѣться съ вами въ Ниццѣ, и это будетъ праздникомъ для меня. Прощайте, милый Герценъ, не забывайте вашего Дж. Гарибальди».

Но Герценъ надолго основался въ Лондонѣ, и они снова увидѣлись только десять лѣтъ спустя.

За этотъ промежутокъ они дважды обмѣнялись письмами. Первый разъ это было въ дни, равно памятные для обоихъ—въ апрѣлѣ 1861 года. Известно, чѣмъ былъ 60-й годъ въ жизни Гарибальди и въ нераздѣльно слившейся тогда съ нею исторіи Италіи; въ этотъ годъ Гарибальди освободилъ пол-Италіи и, ставъ ея невѣчнымъ королемъ, такъ же просто отдалъ ненужную ему корону Виктору Эммануилу, какъ на другой день послѣ короновація послѣдняго рано утромъ отплылъ на Капреру съ блѣскимъ нужныхъ ему для посѣва бобовъ. Это было въ ноябрѣ 1860 г., и въ январѣ слѣдующаго Герценъ писалъ: «Гарибальди сдѣлалъ еще больше лицомъ изъ Корнелія Непота»; онъ такъ антично великъ въ своемъ хуторѣ, такъ простоудно, такъ чисто великъ, какъ описаніе Гомера, какъ грече-

1) Вѣкъ письма итальянскихъ друзей Герцена писаны во-французски, исключая одно письмо Гарибальди, 1863 г., писанное по-итальянски.

ская статуя. Нигдѣ ни риторики, ни декораций, ни дипломатіи,—въ эпопеѣ онѣ были ненужны.

Въ мартѣ открылся въ Туринѣ первый парламентъ созданнаго имъ итальянскаго королевства, и въ началѣ апрѣля Гарибальди прибылъ въ Туринъ, чтобы занять свое мѣсто въ качествѣ депутата отъ Неаполя. Онъ только временно промѣнялъ мечъ на трибуну: онъ вѣсь былъ во власти одной жгучей мысли—освободить Римъ.

И тутъ-то, тотчасъ по приѣздѣ въ Туринъ, узнавъ впервые о русскихъ событіяхъ—о тѣхъ варшавскихъ убійствахъ, которыми обгарены были руки, только что раскопавшія русскихъ крестьянъ—онъ, еще до своего знаменитаго появленія въ парламентѣ (первые дни въ Туринѣ онъ былъ прикованъ къ постели жестокимъ припадкомъ ревматизма и явился въ парламентъ только 18-го апрѣля)—уязвленный за русскій народъ и за Польшу, 13-го написалъ письмо Герцену, которое телеграфъ разнесъ по всему свѣту еще раньше, чѣмъ оно дошло до Герцена. Онъ писалъ: «Любезный Герценъ! Недавно слово освобожденія крестьянъ въ Россіи было принято съ восторгомъ и удивленіемъ всей Европой. Государь, начавшій и совершившій это великое дѣло, однимъ этимъ ужъ поставилъ себя въ числѣ величайшихъ благодѣтелей человѣчества. А теперь—я это говорю съ горестью—доброе дѣло замянуто невинной кровью. Теперь долгъ всѣхъ, которые рукоплескали великому поступку, поднять голосъ проклятія на совершителей отвратительнаго злодѣяства. Пусть вашъ журналъ, справедливо оцѣненный въ Россіи, передастъ слово сочувствія отъ народа итальянскаго несчастной и героической Польшѣ и слово благодарности тѣмъ храбрымъ воинамъ русскимъ, которые, какъ Поповъ, сложили свою саблю, чтобы не обругать ее въ крови народа; передайте съ тѣмъ виѣсть крикъ негодованія народовъ европейскихъ противъ виновника гнусной бойни».

Герценъ напечаталъ это письмо въ ближайшемъ же номерѣ «Колоколъ» (отъ 1 мая) вмѣстѣ со своимъ отвѣтомъ, гдѣ присоединялъ свой голосъ къ проклятію Гарибальди.

Второй разъ это было въ концѣ 1863 г., въ разгаръ польскаго возстанія или, вѣрнѣе, жестокой расправы, слѣдовавшей за нимъ. 21 ноября Герценъ изъ Флоренціи обратился къ Гарибальди съ обширнымъ письмомъ, предназначеннымъ для печати и дѣйствительно напечатаннымъ нѣсколько поздне въ «Колоколѣ» (отъ 15 января 1864 г.). «Я собирался посѣтить васъ,—писалъ онъ,—мнѣ хотѣлось еще разъ пожать вашу руку съ глубокимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Я слышалъ, что вы не забыли меня. Но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италию раньше чѣмъ думалъ, и хочу воспользоваться поѣздкой къ вамъ общаго друга нашего, чтобы посѣтить васъ письменно». Его письмо, говоритъ онъ, имѣетъ особую цѣль. Свирѣпость правительства, подлые крики газетъ и рукоплесканія деморализованной и обманутой толпы могутъ внушить Западу мысль, что всѣ толки о русскомъ освободительномъ движеніи были или преднамѣреннымъ обманомъ, или бредомъ больного воображенія: «Этого мы вынести не можемъ. Мы себя чувствуемъ слишкомъ живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я пишу къ вамъ

для того, чтобы свидѣтельствовать, что мы вовсе не умерли, что движеніе русское вовсе не подавлено и вообще по сущности своей неподдаваемо». И сказать это онъ хотѣлъ именно ему, мужу народовъ, радѣтелю и кумиру народныхъ массъ: онъ, мужъ красной рубахи, не вправѣ не знать, что дѣлается въ темныхъ глубинахъ русскаго народнаго моря.—И дальше слѣдуетъ сжатый очеркъ «соціальной религіи русскаго народа»—сознанія права на землю—и обусловленнаго этой религіей неукротимаго процесса, первымъ этапомъ котораго было уничтоженіе крѣпостнаго права, вторымъ будетъ политическая эмансипація. Въ заключеніе Герценъ характеризуетъ отношенія къ польскому возстанію различныхъ слоевъ русскаго общества; правительствъ дьявольской хитростью добилось того, что въ народѣ, сначала безучастномъ, вспыхнула ненависть противъ поляковъ: оно стало выдавать польское возстаніе за шляхтскій и католическій мятежъ, а себя самого—за защитника польскаго крестьянства и православія.

Гарибальди отвѣчалъ на это письмо 23 декабря съ Капреры, и отвѣчалъ такъ, какъ Герценъ, увидимому, не ожидалъ. «Я получилъ ваше дорогое письмо,—писалъ онъ,—для меня оно документъ. Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы, и что онъ неповиненъ ни въ виленискихъ изстязаніяхъ, ни въ варшавскихъ висѣлицахъ; я знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ и будущаго, я помню многихъ офицеровъ, которые предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству въ Польшѣ, святая имена Попова и Арнольда глубоко впечатлѣлись въ лаяти моей; ихъ имена будутъ повторять исторія вмѣстѣ съ именами ихъ товарищей по мученичеству. Но мнѣ кажется, что Польша, въ которой бичуютъ женщинъ и вѣшаютъ юношей, должна была бы возбудить состраданіе народа русскаго, по крайней мѣрѣ, въ той благородной части его, къ которой вы принадлежите, и въ ней возбудитъ протестъ болѣе торжественный, чѣмъ слова».—Эти строки обожгли Герцена неотразимой правдой, и въ статьѣ, которую онъ сопроводилъ отвѣтъ Гарибальди въ «Колоколѣ» (1 февраля 1864 г.) онъ писалъ, что при чтеніи ихъ у него навернулись горькія слезы стыда и боли. Заступники народовъ взглянуть на дѣло практически—и задѣлъ страшно-болѣзненную струну въ душѣ Герцена.

Нѣтъ сомнѣнія, что нравственный обликъ и жизнь Гарибальди вообще возбуждали въ Герценѣ горькое чувство стыда и боли: ему, русскому лишему человѣку, такъ далеко оторванному отъ народа и такъ больно сознававшему эту оторванность, нельзя было не чувствовать зависти при видѣ дѣятеля истинно-народнаго, въ которомъ непосредственно и прямо циркулировали кровь и психика родныхъ народныхъ массъ. И далѣе: съ этимъ болѣзненнымъ чувствомъ своего соціальнаго одиночества въ Герценѣ еще съ давнихъ лѣтъ, съ Москвой и Новгородомъ, соединялось горькое сознаніе, что практическое дѣло для него невозможно, что онъ на всю жизнь обреченъ только мыслить и писать; и несомнѣнно, что даже въ годы наибольшаго успѣха «Колоколъ», горечь практическаго безсилія не покидала Герцена. Вотъ почему онъ былъ влюбленъ въ Гарибальди, какъ ни въ кого изъ современныхъ ему борцовъ за свободу человѣчества. Въ его глазахъ Гари-

балды был окружен двойным ореолом—органического единства со своим народом, и *двистенно* служения своей идее.

Съ этой точки зрѣнія необыкновенно любопытенъ рассказъ Герцена о знаменитой побѣдѣ Гарибальди въ Англію въ апрѣлѣ 1864 г., его великолѣпная *Camicia rossa*. Здѣсь все одинаково характерно: и какъ велъ себя Герценъ въ тѣ памятные дни, и какъ онъ рассказываетъ о нихъ. Онъ не видѣлъ Гарибальди съ того перваго свиданія въ 1854 году. Прїѣздъ итальянскаго героя, безпримѣрный въ англійской исторіи оваціи, которыхъ онъ сталъ предметомъ, были для Герцена какъ бы личнымъ праздникомъ; онъ съ гордостью и восхищеніемъ описываетъ ихъ, и не устаетъ любоваться своимъ любимцемъ. Когда онъ говоритъ о личности Гарибальди, въ его голосѣ есть какой-то плетель, вообще несвойственный ему: можно подумать, что Гарибальди въ его глазахъ—существо другой, высшей породы. Онъ жадно ищетъ въ его лицѣ «секреть той силы», которая все покоряла ему—кучку рыбаковъ въ Ниццѣ, его пестрое войско въ походахъ, народныя массы всѣхъ странъ. Гарибальди задумался на минуту—«по его лицу, какъ тучи по морю, пробѣгаютъ какія-то мысли»; и это не просто мысли, хотя бы глубокая и сложная,—нѣтъ: это душевныя движенія, невѣдомыя обыкновеннымъ людямъ, и глядя на его задумчивость, Герценъ спрашиваетъ себя: ужасъ ли то передъ судьбами, лежащими на его плечахъ, передъ тѣмъ народнымъ *помазаніемъ*, отъ котораго онъ уже не можетъ отказаться? Сомнѣніе ли послѣ того, какъ онъ видѣлъ столько измѣнъ, столько паденій, столько слабыхъ людей? Искушеніе ли величїя?.. Герценъ зналъ близко всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, но *такъ* онъ ни на кого не смотрѣлъ и ни о комъ не рассказываетъ. Въ своей восторженной влюбленности онъ доходитъ до восхищенія самымъ *костюмомъ* своего кумира, и дважды возвращается къ этому предмету: «Костюмъ его, скажу еще разъ, необыкновенно идетъ къ нему и необыкновенно изиженъ; въ немъ нѣтъ ничего профессионально-солдатскаго и ничего буржуазнаго, онъ очень простъ и очень удобенъ», и т. д.

Да,—но этотъ костюмъ—символъ: вотъ почему онъ восхищаетъ Герцена; «въ красной рубашкѣ народъ узнаетъ себя и своего». Гарибальди для Герцена—великій плебей, которому подобаетъ и плебейское платье. Это просто человѣкъ, человѣкъ изъ народа, схватившійся за оружіе, чтобы прогнать разбойниковъ изъ отчаго дома, и именно въ этомъ своемъ чувствѣ онъ слился съ народомъ и принялъ отъ него помазаніе, именно это онъ поняла тогда «тѣмъ яснovidнѣемъ, тѣмъ откровеннѣемъ, которымъ нѣкогда римскіе рабы поняли непонятную тайну прїшествія Христа и толпы страждущихъ и обремененныхъ, женщинъ и старцевъ, молились кресту казненнаго». Это можетъ показаться смѣшнымъ, но Герценъ даже ничтожное количество кражъ въ толпѣ при семи-часовомъ триумфальномъ вѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ объясняетъ этой народностью Гарибальди: англійска толпа груба, собирая ея не обходится безъ дракъ и, главное, многочисленныхъ кражъ,—но на этотъ разъ порядкомъ былъ удивительный: «народъ понялъ, что это *его* праздникъ, что онъ чувствуетъ одного изъ своихъ, что онъ больше, чѣмъ свидѣтель».

Все время пребыванія Гарибальди въ Англіи Герценъ поглощенъ имъ однимъ. Культъ знаменитостей нисколько не былъ въ натурѣ Герцена,—напротивъ, обычно онъ склоненъ скорѣе къ ироніи и непочтительной остротѣ: это было у него своего рода *point d'honneur*, непринужденность свободомыслящаго человѣка. Но тутъ онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ соображенія, даже почти самолюбіе; онъ бѣгаетъ за Гарибальди, какъ влюбленный мальчикъ, и потомъ безъ прикрасъ рассказываетъ это. На англійскомъ берегу Гарибальди высидѣлся въ Суутемптонѣ, откуда черезъ нѣсколько дней долженъ былъ прїѣхать въ Лондонъ. Герцену невтерпѣно дожидаться, онъ бросается въ Суутемптонъ; узнавъ, что Гарибальди уѣхалъ на о. Уайтъ, онъ спѣшитъ туда, попадаетъ въ Коусъ въ 9 час. вечера, ночуетъ въ отелѣ, на завтра встаетъ въ 6 час. и въ семь, наконецъ, добивается видѣть Гарибальди. Что ему собственно нужно было?—Онъ хотѣлъ предупредить Гарибальди о тѣхъ интригахъ, которыя ждутъ его на англійской почвѣ и цѣль которыхъ—очернить Мацинни и пр. Но въ Лондонѣ было довольно итальянскихъ патриотовъ, друзей Гарибальди и Мацинни, которые, конечно, не преминули бы это сдѣлать (напримѣръ, Саффи) и чужелепенному Герцену, казалось бы, незачѣмъ было забѣгать и совѣтаться въ чужія дѣла. Мало того: послѣ свиданія Герценъ заходитъ въ ресторанъ пообѣдать и, пробѣгая «Times», встрѣчаетъ въ немъ гадкую статью, полную восторговъ передъ Гарибальди и инсинуаций на Мацинни; онъ требуетъ бумаги и пишетъ горячее письмо секретарю Гарибальди, прося его прочесть статью въ «Times» генералу: «Мнѣ 52 года,—пишетъ онъ въ этомъ письмѣ,—но признаюсь, что слезы негодованія навертываются на глазахъ при мысли объ этой несправедливости», и пр.—Кончился этотъ день тѣмъ, что обратно черезъ Суутемптонъ въ Лондонъ Герценъ попалъ ночью и, не найдя комнаты въ гостиницѣ, только въ 3-мъ часу ночи добрался до постели въ грязной комнатѣ какого-то французскаго ресторана. Герценъ жилъ тогда въ Теддингтонѣ, небольшомъ городкѣ, верстахъ въ 20 отъ Лондона.

Дальше: по прїѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ Герцена осынила счастливая мысль—устроить у себя дома официальное применіе Гарибальди съ Мацинни, пригласивъ обоихъ на обѣдъ. Согласіе обоихъ было получено,—но какихъ усилій стоило ему удалитъ это дѣло, какую борьбу пришлось ему выдержать съ окружающими Гарибальди, сколько дипломатическаго искусства пустить въ ходъ по мелочамъ! Онъ кое-что рассказываетъ, явное больше угадывается за его строками. А потомъ—это приглашеніе Ледрю-Роллена, котораго Гарибальди хотѣлъ видѣть, хлопоты по заказу обѣда, прїѣздъ Герцена въ Лондонъ за своимъ гостемъ, чтобы везти его къ себѣ и пр., и пр. Конечно, Герценъ искренно хотѣлъ помочь примиренію Гарибальди и Мацинни; безъ сомнѣнія также онъ былъ правъ, когда, приглашая Гарибальди, говорилъ, что этотъ визитъ къ нему великаго человѣка будетъ ободреніемъ вообще для всѣхъ борцовъ за свободу въ Россіи; была тутъ, конечно, и доля тщесавія,—но главнымъ стимуломъ, несомнѣнно, было это обожаніе Гарибальди, о которомъ мы выше говорили. Въ домѣ Герцена Гарибальди пробылъ едва ли больше полудтора часовъ, а

месяц спустя Герценъ въ такихъ выраженiяхъ отзывался объ этомъ днѣ: «День этотъ удался необыкновенно и былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, безоблачныхъ и прекрасныхъ дней послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Въ немъ была удивительная ясность и полнота, въ немъ была эстетическая мѣра и законченность, очень рѣдко случавшаяся... Такие дни представляютъ вершины... дальше, выше, въ сторону—ничего, какъ въ пропѣтыхъ звукахъ, какъ въ распустившихся цвѣтахъ».

А на слѣдующий день послѣ пощенина, 18 апрѣля, Герценъ написалъ письмо къ Гарибальди, гдѣ говоритъ между прочимъ: «Вамъ я обязанъ лучшимъ днемъ моей жизни, днемъ ясности безусловной, и за то еще разъ обнимаю васъ съ пламенной благодарностью, съ глубокой любовью и безграничнымъ уваженiемъ»¹⁾.

Есть что-то трогательное въ этомъ смиренiи и обожанiи, съ которыми великiй русскiй интеллигентъ-мыслитель преклонился предъ человекомъ *народа и дѣла*.

Они увидѣлись потомъ еще разъ, должно быть, мимолетно, въ февралѣ 1867 г. въ Венеци, но объ этомъ свиданiи мы ничего не знаемъ.

Маццини.

Легко представить себѣ, что передъ лицомъ Гарибальди, невольно сравнивая себя съ нимъ, Герценъ чувствовалъ себя маленькимъ и мелкимъ; эта великая плѣбская простота и цѣльность, эта неподдѣльная наивность, которой онъ не перестаетъ восхищаться въ Гарибальди, словно уличали его самого, и ему, можетъ быть, становилось стыдно собственной сложности, самооглядки, рефлексii.

Нѣчто подобное, но въ другомъ родѣ, переживалъ онъ вѣроятно, и въ общенiи съ Маццини. Это былъ фанатикъ и аскетъ, человекъ непреклонной воли и страстной энергiи, съ горящими черными глазами на исхудаломъ лицѣ, весь устремленный на одну цѣль, о которомъ можно было сказать словами русскаго поэта:

Онъ зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

Этой единой упорной и пламенной думѣ онъ былъ обязанъ своимъ магическимъ влiенiемъ на людей, и она-то придавала такую красоту его образу. Если Гарибальди творилъ материалъ для эпоса, то Маццини самъ былъ *Symphonia heroica*.—Здѣсь было чему позавидовать. Самымъ своимъ существованiемъ Маццини создавалъ единство Итали. Въ 1861 году, когда пол-Итали уже было освобождено подвигами Гарибальди, но Римъ еще находился во власти папы, Герценъ въ прелестномъ художественномъ образѣ такъ опредѣляетъ роль Маццини: «Одностороннiй, вѣчно занятый одной идеей, вѣчно на стражѣ и готовый... Маццини не спитъ. День и ночь, доая рыбу и ходя на охоту, ложась и вставая, Гарибальди и его сподвижники видятъ худую, печальную руку Маццини, указывающую на Римъ,—и

¹⁾ Въ тотъ же самый день, 18-го, Герценъ описалъ этотъ общъ въ письмѣ къ сину, Александру Александровичу, находящемуся тогда въ Флоренци; это письмо въ переводѣ было напечатано 24 апрѣля въ *Il Progresso*, № 24.

они пойдутъ туда!» По широтѣ и свободѣ ума Герценъ стоялъ несравненно выше Маццини, ему была жалка догматичность и ограниченность его идей о «среднiи долгахъ, объ «освобожденiи мира Италией»; но, кто знаетъ,—чего не отдалъ бы онъ, будь на то его власть, за это могучее лучеиспусканiе индивидуальной воли, болѣе неотразимое, чѣмъ доводы самыхъ блестящихъ статей! Онъ многократно писалъ о Маццини, и каждый разъ въ его характеристикѣ рельефно выступаютъ двѣ черты, точно двѣ стороны монеты: маня, какъ несвобода духа, и маня, какъ нравственное величiе. Въ его глазахъ Маццини—человекъ, *одержимый* своей идеей, ея рабъ, но зато ею покоряющii массы. Онъ говоритъ объ его упорствѣ въ стремленiи къ единству Итали: «Въ этомъ непреклонномъ постоянствѣ, въ этой вѣрѣ, идущей наперекоръ фактамъ, въ этой неутомимой дѣятельности, которую неудача только вызываетъ и подзадориваетъ, есть что-то великое и, если хотите, что-то безумное. Часто эта-то доля безумiя и обуславливаетъ успѣхъ, она дѣйствуетъ на нервы народа, увлекаетъ его. Великiй человекъ, дѣйствующiй непосредственно, долженъ быть великимъ маньякомъ». Передавая свой разговоръ съ Маццини о Леопарди, онъ говоритъ, что отрицательное отношенiе Маццини къ этому замѣчательному поэту его не удивило: такому человеку не могли быть понятны эти ядовитыя раздумья и сомнѣнiя. Но Маццини напалъ на Леопарди съ ожесточенiемъ: «мнѣ было,—говоритъ Герценъ,—очень досадно; разумѣется, онъ на него очень сердился за то, что онъ не годился на пропаганду... Это возмутительное стѣсненiе личностей, подчиненiе ихъ категорiямъ, кадрамъ,—точно историческое развитiе—барщина, на которую сотские гонятъ, не спрашивая воли, слабого и крѣпкаго, желающаго и не желающаго». Но вотъ другой разговоръ—и другая сторона медали: первое свиданiе Герцена съ Маццини послѣ основанiя итальянскаго королевства въ 1861 году. Маццини только что вернулся изъ Неаполя, гдѣ Гарибальди вѣнчалъ двойной короной Виктора-Эмануила. Маццини не хотѣлъ довольствоваться полу-побѣдой: онъ требовалъ тотчасъ же похода на Римъ; это было неудобно и опасно, Гарибальди отвернулся отъ патриота-фанатика, пьемонтское правительство трвило его, неаполитанская чернь, подстрекаемая агентами Каура, подступала къ дому, гдѣ онъ жилъ, съ криками: «Смерть Маццини!»—и онъ вернулся въ Лондонъ, чтобы продолжать свой медленный и упорный подпокъ къ Риму. Герценъ видѣлся съ нимъ тотчасъ по возвращенiи. «Сердце шемило, когда я его увидѣлъ,—говоритъ Герценъ,—я все же ждалъ найти его грустнымъ, оскорбленнымъ въ своей любви»; но Маццини встрѣтилъ его восторженнымъ крикомъ: «итакъ, наконецъ-то сбывается!» и съ гордостью и любовью говорилъ о Гарибальди, объ освобождающей Итали. Герценъ повторилъ: «Слушая его, я хотѣлъ поймать одну ноту, одинъ звукъ обиженнаго самолюбiя, и не поймалъ». Характерно, что онъ искалъ этого; человеку типа Маццини такая мысль и не пришла бы въ голову.

Герценъ познакомился съ Маццини въ Женевѣ въ 1849 году и видѣлся съ нимъ тогда два раза два; потомъ, въ 1850 г., Маццини, тайно находясь во Франци, присылалъ за нимъ, сообщилъ ему планъ основанiя въ Лондонѣ международнаго комитета и спрашивалъ, согласится

ди онъ участвовать въ этомъ комитетѣ, какъ представитель русской демократіи; годъ спустя, осенью 1851 года, когда комитетъ былъ основанъ, они обмѣнялись по этому поводу письмами, причемъ Герценъ отклонилъ предложеніе Мацини¹⁾. Осенью 1852 г., переселившись въ Лондонъ, онъ одинъ изъ первыхъ своихъ визитовъ сдѣлалъ Мацини, который, по его словамъ, принялъ самое теплое и дѣятельное участіе въ несчастяхъ, постигшихъ за послѣдній годъ семью Герцена (притомъ, итальянскіе друзья Мацини поручили ему ознакомить послѣдняго съ положеніемъ дѣлъ въ Италіи, гдѣ Герценъ прожилъ передъ этимъ два года). Въ ближайшія десять лѣтъ, живя оба въ Лондонѣ, они видѣлись довольно часто и во всякомъ случаѣ держались на дружеской ногѣ. Герценъ нѣсколько разъ отиѣхалъ, что при встрѣчахъ Мацини протягивалъ ему *объ* руки; и сохранившіеся письма къ нему Мацини свидѣтельствуютъ о чувствѣ, которое можно назвать братской любовью въ истиннѣ, и которое въ дни испытаній умѣло находить слова, полная нѣжнаго и глубокаго участія.

Таково было письмо, которое Мацини послалъ Герцену 27 мая 1852 года, тотчасъ послѣ смерти Наталіи Александровны; Мацини былъ, повидимому, ослѣдленъ о семейной драмѣ, предшествовавшей ея концу. «Братъ мой,—писалъ онъ,—я только изъ газетъ узналъ о случившемся. Гаугъ больше не писалъ со смерти вашей Наталіи. Все это время я оставался въ неизвѣстности; теперь роковая вѣсть дошла до меня. Я не собираюсь васъ утѣшать; васъ могутъ утѣшить только Богъ да ваши дѣти. Я хочу только сказать вамъ, что страдаю за васъ и съ вами. Я понимаю всѣ ваши страданія,—больше того: я чувствую незаполняемую пустоту, чувствую ту черную тѣнь, которая ложится на всю жизнь и обрекаетъ на изгнаніе душу, какъ царь обрекъ на изгнаніе ваше тѣло. И когда насъ поражаетъ не рука судьбы, а рука человѣка, рука негодая, что-нибудь, чего можно было избѣгнуть и что ускорило катастрофу,—тогда горечь во сто разъ горше, и безвѣріе отчаянія грозитъ человѣку. Я чувствую все это, и всетаки хочу сказать вамъ: мужайтесь! страдайте, но не падайте духомъ; каковы бы ни были ваши вѣрованія, страдайте такъ, какъ этого хотѣла бы она. Мнѣ всегда казалась, что смерть любимыхъ нами должна въ особенности дѣлать насъ лучшими. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы мы могли впадать въ грѣхъ, въ косность, въ себялюбие, когда между нами и будущимъ міромъ стоитъ ангелъ. Живете ли этотъ ангелъ только въ воспоминаніи, какъ вы думаете, или онъ живетъ и бодрствуетъ болѣе реально, какъ вѣрю я, вашъ долгъ тотъ же: дѣлать все, что могло бы вызвать улыбку на ея лицѣ, и не дѣлать ничего, что она при жизни осудила бы. Вотъ все, что я хотѣлъ напомнить вамъ, мой другъ, и крѣпко пожать вамъ руку въ знакъ уваженія и любви. Это—рукопожатіе человѣка, который хорошо знаетъ жизнь и ея скорби, который жаждетъ привязанностей и неизмѣнно видѣлъ ихъ крушеніе, который страдалъ и чувствуетъ чужое страданіе. Что вы думаете теперь предпринять? Гаугъ писалъ, что если несчастіе случится, вы ѣдете въ Америку. Не уѣжайте туда!

Останьтесь въ Европѣ, съ нами, старыми борцами. Что вы найдете въ Америкѣ? Свободу? Но развѣ она не съ вами? Задача въ томъ, чтобы создавать свободу гдѣ ея нѣтъ. Помогайте мнѣ въ этомъ. Вамъ, какъ и мнѣ, осталось одно—культь великой идеи, культь не созерцательный по-восточному, но по-европейски дѣйствительный и стойкій безъ конца, до побѣды. Помогайте мнѣ и пріѣзжайте ко мнѣ, или поселитесь въ Швейцаріи; вы будете тамъ полезны и будете видѣть меня. Простите, мой другъ. Любите меня, какъ я люблю васъ».

Большая часть сохранившихся писемъ Мацини къ Герцену писаны въ Лондонѣ и адресованы здѣсь же, въ тѣ предмѣстья Лондона, гдѣ обыкновенно жилъ Герценъ; поэтому всѣ они помѣчены только днемъ недѣли, безъ указанія мѣсяца и года. Они очень хорошо рисуютъ отношенія и интересы, связывавшіе Герцена съ Мацини.

Вотъ рядъ писемъ Мацини, относящихся къ 1854 г., ко времени передъ самымъ началомъ Восточной войны; упоминаемый въ нихъ адресъ къ русскимъ солдатамъ—безъ сомнѣнія та прокламація, которая находится теперь на стр. 320—326-ой V тома женеваго изданія сочиненій Герцена, подъ заглавіемъ: «Воляная русская община въ Лондонѣ—русскому воинству въ Польшѣ»; она помѣчена 26 марта 1854 г.

«Любезный Герценъ. Кошутъ пишетъ мнѣ, что онъ беретъ переправитъ 50 или 100 экземпляровъ чрезъ Константинополь и столько же чрезъ Бѣлградъ, что онъ будетъ радъ васъ видѣть, если вы сдѣлаете ему честь посѣтить его, и что онъ хотѣлъ бы знать ваши соображенія о томъ, что, по вашему мнѣнію, можно было бы сдѣлать въ Россіи при предстоящемъ кризисѣ», и «что онъ былъ бы радъ знать содержаніе прокламацій, такъ какъ самъ не владѣетъ русскимъ языкомъ». Это все, теперь рѣшене за вами. Простите, тороплюсь. Вашъ другъ—Иосифъ». Здѣсь была рѣчь еще не о прокламаціи къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ, а о какой-то другой, предшествовавшей той. Вѣроятно спустя нѣсколько недѣль Мацини писалъ: «Кошутъ вамъ напишетъ. По его словамъ, все это произошло оттого, что вы не подписали внизу ваше имя, чтобы перенести его наверхъ. Если онъ извинится предъ вами въ письмѣ, будьтенисходительны къ нему: въ настоящую минуту необходимо, чтобы всѣ патриоты—русскіе, венгры, поляки, румыны—отбросили всякую частную мысль и служили всѣмъ одной—Добру. Работаете ли вы надъ вашимъ обращеніемъ къ русскимъ солдатамъ? Это какъ разъ то, что намъ нужно. Ваше преддущее пошло частью чрезъ Константинополь, частью чрезъ Бѣлградъ, но съ каждымъ днемъ становится вѣроятнѣе, что загремятъ пушки. До свиданія. Простите, что не навѣщаю васъ: я заваленъ дѣлами по горло. Вашъ братъ I, Мацини». Еще спустя короткое время писано третье письмо. «При первой возможности доставте мнѣ рукописный экземпляръ вашей прекрасной прокламаціи къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ. Я предпочитаю, чтобы въ наши итальянскія газеты она попала отъ насъ, а не изъ «Nation». Велите переписать ее на тонкой бумагѣ, чтобы можно было послать ее по почтѣ». Дальше, намекая безъ сомнѣнія на предстоящую экспедицію Орсини, онъ пишетъ: «Мой другъ, минута торжественна. Я не говорю вамъ: «помогите мнѣ», но говорю: «постарайтесь найти какую-нибудь поддержку нашимъ друзьямъ». Изъ

¹⁾ Его письмо приведено въ гл. XI, «Билоси и Дуна».

дѣйствительно нужно—и это важно для насъ всѣхъ—послать нѣскольکو человекѣ. Было бы несчастьемъ, еслибы это имъ не удалось. Европейская демократія должна теперь сдѣлать крайнее усиліе или навсегда сложить оружіе».

Вотъ письмо типичнаго содержания: просьба помочь вдовѣ итальянскаго эмигранта, хорошо знающей музыку и умирающей съ голода съ тремя дѣтми. Вотъ просьба о сотрудничествѣ въ *Italia del Popolo* по части успѣховъ освободительной идеи въ Россіи. «Вы могли бы прислать по корреспонденціи каждыи мѣсяць или каждыи три недѣли. Но если вы думаете, что моральный результатъ не окупитъ этого, пришлите по крайней мѣрѣ одну, чтобы доставить удовольствіе другу». Вотъ прекрасное, полное страсти письмо 1855 года, которымъ Маццини, приглашенный къ участию въ «Полярной Звѣздѣ», благословляя начинаніе Герцена. Въ статьѣ о Ворцелѣ Герценъ рассказываетъ, что вскорѣ по своемъ прѣздѣ въ Лондонъ онъ по собственному почину предложилъ Маццини на итальянское дѣло, «которое—прибавляетъ онъ—мнѣ близко, какъ родное», одновременно десять процентовъ со своего дохода, что составило около 200 ф. ст. Слѣдующее письмо Маццини относится, повидимому, къ 1859 году. «Любезный другъ. Обращаюсь къ вамъ съ просьбой, не безъ смущенія, которое велитъ мнѣ преодолѣть безусловный долгъ. По причинамъ, которая было бы бесполезно излагать здѣсь въ подробности, такъ какъ обращеніе мое къ вамъ носитъ чисто личный характеръ, но которая до нѣкоторой степени должны быть вамъ ясны изъ положенія дѣла въ Италіи, мнѣ нужны деньги. Нѣсколько англійцевъ, которые собираютъ ихъ для меня, хотѣли обратиться и къ вамъ; но я предпочитаю писать вамъ прямо. Хотите ли оказать *мнѣ* денежную поддержку на дѣло свободы въ размѣрѣ, какой найдете удобнымъ для себя? Это разъ навсегда; я никогда не повторю этой просьбы. Я колебался, но потомъ сказалъ себѣ, что еслибы вы потребовали отъ меня того же для Россіи, я далъ бы вамъ, что могъ бы,—и взялся за перо. Я не сдѣлалъ бы этого, если бы вы все еще теряли на вашихъ русскихъ изданіяхъ; но я знаю отъ васъ, что расходы покрываются и что Триюберъ уже получаетъ съ нихъ барышъ. Черкните мнѣ два слова и вѣрите моей дружбѣ къ вамъ. I. M.»

Герценъ назвалъ какъ-то Маццини аскетомъ итальянскаго освобожденія; такимъ и рисуетъ онъ въ рѣдкихъ своихъ письмахъ къ Герцену. Онъ велъ въ Лондонѣ замкнутый образъ жизни и жилъ единственно для своего дѣла. «Умоляю васъ,—пишетъ онъ однажды Герцену,—не давайте моего адреса никому безъ исключеній. Вы дали его Г., я просилъ Г. сохранить секретъ, и онъ это сдѣлаетъ, но другіе этого не сдѣлаютъ. Если политическіе фанеры начнутъ наводнить мое убѣжище—я погибшии человекѣ. *Говорить о политикѣ* для меня отвратительно. Я печаленъ, мнѣ нужно одиночество,—вотъ почему я никогда не выхожу днемъ, а вечеромъ иду лишь два шага—къ Стансфильдамъ. Можетъ быть мое душевное состояніе трудно понять, но оно—фактъ. Необходимо, чтобы мое мѣстопробываніе оставалось тайной. Если вы случайно дали кому-нибудь мой адресъ, скажите тѣмъ людямъ, что я перемѣнилъ квартиру; я буду вамъ признателенъ.

Когда вы пишете мнѣ, адресуйте не на мое имя, а на имя С. Я не могу прѣхать въ Ричмондъ, но наѣзжайте меня, когда бываете въ городѣ.» Другой разъ, благодаря Герцену за подарокъ (портретъ Ворцелля), Маццини пишетъ: «Я все надѣялся увидѣть васъ у Каролины Стансфильдъ, но тщетно. Вы замуровались въ вашей русской пропагандѣ, какъ я—въ моихъ попыткахъ дѣйствія въ Италіи. Но вы общали мнѣ время отъ времени писать письма объ отголоскахъ событийъ въ Россіи для *Italia del Popolo*, и написали только одно. Я никогда не выхожу изъ дома,—развѣ иногда часовъ въ 9 вечера въ пивную. Если бы я бывалъ гдѣ-нибудь, то былъ бы у васъ. Почему вы не бываете по пятницамъ у Каролины Стансфильдъ? Мы всѣ собираемся тамъ—Квадріо, я и еще 5—6 итальянцевъ.» Чѣмъ была для Маццини Италія, показывая слѣдующія строки изъ одного его письма къ Герцену: «Признаюсь вамъ, для меня загадка, какъ вы можете не понимать, что узелъ европейскаго вопроса находится сейчасъ въ Италіи,—сейчасъ или завтра, это безразлично. Тамъ будетъ разрушена австрійская имперія, тамъ будетъ низвергнуто папство, тамъ раздастся сигналъ къ разгрому Турціи, которая со всѣхъ сторонъ, половиной своего народонаселенія, связана съ Австріей. Не будь я итальянцемъ, я бы съ тѣмъ же одушевленіемъ посвятить себя итальянскому дѣлу. Это убѣжденіе и даетъ мнѣ смѣлость просить помощи у людей, преданныхъ, какъ вы, дѣлу европейской свободы; мнѣ кажется, что каждыи изъ нихъ, какова бы ни была его спеціальная цѣль, долженъ принять участіе въ крестовомъ походѣ противъ Австріи и Бонапарта».

Между убѣжденіями Герцена и Маццини уже въ это время была цѣлая пропасть: весь поглощенный идеей политическаго освобожденія народовъ, Маццини враждебно относился къ социализму, который не только казался ему помѣхою этому дѣлу, но и глубоко претилъ его религиозному чувству. Отношеніе къ социализму вообще дѣлило тогдашнюю эмиграцію на два враждебныхъ стана, и если въ отдѣльных случаяхъ они соединялись для совмѣстныхъ дѣйствій, то не иначе, какъ на точно выговоренныхъ условіяхъ теоретической солидарности. Въ этомъ отношеніи любопытно одно недатированное письмо Маццини. «Любезный Герценъ,—пишетъ онъ.—Я говорилъ съ Ледру (Ролленомъ), и вотъ результатъ нашего разговора. Обнаружено воззваніе или адресъ къ Франціи за подписью трехъ или четырехъ человекѣ, живущихъ въ Лондонѣ, значило бы до нѣкоторой степени обнаружитъ предъ французскимъ обществомъ тотъ недостатокъ активнаго единенія, который мы какъ разъ хотимъ устранить. Надо или ничего не дѣлать, или сдѣлать больше этого. Настоящимъ событіемъ, внушительнымъ актомъ, который взволновало бы общественное мнѣніе и поразилъ бы воображенія, было бы воззваніе, подписанное 20—24 именами, сплошь извѣстными и имѣющими какъ бы оффициальный характеръ въ глазахъ французскаго народа, какъ В. Гюго, Шельхеръ, Луи-Бланъ, Феликсъ Па, Барбесъ, Шарра, Араго, Кинз, 10—12 представителей провинцій, и т. п.—Итакъ, возможно ли это? Если кто-нибудь хочетъ и можетъ взяться за это, Ледру Ролленъ съ радостью подпишетъ такое заявленіе. Практически наи-

лучшим способом было бы составить текст воззвания и разослать его в копиях для подписи. Собрать всѣхъ этихъ людей въ одномъ мѣстѣ немислимо. Есть ли кто-нибудь, кто взялся бы составить текстъ? Вы знаете, что Ледру понимаетъ подъ общей почтой. Это показали наши коллективные воззвания, и я усно изъяснилъ вамъ, о чемъ тутъ должна быть рѣчь. Свобода, республика, революція, не для какой-нибудь касты, а для всѣхъ и черезъ всѣхъ,—даже, солидарность народовъ, всемірная республика, священный союзъ народовъ и сверхъ всего реабилитация Франціи, находящаяся теперь въ упадкѣ и униженіи; таковы должны быть основные пункты; во всемъ остальномъ каждый остается независимымъ. Еще разъ, осуществимо ли это? Ледру готовъ участвовать, но только въ этихъ предѣлахъ. Манифестация неполная, мѣстная, которая походила бы на аффиширование квадрумвирата или квинквевирата, ему не по душѣ, и я думаю, онъ правъ. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ».

Съ отъѣздомъ Герцена изъ Англии сношенія между нимъ и Мацини повидимому прервались; изъ позднѣйшихъ лѣтъ сохранилось только одно письмо Мацини, писанное вѣроятно въ 1868 или 69 году, когда Мацини, отказавшись принять амнистію, скитался и продолжалъ агитировать, упорно ожидая, когда Италия получитъ свой Римъ—и республику. «Любезный другъ,—пишетъ онъ,—я получаю ваше милое письмо изъ Ниццы. Я былъ боленъ и не могъ видѣть Т., который проѣхалъ, не останавливаясь. Теперь больной или здоровый я долженъ уѣхать по требованію Сенъ-Готарской лиги, которой нужны итальянскіе капиталы. Я остался бы наперекоръ правительству, если бы у меня была цѣль; но я не люблю позировать моей скромной личностью; поэтому я уѣду куда нибудь, не слишкомъ далеко. Что бы они ни дѣлали, мы быстро поднимаемся къ республикѣ въ Италиі, и я чувствую потребность по мѣрѣ силъ помочь поставить локомотивъ на рельсы; разъ онъ станетъ на рельсы, найдется довольно людей, чтобы толкать его. Мое здоровье разрушено. Какъ подкопанное дерево, я стою, потому что стою, но первое дуновеніе вѣтра опрокинетъ меня; и если при моей жизни что-нибудь совершится въ Италиі, одна недѣля дѣятельности уберетъ меня. Да и поря; каждый годъ уноситъ кого-нибудь изъ моихъ друзей... И безпрестанно воспоминается мнѣ одинъ стихъ Оссіана, т. е. въ переводѣ Цезаротти:

E sento gli anni bisbigliar passando:
Perché canta costui? ¹⁾

А пока—прошу васъ напомнить обо мнѣ вашимъ дочерямъ и г-жѣ Огаревой, которой я, повидимому, скоро надобѣ. Гдѣ она? Саффи почти мнѣ не пишутъ. Я ни одной минуты не вѣрилъ въ просьбу объ амнистіи. Мы глубоко расхоронили на религиозной почвѣ и частью даже на политической, и я сожалѣю объ этомъ; но я знаю васъ и никогда не сомнѣвался въ васъ съ точки зрѣнія характера. Я ни съ М., ни съ Кр., но національное чувство, даже доведенное до крайности,—залогъ польской победы; поэзія—другой залогъ. Что бы вы ни говорили, всѣ великія революціи

въ Европѣ совершить национальностью; вы знаете, что это для меня—идея коллективной миссіи, общаго долга,—и только. Безъ этой идеи возможны только рабскіе мятежи, спартанскія войны. Вы видите только социальный вопросъ; и я не хуже васъ чувствую, что основная цѣль—освобожденіе труда; но цѣль не совпадаетъ со средствомъ; ради социального вопроса, слава Богу, никогда не возникало крупной революціи. Я говорю «слава Богу», потому что въ такомъ движеніи доминировала бы корысть и оно дало бы намъ въ итогѣ буржуа въ блазахъ, новый эгоизмъ взамѣнъ стараго. Со времени Маравана всѣ великія событія вызывались национальностью или религіей: англійская революція, сѣверо-американская, возстаніе Нидерландъ противъ Испаніи, Испаніи противъ Наполеона въ 1808 году, греческая революція и т. д. Но оставимъ это. Обнимаемъ другъ друга во имя Свободы; это—не цѣль, но великая исходная точка. Пишите мнѣ время отъ времени; я хотѣлъ бы слѣдить за вами въ вашихъ скитаніяхъ, знать—въ Женевѣ ли вы или въ Брюсселѣ. Я стараюсь всегда читать что вы пишете. Вашъ I. Мацини».

Эти послѣдніе годы (Мацини умеръ въ 1872 г.) съ Мацини жилъ, дѣля его непреклонныя убѣжденія и судьбу, его вѣрный старый другъ Маурицио Квадріо, тоже съ давнихъ лѣтъ пріятель Герцена и Огарева. Въ числѣ его уцѣлѣвшихъ писемъ къ Герцену есть три письма 1869 г., хорошо рисующія и самихъ этихъ старыхъ борцовъ, и ихъ позднюю симпатію къ Герцену. 29 ноября 1868 г. онъ пишетъ Герцену изъ Лугано: «Мы очень признательны Огареву и вамъ за добрую память, которую вы храните о насъ. Мы уже давно не имѣли прямыхъ извѣстій отъ васъ, но намъ было бы невозможно забыть такихъ людей и друзей, какъ вы, и ваши имена часто повторялись въ нашихъ бесѣдахъ. Впрочемъ, былъ и третій, который по временамъ являлся разсказывать намъ о васъ; это былъ «Колоколъ»—La Cloche,—который, будучи всеязычнымъ, былъ понятенъ и Мацини.—Я радъ сообщить вамъ, что Мацини находится на пути къ выздоровленію. Онъ былъ серьезно боленъ и мы провели нѣсколько недѣль въ сильнѣйшемъ страхѣ. Онъ и теперь еще очень слабъ и ему трудно писать; вотъ почему онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за вашу добрую память». Однако въ концѣ письма Мацини написалъ нѣсколько словъ: «Благодарю васъ и Огарева отъ всего сердца за выраженіе вашей дружбы. Она мнѣ дорога, Я очень слабъ и не могу долго писать. Но я цѣню и люблю васъ, Іосифъ».—9 мая 1869 года Квадріо писалъ Герцену, опять изъ Лугано: «Мацини уже нѣсколько дней въ постели по причинѣ болѣзни, которая время отъ времени мучаетъ его. Она не такъ серьезна, какъ послѣдней осенью, но все-таки онъ принужденъ лежать въ постели и не можетъ писать. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за память и проситъ васъ напомнить о немъ вашей семьѣ и Огареву. Швейцарія сгибается передъ итальянскимъ королемъ и требуетъ отъ Мацини, чтобы онъ оставилъ территорію республики; какъ только онъ будетъ въ силѣхъ, онъ уѣдетъ назадъ въ Лондонъ. Римъ хочетъ избавиться отъ опасности, которую грозитъ ему Ганинибалъ...—Ни Мацини, ни я никогда, ни на минуту, не усумнились въ васъ или Огаревъ въ отношеніи борьбы за свободу, и когда до насъ дошли слухи

¹⁾ «Самому, какъ годы шепчуть, прохода: почему поетъ этотъ?»

о нашем возвращении в Россию, мы только смеялись. Мы рады, что борьба не утомила вас и что вы опять встали за ваше славное дело. Не устали и мы, и ужь, разумеется, не пали духомъ, а будем стойки до конца».—Они до зимы пробыли въ Лугано. 2 октября М. А. Бакунинъ писалъ Огареву изъ Локарно: «Благодарю тебя за письмо къ молодцу старику Quadrio... Съ старикомъ мы пожалуй вопросъ и поспорили, но легко, не слишкомъ углубляясь въ задорный вопросъ о Liberté и Socialismo. Онъ все такъ же крѣпокъ и здоровъ и все такъ же неутомимо и неутомомно работаетъ». Въ началѣ ноября Бакунинъ снова прѣхалъ въ Лугано съ намѣреніемъ поселиться здѣсь, но не нашелъ подходящей квартиры и, по совѣту итальянскихъ друзей, рѣшилъ вернуться на зиму въ Локарно. Объ этомъ 6 ноября Квадио пишетъ Герцену (или Огареву), выражая надежду, что климатъ Локарно, защищеннаго горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ, окажется благоприятнѣе для Бакунина, нежели луганскій. «Бакунинъ привезъ мнѣ ваше письмо, и я благодарю васъ за память. Въ мои годы человекъ живетъ воспоминаніями, а хороша хранить тшательно; а кто знаетъ жизнь, тотъ не можетъ не хранить память о васъ. Мнѣ 70-й годъ, и старость даетъ мнѣ себя чувствовать всѣми своими неприятными предостереженіями; но я могу работать, я сохранилъ мою вѣру въ торжество справедливости: она такъ же жива во мнѣ, какъ была въ 20 лѣтъ. У меня есть добрые друзья, которые меня любятъ, я бденъ, но доволенъ немногимъ,—мой закатъ озаренъ блѣднымъ солнечнымъ лучомъ, и я не могу пенять на свою долю». Эти послѣднія слова написаны по-итальянски, тогда какъ все письмо—французское; чтобы довершить многоязычность своего письма, Квадио дальше выписываетъ на память по-русски, съ ошибками конечно, подложники стиховъ изъ «По улицѣ мостовой» и «Не садись на эту вѣтку». «Недавно,—прибавляетъ онъ, я взялъ басню о соловьѣ и его клѣткѣ (кажется, Крылова) темою для статьи или проповѣди итальянцамъ, которые доверились злому охотнику—монарху. Если моя болтовня васъ раздражаетъ, подумайте о моихъ 70 годахъ.—Нѣтъ, я не болтаю: это вспоминаетъ сердце; вотъ слово «соловей» напоминио мнѣ славнаго Соловьевича. Я видѣлъ его въ 1860 г. и полюбилъ его. И сердце мое наполняется печалью, потому что уже нѣтъ дорогого энтузіаста».

Дж. Медичи.

Лично, интимно, у Герцена за границей не было болѣе близкихъ и болѣе задушевныхъ друзей, чѣмъ итальянскихъ революціонеровъ,—не Гарибальди и не Мацини, слишкомъ индивидуальныя да и слишкомъ занятыя для частной дружбы, а люди второго ранга сравнительно съ тѣми, но крупные люди, чьи имена освобожденная Италия свято хранить въ своей памяти. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Герценъ сблизился еще въ первую свою поездку въ Римъ, въ годъ революціи; но особенно тѣсно эти итальянскіе друзья сожмулись вокругъ него въ 1850—52 гг., въ Ниццѣ и Генуѣ, и ихъ теплomu участию онъ много былъ обязанъ въ несчастіяхъ, которыя такъ щедро

излились на него въ эти два года. Это были: Саффи, Мордини, Медичи, Пизакане, Козенцъ, Орсини и др. Со всѣми съ ними Герценъ остался въ дружбѣ до своей или ихъ смерти. Ихъ всѣхъ онъ сдѣлалъ намъ родными, чудно зная ихъ нѣжно-печальные образы на страницахъ «Былого и Думъ».

Одна изъ самыхъ привлекательныхъ фигуръ между ними—Джакомо Медичи, сподвижникъ Гарибальди, бывший вождемъ римскихъ легионеровъ во время обороны Рима въ іюнѣ 1849 года, прославившійся геройской защитой Vascello. Этотъ воинъ и трибунъ былъ поэтомъ и мечтателемъ, съ нѣжной душой, съ кроткими глазами, съ изысканными манерами: такимъ изображаетъ его Герценъ. Они сблизились въ началѣ 50-хъ годовъ. Лѣтомъ 1852 года Герценъ, только что похоронившій жену и страшно потрясенный, провель съ Медичи нѣсколько недѣль въ Генуѣ. Онъ потомъ съ благодарностью вспоминаетъ добро, которое сдѣлалъ ему тогда Медичи своимъ теплымъ и полнымъ такта участіемъ.

Вотъ письмо, которое написали ему Медичи 6 ноября того же года изъ Генуи въ Англію, куда незадолго передъ тѣмъ уѣхалъ Герценъ.

«Милый другъ, первое письмо, которое вы написали мнѣ изъ Лондона, дало мнѣ почти увѣренность, что я буду имѣть радость опять видѣть васъ въ Генуѣ. Теперь все измѣнилось—вы пишете объ Америкѣ! Не ѣздите туда, милый Герценъ, вернитесь сюда, у васъ здѣсь истинные друзья. Подумайте и о томъ, что наша боевая арена—Европа; если борьба начнется въ Италиі, мы братски подадимъ другъ другу руки, мы вмѣстѣ будемъ жить боевой, бурной жизнью; это будетъ новая жизнь для насъ, полная поэзіи и чувства, которая каждый мигъ будетъ напоминать намъ: ты—сильный. Тогда кончится эта нерѣшительность, гдѣ одни толкаютъ насъ направо, другіе налево, и гдѣ наша воля, имѣющая цѣль, гибнетъ въ бездѣйствіи.—Другъ С. говорилъ мнѣ о васъ; я знаю, какую помощь вы оказали нашей кассѣ, и отъ всего сердца благодарю васъ. Имѣте ли вы извѣстія объ Энгельсонѣ? Я довольно давно писалъ ему въ Женеву и удивляюсь, что нѣтъ отвѣта.—Козенцъ, Пизакане, Меццокаппо и др. поручили мнѣ передать вамъ ихъ привѣтъ: мы всѣ васъ любимъ, какъ брата».

Феличе Орсини.

Тогда же, въ 1851—52 г.г., сблизился Герценъ и съ Орсини, этимъ идеальнымъ типомъ карбонари, однимъ изъ самыхъ безстрашныхъ людей среди богатыхъ безстрашнѣе героевъ освобожденія Италиі, сложившимъ голову на гильотинѣ въ 1858 году за неудачное покушеніе на Наполеона III. Въ тѣ трудные дни, въ Ниццѣ, и Орсини принялъ горячее участіе въ дѣлахъ Герцена.

Кто читалъ очеркъ Герцена объ Энгельсонѣ, тотъ помнитъ, конечно, эпизодъ размолвки между Герценомъ и Орсини. Въ духу слуховъ эта исторія, довольно типичная для эмигрантскихъ круговъ, состояла въ слѣдующемъ. Въ Женевѣ распространился слухъ, что

Орсини—австрийский шпионъ. Это была, разумеется, дикая нелѣпость; но вскорѣ затѣмъ чудесное спасеніе Орсини изъ крѣпости въ Мантуѣ (а онъ былъ посаженъ туда послѣ одной изъ своихъ безумныхъ попытокъ вызвать возстаніе въ Италиі) какъ-будто подтверждаетъ эти нелѣпые толки. Какъ бы то ни было, Герценъ однажды въ разговорѣ передалъ этотъ слухъ Энгельсону, съ которымъ былъ тогда еще очень близокъ. Когда вскорѣ затѣмъ между ними произошелъ разрывъ, Энгельсонъ въ своей неврастенической страстности передалъ Орсини слова Герцена—и не какъ слухъ, а какъ утвержденіе, припутавъ сюда еще и Саффи. Орсини былъ, разумеется, страшно уязвленъ, чуть было не вызвалъ на дуэль и Герцена, и Саффи, но послѣдніе объяснились съ нимъ, онъ назвалъ Энгельсона, и дѣло кончилось миромъ.

Тѣ письма, которыми обмѣнялись по этому поводу Орсини и Герценъ, сохранились. Вотъ письмо Орсини (8 сентября 1856 г.); оно написано на очень дурномъ французскомъ языкѣ:

«Милостивый государь. Мнѣ нужно разъясненіе, и я довѣряю вашему благородству и вашей чести, что вы объяснитесь со мною откровенно.

«Я мужчина; у меня есть опытъ, хотя добытый въ суровой школѣ; я питаю къ вамъ дружеское чувство и думаю, что доказалъ вамъ его со времени нашего знакомства въ Ниццѣ; это должно служить вамъ порукой, что я неспособенъ затѣять скандалъ съ кѣмъ бы то ни было. Я узналъ, что въ декабрѣ 1854 г., какъ разъ когда я находился въ заключеніи въ Германштадтѣ, вы сказали ни болѣе ни менѣе, какъ *что я—австрийскій шпионъ и на хорошихъ жалованьи*, и что вамъ это было передано г-мъ Саффи. Это сообщилъ мнѣ случайно одинъ изъ моихъ друзей, бывшій нѣкогда вашимъ другомъ; я нисколько не сомнѣваюсь въ правильности его утвержденія, такъ какъ знаю его за благороднаго человѣка и такъ какъ, убѣждая меня не придавать значенія этому дѣлу, онъ въ то же время разрѣшилъ мнѣ воспользоваться его именемъ, если это понадобится.

«Я былъ крайне удивленъ. Бесѣдая съ вами такъ искренно, какъ я привыкъ говорить со всѣми, я не могъ предполагать, что человѣкъ, подобный вамъ, который выдаетъ себя за главу партіи, который долженъ знать, что такое партія, и который называетъ себя моимъ другомъ,—повторяю, я не могъ допустить, чтобы вы оказались способнымъ съ такой легкостью повести обвиненіе въ *лжести* на меня, человѣка, который всю свою жизнь пренебрегалъ всякимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы служить идеѣ и родинѣ, который приносилъ *реальныя*, а не *воображаемыя* жертвы, страдалъ въ тюрьмахъ, а не въ гостиницъ и библиотекъ. Но съ другой стороны я долженъ отчасти васъ извинить: это—дѣло г-на Саффи, вращающагося въ нашемъ кругу.

«Словомъ, необходимо, чтобы вы письменно заявили мнѣ, что именно Аурелио Саффи сказалъ вамъ слова, повторенныя вами одному изъ вашихъ друзей, котораго я обязываюсь тотчасъ назвать по вашему требованію.

«Я хочу разобрать это дѣло, хочу открыть источникъ, откуда

оно произошло, хочу видѣть то тайное и темное, что есть въ нѣдрахъ нашей собственной партіи. Это мой долгъ по отношенію ко мнѣ самому, къ моимъ друзьямъ, готовымъ отдать за меня жизнь, и къ самой партіи, которой я членъ.

«Полагаю на вашу честь, что вы совершенно ясно объясните мнѣ то, что я имѣю право знать; пока прошу васъ пожать руку вашему другу, который съ вами, и вѣрить моему уваженію и дружбѣ».

Герценъ немедленно отвѣчалъ (9 сентября):

«Милостивый государь. Вы безусловно вправѣ поставить мнѣ предлагаемый вами вопросъ. Такъ вотъ до чего дошли ненависть и клевета! Я понялъ, отъ кого вы слышали фразу, о которой рѣчь.

«Я завтра перебежаю со всей семьей въ Лутней, дайте мнѣ два дня срока, и я объясню вамъ все, пока же могу васъ увѣрить моей честью, что никогда ни Саффи, ни я не придавали вѣры чему-либо, что могло бы набросить тѣнь на васъ.

«Я сдѣлаю все возможное, чтобы раскрыть эту интригу. Я готовъ представить самое формальное опроверженіе въ присутствіи какихъ угодно свидѣтелей. Я прошу у васъ только два дня, и пока немного довѣряю.

«При первой возможности я побываю у васъ утромъ.

«Огаревъ проситъ меня передать вамъ его привѣтъ и жметъ вашу руку. Въ заключеніе искренно благодарю васъ за довѣріе, которое вы оказали мнѣ своимъ писемомъ».

Черезъ два дня Саффи и Герценъ явились къ Орсини съ объясненіемъ, которымъ и кончилось дѣло.

Саффи.

Еще одинъ прекрасный образъ, увѣковѣченный для насъ Герценомъ,—Маркъ Аврелій Саффи. Въ 1849 году, въ періодъ кратковременнаго существованія римской республики, онъ входилъ въ составъ триумvirата, управлявшаго Римомъ (вмѣстѣ съ Маццини и Армеллини), и заведывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Съ начала 50-хъ годовъ и онъ жилъ въ Англии; онъ, кажется, состоялъ преподавателемъ въ одномъ изъ оксфордскихъ колледжей. Въ домѣ Герцена онъ былъ какъ родной, при ближайшемъ участіи Герцена и Огаревыхъ состоялась его женитьба.¹⁾ Его письма къ Герцену чаруютъ спокойной простотой и задумчивостью тона, но по содержанию они не представляютъ интереса. Приведу изъ нихъ только одно, характеризующее Саффи и его отношеніе къ Герцену. «Дорогой Герценъ,—пишетъ онъ 4 ноября 1853 года изъ Оксфорда.—Пишу вамъ два слова, чтобы изъ глубины моего уединенія напомнить о себѣ вашей дружеской памяти. Я здѣсь одиноко и печаленъ, городокъ этотъ ветхъ и далекъ отъ всякаго дуновенія жизни и будущаго. Это городъ монашескій. Здѣшніе колледжи—монастыри, гдѣ вѣтъ и думать мысль и совѣсть подъ залпесневыми формулами королевской церкви. Однако здѣсь есть

¹⁾ См. Воспоминанія Н. А. Огаревой-Тулковой, М., 1905, стр. 133—135.

нѣсколько юношей съ душой, способной любить и предчувствовать, — и въ этихъ душахъ можетъ совершаться революція, какой старая Англія и не подозрѣваетъ. Съ ними я могу еще кое-когда разговаривать на человѣческомъ языкѣ. Послѣ этой мрачной картины вы спросите меня, почему я заточилъ себя въ этотъ моральный Шильонскій замокъ. Причина въ слѣдующемъ, — она нѣсколько матеріальна, но отъ того не менѣе вѣска: я даю здѣсь уроки и тѣмъ могу избавить мою мать отъ денежныхъ жертвъ, которыя были бы ей тяжелы при экономическихъ условіяхъ, въ какихъ она находится. Все остальное время совершенно въ моемъ распоряженіи, и это одиночество было мнѣ, можетъ быть, даже необходимо. Послѣ того какъ человекъ долгие годы участвовалъ во вѣдшихъ кризисахъ жизни, полезно немного сосредоточиться и стать на независимую точку зрѣнія, чтобы правильнѣе судить о вещахъ. Именно это и дѣлаетъ мнѣ пріятнымъ мое пребываніе въ Оксфордѣ, несмотря на его дурныя стороны».

Венгры. — Нѣмцы. — Карлейль. — Торэ.

У наслѣдниковъ А. И. Герцена хранится составленный имъ самимъ альбомъ автографовъ, гдѣ вклеены по одному или по нѣскольку писемъ къ нему его знаменитѣйшихъ современниковъ. Отъ многихъ онъ и получилъ только по одному письму, да и тѣ по содержанию не представляютъ интереса. Они любопытны только для характеристики той атмосферы многостороннихъ связей и общей симпатии лучшихъ людей его времени, которую было окруженъ Герценъ въ изгнаніи. Кошутъ письмомъ, исполненнымъ уваженія, рекомендуетъ ему какого-то артиллериста; другой знаменитый боецъ за освобожденіе Венгрии, Клапка, знакомитъ его письменно съ однимъ изъ своихъ боевыхъ товарищей; Фрейлигратъ извѣщаетъ его о прѣздѣ Клапки въ Лондонъ; швейцарскій революціонеръ и президентъ Джемсъ Фази пріятельской записочкой назначаетъ ему свиданіе; Карлъ Шульцъ, участникъ баденскаго возстанія и освободитель Кинкеля, позднѣе сенаторъ и министръ внутр. дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, недавно умершій, — въ 1855 г. пишетъ Герцену въ Лондонѣ, что принужденъ внезапно уѣхать въ Мальвернъ и оттуда назадъ въ Америку: «Вы не примете это за исполненіе простой формальности, — пишетъ онъ, — если я скажу вамъ, какой большой радостью было для меня сблизиться съ вами. Я всей душой надѣюсь, что этотъ мой короткій прѣздъ сюда не будетъ послѣднимъ. Какъ я слышалъ, ваше рѣшеніе оставить Англію въ этомъ году нельзя считать окончательнымъ, итакъ, я можетъ быть еще застану васъ здѣсь по возвращеніи изъ Америки. Во всякомъ случаѣ, мы еще встрѣнимся когда-нибудь въ жизни и будемъ рады другъ другу». Затѣмъ же — то письмо Карлейля, которое Герценъ самъ напечаталъ въ пятой книгѣ «Полярной Звѣзды».

Въ заключеніе приведу въ выдержкахъ письмо одного забытаго теперь французскаго радикальнаго журналиста, тоже эмигранта въ Лондонѣ — Торэ, писанное въ концѣ 1852 года. Герценъ зналъ Торэ

еще изъ Парижа; тонъ письма, какъ увидитъ читатель, совершенно пріятельскій. Это письмо замѣчательно прежде всего, какъ пресохлоный образчикъ того космополитически-революціоннаго настроенія, которое царило тогда въ европейской эмиграціи и которое такъ сильно отразилось на Герценѣ¹⁾; затѣмъ любовитвенъ и отзывъ о книжкѣ Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (она вышла въ 1851 г.).

«Любезный Герценъ, я только-что съ величайшимъ интересомъ прочиталъ вашу книгу, пролившающую яркій свѣтъ на Восточную Европу, которая несомнѣнно будетъ играть главную роль въ революціи 19-го столѣтія. Франція и западная часть Европы, кажущаяся центромъ или, по крайней мѣрѣ, боевой ареной революціи, живутъ въ неизяснимой и роковой апатіи и невѣжествѣ межъ двухъ элементовъ, которыхъ онѣ не понимаютъ и которые между тѣмъ представляютъ собою оба конца революціонной цѣпи, — между Россіей и Америкой.

«Древняя мировая традиція учить насъ, что человечество подвигается на земномъ шарѣ съ Востока на Западъ; это очевидный фактъ, обладающій всей достоверностью историческаго закона: Индія, Персія, Египетъ, Этрурія, Греція, Римъ — тутъ вся исторія древности. Человѣчество возмущается о свѣточъ Востока и безпрестанно оборачивается, чтобы передать свѣтъ Западу. Оно, можетъ быть, уже не разъ обошло земной шаръ. Больше пятнадцати лѣтъ назадъ я смутно выразилъ въ «Encyclopédie Nouvelle» эту идею, которая подтверждается и выясняется всѣми современными событіями. Итакъ, что-же станутъ дѣлать по ту сторону океана всѣ эти миллионы европейскіхъ эмигрантовъ? Что дѣлаютъ здѣсь Россія въ началѣ этого вѣка и какая роль предназначена ей въ предстоящей великой разрухѣ? Бѣдныя революціонеры, видящіе только узкій кругъ Франціи и смежныхъ съ нею странъ, только небольшую, теперь распадающуюся кучку народностей, которая составляла раньше католическій міръ, мечутся болѣзненно и слѣпо, такъ какъ не охватываютъ взоромъ всю совокупность революціи. Такъ называемая «европейская демократія», хотя и кажется обширной, все еще погружена въ обособленность и эгоизмъ. Препрадрасудки ревниваго національнаго чувства и высококнѣрной цивилизаціи все еще мѣшаютъ имъ подняться на высоту дѣйствительно всемірной, общечеловѣческой мысли, — потому что теперь рѣчь идетъ именно о человѣчествѣ. Теперь преобразуется весь старый укладъ жизни — религіозный, политическій, экономическій, — какъ въ эпоху римскаго упадка, всѣ народы захвачены этимъ процессомъ перерожденія, и каждый имѣетъ сказать какое-нибудь слово, чтобы разрѣшить загадку и побѣдить сфинкса.

«Въ этомъ отношеніи ваша книга драгоценна и совершенно нова. Въ ней равно отразились историкъ и философъ, политикъ и истинный революціонеръ. Было бы въ высокой степени полезно, если бы всѣ, у кого есть идеи, такимъ же образомъ слагали ихъ на алтарь всеобщей революціи. Апостолы и борцы, разсыпанные по всѣмъ

¹⁾ См. нашу статью «Герценъ и Западъ» въ «Рус. Мысль» 1907, мартъ.

путям гонениями старого мира, могли бы достигнуть истины и побды, если бы соединили свои умы и свое мужество. Но мы сидим, забившись, каждый в свой крохотный келья, вместо того, чтобы сложить в один великий священный костер все наши яркие факелы. Почему мы не передаем друг другу те знания, которые мы приобрели учением и размышлением? Ведь каждый из нас стоит на другой точке зренья, каждому его национальность, воспитание и жизненный опыт дали иные способности, другое призвание. Революционеры могли бы теперь образовать один большой собор, где были бы представлены все отдельные ноты человеческой жизни и где, без сомненья, он обрел бы свою гармонию...

«Каким же способом можно сблизить идеи и осветить их одну другую? Как организовать взаимное обучение обширной политической богемы, блуждающей в изгнании и призванной со временем обучить народы? Как жаль, что мы не пользуемся, по крайней мере, нашими встречами вне наших отчизн, чтобы приготовить ту общую отчизну, которую мы ищем, — свободу и истину! Среди временных неудач революции и социализма больше всего огорчает меня мысль, что все эти побужденные ныншнего дня не укрпляются, чтобы побдить в близком будущем. Отдельные личности и народы рискуют впасть в те же ошибки, которые только что поглотили безусловно столько жертв, столько страданий и героизма. Если бы социализм был понят в своей всеобщности, он спас бы будущую революцию. Но, к несчастью, большинство революционеров не заботится о том, чтобы что-нибудь понять.

«...Ваша книга меня поразила. В то время как Франция и западная часть Европы составляют свои крохотные революционные проекты, в то время как наиболее смелые мыслители революции включают в движение будущего три или четыре народа, как например Францию, Италию, Германию, — и считают, что это уже очень много с их стороны, а на Россию смотреть лишь как на врага, — вы вдруг заявляете: «Осторожный! Нам здесь пятьдесят миллионов, тоже людей! В ваших глазах мы не больше, как угроза. Но вы ошибаетесь; революция, которой вы считаете себя представителями, гораздо шире: ею охвачено все человечество! И мы, кого вы называете варварами, мы так же близки к истине, как вы, образованные. Мы, может быть, ближе к социализму, чем вы. У нас нет, как у вас, массы учреждений, которые стсняли бы нас, и, наоборот, у нас много старых учреждений, наивных и зачаточных, которые легче могут быть обращены на службу новому, нежели вся мишура вашей цивилизации. Вы воображаете себя великими философами, и не знаете даже того, что вот уже тридцать лет наша страна служит ареною борьбы для всех ваших идей и кладбищем для борцов и героев, которые страдали и умерли за эту же истину». Вот что вы открываете западным революционерам, которые и не подозревали, что их дело имеет такие размеры. Потому-то и было бы полезно, чтобы такую книгу, как ваша, прочитали все беспокойные умы, ищущие смысл и средства революции, все впавшие в уныние, которые в виду частичного и временного поражения не догадываются, что рево-

люция неотвратима и что она оживает всюду, каковы бы ни были промахи и ошибки людей, неумелость и трусость партий.

«Теперь позвольте мне также сказать вам, что ваша книга недостаточно ясна для людей не посвященных заранее в столь мало известную историю России. Вы удивительно схватили глубокие черты, характеризующие ваш народ и его традиции, предрасполагающие его к новизне; но для воспитания читателя были бы нужны более систематическое изложение и более вышуклый анализ. При небольшом усилии эта книга могла бы стать моральной историей и живым портретом России, а в настоящем своем виде она заставляет обо многом догадываться, потому что автор считает своего читателя уже осведомленным и внушает желание узнать все. Пишите же другие книги: у вас есть много о чем нам рассказать. Сожалею, что у меня нет газеты или журнала, которые были бы мне открыты: я непременно напечатал бы изложение ваших «Революционных идей в России».

М. Гершензон.

Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ за 1894 г.“¹⁾.

I.

Цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, производившихся въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, установлено, что лица, руководившія противоправительственнымъ движеніемъ, сознавая, что одною изъ причинъ неуспѣха революціонной дѣятельности является рознь, существующая между отдельными противоправительственными кружками, благодаря различію программъ и взглядовъ на пути и способы борьбы, и разсчитывая общими силами и совмѣстною дѣятельностью оживить революціонное движеніе, стали въ послѣдніе годы направлять свои стремленія къ объединенію всѣхъ кружковъ и лицъ, сочувствующихъ этому движенію. Въ сихъ видахъ составлялись разнаго рода программы, при которыхъ возможно было бы такое сліяніе. Попытка къ объединенію со стороны кружка конституціоналистовъ, выступившихъ въ 1888 году съ печатнымъ органомъ «Самоуправленіе», какъ извѣстно, не имѣла успѣха. Послѣ этого группа народниковъ-бунтарей, во главѣ съ литераторомъ Астуревымъ, воспользовавшись постигшими Россію неуражаемъ и холерой, дѣятельно распространила изданную за-границей брошюру «Всероссійское разореніе», а въ началѣ 1892 года выпустила напечатанную въ подпольной литейной типографіи и составленное самимъ Астуревымъ воззваніе, озаглавленное «Письмо къ голодающимъ крестьянамъ». Въ то же время группа, такъ называемыхъ, «народовольцевъ», издала старую свою программу и рядъ воззваній: «Свободное слово», «Отъ группы народовольцевъ», два номера «Летучихъ Листковъ» и брошюры: «Къ десятилѣтію коронаціи» и «Братство-товарищи». Всѣ эти попытки не имѣли, однако-же, практическихъ результатовъ и не повлекли за собою особо вредныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что многіе участники своеобразно были арестованы. Между тѣмъ, осенью 1893 года были получены агентурныя свѣдѣнія, указывавшія на новое соглашеніе, состоявшееся между нѣкоторыми лицами, проживавшими въ г.г. Москвѣ и Орлѣ, опытными въ револю-

ціонной дѣятельности, и привлекавшимися уже къ дознаніямъ, создать вновь организацію, примиряющую разрозненные противоправительственные элементы, и съ этою цѣлью, выработать особую политическую программу, заняться широкимъ ея распространеніемъ путемъ печатной пропаганды, для чего и приступить къ устройству типографіи. Какъ на инициаторовъ этого дѣла агентурныя свѣдѣнія указывали на дворянина Николая Тютчева¹⁾, служившаго въ то время въ контролѣ Орлово-Грязской жел. дор., сынъ купца Марка Натансона²⁾ и проживавшаго въ г. Рузѣ литератора Петра Николаева³⁾. Первые свѣдѣнія объ образовавшемся въ Орлѣ тѣсно сплоченномъ кружкѣ неблагонадежныхъ лицъ были получены еще весною 1893 года, когда при производствѣ въ г. Харьковѣ дознанія по дѣлу водворенія изъ-заграницы революціонныхъ изданій, по обыску у одного изъ обвиняемыхъ было обнаружено письмо служившаго въ Орлѣ, въ контролѣ желѣзной дороги, дворянина Юрія Кулябко, указавшее на политическую его неблагонадежность и, такъ какъ по произведенному у него обыску оказалось значительное количество революціонныхъ изданій, то онъ былъ привлеченъ къ дознанію. Въсѣсть съ тѣмъ-же Кулябко была отобрана переписка, указывавшая на то, что среди служащихъ въ контролѣ Орловско-Грязской жел. дор. существовалъ, еще во время нахожденія управленія этой дороги въ Саратовѣ, занимавшій политическими вопросами тайный кружокъ, составленный по преимуществу изъ лицъ, привлекавшихся по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, который съ переводомъ управленія и контроля дороги въ Орель усиленно присоединеніемъ къ нему новыхъ членовъ, занимавшихъ выдающееся положеніе въ кружкѣ. Такими лицами, находившимися въ постоянномъ между собою общеніи, въ числѣ другихъ являлись служившіе частью въ контролѣ Орловско-Грязской жел. дороги, частью въ статистическомъ отдѣленіи орловской губернской земской управы, потомственный почетный гражданинъ Александръ Геденовскій⁴⁾ бомбардиръ

¹⁾ Дворянинъ Николай Сергѣевичъ Тютчевъ привлекался въ 1875 г. къ дознанію въ Кіевѣ по дѣлу распространенія среди крестьянъ революціонныхъ изданій. Означенное дѣло было по отношенію къ нему производствомъ прекращено. Въ 1878 г. Тютчевъ вновь привлекался къ дознанію въ дѣлу присоединенности къ дѣлу возмущенія на жизнь крестьянина Бѣланова, заведовавшаго въ плѣнствѣ, и былъ высланъ подъ главною надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и оставался до 1887 года.

²⁾ Сынъ купца Марка Андреевича Натансона былъ высланъ въ 1872 г. изъ С.П.Б. подъ главною надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію за попытку организаціи кружковъ съ цѣлью распространенія революціонныхъ изданій. Въ 1878 г. за принадлежность къ преступному сообществу, посылку письма «Обществу друзей», Натансонъ былъ высланъ подъ главною надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и былъ оставленъ до 1887 г.

³⁾ Дворянинъ Петръ Николаевичъ привлекался къ преступному сообществу «Организація» былъ присуденъ приговоромъ Перхояво-Угловскаго суда отъ 24 Сентября 1866 г. по линии враль состоянія, къ ссылке въ колоніи работѣ на 3 лѣта. Въ 1888 г. Николаевичъ привлекался къ дознанію въ Москвѣ по дѣлу укрывательства нежелательнаго Золотова и рѣзалки журнала «Самоуправленіе». Означенное дѣло было по отношенію къ Николаеву производствомъ прекращено.

⁴⁾ Пот. поч. гражд. Александръ Васильевичъ Геденовскій привлекался въ 1886 г. къ дознанію по дѣлу Ярославскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на три года.

запаса артиллерии Сергій Сотников¹⁾, бомбардиръ запаса армій, изъ московскихъ мѣщанъ, Анатолій Сазоновъ²⁾, мѣщанинъ Михаилъ Ромасевъ, онъ-же Ромасевъ³⁾, сынъ колониста, бывший студентъ Петровской академіи Генрихъ Клингъ⁴⁾, сынъ крестьянина, бывший студентъ Киевскаго университета Василій Башмашниковъ⁵⁾, сынъ чиновника Иванъ Зосимовъ Поповъ, кандидатъ правъ Иванъ Львовъ и впоследствии поселившіеся въ Орлѣ вышеазванные Тютчевъ и Натансонъ; за исключеніемъ Львова, всѣ остальные лица привлекались уже къ дѣламъ политическаго характера. Хотя по произведеннымъ въ виду результата обыска у Кулѣбо, обыскамъ у большинства членовъ кружка и не было получено данныхъ для привлеченія ихъ къ дознанію, но указанія эти послужили основаніемъ для производства негласнаго разслѣдованія. Осенью 1893 г. имѣлись уже исполнѣны опредѣленныя агентурныя указанія на то, что члены Орловскаго кружка вступили въ сношенія съ представителями московскихъ кружковъ, организовать для совѣстной революціонной дѣятельности сообщество, которому присвоили наименованіе «соціально-революціонная партія Народнаго Права», и что представители московскихъ кружковъ, въ свою очередь получая подпольныя изданія изъ С.-Петербурга, завязали въ тѣхъ-же цѣляхъ сношенія съ организуемымъ будто бы, въ С.-Петербургѣ кружкомъ «группы народовольцевъ». Эти указанія, подтвердившіеся ранѣе имѣвшимися свидѣніями, между прочимъ о томъ, что въ юлѣ 1893 года Тютчевъ провѣлъ два дня въ г. Рузѣ у Николаева, что затѣмъ Николаевъ въ ноябрѣ того же года прѣѣзжалъ въ Москву, гдѣ имѣлъ свиданія съ студентами московскаго университета Викторомъ и Владиміромъ Черновыми и Евгеніемъ Яковлевымъ и что 14-го того-же ноябра въ

¹⁾ Пот. гражд. Сергій Васильевъ Сотниковъ привлекался въ 1888 г. къ дознанію по дѣлу Московскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на 3 года. Въ 1890 г. Сотниковъ вновь привлекался къ дознанію въ С.-Петербургѣ по дѣлу лѣвой Рейнштейна и былъ подвергнутъ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ.

²⁾ Заванс. бомбардиръ изъ мѣщанъ Анатолій Владиміровичъ Сазоновъ привлекался въ 1885 г. къ дознанію при Таврической губернс. жанд. упр. по дѣлу храненія и распространенія революціонныхъ воззваній, по извѣщенію въ указанное время предпринятаго содержанія подѣла стрелковъ, былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь срокомъ на три года. Въ 1890 г. Сазоновъ вновь привлекался къ дознанію по дѣлу террористическаго кружка и былъ подвергнутъ тюремному заключенію на одинъ годъ и гласному надзору полиціи въ избранномъ мѣстѣ жительства на два года.

³⁾ Мѣщанинъ Михаилъ Антоновичъ Ромасевъ, онъ-же Ромасевъ, привлекался въ 1879 г. къ дознанію въ Кіевѣ по дѣлу привадежности къ революціонному сообществу и былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и оставался до 1886 года.

⁴⁾ Бывшій студентъ Петровской земледѣльской академіи Генрихъ Петровичъ Клингъ привлекался въ 1886 г. къ дознанію по дѣлу Московскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на пять лѣтъ.

⁵⁾ Башмашниковъ, Василій Васильевичъ, привлекался въ 1885 г. къ дознанію по дѣлу организаціи въ Кіевѣ рабочаго революціоннаго кружка и былъ подвергнутъ гласному надзору на три года и въ мѣстности, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны.

квартирѣ Ивана Львова происходила, обставленная предосторожностями, сходка, на которой присутствовало до 20 человекъ,—вызвали необходимость принятія со стороны департамента полиціи особыхъ мѣръ наблюденія за поименованными лицами. Наблюденіе это, съ одной стороны, установило сношеніе членовъ московско-орловской группы съ лицами, заподозрѣнными уже въ то время въ противоправительственной дѣятельности въ С.-Петербургѣ, и послужило къ обнаруженію организованной революціонной группы, съ другой, привело къ открытію мѣста нахождения подпольной типографіи, устроенной московско-орловской группой. Такъ, наблюденіемъ было установлено, что въ началѣ декабря 1893 года въ С.-Петербургѣ прѣѣзжалъ Викторъ Черновъ и, проживъ безъ прописки нѣсколько дней, имѣлъ свиданія съ студентами С.-Петербургскаго университета Александромъ и Андреемъ Никитинскими и Максимомъ Келлеромъ, состоявшими подъ наблюденіемъ по подозрѣнію въ преступной пропагандѣ среди рабочихъ, причѣмъ вмѣстѣ съ Александромъ Никитинскимъ посѣтилъ квартиру проживавшихъ совместно, въ д. № 14 по Захарьевской улицѣ, студентовъ военно-медицинской академіи Михаила Сушинскаго, Николая Бѣлецкаго и Ивана Галецкаго. Съ другой стороны, при наблюденіи за московско-орловскимъ кружкомъ было, между прочимъ, установлено, что 18 февраля 1894 г. на ст. Сумы, Харьковско-Николаевской ж. д. прибылъ Евгеній Яковлевъ и, получивъ по дубликату накладной за № 59 доставленные въ Сумы за мѣсяць передъ тѣмъ со станціи Гризи, Козлово Воронежской ж. д. бывшій студентомъ московскаго университета Александромъ Максимовымъ два мѣста багажа, въ томъ ящикъ въ 5 п. 10 ф. и корзину въ 4 п. 15 ф. перевезъ этотъ грузъ, обозначенный машинными частями, на пассажирскую станцію и въ тотъ же день сдалъ кладъ большою скоростью подъ квитанцію за № 371 до ст. Курскъ и съ этимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Сумъ, 19-го февраля, въ 4 ч. утра, по прибытіи на ст. Курскъ, Яковлевъ передалъ квитанцію поджидавшему его на вокзалѣ Михаилу Ромасеву, а самъ отправился въ Орель; Ромасевъ же въ 5 час. вечера явился на вокзалъ и, предъявивъ переданную ему Яковлевымъ квитанцію, получилъ и сдалъ грузъ до ст. Орель, куда выѣхалъ съ тѣмъ же поѣздомъ. Встрѣченный въ Орлѣ Николаемъ Тютчевымъ, Маркомъ Натансономъ и Иваномъ Львовымъ, при ближайшемъ наблюденіи со стороны послѣдняго, Ромасевъ принялъ и отправилъ тотъ же грузъ по Орлово-Витебской желѣзной дорогѣ въ г. Смоленскъ. Того же 19-го февраля вечеромъ въ г. Орлѣ въ квартирѣ Натансона, проживавшаго совместно съ женой своей Варварой¹⁾ состоялъ многолюдный сходка, въ которой принимали участіе Тютчевъ, Гедеоновскій, Львовъ, Поповъ, Сазоновъ, Клингъ, бывший класный наставникъ Алексій Пышеоновъ, дочь чиновника Екатерина

¹⁾ Притворивъ 14-го марта 1877 года Особого Присутствія Правительствующаго Сената дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, Варвара Натансонъ, рожденная Александромъ, за государственное преступленіе лишена всѣхъ особенныхъ правъ и сослана на житье въ Иркутскъ губ., но затѣмъ въ ней былъ признанъ всеобщейный имущественный 15-го мая 1888 года, въ силу котораго она получила права всеобщаго жительства, за исключеніемъ столицъ и столицинскихъ губерній.

Троицкая и служащие в статистическом отделе Орловской губернской земской управы Александр Мартынов и Василий Башмашиников, всего около 30 человек, причем собрание это отъ наружного наблюдения оберегалось Тютчевым, Поповым и Башмашиниковым. Между тем, прибыл 20-го февраля в Смоленск, Ромасевъ отправился на Петропавловскую улицу, в домъ Островскаго и, приблизительно часъ спустя, возвратился на вокзалъ съ ломовымъ извозчиком, на которого нагрузилъ оба мѣста багажа и доставилъ ихъ въ вышеупомянутый домъ. В 6 мѣ часу вечера онъ вышелъ изъ этого дома и съ первымъ отходящимъ поездомъ выѣхалъ изъ Смоленска.

21-го февраля, не дожидаясь ст. Орель, Ромасевъ сошелъ съ поезда на Кромыской платформѣ и, взявъ извозчика, отправился в городъ въ квартиру Марка Натансона, у котораго въ это время находились Иванъ Зосимовъ Поповъ и Александръ Гедеоновскій. Вслѣдъ затѣмъ къ Натансону пришли Тютчевъ и дочь чиновника Марія Жиркова ¹⁾ и, взявъ дорожные вещи Ромасева, отвезли ихъ къ себѣ на квартиру, а Ромасевъ пошелъ къ Тютчеву, у котораго и ночевалъ. 22-го февраля онъ вновь выѣхалъ въ Смоленскъ, имѣя при себѣ завернутый въ красное одѣяло твердый предметъ кубической формы, который 23-го февраля доставилъ также въ домъ Островскаго и, по истеченіи 6 часовъ, выѣхалъ изъ Смоленска. Въ тотъ же день Натансонъ выѣхалъ въ Москву и послѣ свиданія съ Николаевымъ отправился въ мѣсто новаго своего служенія (Контроль Николаевской желѣзной дороги) въ С.-Петербургъ.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ домѣ Островскаго въ г. Смоленскѣ въ описанное время проживалъ по паспорту на имя дворянина Дмитрія Окунева мужчина лѣтъ 35 и при немъ двѣ женщины, одна—подъ видомъ жены, другая—кухарка; что Окуневъ появился въ Смоленскѣ въ январѣ 1894 г., заявивъ, что прибылъ съ юга, и первоначально жилъ въ гостиницѣ Лондонъ, затѣмъ въ д. Дойникова, по Рѣзницкому переулку, въ сообществѣ одной женщины въ качествѣ кухарки, а въ началѣ февраля нанялъ домъ Островскаго, гдѣ съ тѣхъ поръ и поселился. Въ концѣ февраля 1894 г., вслѣдъ за возвращеніемъ Яковлева въ Москву, послѣ свиданія съ нимъ, происходившаго 24-го февраля, прибылъ также въ Смоленскъ, жившій въ послѣднее время въ Москвѣ безъ занятія, мѣщанинъ г. Сигнаха, Тифлисской губ., Андрей Лежава. Съ этого времени начинаются постоянныя свиданія Лежавы съ Окуневымъ, обставленныя предосторожностями и устранившіяся обыкновенно по вечерамъ въ отдаленныхъ частяхъ города. 21-го марта въ Смоленскъ прибылъ Яковлевъ и доставилъ Лежавѣ привезенные имъ съ собой изъ Москвы 2 чемодана и 2 шкани. Въ тотъ же день вечеромъ Лежава имѣлъ на улицѣ свиданіе съ Окуневымъ, а на слѣдующій день Окуневъ съ женой поѣхали Лежаву и увезли съ собой доставленные Яковлевымъ вещи. Кромѣ свиданій съ Окуневымъ, Лежава поддерживалъ сношенія съ служащимъ въ Смо-

¹⁾ Жиркова привлекалась въ 1887 г. къ дознанію по дѣлу Ярославскаго революціоннаго кружка и по Высочайшему повелѣнію 25-го ноября 1887 г. была исключена изъ сѣверо-восточнаго уѣзда Вологодской губ. на три года.

ленской губернской земской управѣ потомственнымъ почетнымъ гражданскимъ Сергѣемъ Смирновымъ ¹⁾. 6-го апрѣля прибылъ изъ Орла въ Смоленскъ Александръ Гедеоновскій и выѣхалъ съ Лежавой, при посредствѣ Сергія Смирнова, а затѣмъ поѣхали Окунева и въ тотъ же день возвратился въ Орель. Вслѣдъ за ними, 7-го апрѣля, выѣхалъ изъ Смоленска въ Харьковъ Андрей Лежава. Между тѣмъ, при наблюденіи за Яковлевымъ было установлено, что, со времени возвращенія изъ Курска въ Москву, онъ имѣлъ частыя свиданія съ Викторомъ и Владиміромъ Черновыми и сестрой ихъ фельдшерницей Надеждой Черновой. Особенно часто выѣхалъ онъ съ Владиміромъ Черновымъ, а также съ дочерью чиновника Любовью Лебедевой; 22 марта прямо съ вокзала онъ зашелъ къ Любови Лебедевой куда явился и Владиміръ Черновъ. Затѣмъ, 23 марта получивъ черезъ посредство воспитанника Московской земледѣльской школы Владиміра Жданова, съ вокзала чемоданъ, онъ чемоданъ этотъ доставилъ Любови Лебедевой, къ которой явился Владиміръ Черновъ и ученикъ Земледѣльской школы Иванъ Куманинъ; послѣдній ухода имѣлъ при себѣ свертокъ, 1-го и 3 апрѣля Яковлевъ имѣлъ свиданія съ Петромъ Николаевымъ, 1-го апрѣля одновременно съ нимъ были у Николаева и братья Черновы, а 3 апрѣля онъ былъ у Николаева вмѣстѣ съ Лебедевой; 4 и 6 апрѣля было замѣчено посѣщеніе Яковлевымъ меблированныхъ комнатъ «Америка», на Воздвиженскѣ, и выходъ его оттуда со свертками, которые затѣмъ 4 апрѣля онъ передалъ въ квартирѣ Любови Лебедевой Владиміру Чернову, а 6 апрѣля—въ меблированныхъ комнатахъ «Надежда» Куманину. 11 апрѣля Яковлевъ выѣхалъ въ Харьковъ и, прибывъ туда 13 апрѣля, въ 6 ч. утра, около 9 часовъ утра имѣлъ въ желѣзнодорожномъ саду, при конспиративной обстановкѣ, непродолжительное свиданіе съ проживающимъ въ Харьковѣ бывшимъ административно-ссылнымъ Николаемъ Михайловичемъ Флеровымъ ²⁾. Въ 3 часа дня на томъ же мѣстѣ Яковлевъ опять выѣхалъ съ Флеровымъ и затѣмъ оба они направились въ Богунувскій переулокъ, гдѣ Флеровъ расстался съ Яковлевымъ и зашелъ въ д. № 11-й, графа О'Рурка, въ квартиру № 7. которую занимали состоявшая подъ особымъ надзоромъ полиціи, дочери бывшего доцента Харьковскаго Университета Анна Сыцянко и Марія, по мужу Ослопова ³⁾. Яковлевъ же пошелъ на вокзалъ и, получивъ изъ багажного отдѣленія свой чемоданъ, перевезъ его въ Петербургъ.

¹⁾ Смирновъ привлекался одновременно съ Троицкой къ дознанію по дѣлу Ярославскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ въ Западную Сибирь на три года.

²⁾ Михайловичъ Николай Михайловичъ Флеровъ привлекался въ 1884 г. къ дознанію въ С.-Петербургѣ по дѣлу принадлежнсти къ революціонному обществу и былъ высланъ изъ губерній надзоромъ полиціи въ Западную Сибирь на пять лѣтъ.

³⁾ Сыцянко Марія Іосифовна, по мужу Ослопова, привлекалась къ дознанію въ 1884 г. по дѣлу «Брисаго Престо Народной Воли» и была привлечена гласному надзору полиціи на 3 года въ мѣстѣ жительства отца—г. Харьковѣ. Въ 1889 г. Сыцянко привлекалась вновь къ дознанію по дѣлу Харьковскаго Народнаго революціоннаго кружка и была выслана подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на 3 года.

⁴⁾ Ослопова Анна Іосифовна привлекалась въ 1879 г. къ дознанію въ Харьковѣ по дѣлу мѣстнаго революціоннаго кружка. Доказаніе это въ отношеніи Сыцянко было произведено.

скую гостиницу, находящуюся на Лопаньской набережной, после чего также отправился в квартиру Сычанко, куда, почти одновременно с ним, пришел какой-то студент Харьковского технологического института. Спустилась часть, Яковлев вышел из дома О'Рурк и отправился в Петербургскую гостиницу, а вскоре после его ухода из того же дома вышли упомянутый технолог и Флеров; из них последний направился в номер к Яковлеву. Того же числа в 11 ч. 29 м. вечера Яковлев выехал в Орел, где видялся с Владимиром и 14 апреля возвратился в Москву, а на следующий день Яковлев Чернов, после свидания с Яковлевым, выехал в Смоленск, где провёл 6 часов у Окунева и, возвратясь 17 апреля в Москву, захватил к Надежд Лебедевой, у которой оставил бѣлую корзину, вѣсомъ въ 2 пуда.

В то время, какъ Яковлев 20 марта отправился в Смоленск, Тютчевъ выехал в Харьков; по пути къ нему присоединилась Екатерина Троицкая. Остановившись в гостиницѣ Бенони; онъ на слѣдующий день искалъ вмѣстѣ съ Троицкой квартиру и 23 марта одинъ возвратился в Орелъ. 3 апреля онъ вторично ѣздил въ Харьковъ.

Учрежденное одновременно в С.-Петербургѣ наблюдение за Сушинскимъ и Келлеромъ привело къ установлению частных посѣждений, какъ этими лицами, такъ и студентомъ военно-медицинской академии Николаемъ Бѣлецкимъ, студентомъ С.-Петербургскаго университета Борисомъ Зотовымъ, прослушавшимъ въ этомъ университетѣ курсъ Александромъ Федуловымъ, а также дѣйствительнымъ студентомъ сѣльского хозяйства Львомъ Чермакомъ, квартиры привлекавшаго в 1885 г. по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка прапорщика запаса арміи Михаила Александрова¹⁾, проживавшаго совместно съ женой Екатериной Михайловой, по Поварскому пер. въ д. № 12. Лица эти бывали у Александрова не только порозно, но собирались и вмѣстѣ, принимая особая мѣры предосторожности, дабы не обратила на себя вниманіе полиціи. Такъ, 1 февраля 1894 г., въ 7 ч. вечера къ Михаилу Александрову пришелъ Михаилъ Келлеръ, а послѣ его ухода явились сначала Александръ Федуловъ; черезъ 20 м. Борисъ Зотовъ, затѣмъ въ 9 ч. 10 м. вечера Михаилъ Сушинскій, и лица эти оставались у Александрова до поздней ночи, причемъ разошлись въ такомъ порядкѣ: Федуловъ въ 12 ч. 5 м., Сушинскій въ 12 ч. 45 м. и послѣднимъ ушелъ Зотовъ въ 1 ч. 20 м. пополуночи, 4-го февраля Михаилъ Александровъ посѣтилъ Зотова. 6-го февраля въ 11 ч. утра изъ квартиры Александрова вышелъ Чермакъ, а въ 1 ч. 15 м.—Зотовъ, имѣя при себѣ свертокъ, завернутый в газетную бумагу и обязательный бичевокъ; 9 февраля Александровъ провель у Зотова съ 6 ч. до 11 ч. вечера; 12 февраля Александровъ съ Зотовымъ были въ д. № 11 по Захарьевской улицѣ, у Сушинскаго; 21 февраля въ 7 ч. вечера въ квартирѣ студента С.-Петербургскаго университета Павла Скабичевского, замѣ-

ченнаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Келлеромъ и Александромъ Никитинскимъ, собрался Михаилъ Александровъ съ женою, Александръ Никитинскій, Келлеръ, Сушинскій, студентъ военно-медицинской академіи Иванъ Галецкій и Зотовъ; собиравшиеся разошлись въ 12-мъ часу ночи; 26 февраля въ квартирѣ Зотова собрался Михаилъ Александровъ, Сушинскій, Александръ Федуловъ, Левъ Чермакъ. Въ то же время наблюдениемъ было установлено посѣщеніе Михаиломъ Александровымъ, Сушинскимъ, Николаемъ Бѣлецкимъ, Келлеромъ и нѣкоторыми другими лицами рабочихъ.

Такъ какъ получавшіеся одновременно агентурныя свѣдѣнія указывали, съ одной стороны, что названные лица усилеио занимаются революціонною пропагандою въ рабочей средѣ, выпустивъ изданную ими для рабочихъ газету подъ названіемъ «Рабочій Сборникъ № 1», а съ другой,—что Московско-Орловская группа, печатавъ въ организованной ею въ г. Смоленскѣ типографіи программу свою, намѣревается, для дальнѣйшей работы, перевести типографію въ другую мѣстность—въ видахъ недопущенія развитія дѣятельности этихъ сообществъ, 21 апреля 1894 г. было возбуждено, при С.-Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, дознаніе, начавшееся рядомъ обысковъ, произведенныхъ одновременно въ г. Смоленскѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Москвѣ и С.-Петербургѣ у всѣхъ, намѣченныхъ наблюдениемъ лицъ. Обыски эти вполнѣ подтвердили изложенныя агентурныя свѣдѣнія и приведенные результаты наблюденія, а дальнѣйшее дознаніе привело къ полному раскрытію связанной между собой преступной дѣятельности обнаруженныхъ кружковъ и лицъ.

Такъ, по обыскамъ у лицъ, заподозренныхъ въ участіи въ дѣятельности Московско-Орловской группы, найдены въ большомъ количествѣ революціонныя изданія, при чемъ въ Москвѣ у Виктора Чернова оказался цѣлый складъ разныхъ революціонныхъ сочиненій на русскомъ и польскомъ языкахъ, печатныхъ, литографированныхъ, тектографированныхъ и рукописныхъ, въ томъ числѣ программы разныхъ революціонныхъ организацій; у Надежды Лебедевой обнаружены двѣ корзины и особая связка, наполненная разными печатными, тектографированными, литографированными и рукописными революціонными изданіями старой «партіи Народной Воли», польской партіи «Пролетариатъ», польской социалистической партіи и между ними болѣе 1000 экз. брошюры, озаглавленной «Насущный вопросъ», изд. «партіи Народнаго Права» и 100 экз. издаваемой кружкомъ эмигрантовъ въ Парижѣ революціонной газеты «Русскій Рабочій» № 1¹⁾; у Ивана Куманина найдено болѣе 2000 экз. воззванія, озаглавленнаго «Манифестъ социально-революціонной партіи Народнаго Права»; у Владимира Чернова и потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя Александрова, проживавшаго въ квартирѣ сестры своей Варвары Натансонъ, оказались экземпляры того-же воззванія; у Владимира и Любови Лебедевыхъ и Надежды Черновой и ветеринарнаго врача Константина

¹⁾ Прапорщикъ запаса арміи Михаилъ Степановъ Александровъ принадлежалъ въ 1885 г. въ дозвѣніи по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка и былъ подвергнутъ порочному заключенію на четыре мѣсяца и главному надзору полиціи на два года въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны.

¹⁾ Редакцію этого журнала составляли: П. Каминцевъ, Еженій Степановъ, Алексѣй Теловъ, Георгій Бѣкъ, Софія Шейдлицъ; самъ-же конекъ набирался въ квартирѣ рабочаго Соколома Рапопорта.

Шамарина, обысканного в виду сношений с Черновым и Николаевым, отобраны также преступные издания. Но самые серьезные результаты дал обыск в Смоленскѣ, гдѣ в домѣ Островскаго были задержаны проживавшие там нелегально по паспортам, оказавшимся подложными, мужчина и двѣ женщины, назвавшиеся прибывшими на обыск чинами полиции: мужчиною—Дмитриемъ Окуновымъ и женщиною—Анфисой Клочковой и Лукерией Денисенковой; въ квартиру-же ихъ обнаружена полная тайная типографія, уложенная для перевозки в корзину и сундукъ, большое количество типографской бумаги, воззвание «Манифестъ социально-революционной партіи Народнаго Права», 78 экз. брошюры «Насущный вопросъ», приготовленная для печатанія переводная статья Дж. Кенана «Голосъ за народъ» и три личных документа: свидѣтельство, выданное изъ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собрания, 18-го июня 1880 г. за № 354, на имя сына дворянина Дмитрія Окунова, свидѣтельство, выданное изъ Воронежской городской управы, 16 декабря 1892 г., за № 5967, на имя жены потомственнаго почетнаго гражданина Анфисы Клочковой и плакатный паспортъ, выданный 20 мая 1893 г. за № 125, изъ Верхнесиловатскаго волостного правленія, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, на имя крестьянки Лукерьи Денисенковой. Наконецъ, въ г. Харьковѣ, у Лежавы оказалось около трехъ пудовъ типографской бумаги.

Вышеприведенный «Манифестъ социально-революционной партіи Народнаго Права, на которомъ значитъ, что онъ отпечатанъ въ «типографіи партіи Народнаго Права» 19 февраля 1894 г., представляя собою программу обнаруженного подъ этимъ именемъ общества и въ сжатой формѣ соответствующаго содержанию, значащейся изданною въ той-же типографіи въ 1894 году, брошюры «Насущный вопросъ» гласить слѣдующее:

«Въ жизни государствъ бывають моменты, когда на первый планъ отодвигаются всѣ интересы, какъ бы существенны они ни были сами по себѣ, выступаетъ одинъ только вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или иную сторону зависяетъ дальнейшая судьба народа. Такой моментъ переживаетъ въ настоящее время Россія и такимъ вопросомъ, опредѣляющимъ будущую судьбу ея, является вопросъ о необходимости политической свободы. Самодеятельно, въ политикѣ Александра III, получившее наиболее яркое свое выраженіе и олицетвореніе, съ неопровержимой ясностью доказало свое безсиліе создать такой общественный и государственный строй, который обезпечилъ бы правильное развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны. Направленіе настоящаго царствованія, резко выразившееся, какъ въ реформахъ послѣднихъ годовъ, въ видѣ учрежденія земскихъ начальниковъ и ограниченія мѣстнаго самоуправленія, такъ и въ систематической поддержкѣ капиталистическаго производства, показываетъ, что правительству неугодно продолжать политику административнаго произвола и сословно-классовыхъ интересовъ, вслѣдствіе игнорирова въплоть назрѣвшихъ вопросовъ, какъ государственной, такъ и народной жизни. Результатомъ такой политики явились общественная деморализація и экономическій упадокъ страны, предотвратитъ гибельныя послѣдствія и развитіе которыхъ правительству уже не можетъ. Та часть русскаго

общества, которая ясно представляетъ себѣ всю опасность современнаго положенія, не видитъ иного выхода, какъ рѣшительный поворотъ въ сторону политики народныхъ правъ и интересовъ, что можетъ быть достигнута только путемъ непосредственнаго участія страны въ дѣлахъ управленія, т. е. замѣною самодержавія установленіемъ свободныхъ представительныхъ учреждений.

Такъ какъ вѣтъ и не можетъ быть надежды на то, что правительство добровольно согласится на указанный путь, то народу остается одно—противопоставить сформированную силу общественного мнѣнія правительственной кривости и узкимъ интересамъ самодержавія. Созданіе такой силы и имѣть въ виду партія Народнаго Права.

По мнѣнію партіи, понятіе о народномъ правѣ включаетъ въ себя, какъ понятіе о политической свободѣ, такъ и понятіе о правѣ народа на обезпеченіе его матеріальныхъ интересовъ на началахъ организаціи народнаго производста. Гарантіями этого права въ глазахъ партіи служатъ: представительное управленіе на началахъ всеобщаго голосованія; свобода вѣроисповѣданія; независимость суда; свобода печати; свобода собраний и ассоціацій; неприкосновенность личности и правъ ея, какъ человѣка.

Въ виду того, что Россія не есть однородное цѣлое, а очень сложное политическое тѣло, необходимымъ условіемъ политической свободы является признаніе права на политическое самоопредѣленіе за всѣми національностями и областями, входящими въ составъ ея.

Такъ именуя народное право, партія ставитъ своей задачей объединеніе всѣхъ оппозиционныхъ элементовъ страны и организацію такой активной силы, которая всѣми доступными ей реальными и матеріальными средствами добилась бы освобожденія отъ современнаго политическаго гнета самодержавія и обезпечила бы за всѣми права человѣка и гражданина.

Будучи глубоко убеждена, что ея стремленія вполнѣ соответствуютъ истиннымъ потребностямъ историческаго момента, партія надѣется, что признаніе ея найдетъ горячій откликъ въ сердцахъ тѣхъ, кто не потерялъ еще чувства своего человѣческаго достоинства, въ комъ самодержавіе не вытѣснило сознанія своихъ гражданскихъ правъ, кто изучаетъ гнетомъ господствующаго произвола и насилия, кому дороги интересы родины и высшихъ идеаловъ правды и справедливости*.

Такова программа этой партіи, въ которой вовсе не указаны способы достиженія прѣдъявляемыхъ требованій. Между тѣмъ самое находженіе по обыскамъ, рядомъ съ изданіями новаго кружка, также изданыя такихъ революціонныхъ сообществъ, какъ старая партія «Народной Воли» и польская партія «Пролетаріатъ», притомъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ, приобретенныхъ, очевидно, въ видахъ пропаганды, лишь подтверждаетъ имѣвшіися агентурныя свѣдѣнія о томъ, что новый кружокъ умышленно въ программѣ своей опустилъ указанія на способы достиженія своихъ требованій, въ дѣйствительности же имѣлъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ выступитъ съ цѣлымъ рядомъ террористическихъ фактовъ.

Задержанные въ Смоленскѣ по подложнымъ паспортамъ лица

оказались: мужчина—бывший административно-ссылный Михаил Монцевич, а проживавшая с ним женщина—под видом жены и по паспорту Ключковой,—дочь коллежского ассесора Людмила Александрова, а в качестве кухарки, по паспорту Денисенковой—дворянка Надежда Фоянкова. Действительный студент Варшавского университета Михаил Антонович Монцевич, изъ крестьян Гродненской губернии, в концѣ 1885 года был привлечен къ дознанию въ г. Варшавѣ по дѣлу польскаго революціоннаго общества «Пролетариатъ», въ которомъ, наравнѣ съ Маріей Богущевичъ и Иосифомъ Разумѣйчикомъ, игралъ первостепенную роль, при чемъ, между прочимъ, участвовалъ въ устройствѣ тайной типографіи на Сѣнной улицѣ въ г. Варшавѣ и, дѣятельно занимаясь пропагандой и агитаціею среди рабочихъ, водворилъ изъ-за границы въ Варшаву транспорты революціонныхъ изданій. Въ 1887 г. Монцевичъ былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, срокомъ на 5 лѣтъ, по отбытіи наказанія проживалъ сначала въ Самарѣ, а съ іюня 1893 г. поселился въ Орлѣ.

Дочь коллежскаго ассесора Людмила Александрова и дочь коллежскаго совѣтника Надежда Фоянкова¹⁾ были также извѣстны раньше по сношеніямъ съ лицами неблагонадежными въ политическомъ отношеніи.

Допрошенная по существу обнаруженныхъ по настоящему дѣлу данныхъ, Надежда Фоянкова отказалась отъ всякихъ показаній. Обвиняемый Михаилъ Монцевичъ показалъ, что, выходя изъ положенія о необходимости политической свободы и раздѣляя въ этомъ отношеніи программу партіи «Народнаго Права», онъ въ началѣ января 1894 г., подъ фамиліею Окунева, поселился въ Смоленскѣ для занятій въ устроенной тамъ типографіи и отпечаталъ брошюру «Насущный вопросъ»; Людмила же Александрова признала принадлежность свою къ партіи «Народнаго Права», стремящейся по ея словамъ, къ достиженію политической свободы и ставящей минимальной цѣлью ограниченіе самодержавія и устройство народнаго представительства и показала, что приняла сдѣланное ей предложеніе участвовать въ дѣлахъ этой партіи. При дальнѣйшемъ призывѣ дознанія обвиняемый Евгений Яковлевъ, признавая виновность свою въ принадлежности къ социально-революціонной партіи «Народнаго Права», объяснилъ, что, сдѣлавшись членомъ этого общества въ октябрѣ 1893 г. онъ, съ нѣкоторыми другими членами, участвовалъ въ составленіи воззванія «Манифестъ социально-революціонной партіи народнаго права» и брошюры «Насущный вопросъ»; затѣмъ, получивъ порученіе принять въ Сумахъ доставленную изъ Грязей два мѣста съ принадлежностями типографіи, онъ 18 февраля выѣхалъ въ Суми, принявъ, по переданной ему квитанціи, съ товарной станціи ящикъ и корзину, перевезъ ихъ на вокзалъ желѣзной дороги и сдалъ до г. Курска, куда прибылъ и самъ 19 февраля около 5 ч. утра; встрѣченный на вокзалѣ Михаиломъ Ромасевичемъ, онъ передалъ послѣднему

¹⁾ Фоянкова—сестра привлекавшася въ 1892 г. къ дознанію въ СПб. Антонова Фоянкова.

квитанцію на вещи. Послѣ сего онъ велъ черезъ посредство Андрея Лежавы всѣ сношенія съ типографіей, устроенной въ Смоленскѣ, и когда въ началѣ марта ему передано было два тюка (около 1500 экз.) съ возвращаемымъ «Манифестъ¹⁾», онъ помѣстилъ ихъ на храненіе въ меблированныхъ комнатахъ «Америка»; затѣмъ, узнавъ, что въ Смоленскѣ готовы остальные экземпляры Манифеста и что тамъ нужна бумага, купилъ таковую и 20 марта вечеромъ, взявъ съ Рязанскаго вокзала ящикъ съ рамами для типографскаго станка, выѣхалъ въ Смоленскъ, куда прибылъ 21 марта, остановился въ гостиницѣ Лондонъ, гдѣ прописался подъ фамиліею Васильева, доставилъ Лежавѣ привезенныя съ собой вещи и, получивъ отъ него еще два тюка съ «Манифестомъ» и брошюрой «Насущный вопросъ», въ тотъ же день выѣхалъ изъ Смоленска. По прибытіи въ Москву, онъ оставилъ чемоданъ на вокзалѣ и забѣжалъ къ Любови Лебедевой, условившись съ нею относительно помѣщенія изданій въ безопасномъ мѣстѣ и 23 марта доставилъ чемоданъ въ квартиру Лебедевой, у которой его ожидали уже Владимиръ Черновъ и Иванъ Куманинъ. Послѣднему онъ передалъ одинъ тюкъ; затѣмъ, въ первый числѣ апрѣля онъ взялъ хранившіеся въ меблированныхъ комнатахъ «Америка» тюки съ «Манифестомъ» для помѣщенія ихъ въ иныхъ мѣстахъ, и одинъ изъ тюковъ 6 апрѣля передалъ черезъ Владимира Лебедева на храненіе тому же Куманину. Наконецъ, получивъ порученіе доставить въ Харьковъ для немедленнаго распространянія въ разныхъ городахъ отпечатанныхъ въ Смоленской типографіи изданій, онъ взялъ 1000 экземпляровъ «Манифеста» отъ Куманина и 500 экз. брошюры «Насущный вопросъ» и 11 апрѣля съ этими изданіями отправился въ Харьковъ, куда прибылъ 13 апрѣля и имѣлъ, въ желѣзнодорожномъ садикѣ, свиданіе съ Николаемъ Флеровымъ, чтобы узнать отъ него адресъ лица, которому долженъ былъ передать привезенныя изданія. Флерову, онъ далъ письмо, адресованное нѣкому Павлу Ивановичу и затѣмъ взялъ съ вокзала свои вещи и перевезъ въ номеръ Петербургской гостиницы, послѣ чего зашелъ къ Ослоповой, гдѣ видѣлся опять съ Флеровымъ. Передавъ изданія указанному Флеровымъ лицу, онъ въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ изъ Харькова, поспѣвъ по пути въ Орлѣ Ивана Львова, Варвару Натансонъ и Сотникова, и 15 апрѣля возвратился въ Москву. Тутъ онъ узналъ, что остальные экземпляры брошюры «Насущный вопросъ» готовы и что дѣятельность типографіи въ Смоленскѣ должна быть прекращена. Считая неудобнымъ ѣхать въ Смоленскъ, сейчасъ послѣ поѣздки въ Харьковъ, онъ просилъ Владимира Чернова отправиться туда за изданіями брошюры «Насущный вопросъ» и, сообщивъ ему адресъ типографіи и пароль: «Уйді, не то ты погибнешь», поручилъ передать, чтобы участники типографіи поспѣшили оставить Смоленскъ. 15 апрѣля Черновъ выѣхалъ въ Смоленскъ и 17 возвратился въ Москву, привезъ съ собой 1100 экземпляровъ брошюры «Насущный вопросъ», которые и были помѣщены, по указанію Любови Лебедевой, въ квар-

¹⁾ Изданіе это было доставлено, повидимому, обвиняемой Маріей Жарковой, которая въ это время возвратилась изъ Смоленска.

тирь сестры ее Надежды, жившей в больницѣ св. Ольги. Затѣмъ, по поводу нахождения у Надежды Лебедевой транспорта революціонныхъ изданій, въ которомъ оказалось 100 экз. газеты «Русскій Рабочій», Яковлевъ показалъ, что, по просьбѣ одного лица, онъ согласился принять на храненіе транспортъ революціонныхъ изданій, доставленный изъ-за границы въ апрѣлѣ 1894 года и поручилъ получить таковой ученику Московской земледѣльческой школы Владимиру Жданову, но о томъ, что Ждановымъ транспортъ полученъ и помѣщенъ у Надежды Лебедевой, ему известно не было.

Относительно организациі и цѣлей сообщества, а также состава членовъ его, Яковлевъ далѣе показалъ, что партія «Народнаго Права» относилась отрицательно, будто бы, къ террористической дѣятельности и ставила основною цѣлью своей организациі общественнаго движенія съ рядомъ требованій къ существующему Правительству, для чего предполагалось самое широкое распространеніе литературы партіи: за изданіемъ воззванія «Манифестъ» и брошюры «Насущный вопросъ» должно было слѣдовать изданіе журнала или газеты, подъ названіемъ «Народное Право» или «Вѣстникъ Народнаго Права». Определеннаго мѣстопребыванія партія не имѣла, число же членовъ ея было ограничено, по словамъ Яковлева, не болѣе десяти; жили они не въ одномъ какомъ нибудь определенномъ городѣ, а въ разныхъ городахъ, причемъ вели между собой сношенія посредствомъ такъ называемыхъ сертификатовъ, сдѣланныхъ изъ простой бумаги или карточекъ съ какой нибудь вырѣзкой. Средства же партія получала путемъ пожертвованій и за время своего существованія израсходовала около 1000 р., въ томъ числѣ Яковлевъ израсходовалъ 200 р., изъ коихъ 100 р. далъ Лежавъ и 100 р. передалъ Владимиру Чернову.

Въ заключеніе Яковлевъ, отказываясь указать членовъ этого сообщества, кромѣ Лежавы, Людмила Александровъ и Фoniaковой, вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что Тютчевъ, Натансонъ, Геденовскій и Троицкая знали о существованіи партіи, изъ нихъ Троицкая оказывала услуги партіи покупая мебель для типографіи, а обвиняемому Петру Николаеву было известно объ изданіи «Манифеста», который Яковлевъ ему показывалъ, спрашивая его мнѣнія. Обвиняемый Андрей Лежава призналъ, что принадлежалъ къ революціонному сообществу, поставившему своею задачею добиться свободы слова и печати. Утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, будто бы, не зналъ, что сообщество это называлось «партією Народнаго Права», онъ далѣе объяснилъ, что прибылъ изъ Москвы въ Смоленскъ, имѣя двѣ цѣли; прискаты себѣ какое нибудь мѣсто и оказывать содѣйствіе тайной типографіи, путемъ доставленія типографской бумаги и передачи ея лицу, завылающему типографію, и что онъ зналъ, что въ этой типографіи должна быть напечатана програмная статья. 7 апрѣля онъ выхажъ изъ Смоленска, направившись на родину въ Тифлисъ, но принужденъ былъ остановиться въ Харьковѣ за недостаткомъ денегъ, присылку которыхъ и ожидалъ. Отказавшись засимъ указать лицъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ по своей преступной дѣятельности, и дать болѣе подробныя разъясненія о сей послѣдней, Лежава призналъ, что былъ знакомъ въ Смоленскѣ только съ обвиняемымъ Сергѣемъ

Смирновымъ, заявивъ, что познакомился съ нимъ, зайдя въ Губернскую Земскую Управу для полученія тамъ занятій.

Обвиняемый Владимиръ Черновъ отрицалъ принадлежность свою къ партіи Народнаго Права и призналъ лишь, что оказалъ партіи этой нѣкоторыя услуги. При этомъ онъ объяснилъ, что всегда относился скептически ко всякаго рода попыткамъ непосредственнаго воздѣйствія на политическій строй Россіи, считалъ народное возстаніе невозможнымъ и отрицалъ терроръ помимо нравственныхъ соображеній, также какъ средство не достигающее цѣли и неизбежно влекущее за собой реакцію. Но онъ придаетъ большое значеніе вопросу о политическомъ преобразованіи Россіи, въ духѣ конституціонной монархіи и находилъ, что этотъ вопросъ назрѣлъ и требуетъ настойчиваго разрѣшенія и потому, когда въ началѣ марта 1894 г. Яковлевъ сообщилъ ему, что организовался кружокъ Народнаго Права, который, отрицая прежнюю программу партіи Народной Воли съ ея терроромъ, на мѣсто террора выдвигаетъ серьезную борьбу словомъ, пробужденіе политическаго и общественнаго самосознанія; онъ проникся сочувствіемъ къ этому кружку и предложилъ Яковлеву свои услуги и такъ какъ Яковлевъ просилъ его подыскать надежное мѣсто для храненія изданій этого кружка, то онъ обратился за содѣйствіемъ къ своей невѣстѣ Любови Лебедевой. «Манифестъ» произвелъ на него хорошее впечатлѣніе, вслѣдствіе чего, когда Яковлевъ предложилъ ему поѣздки въ Смоленскъ за брошюрой «Насущный вопросъ», онъ согласился. Мончевичу онъ передалъ 100 р. и рекомендовалъ немедленно выхажъ изъ Смоленска. Получивъ затѣмъ отъ Мончевича корзину съ изданіями, онъ доставилъ ее съ вокзала въ квартиру Надежды Лебедевой.

Изложенныя объясненія являются, однако, далеко не соответствующими обнаруженной дознаніемъ дѣятельности привлеченныхъ къ дѣлу обвиняемыхъ. Такъ, выяснено, что въ началѣ января 1894 г., вскорѣ послѣ пріѣзда Мончевича въ Смоленскъ, туда прибыли также Тютчевъ, Геденовскій и Львовъ; съ этими лицами Мончевичъ являлся въ домъ Дойникова для найма квартиры и вслѣдъ за отъѣздомъ Тютчева изъ Смоленска прибыла сначала туда же Жирякова и помѣстилась въ домъ Дойникова вмѣстѣ съ Мончевичемъ, а затѣмъ, въ началѣ февраля, въ тотъ же домъ прибыла Людмила Александрова, послѣ чего Мончевичъ переселился съ ними 8 февраля въ домъ Островскаго. Когда помѣщеніе для типографіи было окончательно устроено и предстояла перевозка типографскихъ принадлежностей, Яковлевъ, отправляясь въ Сумы, предварительно захвѣлъ къ Тютчеву, и, возвращаясь изъ Курска послѣ сдачи типографіи Ромасеву, вновь посѣтилъ Тютчева, а также Натансона.

Въ началѣ марта Жирякова, оказавшаяся непригодной для роли кухарки, оставила Смоленскъ и на ея мѣсто прибыла Надежда Фoniaкова, которая поселилась съ названными лицами подъ именемъ и по паспорту Денисенковой. Жирякова, какъ оказывается, была прислана въ Смоленскъ для участія въ работѣ означенной типографіи Тютчевымъ и снабжена имъ денежными на эту поѣздки средствами; Людмила Александрова, передъ самымъ пріѣздомъ своимъ въ Смо-

ленск. посылка в Орлѣ Тютчева; паспорт на имя Денисенковой ранѣе находился у Тютчева и, повидимому, тотъ же Тютчевъ склонилъ къ участию въ типографіи и обвиняемаго Мошечкина, котораго зналъ еще по ссылкѣ и съ которымъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ въ Орлѣ въ то время, когда планъ организаціи типографіи созрѣлъ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ приводитъ къ заключенію, что инициатива организаціи въ Смоленскѣ подпольной типографіи принадлежала, несомнѣнно, Тютчеву и что всѣ лица, принимавшія участіе въ перевозкѣ этой типографіи и прикосновенныя къ ней, какъ-то: Владиміръ Черновъ, Екатерина Троицкая, Гедеоновскій, Львовъ и Натансонъ, у котораго по обыску оказался притомъ сертификатъ, установленный для сношеній только членомъ партіи между собой,—являлись сообщниками Тютчева въ качествѣ членомъ обнаруженнаго сообщества «партіи Народнаго Права».

Въясненныя относительно обвиняемаго Петра Николаева данныя свидѣтельствуютъ, что онъ былъ, повидимому, освѣдомленъ о дѣятельности и планахъ сообщества, такъ какъ находился въ сношеніяхъ съ Тютчевымъ, Натансономъ и др. наиболее дѣятельными членами сообщества и, вѣроятно, принималъ участіе въ составленіи «Манифеста», что до нѣкоторой степени подтверждается и показаніемъ по этому поводу Яковлева.

Что же касается остальныхъ, упоминаемыхъ въ показаніи Яковлева лицъ, то дознаніемъ установлены близкія отношенія къ Яковлеву и Владиміру Чернову обвиняемыхъ Владиміра, Надежды и Любви Лебедевыхъ, Владиміра Жданова и Алексія Александрова и—къ Гедеоновскому—Сергѣю Смирнову, причѣмъ дѣятельность ихъ выразилась въ сознательномъ содѣйствіи членамъ сообщества въ качествѣ пособниковъ.

Такимъ же пособникомъ былъ и вышеупомянутый Флеровъ, принявшій отъ Яковлева для распространенія изданія сообщества. При разслѣдованіи по этому поводу въ г. Харьковѣ, наблюдаемъ было установлено, что послѣ отъѣзда Яковлева, Флеровъ имѣлъ постоянныя сношенія съ поднадзорными—Анной Сыцялко и сестрой ея Маріей, по мужу Ослоповой, съ состоявшими подъ наблюденіемъ, въ виду политической неблагонадежности, Владиміромъ Синицкимъ и бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета Александромъ Мироновымъ (Абрамомъ Мейеровымъ) Гольденбергомъ ¹⁾, которые нерѣдко собирались въ квартирѣ Ослоповой. 31 мая, 1 и 3 іюня ту же квартиру посетилъ технологъ, который былъ у Ослоповой одновременно съ Яковлевымъ, оказавшійся студентомъ Харьковскаго Технологическаго Института Яковомъ Жидковымъ. 4 іюля Флеровъ имѣлъ въ желѣзнодорожномъ саду свиданіе съ только что прибывшими въ Харьковъ студентами военно-медицинской академіи Мартыномъ Войчинскимъ и Василиемъ Хижинковымъ.

Одновременно съ производствомъ этого разслѣдованія, въ Де-

партаментѣ Полиціи были получены свидѣнія, что проживавшая въ г. Цюрихъ дочь священника Вѣры Величина, обратившая на себя вниманіе сношеніями съ русскими эмигрантами народovolъческаго направленія, намѣревается въ непродолжительномъ времени, возвратиться въ Россію вмѣстѣ съ проживавшимъ также въ Цюрихѣ братомъ поименованныхъ Сыцялкомъ Владиміромъ Сыцялко. Въ виду сего было учреждено наблюденіе за возвращеніемъ ея изъ-за границы. 19 іюля 1894 г. Вѣра Величина прибыла въ Москву вмѣстѣ съ Владиміромъ Сыцялко и оба они переехали въ село Пушкино, гдѣ проживаетъ ея семья, 30 іюля Владиміръ Сыцялко прибылъ въ Харьковъ, поселился у Ослоповой, а 23 августа, вмѣстѣ съ послѣдней, выѣхалъ въ Москву, гдѣ они поселились въ квартирѣ Величинныхъ.

На основаніи этихъ данныхъ въ ночь на 4 октября 1894 г. были подвергнуты обыскамъ поименованныя лица, такъ и состоявшіе въ сношеніяхъ съ Синицкимъ—служащій въ управленіи Харьковско-Николаевской желѣзной дороги мѣщанинъ Карлъ Сѣдвинъ и—съ Ослоповой дворянка Олимпія Кнаке. При этомъ обнаружены у Кнаке 15 экземпляровъ воззванія «Манифестъ социально-революціонной партіи «Народнаго Права», 5 экземпляровъ брошюры «Насущный вопросъ», у Сѣдина—пишущая машина системы Ремингтонъ, а у сожителя его дворянина Іеронима Росновскаго по одному экземпляру означенныхъ изданій. По обыску въ Москвѣ, въ квартирѣ Вѣры Величкиной, проживавшей въ домѣ своихъ родителей, совместно съ братомъ, студентомъ Московскаго университета Николаемъ, сестрою Клавдіей, Владиміромъ Сыцялко, и Маріей Ослоповой были найдены также изданія партіи «Народнаго Права» «Манифестъ» и «Насущный вопросъ». Кроме того, какъ и въ этой послѣдней квартирѣ, такъ и у Кнаке и у Гольденберга обнаружены разныя революціонныя сочиненія; у Флерова же оказался лишь одинъ экземпляръ воспроизведеннаго на пишущей машинѣ Ремингтона сочиненія Л. Толстого «Царствіе Божіе внутри насъ» и экземпляръ сочиненія Шефле на польскомъ языкѣ. Привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ всѣ названныя лица не признали себя виновными въ принадлежності къ сообществу партіи «Народнаго Права». Обвинимый Флеровъ подтвердилъ лишь показаніе Яковлева, отказавшійся указать лицо, которому были переданы доставленные Яковлевымъ изданія; остальные отрицали знакомство съ Яковлевымъ.

Между тѣмъ сознаніемъ Флерова вполнѣ установленъ фактъ посѣщенія Яковлевымъ 13 апрѣля 1894 г. квартиры Ослоповой и далѣе выяснено, что Ослопова успѣла завязать сношенія съ обвиняемой Екатериной Троицкой, несмотря на кратковременность пребыванія послѣдней въ Харьковѣ, и что она была знакома также съ обвиняемой Олимпіей Кнаке. Не отрицая этого послѣдняго обстоятельства, Кнаке показала что, бывая въ домѣ Ослоповой, она встрѣчала тамъ Гольденберга и Синицкаго, а затѣмъ познакомилась съ Карломъ Сѣдвинымъ, служившимъ совместно съ Синицкимъ въ управленіи Харьковско-Николаевской жел. дор. и съ товарищемъ Сѣдина по Харьковскому ветеринарному институту Казиміромъ Потровскимъ ¹⁾.

¹⁾ Мѣщанинъ Александръ Гольденбергъ привезенъ въ 1884 г. въ дознаніи по дѣлу Харьковскаго Народovolъческаго кружка и былъ посланъ подъ надзоръ полиціи въ Ваналуку Сибирь на 3 года.

¹⁾ Потровскийъ выѣхалъ за границу до приговора къ дѣлу.

Отъ Съядина и Потровскаго она и получила всё отобранныя у нея, по обыску изданія. Сначала Казимиръ Потровскій далъ ей двѣ пачки изданій партіи «Народнаго Права», но затѣмъ взялъ все обратно и оставилъ только то число экземпляровъ «Манифеста» и брошюры «Насущный вопросъ», которые у нея оказались; всё же остальныя преступныя сочиненія далъ ей Съядинъ. Войчинскій и Хижниковъ, согласно съ показаніемъ Флерова, показали что преступныхъ сочиненій отъ него не получали и что познакомились съ нимъ, будучи проездомъ въ Харьковѣ, изъ любопытства видѣть человѣка, о которомъ слышали, что онъ много испыталъ. По словамъ этихъ обвиняемыхъ, Флеровъ при свиданіи велъ съ ними только теоретическій разговоръ на темы о социаль-демократическомъ направлеиіи студенчества, о новомъ направленіи, стремящемся къ достиженію политической свободы и т. д.

Изъ показаній обвиняемыхъ Вѣры и Клавдіи Величинныхъ и Владимира Сыянко выяснено, что преступныя изданія, оказавшіяся въ квартирѣ Величинныхъ, принадлежали обвиняемому Николаю Величинку, и что Вѣра Величинка, въ бѣгство свою за границу, въ знакомившись съ эмигрантомъ Владиміромъ Бурчевымъ и согласившись на предложеніе послѣдняго помѣщать въ выходящемъ въ Лондонѣ «Листкѣ фонда вольной русской прессы» извѣстія, которыя не могутъ быть оглашены въ Россіи, отправила для напечатанія въ редакцію означеннаго революціоннаго листка полученную ею отъ класснаго художника Митрофана Алехина ¹⁾ статью тенденціознаго содержанія о причинахъ ареста и смерти Дрожжина ²⁾.

Въ то время, какъ Московско-Орловская группа, именовавшаяся «партіей Народнаго Права», организовать въ Смоленскѣ типографію, печатала и затѣмъ приступила къ распространенію своей программы, наблюденіе и агентура въ С.-Петербургѣ установили существованіе здѣсь революціоннаго кружка, присвоившаго себѣ названіе «Группы Народоольцевъ», который, поставивъ ближайшей своей задачей создать рабочую революціонную организацію, направилъ свою дѣятельность на словесную пропаганду среди рабочихъ революціонныхъ идей на сходкахъ и на распространеніи среди рабочихъ соотвѣтственныхъ сочиненій въ духѣ старой народоольческой программы. Въ этихъ видахъ лица, руководившія этимъ дѣломъ, являлись въ рабочихъ комнатахъ, подъ вымышленными именами на квартиры занимаемыхъ рабочими, и бесѣдуя съ ними объ ихъ нуждахъ, отношеніи къ нимъ, мастерамъ и фабрикантамъ, снабжая ихъ преступными сочиненіями, возбуждали этимъ путемъ въ рабочихъ недовольство ихъ положеніемъ

и тѣмъ изъ нихъ, которые оказывались подходящими, предлагали соединить рабочихъ въ кружки. Изъ числа этихъ лицъ выдѣлялись въ особенности носившіе клички: «Петра Петровича», «Василія Ивановича», «Василія Михайловича», «Владимира Ивановича» и «Володы Рыжого». Въ виду указаній на связь дѣятельности этого кружка съ кружкомъ «партіи Народнаго Права», и имѣвшихъ съядинъ объ изданіи Петербургской группой народоольцевъ брошюры «Рабочій Сборникъ № 1» и готовившемся выпускѣ № 2-го одновременно съ обысками въ Москвѣ, Орлѣ и Смоленскѣ, были произведены обыски и въ С.-Петербургѣ, по которымъ найдены въ большомъ количествѣ революціонныя изданія; такъ у прапорщика запаса арміи Михаила Александрова и его жены Екатерины Михайловой отобраны газета «Русскій Рабочій № 1» и разныя рукописи революціоннаго содержанія, повидимому, подготовленныя къ печати, которыя въ моментъ прибытія полиціи для обыска Екатерина Александрова пыталась сжечь; въ общей квартирѣ студентовъ Военно-Медицинской Академіи Михаила Сушинскаго, Николая Бѣлецкаго и Ивана Галецкаго, въ домѣ № 11 по Захарьевской улицѣ, оказались печатная народоольческая программа, брошюры: «Къ десятилѣтію коронаціи» и «Братцы-товарищи» — изданіе Группы Народоольцевъ, 8 экз. брошюры «Рабочій Сборникъ № 1» и разныя другія гектографированныя и литографированныя брошюры и рукописи революціоннаго содержанія, принадлежности гектографъ и обложки, тождественныя съ тѣми, въ которыхъ сброшюрованы «Рабочій Сборникъ»; у проживавшаго въ томъ же домѣ студента Военно-Медицинской академіи Ивана Фуделя оказался цѣлый складъ революціонныхъ сочиненій, въ томъ числѣ и изданія Группы Народоольцевъ; такіе же склады обнаружены и у слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ Екатерины Журавлевой, подвергнутой обыску, въ виду установленныхъ наблюденіемъ сношеній ея съ Сушинскимъ, и въ г. Казани — у студента военно-медицинской академіи Дмитрія Крамера, жившаго въ одной квартирѣ съ поименованными Сушинскимъ, Бѣлецкимъ и Галецкимъ и выбывшаго изъ СПб. незадолго до обыска; у студента СПб. Университета Павла Скабичевскаго отобраны 31 экз. гектографированной брошюры «Рѣчь Мышкина» и рукописи революціоннаго содержанія, подготовленная для печати; у студента Военно-Медицинской Академіи Владимира Павлова, прибывшаго на квартиру Сушинскаго въ моментъ производства обыска, лично при немъ оказались пишущая машина и 2 экз. «Рабочаго сборника № 1», а у сотрудника его студента СПб. Университета Петра Малого большое количество революціонныхъ изданій, частью воспроизведенныхъ на гектографѣ. Наконцѣ, у студента СПб. Университета Константина Наанова и студента СПб. Технологическаго Института Виктора Околяскаго, въ общій ихъ квартирѣ, кроме большого количества печатныхъ и гектографированныхъ революціонныхъ изданій, оказались рукописи, подготовленныя для «Рабочаго Сборника № 2».

Вышеприведенные результаты обыска прежде всего подтверждали связь, существующую между «группой народоольцевъ» и кружкомъ «партіи Народнаго Права», такъ какъ по обыскамъ и членомъ этого послѣдняго кружка (Виктора Чернова, а также у Надежды

¹⁾ Митрофанъ Алехинъ привлеченъ въ дознаніи при Вятскомъ губ. жанд. упр-ѣ. ²⁾ Бывшій солдатъ унтеръ. Елизаветъ Никитичъ Дрожжій привлеченъ въ 1890-хъ гг. дознаніи при Курскомъ губ. жанд. упр. по делу распространенія революціонныхъ изданій и поддѣлки паспарту, но изъ-за неимѣнія на то въ Иркутскую губ. на три года съ тѣмъ, чтобы жбра эта была приведена въ исполненіе по общему Дрожжьевъ указанію на совершенное конное преступленіе (отдача на два года въ дисциплинарный батальонъ) и исключеніи изъ военной службы. Послѣ того Дрожжій былъ три раза батальонъ за дисциплинарныя проступки и по приговору суда освобожденъ въ дисциплинарный батальонъ до 1904 г. 27 января 1898 г. Дрожжій унтеръ въ Волынской губ. тюрьмѣ, гдѣ содержался, какъ призванный пехотинецъ для военной службы.

Лебедевой) оказались в большом количестве издания группы народольцев («Браты—товарищи», «Первое письмо къ голодающим крестьянам»), брошюра «Хитрая механика», отгектографованная и усиленно распространявшаяся в последнее время среди рабочих в СПб.,—«Отчет общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ», тождественный съ найденнымъ у Крамера, у Михаила же Александрова оказалась газета «Русский рабочий», 100 экземпляров которой впервые обнаружены по сему делу при обыске у Надежды Лебедевой. Нахождение у Виктора Чернова (повидимому, принимавшего участие в составлении изданий партии «Народного Права» наравнѣ съ Яковлевымъ, Николаевымъ и другими членами этого кружка) изданий Группы Народольцевъ позволяет усмотрѣть и действительную, повидимому, цѣль прѣзда Чернова въ декабрь мѣсяцъ 1893 г. въ СПб., какъ делегата кружка «партии Народного Права». Въ то же время обстоятельство это объясняетъ просьбу Чернова, обращенную къ Александру Никитинскому свести его съ Сушинскимъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что черезъ посредство сего послѣдняго и были приобретены кружкомъ партии «Народного Права» издания Группы Народольцевъ, очевидно, для дальнѣйшаго распространения ихъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи.

При ближайшемъ разсмотрѣніи вещественныхъ доказательствъ, обнаруженныхъ въ подпольной типографіи въ Смоленскѣ, возникло подозрѣніе, что подложный паспортъ, съ которымъ была задержана обвиняемая Людмила Александрова, былъ переданъ въ революционную среду потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ *Прозоровскимъ*. Основаніемъ къ сему послужило то обстоятельство, что паспортъ этотъ значился выданнымъ изъ Воронежской Городской Управы, гдѣ въ то время служилъ Прозоровскій—товарищъ Михаила Александрова по гимназіи, извѣстный по прежней своей революционной дѣятельности и находившійся въ ссылкѣ за государственное преступленіе. Хотя разслѣдованіемъ по этому поводу и было установлено, что Прозоровскій до послѣдняго времени не прерывалъ сношеній съ обвиняемымъ Михаиломъ Александровымъ, а также получились указанія на знакомство Прозоровскаго съ Людмилой Александровой, но доказаніемъ не обнаружено, однако, достаточныхъ данныхъ, подтверждающихъ вышеприведенное предположеніе о передачѣ Прозоровскимъ паспорта. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Прозоровскій отрицалъ всякія преступныя сношенія съ названными лицами.

Непосредственными сношеніями съ рабочими и распространеніемъ между ними старыхъ революционныхъ сочиненій не ограничивалась дѣятельность обнаруженной группы. Обязечиваясь предоставленіемъ рабочимъ въ цѣляхъ той же пропаганды, популярной газетой, они, какъ указано выше, при помощи рабочихъ составили и выпустили «Рабочій Сборникъ № 1». Въ изданіи этомъ они старались также возбудить въ рабочихъ сознание неудовлетворительности ихъ положенія и необходимости измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя. Такъ, статья, озаглавленная «Внутреннее Обзоріе», помѣщенная въ № 1 «Рабочаго Сборника», указывая, что мѣры прави-

тельства разоряютъ народъ, оканчивается слѣдующими словами: «Пора понять, что такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока народъ, введенный изъ терпѣнія, не смететъ это правительство вмѣстѣ съ шайкой приспѣшниковъ съ лица земли».

На основаніи собственнаго сознанія Зотова и отчасти Окольской, Михаила Александрова, Павла Скабичевскаго и нѣкоторыхъ рабочихъ, результатовъ обысковъ и другихъ данныхъ дознанія и наблюденія за членами Группы Народольцевъ, необходимо прійти къ заключенію, что въ составленіи и печатаніи «Рабочаго Сборника» принимали участіе Михаилъ Александровъ, Борисъ Зотовъ¹⁾, Константинъ Ивановъ, Викторъ Окольскій, Михаилъ Сушинскій, Иванъ Галецкій, Николай Блѣцкій и Павелъ Скабичевскій, причѣмъ самое печатаніе № 1, «Рабочаго Сборника» производилось, повидимому, въ квартирѣ Михаила Сушинскаго, на пишущей машинѣ, доставленной Владиміромъ Павлакомъ, гимназическимъ товарищемъ Николая Блѣцкаго.

Изъ показаній обвиняемыхъ, старавшихся вообще отрицать или умалять свою виновность, слѣдуетъ отмѣтить: Михаилъ Александровъ показалъ, что изъ сочувствія революціонному движенію онъ оказывалъ содѣйствіе лицамъ, которыхъ, занимаясь такою дѣятельностью, обращались къ его помощи, и что посему онъ согласился изложить въ болѣе простой формѣ брошюру Энгельса о социализмѣ въ Германіи и статью о министерствѣ земледѣлія (найденную у Скабичевскаго), зная, что статьи эти предназначаются для «Рабочаго Сборника»; съ рабочими онъ былъ знакомъ, но цѣль такого знакомства объяснить отказался; о мѣстѣ нахождения сестры своей, Людмилы Александровой, въ последнее время, будто-бы, не зналъ.

Максимъ Келлеръ,—что посѣщалъ Михаила Александрова, съ цѣлью полученія отъ него нелегальныхъ сочиненій, и, познакомившись у него, съ Николаемъ Блѣцкимъ, бывалъ у послѣдняго, видѣлъ у него брошюру «Рабочій Сборникъ»; съ Блѣцкимъ, а затѣмъ и самъ, нѣсколько разъ посѣтилъ рабочихъ, желая познакомиться съ ихъ бытомъ, но революціонною пропагандою въ ихъ средѣ, будто-бы, не занимался; о цѣли прѣзда Виктора Чернова въ С.-Петербургъ не зналъ. Михаилъ Сушинскій,—что по предположенію одного товарища изъ любознательства посѣтилъ нѣсколько разъ рабочихъ.

Василій Браудо,—что заводилъ знакомства съ рабочими только для того, чтобы узнать ихъ духовную и матеріальную жизнь и при случаѣ быть имъ полезнымъ своими познаніями; при свиданіяхъ съ ними читалъ имъ иногда сочиненія Добролюбова и Писарева и сообщалъ свѣдѣнія о природѣ, исторіи и литературѣ; наконецъ,

Александръ Никитинскій утверждалъ, что не зналъ о цѣли прѣзда Чернова въ С.-Петербургъ и что былъ съ послѣднимъ у Сушинскаго только для того, чтобы вмѣстѣ покурить.

Наряду съ изложенными результатами обысковъ среди руководителей обнаруженной группы, по обыскамъ у рабочихъ, замѣченныхъ по наблюденію въ сношеніяхъ съ ними, были также найдены

¹⁾ Зотовъ 29-го января 1893 года умеръ.

издания Группы Народовольцев «Рабочий Сборник № 1» (у рабочего Петра *Иванова*), разная сочинения и рукописи тенденциозного и преступного содержания (у рабочих *Кейзера*, *Фунтикова*, *Норинского*, *Фишера*), отчет какой-то кассы (у рабочего Дениса *Розенфельда*) и не отправленное по назначению письмо на имя Николая Богданова ¹⁾, вь Воронежъ, за подписью «Черномозжий», указывавшее на существование в С.-Петербургѣ тайного кружка среди рабочихъ.

Изложенными вещественными доказательствами и показаниями многихъ сознавшихся обвиняемыхъ изъ лицъ рабочего класса и, вь особенности рабочихъ *Никандра Никифорова* ²⁾, *Никиты Тарасова*, *Григоря Иванова*, по прозванию Штрипана, *Ивана Медова*, *Михаила Сурулева* (онъ же *Хорьковъ*), *Сергѣя Смирнова* и *Матвѣя Фишера*, установлено, что социально-революционная пропаганда среди рабочихъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ систематически ведется въ последние годы лицами интеллигентного класса, преимущественно учащеюся молодежью высшихъ учебныхъ заведений. При производствѣ дознаний вь 1892 и 1893 г.г. были уже серьезные указания на существование среди рабочихъ революционныхъ кружковъ и на преступную дѣятельность нѣкоей швей Наталіи, которая чрезъ посредство Егора Афанасьева ввела студента Николаева Сивохина ³⁾ для занятій вь одинъ изъ такихъ кружковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были получены указания на участие агитаціи между рабочими интеллигента, носившаго кличку «Петра Петровича». Принятыми мѣрами выяснено, что личности эти—первая—мѣщанка *Наталія Александровна Григорьева*, а «Петръ Петровичъ»—имеюпаяннугй прапорщикъ запаса арміи *Михаилъ Александровъ* ⁴⁾.

Хотя рядъ обысковъ, произведенныхъ вь то время вь рабочей средѣ и аресты нѣкоторыхъ руководителей и приостановили временно пропаганду, но вскоре явились новые агитаторы, которые, сойдясь съ Александровымъ и образовавъ кружокъ, присвоившій себѣ название «Группы Народовольцевъ», стали широко распространять среди рабочихъ революціонныя идеи. Такими дѣятельными членами обнаруженаго сообщества Группы Народовольцевъ, принимавшими на себя непосредственную роль агитаторовъ-пропагандистовъ среди рабочихъ, кромѣ Александрова, были студенты военно-медицинской академіи *Михаилъ Сушинскій* и *Николай Бѣлецкій*, окончившій курсъ Спб. университета *Василій Браудо*, студенты Спб. университета *Борисъ Зотовъ*, *Константинъ Ивановъ* и *Максимъ Келлеръ*; ближайшими же пособниками ихъ были *Наталія Григорьева* и дезинфекторъ городской барачной больницы *Александръ Фадеевъ*, по обыску у котораго оказались печатная революціонная изданія и подготовленная, очевидно, для печатанія

рукописная статья такого же содержания. Къ болѣе дѣятельнымъ изъ числа этихъ лицъ по даннымъ дознаній должны быть отнесены первые пятеро. Революціонная дѣятельность среди рабочихъ *Михаила Александрова* начинается съ весны 1892 г., когда *Наталія Григорьева* познакомила его съ рабочимъ *Григоріемъ Ивановымъ* (Штрипаномъ) и ввела въ кружокъ, собиравшійся въ квартирѣ рабочего *Никиты Тарасова*. Съ тѣхъ поръ *Михаилъ Александровъ*, называвшійся между рабочими также «*Василіемъ Ивановичемъ*», посѣщалъ этотъ кружокъ еженедѣльно по воскресеньямъ, указывая рабочимъ на необходимость самообразования и снабжая ихъ революціонными изданіями, а чрезъ полтора мѣсяца вмѣсто себя привелъ въ этотъ кружокъ *Михаила Сушинскаго*. Введенный въ рабочую среду также *Наталією Григорьевой*, *Сушинскій*, дѣятельно организовалъ рабочіе кружки. Появляясь на устраиваемыхъ имъ сходкахъ въ разныхъ кружкахъ то подъ именемъ «*Василія Тимофѣевича*», то подъ кличкой «*Василія Михайловича*», одинъ и въ сопровожденіи *Михаила Александрова*, *Николая Бѣлецкаго* (носившаго кличку «*Владиміра Ивановича*») и *Бориса Зотова* (известнаго между рабочими подъ именемъ «*Николая Ивановича*»), *Сушинскій* и названнаго лица, а также *Константинъ Ивановъ*, знакомый рабочимъ подъ именемъ «*Мишки*» и «*Михаила Яковлевича*», сравнивалъ положеніе русскаго рабочего съ положеніемъ рабочихъ за-границею, и указывая имъ, что русскій рабочий больше работаетъ, но меньше получаетъ, и что все имъ сдѣланное идетъ на пользу фабриканта, учили ихъ устраивать стачки и забастовки, поясняя, что только этимъ путемъ можно добиться уступокъ отъ фабрикантовъ; далѣе, они говорили, что фабриканты оттого сильны, что правительство позволяетъ имъ мучить народъ, что поэтому надо переимѣнить правительство, сдѣлать такъ, какъ въ Соединенныхъ штатахъ С. Америки; собиравъ большими партиями и возматъ; тогда, поясняли они, и у насъ будетъ другой—выборный Царь, для того же, чтобы добиться всего этого рабочие должны были объединяться въ кружки, устраивать кассы на случай стачекъ и забастовокъ, а при окрѣпнувшей организаціи произвести народное возстаніе для ниспроверженія существующаго правительства. По окончаніи сходокъ, лица эти давали обыкновенно хозяину квартиры революціонныя изданія для раздачи рабочимъ, при чемъ болѣе другихъ распространялись брошюры «*Хитрая механика*». «Письмо къ голодающимъ крестьянамъ», «*Варенье передъ судомъ исправительной полиціи*», «*Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ*», а въ последнее время «*Рабочій Сборникъ № 1*», «*Братцы - товарищи*» и др. кромѣ того, *Бѣлецкій* выписывалъ для своихъ кружковъ газету «*Русская жизнь*». Для сходокъ нанимались иногда спеціальныя квартиры на средства этихъ лицъ. Такъ, *Михаилъ Александровъ* далъ рабочему *Сурулеву* 8 р. на наемъ квартиры, рабочий *Трофимъ Нефедовъ* получилъ отъ *Николая Бѣлецкаго* для той же цѣли 30 р. между прочимъ, рабочий *Матвѣй Фишеръ* показалъ на допросѣ, что *Сушинскій*, встрѣтивъ его весною 1893 г. въ Петровскомъ паркѣ, подошелъ къ нему, хотя не былъ тогда еще съ нимъ знакомъ, и завелъ рѣчь о заработномъ платѣ. Потомъ онъ зашелъ къ нему и сталъ указывать на неудовлетворительность государственнаго

¹⁾ Николай Богдановъ приключился вь 1891 г. вь С.-Петербургѣ по дѣлу рабочаго революціоннаго кружка.

²⁾ *Никандръ Никифоровъ* приключился къ дознанію по дѣлу революціоннаго кружка, обнаруженнаго вь Спб. вь 1892 г. Обв. 17.

³⁾ *Сивохинъ* вь Егора Афанасьевъ приключился къ тому же дознанію вь 1892 г. Обв. 17.

⁴⁾ *Михаилъ Александровъ* приключился вь 1885 г. къ дознанію по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка и по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 7 янв. 1887 г. былъ подвергнутъ 4-мѣсячному тюремному заключенію и, по отбѣгѣ наказания, прожидавъ нѣкоторое время вь Воронежѣ, дѣлѣтѣ возвратился вь Спб.

стройка в России и необходимость ниспровержения его насильственным путем, заявляя, что переворот этот произведет «Народовольческая партия», к которой он принадлежит, а затем стал просить познакомить его с рабочими, вследствие чего Фишер познакомил его с рабочими Норинским и Кейзером. Весной 1894 г. состоялась сходка в квартире Фишера, на которую явились Сушинский, Михаил Александров и Зотов, и тут же они объявили, что существует организация, которая рѣшилась путем народного востания ниспровергнуть существующий в России государственный строй, и предложили им выступить в эту организацию. Узнавъ о стачке на Воронинской мануфактурѣ, Сушинский счел нужным появиться там и составить протест от имени рабочих, помѣщенный затѣм в «Рабочемъ Сборникѣ № 1». Обвиняемый рабочий Петр Морозовъ показал, что в январѣ или февралѣ, 1894 г. в портерной, находящейся на Шлиссельбургскомъ проспектѣ, къ нему присталъ незнакомый ему до того Сушинский съ просьбой выпить и затѣмъ предложилъ организовать рабочий кружокъ съ цѣлью пропаганды, обшая для занятыхъ являться самъ и прислать своихъ товарищей. При этой встрѣчѣ, Сушинский далъ Морозову «Письмо къ голодающимъ крестьянамъ».

Браудо появился среди рабочихъ впервые также въ 1892 г. Въ то время онъ посылалъ Тарасова и проводилъ тѣ же революціонныя идеи, какъ и прочіе вышезванные агитаторы, снабжая его такими же преступными изданиями; затѣмъ онъ посылалъ кружокъ Никиты Тарасова (Самсоніевскій проспектъ, д. № 62), гдѣ былъ извѣстенъ подъ кличками «Владимира Ивановича», «Жидка», и «Володи Рыжаго». Осенью 1893 г. онъ привелъ въ трактиръ Чугунова, по Шлиссельбургскому проспекту новаго интеллигента «Михаила Ивановича», оказавшагося Максимомъ Келлеромъ, и познакомилъ его съ рабочими Тарасовымъ и Сурулевымъ, съ которыми Келлеръ имѣлъ три свиданія въ трактирѣ, подъ названіемъ «Бережки», при чемъ при одномъ изъ свиданій далъ и воззваніе «Братья-товарищи»; онъ же имѣлъ свой кружокъ рабочихъ на Выборгской сторонѣ. Оставленный при общихъ арестахъ въ розыскныхъ цѣляхъ на свободѣ, Браудо выбылъ изъ СПб. для отбыванія воинской повинности въ Рязанскую губ., но, по возвращеніи осенью 1894 въ СПб., сталъ продолжать свою преступную дѣятельность въ виду чего и былъ арестованъ 17 марта 1895 г.

Результатомъ такой дѣятельности поименованныхъ лицъ явилось широкое развитіе революціонныхъ кружковъ среди рабочихъ и вполне правильная ихъ организациа; составлялись они рабочими, причемъ составившіи данный кружокъ выбирался прочими членами кружка въ качествѣ кружкового представителя. Нѣсколько же кружковъ по мѣсту ихъ нахождения имѣли «группового представителя», который доставлялъ въ кружокъ революціонныя изданія, получаемыя отъ руководителя, и велъ съ послѣднимъ непосредственныя сношенія. Съ участникомъ кружковъ производились сборы въ кассу взаимопомощи, которая пополнялась также пожертвованіями, дѣлаемыми лицами руководившими революціонной пропагандою, и средствами получаемыми отъ устраиваемыхъ лотерей. Выше изложено, что по обыску у Розенфельда были отобраны рукописный отчетъ кассы за январь, — апрѣль

1894 г. Въ отчетѣ этомъ въ отдѣлѣ «приходъ» значится, между прочимъ, въ поступленіи: «отъ рабочихъ 46 р. 5 к., отъ розыгрыша лотереи 50 р., отъ интеллигенціи на квартиру 16 р.», а въ отдѣлѣ «расходъ» указаны выдачи: «высланнымъ рабочимъ 41 р., вышедшимъ изъ заключенія 50 р., на квартиру для кружка 16 р., выслано книгъ заключеннымъ въ тюрьмахъ рабочимъ на 12 р.» По этому поводу обвиняемый Фишеръ показалъ, что отчетъ этотъ былъ имъ полученъ отъ Сушинскаго для снятія 3 копій, которыя онъ и передалъ Сушинскому, одинъ же экземпляръ далъ Розенфельду, при полученіи отъ послѣдняго пожертвованія. Въмѣстѣ съ тѣмъ Фишеръ создалъ, въ декабрѣ 1893 г. онъ организовалъ для революціонныхъ цѣлей кассу въ составъ которой, въ числѣ другихъ рабочихъ, вошли Кейзеръ и Норинскій, собираемыя же суммы расходовались на предметы, значащіяся въ приведенномъ выше отчетѣ. Послѣ общей сходки въ Волковскомъ дѣсу, происходившей въ іюнѣ 1892 г., организованной въ видахъ объединенія существовавшихъ уже въ то время рабочихъ кружковъ, многіе рабочіе, первоначально являвшіеся лишь простыми посѣтителями сходокъ, стали сами составлять кружки, предоставлять свои квартиры для сходокъ, заниматься распространеніемъ революціонныхъ изданій и вербовать товарищей въ кружки, образовавшіеся въ Шлиссельбургскомъ участкѣ, на Выборгской и Петербургской сторонахъ, на Васильевскомъ островѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Такими рабочими, вполне проникшими революціонными идеями, изъ числа привлеченныхъ къ сему дѣлу обвиняемыхъ являлись: Петръ Морозовъ, Андрей Норинскій, онъ же Фокинъ (групповые представители: Морозовъ — кружокъ за Невской заставой, Фохтъ — на Петербургской сторонѣ), Матвій Фишеръ, Сергій Фунтиковъ, Андрей Богдановъ, Федоръ Козловъ, Михаилъ Сурулево, Іоаннъ Кедаеръ, Трофимъ Негребовъ, Иванъ Медовъ, Никандръ Никифоровъ, Никита Тарасовъ, Сергій Грининъ (привелъ къ рабочему Дмитрію Бѣлякову Михаила Сушинскаго), Яковъ Ивановъ Баладо (по прозванію Болтусъ), Петръ Ивановъ, Григорій Ивановъ-Штрипанъ, Анна Елюрова (уговорила Федора Козлова составить кружокъ), Афанасій Васильевъ (свелъ Медова съ Николаемъ Бѣлецкимъ, который затѣмъ и сталъ посылать кружокъ Медова), Яковъ Малоровъ (участвовалъ на сходкѣ въ Волковомъ дѣсу) и Сергій Слнрновъ. Наконецъ, сюда же должна быть отнесена Наталья Григорьева, являвшаяся групповою представительницею на Выборгской сторонѣ. По даннымъ дознанія Наталія Григорьева, по обыску у которой оказалось значительное количество революціонныхъ изданій, скрывавшая отъ преслѣдованія по упомянутому выше дѣлу рабочей пропаганды 1892 г., не прерывала, однако же, сношенія съ революціонной средой вплоть до ареста своею послѣдовавшимъ 10-го сентября 1894 г. въ Нарвѣ. Проживая нѣкоторое время въ Воронежѣ, она находилась въ сношеніяхъ съ упомянутымъ Николаемъ Богдановымъ (привлеченнымъ тоже къ дѣлу), а находясь въ Нарвѣ пыталась и тамъ образовать кружокъ народовольцевъ. Сообщая объ этомъ рабочему Егору Афанасьеву, она говорила ему, что старалась проникнуть въ эстонское общество, но что это не удалось ей по незнанію языка. Къ организованнымъ кружкамъ прикнули рабочіе Герасимъ Вороновъ, Логинъ Желавина (авторъ упомя-

нутаго письма къ Николаю Богданову), Михаилъ *Ксенофнтово*, по прозванію Князевъ, Никифоръ *Евстифьевъ*, Илья *Выборновъ* (участвовавъ въ сходкѣ въ Волковомъ лѣсу), Григорій Ивановичъ *Ивановъ*, Илья *Костина* (находившійся въ сношеніяхъ съ Наталіей Григорьевой), Леонтій *Куколемко*, оны же Куколейкинъ, Иванъ *Бѣлово*, Даврентій *Шилово*¹⁾ и Андрей *Илларионовъ*, по прозванію *Лапоха*.

Насколько сильно было вліяніе революціонной пропаганды на рабочихъ, видно изъ того что обвиняемый Фишеръ, по собственному признанію, нѣсколько разъ обращался къ рабочимъ Балтійскаго завода, гдѣ служилъ, съ рѣчью, въ которой указывалъ на недостатокъ заработной платы и несовершенство фабричнаго законодательства, касающагося найма и штрафовъ, и что нѣкоторые рабочіе, по предложенію Зотова, Бѣлецкаго и другихъ руководителей, стали переписывать или даже сочинять революціонныя статьи для «Рабочаго Сборника». Такъ, у рабочаго Петра Иванова оказалась написанная для этой брошюры статья по поводу столкновения рабочихъ на Кенигсбургской фабриктъ; по обыску у Александрова оказалось стихотвореніе «Къ друзьямъ», переписанное обвиняемымъ Медовымъ, а у сего послѣдняго—статья условій работы на ткацкихъ фабрикахъ и два стихотворенія, переписанныя имъ изъ тетради, взятой у рабочаго Штрипана для Бѣлецкаго (оказавшіяся помѣщенными въ «Рабочемъ Сборникѣ» № 1), у рабочаго Фунтикова найдена рукопись озаглавленная «что такое товаръ»; по имѣющимся агентурнымъ свидѣніямъ, воззваніе «Братцы-товарищи» было составлено обвиняемымъ Кейзеромъ и передано послѣднимъ въ рукописи Сушинскому; у обвиняемой Анны Егоровой найдены собственноручно составленныя ею рукописи противоправительственнаго содержанія; у обвиняемаго Никиты Тарасова оказалась по обыску рукописная программа для собиранія свидѣній о дѣятельности на фабрикахъ и отношеній администраціи къ рабочимъ

Отрывки изъ воспоминаній.

Вспомнив старину, я недавно сидѣлъ у одного извѣстнаго литератора, побывавшаго какъ и я грѣшнымъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. «Одно время, сказалъ этотъ маститый писатель, подъ вліяніемъ теорій Бакунина, интеллигенція некала прозелитовъ среди тюремнаго люда».

Не берусь за другихъ говорить, можетъ быть, это было и такъ. И я мои близкіе друзья находились въ вліяніи Бакунина. Воспитывались мы непосредственно подъ вліяніемъ русской легальной литературы и тѣмъ не менѣе я удѣлялъ большое вниманіе тюремному люду. Пропаганда эта выходила естественнымъ образомъ.

Въ наша народническая практика была мимолетна. Скоро насъ, всѣхъ пропагандистовъ, засадили по тюрьмамъ. Мнѣ пришлось просидѣть до суда четыре года. Судился я по Большому процессу (193-хъ). Попавъ въ Сибирь на житье, я и тамъ два раза былъ арестованъ, и каждый разъ сидѣнье мое продолжалось по полтора года. Оба мои послѣдніе аресты кончились новыми ссылками, уже административнымъ порядкомъ; первая—въ Иркутскую губернію, вторая—въ Якутскую область. Прибавьте сюда длинный этапный путь. Два раза приходилось на два мѣсяца останавливаться по тюрьмамъ, въ Красноярскій и въ Якутскъ. Въ самой ссылкѣ сибирской трудно было не наткнуться на тюремный людъ, въдѣ Сибирь пропитана тюремной атмосферой. Не забывайте, что мы провели свои лучшіе годы въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ, годы, когда хотѣлось такъ сильно жить, когда потребность въ пропагандѣ стояла на первомъ планѣ, и мы, естественно, направили свою пропаганду на окружающій насъ міръ. Мы не только пропагандировали арестантовъ, мы не останавливались даже и передъ жандармами. Въ Одессѣ, гдѣ впервые я сидѣлъ въ заключеніи, жандармскій полковникъ Кнопъ не допиралъ тюремной администраціи, а потому ежедневно приходили въ тюрьму два жандарма, которые и были нашими полными хозяевами, но, въ концѣ-концовъ, мы съ нами очень подружались, они носились въ волнъ намъ письма и оказывали всевозможныя услуги. Никоторые изъ нихъ трогательно привязались къ намъ. Какъ живой стоять передъ глазами жандармскій унтеръ-офицеръ Орловъ. Прошлась съ нами, оны клится никогда не забывать насъ.

¹⁾ Даврентій Шиловоіі 11-го апрѣля 1894 года умеръ.

В то время нравы были патриархальнее, я говорю о провинции. Хотя сидеть я в однойной камере, но я безпрепятственно по целым дням вел беседы, сидя на окнѣ съ уголовными арестантами. Однажды, мое вниманіе было привлечено ссорой между арестантами. Несколько человѣкъ играли въ орлянку, но время игры они посвятили, а ссора кончилась дракой, причемъ потерпѣвшей оказалась крестьянкою, отъ котораго вѣло похвѣль и деревней. Съ окроавленной физиономіей онъ ревѣлъ, какъ ребенокъ, — «шпана» же надъ нимъ издѣлялся. Мнѣ сразу бросился въ глаза этотъ здоровенный Никита. Я почувалъ, что онъ не свой въ тюремномъ мѣрѣ. Вскорѣ и съ нимъ познакомился. Обвинялся онъ въ конокрадствѣ. Какъ его грѣхъ попуталъ, я такъ и до сихъ поръ не могу понять. Дѣло въ томъ, что Никита Всеволодскій тогда былъ сильно задѣтъ ситуациою; помимо этого, Никита былъ чрезвычайно глубокой человѣкъ. Впоследствии онъ былъ сосланъ, какъ политическій семидный въ городъ Енисейскъ, и тамъ сдѣлался любимцемъ всей политической семьи; отличался онъ тамъ въ особенности своимъ трудолюбіемъ и своей глубокой идейностью. Знакомство наше перешло въ дружбу, общая почва, на которой мы сходились, было Евангеліе. Какъ ни привлекателенъ былъ для меня тогда ситуационъ, однако чувствовалось, что между мною и имъ лежитъ нѣчто, не позволяющее намъ вполне понимать другъ друга. Признаюсь, часто онъ ставилъ меня втупикъ, когда обращался ко мнѣ за разъясненіемъ непонятныхъ ему мѣстъ изъ Апокалипсиса. Мы какъ бы говорили на разныхъ языкахъ, хотя сердца наши взаимно притягивались. Наконецъ случай помогъ мнѣ перейти Никиту на мою почву. У меня оказался новый сосѣдь. Что можетъ быть интереснѣе для заключенныхъ, какъ привозъ съ воли новаго сосѣда? Уви на этотъ разъ мой новый сосѣдь меня разочаровалъ. Когда смотритель тюрьмы съ надзирателемъ удалились и въ корридорѣ моемъ воцарилась тишина, я сталъ громко авать сосѣда къ дверямъ, отвѣта не было, въ сосѣдней же камерѣ раздавались быстрые шаги очевидно перваго человѣка. Лишь черезъ два часа мнѣ удалось вызвать сосѣда къ дверямъ. На мой вопросъ я вдругъ услышалъ къ моему ужасу первый голосъ безумнаго человѣка: «Я знаю меня посадили сюда съ научной цѣлью, я сижу здѣсь въ антропологическомъ кабинетѣ, съ окна кабинета я долженъ изучать человѣческіе типы. Что же, я для науки готовъ страдать, но пусть же дозволитъ моей женѣ и дочери посѣщать меня». Я съ нѣмымъ ужасомъ слушалъ эти безумныя рѣчи... «Вотъ, продолжалъ онъ, слышите меня звонитъ къ телеграфу, вѣдь камера моя соединена телеграфомъ съ университетомъ». Помимо сцену, оставшуюся на вѣки въ моей памяти; Заславскаго, такъ звали моего сосѣда, черезъ два дни позвали въ контору, онъ отказался идти, тогда пришла за нимъ цѣлая орава надзирателей съ тюремными смотрителями во главѣ. Его валили подъ руки и повели; несчастный же упирался, безъ шапки, кричалъ душу раздирающимъ голосомъ. Несмотря на его помѣшательство на

Заславскаго находили минуты просвѣтленія, и тогда съ большимъ удовольствіемъ слушать я его въ высшей степени логическую рѣчь. Въ Одессѣ онъ основалъ рабочій кружокъ; кружокъ этотъ имѣлъ, насколько припоминаю, свою тайную типографию. Все шло хорошо, связи расширялись, но по обыкновенію явился проволоторъ и весь кружокъ былъ захваченъ. Заславскій былъ арестованъ въ 1875 году и прежде чѣмъ заключить въ тюремный замокъ, его содержали нѣсколько мѣсяцевъ въ арестномъ домѣ, гдѣ онъ и успѣлъ сойти съ ума. Нельзя сказать, чтобы сосѣдство такое было бы особенно приятно, въ тюрьмѣ и безъ того были у меня расстроены нервы, а тутъ приходилось выслушивать безумныя рѣчи сумасшедшаго. Впоследствии, кажется въ 1877 году, я его встрѣтилъ въ С.-Петербургѣ въ домѣ предварительнаго заключенія. Онъ впалъ тогда въ полнѣйшій тихій идиотизмъ. Тѣмъ не менѣе, его судили и приговорили къ каторжнымъ работамъ. Онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ. Тогдашній смотритель одесской тюрьмы Зубачевскій, боясь, чтобы Заславскій ночью не наложилъ на себя руки, помѣщалъ на ночь въ камеру Заславскаго двухъ уголовныхъ арестантовъ. Я воспользовался этимъ и при посредствѣ арестантскаго старосты, былъ на ночь помѣщенъ въ камеру Заславскаго мой Никита съ другимъ арестантомъ. Почти цѣлую ночь было слышенъ неуловимый говоръ въ сосѣдней камерѣ. Въ то время, какъ товарищъ Никиты вскорѣ услышалъ крѣпкимъ сномъ, Никита все время внимательно слушалъ рѣчь Заславскаго. На утро послѣ полудня подходилъ къ моей камерѣ Никита и съ восторгомъ говорилъ: «И шо не за человекъ, ви усе знае, не душно же ви в ноц все на впрки дивитесь». Оказывается Заславскій прочиталъ ему цѣлую лекцію. Съ тѣхъ поръ мой Никита сталъ постепенно переходить на болѣе рационалистическую почву. Апокалипсисъ все болѣе и болѣе отодвигался въ сторону. Мой милый, дорогой Никита, какія отрадныя минуты ты доставлялъ мнѣ въ моей тюремной жизни! Въ 1876 году, однако я съ нимъ долженъ былъ расстаться. Меня съ другими товарищами увезли въ Петербургъ. О Никитѣ я было позабылъ, и только въ Сибирѣ я узналъ, что Никита Всеволодскій по выходѣ изъ тюрьмы сошелся близко на волѣ съ «политичами» и сдѣлался рьянымъ пропагандистомъ; былъ арестованъ и сосланъ въ городъ Енисейскъ, гдѣ пробылъ три года. И какъ я уже выше сказавъ, онъ былъ любимцемъ всей политической енисейской семьи.

Другой уголовный арестантъ, котораго я тоже пропагандировалъ былъ нѣкто Пилаевъ. Это былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ человѣкъ. Пилаевъ былъ настоящимъ запсегдатаемъ тюрьмы. За два года моего пребыванія въ одесской тюрьмѣ, онъ нѣсколько разъ освобождался, и опять приводился въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ велъ дѣятельную жизнь; выражаясь арестантскимъ языкомъ Пилаевъ былъ «фартовый» человѣкомъ. Будучи хорошимъ специалистомъ, — рѣзчикъ печатей — онъ зарабатывалъ въ тюрьмѣ хорошаго денга, но кромѣ того Пилаевъ былъ счастливымъ картежнымъ игрокомъ. Несмотря на всю свою дѣловитость, онъ любилъ мно-

го читать и увлекался романами. В его натуре вообще таилось много романтизма. Мне кажется, нами, политическими, он увлекся, как страстником интереса романа. Тогда мне, казалось, что „Московский“, таково было его тюремное прозвище, воспринимает наши идеи лишь поверхностно. Действительность однако показала, что я был не совсем прав. Пылаешь, по выходу из тюрьмы, смеется близко с одесскими радикалами, и во второй половине 70-х годов был сослан, как политический ссыльный, в Восточную Сибирь. В ссылке он делал попытку к побегу, быть поймав и просидеть долго в Верхоненской тюрьме. По моим справкам вель там безукоризненно живя, даже не играл в карты с арестантами, но впоследствии, поселившись в городи Киренск Иркутской губернии, имать каска то недоразумения с политическими ссыльными. Трудно требовать, чтобы человек, прошедши через школу равной угонщины, мог бы вполне ситься с нашим братом, „политиком“. Со мной в ссылке он вель длинную переписку. Из письма его я видать, как сильно угнетали Пашева, выше упомянутая недоразумения. В 1895 году, почти через 20 лет после нашей разлуки, я его посетил в городи Киренск. „Ну, сказать я ему, узнавайте меня!“ Долго он всматривался и все-таки не мог узнать меня. И только когда я ему напомнил некоторые сцены из одесской тюремной жизни, он узнал меня и бросился ко мне в объятия. В гостях я прожил у него несколько дней. Мне, казалось, что он составлен из смеси хорошего и дурного. Рядом с вполне выработанными интеллигентными потребностями, у него проглядывала страсть к золотонисательству. Каждое лето он отправлялся на золотые прииски, искать своего счастья. Однако воротил ко прежнему раскаву. Сидя в одесской тюрьме, мы не ограничивались пропагандой среди единичных личностей. Один из нас, Ч. писал длинные статьи, которая читалась сообща в общих арестантских камерах. И это делалось, повторно не под влиянием идей Бакунина. Между нами в одесской тюрьме не было ни одного бакуниста. Сильна была тогда потребность вносить свое „я“ в окружающую нас жизнь. Потребность эта нас думала, и если бы ствы могли слушать, мы бы и ствами проповедовали истину и справедливость. Нельзя сказать, чтобы мы не имли некоторого успеха среди уголовных арестантов. Однако успех этот коренился не столько в наших идеях, которая остались в большинстве случаев непонятными. Нет, не наши идеи заражали арестантов. Мы как личности, одухотворенные идеями, действительной своей энальтированностью на эти грубия сердца, и находились среди них такие, которые готовы были идти навстречу нас в огонь и воду. Обь одному из таких я ниже и рассказу. В начале 70-х годов в Нижнем-Новгороди судился некто Гарманов за грабеж. Суд присяжных засвидетельствовал ирсудить его к каторжным работам. После прочтения приговора он встал на суд, и обращаясь к судьям поклонился

имь отомстить. Возмущенный суд ходатайствовал перед министром юстиции подвергнуть Гарманова наказанию штеми. Ходатайство суда было уважено. После позорного наказания его отравили в центральную тюрьму близ Харькова. Там посадили его рядом с политическим каторжником Паниным „по Долгушевскому делу“. Как опытный арестант он сумел войти с ним в сношения, и Панин прозавел на него сильное впечатление. От него он изучил несколько революционных песен. С тех пор у него задала завитная мечта сблизиться с революционерами. Просидев некоторое время в центральн, Гарманов пошел этапным порядком в сибирские рудники. По дороге он сблизился. Это было в 1878 году. В это время после 4-х годичной, одиночного заключения, нас (меня, Чудновского и Чернявского) только что привезли в Сибирь на житье, по приговору особого присутствия сената, (дело 193-х) и поселили в городи Ялуторовск, Тобольской губернии. Вскоре к нам прибыла Афанасьева (по делу Ковальского). Навали мы общую квартиру и потянулись у нас однообразная скучная ссыльная жизнь. Напуганное администрацией, так называемое ялуторовское общество, нас сторонилось. Мы оказались в безлюдном пространстве. Впоследствии, после долгого опыта ссыльной, сибирской жизни, (прожив в ней около 20 лет), я прекрасно узнавался с обывателями, и находил между ними друзей. Но тогда мы все были новички,—мы не сумели ориентироваться в окружающей нас обстановке. Единственно переписка с товарищами доставляла нам удовольствие, да и та была отравлена, так как вель наша переписка переходила через цензуру местного исправника. Настроение было скверное. Приходилось, как о славном времени вспоминать о пребывании в тюрьме. И вот в одно холодное зимнее утро к нам приходит верховенсона роста человек,—это и был Гарманов. Он рассказывал о всем своем прошлом. Рассказывает и о первом своем знакомстве с Паниным. Между прочим, он нам передавал с каким удивлением узнал, что сосед его по камере, Панин, попал в центральную тюрьму не за разбой или грабеж, а за безкорыстное желание просвितить свой народ. В конце-концов гость предлагает нам свои услуги. Искренний тон его нас подкупал. Да к тому же нам сильно желалось, чтобы он делал на пользу своих идей. Немного поконобавшись, мы привали его предложение. Сначала мы его послали в Екатеринбург и Пермь, он аккуратно исполнил наше поручение. Наконец, мы послали его за нелегальной литературой в самый Петербург. Больших денег он нам не стоил, ибо все свои путешествия он совершал пешком. Когда у него не хватало денег, он становился на поденную работу. Выводивши его в Петербург, мы долго его ждали и, наконец, стали его забывать. Лишь весной этого 1906 года, я встретился случайно с человеком, у которого Гарманов скрывался в Петербурге. Приходь пшехода нас самых вгдир сибирских, всех

заинтересовать, и на него ходили смотреть, как на чудо. Но так как тогда ожидался Соловьевский выстрел, то его поспешно отправили скорым образом в Сибирь. Задержал его длинный пешеходный путь. Ранней весной 1879 года, в одно прекрасное утро, является наш посыл из Питера с „Землей и Волей“ и другой нелегальной литературой. Вы только представьте нашу радость. В наше время, когда легальная литература не смела касаться вопросов, которые нас тогда интересовали, нелегальщина имела особое значение. Как было не поделиться с товарищами, жившими в других городах Тобольской губернии? Отдохнув немного у нас, наш агент берет часть нелегальщины и обходит города: Ишимь, Тару и Тюкалинск. Цыплов (таковой он был по фальшивому паспорту) справился и здесь ведливо, не ведь побывать, все же снабдил нелегальщиной, и воротился опять к нам. Нужно было свадить еще один город литературой: город Кургань. Сваржаем снова нашего пешехода. Познано очень хорошо, как ранним утром я выпускал с нашей квартиры Цыплова. Не воображать я в ту минуту, что над всеми нами висит гроза.

Как видно частая посещенна нас Цыпловым обратила внимание кого следует. Полицияшла нужным подослать к нам провокатора; принуждены советуемущим нашим идеям, этот последний приобрел нас полное доверие. Вообще осторожность мы тогда не отличали. За несколько дней до краха мы все, взяв с собою Цыплова, пошли встречать 1-ое мая в д. Б. Къ нашему огорчению мы там наткнулись на гуляющих якутских обывателей. Будь это трезвая компания, она бы сама отошла от нас подальше. Пьяные же обыватели, а в особенности пьяные чиновники, сильно краснели, д. лаются не только либералами, но даже радикалами. Находимся под сильным влиянием Бахуса, стражи (ичбо в родъ товарища прокурора при старом судопроизводителъ) увидя нас, пришесть знакомиться с нами. „Вид, начал он, думаете зачемъ сюда прислали! Нас дуракомъ учить, вот д. л. вашей силки“. Ваивъ нас подь руки онъ сталъ п. ть п. б. поэта Михайлова:

Крѣско, дружно васъ въ объятья
И вы, братья, заключить
И надежды и проклетія
Вместѣ съ нами раздѣлить“.

А через несколько дней картина м. лается. Стричь долженъ былъ присутствовать при нашем м. л. По выходъ изъ нашей квартиры, Цыплова догоняетъ тройка. Поровнявшись съ нимъ, сидище на тройкѣ предлагаетъ подвезти его; тотъ ничего не подозревая с. лъ, но тутъ онъ по и. ч. орымъ симтомамъ почувалъ что-то недоброе для себя. Подъѣхавъ къ деревнѣ, онъ быстро соскакиваетъ съ телеги, входитъ въ близъ стоящую избу и начинаетъ понимать подводу до ближайшаго села. Спастись было однако поздно, сидище на тройкѣ созываетъ народъ. Не-

сколько человекъ вошло въ избу, гдѣ находился Цыпловъ; сзади его ударили по. т. о. Цыпловъ пошатнулся, на него накинулись несколько человекъ, но тутъ все такъ успѣлъ выстрѣлить изъ револьвера и ранить одного нападающаго въ руку. Револьверъ былъ вырванъ изъ рукъ Цыплова, и тутъ началась бойня. Видя его такъ, какъ обыкновенно б. ютъ сибирские крестьяне (челюди) своихъ враговъ бродягъ-варлаковъ. Побитого до полусмерти, связанного по рукамъ и ногамъ кладутъ на телегу и отвозятъ въ городъ Якутск. Конечно, весь его багажъ былъ найденъ при немъ. Тотчасъ же берется и за насъ грѣшныхъ; арестовываютъ и отвозятъ въ тюрьму. Вскрѣ измученнаго, больного закованнаго по рукамъ и ногамъ Цыплова отравляютъ въ Тобольскій тюремный замокъ, гдѣ его держатъ совершенно отъ всекъ изолированно. За возруженное сопротивление его судить военнымъ судомъ и приговариваютъ къ смертной казни. Двадцать дней ждалъ онъ конфирмаціи генераль-губернатора Западной Сибири. Смертная казнь генераль-губернаторомъ была замѣнена каторжной работой на несколько лѣтъ, казется на 8-ми. Несмотря на полную изолированность, несмотря на жестокой приговоръ, онъ никого не запугалъ и никого не выдалъ, а могъ бы при желаніи это сдѣлать. Видъ онъ былъ въ Петерб., въ Пермь и Екатеринбургѣ, почти во всекъ городахъ Тобольской губернии. Случайно встрѣтившись съ Владимиромъ Галактионовичемъ Короленко, я услышалъ такой отъ него рассказъ: „изъ всекъ уголовныхъ арестантовъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, и одного только видѣлъ глубоко преданнаго политическимъ“. Оказалось онъ имѣлъ въ виду Цыплова. Встрѣтились они въ 1881 году въ Красноярской тюрьмѣ. Короленко шелъ въ Якутскую область, Цыпловъ на каторгу. „Разъ,—рассказывалъ Короленко,—встрѣчается мнѣ въ тюремномъ дворѣ Цыпловъ, весь бл. дный дрожащ. голосомъ, онъ схватываетъ меня за руку и говоритъ шепотомъ: „Владимиръ Галактионовичъ, видъ на во. лъ былъ!“ Оказывается сл. дующее: въ суматохѣ Цыплову удалось какъ то проскользнуть незаметно за ворота тюрьмы. Какъ опытному арестанту, ему ничего не стоило бы скрыться, но Цыпловъ несмотря на весь соблазнъ воротился опять въ тюрьму. Въ это время подготавлился побѣгъ политическихъ каторжанъ изъ Красноярской тюрьмы.

Побѣгъ Цыплова могъ бы обратитъ внимание администраціи тюрьмы и случайно могла быть открыта подготовительная работа къ вышеупомянутому побѣгу. Это опасеніе и заставило Цыплова воротиться опять въ тюрьму.

Добравшись до Кары, Цыпловъ былъ помѣщенъ въ политическое отдѣленіе. Очувтившись среди интеллигентныхъ людей, онъ скоро заскучалъ, почувствовалъ онъ тамъ себя одинокимъ („чужимъ“), и въ концѣ концовъ раскрылъ свое прошлое и перешелъ въ уголовное отдѣленіе. Тамъ онъ, говоритъ, пустился во всеъ тяжкій арестантской жизни. Въ памяти у политическихъ каторжанъ остался рассказъ Цыплова изъ своего прошлаго. „Воро-

чался и изъ Екатеринбургa и счастливый мнѣ попался было случай, ограбить одну богатѣйшую купчиху. Эхъ случился бы это раньше... А тогда убѣжденіи мнѣ больше не позволяли"...

По увозѣ Цыпила изъ Ялutorовской тюрьмы, скоро я настъ (меня, Чудновскаго и Чернышскихъ мужа и жену) развезли по тюрьмамъ Тобольской губерніи. Чудновскаго отправили въ Курганскую тюрьму, Чернышскихъ въ Ишимскую, а меня въ Туринскую. Передъ отправкой, по распоряженію тобольскаго губернатора, настъ всѣхъ мужчинъ заковали въ ножные кандалы, которые по прибытіи на мѣста должны были быть сняты. Я выравилъ ялutorовскому исправнику свое опасеніе, какъ бы меня тамъ туринская администрація, не отказалась бы расковать. Ялutorовскій исправникъ, обратившись къ жандармскому унтер-офицеру сказалъ: „по прибытію въ Туринскъ, скажи чтобы его тамъ расковали“.

Водро и весело летѣла тройка удамая и везла меня въ Туринскъ, но не весело было у меня на сердцѣ... Быть заключеннымъ въ тюрьмѣ далекаго городишки, быть совершенно одинокомъ, отрѣваннымъ рѣшительно отъ всего живого... Перспектива не радостная. Бываютъ моменты въ жизни каждаго человека, которые остаются на вѣки въ памяти. И до сихъ поръ помню я превосходно тѣ мысли, которыя мною овладѣли подъ вѣнцомъ немощаемаго колокольчика. Моя мысль ушла тогда въ мое прошлое. Вспоминались мнѣ счастливые дѣтскіе годы. Снѣгъ состоятельнаго помѣщика, наслаждался весьма благами жизни, и никакими вопросами не задавался. И могъ ли я тогда себя представить, закованнымъ въ ножные кандалы? Отъ дѣтскихъ лѣтъ, вдругъ мысль моя перешла на тотъ періодъ жизни моей, когда я мучился мыслями кающагося дворнина. И я воспринялъ духомъ. Кандалы, одиночное заключеніе, развѣ всѣ эти вѣшнія невагомы могутъ сравниться съ тѣми муками, которыя происходятъ отъ внутренняго разлада съ самимъ собою? И въ ту минуту, я почувствовалъ себя какъ бы счастливымъ. А тройка все летѣла впередъ. Вотъ мы наконецъ подъѣзжаемъ къ городу Туринску. — выдала видна моя будущая квартира. И опять невольно сжалось мое сердце. По прибытіи въ Туринскъ, меня ввели въ полицейское управленіе передъ грозныя очи туринскаго исправника. Законанный, беззащитный стою я передъ возмѣщающимъ на креслѣ исправникомъ. Приведшіи меня жандармскій унтер-офицеръ обратился къ туринскому исправнику: „Ваше Высокородіе, Его Высокородіе ялutorовскій исправникъ приказали по прибытіи въ Туринскъ вхъ расковать“.— „Скажи твоему ялutorовскому исправнику, громовымъ голосомъ провозгласилъ туринскій исправникъ, что онъ тамъ въ Ялutorовскѣ хозяйя, а я адѣкъ хозяйя въ Туринскѣ“.

И повелъ меня ишкомъ въ оковахъ по городу Туринску въ тюремный замокъ. Держали меня въ оковахъ цѣлыхъ 1 1/2 мѣсяца. Писалъ я во всѣ правительственныя инстанціи прошенія. Наконецъ, по требованію тобольскаго губернатора, меня раско-

вали. Когда меня заперли въ одиночную камеру туринскаго замка, я облегченно надохнулъ, мнѣ такъ хотѣлось быть наединѣ съ самимъ собою. Однако не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ до камеръ, какъ къ дверямъ моей камеры подошелъ одинъ изъ уголовныхъ арестантовъ. Онъ предложилъ мнѣ табуку, булки и старался показывать все свое сочувствіе. Вообще уголовные арестанты оказываютъ большое вниманіе секретнымъ заключеннымъ. Черезъ недѣлю послѣ моего привода въ туринскую тюрьму, приводятъ въ кандалы двухъ уголовныхъ преступниковъ, и сажаютъ какъ и меня въ одиночныя камеры. Новые секретные арестанты оказались убійцами.

Забрались они въ одну туринскую церковь съ цѣлью грабежа, но сторожъ помѣшалъ; чтобы спасти себя, они тутъ же въ перки убиваютъ сторожа. Это однако не спасло ихъ: ихъ все-таки арестовали. Одного изъ нихъ посадили въ камеру, окно которой выходило на мою сторону, такъ что я могъ съ нимъ переговариваться; съ другимъ же я этого дѣлать не могъ, такъ какъ окно камеры его выходило на противоположную сторону двора. Но между собою они могли бесѣдовать другъ съ другомъ черезъ двери. Съ однимъ изъ нихъ я скоро познакомился. Товарищъ моего сосѣда сталъ угваривать его не вести бесѣду со мной. „Они, говоритъ онъ, подгибали всѣ безбожники, Бога не признаютъ и ты погубилъ свою душу, бесѣдуя съ нимъ“. Будь мой сосѣдъ въ другихъ условіяхъ, быть можетъ товарищъ и утратилъ бы его, но словоохотливому парню не съ кѣмъ было, окромѣ какъ со мной разговаривать, и я все больше и больше сходилъ съ нимъ. Его товарищъ, человекъ изъ духовнаго званія, побывавшій въ бурсѣ, тѣмъ временемъ окружилъ себя душещастельными религиознаго содержания книгами, не переставалъ между прочимъ угваривать своего товарища, не вести разговоры со мною. Вскорѣ принципиальнаго врага моего переводилъ въ камеру, окно которой выходило также на мою сторону. Такимъ образомъ, всѣ мы втроемъ могли бесѣдовать между собою. Знаю настроеніе моего новаго сосѣда, я былъ настроенъ. Вскорѣ и съ нимъ я познакомился. Сперва, какъ я, такъ и мой новый сосѣдъ излѣбали затрагивать болѣзныхъ мѣстъ нашихъ разногласій. Нужно упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое сильно подкупило моего принципиальнаго врага въ мою пользу. Снѣгъ состоятельныхъ родителей, я получалъ ежемесячно 40 рублей. Одиночное заключеніе не помѣшало мнѣ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ уголовными арестантами. Тратить на себя деньги, мѣня кругомъ себя голодные рты, у меня не хватало духа. Тратить же деньги на всю туринскую тюрьму мнѣ не хотѣлось, такъ какъ у меня были въ семлѣ и въ другихъ тюрьмахъ товарищи, очень нуждающіеся и къ тому же болѣзные. Поэтому каждый мѣсяцъ по полученіи денегъ, я оставлялъ себѣ изъ нихъ самое незначительное количество, которое хватало бы мнѣ лишь на чай и сахаръ, остальное и сейчасъ же отправлялъ моимъ товарищамъ. Такое употребленіе моихъ денегъ стало

нибѣтнымъ, не только въ тюрьмѣ, но и въ городѣ Туринскѣ. Когда я со своими сосѣдями ближе сошелся, я предложилъ имъ раздѣлѣть съ ними мои скудные средства, которыя я оставлялъ для себя. Такъ какъ чай былъ для насъ не по карману, то вѣнато него мы пили цикорий. Въ это же время я сталъ учить словоохотливого сосѣда моего грамотѣ. Несмотря на постепенное установившееся дружескія отношенія между нами, минутами стали возникать у насъ обостренныя принципиальныя споры. Однажды, коснувшись формальной стороны религиозныхъ обрядовъ, я сильно поссорился съ моимъ новымъ сосѣдомъ, онъ назвалъ меня безбожникомъ и пересталъ со мной разговаривать. Ссора наша продолжалась двое сутокъ. Послѣ этого отношенія наши опять возобновились. Чувствительность, какъ съ каждымъ днемъ, принципиальный врагъ мой становился къ моимъ взглядамъ все болѣе терпимымъ. Какъ то я ему далъ книгу Лекки „Исторія развитія рационализма въ Европѣ“, книга эта произвела на него сильное впечатлѣніе. Прочитавъ эту книгу, онъ сталъ у меня просить такую, которая разсказывала бы ему съ „самого начала“. Я далъ ему сочиненіе Писарева „Популяризація Дарвина“. Писаревъ произвелъ еще большее впечатлѣніе.

Разъ лежу я на кровати въ своей камерѣ, и слышу какъ разговариваютъ мои сосѣди между собою: „Эхъ братъ, какія хорошія книги я прочиталъ. И дураки же мы были съ тобою. Теперь, если мнѣ удастся убійтѣ съ каторги, я первымъ дѣломъ ограблю какого нибудь купчину, а потомъ съ деньгами поѣду въ городъ, гдѣ живутъ студенты. Найму студента, пусть онъ меня учить съ самого начала“. Не знаю удалось ли ему исполнить свой планъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора ихъ обоихъ отправилъ въ каторжныя работы. Я трогательно, но братски, съ ними простился.

Послѣднія событія выдвинули на арену русской жизни такихъ героевъ дня, какъ Мины, Дубасовы, Риманы, Реиенкамфъ, Сиверы и Орловы.

Они антикли своей славою дѣянія своихъ отцовъ. Безпристрастная исторія оцѣнитъ ихъ подвиги по заслугамъ. Но всетаки, вспомянувъ свое прошлое, я утверждаю, что нашему брату, отцепопцу 70-хъ и 80-хъ годахъ, жилось не сладко. И передовому теперешнему поколѣнію не испытать больше тѣхъ адскихъ мукъ, которыя мы тогда переносили. Нынешняго передового дѣятеля окружаетъ сочувствующая его идеямъ атмосфера. На міру, говорить, и смерть красна. Да, наконецъ, теперь ясно для каждого, куда ведетъ политика нашихъ бюрократовъ. Теперешніе борцы за освободительное движеніе не чувствуютъ свою одинокость. Ничего подобнаго не было въ наше время. Трудящаяся масса не успѣла тогда насъ узнать, а потому отошлась къ намъ индифферентно; образованное же общество, хотя и сочувствовало намъ, но безсильное и трусливое, оно свое сочувствіе прятало внутри себя такъ глубоко, что намъ отъ этого было ни тепло, ни холодно. Въ мрачныхъ казематахъ невольно на насъ находили мучитель-

ныя минуты сомнѣнія. Въ головѣ мелькали мысли, приводившія насъ въ дрожь, вслухъ мы даже ихъ рѣдко высказывали: „да поно, нужны ли всѣ эти наши страданія?“ Заунывно съ дрожью въ голосѣ я распѣвалъ тогда пѣсно: „О, долго цѣни ровокія съ ramenъ отчизны не спадутъ, столѣтъя грозно протекутъ и не прудитъ Россія“.

Наступали угрюмые, сумрачныя 80-ые года. Отослуду вѣло холодомъ, могильнымъ запахомъ. Въ разгарѣ реакціи въ 1888 году я снова былъ арестованъ въ Сибирѣ. По моему дѣлу былъ тогда арестованъ въ Туринскѣ, Тобольской губерніи, политическій ослышный Константинъ Стери, теперешній видный членъ румынской Палаты Депутатовъ. Однажды къ нему въ камеру заходитъ Тобольскій губернский прокуроръ и ехидно замѣчаетъ: ну, вотъ прочитайте произведеніе нашего славнаго Льва Тихомирова. При этихъ словахъ, онъ вручаетъ Стери „Московскія Вѣдомости“ со статьей Льва Тихомирова. Имя послѣдняго цѣнилось высоко въ революціонныхъ кругахъ. Сила въ тюрьмѣ далекаго сибирскаго города, Стери ничего не зналъ о той эволюціи, которая совершилась въ головѣ Тихомирова. Левъ Тихомировъ вѣнатеиъ былъ Стери, какъ редакторъ революціоннаго органа „Вѣстникъ Народной Воли.“ Статья Тихомирова, какъ громомъ поразила Стери, и онъ, не долго думая, по уходѣ прокурора вѣнатеиъ; къ счастью, веревка не выдержала грузнаго тѣла Стери, и онъ съ грохотомъ срывается съ пегли. На шумъ прибѣгаетъ тюремный надзиратель и застаётъ Стери въ безчувственности состояніи.

Да, то были тяжелыя времена, дай Богъ, чтобы они болѣе не повторились. Гдѣ же должны мы были искать себѣ поддержки?

Наши убѣжденія—вотъ та опора, которая насъ поддерживала въ минуту жизни трудной. Мы были тогда глубоко вѣрующими людьми; и вотъ почему, какал бы обстановка насъ ни окружала, мы искали въ ней себѣ приверженцевъ. И никто не имѣлъ права бросить намъ упрекъ за то, что мы находили себѣ прозелитовъ среди воровъ и разбойниковъ. Воспитанные на русской гуманитарной литературѣ, мы глубоко вѣрили въ человѣка и находили его всюду. Правда мы временами приходили на Донъ-Кихоты, но, понимая въ широкую смѣсль, не Донъ-Кихотство ли слово всѣхъ лучшихъ силъ въ нашемъ обществѣ. Ибо все „здоровѣеишее“, всѣ такъ называемые уравновѣщенные погружались тогда въ идейскую практику, которая въ то время вѣнатеиъвала всѣ лучшія идеальныя стороны человѣка. И въ лучшемъ случаѣ, русская идейская практика выдвигала на поверхность благонамѣренныхъ Штольцевъ.

Краткія свѣдѣнія о Стери. Девачина, а за нимъ арестъ Лопатина, смелыя послѣдніе остатки народолюбческой организаціи. Въ числѣ арестованныхъ былъ въ 1886 году студентъ Новоросійскаго университета Константинъ Стери, и сосланъ былъ 1886 году въ Курганъ, Тобольской губерніи. Тамъ онъ имѣлъ столкновение съ мѣстной администраціей, за что былъ тобольскимъ губернаторомъ переведенъ на сѣверъ въ городъ Туринскъ. Въ то время,

между нами, ссыльными Тобольской губернии, назрела идея объединить политическую ссыльную посредством гектографированного журнала. Инициатором этого дела были Стери. В 1887 году в Туринск он вместе с другими ссыльными выпустил гектографированный журнал. Несколько экземпляров было послано в Восточную Сибирь, но по дороге посылку вскрыли, и началось дело. Стери был арестован вместе с другими соучастниками и сослан в Енисейскую губернию. По окончании срока ссылки, он возвратился на родину, но там на родине, стояла тогда еще душная атмосфера: то было время конца царствования Александра III-го. Тяжелый гнет самодержавного строя так сильно давил людей, что имя, а в том числе и Стери, казался облазителем даже государственной строй такой страны, как Румыния. Стери, — румын по происхождению, покинул Россию и уехал на новую свою родину, Румынию. Вот что мне передавало лицо, вполне заслуживающее доверия о Стери, которого оно видело в Румынии: воспитанный на русской литературе, Стери попал в полуварварскую страну, в которой высшая форма конституционного государства не совсем соответствовала внутреннему содержанию.

Как называемое культурное общество в Румынии пропитано себеподобными, узко эгоистическими классовыми тенденциями. Малая интеллигентность общества дает себя знать на каждом шагу. Нигде в мире не развито такое отталкивающее людоебство, как в Румынии.

Сначала Стери примкнул к румынской социаль-демократической партии, во главе которой стояли тогда русские эмигранты.

Но, понятно, в полуварварской стране, где к тому же промышленность совсем не развита, социаль-демократическая деятельность не могла иметь широкого простора.

Стери же, уехав из России, именно и жаждал этого простора. Он вышел из социаль-демократической партии, примкнул к либеральной румынской партии и был избран депутатом румынского парламента.

Однако, действительность показала всю ошибочность расчетов Стери. Его товарищами в борьбе, члены либеральной партии, оказались до мозга костей пропитанными узко эгоистическими возжеланиями, и были способны лишь на одно медное политиканство.

Воротись Стери из Сибири в Россию несколькими годами позже, когда наша несчастная родина стала пробуждаться, он бы остался в России и был бы в ней полезным деятелем.

Мне передавали, что речи Стери имели большой успех в румынской палате депутатов, что даже при румынском дворе обращено было на него внимание и его стали приглашать на аудиенции к королю. Тем не менее, мне прежний, искренний, предприимчивый, далекий от каких бы то ни было компромиссов

Константин Стери был больше по душе, — тот Стери, на которого так трагически отразилась перемена фронта Льва Тихомирова.

Несколько слов, по поводу Льва Тихомирова. Ни один факт предней современной жизни не мог так удручающе на нас повлиять, как появление на страницах „Московских Ведомостей“ имени Льва Тихомирова. Приходилось мне встречать людей, переболевших внутренне сь ссылок и на каторге. Они дѣлались индифферентными, другие вырабатывали себѣ новый мировоззрѣніа, третьи, безъ всякой болѣзненной внутренней ломки опускались до уровня простаго обывателя. Нельзя сказать, чтобы встрѣча съ такими людьми доставляла большое удовольствіе. Въ 1894 году я встрѣтился, напримѣръ, съ однимъ моимъ товарищемъ по Петропавловской крѣпости. Когда-то и съ нимъ бунтовалъ въ крѣпости. Какъ теперь помню, какъ я въ окна моей камеры кричалъ Сашкѣ Л. и спрашивалъ, начинать ли бить стекла. Всегда веселый и предприимчивый онъ мнѣ казался тогда идеальнымъ человѣкомъ. Въ домѣ предварительнаго заключенія онъ облизился особенно близко съ Муравскимъ. Съ любовью всегда смотрѣть я, какъ старецъ Митрофанъ Муравскій, побивавшій уже 6 лѣтъ въ каторжныхъ работахъ, велъ нитязную бесѣду съ юнымъ Сашкой Л. Былъ Сашка Л. также друженъ и съ Катей Врешковской. Обыкновенно, когда встрѣчаешься со старымъ товарищемъ, сейчасъ же начинаются воспоминанія о прошломъ. Но тутъ, при встрѣчѣ съ Сашкой, я приумолкъ, такъ какъ почувствовалъ, что передъ мной сидитъ человѣкъ, много внутренне перестрадавшій въ ссылкѣ и на каторгѣ, и что воспоминанія о прошломъ причиняютъ ему одно страданіе. Отъ прежняго Сашки ничего не осталось, но все-таки чувствовалось, что Сашка остался навсегда человѣкомъ,无所способнымъ ни на какія утробныя подлости.

Левъ Тихомировъ, конечно, могъ кѣмъ-нибудь свои убѣжденія, это его личное право, но засѣсть въ редакцію „Московскихъ Ведомостей“,—это уже повнѣя труду. Кстати, расскажу здѣсь о встрѣчѣ моего товарища по ссылкѣ Лебедева съ Львомъ Тихомировымъ.

Въ 1887 году присланъ былъ къ намъ, въ Ялтуторовскъ, въ ссылку Лебедевъ (бывшій воронежскій семинаристъ). Недолго онъ пробылъ въ Ялтуторовскѣ. Разъ съ двумя своими товарищами, Молдавскимъ и Орловымъ, отправился онъ на ночь ловить рыбу на берегъ рѣки Тобола. На другой день полицейскій, обоиди квартиры ссыльныхъ, узнавъ, что вышеупомянутые ссыльные съ вечера ушли куда-то и, о ужасъ, не почемъ дома. Поднялась тревога. Исправникъ тотчасъ телеграфируетъ тобольскому губернатору о такомъ важномъ происшествіи, тотъ въ свою очередь телеграфируетъ исправнику: поймать бѣглецовъ и выслать ихъ въ Тобольскъ. Поймать ихъ не стоило большого труда. Забравши съ собою провинно, мнимые бѣглецы наслаждались природой на берегу рѣки Тобола. Тамъ ихъ погоня и нашла. По

точному приказанию начальства, любителей рыбной ловли отправили сейчас же в Тобольск, а оттуда губернатор выслал их в один из самых северных городов — Сургут. Город этот служил как бы карцером для тобольской губернии, куда губернатор высылал непокорных политических ссыльных. Но и из этого гibelного места вышеупомянутый Лебедев на сей раз действительно убжал. В это время в Россii ходили уже упорные недобрые слухи о Льве Тихомирове. Лебедев так был поражен этими слухами, что не хотiл iбрить имъ. Ему захотiлось лично побесiдовать съ Тихомировымъ. Онъ агрируетъ, приiдетъ въ Парижъ. Тамъ, узнавъ адресъ Льва Тихомирова, отправился къ послiднему. Съ трепетомъ онъ подошелъ къ квартирi Тихомирова. На звонокъ дверь отворилъ самъ Левъ. Когда Лебедевъ объяснилъ цiль своего прихода, тотъ сталъ на него кричать: „Оставьте меня въ покои, я веиъ уже объявилъ, что не хочу больше имiтъ дiло съ вашимъ братомъ“. Какъ ошаренный, вылетiлъ Лебедевъ съ квартиръ Тихомирова.

Вскорi оба какъ Левъ Тихомировъ, такъ Лебедевъ очутились в Россii. Первый засiлъ на Страстномъ бульварi, въ редакцii „Московскихъ Вiдомостей“, второй былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму, а потомъ выданъ административнымъ порядкомъ въ самое отдаленное северное мiсто Якутской области, Булунъ (при впадении Лены въ Ледовитый океанъ), куда до него ни одинъ ссыльный не съехался.

Такимъ образомъ, добродiтель награждается, а порокъ карается. Одно несомнiвно, Левъ Тихомировъ представляеть изъ себя историческую личность, и какъ таковая, она должна занять мiсто на страницахъ исторического журнала „Былое“. Можно смiло сказать, что въ концi 80-ыхъ годовъ ни одно письмо ссыльного не обходилось безъ упоминанiя его имени. Ни одинъ разговоръ въ ссылкi не начинался и не кончался безъ упоминанiя о немъ. И, я думаю, историческому журнаду „Былое“ интересно было бы прослiдить, какое впечатлiние на политическихъ ссыльныхъ произвелъ переходъ Льва Тихомирова во врагii статьи.

Въ 1889 году я встрiтился съ однимъ товарищемъ по ссылке. Т; онъ оказался землякомъ Льва Тихомирова, знаетъ его съ дiтскихъ лiтъ. „Я,—сказалъ онъ мнi,—не допускаю чтобы Левъ Тихомировъ совершилъ сознательную измiну, я увериъ въ искренности его, просто человекъ надорвался“. Пасъ, ссыльныхъ, это объясненiе не удовлетворило. Мы, ссыльные, видали всякие виды, встрiчали мы и надорванныхъ людей. Мы были тогда подъ впечатлiниемъ тихомировской статьи: „Въ мирi мерзостей и запустенiи“, помещенной въ „Вiстникi Народной Воли“, въ которой въ яркiхъ краскахъ разобрана была „Дегавщина“. Въ памяти также были и его статьи въ легальномъ журналi „Дiло“.

И, вдругъ, дорогое для насъ имя видiть на страницахъ „Московскихъ Вiдомостей“...

Какъ утiшенiе, намъ впоследствии стали говорить: „Левъ Тихомировъ никого не выдалъ“. Плохое утiшенiе.

Развi, отвiчали мы, Левъ Тихомировъ не сталъ во главi газеты, которая нiсколько десятковъ лiтъ не брезгала простыми емскимъ?

Да, намъ бывшимъ ссыльнымъ памятно ренегатство Тихомирова... Выброшенные за борть русской общественной жизни, мы, ссыльные, и тамъ, въ далекой Сибири, сумели приобщиться къ общественной жизни и быть полезными для своей пострадавшей родины.

Выше я уже показалъ, что мы даже въ сырыхъ и темныхъ казематахъ не сидiли сложа руки, что мы и тамъ старались вносить лучъ свiта въ темное царство. Понятно, послi этого не могли же мы сидiть въ Сибири на рiвкахъ Вавилонскихъ и только плакать.

Оторванными отъ русской жизни, юные силы молодой Россii были поселены по городамъ и вesiмъ далекой окраины группами отъ десяти до тридцати и больше человекъ. Группы эти сперва жили совершенно изолированной жизнью, не соприкасаясь съ окружающей ихъ жизнью Сибири. Такая изолированность вызвала аномальные явления, люди, такъ сказать, жарились въ своемъ собственномъ соку. Простекала разная некрассивая, печальная, внутренняя исторii. Тi личные недостатки, которые при широкой общественной работi сглаживаются, въ узко кружковой жизни, бросались въ особенностъ въ глаза, приумножались. Нужно сказать правду, мы, ссыльные, нерiдко больше страдали отъ этихъ внутреннихъ исторii, нежели отъ внешнего гнета. Бывали случаи, когда исторii кончались самоубийствами, какъ это было въ Якутской.

Вскорi однако все измiнилось къ лучшему. Мы начали присматриваться къ окружающей насъ сибирской жизни. И радости, и печали окружающихъ насъ людей стали намъ дороги. Мало-помалу ссыльные кружки превратились въ культурные центры далекой Сибири. Въ каждомъ такомъ центрi находились или врачъ изъ ссыльныхъ, весь отдавшийся страдающему люду, или педагогъ, воспитавшii не одного сибирского юношу.

Мiстные отдiлы Географического общества, Восточно-сибирской и Западно-сибирской, не обходились безъ работъ ссыльныхъ. Имъ же предпринимались ученые экспедицii, напр., Якутская на средства Сибирякова. Главной же рiчагъ, при посредствi которого мы, ссыльные, стали играть замiтную роль въ окружающей насъ жизни, была печать. Въ Томскi въ началi 80-хъ годовъ начала издаваться „Сибирская Газета“. Руководителями ея были ссыльные, Феликсъ Волховской и Соломонъ Чудовский. Такъ какъ вся Сибирь была тогда наполнена политическими ссыльными, то понятно и „Сибирской Газетi“ легко можно было заручиться мiстными интеллигентными корреспондентами. Ни одинъ замiтный фактъ сибирской жизни не ускользалъ отъ глазъ талантливого обозрiвателя сибирской жизни.

Феликсъ Волховской, ежедневно въ фельетонi дiлалъ какъ-бы прогулку по сибирской тайгi, остро высмiивалъ мiстныхъ

Держимордовых и Колупаевых; насмивались так, что и придумать себя нельзя было, так как не упоминали ни имени Держиморды, ни места. Например, Тобольск, в котором находился тогда губернатор Лисогорский, назывался Пльбогорским. Незамыслимым образом политические смыслы заняли место прокурорского надзора. Местные акулы и самодержцы стали с опаской поглядывать в сторону смыльных. Все же обиженные, униженные и оскорбленные, тайком крадутись, приходили к нам с жалобами, фактами, обличительными документами. Корреспонденция повсюду благотворно и на нас самих. Мы стали чувствовать себя не отчужденными от окружающей нас жизни. По необходимости мы должны были зорко присматриваться к людям и порядкам захолустных городков и деревень.

Правда, верьды страдали от этого наши бока, но где же наша не пропадала? За то мы сохраняли живую душу и способность к активной борьбе.

В то время, как там, за Уралом, в Европейской России, догорала последняя активная борьба народолюбцев и стала возникать „голостовщина“, а в покойной „Неделе“ стать молотом Бюмея свою неделю, мы, смыльные, в Сибирь не складывали своего знамени борьбы.

Вудущий историк Сибирь должен остановиться на роли политических смыльных в этой отдаленной окраине. Имн хотн бы такого человека, как Феликс Волховской, не останется без должного внимания этим историком.

Сергей Жебунев.

Из моего революционного прошлого.

(Очерк первый).

На первых порах ¹⁾).

Я, и по отцу, и по матери, нахожусь в родстве с крестьянством. В силу этого я больше, чем большинство современной мне революционной молодежи был знаком с невзгодами жизни русского крестьянства. По матери мои родственники крестьяне уже на моей памяти освободились от крепостного ига. Мне с раннего детства приходилось слышать и от моей матери и от родственников крестьян о всех прелестях крепостного права в России. Кроме того, отец мой в годы моего раннего детства был дьяком в крепостной деревне Глафириновке и мне своими глазами приходилось видеть в детстве много возмутительных сцен и предъ крыльцом барской конторы и предъ окнами барского дома, где с правильностью постоянной лучшей участи всем, провинившимся в продолжении недела, по воскресеньям делалось отеческое внушение при помощи розог и плетей. Нам, своим детям, наша мать с печалью на лице рассказывала, как дедушка, в возрасте 75-лѣтнем, умерь под плетями, подвергнутый этому наказанию своим помѣщиком. Помню я свою деревню и в тот исторический момент, когда прошел слух о

¹⁾ Я преднослаю несколько слов к тому ряду статей, которая я заимал писать в журнал „Бело“. Дѣлаю это в тѣх видах, чтобы читатель наверняка знал, что онъ найдетъ в нихъ. Это будутъ мои воспоминанія съ начала моего знакомства съ освободительнымъ движениемъ 70-хъ годовъ вплоть до выхода моего изъ Штисельбургской крѣпости. Лично о себѣ я буду говорить лишь всухою, въ связи съ тѣмъ, чего я былъ свидѣтелемъ и въ чемъ непосредственно принималъ участіе. Главную же задачу моей будетъ ознакомить читателей „Белого“ съ разнѣвающимися революционннмъ движениемъ 70-хъ годовъ, съ лицами, принимавшими въ немъ участіе, съ которыми я лично ставлялся въ томъ или другомъ актѣ освободительнаго движенія. Кратко говоря,—это будетъ въ биогрѣіи моя, а рассказы о тѣхъ событіяхъ, которыхъ я былъ очевидцемъ или знаю о нихъ, со словъ людей, принимавшихъ участіе въ нихъ. Называю эту часть статей такъ: „Изъ моего революціоннаго прошлаго“. Отдѣльныя главы будутъ свои названія особенно содержанію ихъ. Напередъ говорю читателю, что хронологія въ этихъ статьяхъ—самый слабый пунктъ. Прологъ мною разлагается слѣды рядъ картинъ изъ этого прошлаго, но часто и только могу сказать, что это было, весной, лѣтомъ, осенью. Но все же я, если не совершенно точно буду обозначать дату того или другаго события, то годъ все же точно буду указывать.

волѣ среди крестьянъ. Передъ какимъ-то праздникомъ усмались пескомъ аллею у барского дома. Мы дѣти, какъ обыкновенно это бываетъ, стояли и смотрѣли на работу крестьянъ. Одинъ изъ крестьянъ взвѣзъ съ воза на долоту песокъ, обратился ко мнѣ со словами: «смотри, хдоче, якъ добрі люди сють хлѣбъ» и сталъ разсказывать горькую песокъ, какъ сьютъ зерно по нивѣ. «Учись, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, а то, якъ отпустишь насъ на волю, самому придется хлѣборобить!» Всего въ 12 верстахъ отъ деревни, гдѣ мой отецъ дьяконствовалъ, въ деревнѣ Сазанковѣ, было усмиренье крестьянъ во время освобожденія на волю и хоть самъ я не видѣлъ и не слышалъ залповъ въ толпу, но слышалъ разсказы объ этомъ въ родномъ домѣ. Словомъ, я въ моемъ дѣтствѣ приобрьлъ достаточно матеріала о жизни крестьянъ и имѣлъ настолько вѣрное о ней представление, чтобы относиться съ искренней симпатіей къ движению 70-хъ годовъ во имя народа. И тѣмъ не менѣе, а можетъ быть и именно потому, что грань между мной и безправнымъ мужикомъ лежала дальше, — я на первыхъ порахъ моего студенчества долго отбивался отъ освободительнаго движения, которое захватывало каждое юношу съ чуткой душой къ чужому горю. Помню, когда, прослушавъ первый курсъ медико-хирургической академіи, проживъ каникулы въ домѣ отца, который былъ уже въ это время священникомъ въ деревнѣ Самарскѣ, я выѣзжалъ вновь изъ дома въ Петербургъ и моя старшая сестра, которую я во время каникулъ познакомилъ съ тѣмъ, что происходило въ то время въ студенческой средѣ и вообще въ Петербургѣ среди молодежи, провожая меня, сказала: «смотри, братъ, будь остороженъ, не попадайся!» — то я, успокаивая ее, говорилъ вполне искренно: «не беспокойся! Разъ ужъ я взялъ быка за рога, то выпустить ихъ изъ рукъ — не выпущу!» И дѣйствительно, первые два года моего студенчества я интересовался освободительнымъ движениемъ между дѣломъ. Главной цѣлью моей было окончить курсъ тѣхъ наукъ, которымъ я посвятилъ себя и которая были моей мечтой на семинарской скамьѣ. Зачѣмъ я находилъ нужнымъ добиться докторскаго диплома, — отвѣтъ определенного на этотъ вопросъ я не давалъ себѣ. Я никогда не ставилъ себѣ вопроса, — а чтожь потомъ, когда я получу докторскій дипломъ, что тогда буду дѣлать? Я чувствовалъ себя неловко, когда этотъ вопросъ возникалъ въ моемъ умѣ и вотъ почему. Проѣзжая изъ Петербурга на родину, я по дорогѣ заѣхалъ въ деревню Никитовку, Бахмутскаго уѣзда, родину моего отца, къ моимъ родственникамъ крестьянамъ. На вопросы ихъ, что я дѣлаю въ Петербургѣ, чему учусь, я разсказывалъ, что учусь на доктора. — «Ну, значитъ, — сказалъ мнѣ дядя отца, мой двоюродный дѣдъ, — довольно сурово, мнѣ казалось, — окончилъ науку, мы, крестьяне будемъ тебѣ платить за то, что ты будешь насъ потрошить». Съ тѣхъ поръ, когда я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, я вспоминалъ своего суроваго дѣда, который обтѣсываніе мельничныхъ жернововъ, чѣмъ онъ занимался, мнѣ казалось, представлялъ себѣ болѣе благороднымъ дѣломъ. Такъ этотъ вопросъ все время моего студенчества оставался нерѣшеннымъ. И когда въ мою душу врывались вопросы, которые волновали умы молодежи и я задумывался надъ ними, рѣшалъ въ какое отношеніе къ

происходящему вокругъ меня я стану, я кончать тѣмъ, что успокаивался на такомъ отвѣтѣ: прежде всего нужно завоевать свою независимость, а потомъ уже думать о другихъ. Отвѣтъ такой понятно само собой не успокаивалъ меня и тѣмъ менѣе мѣшалъ мнѣ посѣщать собранія молодежи, гдѣ обсуждались вопросы, которые ставила жизнь и литература, гдѣ читались рефераты по общественнымъ вопросамъ, читалась литература, полученная контрабанднымъ путемъ изъ заграницы. Первый кружокъ такого характера, въ которомъ я считался въ числѣ членовъ, собирался по Кронверскому проспекту, въ квартирѣ Кибальчица. Въ кружкѣ этомъ была выработана программа по общественнымъ вопросамъ, по которой каждый членъ кружка бралъ по своему выбору ту или другую общественную тему и готовилъ рефератъ. По воскресеньямъ и четвергамъ эти рефераты читались, обсуждались; обсуждения эти зачастую переходили въ бурныя пренія, затягивавшіяся за полночь. Второй кружокъ въ этомъ родѣ образовали екатеринославцы и астраханцы на Петербургской сторонѣ, по Большой Дворянской улицѣ, домъ № 13-й. Внутри двора мы наняли квартиру въ 4 комнаты съ кухней и основали здѣсь такъ называемую студенческую квартиру и столовую для приходившихъ студентовъ. Столовая наша была довольно обширная комната и въ ней по вечерамъ собирались сходы. Сначала сходили эти состояли изъ студентовъ близко другъ друга знающихъ; но когда молва разошлась среди радикальной молодежи о благодатномъ уголкѣ для сходовъ, наша квартира превратилась въ общее мѣсто для сходовъ. Собирались тутъ иногда и очень многолюдныя сходы. Здѣсь часто читали и Каблещъ свои рефераты, извѣстный потомъ въ литературномъ мѣрѣ подъ псевдонимомъ Юзова. Здѣсь же раздавался кличъ въ народъ, разбирались программы Лаврова, или вѣрнѣе программа журнала «Впередъ», Бакунина, Ткачева и пр. Кромѣ того квартира эта была справочнымъ пунктомъ для прѣзжавшихъ изъ провинціи, а въ концѣ концовъ и мѣстомъ для ночлега прѣзжавшихъ въ Петербъ изъ провинціи радикаловъ. Тутъ были и изъ Киева, и изъ Харькова, и изъ Ростова. Часто приходилось ложиться при одномъ составѣ ночлежниковъ и вставать при вторе увеличенномъ ихъ составѣ. Всякій, не имѣющій определенной квартиры, заворачивалъ на Большую Дворянскую, въ д. № 13-й. Наша квартира даже стала извѣстной Колышкину, извѣстному въ то время начальнику секретнаго отдѣленія. Былъ выпущенъ изъ тюрьмы нѣкто, извѣстный въ радикальномъ мѣрѣ подъ именемъ «Дѣдушки», фамилія его, если мнѣ не измѣнится, Харламовъ. За немѣнѣемъ мѣста ночлега, онъ пришелъ переночевать къ намъ. На другой день по какому-то поводу ему пришлось имѣть дѣло съ этимъ самымъ Колышкинымъ и услышать отъ него: «Вотъ видите, только насъ выпустили изъ тюрьмы, а вы ужъ сегодня ночевали въ притонѣ на Большой Дворянской улицѣ. Такимъ образомъ я незамѣтно для себя втягивался въ круговоротъ царскаго тогда надъ молодыми умами общественнаго движения. Помнится мнѣ одинъ эпизодъ, который глубоко задѣлъ мое честолюбіе. Въ это время я уже въ достаточной степени былъ захваченъ общественнымъ движениемъ, но пока всѣтаки я еще усердно занимался и по академіи. Мой товарищъ по

квартир Рудаковъ и я, сверхъ обязательныхъ занятій по практической гистологии въ микроскопическомъ заздѣ, рѣшили еще заниматься при кабинетѣ профессора Жваркина съ микроскопомъ. Работали мы съ нимъ въ комнатѣ рядомъ съ заломъ для практическихъ занятій студентовъ. Въ одно время, когда шли въ микроскопическомъ заздѣ занятія по паталогической анатоміи 3-го курса, и одинъ изъ моихъ знакомыхъ студентовъ 3-го курса вошелъ въ ту комнату, гдѣ я занимался, я какъ разъ въ это время имѣлъ на предметномъ стеклѣ такъ называемый дондерса разрывъ соединительной ткани. Препаратъ мнѣ очень удался и я предложилъ моему знакомому посмотреть въ мой микроскопъ. Онъ посмотрѣлъ и, уходя обратно въ залу, у самыхъ дверей, якобы обращаясь къ своимъ товарищамъ, а въ дѣйствительности имѣя въ виду меня, сказалъ: на 2-мъ только еще курсѣ, а изъ-за дондерсаленты не видятъ ничего, что происходитъ вокругъ. После этого я въ этотъ день больше не могъ заниматься, пришелъ домой взволнованный и сконфуженный. Мнѣ казалось, что всякій студентъ, при встрѣчѣ со мной, то же самое думаетъ обо мнѣ. Мнѣ казалось что въ глазахъ постороннихъ я такой же чужакъ, каковымъ былъ въ моихъ глазахъ Груберъ, когда однажды, показывая мнѣ, какъ нужно отпрепарировать вена *superfena*, обозвалъ дуракомъ солдата за то, что тотъ, не зная направленіе этой вены, не умѣлъ выжать кровь изъ вены и теръ тряпку совсмѣ не тамъ, гдѣ проходила эта вена. Когда Груберъ сказалъ: дуракъ, не знаетъ, гдѣ вена *superfena*, и самъ, взявши тряпку, сталъ вытирать, я удаленно переводилъ свои глаза съ Грубера на солдата и обратно и думалъ про себя: неужели же Груберъ находится въ невѣдѣніи, что русскіе крестьяне, поставлявшие исключительно солдата до 74-го года въ Россіи, анатомію не изучаютъ. Прошу у читателя извиненія за это отступленіе. Я имѣлъ въ виду, упомянувъ здѣсь объ этомъ эпизодѣ, показать читателю, въ какой мѣрѣ въ глазахъ студенчества того времени царили общественные вопросы, если студентъ медикъ 3-го курса ставитъ ихъ на первомъ планѣ, а затѣмъ уже науки его спеціальности. Такъ я жилъ 2 года въ борьбѣ съ самимъ собой: я хотѣлъ окончить курсъ, а меня втягивало общественное теченіе. Въ такомъ душевномъ равновѣсіи я перешелъ на третій курсъ. Въ одно время утромъ, когда я собирался въ академию, приходитъ ко мнѣ Петръ Петровичъ Воскресенскій и говоритъ мнѣ, что одинъ нелегальный нуждается въ ночлегѣ, и что пока будетъ ему подыскана болѣе безопасная квартира, нельзя ли будетъ ему сегодня переночевать у меня въ комнатѣ. Въ это время я жилъ на Нижегородской улицѣ, недалеко отъ академіи, въ компаніи астраханцевъ. Я указалъ мою комнату П. П.—чу, прибавивъ, что иду на лекцію, и что въ случаѣ раньше, чѣмъ я возвращусь, онъ приведетъ его, то пусть занимаетъ вотъ эту мою комнату. Я совершенно не ожидалъ, какой сюрпризъ ждалъ меня и отправился, куда собрался раньше. Возвратившись вечеромъ, я увидѣлъ на моей кровати спящихъ моего товарища по духовному училищу Емельянова, известнаго публикѣ подлѣ фамиліей Боголюбова, того самаго Боголюбова, надъ которымъ варварски надругался въ домѣ предварительнаго заключенія Треповъ. Этого Алешу Емельянова, из-

вѣстнаго подлѣ именемъ овцы въ духовномъ училищѣ за его кротость, я не видѣлъ дѣтъ 6-ты. Мы вмѣстѣ были въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ, онъ въ Новочеркасскѣ же и остался, а я перешелъ въ духовную семинарію въ Екатеринославѣ. Изъ его разсказа о времени, въ которое мы другъ друга не видали, я узналъ, что онъ, по окончаніи духовной семинаріи, поступилъ въ харьковскій ветеринарный институтъ и аскортъ же по поступленіи бросилъ его и отправился въ народъ. Прошелъ въ качествѣ рабочаго изъ Ростова на Дону до Калача, прошелъ по Волгѣ, былъ на Кавказѣ. Разсказалъ мнѣ много сценъ изъ своихъ столкновеній съ народомъ во время его путешествія. Предо мной стоялъ теперь уже совсмѣ не тотъ Алеша, которого я зналъ въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ. Явился же сейчасъ онъ въ Петербургъ изъ Воронежской губерніи, Новохоперскаго уѣзда, деревни Пески, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Мозговымъ велъ не безъ успѣха пропаганду. Но нагрянули жандармы, и онъ, Андречикъ, какъ онъ назывался въ революціонной средѣ, воспользовался услугами крестьянъ и бѣжалъ, а Мозговой, служившій въ Пескахъ въ качествѣ волостного писаря, не желая переходить въ нелегальное положеніе и надѣясь на то, что найденныя при арестѣ нѣкоторыя книжки—вполнѣ легальныя, — которыя они читали крестьянамъ, не столь важное преступленіе, не захотѣлъ скрыться изъ Песковъ и за свое довѣріе теперь сидѣлъ въ тюрьмѣ. Многие въ эту ночь мы съ Андречикомъ переговаривали, переговаривали по душѣ, какъ старые товарищи, такъ нечаяно другъ съ другомъ вновь встрѣтившіеся. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ и въ это дѣло отправится на Волгу, приглашалъ и меня туда же. Но я все еще не рѣшался окончательно разрѣшить гамлетовское быть или не быть. Мнѣ все еще жалъ было разстаться съ моими мечтами окончить курсъ медико-хирургической академіи, но, съ другой стороны, я ясно понималъ, что я не могу оставаться простымъ свидѣтелемъ того общественнаго призыва въ народъ, который звучалъ среди лучшей молодежи того времени. Я все еще думалъ совмѣстить общественную мою дѣятельность съ желаніемъ продолжать мои занятія по академіи, все еще думалъ поймать двухъ зайцевъ. Лѣто 75 года съ раздвоенной душой я провелъ въ домѣ отца въ деревнѣ, гдѣ усленно занимался химіей и гистологіей, и въ то же время предо мной неотвязно стоялъ вопросъ: какъ же быть мнѣ дальше съ вопросами, которые все настойчивѣй требовали отъ меня отвѣта на нихъ. У меня прожилъ съ недѣлю въ это же дѣло Андречикъ и Валерьянъ Осинскій. Валерьянъ Андречикъ Осинскій тоже рвался въ народъ, но удерживало его другое, чѣмъ меня. Онъ въ это время былъ секретаремъ городской ростовской управы и не могъ бросить этого мѣста потому, что образовавшійся въ Ростовѣ кружокъ считалъ его болѣе полезнымъ для дѣла на мѣстѣ секретаря, чѣмъ въ народѣ. По окончаніи каникулъ я возвратился въ Петербургъ довольно поздно. Въ Петербургѣ еще продолжала существовать квартира на Большой Дворянской улицѣ. Характеръ ее продолжалъ оставаться тѣмъ же. Она въ этомъ году сдѣлалась узломъ нѣсколькихъ революціонныхъ группъ молодежи. Сюда тянулись: такъ называемый центръ, представляемый котораго были Марія Николаевна Ошанина и Марія Васильевна Ливрова, стоявшая за программу

дѣтельности Ткачева и извѣстныя среди революціонеровъ подъ названіемъ ткачевцевъ или набатчиковъ; такъ называемая группа Владкина, или бунтари, затѣмъ молодая группа студентовъ университета, во главѣ которой были Георгій Преображенскій и Леонид Булановъ. Этотъ моментъ въ моей жизни былъ моментомъ, если не переломомъ, то надломомъ. Правда, я еще числился въ числѣ студентовъ академіи, но группа, въ которой я состоялъ членомъ, имѣла уже многихъ изъ своихъ членовъ, работающихъ въ народѣ и состояла къ нимъ въ обязательномъ дѣловыхъ отношеніяхъ. Въ народѣ были: Андреевъ, Титъ, Гартманъ, Бжковцевъ, Медвѣдевъ, и нашей обязанностью было доставлять имъ денежныя средства, литературу и пр., и если кто-либо изъ нихъ прѣзжалъ по какому-либо дѣлу въ Петербургъ, то поступалъ въ качества жильца къ намъ. Мы же всѣ, оставшіеся еще въ Петербургѣ, готовились къ предстоящей намъ революціонной дѣятельности. Съ этой цѣлью у насъ была устроена на Петербургской сторонѣ столярная мастерская, гдѣ мы учились работать, и куда по воскресеньямъ приходилъ знакомый столяръ-рабочій учить насъ этому ремеслу. Наша же группа устроила въ Колпино на артельныхъ началахъ изъ Колпинскихъ рабочихъ слесарную мастерскую, съ цѣлью занятій съ рабочими. Руководилъ этими занятіями въ Колпино съ рабочими я. Я знакомилъ рабочихъ съ экономическимъ учениемъ Маркса. Для этой цѣли я переселился въ Колпино и помѣстился въ семьѣ старика кузнеца, сынъ котораго Ефимъ былъ однимъ изъ рабочихъ основанной нами мастерской. Съ первыми главами Капитала Маркса я знакомилъ ихъ по компіляціи Капитала Мостамъ, но большой, но хорошо написанной примѣнительно къ пониманію рабочаго книжкѣ. Переводилъ для меня эту книжку Мурашкинцевъ. Вторую же половину Капитала Маркса, которая не облечена въ метафизическую оболочку, рабочіе легко понимали и при чтеніи въ подлинникъ. Я прожилъ съ этой цѣлью въ Колпинѣ, начиная съ первыхъ чиселъ ноября, вплоть до апрѣля. Весной вся наша компания рѣшила отправиться въ народъ. Нужно сказать читателю, что время конца 75 года и начала 76 было временемъ разочарованія въ тѣхъ надеждахъ, съ которыми революціонная молодежь двинулась въ народъ. Выработанная теоретически, на основѣ социалистическихъ принциповъ программа, безъ всякаго отношенія къ тому, что представляла жизнь, потерпѣла крушеніе. Въ лучшемъ случаѣ, удавалось только завоевывать симпатіи деревни; но надежды на то, что пропаганда вызоветъ деревенскій народъ на активную борьбу или, по крайней мѣрѣ, вдохнетъ въ крестьянство вѣру въ то, что такая борьба дастъ плодотворные результаты,—такія надежды не оправдались. Крестьянъ слушалъ революціонеръ точно такъ же, какъ онъ слушаетъ батюшку, проповѣдывающаго ему о царствѣ небесномъ, и послѣ прослушанной проповѣди, какъ только переходилъ порогъ церкви, жилъ точно такъ же, какъ онъ жилъ и до проповѣди. Многие побывавшіе въ народѣ вынесли на этотъ счетъ такое убѣжденіе. Мнѣ рассказывалъ, напр., Осипъ Васильевичъ Алтекиндъ о своей пропагандѣ въ деревнѣ, гдѣ онъ былъ фельдшеромъ—вотъ что по этому поводу. «Собрались, говорилъ О. В. какъ-то въ воскресенье ко мнѣ въ избу разъ крестьяне,

я и началъ держать къ нимъ рѣчь. Всѣ слушали меня, какъ мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, съ большимъ интересомъ. Я подкупилъ такимъ вниманіемъ къ тому, что я говорилъ, все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ и энергіей говорилъ имъ о плачевномъ положеніи людей труда, говорилъ о томъ, что все, чѣмъ живетъ Россія, всѣ богатства ея результатъ мозолистыхъ рукъ русскаго рабочаго, что всѣ остальные сословія—дворянство, духовенство и вообще всѣ правящіе люди и купечество—живутъ на счетъ рабочихъ и крестьянъ. Затѣмъ нарисовалъ предъ ними картину будущаго строя на социалистическихъ началахъ. Все это слушалось съ большимъ вниманіемъ. Кончили, всѣ вздохнули умиленно. Я въ восторгѣ, что произвелъ должное впечатлѣніе. Но зато какъ же былъ и огорченъ, когда послѣ непродолжительнаго молчанія одинъ почтенный старикъ, очень, на видъ, симпатичный, котораго я къ тому же недавно вызволилъ отъ лихорадки и который, мнѣ казалось, слушалъ съ особеннымъ напряженіемъ вниманія, сказалъ мнѣ: умный ты человекъ, О. В., скажи же, пожалуйста, а что будетъ на томъ свѣтѣ? Тутъ я понялъ, сказала мнѣ О. В., съ горечью понялъ, каковы результаты мой пламенной рѣчи! Не выдержалъ я характера и съ сердцемъ отбѣдилъ ему: какой тебѣ еще тотъ свѣтъ понадобился,—довольно тебѣ и этого, чтобъ не думать еще о другомъ такомъ же!» Возвратившіеся изъ народа пионеры съ такими впечатлѣніями стали уже говорить о пересмотрѣ и измѣненіи программы соответственно указаніямъ опыта. Въ это время появлялись и на нашей квартирѣ побывавшіе въ народѣ и уже критически относившіеся къ прежней программѣ. Здѣсь я въ первый разъ встрѣтилъ Александра Дмитріевича Михайлова, С. А. Харизоменова, Ив. Ф. Фесенко, помимо людей нашего кружка, стоявшихъ тоже за пересмотръ программы; и вотъ они-то и были первыми ласточками новой весны, повѣявшей среди революціонеровъ. Они первые поставили на очередь въ революціонной средѣ Петербурга такіе вопросы, отвѣты на которые дали въ результатъ программу Земли и Воли, принятую въ 76 году большинствомъ тогдашней молодежи. Мы, второе наслоеніе революціонной почвы, создавали свои взгляды на дѣятельность, руководясь тѣми коррективами, которые вынесли изъ опыта первые пионеры въ народѣ. Мы видѣли разочаровавшихся нашихъ предшественниковъ въ народѣ, но разочарованіе это было здоровымъ разочарованіемъ. Они разочаровались въ средствахъ борьбы, необходимость же борьбы съ поработавшимъ народомъ правительствомъ стояла внѣ сомнѣнія и мы, собиравшіеся въ народъ по стопамъ нашихъ предшественниковъ, шли туда не съ ослышанными порывами, а наоборотъ, съ революціонной энергіей, если позволительно такъ выразиться, повшенной сравнительно съ прошлымъ. Помню, въ это самое время въ первый разъ на нашей квартирѣ появились Бараниковъ и Рогозовъ еще въ мундирахъ юнкеровъ Павловскаго училища. Не помню хорошо, по какому поводу у насъ въ квартирѣ собралась многолюдная сходка, чуть ли не по поводу возникшей полемики между Лаповымъ и Ткачевымъ, появленіе брошюры Ткачева очень взбудоражило революціонные круги, хотя адептовъ приобрѣло ему мало. Впускалъ по билетамъ на сходку я.

Открываю двери, и предо мной два сильных и мускулистых молодика человека, которые сначала, при первой встрече в дверях, нисколько меня смутили, ибо я подумал — жандармы, — но сейчас же, получив от них билет на вход, признал в них юнкеров Павловского училища и впустил. Это было в первый раз, что Бараников появился на радикальной сходке, а мѣсяц спустя онъ сложил на Невѣ у проруби всѣ свои военные доспѣхи, умерши для русской солдатчины, воскрес для революціоннаго дѣла подъ именемъ Семена. Этотъ моментъ въ нашемъ революціонномъ движеніи, пожалуй, нужно отмѣтить какъ моментъ особенно повышеннаго революціоннаго напряженія. Не зная на то, что въ это время готовился процессъ 193-хъ и что динувшийся въ народъ первый призывъ революціонеровъ почти весь былъ брошенъ въ тюрьмы, мы отъ той призывъ, еще съ большой энергіей рвали въ народъ. Для характеристики этого момента я забуду немного впередъ и расскажу, съ какой энергіей и съ какиимъ пренебреженіемъ къ риску своей судьбой относились явившіеся изъ Питера въ Ростовъ тѣ, которые шли на смѣну томившимся въ тюрьмахъ. Мы въ Ростовѣ жили въ квартирѣ Лва Николаевича Гартмана, служившаго тогда въ Азовско-Донскомъ коммерческомъ банкѣ. Отсюда человекъ пять отпразднись на базаръ, чтобы купить крестьянскій костюмъ, переодѣвшись въ который отправлялись въ народъ. Позно въ числѣ отпразднившихся на базаръ были Бараниковъ и Хотинскій. Являются въ даву еврея, торговца крестьянскимъ хламомъ и ни мало не стѣсняясь, снимаютъ ботинки и брюки и примѣряютъ шаравары, коты и пр. Конечно, такіе необычные покупатели подобныхъ продуктовъ російской промышленности не мало удивили продавца еврея и онъ сталъ дѣлиться своими впечатленіями съ своимъ сосѣдомъ, продавцемъ такихъ же товаровъ на еврейскомъ жаргонѣ. «Посмотри, посмотри-ка, какая у него на головѣ шапка! Зачѣмъ ему лапти? — что ты думаешь?». «А зачѣмъ мнѣ думать, зачѣмъ тебѣ знать, на что ему лапти? Онъ покупаетъ, ты продаешь, что тебѣ еще нужно!...». Среди покупателей былъ еврей Хотинскій, который понималъ, какое удивленіе они вызвали у торговцевъ евреевъ. Покупатели нисколько не смущались тѣмъ, что о нихъ могутъ подумать, купили, что имъ было нужно, сложили въ мѣшокъ и отправились опять къ Гартману, гдѣ переодѣвшись въ купленный костюмъ отправились пѣши въ качествѣ косарей на работы въ Мелитопольскій уѣздъ. Мелитопольскій уѣздъ былъ однимъ изъ пунктовъ пропаганды. Брату студента Хотинскаго, содержащему почту между Мелитополемъ и Бердянскомъ было поручено застѣть 10 десятинъ земли, уборку которыхъ мы намѣревались произвести сами съ цѣлью научиться земледѣльческимъ работамъ. Организацию этихъ работъ взяла на себя Быковцевъ. Мелитопольская группа земледѣльцевъ состояла исключительно изъ мужчинъ. Другая же группа, состоявшая изъ мужскаго и женскаго персонала, отправлялась на работы въ Ростовскій уѣздъ, гдѣ взялся руководить этимъ дѣломъ мой братъ Илья Поповъ. Весной 76 года я отправился въ Харьковъ, гдѣ долженъ былъ застѣть Быковцева, откуда, переодѣвшись соотвѣтственно, вмѣстѣ съ Быковцевымъ отправиться въ Мелитополь, чтобы поступить въ качествѣ яв-

щика на службу къ брату Хотинскаго до времени уборки хлѣба и зачѣмъ вызвать группу лицъ, согласившихся убирать хлѣбъ и нанять ихъ, якобы на работы къ Хотинскому. Прибѣжавъ въ Харьковъ, я не засталъ тамъ Быковцева, — онъ почему то долженъ былъ поспѣшить на мѣсто предполагаемыхъ работъ, — но въ Харьковѣ онъ оставилъ для меня адресъ и наставленіе, какъ его найти въ Мелитополь. Наставленіе было такое: прибѣжавъ въ Мелитополь, найти тамъ домашняго учителя въ одномъ еврейскомъ семействѣ и онъ уже сведетъ меня съ Быковцевымъ. Съ небольшимъ запасомъ денегъ, достаточнымъ лишь на проѣздъ и харчи и съ паспортомъ въ карманѣ на имя крестьянина Павленко, я отправился въ Мелитополь. Нашелъ домъ по примѣтамъ, которыми меня снабдили въ Харьковѣ, вошелъ въ этотъ домъ, поворотилъ направо въ первую дверь и вошелъ въ предполагаемую комнату учителя. Но въ комнатѣ не оказалось никого. Бросившаяся мнѣ въ глаза этажерка съ книгами и единственная койка, убѣдили меня въ томъ, что я не ошибся и попалъ именно въ комнату учителя. Расположился и сталъ ждать прихода учителя, — думаю себѣ, куда-нибудь ушелъ временно. Какъ же я былъ удрученъ, когда чрезъ какихъ-нибудь полчаса, вошла въ комнату, гдѣ я сидѣлъ въ ожиданіи учителя, дама, очевидно хозяйка дома и на мой вопросъ, — куда ли я попалъ и могу ли надѣяться увидѣть учителя такого то, отвѣтила мнѣ, что это дѣйствительно комната репетитора моихъ тѣтокъ, но такъ какъ онъ тоже еврей и у нихъ, евреевъ теперь праздникъ пасха, то онъ уѣхалъ въ Бердянскъ и проживетъ тамъ дней нѣсколько, а можетъ быть и всю недѣлю. Положеніе мое было безвыходное. Въ моемъ карманѣ только и было какихъ-нибудь рубль съ копейками, да фальшивый паспортъ. Очевидно безвыходность моего положенія такъ ясно отразилась на моемъ лицѣ, что дама легко прочтала это и сказала: но это нисколько не мѣшаетъ вамъ расположиться въ комнатѣ нашего репетитора и подождать его прибѣда. Ничего другого мнѣ не оставалось въ моемъ положеніи и я воспользовался предложеніемъ неизвестной мнѣ дамы, поблагодарилъ ее и заявилъ, что я такъ и сдѣлаю, ибо ѣхать, думаю я, въ Бердянскъ съ рискомъ и тамъ также его не застѣть, перспектива еще болѣе непріятная, чѣмъ та, въ которой я сейчасъ нахожусь. Такимъ образомъ я расположился въ домѣ людей мнѣ совершенно неизвестныхъ, съ небольшимъ запасомъ денегъ. Жду день — другой, не замѣчая, что дѣлается вокругъ, волнуясь тѣмъ, а что какъ этотъ учитель проживетъ въ самомъ дѣлѣ всѣ дни праздника въ Бердянскѣ, а быть можетъ, по какому дѣлаю и еще куда уѣдетъ, — что мнѣ дѣлать? Между тѣмъ моя хозяйка вошла въ мое положеніе и принимала мѣры вывести меня изъ него. Къ счастью моему Хотинскій, по пути изъ Петербурга въ Ростовъ, забѣжалъ къ себѣ домой, въ Мелитополь. Хозяйка моя, родственница его, сообщила ему о своемъ неожиданномъ гостѣ и вотъ Хотинскій и вызволилъ меня изъ бѣды. Но это случилось два дня спустя послѣ моего прибѣда въ Мелитополь. До этого же времени, я чувствовалъ себя такъ, какъ чувствовалъ потомъ, когда меня арестовали въ Киевѣ въ первые дни. Всталъ я утромъ на другой день по прибѣду и, помня хорошо, что всякій человекъ асташи пить чай или, по крайней мѣрѣ,

завтракает, я обратился къ кухаркѣ, русской, довольно суровой по-жилой, женщинѣ и попросилъ ее купить мнѣ молока и хлѣба къ завтраку и въ отвѣтъ на просьбу получилъ довольно не любезный отвѣтъ, что этого здѣсь нельзя, такъ какъ у евреевъ во время этого праздника никакого хлѣба въ комнату вносить не полагается и что въ эти дни въ еврейскомъ домѣ ничего не дозволяется кушать, кромѣ мацы. Хорошо еще, что кухарка на мою просьбу отвѣтила громко, такъ что ея хозяйка слышала ея отказъ въ моей просьбѣ и сказала изъ своей комнаты: «ничего Алена,—купи что нужно,» а то, пожалуй бы, пришлось идти завтракать на базаръ, ибо гостиница была мнѣ не по карману. Словомъ, мой первый дебютъ въ народѣ, былъ первымъ блиномъ комомъ. Наконецъ души моей терзанія кончились. Явился ко мнѣ Хотинскій, призналъ во мнѣ товарища по дѣлу, снабдилъ деньгами и успокоилъ меня, сказавъ, что здѣсь я могу спокойно себѣ жить пока не явится Быковцевъ, который, вѣроятно, на дняхъ будетъ здѣсь и что я долженъ искать его у амбаровъ, гдѣ онъ обыкновенно пребываетъ, когда появляется въ Мелитополь. Послѣ этого я сдѣлалъ настоящимъ гостемъ въ этомъ домѣ, гдѣ до сихъ поръ былъ подлѣ коммуніемъ не то другъ, не то врагъ учителя. Откровенно говоря, думалъ обо мнѣ на двое: то ли я радикалъ такой же, какъ ея учитель и Хотинскій, или, быть можетъ, шпюнъ и по меньшей мѣрѣ, человекъ подлежащій удостовѣренію его личности. Съ момента же удостовѣренія моей личности ко мнѣ по временамъ заходила въ комнату моя хозяйка, приглашала обѣдать и чай пить. Дѣти же ея, Анюта и мальчикъ Саша, постоянно вертѣлись у меня въ комнатѣ. Теперь ужъ и хозяева знали, кого мнѣ нужно, не потому, конечно, что Хотинскій сообщалъ ей, что мнѣ нужно у амбаровъ для ссыпки хлѣба встрѣтить Быковцева, а потому, что я только и зналъ дорогу отъ амбаровъ къ дому, гдѣ я жилъ, и обратно. Почтито, почитаю какую-нибудь изъ книжекъ, взятыхъ съ этажерки, и пройду къ амбарамъ, присматриваясь, нѣтъ ли среди рабочихъ Быковцева. Приходилось заниматься этимъ въ продолженіе дня нѣсколько разъ и немурено, что хозяйка моя поняла, что я съ кѣмъ то жау встрѣти у амбаровъ. На четвертый день моего пребыванія въ Мелитополь, не успѣвъ еще умыться, какъ вбѣгаетъ ко мнѣ Анюта и дукаво говоритъ мнѣ: «тамъ подъ амбаромъ какой то человекъ дежится, а Саша боится его,—я говорю ему: зачѣмъ боиться, можетъ быть, ему кого-нибудь нужно видѣть!» Я вышелъ и въ этотъ разъ нашелъ Быковцева. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ пойдетъ за городъ къ кладбищу, и просилъ, чтобъ я съ Хотинскимъ пришелъ къ нему туда же. Здѣсь, на кладбищѣ, еще одна неожиданность, граничащая съ неудачей, постигла меня. Я ѣхалъ въ Мелитополь занять мѣсто ящика, какъ мы о томъ условились съ Быковцевымъ, а здѣсь узнаю, что онъ предложилъ мѣсто ящика Бранднеру или, какъ онъ извѣстенъ былъ у насъ, Нѣвцу, и что мнѣ поэтому тоже нужно отправляться въ Ростовъ и оттуда уже ко времени уборки хлѣба придти вмѣстѣ съ компаніей, найти Бранднера или его Быковцева и наняться на работу къ Хотинскому. Мнѣ ничего не оставалось, какъ возвратиться вмѣстѣ съ Хотинскимъ въ Ростовъ, гдѣ я уже засталъ въ

сборъ компанію собирающуюся на работы въ Мелитополь, о сборѣ которой я уже сказалъ выше. Я во второй разъ уже не попалъ въ Мелитополь, ибо захватилъ гдѣ-то лихорадку и отправился въ свою семью лечиться. Знаю только, что работы въ Мелитополь сошли благополучно. Были конечно шереховатости, но скорѣе коммиссого, чѣмъ трагическаго характера. Напримеръ, мнѣ рассказывали, что крестьяне домали голову надъ тѣмъ, что за люди эти Богъ вѣстъ откуда взявшіеся косари, очевидно въ первый разъ въ жизни взявшіе въ руки косу и грабли? Кромѣ того, такъ какъ задачей этой работающей компаніи на полѣ близъ Мелитополя было лишь научиться сельскимъ работамъ, подъ руководствомъ такихъ людей, какъ Быковцевъ, съ дѣтства знакомый съ этимъ трудомъ, то она не считала нужнымъ симулировать заправскихъ рабочихъ и не заставляла себя выходить на работы одновременно съ выходомъ на работы по содѣйствію работающихъ настоящихъ рабочихъ и послѣ немногихъ первыхъ дней работы съ особымъ рвеніемъ, не сообразивъ, что имъ, какъ не привычнымъ къ физическому труду, не такъ-то легко дается трудъ съ косою подъ горячимъ солнцемъ юга, быстро спасовали, въ особенности, послѣ того, какъ иронизировалъ Быковцевъ, когда одинъ изъ косцовъ, Иванъ Левитскій, на предложеніе вставать на работы заявилъ: ей-ей не могу, у меня ровно ребро зашло за ребро, такъ болятъ спина и правый бокъ. Вотъ это все вмѣстѣ взятое:—и поздній выходъ на работу, около 8 часовъ, когда ужъ настоящие рабочіе идутъ завтракать, и все другое, что работающую интеллигенцію у Энгельгарда въ Батишевѣ дало поводъ крестьянамъ называть тонкоными, все это, говорю, вмѣстѣ взятое заставляло и соседнихъ крестьянъ опредѣлить,—къ какой категоріи рабочихъ отнести земледѣльцевъ на мелитопольскомъ полѣ, неслѣдомо откуда то взявшихся и, говорятъ, что сосѣди крестьяне рѣшили: «шо то, мабудъ, заграничны вермени», т. е. заграничные армяне. Совсѣмъ не такъ гладко сошла затѣя научиться земледѣльческимъ работамъ ростовской компаніи, гдѣ организаторомъ работъ былъ мой братъ Илья, осужденный потомъ по процессу демонстраціи на Казанской площади въ ссылку въ Сибирь. Дѣло началось съ того, что эти земледѣльцы смутили становаго пристава. Приѣхалъ онъ къ моему отцу и велеть съ нимъ такую рѣчь за рюмкой сантуринскаго, я же, лежа въ сосѣдней комнатѣ въ лихорадкѣ, и слушаю: «скажите мнѣ, батюшка, началъ становой, ну я понимаю, говорятъ, графиня Воронцова своими руками и копала, и попола, словомъ занималась чернымъ трудомъ, это, я понимаю, дѣлала она для спасенія души,—скажемъ такъ: богоугоднымъ дѣломъ занимались. Ну а вотъ у Ильи Родіоновича работаютъ въ полѣ студенты и дѣвцы какія-то,—это чѣмъ объяснить?»—«Какіе же какіе-то, возражаетъ становой отецъ, тамъ работаетъ и моя дочь, товарири ея по гимнази, студенты—товарищи сына Ильи и имъ знакомыя студентки, и я не понимаю, что вась увидишь, Іосифъ Васильевичъ? Для меня ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Я даже, смотря на нихъ, радости, думаю, пусть себѣ поработаютъ на сѣвѣжъ воздухъ, запасаются на зиму силами. Въдъ въ Петербургъ то въ сырыхъ квартирахъ здоровья не наживешь, ну,

и пусть наш благодатный юг освѣжить ихъ здоровье». «Нѣтъ, отецъ Родионъ, это не то. Вотъ отправлюсь я туда самъ, возьму Косу и пусть ка они отъ пѣтуховъ до пѣтуховъ потянутъ за мной,—не бось скоро бросиди бы».—«А вы, Иосифъ Васильевичъ, когда-нибудь косиди?»—спрашиваетъ становой отецъ. «Нѣтъ, не приходилось, да ужъ ради этого понатужился бы», отвѣтил становой.—«Ну, такъ я вамъ, Иосифъ Васильевичъ, не совѣтую, ибо не только отъ зари до зари, какъ поютъ студенты наши, а и одну ручку (рядъ захватываемый косой въ одинъ разъ на разстоянн десятины воль или поперекъ, смотря, какъ идуть косца) не одолѣть вамъ».—Такую рѣчь вель съ моимъ отцомъ становой. И такъ какъ становой не договаривалъ до конца, то со-стороны и выходило, что они говорили на разныхъ языкахъ. Не предубѣжденному человѣку, каковымъ былъ мой отецъ, просто казалось, что становой находилъ трудъ земледѣльческой не подходящимъ для учащейся молодежи, отецъ же мой не соглашался съ нимъ и только. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Изъ среды работающихъ студентки Богомаза, Конолапа, двѣ сестры Товбицы и Бутенко, занимали въ нашей деревнѣ крестьянскую избу, гдѣ и жили. Въ одно время когда барышни были въ полѣ, приходитъ къ ихъ хозяйкѣ по всѣмъ признакамъ гороховое пальто изъ Ростова и проситъ хозяйку, пока придетъ поѣздъ изъ Владикавказа въ Ростовъ, налить его чаемъ. Хозяйка отвѣчаетъ, что у нея самовара своего нѣтъ, а самоваромъ барышень она не смѣетъ безъ ихъ позволенія распорядиться. На это таинственный человѣкъ говоритъ ей, что въ сущности ему не такъ чай нуженъ, какъ онъ желалъ бы познакомиться съ барышнями, и что, если бы она, бабушка, помогла ему познакомиться съ ними, то онъ бы ее щедро отблагодарилъ. Тутъ ужъ, очевидно, произошло qui pro quo. Строгая бабушка, не подозревая истинныхъ намѣренн горохового пальто, и заподозрѣвъ его въ иныхъ видахъ на любимыхъ ею барышень, заговорила и инымъ языкомъ. «Отправляйся,—сказала старуха,—виткиль пришовъ, бо я тобі такихъ барышень покажу, шо ты не втрапишь куди й тикать». И вооруженная скалкой, которой она что-то дѣлала въ это время, подступила къ нему и еще разъ подтвердила, чтобъ онъ убирался. «Це не таки барышни, як ты думаешь свой скарпидной головою». «Да, я знаю бабушка, что это не такіе барышни»,... началъ было увѣрять старуху таинственный посѣтитель, но старуха его прервала и сказала: «а знаешь, такъ тобі лучше. Иди собі виткиль пришовъ, покинь я не посчитала тобі ребра». Оказалось и новый подходъ не удался смущенному начальству появленіемъ на полѣ студентовъ и студентокъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе становилось яснымъ, что начальство не въ шутку заходило около необычныхъ рабочихъ на полѣ, близъ деревни Самарска. Въ одно время приходитъ еще одна старуха, поле семьи которой было сосѣднимъ съ полемъ, гдѣ работали наши студенты и студентки, и говорить отцу: «не знаю, батюшка, съ чего и начать, зачѣмъ я пришла къ вамъ!»—И рассказываетъ, что къ нимъ приходилъ какой-то солдатъ наниматься на работу. Стали они ладиться съ сыномъ, сказала старуха, а солдатъ и говорить, что онъ собственно не работы ищетъ, а такъ, чтобъ ему только прожить

у нихъ. Чѣмъ дальше говорилъ солдатъ, тѣмъ, по словамъ старухи, становилось яснымъ, что ему нужно было бы понаблюдать за людьми, работающими на батюшкиномъ полѣ, не дѣлать ли они фальшивыхъ денегъ? «Такъ то винъ сказавъ моему сыну, батюшка! Синь мій, правда, сказавъ ему,—чѣмъ вы жъ таки не знаемо Родионичей, шобъ такъ про нихъ говорить? А винъ такъ таки и сказавъ: въ томъ то и діло, шо въ ихъ не знаете.» Поговорила я съ сыномъ и кажу собі: хоть по всему видно, шо тутъ якась брехня, бо мы-жъ бачимъ и все то у насъ на глазахъ,—а все жъ, думаю, треба сказать батюшки, бо потомъ, чего оборонъ боже, якъ диho стрѣтается, батюшка не выговоривъ бы намъ: бачъ знали, а не сказали мені!» Въ концѣ концовъ, вѣроятно, убѣдившись въ томъ, что всякіе аллюры ни къ чему не приводятъ, начальство рѣшило дѣйствовать напрямикъ. Братъ Гартмана, начальникъ телеграфной конторы въ Новочеркасскѣ, сообщилъ намимъ въ Ростовѣ о томъ, что между управлениями ростовскимъ жандармскимъ и донскимъ воинскимъ идуть переговоры о необходимости произвести обыскъ у сына священника, работающаго на землѣ принадлежащей Войску Донскому. Тогда г. Ростовъ былъ уѣзднымъ городомъ Екатеринославской губернии. Деревня наша находилась въ Ростовскомъ уѣздѣ, земля же на которой работали братья съ компаніей взята была въ аренду у казака донской области. Вотъ почему и понадобились эти переговоры между ростовскимъ жандармскимъ управленіемъ и воинскимъ управленіемъ Земли Войска Донского.—Я все еще былъ боленъ и находился въ домѣ моего отца. Вдругъ вижу къ дому подъѣзжаетъ извозничья пролетка,—что-то необычайное, ибо Самарскъ находится въ 35 верстахъ отъ Ростова по Владикавказской желѣзной дорогѣ и къ тому въ самой деревнѣ станція. Прѣхальщ Осипичъ, ведшій въ это время дѣла среди ростовскихъ рабочихъ, и говорить, что прѣхальщ на извозчикѣ, чтобъ предупредить объ обыскѣ, ибо, можетъ быть, съ 6-ти часовымъ поѣздомъ нагнрутъ жандармы и нужно все компрометирующее припрятать. А вѣдь въ наше время прѣдлѣя недозволенного были широки. Сюда входили и рѣчи Лассалля и Капиталь Маркса, не говорю ужъ о политической экономн Милля съ примѣчаними Чернышевскаго и многое другое. Обладатели всего этого смѣло могли рассчитывать на нѣсколько лѣтъ каторги. Пошелъ я съ сестрой на злуполучную квартиру необычныхъ самарскихъ жильцовъ и все въ этомъ родѣ, что тамъ оказалось, припрятали мы въ болѣе безопасное мѣсто. Затѣмъ отправилъ гонца съ письмомъ къ брату на поле, посоветовалъ нашимъ рабочимъ не возвращаться въ Самарскъ, а прямо отпрянуться пароходомъ въ Таганрогъ и по желѣз. дорогѣ оттуда, кто куда желаетъ. Съ 6-ти часовымъ поѣздомъ на Владикавказъ изъ Ростова прибыли въ Самарскъ жандармы во главѣ съ начальникомъ ростовскаго жандармскаго управленія, но ихъ появленіе въ Самарскъ обнаружилось лишь въ томъ, что они выкупились въ купальнѣ, принадлежащей служащимъ желѣзной дороги и дальше этого они не пошли. Утромъ на другой день я отправился на станцію въ надеждѣ что либо узнать тамъ о намѣреннхъ жандармовъ. Идти на станцію нужно было мимо дома моей тетки. Поравнявшись съ домомъ моей тетки, я увидѣлъ ее

на крыльцъ подымавшую знакомъ руки подойти къ ней. Подхожу и она начинаетъ съ того, что говоритъ: «Знаешь, вѣдъ наихтъ барышень арестовали». Это было почти невѣроятнымъ и я спросилъ ее, откуда она знаетъ объ этомъ. Она рассказала мнѣ слѣдующее: Приходила комѣ старуха Тыркалка, у которой по случаю ремонта желѣзно-дорожной станціи квартировала временно начальникъ станціи и сказала мнѣ такъ: «Пришелъ, говоритъ, мой баринъ, ходитъ по комнатамъ и одно: ахъ, Боже мой, ахъ, Боже мой! Я и спрашиваю у него,—что то вы такъ, баринъ, убиваете его? А онъ и сказываетъ, что тѣхъ барышень, что работали у Иды Родонионой на полѣ, арестовали. За что-жъ то ихъ, баринъ, арестовали,—спрашиваетъ Тыркалка. А за то отвѣтилъ ей начальникъ станціи, что онѣ читали книжки, гдѣ про вѣсть, крестьянъ написано. Отто-жъ! Чи вжешь, баринъ, про насъ и въ книжкахъ писать нельзя, спрашиваетъ старуха. Выходитъ, значитъ, бабушка, что нельзя. Какъ это ни казалось страннымъ, такъ какъ посланный въ поле привезъ письмо, что всѣ кромя Александры Дмитриевны Товбичъ ухѣли въ Тагарогъ, тѣмъ не менѣе фактъ на лицо,—свидѣтельство начальника станціи. Отправляюсь на станцію и узнаю отъ начальника станціи, что о станціи Степной, Владикавказской желѣзной дороги, дѣйствительно, по словамъ кондукторовъ отправлены въ отдѣльномъ вагонѣ арестованныя наши работницы подъ строгимъ секретомъ въ Ростовъ и что на нашей станціи ни въ вагонѣ, ни близко подойти къ вагону никому не позволялось. Возвратившаяся съ поля А. Д. Товбичъ тоже сообщила, что что-то сенсационное произошло на полѣ около станціи Степной, но что это, по всѣмъ вѣроятности, не имѣетъ никакого отношенія къ нашимъ, ибо наши ухѣли въ совершенно противоположномъ направленіи. Оставалось одно—пождать дальнѣйшихъ свѣдѣній. И вотъ на другой день прошелъ такой слухъ: прѣхавшіе жандармы, узнавъ о томъ, что интересующіе ихъ земледѣльцы въ полѣ, рѣшили арестовать ихъ на мѣстѣ преступленія. Наши дамы на работы не особенно переряжались и только замяли шляпы платками, повязывая ихъ такъ, какъ повязываютъ дочкини. Это обстоятельство и ввело жандармовъ въ заблужденіе. Они мѣсто нигилистовъ-пропагандистовъ, за которыми они охотились, арестовали шедшихъ на работу 4 дѣвушекъ казачекъ, что обнаружилось уже въ Ростовѣ, такъ какъ дѣвушки были изъ станціи Елизаветинской, находящейся въ 30 верстахъ отъ Ростова, откуда и были вызваны ихъ отцы, чтобъ удостовѣрить, что онѣ дѣйствительно казачки, какъ они сообщили при ихъ арестѣ, а не пропагандистки, поселившіяся въ Самарскѣ и работавшія на полѣ брата. Вѣсть объ этомъ дошла и до насъ въ Самарскѣ и конечно послужила предметомъ для толковъ объ этомъ и вполнѣ заслуженнаго смѣха надъ такою непростительной для жандармовъ ошибкой. Но все же продолжатъ работы на полѣ, конечно, было невозможно и компанія разлѣхалась, въ томъ числѣ и мой братъ, организаторъ и работы уже заканчивалъ мой второй братъ безъ всякаго соблазна для жандармовъ, ибо работали уже настояще рабоче, а не студентки и студентъ, явившіеся изъ Петербурга. Остался только я одинъ, все еще не избавившійся отъ лихораки. Въ концѣ дѣла меня больно поѣтили Осинскій и Андренчъ. Въ этотъ годъ

Осинскій тоже покидалъ Ростовъ, изъ котораго, какъ я уже говорилъ онъ давно рвался, но ему все еще мы не совѣтовали бросать мѣсто секретаря въ ростовской городской управѣ. Ибо при помощи его можно было во всякое время помѣстить въ городскую управу человека изъ нашей революціонной среды. Его положеніе какъ секретаря городской управы было совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе секретаря какой-либо другой городской управы. Семья Осинскихъ среди дворянства Ростовскаго уѣзда занимала видное мѣсто и, благодаря этому, его рекомендація, была рекомендаціею не только секретаря управы. Въ Ростовской управѣ многие изъ состава служащихъ въ это время сочувственно относились къ революціонному движенію. Городскимъ головою былъ въ это время Кривошеинъ, тотъ Кривошеинъ, который потомъ какими-то судьбами попалъ въ министры путей сообщенія, Судя по словамъ Осинскаго, Кривошеинъ былъ далеко не умный человекъ, такъ что мнѣ было странно узнать въ Шлиссельбургѣ, что онъ достигъ портфеля министра; но, какъ сказалъ нашъ знаменитый Шедринъ, что русскій человекъ среди жандармовъ—жандармъ, среди либераловъ—либераль, то и Кривошеинъ, по словамъ Осинскаго,—правда ироническимъ словамъ,—любилъ похвалиться, что не даромъ же онъ учился гдѣ то въ Парижѣ и, конечно, вполнѣ понимаетъ и до нѣкоторой степени сочувствуетъ стремленіямъ современной молодежи, если эти стремленія не переходятъ изъ вѣстныхъ предѣловъ. Каковы эти предѣлы, это можно судить опять-таки, по той ироніи, съ какой Осинскій передавалъ мнѣ о разговорѣ его съ председателемъ земской управы С., что было бы не дурно назвать заграничный конституціонный органъ и что въ Ростовѣ нашлись бы люди тому сочувствующіе,—причемъ указывая на и Кривошеина раздѣляющаго такое мнѣніе, которые бы дали на это и денежныя средства, но само собой понятно, еслибъ рискъ такого предпріятія изыалъ бы на себя кто-нибудь другой а не С. и раздѣляющае его мнѣніе люди. Дошло до жандармскихъ ушей, что, пользуясь покровительствомъ Осинскаго въ управѣ пріоритетъ неблагонадежные элементы. Понятно Кривошеинъ, хотъ и съ реверансами, заявилъ Осинскому, что онъ, какъ представитель города, допустить этого не можетъ, а какъ, хорошій знакомый Осинскаго, совѣтовалъ Осинскому покинуть совсѣмъ Ростовъ. Такимъ образомъ Осинскій могъ свободно располагать собой и вотъ онъ, Андренчъ и я собрались въ домъ моего отца и обсуждали тѣ коррективы къ старой программѣ дѣятельности, какіе по указанію опыта должны быть сдѣланы. Вопросъ о пересмотрѣ программы все больше и больше занималъ умъ лишь освободительнаго движенія нашего времени. Уже въ эту осень совработавъ въ Петербургѣ представители отдѣльныхъ кружковъ опредѣлили формулировали основныя положенія, которыя вошли въ программу «Земли и Воли». Въ 1877 году съѣздъ революціонеровъ въ Петербургъ былъ ранній, сравнительно съ предшущими годами. Съѣхались пересмотрѣть старую программу и на основаніи опыта выработать новую. До сего времени существовали отдѣльные, независящіе одинъ отъ другого кружки, теперь же большинство революціонныхъ дѣятелей стремились къ тому, чтобъ создать организацию, которая объединила бы разрозненные кружки: полѣ од-

нимъ знаменемъ. Кружокъ бывшихъ Чайковцевъ и кружокъ безъ опредѣленнаго названія, но имѣвшій своихъ представителей во многихъ мѣстахъ провинціи, напр., въ одномъ Ростовѣ были его представителями: Гартманъ, Осинскій, Андреевъ, Матвѣичъ, Титычъ и пр., послужили главными составными элементами организаціи «Земли и Воли». Старая программа, рекомендовавшая проповѣдь принципъвъ социализма въ деревнѣ, замѣнена была программой протестовъ на почвѣ жизненныхъ интересовъ деревни. Задачей представителей организаціи было отыскивать въ народѣ протестующіе элементы и на почвѣ, создающей эти элементы, призывать народъ къ активной борьбѣ. Собразно теоретической программѣ, программа практическая основателями организаціи въ общіхъ штрихахъ была намѣчена въ такомъ видѣ. Организація «Земли и Воли», состоитъ изъ группы народниковъ, которые должны были селиться въ районахъ Россіи, на которые наиболее можно было надѣяться, что они дадутъ протестующіе элементы или въ силу исторической традиціи, какъ Волга, Донъ, Уралъ, или на почвѣ сектанства. Вотъ почему послѣ того, какъ была закончена организація «Земли и Воли», представители народнической группы организаціи двинулись для поселенія на Волгу, гдѣ центромъ былъ Саратовъ, и на Донъ, гдѣ центральнымъ пунктомъ былъ Ростовъ. Вторая группа организаціи «Земли и Воли» называлась группой дезорганизаторовъ, носящей характеръ летучей группы организаціи. Ея задачей была дезорганизація правительства. Въ протестахъ, возникшихъ на почвѣ аграрныхъ или правовыхъ насилій надъ деревенскимъ населеніемъ, дезорганизаторы должны были являться мстителями особенно усердствующихъ администраторовъ. Во главѣ организаціи стоялъ основной кружокъ, изъ членовъ котораго избиралось бюро въ количествѣ 3-хъ человекъ. Членами основного кружка стали тѣ, кто непосредственно участвовалъ въ выработкѣ программы, а затѣмъ большинствомъ членовъ основного кружка, по предложенію одного изъ нихъ или нѣсколькихъ, принимались въ основной кружокъ новые его члены. Бюро распоряжалось денежными средствами организаціи, на его обязанности лежало сносіться со всеми поселившимися въ народѣ и съ дезорганизаторской группой. Въ каждой образованной вновь группѣ въ провинціи долженъ былъ быть одинъ изъ членовъ основного кружка, такъ же точно и въ группѣ дезорганизаторовъ. Съ ними и сносілось центральное бюро организаціи. Послѣ того, какъ организація «Земли и Воли» была болѣе или менѣе закончена, основанымъ кружкомъ было рѣшено объявить во всеобщее свѣдѣніе о народившейся вновь организаціи «Земли и Воли» демонстраціей на какой нибудь изъ площадей города Петербурга. Въ мое пребываніе въ Петербургѣ сдѣлано было дѣя посылки въ этомъ направленіи. Было объявлено среди учащейся молодежи и среди петербургскихъ рабочихъ о демонстраціи на площади Исаакиевскаго Собора, куда приглашались на какой то молебень или панихиду. Въ одинъ день тамъ подъ такимъ предлогомъ собралась молодежь, но, кажется, въ виду того, что рабочихъ явилось на площадьъ менѣе, чѣмъ рассчитывали организаторы демонстраціи, собравшаяся молодежь разошлась, и демонстрація была отложена. То же повторилось и еще разъ. Вскорѣ потомъ

я былъ командированъ въ Астрахань, гдѣ въ это время проживалъ въ виду раздѣла наслѣдства нѣкто Мартынъ Герасимовичъ Гостинцевъ, обещавшій уделить кое что изъ полученнаго имъ наслѣдства на дѣло нашей организаціи. Въ Астрахани въ это время проживали принадлежавшіе къ организаціи «Земли и Воли» Бараниковъ, извѣстный подъ именемъ Семена и Медвѣдевъ или Матвѣичъ. Я нѣсколько останюлюсь здѣсь на личности Бараникова и скажу нѣсколько словъ о немъ съ того времени, какъ онъ прямо изъ Павловскаго училища отправился въ народъ, — это послужитъ матеріаломъ для характеристики Бараникова. Бараниковъ съ мелитопольской фермы, гдѣ онъ былъ тоже въ числѣ «якихъ-то заграничныхъ верменъ» отправился въ Ростовъ на Дону. Здѣсь я видѣлъ его вмѣстѣ съ Быковцевымъ за Дономъ, въ такъ называемомъ по-мѣстному займищѣ (мѣсто, заливаемое въ разливы Дона) у амбаровъ моекъ, гдѣ Бараниковъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣревается наняться на рыбныя доли въ станицѣ Елисаветинской, Земли Войска Донскаго; это было приблизительно въ концѣ іюля. Въ концѣ ноября я встрѣтилъ его вновь въ Астрахани. Нужно помнитъ читателю, что приблизительно въ декабрѣ или январѣ 76 года Бараниковъ въ первый разъ появился на сходкѣ на Большой Дворянской улицѣ. Молодой человекъ изъ богатой дворянской семьи, онъ прямо безъ всякихъ переходовъ и подготовки ринулся въ народъ. Говорятъ, что когда онъ въ первый разъ въ качествѣ рабочаго въ Мелитополь нашелъ въ своей рубашкѣ швей, то былъ крайне удивленъ, увидѣвъ бѣлыхъ блохъ и только отъ своихъ товарищей, работавшихъ тамъ вмѣстѣ съ нимъ узналъ, что это вѣшь, а не блохи. Выйдя на свиданіе за Донъ съ Быковцевымъ и Бараниковымъ, я увидѣлъ такую сцену: Быковцевъ убила змѣю и, взявъ ее за хвостъ бѣгалъ за Бараниковымъ, который удиралъ отъ него во все лапчатки, что называется, не въ состояніи побороть свою брезгливость къ змѣѣ. На вопросъ мой: что это за препровожденіе времени? Быковцевъ, смѣясь, отвѣтилъ: «подготавливаю его въ народъ. Бойтся змѣи, что за народникъ изъ него!» И вотъ этотъ баричъ, не умѣвшій отличить вши отъ блохи и брезгавшій змѣей, занимается въ рыбаки въ забродъ, какъ говорятъ на Дону. Онъ расказывалъ мнѣ о своей роли въ качествѣ рыбака въ Астрахани при встрѣчѣ вотъ что. «Сѣли мы нѣсколько человекъ на баркасѣ подъ предводительствомъ хозяина казака ѣхать забрасывать неводъ. Дали и мнѣ два весла, но такъ какъ я отроду въ первый разъ взялъ ихъ въ руки, то понято какъ-то я былъ въ качествѣ грѣба на баркасѣ. Хозяинъ самой настоящей русской руганью обругалъ меня и назначилъ меня работникомъ около лошадей. Взялся я за лошадей. Велитъ хозяинъ запрещъ лошадей. Иду, беру хомутъ, надѣваю его клемами къ груди лошади, ужъ я и такъ и этакъ, говорилъ Бараниковъ поворачивалъ хомутъ на шеѣ лошади, но шлеи никакъ не поддавъ подъ хвостъ, — коротка думаю. Такъ я провозился долго, но безуспѣшно. Жалѣю-жалѣю мой хозяинъ, приходитъ, видитъ мои тщетныя усилія и со словами: гдѣ ты родился и гдѣ тебя крестили, что и хомута не умѣешь надѣть на лошадь сталь запрятать самъ. Несмотря на то, что я объяснилъ ему свое неумѣнье запрещъ лошадь тѣмъ, что, моль, у насъ ѣздятъ на воллахъ, тѣмъ не

менше хозяинь расчиталъ меня». Послѣ такой неудачи въ качествѣ рыбаки, онъ, кажется, вмѣстѣ съ Андреемъ отправился вверхъ по Дону до Калача, а оттуда въ Царицынъ и такимъ образомъ очутился въ Астрахани. Въ Астрахани нанялся въ кузнечную мастерскую въ качествѣ молотобойца, къ какому-то Смирнову, какъ теперь помню. Ну тутъ его вызволила его атлетическая фигура и хозяинъ дорожилъ имъ. Но Боже, что представляло его тѣло, когда онъ по субботамъ вечеромъ приходилъ на квартиру и пересѣдался на воскресные въ чистое бѣлье. Все тѣло было изборозжено продольными и поперечными кровавыми струями. Это такъ его донимали въ кузницѣ вши,—рабочие въ числѣ 12 человекъ спали въ комнатѣ при кузницѣ, гдѣ, по словамъ Баранникова, вши кишѣли кишмя, какъ говорится. Тѣло молодое, выхоленное и вотъ вши и набросились на него. Тѣмъ не менше онъ чувствовалъ себя именинникомъ, что наконецъ то онъ сдѣлался заправскимъ рабочимъ. Пишу, вспоминая,—какую суровую школу прошелъ Баранниковъ и не могу не сказать здѣсь же, что много было героическихъ натуръ въ движеніи 70 хъ годовъ, но по героизму съ Баранниковымъ не могу никого сравнить. Покончить денежныя дѣла съ М. Г. Гостинцевымъ и договорившись съ нимъ, что по окончаніи дѣла о наследствѣ, онъ переѣдетъ въ Ростовъ на-Дону, мнѣ ничего не оставалось дѣлать въ Астрахани и къ тому же нужно было ѣхать въ Питеръ, чтобъ осадомитъ бюро о томъ, въ какомъ положеніи дѣло съ наследствомъ принадлежавшаго къ основному кружку М. Г. Въ это время Матвѣичъ и крестьянинъ Нижегородской губерніи, служившій въ Астрахани капелъдиректоръ въ театрѣ, собирались на родину Ефима (имя капелъдинера) въ Макарьевскій уѣздъ. Задумали они ѣхать такъ: купить пару саней и пару лошадей и на однѣ сани нагрести рыбу, а на другія ѣхать самими. Я рѣшилъ ѣхать съ ними. Отецъ Ефима, человекъ свѣдущій въ покупкѣ лошадей, купилъ пару лошадей и пару саней и мы отправились вверхъ по Волгѣ по дяду въ качествѣ астраханскихъ приказчиковъ, отправляющихся на родину и захватившихъ съ собой на родину изъ Астрахани рыбы. Я съ ними ѣхалъ только до Царицына, а они въ Макарьевскій уѣздъ на родину Ефима. Путешествіе это было въ высшей степени поучительно. Мы пристали къ одному обозу съ рыбой и ѣхали такимъ образомъ въ обществѣ крестьянъ-извозчиковъ. Пропаганду насчетъ земли и воли вели не стѣсняясь, ибо наше положеніе приказчиковъ было въ высшей степени благодарно. Извозчики относились къ намъ, какъ къ людямъ болѣе ихъ свѣдущимъ въ томъ, что дѣлается въ Россіи, съ полнымъ довѣріемъ. На кормежкѣ лошадей и на ночлегахъ тоже встрѣтили благодарную почу. Не знаю какъ теперь, но въ то время на разстояніи пути отъ Астрахани до Царицына, общество крестьянъ тѣхъ деревень, что мы проѣхали не позволяли у себя открывать постоянные дворы частнымъ лицамъ, а извозчики поочереди забѣжали во дворы крестьянъ. Бывало подъѣзжаешь къ деревнѣ и десяткіе разводятъ по дворамъ извозчиковъ. Такимъ образомъ, мы и на ночлегахъ бывали въ кругу крестьянъ. Въ первый разъ въ деревнѣ Соляное Озеро я читалъ въ крестьянской избѣ «Хитрую Механику». Злойбы днѣ въ деревнѣ въ это время былъ недавно введенный налогъ на соль, чѣмъ

деревня была возмущена, ибо добыча соли была воспрещена, почему насъ и слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, понимали безъ всякихъ разъясненій и вполнѣ соглашались съ авторомъ, что правительство дѣйствительно подвело хитрую механику. Въ этотъ же разъ въ Астрахани были заведены сношенія съ деревней Никольское, Царевскаго уѣзда, въ которой, судя по газетамъ, въ началѣ сентября этого года были волненія. Въ это время деревня Никольское вела войну съ только что введеннымъ закономъ о рыбныхъ ловляхъ и крестьяне вступали въ активную борьбу съ надзирателями рыбныхъ ловлей. Былъ случай въ наше пребываніе въ Астрахани такой: надзиратель во главѣ объѣзчиковъ калмыковъ на запретномъ пространствѣ водъ захватилъ сѣти крестьянъ дер. Никольской. Въ деревнѣ ударили въ набатъ и крестьяне бросились выручать своего односельчанина. Догнавъ сани, на которыхъ увозили сѣти и поверхъ которыхъ сидѣлъ надзиратель, они опрокинули сани съ сѣтями и такимъ образомъ задушили подъ сѣтями надзирателя. Интересно было при этомъ поведеніе объѣзчиковъ калмыковъ. Когда они увидѣли, что грозитъ бѣда и имъ, они сказали надзирателю, —«ну теперь, баринъ, ты самъ, какъ знаешь!» и съ этими словами разбѣжались. Съ этой же деревни въ это время снаржался ходокъ съ прошеніемъ объ отбѣгѣ тяжелого для крестьянъ закона о рыбныхъ ловляхъ. Мы свели знакомство съ этимъ ходокомъ и, по приглашенію его, намѣревались поселиться около этой деревни въ качествѣ дѣсныхъ объѣзчиковъ, что и обещали намъ устроить знакомый намъ и сочувствующій дѣлу революціонеровъ губернской дѣлсничій въ Астраханской губерніи. Интересно была наша встреча съ этимъ ходокомъ. Встрѣча состоялась въ квартирѣ дѣлсничего ж. Мы собрались и идемъ. Приходить почтенный старикъ крестьянинъ, поздоровались мы съ нимъ, онъ расказалъ намъ, что происходило сейчасъ въ рыбномъ комитетѣ, гдѣ онъ состоялъ членомъ отъ крестьянъ. «Прямо говоря,—говорилъ онъ,—намъ тамъ слова сказать не дають! Началъ говорить, а мнѣ сейчасъ ты, говорить, помни, что ты не въ кабацъ пришелъ и всякихъ глупостей не расказывай! Это то мнѣ говорить, который не помню, былъ ли когда въ кабацъ, развѣ можетъ быть въ молодые мои годы. У меня не водка на умѣ, а какъ помочь міру,—вотъ что у меня на умѣ. Былъ какъ-то разъ у губернатора тоже все потому же, что намъ никакъ нельзя жить съ этими рыбными законами, а онъ вмѣсто того, чтобъ облегченіе какое намъ положить по закону, сталъ лаять и грозилъ въ тюрьму посадить, если буду смущать крестьянъ». Между прочимъ увидѣлъ этотъ ходокъ на стѣнѣ портретъ Шевченко и, вѣроятно, его вниманіе привлекъ костюмъ, въ которомъ снятъ Шевченко, похожий на костюмъ крестьянскій. Спрашиваетъ,—кто такой это старикъ? Мы отрекомендовали ему Шевченка, какъ ходока отъ малороссійскихъ крестьянъ, который былъ за это посланъ въ царствование Николая. «Вотъ оно то правда къ чему приводить», сказалъ онъ. На наше предостереженіе, что и съ нимъ также могутъ поступить, онъ отвѣтилъ: «слушай, но я ужъ не отступлюсь, разъ взялся. Ужъ тамъ что будетъ, а ужъ я рѣшился, забралъ руки мирныя, надо идти до конца. А что будетъ, Господу будетъ извѣстно и пускаяй онъ, Господь насъ и рассудить».—Деревня

Никольское вполне представляла почву для той деятельности, к которой призывала программа «Земля и Воля», но пока такое дело было еще не по силам нашей молодой организации. Там же не меньше я бхалъ въ Петербургъ съ предложениемъ направить поселене въ Царевскій уездъ Астраханской губернии, имѣя въ виду главнымъ образомъ Андреича (Боголобова) который, по мнѣнію моему, только и могъ взяться за организацию такого дѣла. Оно было ему и по характеру, да онъ и гораздо больше былъ опытенъ въ веденіи дѣлъ съ крестьянствомъ, умѣлъ говорить съ ними. Но пріѣзжаю въ Питеръ и узнаю, что на-дняхъ только произошло демонстрація на Казанской площади и что брать мой и Андреичъ были арестованы по дѣлу этой демонстраціи. Считаю нужнымъ сказать здѣсь, что Боголобовъ не участвовалъ въ демонстраціи хотя и былъ приговоренъ за участіе въ ней къ 15 годамъ каторги. Рѣшено было членами основного кружка, что лица, исполняющія опредѣленные функціи по организации, на площади не должны были выходить. Андреичъ, во избѣжаніе соблазна, въ часъ опредѣленные для демонстраціи, занятъ былъ другимъ, именно, онъ въ это время отправился учиться стрѣлять въ тиръ. Возвращаясь оттуда на одномъ изъ улововъ Невскаго проспекта, послѣ того какъ на Казанской площади все успокоилось, онъ сталъ распрашивать о томъ, что произошло на Казанской площади сегодня и въ это время по указанію кого то изъ толпы послышавшихъ, былъ арестованъ, револьверъ найденный при немъ, послужилъ достаточной уликой противъ личности задержаннаго. Точно также и мой братъ, не долженъ былъ участвовать въ демонстраціи. Андреичъ и мой братъ затѣвали что-то въ родѣ Ключочникова при секретномъ отдѣленіи. Насколько это я знаю со словъ жены брата, Александрѣ Дмитриевнѣ, братъ ходилъ къ Колюшкину и предлагалъ ему свои услуги въ качествѣ агента, но, вѣроятно, это сдѣлано было такъ неумѣло, что, когда при арестѣ мой братъ заявилъ себя агентомъ секретнаго отдѣленія и, отказавшись отъ дальнейшихъ разъясненій своей личности, сослался на то, что дальнейшее разъясненіе могутъ поучить о немъ въ секретномъ отдѣленіи, то этотъ маневръ со стороны брата послужилъ лишь тому, что далъ время его женѣ убрать съ квартиры паспортный столъ, организуемый имъ съ Андренчемъ, Колюшкинъ же далъ о немъ такой отзывъ: дѣйствительно къ нему заходилъ студентъ Художественной академіи и предлагалъ ему свои услуги, далъ нѣсколько, оказавшихся по проверкѣ ложными, сообщеній и я пришелъ къ заключенію, что Поповъ ведетъ себя въ этомъ отношеніи неискренно и отнесся къ нему съ недоверіемъ. Вышелъ же мой братъ вмѣстѣ съ своей женой на Невскій, чтобы въ качествѣ гуляющаго видѣть своими глазами происходящее на Казанской площади, но не выдержалъ и бросился въ толпу помогать демонстрантамъ въ свалкѣ происшедшей между ними и полиціей. Изъ Петербурга, куда я явился изъ Астрахани, чтобы предложить поселене близъ деревни Никольской, пришлось отправиться въ Ростовъ, чтобы сообщить въ семьѣ объ арестѣ брата, отправить въ Петербургъ для свиданій съ братомъ мать и самому остаться въ Ростовѣ, чтобы замѣнить собой роль Осинскаго по отношенію къ работавшимъ въ Ростовѣ среди рабочихъ. Но мнѣ

пришлось вновь отправиться въ Петербургъ, не помню сейчасъ почему, на короткое время. Побывавъ на процессѣ такъ называемомъ 50-ти, который произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ на этотъ годъ я оставался въ Ростовѣ вмѣстѣ съ Титычемъ, представителями организации «Земля и Воля». Въ Ростовѣ въ это время дѣло съ рабочими было поставлено очень хорошо. У насъ было знакомство среди рабочихъ и въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги и на заводахъ Грагама и Фронштейна. Кромѣ того мы имѣли въ своей мѣстной ростовской организациі нѣсколько человекъ изъ плотничьей артели и среди приказчиковъ. Въ Ростова наша же организация вела дѣло на Грушевскихъ шахтахъ. На заводѣ Грагама вся почти администрація оказывала намъ услуги по пропагандѣ среди рабочихъ этого завода. Вообще революціонеры въ Ростовѣ сравнительно съ другими провинціальными городами находились въ очень хорошихъ условіяхъ. Помню пріѣхалъ въ Ростовъ Александръ Васильевичъ Сентянинъ и прямо со студенческой скамьи настойчиво выражалъ желаніе поступить на заводъ рабочимъ. Отправился я къ управляющему заводомъ Грагама переговорить съ нимъ, нельзя ли хоть бесплатно помѣстить на заводѣ одного студента въ качествѣ рабочего, при чемъ не скрывать отъ него, что въ работѣ онъ столько же знаетъ, сколько всякій студентъ. Управляющій сказалъ на это, — «значитъ же бесплатно, пусть Грагамъ оплачиваетъ пропаганду среди его рабочихъ» и помѣстилъ Сентянина съ платой въ день полтора рубля. Среди населенія предмѣстья Ростова Темерники, среди служащихъ на заводѣ и приказчиковъ торговыхъ заведеній мы были очень популярны. Разъ сидимъ мы съ Титычемъ у меня на квартирѣ, открываемъ дверь и подъ предводительствомъ одного изъ знакомыхъ въ торговомъ мѣрѣ входитъ три новыяхъ. Поздоровались, сѣли. Одинъ изъ вновь пришедшихъ обращается со словами къ намъ, что вотъ, моль, пришли поучаться и ужъ будьте такъ добры, не откажите. На первыхъ порахъ имъ были даже сконфужены такимъ лестнымъ мнѣніемъ о насъ сложившемся въ этой средѣ и только ихъ искренность и ихъ неподдельное желаніе познакомиться съ социалистическимъ ученіемъ изгладило первое впечатлѣніе нечеловѣчности. Мы были въ достаточной степени популярны въ такой средѣ, въ которой мы и не думали, что о насъ что-либо знаютъ. Существовала, какъ я уже говорилъ у насъ квартира специально для пріѣзжающихъ въ Ростовъ, чтобы отсюда, переодѣвшись отправляться въ народъ. Вотъ однажды, когда въ рядъ на полу лежало человѣкъ 5 въ крестьянскомъ платьѣ, входитъ хозяйка, домъ который мы нанимали подъ квартиру, и, обратившись къ Быковцеву, подаетъ ему повѣстку о полученіи на ее имя денегъ въ почтовой конторѣ и проситъ написать на ней, что предьявительница дѣйствительно то лицо. «А то платить не хотѣлось бы, посянать хозяйка, а вотъ вы напишите, а ужъ въ полиціи засвидѣтельствуемъ и все тутъ». Быковцевъ, притворяясь изъ себя заправскаго крестьянина, сказалъ ей, что онъ неграмотный и писать не умѣетъ. «Ну, вотъ не умѣете, кто-жъ тогда и умѣетъ писать, если вы не умѣете». Быковцевъ смущенный такимъ мнѣніемъ о немъ, сталъ увѣрять хозяйку, что онъ простой человѣкъ и совершенно безгра-

мютный. Но хозяйка въ свою очередь говорить ему: «ну, будетъ вамъ, напишите, пожалуйста, развѣ я не знаю кто вы такіе! И каково же наше было смущеніе, когда на вопросъ Быковцева,—кто же мы, по ея мнѣнію, мѣшанка города Ростова, наша хозяйка, сказала ему: «вы пропагандисты!» Ничего другого не оставалось дѣлать послѣ этого Быковцеву, какъ достать спрятанную отъ постороннихъ глаза чернилицу и исполнить просьбу хозяйки. Повторилось подобное же и на другой квартирѣ, гдѣ Титычъ, Севастьянъ Ильешенко, крестьянинъ, судившійся потомъ вмѣстѣ со мной въ Киевѣ, и Хотинскій жили въ качествѣ сапожниковъ и гдѣ въ ихъ сапожной мастерской собирались сходки рабочихъ. Квартира эта помѣщалась на Казанской улицѣ, переименованной теперь въ Пушкинскую. Собрались мы какъ-то разъ на сходку; Титычъ читалъ лекцію имѣя,—рабочіе собрались довольно, привелъ нашъ дѣдушка, Журавлевъ, и плотниковъ своей артели. Дѣло было дѣтвомъ а потому оука, выходявшія на улицу были открыты. Послѣ лекціи велись общія бесѣды. Поглощенные въ бесѣдахъ интересомъ дѣла, мы забыли о всякихъ предосторожностяхъ и не стѣнялись въ бесѣдахъ тѣмъ или другимъ словомъ, которое въ присутствіи постороннихъ не произносилось обыкновенно. Входитъ хозяйнѣ дома, въ которомъ происходили сходки и говоритъ: «а вотъ я пришелъ васъ пожурить, господа!»—За что?—спрашиваемъ.—«Да какъ же собрались, громко говорить и окна открыли на улицу,—сказалъ хозяйнѣ.—На бѣду подслушаетъ какой-нибудь проходящій полицейскій, вотъ и цѣлуйтесь тогда съ нимъ». Конечно мы стали увѣрять хозяйна, что боѣться намъ некого и не за что, мы люди законные, имѣемъ паспорта, живемъ, никого не обижаемъ, а зарабатываемъ сами себѣ на хлѣбъ. «Ну полно, полно, господа,—отвѣтилъ намъ хозяйнѣ на наши увѣренія въ нашей законности,—отвѣчать-то есть за что, какъ проношаетъ полиція, да жандармы! Я пришелъ по-сосѣдски дать совѣтъ, быть осторожнѣй! А затѣмъ извиняюсь и прошу принять и меня въ гости и послушать о чѣмъ у васъ рѣчь,—вѣдь такой же и я рабочей человѣкъ!» Съ этого дня у жильцовъ съ хозяевами установились дружескія отношенія и, какъ потомъ ниже читатель увидитъ, хозяева помогли одному, изъ своихъ жильцовъ избѣжать жандармскихъ рукъ. Въ Ростовѣ въ это время мы представляли достаточную силу, чтобъ даже вступать въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ 77 году шла война за освобожденіе болгаръ. Въ ростовскомъ театрѣ по поводу этого стали послѣ спектакля пѣть «Боже Царя», причѣмъ публика стояла съ открытыми головами и, хочешь—не хочешь, слушала. Сдѣлай это разъ-два, быть можетъ, это и прошло бы себѣ, а некоторые, вѣроятно, и съ удовольствіемъ прослушали, но вѣдь у насъ въ Россіи мѣры не знаютъ вообще, а если еще при этомъ и начальству это нравится, то тогда ужъ подавно. Такъ было и въ этотъ разъ: пропѣли разъ, другой и наконецъ безпрѣдельно. Среди публики стали проявляться признаки неудовольствія, по поводу прибѣгающаго уже къ день одного и того же «Боже Царя». Среди радикальной публики изъ рабочаго міра и приказчиковъ состоялось рѣшеніе положить конецъ этой безцеремонно навязываемой обязанности всякій день вслушиваться одно и то же. Собрались мы въ дѣтнемъ саду въ театрѣ и

только музыка заиграла, какъ поднялся топотъ и крикъ «камаринскаго! камаринскаго!» Оркестръ сначала немного поупорствовалъ, но нужно полагать и ему это занятіе безпрѣдельно надоело и онъ остановился. А когда публика ободренная первой побѣдой еще больше подняла шумъ и крики: камаринскаго, камаринскаго!,—то и камаринскаго сыграли. Послѣ этого патріотическое ханжество было снято съ очереди дня. На Темерникѣ, рабочемъ центрѣ города Ростова, у насъ было много знакомствъ не только съ мужскимъ, но и женскимъ персоналомъ. Это между прочимъ очень интересно отмѣтить здѣсь. Разъ рабочіе поставили намъ на видъ, что вотъ, молъ, мы мужчины и читаемъ, и съ нами и занятія ведутся, а наши жены стоятъ въ сторонѣ,—придешь домой, хотѣлось бы подѣлиться съ женой своими мыслями,—начнешь это, она: «а что я тамъ знаю!» Вишь вотъ въ тамъ собираетесь, читаете, а мы только одно и знаемъ сварить вамъ обѣдъ, да дѣтей нянчить! «Вы бы,—стали просить рабочіе,—подыскали женщину, которая занималась съ нашими женами». За это дѣло взялась двѣ дамы: Аптеканъ, городская акушерка и нѣкая Нина, не помню ее фамилію по отцу,—жена Новицкаго, извѣстнаго въ революціонномъ мірѣ подъ именемъ Митрошки. Но особенно крупной фигурой среди нашихъ знакомыхъ въ мірѣ рабочихъ былъ дѣдушка. Не помню, кто его отыскалъ гдѣ-то на базарѣ, кажется Гартманъ. По профессіи этотъ почтенный старикъ Журавлевъ былъ плотникъ. До знакомства съ нами онъ отыскивалъ правую вѣру, а потомъ сдѣлалъ социалистомъ. Вѣру въ православную церковь, по его словамъ, у него поколебало слѣдующее обстоятельство. Онъ былъ крѣпостнымъ помѣщика, на сестрѣ его хотѣлъ жениться крестьянинъ ихъ деревни, его другъ, почему-то на бракъ друга съ его сестрой не соглашался его помѣщикъ. Онъ и его другъ бѣжали отъ помѣщика въ надеждѣ, пристроившись гдѣ-нибудь, выписать сестру и пожениться вопреки помѣщику. Но вотъ въ дорогѣ его другъ умираетъ. Журавлевъ говорилъ, что онъ съ своимъ другомъ жилъ душа въ душу и, когда другъ его умеръ, онъ хотѣлъ его похоронить не такъ какъ обыкновенно хоронятъ бродячій людъ, т. е. снести на кладбище, зарыть, а потомъ при случаѣ батюшка запечатаетъ, какъ говорятъ. Ему хотѣлось похоронить друга по всѣмъ правиламъ православной церкви. Но оказалось, что для этого одного желанія еще не достаточно,—нужно еще имѣть деньги. А денегъ то у Журавлева было всего на всего 3 руб. Нуженъ былъ гробъ, вѣнчикъ, свѣчи, да самому Журавлеву нужно было сколько-нибудь имѣть по записъ. «Просиль я, просиль этого попа, рассказывалъ Журавлевъ,—онъ все свое дай 3 рубля, похоронимъ, какъ ты хочешь, а нѣтъ снеси на кладбище, въ воскресенье отпою и запечатаю. Бился, бился, просиль его такъ, нѣтъ онъ свое да и только. Снесъ я его сердечнаго, зарылъ и закопалъ въ землю. Больно это стало моему сердцу, повѣствовалъ Журавлевъ,—и сталъ я это думать: какъ же это такъ, богатаго вонъ какъ хоронятъ, а бѣднаго просто закапываютъ какъ какую-нибудь паллу! Долго я думалъ надъ этимъ: неужели церковь наша есть ложь? Не ѣмъ, не пью, такъ вотъ ровно гвоздь кто въ голову мнѣ вколотилъ,—томить меня эта мысль, да только. Почитай дня три такъ

это было со мной, выпытывал я, значить, мысль мою и вот на меня нашло просвѣтленіе и съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, что черковъ наша есть ложь». Съ тѣхъ поръ Журавлевъ все искалъ правой вѣры. Былъ онъ и въ Турціи у некрасовцевъ, и на Кавказѣ, и на Волгѣ. «Посмотришь это,—говорилъ Журавлевъ—сначала какъ будто вѣра и хорошая, справедливая, а больше приглядишься и опять что-нибудь покажется не какъ бы нужно было, не такъ какъ требуютъ душа моя и опять я пошелъ себѣ въ другое мѣсто.—все нишу, думаю, есть же гдѣ-нибудь настоящая, правая вѣра». Журавлевъ былъ не только идейный человѣкъ, но и въ высшей степени идеально нравственная натура. Его впечатлительную душу волновало то, мимо чего обыкновенные люди не замѣчая проходили. На Пасху, помню, приходилъ Журавлевъ къ намъ въ гости, но вмѣсто праздничнаго вида, лицо его было взволнованное, грустное и, похристовавшись съ нами, онъ печально началъ. «Посмотришь это, и думаешь: люди—тѣ же звѣри! Сейчасъ вотъ, идучи къ вамъ, вижу,—грызутся двѣ собаки и мальчикъ науськиваетъ. Выскакиваетъ потомъ изъ воротъ человѣкъ уже взрослый и чтобы сказать парнишкѣ хорошими словами, онъ облаяетъ его всякими скверными словами, схватилъ за вихры... Тифу! думаю себѣ: собаки грызутся и люди, глядя на нихъ, тѣмъ же слабымъ! Ничѣмъ не лучше по мнѣ, зтотъ человѣкъ собаки». Бѣсѣды для Журавлева на собраніяхъ рабочихъ были лучшей духовной пищей и только, когда эти бѣсѣды принимали очень бурный характеръ, онъ нѣсколько бывалъ уроченъ и обращался къ публикѣ съ просьбой говорить мирно, по хорошему. Въ это время среди интеллигентныхъ питерскихъ рабочихъ образовался кружокъ, который проповѣдовалъ, что рабочіе сами должны взять свое дѣло въ руки, что руководство интеллигенціи рабочими явленіе ненормальное и нужно, чтобы интеллигенція, какъ пришедшая въ рабочую среду инвизъ и незнакомая этой средѣ, играла бы въ этой средѣ не руководящую, а посредствующую роль: доставляла бы рабочей средѣ образовательныя средства и средства материальныя, а организационныя работы и руководство рабочими—это дѣло самихъ ужъ рабочихъ. Изъ членовъ этого кружка прибылъ нѣкто Бачинъ и въ Ростовъ съ тѣмъ, чтобы познакомиться Ростовскихъ рабочихъ съ своей программой. Обратился онъ къ намъ, чтобы мы познакомили его съ рабочими, дабы онъ могъ изложить имъ свою программу. Мы собрали сходку, на которой Бачинъ и выступилъ съ критикой ненормальнаго положенія въ рабочей средѣ интеллигенціи. Бачинъ человѣкъ горячаго темперамента, сталъ довольно рѣзко говорить на сходкѣ о самозванствѣ интеллигенціи въ рабочей средѣ и предлагалъ ростовскимъ рабочимъ положить предѣлы этой ненормальности, ограничить предѣлы дѣятельности интеллигенціи опредѣленными функциями, дать понять интеллигенціи, что рабочее дѣло должно быть всецѣло въ рукахъ рабочихъ. Титачъ, руководившій рабочимъ дѣломъ ограничивался только тѣмъ, что иронически дѣлалъ то или другое замѣчаніе, вообще же предоставлялъ самимъ рабочимъ быть судей между Бачиномъ и интеллигенціей. Нашъ дѣдушка былъ возмущенъ рѣчью Бачина и сказалъ: «прѣхалъ ты, Богъ тебя знаетъ откуда, и заводишь у насъ ссоры! Было у насъ все мирно, по хорошему, слу-

шали, что намъ говорили люди больше насъ знающіе и никакого самозванства не видели отъ нихъ, какъ ты говоришь. Я прямо скажу: дѣло не въ томъ, кто такой ты или кто такой вотъ они, какъ ты сказалъ, интеллигенція,—дѣло брать въ человѣкъ, а хорошіе люди всюду бываютъ, такъ же, братъ, и между рабочими куда такъ много худыхъ людей. Ты говори намъ дѣло, поучи насъ, если ты больше насъ знаешь, мы тебя послушаемъ и поблагодаримъ, а разстраивай нашу компанію—за чѣмъ же?» Тѣмъ дѣло и кончилось. Бачинъ скоро послѣ этого уѣхалъ. Вѣроятно теперь Журавлевъ уже умеръ; но на Каръ я получилъ свидѣнія отъ Александра Лукашевича, что Журавлевъ былъ отправленъ въ ссылку въ Тунку вмѣстѣ съ женой и дочерью. По словамъ Лукашевича, онъ остался такимъ же социалистомъ какимъ я зналъ его въ Ростовѣ. У него во время побѣга изъ Иркутской тюрьмы 9-ти (Попко, Яцевичъ, Березнукъ, Өмичевъ, Волошенко, Орловъ, Григорій рабочей—фамили не помню,—Коложный, девятка не помню) скрывался Волошенко нѣкоторое время, когда онъ изъ тайги, гдѣ проживалъ онъ, Попко и Березнукъ у одного Сибиряка на заимкѣ, отправился въ Тунку за деньгами и тамъ его пребываніе было открыто, какимъ то образомъ, полиціей. Былъ еще въ Ростовѣ, преданный дѣлу революціи инструментальщикъ Жучковскій, въ семьѣ котораго на Темерникѣ имѣли пристанище революціонеры. Онъ тоже въ числѣ многихъ, о чемъ рѣчь впереди, былъ высланъ въ Восточную Сибирь. Ростовъ былъ главнымъ пунктомъ, въ которомъ молодежь, прѣбывавшая изъ университетскихъ городовъ, получала революционное крещеніе и отправлялась въ народъ. Съ этой цѣлью нанималась квартира, гдѣ переедывались и шли въ народъ и куда возвращались изъ народа. Дѣлалось это очень просто, какъ о томъ я уже выше говорилъ. Прѣбывалъ студентъ изъ Питера или Харькова на эту квартиру, переедывался соответственно сезону, бралъ свиту или чепанъ, составлялъ компанію и въ путь. Помню явился въ Ростовъ изъ Питера два юныхъ студента: Балабуха и другой, если память мнѣ не измѣнила, Масловцевъ. Въ народъ желаемъ идти. — Отлично. Отправляются изъ Ростова то ли въ Ейскъ, то ли Екатеринбургъ, Кубанской области и устраиваются тамъ чепанами (пастухами овецъ). Городъ Ейскъ былъ мѣстоуъ, откуда мы получали паспортные бланки. Казначейскъ здѣсь былъ свой человѣкъ. Невадди отъ Ейска была нѣмецкая колонія. Вотъ отъ имени Шульды этой колоніи мы и получали въ казначействѣ паспортные бланки. Въ тѣсномъ союзѣ съ Ростовомъ были ближайшіе города, для которыхъ онъ служилъ центромъ: Новочеркасскъ, Екатеринбургъ, Ейскъ и пр. Я уже говорилъ, что на Грушевскихъ шахтахъ у насъ были завезены сношенія. Тамъ работалъ Биковцевъ. Сначала ему приходилось на саночкахъ на четверенькахъ возить по проходамъ уголь, но потомъ онъ, какъ пропагаторъ, былъ избавленъ отъ этого труда рабочими и его главнымъ дѣломъ стало читать книжки въ шахтахъ. По деревнямъ кое-гдѣ были разбросаны учителя народныхъ училищъ, которые принимали къ Ростовскому кружку общерусской организаци «Земли и Воли». Въ Василе-Петровской волости проживали въ качествѣ земскихъ фельдшерницъ: Марія Николаевна Ошанина и Екатерина Дмитріевна

Сергея, жена Тихомирова, М. Н. представительница в это время, так называемого центра Ткачевцев была слишком выдающейся личностью, чтобы представители организации Земли и Воли не замечали ее и не стремились привлечь ее в свою организацию. Знакомство с Марией Николаевной давно у нас было и она оказывала нашей организации услуги, хоть и не разделяла мнѣния представителей организации и главным образом она не разделяла надежд земледельцев на народъ. Наконецъ Осинскому и мнѣ удалось убѣдить М. Н. поѣхать къ намъ въ Ростовъ и поселиться въ качествѣ фельдшерки въ Василе-Петровской волости. При всемъ своимъ предубѣждением противъ мужика, она въ лицѣ старосты этой волости встрѣтила крестьянина Жабскаго, которымъ, по ее словамъ, она была очарована. Какъ то я прѣхалъ къ ней, она пользовалась въ это время среди крестьянъ уже большою любовью. На мой вопросъ, какъ показался ей народъ?—отвѣтила: во всякомъ случаѣ могу сказать вамъ, что не ожидала встрѣтить такихъ умныхъ мужиковъ, каковы ваши мужики; здѣшние крестьяне далеко болѣе развиты, чѣмъ, напр., наши орловцы и скажу прямо, если бы въ крестьяне были такіе, какъ Жабскій, волостной старшина нашъ, то и стала бы народницей. «Какой умница этотъ Жабскій!»—говорила М. Н. Съ нимъ можно съ такимъ удовольствіемъ говорить обо всемъ, съ какимъ не со всякимъ интеллигентнымъ человѣкомъ». Между прочимъ, она рассказала мнѣ слѣдующее, случившееся съ ней. Съѣздные помѣшники, насколько помню Пеленкины, и одинъ изъ нихъ даже студентъ медико-хирургической академіи въ нетрезвомъ доволно видѣ явились къ ней подъ предлогомъ нужды въ медицинской помощи кому-то изъ нихъ. Увидѣвъ, что на умъ у нихъ далеко не медицинская помощь, а нѣчто другое,—просто молодые господа хотѣли осчастливить своими любезностями сельскую фельдшерку, М. Н. ушла отъ нихъ въ другую комнату и заперла съ собой дверь на ключечко. Но, очевидно, гости не привыкли останавливаться передъ закрытой дверью и начали донимать въ нее. «Я просто находилась въ безвыходномъ положеніи»,—говорила М. Н.,—«и выручилъ меня Жабскій». Жабскій, замѣтивъ, что гости что-то недоброе затѣваютъ, вошелъ въ квартиру М. Н. и, убѣдившись, что его подозрѣнія оправдались, сказалъ гостямъ: «вотъ видите, господа, вы люди образованные и считаетесь благотворными; а я вотъ и мужикъ, но долженъ вамъ сказать, что вы поступаете неблагородно съ нашей фельдшеркой. Въдь вы не знаете, что за человѣкъ наша фельдшерка, а поступаете такъ, какъ будто вы ее хорошо знаете. Я васъ прошу оставить въ покоѣ нашу фельдшерку, а то придется позвать сотскихъ и васъ отсюда вывезть силой». Такимъ образомъ господа были выдворены. Студентъ Борисевичъ, знакомый Маріи Николаевны, узнавъ о подвигѣ своего однокурсника, общался въ аудиторіи въ присутствіи его сообщить товарищамъ о томъ, какъ крестьянинъ Жабскій училъ порядочности студента по отношению къ женщинамъ, но не знаю уже, чѣмъ кончилось это дѣло. Теперь, почти послѣ 30 лѣтъ отсутствія изъ моего родного края, куда я въ числѣ другихъ явился съ призывомъ къ народу, сбросить съ себя иго рабства, я безъ всякаго самообольщенія могу сказать, что наша дѣятельность

оставила слѣды въ народѣ. Тому доказательство на лицо. Въ Ростовской тюрьмѣ вмѣстѣ съ Ладженскимъ сидѣлъ одинъ крестьянинъ Василе-Петровской волости и разсказывалъ ему о томъ, что онъ помнитъ о нашей дѣятельности, и заключилъ разсказъ свой такъ: «посылаю вонъ добре зорно, бац яки тепер дружины всходи». Или вотъ: на Пасху я поѣхалъ къ моей сестрѣ въ гости на своихъ лошадаяхъ версты за сто отъ Ростова. По дорогѣ покормить лошадей я захѣлъ въ одну крестьянскую избу. Войдя въ комнату, я замѣтилъ этакерку съ брошюрами изданій Донской Рѣчи, Молота и т. д. Сталъ пересматривать брошюры и дивиться такой небывальшинѣ въ наше время. Подходитъ ко мнѣ крестьянинъ, хозяинъ избы, и говоритъ: «любостуствуете книжечками?»—Да,—отвѣчаю ему. «Постойте, отъ я вамъ покажу одну—«Нагорная проповѣдь» звется. Вотъ книжка, всѣмъ книжкамъ книжка!» Поискалъ.—книжки не оказалось. Нема,—сказалъ онъ,—мабуть сынъ взявъ съ собою почитать кому». Разговорились. Онъ спросилъ, куда и откуда ѣду? Отвѣтилъ ему, что ѣду изъ хутора Олексія Родионовича.—«Знаю, знаю хуторъ Олексія Родионовича. А де тепер той его брать, що сидѣвъ въ якійсь-то крѣпости?» Отвѣчаю, что онъ живетъ въ Ростовѣ у матери. Но со мной былъ мой племянникъ, гимназистъ, который тутъ же и сказалъ,—да это онъ самый и есть. Нужно было видѣть, какое впечатлѣніе произвело это открытіе на этого крестьянина. «Біжи швидче, Анютка, скажи брату, щобъ шовъ до дому,—бац якого дождался гостя!» Та винь, якъ знае, що бувъ у насъ М. Р. и винь его не бачиш, то и батькови не простиш.» Скоро пришелъ и сынъ, но объ этомъ пока несвоевременно говорить. Обстоятельства какъ въ Ростовѣ, такъ и въ окрестности Ростова сложились довольно благоприятно для насъ по тѣмъ временамъ. Недалеко отъ Ростова, въ Землѣ Войска Донскаго были хутора, владѣльцы которыхъ были мои знакомыми съ дѣтства. Пользуясь ихъ опытностью, мы завели хуторъ, владѣльцемъ котораго былъ Гостинцевъ, мой товарищъ по академіи и тоже принадлежалъ къ организации «Земли и Воли». Хуторъ этотъ былъ мѣстомъ, гдѣ можно было укрыться и людямъ нашей организации на время усиленнаго розыска ихъ и всего другого, что въ то время носило характеръ нелегалщины. Здѣсь одно время скрывался и Мирскій послѣ покушенія на Дренельста. Окрестные хутора, хотя всего-на-всего только хорошіе мои знакомые, но все же они знали, кто мы за люди, и умѣли держать языки за зубами, какъ говорится. Въ Ростовѣ семья Осинскихъ, два брата которой были членами земской управы, тоже готова всегда была оказать намъ услуги. Угольный складъ моего хорошаго знакомаго былъ справочнымъ бюро для прѣбывавшихъ въ Ростовѣ. Благодаря всему этому, дѣла организации «Земли и Воли» въ Ростовѣ были поставлены сравнительно хорошо. Многолюдныя сходки рабочихъ собирались за городомъ на открытомъ воздухѣ лѣтомъ. Такъ революціонная дѣятельность развивалась въ Ростовѣ непрерывно, безъ всякихъ погромовъ, начавшись еще гораздо раньше, чѣмъ я принялъ въ ней участіе. Правда Гартманъ, принадлежавшій къ ростовскому кружку одно время былъ арестованъ, но онъ арестованъ былъ внѣ Ростова въ Екатери-

нодарь и его арестъ не отразился на дѣлахъ ростовскихъ. Намъ, ростовцамъ, освобожденіе Гартмана изъ тюрьмы стоило лишь того, что мы послали туда одного человѣка, Быковцева, которому очень скоро удалось сдать Гартмана на поруки одному батюшкѣ и Гартманъ потомъ уѣхалъ изъ Екатеринограда въ Саратовъ. Но вотъ наконецъ жандармы добрались до насъ. Въ одинъ день подходятъ къ окну моей квартиры мой отецъ и таинственно вызываетъ меня. Вышелъ я. Отецъ приглашаетъ меня пройти съ нимъ. По дорогѣ онъ сообщаетъ мнѣ, что онъ выдѣлся сейчасъ съ однимъ священникомъ и тотъ ему сообщилъ, что на одномъ вечерѣ съ картами начальникъ ростовскаго жандармскаго управленія говорилъ, что въ Ростовѣ ведется противоправительственная пропаганда, и что на дняхъ предстоитъ арестъ намѣченныхъ имъ лицъ. Въ томъ числѣ называлъ и тебя,—закончилъ отецъ. Узнавъ объ этомъ, мы тотъ же день рѣшили закрыть квартиры: мою и сапожную мастерскую. Хозяева квартиры Титыча съ того дня, какъ явился къ намъ съ совѣтомъ хозяйнѣ вестидѣла поосторожнѣй, были своими людьми, и только благодаря этому Ильяшенко, оставшійся послѣднимъ въ квартирѣ, чтобъ забрать оставшіяся мелочи, избѣжалъ рукъ жандармовъ. Въ тотъ моментъ, когда Ильяшенко былъ въ домѣ хозяйна, чтобъ расплатиться съ нимъ, хозяйка квартиры увидѣла въ окно пришедшихъ гостей-жандармовъ, она указала Ильяшенко кладовую, гдѣ онъ могъ спрятаться, и вышла навстрѣчу гостямъ. Жандармы спросили у ней, кто живетъ у нихъ во флигелѣ? Имъ хозяйка отвѣтила, что жили какихъ-то 3 сапожника, но вчера вечеромъ съѣхали. «Говорили, ѣдутъ въ Харьковъ»,—добавила хозяйка. Жандармы отправились въ пустыя комнаты флигеля, тщательно осмотрѣли ихъ, подняли нѣсколько ключковъ изорванной бумаги и съ тѣмъ вышли. Постояли въ раздумьи на дворѣ, еще разъ спросили, «вы говорите они уѣхали въ Харьковъ?» На что хозяйка еще разъ сказала: «да, они говорили, что уѣзжаютъ въ Харьковъ». Ушли. Пересидѣвшій въ кладовой Ильяшенко по приходѣ разсказалъ намъ о случившемся сейчасъ на бывшей квартирѣ сапожниковъ. Я, Хотинскій и Титычъ разѣхались скоро въ разныя стороны. Титычъ уѣхалъ, кажется, въ Екатеринодаръ, я и Хотинскій—въ Питеръ. Въ Ростовѣ остался пока одинъ Сентянинъ, какъ человѣкъ, еще не привлеченный жандармами и спокойно все еще работавшій на заводѣ Градама. Вскрѣ послѣ этого произошелъ разгромъ въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги. Разгромъ былъ произведенъ по доносу Никонова, рѣшетника по профессіи, убитого, кажется, въ Ростовѣ въ тотъ же годъ, помнится, въ ноябрѣ. Арестъ рабочихъ въ мастерскихъ Влад. жел. дороги произведенъ былъ такъ: къ коню работъ явились у воротъ мастерскихъ жандармы и по указанію Никонова арестовывали выходившихъ рабочихъ изъ мастерскихъ. Всѣхъ арестованныхъ рабочихъ было человѣкъ 50. Сколько потомъ ихъ выпустили и сколько отправили въ ссылку, не знаю. Изъ высланныхъ въ этотъ разъ изъ Ростова рабочихъ я встрѣтилъ по дорогѣ на Кару; въ Красноярскѣ, въ Читѣ и, какъ я уже узналъ на Карѣ, въ Тункѣ жили нѣкоторые изъ высланныхъ изъ Ростова рабочихъ. Съ этого времени въ Ростовѣ я бывалъ только профдомъ

и уже считался въ числѣ нелегальныхъ, по крайней мѣрѣ въ самомъ Ростовѣ.

Послѣ разгрома въ Ростовѣ я еще разъ взялся за медицину. Я былъ бы уже второй годъ на 3-мъ курсѣ, и мнѣ нужно было или взять свои документы изъ академіи, или перейти на 4-й курсъ. Я и рѣшилъ использовать свое пребываніе въ Питерѣ и подготовиться къ переходному экзамену на 4-й курсъ. Но и на этотъ разъ мои намѣренія остались только намѣреніями.

Конецъ 77 и начало 78 годовъ было временемъ вновь намѣчающагося поворота въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ. Расправа неудобоизбываемаго Трепова, отца столь прославившагося въ настоящее время сына, съ Боголюбовымъ, приговореннымъ къ 15 годамъ каторги за демонстрацію на Казанской площади, въ которой, какъ я уже сказалъ выше, онъ не участвовалъ, взволновала умы не однихъ революціонеровъ, но и всего общества, что ясно доказывается тѣмъ, что судъ присяжныхъ засѣдателей оправдалъ В. И. Засуличъ. Стали раздаваться среди революціонеровъ слова мести по адресу варвара. Съ юга прѣехали люди съ специальной цѣлью отомстить Трепову за дикую расправу съ товарищемъ по дѣлу: Осинскій, который изъ Петербурга отправился въ качествѣ представителя «Земли и Воли», Ф—ко, Полко и В—ко. Было предложено нѣсколько плановъ этой мести, которые одинъ за другимъ были сданы въ архивъ. Наконецъ, В. И. взяла на себя актъ мести. Подробно объ этомъ я не говорю, ибо не принималъ лично участія въ этомъ дѣлѣ, и думаю, что это удобнѣе сдѣлать людямъ близко, стоявшимъ къ дѣлу. Я не зналъ, что должно было случиться даже въ день выстрѣла В. И., но Оболеншевъ явился ко мнѣ и сказалъ, что нужно будетъ продавать сейчасъ вотъ что: написать заявленіе объ утерѣ паспорта на имя канцеляріи градоначальника и отнести часовъ около 11—12 и подъ этимъ предлогомъ подождать тамъ съ подачей. Я написалъ и отправился. Подхожу къ канцеляріи градоначальника и замѣчаю необычную сумятицу у входа. Пытаюсь пройти въ канцелярію, меня не пропускаютъ. Говорю, что пришелъ подать заявленіе объ утерѣ паспорта, мнѣ на это отвѣчаютъ: теперь не до этого, идите себѣ, послѣ придетъ. Проскользнулъ какой-то высшій чинъ, что-то спросилъ у швейцара, отвѣтъ швейцара былъ: самого князя. Неудумѣваю, да и теперь не понимаю, почему швейцаръ назвалъ Трепова княземъ, развѣ, быть можетъ, среди своихъ онъ слылъ за князя. Наконецъ, потерявъ надежду проникнуть въ канцелярію, я думаю уже идти домой. Только что поворотился, чтобъ идти, вижу вышедшаго изъ кареты профессора академіи, хирурга Корженевского, котораго, слышно подошедшій какой-то чинъ полицейскій, просилъ поскорѣй пожаловать. Я сталъ догадываться въ чемъ дѣло и остался подождать, что будетъ дальше. Разъясненія скоро послѣдовали со стороны швейцара. Онъ сообщилъ, очевидно, своимъ знакомымъ сосѣдямъ: «самъ князь раненъ! Какая-то барышня пришла съ револьверомъ подъ мантильей, говоритъ, прошеніе желаю подать самому Трепову, ну, а потомъ оказалось вотъ что,—выпала изъ револьвера». Услышавъ это, я рѣшилъ, что больше оставаться мнѣ здѣсь не нужно, да и не безопасно. Значитъ, спросилъ я швейцара

по этому случаю сегодня приема не будет в канцелярии? «Надо полагать, что в постели он вас не примет, сами должны понимать»,—с достоинством ответил мне швейцар.—Я отправился в одну конспиративную квартиру, где я условился с Оболенским встретиться, рассказал ему то, чему я был свидетелем у подвѣзда канцелярии градоначальника, и только тогда он сказал мне, что случилось. Отсюда я отправился в академию, ибо знал, что у Корженевского на 4-м курсе должна быть лекция, и что, быть может, возвратившись от Трепова, Корженевский сообщит что-нибудь о случившемся. Корженевский уже читал лекцию, когда я пришел. От студентов же потом узнал, что Корженевский сообщил им, что какая-то студентка медицинских курсов (хотя В. И. на самом деле таковой не была) выстрѣлила в Трепова, причинив ему рану в живот, и что он думает, что этот поступок студентки бросить худую тѣнь на женские медицинские курсы. Опасения профессора не оправдались, как оказалось потом, и на поступок В. И. не так взглянули, как почтенный хирург. Под впечатлѣнием случившагося я вспомнил своего босака Алексѣя, о котором я уже говорил в другом мѣстѣ «Былого»¹⁾, и подумал: вот как тебѣ, Алексѣй, на твой вопрос:—какой же будет ваша отвѣтъ Трепову—отвѣтила В. И. Выстрѣль В. И. был призывомъ въ революціонномъ мирѣ на новый путь борьбы. Такъ, мне кажется, многие революціонеры нашего времени его поняли. Въ этотъ годъ вновь появился среди насъ и Кибальчичъ, просидѣвъ годъ въ крѣпости, куда онъ попалъ по доносу одного священника за пропаганду среди крестьянъ во время каникулъ. Расскажу объ этомъ первомъ арестѣ Кибальчича. Я выше уже говорилъ, что Кибальчичъ былъ однимъ изъ членовъ того кружка, въ которомъ впервые состоялъ и я членомъ. Съ этого времени мое знакомство съ нимъ не прерывалось вплоть до его первого ареста. Сижу я какъ то въ студенческой библиотекѣ, подходит ко мнѣ взволнованный Кибальчичъ и говоритъ мне, что сейчасъ онъ отъ Пескова (инспекторъ Академіи, гвардія маіоръ), который сообщилъ ему, что о немъ справлялись изъ полиціи и что ему нужно побывать у себя на квартирѣ. «Пойдемъ со мной, сказалъ Кибальчичъ, забережь у меня туюсь съ нежелательными книгами, привезенными только вчера вечеромъ ко мнѣ одной бариней. Можетъ быть ее просидѣли и тогда, пожалуй, произведутъ и у меня обыскъ». Отправившись мы, я все еще жилъ на Большой Дворянской улицѣ, а онъ тоже на Петербургской сторонѣ, не помню какъ называется улица, идущая отъ Троицкаго собора вдоль Невы. Подходимъ къ его квартирѣ и замѣчаемъ у воротъ дома, гдѣ онъ квартировалъ, карету и спящихъ полицейскихъ. Ясно, у него обыскъ. Говорю ему, что мы опоздали и что ему предстоитъ тюрьма, если онъ пойдетъ домой. Онъ рѣшилъ идти, а я отправился къ себѣ домой и сообщилъ дома, о происходившемъ сейчасъ у Кибальчича. Спустя часа полтора, я отправился на квартиру, чтобы узнать чѣмъ кончилось дѣло. Вхожу во дворъ и вижу на крыльцѣ одного изъ домовъ во дворѣ собравшихъ жильцовъ и

дворникъ что-то рассказываетъ своимъ жильцамъ, очевидно, о случившемся въ каменномъ домѣ, выходящемъ на улицу окнами, гдѣ жилъ Кибальчичъ. Подхожу къ дворнику, спрашиваю квартиру Кибальчича и въ отвѣтъ получаю: «сгорѣлъ вашъ Кибальчичъ,—уходите, а то какъ бы и съ вами того-же не случилось. У него много кое-чего нашли и прибавилъ тихо: тамъ у него сидятъ и лучше идите себѣ съ Богомъ»,—посоветовалъ мне дворникъ. Я, конечно, послушалъ воспользоваться добрымъ советомъ и отправился сообщить печальную новость. Кибальчичъ просидѣвъ въ крѣпости полный годъ. И вотъ теперь онъ вышелъ изъ тюрьмы. Тюрьма произвела на Кибальчича свое вліяніе. Сейчасъ я представляю себѣ двухъ извѣстныхъ мне Кибальчичей, одного до тюрьмы и другого послѣ тюрьмы. Правда, Кибальчичъ никогда, вѣроятно, не отличался всецѣлымъ нравомъ и всегда былъ человѣкомъ ровнымъ. Но до тюрьмы, онъ любилъ принимать участіе въ преніяхъ, даже, быть можетъ, мечталъ руководить людьми. Послѣ тюрьмы, кромѣ пожатія руки, дружеской привѣтливой улыбки, мне ничего не помнится, куда я думаю о немъ. При короткихъ встрѣчахъ на конспиративныхъ квартирахъ, если онъ не могъ что либо получить сейчасъ, зачѣмъ приходилъ, онъ изображалъ молчаливую фигуру. Такимъ я его помню, когда онъ на средства отпускаемыхъ организацией З. и В. изучилъ хімію и свойства динамита. Такимъ онъ сохранился въ моихъ воспоминаніяхъ, когда онъ въ Одессѣ, снабдивъ меня динамитомъ и запалами въ декабрѣ 79 года, давалъ наставленіе мне объ обращеніи съ вручными вещами. Даже на шутки товарищей надъ нимъ, онъ отвѣчалъ только улыбкой. Я хочу всѣмъ этимъ сказать, что Кибальчичъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто понялъ выстрѣль В. И., какъ призывъ на новый путь борьбы. Со времени своего выхода изъ Петропавловской крѣпости и вплоть до готовившагося взрыва въ ноябрѣ 79 года на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, Кибальчичъ въ тиши и, конечно, немого обстановленнаго кабинета ученаго, терпѣливо изучалъ хімію, имѣя въ виду строго определенную цѣль,—вооружить русскую революцію динамитомъ. Думаю, что такіе ученые были рѣдко въ исторіи наукъ, если только они были гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Удивительно право, что послѣ такихъ примѣровъ все еще находятся люди, которые считаютъ веревку и военно-полевые суды верховъ политической мудрости въ борьбѣ съ революціей. Въ этомъ же году, въ концѣ марта или началѣ апрѣля былъ освобожденъ изъ Литовскаго замка въ Петербургѣ Прісьняковъ. Я не знаю зарегистрировано ли въ воспоминаніяхъ кого-либо это освобожденіе, — освобожденіе, по смѣлости не уступающее освобожденію Кропоткина. Оно совершенно при помощи того же Варвара. Въ субботу, когда обыкновенно въ русскихъ тюрьмахъ бьютъ бани, въ пролеткѣ, пражанней Варваромъ, подѣхали къ Литовскому замку два революціонера, одинъ въ качествѣ кучера, другой — сѣдока. Прісьняковъ объ этомъ зналъ и былъ снабженъ нюхательнымъ табакомъ. Проходя въ баню, онъ засыпалъ табакомъ глаза провожавшему его въ баню надзирателю и, бросившись на улицу черезъ открытую ланитку, сѣлъ рядомъ съ сѣдокомъ въ пролетку. Очевидно Прісьнякову не совсѣмъ удалось засыпать табакомъ глаза надзирателю, ибо на-

¹⁾ Августъ. «Земля и Воля» напечатанъ Воронежскаго сѣдока.

зиратель побуждал догонять Прёснякова и, когда Прёсняков съёл, надзиратель налег на крыло пролетки. Пролетка накренилась даже в эту сторону и грозила перевернуться, когда Варварь тронуль съ мѣста полной рысью. Это вѣроятно и случилось бы, если-бъ сидѣвшій рядомъ съ Прёсняковымъ Хотинскій не ударилъ его по рукамъ кистенемъ и тѣмъ не заставилъ надзирателя взять свои руки съ пролетки прочь. Разъ это было сдѣлано, на Варвара motion было положиться.—Варварь умчалъ пролетку съ сѣдоками. Такимъ образомъ, среди бѣла дня Прёсняковъ былъ взятъ изъ Литовскаго замка. На Пескахъ была приготовлена квартира, куда и привезенъ былъ Прёсняковъ. При помощи краски переѣдали его изъ блондина въ бронета и затѣмъ, когда прошло нѣсколько дней и полиція помирилась съ фактомъ побѣга, Прёсняковъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ его я видѣлъ въ послѣдній разъ въ июль 79 года. Это освобожденіе произвело впечатлѣніе на публику. На другой день одинъ изъ выпущенныхъ по процессу 123-хъ принесъ намъ, какъ заслуженную дань, пасхальнымъ куличъ. Помнится, это былъ Фишеръ. Въ это же время была и стачка рабочихъ на Тортоновской хлопчатобумажной фабрикѣ, стачка кончившаяся демонстративнымъ шествіемъ рабочихъ для подачи прошенія наслѣднику, т. е. Александру III. Землеольцы, воспользовавшись возникшими неудовольствіями между рабочими этой фабрики и управляющимъ, впервые организовали рабочихъ для активной борьбы. Вели эту стачку Г. В. Плехановъ, Николай Лопатинъ и я. Сказать объ этой стачкѣ нужно уже по тому одному, что организаторы этой стачки впервые имѣли дѣло не съ отдѣльными лицами изъ рабочей среды, какъ это было до сихъ поръ въ сношеніяхъ интеллигенціи съ рабочими, а съ массой и поэтому, вѣроятно, стачка эта пользовалась большою популярностью среди интеллигенціи петербургской, включая и людей стоящихъ вдали отъ революціонныхъ круговъ ея. Мнѣ Г. В. сообщилъ, что на фабрикѣ Тортона произошелъ конфликтъ, чѣмъ можно воспользоваться, организовать стачку и вызвать рабочихъ на улицу подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, словомъ устроить демонстрацію, что составляло тогда главную цѣль организации по мнѣнію ея членовъ. Обсуждая съ нимъ тѣ способы, какими можно было бы вызвать рабочихъ на улицу, мы остановились на подачѣ прошенія наслѣднику... Подачу прошеній на имя царя и членовъ царской фамиліи землеольцы разсматривали какъ самое удобное средство разрушить авторитетъ власти. Не знаю, почему Александръ III въ бытность свою наслѣдникомъ пользовался популярностью среди народа и вообще рабочаго люда Петербурга. О немъ ходила молва, что онъ защитникъ народа. Думаю, что самое вѣроятное объясненіе этому то, что когда жешъ тишею отъ однихъ, то охотно переносятъ свои надежды на другихъ. Такъ ли—не такъ, но среди рабочихъ тортоновской фабрики идея подать прошеніе наслѣднику асмѣ наличнымъ составомъ рабочихъ фабрики, была принята охотно и безъ всякихъ колебаній. Рабочіе фабрики Тортона, какъ, вѣроятно, и рабочіе другихъ фабрикъ жили артелями, члѣновъ по 20-ть. Въ одну изъ такихъ артелей мы и отправились. При входѣ въ помѣщеніе артели мы застали горячій споръ между тѣми, кто былъ

за стачку и противниками стачки. Противниками стачки были главнымъ образомъ семейные рабочіе. По крайней мѣрѣ при первомъ же нашемъ знакомствѣ съ настрѣнемъ умовъ рабочихъ, намъ постоянно приходилось слышать отъ безсемейныхъ рабочихъ, что главнымъ тормозомъ дѣлу стачки служатъ семейные рабочіе. И безсемейные рабочіе это понимали, ибо приходилось слышать отъ нихъ: «намъ то что, мы не тамъ, такъ въ другомъ мѣстѣ заработаемъ себѣ на хлѣбъ, а семейный куда подастся». На это тормозящее обстоятельство стачки мы и обратили главное вниманіе. Не помню хорошо, кто изъ насъ Г. В. ли или я былъ представителемъ рабочей массы, какъ адвокатъ. Въ качествѣ агитатора среди рабочихъ и подъ видомъ рабочаго дѣйствовалъ Н. Лопатинъ. Нѣсколько разъ назначался день стачки, но приступить къ стачкѣ все какъ-то не рѣшались. Съ вечера какъ будто стачка рѣшена безповоротно, а наступитъ завтра, рабочіе соберутся на фабрику и приступили къ работамъ. Но, наконецъ, въ одно утро, когда рабочіе соберутся на работу, одинъ изъ рабочихъ, совершенно неизвѣстный до сего время намъ, агитирующимъ за стачку, потушилъ газъ на фабрикѣ, нагнѣвъ свою кувальду рубашку на рукоятку какого то помела и съ крикомъ ура! вызвалъ рабочихъ изъ фабрики. Такимъ образомъ, стачка началась. Мы немедленно же этого рабочаго снабдили деньгами и предложили уѣхать изъ Питера, чтобы арестъ его не произвелъ деморализующаго вліянія на стачечниковъ. Затѣмъ Лопатинъ, стоя на кучѣ угля во дворѣ фабрики, поддерживалъ настроеніе рабочихъ. Въ своихъ рѣчахъ онъ главнымъ образомъ успокаивалъ семейныхъ, заявляя имъ, что нуждающимся обѣщаетъ помощь «Земля и Воля» и люди сочувствующіе рабочимъ. Онъ предложилъ, чтобы рабочіе изъ своей среды избрали комитетъ, которому и будутъ выдаваться средства для распредѣленія между нуждающимися рабочими. Лопатинъ въ роли рабочаго агитатора на кучѣ угля, находившейся посреди двора фабрики, былъ совершенно другимъ члѣвомъ въ глазахъ знавшихъ его раньше. Рабочимъ онъ съ перваго своего выступленія въ роли агитатора очень понравился. Разъ собиралась сходка рабочихъ на дворѣ, то рабочіе сейчасъ же вызывали на импровизированную кафедру Николая. Въ тотъ же день въ газету «Новости» была отправлена статья о стачкѣ на фабрикѣ Тортона. На другой день газетчикъ, жена котораго была кухаркой въ той артели, куда мы явились въ первый разъ съ Г. В., принесъ газету со статьей о стачкѣ. То обстоятельство, что о стачкѣ ихъ напечатано въ газетахъ ободрило еще больше рабочихъ. Среди толпы была увѣренность, что теперь ужъ ихъ дѣло трудно будетъ замѣять директору фабрики, ибо теперь ужъ ихъ дѣло извѣстно всѣмъ. На второй или третій день стачки явился на фабрику градоначальникъ Зуровъ, убѣждалъ рабочихъ прекратить стачку въ противномъ случаѣ грозилъ ихъ выслать на родину. Рабочіе стояли на своемъ,—требовали прибавки жалованья и удаленія директора фабрики. Вечеромъ предъстѣе фабрики кишѣло шпанами, которыхъ рабочіе называли пауками и шпунлики, въ большинствѣ подростки, охотились за пауками, бросали въ нихъ камнями. Вдругъ слышится въ воздухѣ: «ребята пауки! Камнями его,

камнями». Написали прошение на имя наследника, Лопатинь прочелъ его рабочимъ съ своей кафедръ, прошение было одобрено и рѣшено идти къ наследнику толпой съ прошеніемъ. Толпа двинулась къ Аничкину дворцу, гдѣ жилъ наследникъ. Я шель по тротуару Невскаго проспекта, на одномъ углу стоялъ продавецъ спичекъ съ лоткомъ и на вопросы недоумѣвающей публики въ виду двѣтвѣвшей массы, говорилъ: «это тортоновскіе рабочіе, значитъ, донялъ аспидъ, Рабочіе зря не пойдутъ,—это не студенты, чтобъ зря бунтовать». Солидно одѣтый господинъ, по виду похожій на прѣзжаго изъ провинці помѣщика, можетъ быть отецъ студента, вступился за студентовъ и сказалъ продавцу спичекъ: «почему, старина, ты думаешь, что студенты зря бунтуютъ? Вотъ ты рабочій человекъ, тебѣ известна жизнь рабочихъ и ты потому знаешь, что рабочій зря не станетъ бунтовать. Вотъ, если бы также хорошо зналъ жизнь студентовъ, то ты бы, вѣроятно, не сталъ говорить, что студенты зря бунтуютъ. У всякаго, старикъ, есть свое дѣло, свои нужды и каждый по своему старается защищать свои интересы,—зря никто не станетъ объ стѣну головой биться». «Можетъ ваша правда, баринъ, отвѣтилъ старикъ съ лоткомъ а только я знаю этихъ аспидовъ фабрикантовъ, самъ на себѣ испыталъ, какъ они надъ нашимъ братомъ измываются. Тоже и я былъ фабричнымъ, потому и говорю, баринъ, что, рабочій зря не станетъ бунтовать». Наконецъ толпа подошла къ дворцу. Прискакалъ моментально Зуровъ, спросилъ,—что нужно и на заявленіе рабочихъ, что пришли подать прошение наследнику,—сказалъ, хорошо, я доложу его высочеству и справился во дворецъ, доложить наследнику объ ихъ желаніи. Докладывалъ или нѣтъ Зуровъ наследнику, но вышелъ вновь къ рабочимъ, сказалъ, что наследникъ приказалъ ему принять отъ нихъ прошение. Затѣмъ попросилъ остаться 6-ти человекамъ, стоявшимъ рядомъ съ подавшимъ прошение, а прочіихъ просилъ расходиться по домамъ. Толпа обратно двинулась на фабрику. Наше положеніе, какъ агитаторовъ, было чрезвычайно затруднительнымъ. Какъ быть дальше? Мы расчитывали на то, что рабочихъ не допустятъ къ дворцу и намъ оставалось тогда сказать рабочимъ, что въ виду такого отношенія къ нимъ начальства, имъ остается только расчитывать на себя и предложить имъ продолжать стачку. Это было бы для насъ тѣмъ лучше, что въ продолженіе стачки на фабрикѣ Тортона, рабочіе другихъ фабрикъ черезъ земляковъ своихъ были подробно освѣдомлены о происходящемъ у Тортона и на нѣкоторыхъ фабрикахъ шла среди рабочихъ агитация о поддержкѣ Тортоновскихъ рабочихъ, своихъ товарищей. А вышло, что прошение принято, причѣмъ Зуровъ обѣщалъ рабочимъ, что жалоба ихъ будетъ рассмотрѣна и все, что можно будетъ сдѣлать въ ихъ пользу, будетъ сдѣлано. Рабочіе въ массѣ, конечно, придавали этимъ обѣщаніемъ имени наследника большое значеніе. Можно ли было при такихъ сложившихся условіяхъ расчитывать подвигнуть рабочихъ на дальнѣйшій протестъ, на требованіе освободить задержанныхъ товарищей? На это было трудно расчитывать. И дѣйствительно, когда мы по приходѣ сейчасъ же предложили чрезъ пропагандированныхъ рабочихъ: требовать освобожденія заложниковъ, то въ отвѣтъ получили: что нельзя

же зря требовать, а нужно подождать, что будетъ дальше. Таково мнѣніе массы. Въ виду такого отвѣта, легко было предвидѣть, что рабочіе подождали бы, подождали результатовъ прошенія, да и принялись бы за работу. Ожиданіе въ такихъ случаяхъ слишкомъ расхолаживающее средство, особенно, если имъ пообѣщали сдѣлать кое-какія уступки. Но очевидно дѣло представлялось иначе Зурову и онъ, не зная,—въ какой тулникъ попали мы, ограничились лишь тѣмъ, что попытался у оставленныхъ имъ рабочихъ выпытать о тѣхъ людяхъ, которые подбиваютъ ихъ рабочихъ на воспріеніе закономъ дѣствія. Сказалъ имъ, что только доброта наследника заставила его такъ отнестись къ нимъ и онъ все же принялъ ихъ прошеніе, а въ сущности закономъ подача прошеній скопомъ строго воспрещается. Говорилъ имъ о томъ, что есть злонамеренные люди, враги царя и отечества, которые и пользуются довѣріемъ рабочихъ, но въ сущности они враги ихъ и добиваются только своихъ преступныхъ цѣлей. Совѣтовалъ имъ, если они знаютъ такихъ людей, напримѣръ того, кто писалъ имъ прошеніе, выдать властямъ. Но такъ какъ и самъ подававшій и взятые съ нимъ 5 человекъ, были пропагандированы и въ достаточной степени разбирались между своими врагами и своими друзьями, то Зурову ничего отъ нихъ не удалось добиться и онъ еще разъ обѣщалъ имъ, что все, что можно будетъ, его высочество обѣщало сдѣлать, совѣтовалъ имъ подожидать на его обѣщанія, успокоиться и приступить къ работамъ. Такъ окончилась эта первая рабочая стачка, организованная «Землей и Волей». Во всякомъ случаѣ эту стачку можно считать впервые проложенной тропой русскими революціонерами въ массу рабочихъ. До его времени революціонеры вели дѣло не съ массой, какъ я уже говорилъ а пріобрѣтали знакомства съ единичными представителями рабочихъ, которыхъ группировали въ кружки и вели среди нихъ занятія и такіе рабочіе даже иронически въ массѣ назывались студентами. Потому я уже не былъ свидѣтелемъ развивавшагося рабочего движенія въ Петербургъ; но на другой годъ на той же Тортоновской фабрикѣ повторилось тоже самое. Рабочіе этой фабрики тоже были выведены на улицу,—не знаю,—подъ тѣмъ же ли предлогомъ подачи прошенія кому либо или другимъ. Но на этотъ разъ они были разогнаны казаками нагайками. Я узналъ о второй стачкѣ на фабрикѣ Тортона по пути на Кару, когда къ нашей партіи въ Красноярскъ присоединили троихъ рабочихъ, выслаемыхъ за эту стачку въ ссылку въ Сибирь. Среди нихъ было два моихъ знакомыхъ по первой стачкѣ. Они мнѣ и рассказали объ этой стачкѣ и демонстраціонномъ шествіи по улицамъ съ краснымъ знаменемъ. Но моя память мало сохранила изъ ихъ разсказа о подробностяхъ этой рабочей демонстраціи. Помню только, что рабочимъ казаки преградили путь у Аничкина моста и разсыпали ихъ, причѣмъ многихъ избилъ нагайками. Остается еще мнѣ сказать о томъ горячемъ участіи учащейся молодежи, которое она проявила во время этой стачки. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга производились сборы въ пользу стачечниковъ и было собрано достаточно средствъ, чтобъ поддержать семейныхъ и вообще нуждающихся рабочихъ стачечниковъ. Вотъ эпизодъ свидѣтельствующій о томъ энтузіазмѣ, который про-

явила учащаяся молодежь къ этой стачкѣ. Пришелъ я въ одну изъ артелей рабочихъ, и здѣсь Лопатинъ конспиративно сообщилъ, что приходили лавристы и приглашали представителей отъ рабочихъ на сходку, чтобы изъ словъ самихъ рабочихъ узнать о ходѣ и дѣли стачки. «Я думаю,—сказалъ мнѣ Лопатинъ,—что нужно этому помѣшать, ибо какъ бы лавристы не испортили всего дѣла». Нужно сказать, что такъ называемые лавристы представляли партію, которая начала уже эволюционировать, хотъ и въ другую сторону, именно въ сторону германской программы социалъ-демократовъ, но все сохранила методу ведения дѣлъ среди рабочихъ по программѣ «Впередъ», т. е. ограничивалась пропагандой идеи своей программы. Упрекали лавристы землевольцевъ въ томъ, что они призываютъ къ протесту, мало придавая значенія тому,—сознательно ли рабочіе идутъ на протестъ, или нѣтъ. Кратко, землевольцы думали, что въ борьбѣ лишь рабочіе вырабатываютъ классовое сознание, лавристы же думали путемъ пропаганды привить рабочимъ такое сознание. Я находилъ, что ставить преграду предложію, которое они сдѣлали рабочимъ, неудобно, и съ тремя рабочими отправился на сходку. Когда мы вошли въ помѣщеніе, гдѣ собралась сходка, три комнаты квартиры были биткомъ набиты молодежью. Я предложилъ рабочимъ пройти впередъ, самъ остался у дверей той комнаты, куда мы вошли. Рабочихъ усадили на почетное мѣсто и вокругъ ихъ образовалось тѣсное кольцо изъ студентовъ и студентокъ. Рабочіе, засыпанные съ разныхъ сторонъ вопросами, сначала еще кое-какъ отвѣчали, но въ непривычной обстановкѣ чувствовали себя не по себѣ, конфузились и наконецъ до того растерялись, что на предлагаемые имъ вопросы, указывая на меня, говорили осаждавшимъ ихъ вопросами: «спросите вотъ у нихъ: они все знаютъ, они тамъ съ нами». И немудрено было не растеряться. Одна барышня подаетъ имъ чай, другая стоитъ передъ ними съ лоткомъ съ хлѣбомъ и угощаетъ ихъ, и рядомъ съ этимъ со всѣхъ сторонъ засыпаютъ ихъ вопросами о стачкѣ. Помню, одинъ изъ рабочихъ подъ напоромъ съ одной стороны рсточаемыхъ любезностей, и съ другой—засыпанный вопросами, выпустилъ изъ рукъ незамѣтно для себя картузъ, и одна барышня, поднявъ его, очистивъ отъ пыли, сказала ему: «позвольте,—я вашъ картузъ вотъ тутъ, на вѣшалкѣ повѣшу»,—то я, все это наблюдая со стороны, подумалъ про себя: еслибы эта барышня предложила повѣсить его самого на вѣшалкѣ, то едва ли бы онъ былъ болѣе смущенъ, чѣмъ онъ сейчасъ смущенъ ея любезностью. Я рѣшилъ выволить рабочихъ изъ этого труднаго положенія и сказалъ: «Г.г. намъ пора идти, ибо сейчасъ должно быть собраніе рабочихъ на фабрикѣ». Въ отвѣтъ на это со всѣхъ сторонъ послышались вопросы: «нужны ли деньги?» Грушевская, еще молодая очень барышня, фамилію которой я и узналъ только на этой сходкѣ, вытряхнувъ на столъ изъ сухарицы хлѣбъ, стала собирать на стачку. Никто, кажется, не пропустилъ мимо себя эту барышню, не бросивъ ей въ сухарицу, по меньшей мѣрѣ, рубль; бросали кольца, цѣпи отъ часовъ и пр. Это дѣлали студентки и студенты, изъ которыхъ большинство сами питались чаемъ и колбасой. Дорогой я спросилъ: «ну, какъ же вамъ показалось въ гостяхъ у студентовъ?»—Очевидно, со-

чувствіе молодежи такъ ярко выразилось на этой сходкѣ, что рабочіе, несмотря на смущеніе свое въ непривычной средѣ, были глубоко тронуты видѣннымъ и слышаннымъ на этомъ собраніи молодежи. «Непривычно все это намъ, а все же какіе душевные господа студенты. Вотъ бы всѣмъ такъ жить, хорошо бы было! Таковъ выпалъ тотъ годъ, который я рѣшилъ было использовать для занятій въ академіи и, понятно, что онъ былъ далеко не подходящимъ для мирнаго изученія медицины. Я побывалъ на лекціяхъ не болѣе десяти разъ, и когда наступили экзамены, я чувствовалъ себя совершенно неподготовленнымъ къ нимъ, Марія Николаевна и ея сестра Наталья Николаевна усердно убѣждали меня идти и все же держать экзамены. Я уступилъ ихъ настояніямъ. Но на пути съ ихъ квартиры, которая была на большой Невкѣ, рядомъ съ Георгіевской общиной, въ академію остановился въ раздумьи на Самсоньевскомъ мосту и думалъ, стоитъ ли при всемъ моемъ невѣжествѣ въ тѣхъ наукахъ, по которымъ мнѣ предстоитъ держать экзаменъ, идти экзаменоваться? И вотъ, опершись на перила Самсоньевскаго моста и смотря въ мутныя воды Невы, я окончательно рѣшилъ, что двухъ дѣлъ въ одно и то же время нельзя дѣлать, и что нужно однимъ пожертвовать для другого. Я и пожертвовалъ академіей для революціонной дѣятельности, взявъ мои документы изъ академіи и отправилъ ихъ на храненіе моей матери. Съ этихъ поръ я былъ только революціонеромъ.

М. Поповъ.

„Добролюбовская“ демонстрація.

17-го ноября 1886 г. въ С.-Петербурѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Нанечатанная въ февральской книжкѣ журнала „Былое“ за 1907 г. „добролюбовская“ прокламація, напоминающая о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ Петербургѣ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, можетъ подать, мнѣ кажется, поводъ къ не совсемъ правильному истолкованію настроенія, господствовавшего среди участниковъ „добролюбовской“ демонстраціи, и истинныхъ мотивовъ, руководившихъ ея организаторами. Будучи въ то время студентомъ петербургскаго университета, лишившимъ участіе въ заблаговременномъ и тайномъ оповѣщеніи товарищей о подготовлявшейся манифестаціи на могилѣ Добролюбова и участвовавшимъ въ ней съ самаго ея начала до конца, попытается восстановить факты, имѣвшие мѣсто въ день 17 ноября и представляющіе характеръ и смыслъ „добролюбовской“ демонстраціи въ нѣсколько иномъ освѣщеніи.

Авторы прокламаціи совершенно правильно утверждаютъ, что мы (я говорю главнымъ образомъ о студенческой молодежи, составившей большинство демонстрантовъ), хотѣли воспользоваться правомъ служить панхидой, но они ошибаются, когда говорятъ, что *только* этимъ правомъ мы и хотѣли воспользоваться; что рѣшено было „не придавать панхидѣ характера противоразительственной демонстраціи“. Правда, у насъ не было принято и обратнаго рѣшенія. Но вѣроятность превращенія панхиды въ политическую антиправительственную манифестацію молчаливо допускалась лѣтми, и предшествовавшая ей агитація среди учащейся молодежи заранѣе къ ней подготовила. Къ тому же и время было такое, когда долго сдерживаемое тисками самодержавнаго гнета протестующее настроеніе революціоннаго студенчества могло именно въ подобнаго рода манифестаціи найти удобный случай, чтобы прорваться, наконецъ, наружу. Да и само правительство, въ сущности, было совершенно право, взглянувъ на чествованіе памяти Добролюбова, какъ на актъ, если не прямо, то косвенно направленный противъ него.

Вспомнимъ, что дѣло происходило въ эпоху печальной памяти 80-хъ годовъ; въ эпоху, отмѣченную печатью самой мрачной реакціи, пытавшейся задавить въ Россіи всякое проявленіе живой общественной мысли и самостоятельности и сопровождавшейся глубокимъ упадкомъ общественно-политическаго настроенія, наступившимъ вслѣдъ за разгромомъ партіи „Народной Воли“. Каждая попытка не только со стороны революціонной молодежи, но и со стороны мирной оппозиціи самымъ безопаднымъ образомъ подавлялась правительствомъ Александра III. Понятно, поэтому, что, когда учащаяся молодежь и присоединившіеся къ ней представители интеллигенціи, профессора и литераторы, среди которыхъ можно было замѣтить покойныхъ О. Ѳ. Миллера, А. Н. Пыпина и др., задумали 17 ноября 1886, въ день 25-лѣтней годовщины смерти Добролюбова напомнить русскому обществу о свѣтломъ образѣ великаго публициста, завѣщавшаго намъ идею борьбы за свободу и счастье народа и чествовать память его панхидой и возложеніемъ вѣнковъ на его могилу на Волковомъ кладбищѣ, правительство, заранѣе провидѣвшее о готовящемся чествованіи, тщательно скрывавшемся до послѣдней минуты, взглянуло на него, какъ на новое пробужденіе революціоннаго духа и приняло свои обычныя полицейскія мѣры.

Съ самаго утра 17 ноября толпы учащейся молодежи, студентовъ и куренстоковъ, начали сходиться съ вѣнками въ рукахъ къ вагонамъ конки, ведущимъ по направленію къ Волкову кладбищу. Мѣста въ вагонахъ брались съ бою, такъ какъ въ виду ожидавшагося громаднаго наплыва публики, каждый старался заранѣе добраться до кладбища, чтобы занять мѣсто ближе къ могилѣ знаменитаго писателя. Но всѣ эти хлопоты оказались напрасными, ибо прибывшіе встрѣтили у входа на кладбище сильный нарядъ полиціи, не позволившей имъ проникнуть во внутрь.

Между тѣмъ вагоны конки продолжали каждую 5-10 минутъ подвозить десятки людей, все болѣе и болѣе увеличивавшихъ собою толпу, собравшуюся у воротъ кладбища. Переговоры съ полиціей ни къ чему не приводили. Рѣшено было отнривать депутатовъ къ градоначальнику Грессеру, чтобы убѣдить его отпереть ворота. Тотъ рѣшительно воспротивился этому. Но въ концѣ-концовъ полиція сдѣлала маленькую уступку и пропустила небольшую депутацію съ вѣнками для возложенія ихъ на могилу Добролюбова. Оставшіеся же передъ рѣшеткой стройно прошли. „Визную память“.

Но уже раздраженные грубымъ вмѣшательствомъ полиціи, манифестанты не могли больше скрывать закипѣвшее въ нихъ чувство протеста, которое и не замедлило вылиться въ форму открытой политической демонстраціи. Послышались звуки революціонныхъ пѣсенъ и гимновъ; одинъ изъ участниковъ демонстраціи, бывший тогда студентомъ военно-медицинской академіи, д-ръ Фейтъ (недавно осужденный по дѣлу совѣта рабочихъ депутатовъ) вообразилъ на фонарь и произнесъ передъ толпой и на глазахъ смущенной полиціи рѣчь политическаго характера.

Послѣ возвращенія депутаціи съ могилы рѣшено было всей толпою двинуться къ Казанскому собору и тамъ отслудить панихиду. Конвоируемая полиціей, многочисленная толпа демонстрантовъ подъ громкіе звуки революціонныхъ пѣсень, смѣившихся провагташеіемъ „Многіа лѣта“ жившимъ еще въ то время великимъ изгнанникомъ П. Л. Лаврову и Н. Г. Чернышевскому, направилась по Лиговскому каналу (нынѣ Лиговская улица) къ Невскому, возбуждая интересъ и любопытство уличной публики неожиданностью и необычайностью происходящаго. Первая кратковременная остановка демонстрантовъ произошла въ моментъ появленія Грессера, выхватившаго навстрѣчу толпѣ. Выйдя изъ своихъ саней, онъ думалъ остановить ее словами увѣщанія и убѣдить ее разойтись. Но, послѣ мнѣтнаго замѣшательства, вся толпа, охваченная однимъ чувствомъ возмущенія, начала наступать на градоначальника, который быстро ретировался подлѣ дружнымъ латискомъ демонстрантовъ и поспѣшно умчался въ поджидавшихъ его саняхъ.

Въ первыхъ рядахъ наступавшихъ находился, между прочимъ, казенный полтора сутокъ послѣ этого событія по дѣлу 1-го марта 1887 года А. И. Ульяновъ. Всегда рѣзко реагировавшій на всякое проявленіе полицейскаго произвола, онъ при видѣ Грессера пришелъ въ крайне возмущенное состояніе и съ крикомъ: „дойой его!“ вмѣстѣ съ другими ринулся впередъ, увлекая за собою сестру, съ которою онъ все время демонстраціаннаго шествія шелъ подлѣ руки.

Послѣ исчезновенія Грессера демонстранты подлѣ звука тѣхъ же революціонныхъ пѣсень продолжали свой путь. Подходя уже къ Знаменской площади, они замѣтили приближавшіяся имъ навстрѣчу отряды конныхъ казаковъ, вооруженныхъ пиками. Врѣзавшись въ узкое пространство между собою и линіе домовъ съ одной стороны и набережной неасфальтованной еще въ то время канала съ другой, казаки подѣхали вплотную къ двигающейся толпѣ, которая и вынуждена была остановиться, оказавшись замкнутой и въ аррьергардѣ цѣлую конвоировавшихъ ее полицейскихъ. Несмотря на отвратительный мокрый осенній день, несмотря на то, что большинство демонстрантовъ были на ногахъ съ самаго утра, настроеніе у большинства было бодрое и приподнятое. Нѣкоторые изъ демонстрантовъ, стоявшие впереди, у морды казачьихъ лошадей, обращались къ казакамъ съ импронизированными рѣчами, въ которыхъ напоминали имъ объ ихъ бывшихъ военнолюбивыхъ, демократическихъ традиціяхъ и стыдили тую ролью, въ которой они выступаютъ теперь, становясь слѣпымъ орудіемъ деспотизма и произвола, и на лицахъ вѣнхъ казаковъ, подлѣ вліаніемъ юнкеской рѣчи, появлялась то благодушная улыбка, то едва уловимая тѣнь стыдливости, изъ-за которой скрывалось сознаніе характера названной имъ обязанности.

Становилось темно. Моросилъ медкій осенній дождикъ, кропившій продолжавшихъ стоять среди улицы прогосподавшихся и продрогшихъ манифестантовъ; а Грессеръ, повидимому изъ ме-

сти за слишкомъ шумную встрѣчу, оказанную ему при первомъ появленіи его передъ толпою, не торопился отдавать распоряженіе объ освобожденіи арестованныхъ изъ цѣпи окружающихъ ихъ казаковъ и полицейскихъ. Но вотъ, наконецъ, явился онъ и самъ. На этотъ разъ онъ вошелъ въ толпу храбро и самоуверенно подлѣ защитоу цѣлой свиты полицейскихъ. Изъ сосѣдняго дома принесли простой деревянный столъ и табуретъ, на который Грессеръ сѣлъ. Затѣмъ онъ предложилъ демонстрантамъ расходиться, выходя изъ цѣпи по одному. Публика, отчасти опасаясь быть арестованною поодиночкѣ, отчасти же желая довести свой протестъ до конца, потребовала отъ него, чтобы онъ удалялъ полицію и предоставилъ ей расходиться по домамъ, какъ ей будетъ угодно. Но градоначальникъ на это не согласился, настаивая на выполненіи предложеннаго имъ условія. Публика, съ своей стороны также упорствовала. Наступилъ моментъ выжиданія, смѣнившійся минутой колебанія и завершившійся, наконецъ, отступленіемъ большинства демонстрантовъ, изурнанныхъ цѣлымъ днемъ голода и усталости. Но все же подобралась небольшая кучка демонстрантовъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые не хотѣли расходиться иначе, какъ все вмѣстѣ. На этотъ разъ пришлось отступить уже полиціи, и упорствующіе, окруженные до тѣхъ поръ тѣснымъ кольцомъ полицейскихъ, были освобождены и отпущены все сразу. Уходя съ мѣста плѣвенія небольшими группами въ два-три человѣка, мы нѣкоторое время кружили по улицамъ Петербурга и, убѣдившись, что ни явныя, ни тайныя полиціи насъ не преслѣдуютъ, разошлись по домамъ. Въ день демонстраціи полиціа задержала всего нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, бывшихъ въ то время студентовъ петербургскаго университета прис. повѣреннаго Мандельштама и проф. Тузова-Барановскаго, которые были освобождены поздно вечеромъ того же дня. Но въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней по поводу „Добролюбовской демонстраціи“ среди студентовъ провагидались обыски и аресты, во многихъ случаяхъ, закончившіеся высылкою изъ Петербурга.

М. Брагинскій.

З а м ь т к а.

Въ концѣ мѣсяца „Дѣла давно минувшихъ дней“, № 3 „Вылого“, и привелъ характерный случай возможности енисейскаго губернатора Замитина, въ давняго г. Мерло докончить своихъ научныхъ наблюдений въ уездахъ Енисея. Имѣя я получая писмо отъ г. Мерло, которое отчасти дополняетъ, отчасти поправляетъ мой рассказъ. Экспедиція, въ которой находился г. Мерло, была снаряжена по предложенію ген.-губ. Косакова. Воет. Сиб. отдѣломъ географ. общества; г. Мерло являлся въ хозяйственной частной и производилъ метеорологическія наблюденія. Экспедиція тронулась изъ Енисейска въ половинѣ мая 66 г. на баркѣ, буксируемой пароходомъ. Шаповъ остался въ окрестностяхъ Туруханска для наученія инородцевъ; его сопровождала жена. Въ Дудинкѣ (около 300 верстъ ниже Туруханска) присоединился къ экспедиціи Ф. Б. Шмидтъ, командированный академіей науки для осмотра и принятія мѣръ къ сохраненію мамонта, якобы найденнаго врачами въ тулдрѣ. Въ концѣ іюня экспедиція достигла Бреховскихъ острововъ, что въ имамъ Енисея; эти острова обичная дѣйствіемъ судовъ енисейскихъ рыбопромышленниковъ. Здѣсь экспедиція разбилась: г. Мерло повернулъ лѣвеего на югъ и въ началѣ августа устроилъ въ селеніи Толстою Носу метеорологическую станцію. По времени, всѣ члены экспедиціи, далеко не закончивъ своихъ обследованій (мамонта не оказалось) въ ту же навигацію направились обратно, а г. Мерло согласился остаться на два года; средствами отъ него обезпеченъ только на одинъ годъ. Но Шмидтъ и П. А. Лопатинъ надумались добыть необходимый прибавку или отъ академіи науки, или отъ вост.-сибир. отдѣла. Ни то, ни другое не удалось, зато казакъ, братъ Согиньковъ (являющійся хозяева всего края) согласился свѣдѣтъ г. Мерло необходимыми средствами на второй годъ. И дѣйствительно, Согиньковъ въ іюлѣ 67 г. все приготовилъ для продолжительной поездки г. Мерло въ тулдры; но вышло иначе. Вдругъ завялился нарочный отъ Туруханскаго засѣдателя съ предписаніемъ отъ губернатора,—отправиться г. Мерло съ перваго пароходомъ въ Енисейскъ, а отсюда въ Еловскую волость, мѣсто причисленія г. Мерло. Въ сентябрѣ г. Мерло прибылъ въ Енисейскъ и тамъ напелъ губернатору естественно, г. Мерло отправился къ нему для объясненія такого неожиданнаго оборота дѣла. И вотъ что ему сказалъ губернаторъ:—ну, извините, я не понимаю; вост. сиб. отдѣлъ обратился ко мнѣ, какъ своему сочлену и губернатору, съ просьбой оказать содѣйствіе къ вашему обратному выѣзду; и я далъ распоряженіе, не зная о вашихъ намѣреніяхъ*.

Такъ объясняетъ Замитинъ. Но я въ Красноярскѣ слышалъ о перепутѣ губернатора, что г. Мерло находится въѣздъ волыскаго налора, бумага сибирскаго отдѣла именно наведла его на это. Да и распоряженіе отразить г. Мерло въ Еловскую волость въ извѣстной степени подтверждаетъ мое указаніе.

Г. Мерло передалъ Замитину дневникъ метеорологическихъ наблюденій и отчетность, для пересылки куда слѣдуетъ; а Замитинъ любезно согласился доводить ему прощаніе въ Енисейскѣ.

Письмо въ редакцію.

С. Л. Чудновскій въ своемъ письмѣ въ редакцію „Вылого“ (1907 г. мартъ, стр. 308) утверждаетъ, что въ XI главѣ очерка „Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу (183-хъ)“ и придаетъ неправильное объясненіе народническому движенію вообще и въ частности допустить ошибку, сказавъ, что ни одинъ изъ лавровцевъ не были привлечены къ процессу 183-хъ. Если авторъ письма былъ, можетъ быть, единственнымъ лавровцемъ, участвовавшимъ въ процессѣ, то я охотно каюсь въ своей ошибкѣ. Я собственно говоря, имѣлъ въ виду не лицъ, только раздѣляющихъ въ большой или меньшей степени взгляды Лаврова, а убежденныхъ сторонниковъ Лавровской платформы, поскольку она противопоставлялась анархизму. И не только во время процесса, но и теперь не считаю Чудновскаго такимъ активнымъ лавровцемъ, но совершенно отчетливо представлялъ и представляю, что онъ никогда не былъ анархистомъ. Точно такъ же я знаю, что ни Волковскій, ни братья Жебуныи и многие другіе изъ участниковъ процесса не сочувствовали анархическому ученію. Объ этомъ я, кажется, ясно изложилъ въ своемъ очеркѣ (полюбрь, глава VII стр. 37 и слѣдующія). Такими образами категорическое утвержденіе Чудновскаго, „что и привлеченные къ тому же процессу 183-хъ А. И. Желобовъ, Ф. В. Волковскій, С. А. и В. А. Жебуныи и нѣкоторые другіе къ анархизму не примыкали“, не только не опровергаетъ, но скорѣе подтверждаетъ все, что сказано мною въ VII главѣ и другихъ мѣстахъ очерка. Перехожу теперь къ наиболее важному возраженію, что я неправильно освѣтилъ весь характеръ движенія 70-хъ годовъ. Повидимому Чудновскій не согласенъ съ тѣмъ, что я характеризую движеніе, какъ революціонное, а не чисто народническое. Въ подтвержденіе своего взгляда и привелъ въ своемъ очеркѣ достаточно фактовъ и не могу отступить отъ этого взгляда ни на іоту. Быть можетъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ я допустилъ неправильное истолкованіе фактовъ—ошибки всегда возможны,—поэтому я вновь присоединюсь къ признанію уважаемаго мною С. Л. Чудновскаго, обращенію къ народникамъ (я бы сказалъ семидесятикамъ) прийти мнѣ на помощь въ исправленіи сдѣланной мною характеристики движенія. Въ своемъ очеркѣ я поставилъ широкую задачу—дать цѣльный взглядъ на движеніе 70-хъ годовъ, и если въ какомъ нибудь отношеніи я не справился съ этой задачей, то надѣюсь читатель проститъ мнѣ невѣдомыя ошибки. И буду вполнѣ удовлетворенъ, если мой очеркъ вызоветъ рядъ статей, которая дадутъ полную исторію семидесятихъ годовъ, составившихъ крупную эпоху въ развитіи общественнаго и особенно революціоннаго міросозерцанія не только интеллигенціи, но и народа.

Историческая библиография.

Записки князя С. П. Трубецкого. *Издание его дочерей. С.-Петербург. 1907 г.* Записки князя Трубецкого напечатаны были в первый раз в Лондонѣ Герценомъ въ 1863 году. Второе издание ихъ вышло въ Лейпцигѣ въ 1874 году¹⁾. Съ этого изданія онѣ были перепечатаны въ 1905 г. въ журналѣ „Всемирный Вѣстникъ“ (оттиски изъ журнала выходящихъ были въ отдѣльную продажу).

Новое издание, по счету четвертое, напечатано съ подлинной рукописи автора, и значительно отличается отъ прежнихъ, печатавшихся по копии, составленной Герценомъ. Главное, цѣнное отличие его,—первое повѣствованіе 20 страницъ Записокъ, на которыхъ рассказана краткая исторія тайныхъ обществъ декабристовъ, начиная съ первого по времени „Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ общества“, или Союза Спасенія. На этихъ страницахъ—вѣскольکو любопытныхъ данныхъ, которыхъ не встрѣчаются въ другихъ источникахъ по исторіи декабристовъ. Такова, напримеръ, дата основанія первого Общества: *9-е февраля*. Князь Трубецкой, впрочемо, по своимъ съ какимъ-нибудь личнымъ дѣломъ, хорошо запомнилъ эту дату; онъ одинаково указываетъ ее и въ своихъ воспоминаніяхъ, начатыхъ въ Сибирь, и въ своихъ показаніяхъ. И тамъ, и здѣсь онъ одинаково ошибается въ годъ, относя первое возникновеніе общества къ 1816-му году (стр. 12). Изъ показаній Пестеля и другихъ декабристовъ вѣсомѣнно, что Общество образовалось въ самомъ началѣ 1817-го года; по словамъ Пестеля—въ январѣ 1817 года. Сопоставляя эти извѣстія съ записками Трубецкого, датой возникновенія первого Общества декабристовъ надо принять *9 февраля 1817 года*.

Главная часть Записокъ Трубецкого, рассказы его о сѣбѣ, введена въ новое издание одинаково со старыми; страницы 33—78 новаго изданія совпадаютъ болѣею частью дословно съ страницами 10—80 лейпцигскаго изданія. Вступленіе же къ этимъ запискамъ, содержащее въ себѣ замѣчанія о царствованіи Александра I и рассказы о междоусобицѣ, печатается въ новомъ изданіи съ значительными отмычками противъ прежнихъ изданій. Это вступленіе сохранилось въ бумагахъ князя Трубецкого въ вѣсколькихъ черновикахъ наброскахъ, написанныхъ въ разное время; одни и тѣ же факты изложены въ этихъ наброскахъ неодинаково; князь Трубецкой, видимо, вѣскольکو разъ переделывалъ свое вступленіе и не далъ ему окончательной отдѣлки. Въ старомъ изданіи эта часть Записокъ была напечатана частью въ концѣ, подъ названіемъ „Отрывки“, частью же въ примѣчаніяхъ къ Запискамъ. Въ новомъ изданіи она цѣлкомъ выдѣлена въ конецъ подъ заглавіемъ: „Привлеченіе къ запискамъ кн. С. П. Т.“ Эти привлеченія изданы не вполнѣ удовле-

творительно. Редакторъ заботился о томъ, чтобы составить изъ различныхъ набросковъ связанный рассказъ, и рѣшилъ пропустить нѣкоторыя страницы рукописи, и отдѣльныя фразы и замѣчанія разныхъ редакцій. Мы не находимъ въ новомъ изданіи 3-хъ съ половиной страницъ лейпцигскаго изданія, любопытныхъ замѣчаній князя Трубецкого объ исторіяхъ возстанія 14 декабря и о книгѣ барона Корфа, начинающихся словами: „Все, что писано до сихъ поръ о дѣлахъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ покойнаго государя Николая Павловича, не имѣетъ для меня и тѣмъ справедливости“. (стр. 85—88 лейпцигскаго изданія). Кромѣ этихъ страницъ пропущены въ новомъ изданіи и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія князя Трубецкого, имѣющія большое значеніе для исторической цѣнки его записокъ. На страницахъ 27—28-й новаго изданія напечатанъ интересный рассказъ князя Трубецкого о томъ, какъ Николай Павловичъ предъявилъ свои права на престолъ еще въ тотъ день, какъ узналъ о бѣдѣ Александра I и какъ графъ Милорадовичъ, рѣшительно отказавъ ему въ содѣлствіи²⁾. Въ старомъ изданіи мы находимъ тотъ же самый рассказъ въ вѣскольکو распространенной редакціи и съ слѣдующимъ началомъ: „Я былъ коротко знакомъ съ д. с. е. вѣдомымъ Петровичемъ Опочининымъ. Пріѣхавъ къ нему 25 ноября, послѣ разговора о тронныхъ вѣсткахъ, привезенныхъ вѣчернимъ курьеромъ, онъ мнѣ сказалъ, что великій князь Николай“ и т. д. При изданіи записокъ, само собой разумѣется, никакъ нельзя пропускать такихъ важныхъ замѣчаній, указывающихъ на истинныхъ свидѣлѣй автора. Редакторъ новаго изданія, правда, не дѣлаетъ такихъ пропусковъ произвольно, но онъ, выбирая одну редакцію этого рассказа, оставилъ безъ вниманія листокъ съ другимъ, болѣе полной редакціей того же рассказа, и не нашелъ нужнымъ напечатать ее или въ примѣчаніяхъ или въ добавленіяхъ.

Нельзя не пожалѣть о пропускѣ вариантовъ къ рассказу князя Трубецкого объ отношеніи различныхъ классовъ общества къ двумъ претендентамъ на престолъ: Константину и Николаю. Въ нихъ встрѣчаются поучительныя противорѣчія, которыя заставляютъ историка съ большою осторожностью относить къ нѣкоторымъ частямъ рассказа. Противорѣчіе есть уже и въ текстѣ записокъ новаго изданія. На стр. 27 сказано категорически: „*Дворъ домаго Николая*“, а на страницѣ 32-я не менѣе категорически: „*Только некоторая часть двора предпочитала жить императоромъ Николаемъ*“. Въ вариантѣ, известномъ изъ стараго изданія, сказано опять иначе: „*Однакоже болѣшая часть вѣснаго хура желала жить императоромъ Николаемъ*“, подъ высшимъ крутомъ здѣсь разумѣются тотъ же дворъ, потому что желаніе это мотивируется надеждою, „что при немъ дворъ возвысится“ и рассказъ заканчивается словами: „такъ говорили придворные“. (стр. 5—6 примѣч.) Въ четвертомъ вариантѣ также опущеномъ въ новомъ изданіи (стр. 109—110 стараго изданія), сказано „*придворные желали Николаемъ*“, и указаны другіе мотивы: „то съ ними не будетъ никакихъ измѣненій при дворѣ, что все останется на своихъ мѣстахъ“.—Въ новомъ изданіи на стр. 87-й сказано: „*Одни военные искренно желали, чтобы Константинъ остался императоромъ. Имъ молодые великіе князья надобно*“. Опущенный вариантъ даетъ интересное поясненіе о содѣлкахъ: „*Военные рѣшительно были все за Константина, какъ офицеры такъ и простые солдаты. Последние говорили, что Константину служатъ можно, а молодымъ князьямъ нельзя; такъ уже они опровергаѣи всѣмъ военнымъ въ продолженіи командованія своего гвардейскими дивизіями*“.

¹⁾ Записки князя Трубецкого (съ приложеніями). Лейпцигъ. Д. Л. Каспрювъ. 1874. Denkwürdigkeiten des Fürsten Trubetzkoi.

Редакторы нового издания, стараясь из отдельных отрывков составить связный рассказ, не избежали при этом некоторых ошибок. На страницах 91-й и 15 строк от слов „Общество не имело опоры в старших чинах гвардии“—несомненно напечатаны не на месте, без связи с предыдущими и последующими изложениями. Этот отрывок—об отношении гвардии к заговору тайного общества относится к рассказу о том же на стр. 85—86. Здесь же он бесцельно прерывает рассуждение князя Трубецкого о самоотверженности декабристов. „Он—говорит автор—давно уже обрелся себе служению отечества и прервал страх бедствия“. Всегда на эти слова мы должны следовать непосредственно, минуя указанный отрывок, рассуждения Трубецкого о способности людей к самопожертвованию (от слов: „Сколь человек ни бывает призрачен к жизни“).

Подобное произвольное соединение разрозненных отрывков можно заметить и в других местах нового издания. Герцен сдвинул гораздо лучше, напечатал эти черновые наброски в виде „Отрывков“, наглядно отделив их от другого текста.

К новому изданию приложены статьи В. Н. Чернына „Восточный вопрос с русской точки зрения“ и статьи неизвестного автора „Мысли об истекшем тридцатилетии России“. Эти статьи занимают 25 всей книги. Присоединены они к запискам потому, как заявляет Э. С. Свербева, что они „нашлись в бумагах кн. С. П. Трубецкого, писанный его рукой“. Основание—очень недостаточное. Повидимому, персонально статьи эти считались принадлежащими автору записок (ср. „Русские Ведомости“ 1906 г. № 312, фелетон В. В. Якушкина).

На разбор записки по существу я останавливаться не буду. Приведу лишь из следственного дела о декабристах небольшие справки к тем же местам записок, где князь Трубецкой говорит о допросах и отъездах ставках. Князь Трубецкой в записках подчеркивает свою осторожность в показаниях на других лиц. Подлинная же дела следствия показывают наоборот, что он старался всячески доказать свою откровенность, и не останавливался пред уликю других. О своей очной ставке с Батеньковым, князь Трубецкой говорит, что на вопрос о принадлежности его к тайному обществу он отказался, что не может доказать его принадлежности к обществу, что „не знает, чтобы кто его когда признал“, что „сам никогда не говорил с ним об обществе“ и т. д. Впоследствииоружие же его опять читаем следующее: „Рассуждения его (Батенькова), по мнению моему, по могли быть иначе сделаны, как при известности ему существования тайного общества и действительности доверенности моей к нему и участия его во намерениях и действиях общества; ибо вероятно, чтобы Рыльцев, познанный Батенькова со мной, не сказал ему, что я член общества. А о намерениях воспользоваться обстоятельствами для введения конституционной монархии Батеньков знал“ (дьяко Гос. Арх. I № 359).

Рассказ князя Трубецкого об очной ставке его с С. М. Семеновым в общем подтверждается бумагами архива, по тому отъезду, суда по этим бумагам, был иной. Князь Трубецкой утверждал, что на вопросы комитета о принадлежности Семенова к обществу, он дважды отвечал: „уверительно сказать не могу, принадлежит ли он к обществу“. На следственный комитет эта очная ставка произвела другое впечатление. В журнал комитета от 13 января 1836 г. записано было, что Трубецкой „удачил“ его (Семенова) в

принадлежности к тайному обществу, однако он по явному упорству в том же не сознался“. И сам кн. Трубецкой, точно по возвращении в каземат послѣ очной ставки с Семеновым послѣдств. письменно оправдался предъ комитетом в том, что он „не умел уличить“ Семенова; „Осмѣливаюсь всепокорнѣе просить Комитетъ—писаль онъ—войти въ разсужденіе, что я не иначе могу уличить многихъ изъ членовъ, какъ связкою на другихъ членовъ же. Подозрительнымъ показавъ такъ же то, что я намянвился въ голосъ, при видѣ г. Семенова; я сѣю предъстать, что свойственно челоуку почувствовать жалость къ другому (особенно когда имѣешь причины быть ему благодарнымъ, какъ я имѣю честь объяснить комитету) вида, что онъ губить себя неуживымъ заирательствомъ“ (Гос. Арх. I № 67).

На стр. 53-й князь Трубецкой приводит один из вопросов, заданных ему следственным комитетом, в такой форме: „Кто вывался нанести удар, по моему предложению, царствующему императору“. Тут память ему изменила; подчеркнутых слов в вопросе не было. Вопрос этот был формулирован так: „Кто вывался и кто назначен был нанести удар государю и овладеть дворцомъ, и поощре какой был сделанъ распоряженію о действияхъ 14-го декабря?“ Трубецкой ответил на это так: „Кто вывался и кто назначен был нанести удар государю императору я совершенно не знаю... Тот или ты, кои показавъ, что я требовалъ, чтобы государь императоръ былъ принесенъ на жертву, долженъ знать если и кого на сіе указанное дело и назначилъ, если я оного требовалъ, то вероятно, и назначалъ кому-нибудь для исполнения... Не могу никакъ предполагать, чтобы кто рѣшился меня оклеветать, или умышленно невѣрно показать на меня“ (дьяко № 333 и. 71). В записках (с. 53) этот ответ изложен совершенно иначе, но смысл его передать верно.

Н. П. Славянский.

М. В. Довнар-Запольскій. *Тайное общество декабристовъ. М. 1906.* В книжкѣ г. Довнар-Запольскаго есть много блестящихъ страницъ; это те страницы, гдѣ говоритъ не авторъ, а говорятъ сами декабристы. Мѣтки и связные слова Пестеля связываютъ содержательными при всей его сдержанности рассказомъ Никиты Муравьева; живые диалоги Рыльцева—пламеннымъ красноречіемъ Каховскаго, страстными и безапелляционными заявлениями Поджіо. Среди декабристовъ было много людей, писавшихъ превосходно. Исторіку ихъ тайнаго общества всегда будетъ грозить опасность, что его собственныя слова потонутъ предъ блестящимъ показаніемъ и запискою, служащихъ источникомъ его описаній и рассужденій. Г. Довнар-Запольскій и къ этому драгоценному материалу, и къ значительной темѣ работы: полное обзорное изложеніе и восстаніи декабристовъ—относился быть должнаго уваженія. Послѣдств. работа явила его въ много заблужденія.

„Строю свой обширный плавай путемъ логическихъ умозаключеній,—пишетъ авторъ—Пестель, быть можетъ, сознавалъ силу своего ума. Въ этомъ отомщеніи онъ былъ—силомъ своего времени“. „Сознаніе силы своего ума“ является здѣсь—по точному смыслу словъ автора—отличительнымъ признакомъ времени Пестеля!

Говоря объ образованіи Пестелемъ яжнаго общества и перечисляя всѣхъ его бывшихъ сотрудниковъ г. Д-Запольскій весьма определенно говоритъ: „Такими сотрудниками оказались: князь Волконскій... В. Л. Давыдовъ, Сергей Муравьевъ-Анстоль, Михаилъ Востужевъ-Рюмикъ“, и продолжаетъ: „Съ этими

лицами, уже состоявшими членами Совета Благочестия, Пестель успевать соглашаться на киевских контрактах 1822 года. Въ этомъ году названный *лицо* съблизился на контракты и *тутъ къ нимъ присоединился Сергей Муравьев-Апостол*¹⁾, Сергей Муравьев-Апостол, такимъ образомъ присоединяется къ названнымъ лицамъ. — а въ числѣ ихъ и къ самому себѣ. Изъ дѣлѣвшаго изложенія оказывается, что на киевскихъ контрактахъ 1822 года Михаила Востужева-Рюмина не было (одинъ изъ четырехъ названныхъ лицъ*), потому что онъ появился впервые на контрактахъ 1823 года.

Когда автору приходится въ разныхъ мѣстахъ книги касаться одного и того же факта, онъ каждый разъ импорозировываетъ новое его объясненіе. Такъ, напримеръ, говоря въ трехъ разныхъ главахъ о письмѣ Матвія Муравьева-Апостола къ брату его Сергію (написанномъ въ ноябрѣ 1822 года), онъ даетъ ему три разныхъ объясненія, исключаящихъ одно другое. На стр. 206-й г. Д. Вязолский на основаніи этого письма пространно рассуждаетъ о „постоянныхъ колебаніяхъ“ Матвія Муравьева-Апостола о „странной“ двойственности въ его характерѣ: „То онъ строитъ планы покушенія на жизнь государя, то *отвѣтъ* пишетъ своему брату Сергію письмо и представляетъ ему дѣла Общества въ совершенно беззащитномъ видѣ и въ мрачныхъ чертахъ представляетъ честолюбивые замыслы отбывшаго его членова. И это письмо онъ пишетъ почти въ самый разгаръ своей дѣятельности въ дѣлахъ общества. Такъ странно въ немъ сочетались и качества дѣятельнаго члена общества и недѣвья къ его успѣхамъ и даже къ поставленной имъ цѣли“. Читавшій дальше, и на стр. 250-й узнаемъ, что Матвія Муравьевъ написалъ это беззащитное письмо къ брату не потому, что вообще всегда колебался, и не потому, что въ немъ странно сочетались разные качества, а потому, что въ этотъ опредѣленный моментъ, „охлаждѣвъ къ дѣлу общества“, охлаждѣвъ же онъ также по опредѣленной причинѣ, потому что „Пестель въ Петербургѣ произвелъ на него несприятное впечатлѣніе“, и въ подтвержденіе этого, авторъ цитируетъ его письмо къ брату¹⁾. Здѣсь авторъ категорично заявляетъ, что Матвія Муравьевъ „охлаждалъ къ Пестелю и къ дѣлу общества“. Читавшій дальше, и на стр. 315, находимъ противоположное, не менѣе категорическое заявленіе, что „его недѣвья и холодность относилась не къ *малому Обществу*, но къ *лицу*, которое стояло во главѣ его“, то есть къ Пестелю, какъ сказано тутъ же.

Николай Тургеневъ, въ своемъ разборѣ донесенія сѣдѣтельной комиссіи упрещаетъ составителя донесенія въ томъ, что онъ, съ цѣлью обвиненія, преувеличилъ организованность Совета Благочестія и формальное значеніе совѣщаній членова союда, что онъ строилъ обвиненія на простыхъ разговорахъ членова общества, что онъ бесѣды ихъ превращалъ въ правильныя совѣщанія. Кто былъ правъ, Тургеневъ или Вязоловъ, писавшій доносеніе? Гдѣ кончались простые разговоры и гдѣ начинались совѣщанія и постановленія общества, обвинявшія членова къ новѣвшему дѣвѣвямъ? Это неомыслимо основной вопросъ исторіи Совета Благочестія, какъ и всякаго тайнаго общества. Г-нъ же Вязоловъ, обсуждая такой важный вопросъ, какъ признае Об-

ществомъ республиканской формы правленія рѣшается утверждать, что это „не имѣетъ большой важности“, дебатировался ли этотъ вопросъ въ формальномъ засѣданіи Коронной Думы или же является простымъ обменомъ мнѣнія въ средѣ членова основателя Общества“¹⁾.

Не придавая важности внимательному разсѣвдованію этого вопроса, г. Д. Вязолский гораздо больше графа Вязолова преувеличилъ формальное значеніе двукоронныхъ совѣщаній членова общества. Бесѣды и разговоры оны, гораздо съмыслѣ и рѣшительнѣ Вязолова, превращаетъ въ правильныя совѣщанія и рѣшенія общества — въ формальные переговоры и въ „дипломатическія миссіи“ до строго установленной „программы“. При этомъ иногда, какъ напримеръ въ описаніи поездки Пестеля въ Петербургъ въ 1824 году, онъ его сложныя соображенія о „переговорахъ“ и „дипломатическихъ миссіяхъ“ оказывается построенными на пескѣ, Пестель — пишетъ оны — въ Петербургѣ для переговоровъ не одинъ. Передъ нимъ туда же отправился полковникъ Поголовъ-Швейковский. Когда Пестель былъ уже въ Петербургѣ, туда же прѣхалъ кн. Волковский. Все трое анализъ въ Петербургѣ въ раннее время вѣрнотю, въ цѣляхъ предосторожности, чтобы не обратить на себя вниманія полиціи. Надо думать, что поездка была такъ обставлена Пестелемъ, не безъ расчета. Въ Петербургѣ являлся начальникъ 4-хъ полковъ жандармской арміи, что должно было бы импорозировать на казнителю и поручикова Свѣрдаго Общества. Съ другой стороны, Пестель упрещанъ въ диктатурѣ: присутствіе сочленова должноствало дать отпоръ такимъ мнѣніямъ. Наконецъ, каждый изъ прѣхавшихъ вель дѣла переговоровъ преимущественно съ однимъ изъ директорова Свѣрдаго Общества: Швейковский — съ Трубицкимъ, Волковский — съ Оболескимъ; Пестель на себя рѣшился принять удары критики со стороны Н. Муравьева²⁾.

Все эти соображенія о разныхъ тонкихъ расчетахъ Пестеля построены на невѣрномъ основаніи. Князь Волковский, какъ видно изъ показаній его самого, Оболескаго и другихъ, прѣхалъ въ Петербургъ въ 1824 году не одновременно съ Пестелемъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ концѣ этого года. Г. Д. Вязоловъ-Вязолский неправильно приурочилъ его прѣздъ въ Петербургъ ко времени пребыванія здѣсь Пестеля, потому что оны и самую поездку Пестеля въ Петербургъ, имѣвшую такое важное значеніе въ исторіи общества, датировалъ ошибочно, отнеся ее къ *концу* 1824 года. Пестель пишетъ оны — откланивалъ поездку почти до конца 1824 года (въ сентябрѣ онъ еще былъ въ Тульчинѣ³⁾. Въ этой датировкѣ оны основывается только на томъ, что Пестель въ сентябрѣ былъ въ Тульчинѣ (какъ будто, Пестель не могъ въ этому времени уже вернуться изъ Петербурга), и упускаетъ изъ виду точныя данныя о времени его поездки въ Петербургъ, давно напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ изъ семейныхъ бумагъ Пестеля: 6 марта 1824 года выхалъ изъ мѣстнаго отпа, села Васильева, въ Петербургъ и 6 мая того же года вернулся въ это мѣстна, а 17 июля (апрѣль іюля) ухалъ въ Тульчинъ (Р. Архивъ, 1875, т. I, с. 410).

Князь Волковский вовсе не прѣхалъ въ Петербургъ одновременно съ Пестелемъ (въ мартѣ, апрѣлѣ), а третій полковникъ жандармской арміи, Поголовъ

¹⁾ „Впрочемъ, большой важности не имѣетъ *вопросъ*, — дебатировался ли *этотъ вопросъ* (ст. 69).

²⁾ Волковский прѣхалъ въ Петербургъ также въ концѣ 1823 года и ухалъ отсюда въ началѣ 1824 года, до прѣзда Пестеля (Гос. Арх. I В. 309, а. 84—85, отъ. № 8).

³⁾ Въ этой страницѣ, (250-й), авторъ объясняетъ охлажденіе Муравьева тѣмъ, что Пестель произвелъ на него несприятное впечатлѣніе во время своего пребыванія въ Петербургѣ, то есть въ концѣ 1824 г. На страницѣ же 232-й авторъ говоритъ, что „холодность“ Муравьева, начальнаго Пестелемъ до сентября 1824 года, была одной изъ причинъ, побуждавшихъ его предпринять поездку въ Петербургъ.

Швейковский, пріѣхавъ сюда гораздо раньше Пестеля, уѣхавъ вскорѣ послѣ его пріѣзда, и онъ никакъ не могъ «вести много переговоровъ съ однимъ изъ директоровъ Свѣрнаго Общества» княземъ Трубецкимъ, но особой программѣ дипломатической миссіи» до пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, потому что, какъ сообщаетъ самъ же г. Залозскій, Пестель только въ Петербургѣ принялъ его съ боемъ важнаго общества, то есть «открылъ ему весь ходъ Южнаго Общества». Пестель въ своихъ показаніяхъ категорически заявилъ, что «подковнику Швейковскому, заданному въ Петербургѣ, никакого порученія не было дано», и мы не имѣемъ никакихъ основаній не вѣрить этому заявленію, потому что Пестель одновременно съ этимъ разъясняетъ о порученіяхъ, данныхъ имъ другимъ членамъ общества, заданнымъ въ Петербургѣ¹⁾. А Новалю-Швейковскій не меньше категорично утверждалъ, что до свиданія въ Петербургѣ, онъ съ Пестелемъ «вовсе не былъ знакомъ и никогда не видѣлся».

Крайняя неспѣшность работы г. Д. Залозскаго, мнѣ кажется, достаточно доказана этими примѣрами. Результаты этой работы таковы, что заключительная фраза автора: «Предъ нами прошла исторія Тайнаго Общества» не можетъ же показаться претенціозной.

И. П. Сиванский.

Т. Шевченко. Кобзарь. Выданыя «Общества имени Г. Г. Шевченко для исподомощенія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга» и «Благотворительнаго Общества изданія общепользованныхъ и дешевыхъ книгъ». С.-Петербургъ. 1907.

Наконецъ-то, спустя 46 лѣтъ послѣ смерти украинскаго поэта, котораго Боденштедтъ считалъ «величайшимъ поэтомъ славянскаго міра», въ Россіи появилось полное, свободное отъ какихъ бы то ни было цензурныхъ умолчаній и искаженій изданіе его поэтическихъ произведеній.

Комиссія, организовавшаяся съ цѣлью изданія «Кобзаря» (въ составъ которой входили С. Афанасьевъ, Ф. Волкъ, М. Дубага, И. Забѣла, О. Лотоцкій, О. Русовъ, П. Саладиковъ и П. Стебницкій) поручила редакцію изданія г. В. Доманицкому, въ объемѣ блестяще выдоложенному порученію, требовавшему на стойчиваго вниманія, детального знакомства съ произведеніями поэта и его біографіей и чрезвычайно кропотливой работѣ надъ сплеченіемъ различныхъ текстовъ съ сохранившимися автографами поэта. Къ счастью, послѣдніе такъ бережно сохранились его почитателями, что въ распоряженіи г. Доманицкаго оказались 270 автографовъ и 18 копій съ нихъ (изъ послѣднихъ 8 испрравленныхъ рукой Шевченко). Наравнѣ съ вышеупомянутыми автографами должно постановить экземпляръ «Чигиринскаго Кобзаря» (изд. 1844 г.), Гайдамаковъ» и «Гамаліи», также собственноручно исправленный и дополненный самимъ Шевченко. Въслѣдствіе вышеуказаннаго счастливаго стеченія обстоятельствъ, изъ всѣхъ 215 поэтическихъ произведеній Шевченка, напечатанныхъ подъ редакціей г. Доманицкаго, лишь 8 произведеній остались непереврнутыми на автографѣ поэта вѣ той или иной формѣ.

Особенную цѣнность изданію придають новые матеріалы, добытые П. Е. Шеголовымъ и Я. П. Забѣлой изъ архива департамента поэзии (бывшаго «III отдѣленія»). Матеріалы эти кончились въ архивѣ болѣе 50 лѣтъ недостаточ-

ными для обслѣдованія, при чемъ среди нихъ были три рукописи Шевченко одна изъ нихъ, носившая заглавіе «Три літа» и заключающая въ себѣ 24 стихотворенія (1844—1846 г.г.), съ очень важными вариантами; во второй, менѣе важной, такъ какъ она была предназначена для подачи въ цензуру, находится стихотворенія конца 1846 и начала 1847 г.; и, наконецъ, третья, самая цѣнная рукопись, заключающая въ себѣ только текстъ поэмы «Врѣтникъ» или «Иванъ Гусь» («неизвестная до послѣдняго времени часть этой поэмы была напечатана П. Е. Шеголовымъ въ № 6 «Вылого» за 1906 г.). Какъ известно, текстъ этой поэмы считается утеряннымъ. Въ бумагахъ покойнаго Шафарика, въ формѣ «послани» къ которому была написана эта поэма, напечатана лишь небольшой отрывокъ, который и печатается въ прежнихъ изданіяхъ (пражскомъ и львовскомъ) изданіяхъ «Кобзаря». Помимо этой поэмы, являющейся однимъ изъ первыхъ поэмовъ Шевченко и чрезвычайно важной для характеристики его міросозерцанія, въ настоящемъ изданіи впервые, на основаніи матеріаловъ, найденныхъ въ III-отдѣленскомъ архивѣ, напечатаны четыре неизвестныхъ до сихъ поръ произведенія Шевченко: «Сова» (стр. 157), «Дівочі поті» (стр. 164), «Маленькій Маринъ» (стр. 270), «Три літа» (стр. 280).

Впервые также напечатаны въ Россіи тексты такльхъ поэмъ, которыя раньше печатались лишь въ заграницныхъ изданіяхъ: «Сова», «Кавказъ», «Холодній бортъ» и нѣсколь массы стихотвореній (выходившихъ вслѣдъ съ вышеупомянутыми поэмами въ составѣ II тома пражскаго изданія «Кобзаря», недопущеннаго цензурой къ обращенію въ Россію).

Теперь остается лишь пожелать, чтобы вслѣдъ за этимъ превосходнымъ изданіемъ «Кобзаря» не было замедлено появленіе столь же тщательно и съ такой же любовью къ дѣлу обработанной біографіи великаго украинскаго поэта. Въслѣдствіе цензурныхъ условій недавняго времени всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, (вслѣдствіе и очень цѣную по собраннмъ матеріаламъ біографію Шевченко, написанную покойнымъ Конисскимъ), страдали неолнотой и недоговоренностью. Даже обстоятельный критическій разборъ произведеній Шевченко, вслѣдствіе той же условій, быть совершенно невозможнымъ и единственной выдающейся работой этого рода является блестящая статья покойнаго М. П. Драгоманова (Шевченко, украинофильи и социализмъ), погребенная въ одномъ изъ томовъ издававшейся въ Женевѣ «Громады», и мало кому известная.

В. Батуринскій.

¹⁾ Новалю-Швейковскому дано было порученіе въ Петербургѣ, безъ вѣдома Пестеля, Сирскія Муромцевы — Апостоломъ: передать письма тремъ членамъ Свѣрнаго Общества (Гос. Арх., I В. № 404).

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Библиотека „Свѣточа“:
 Пр. Овсяннико-Куликовскій, Гоголь. СПб. 1907. Ц. 1 р.
 Н. И. Карѣвъ. Теорія личности П. Л. Лаврова. 1907. Ц. 30 к.
 С. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій ч. 1. Штудистъ Пав. Руденко. Съ воспоминаніями Кропоткина. СПб. 1907. Ц. 1 р.
 П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣятельность въ русской литературѣ. Изд. Т-ва „Знаніе“. СПб. Ц. 1 р. 1907.
 А. Смоленскій. Земля — всему трудящемуся народу. Ц. 2 к. СПб. 1907.
 Жоржъ Вейль. Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 — 1870 г. Перев. съ франц. Л. Шишко. Изд. Скирмута 1906 г. Ц. 2 р.
 К.—во „Свободная Пресса“:
 Всев. Ильинскій. Перлы к-д-ой тактики. СПб. 1907. Ц. 20 к.
 Записки бѣглога каторжника Петра Симанова. Суторская каторга. СПб. 1907. Ц. 20 к.
 Новая литература № 3—4. 1907.
 Обзоры текущей популярной литературы. Вып. 1. 1907. Ц. 15 к. Изд. Библиот. Ком. Киевск. Об.—за грамотности.
 Противъ смертной казни. Изд. 2-ое дополненное. Сборникъ статей подъ ред. М. Н. Гернета, О. Б. Годовскаго и И. Н. Сахарова. М. 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.
 К.—во „Посредникъ“:
 Новая произведенія Л. Н. Толстого. Вып. II. Божеское и человеческое. Ц. 25 к. М. 1907.
 Джонъ Дьюи. Школа и общество. Ц. 30 к.
 Ю. Поступаевъ. У земли и у котла. Пѣсни трудовой жизни. Ц. 20 к.
 Темный. Наслѣдство. Ц. 30 к.
 Ю. Поступаевъ. Жена рабочаго. Ц. 2 к.
 Наживный. На высотѣ. Ц. 2 к.
 Благодарители. Ц. 2 к.
 Генри Джорджъ. Земельный вопросъ, его сущность и его единственное рѣшеніе. Пер. съ англ. С. Д. Николаева. Ц. 10 к.
 Горбуновъ-Посадовъ. Братская кровль. Ц. 3 к.
 Библиотека для дѣтей Горбунова-Посадова:
 Друзья-приятели. Ц. 25 к.
 Шалунъ. Ц. 30 к.
 Сиггурка. Ц. 30 к.
 Теремокъ мышкы. Ц. 30 к.
 Черезъ рѣчку. Ц. 40 к.
 Любимая книжка. Ц. 40 к.
 Лѣсные забри. Ц. 40 к.
 Желѣзная дорога. Ц. 40 к.
 Первые цвѣточки. Ц. 12 к.
 Рождественскій подарокъ. Ц. 15 к.
 С. Заваринъ. Экономическія условія Карабага и голодь 1906—1907. Перев. съ арм. СПб. 1907. Ц. 30 к. Изд. Армин. Культ. Союза въ Баку.

- К.—во „Донская Рѣчь“:
 С. А. Савинкова. На волосъ отъ казни. Рост. на Дону. Ц. 10 к. 1907.
 Таня. Коронація въ Колымскѣ. Ц. 5 к.
 М. Р. Поповъ. Къ біографіи И. Н. Мышкина. Ц. 5 к.
 Химъ Гершковичъ. К.—во „Къ свѣту“. Ц. 5 к.
 100 лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. По П. Мемановскому, Л. Кульничкому и др. под. ред. Ю. Подвинскаго. Москва. 1907. Ц. 1 р. К.—во „Молодая Польша“.
 Исторія Россіи въ XIX в. вып. I. СПб. 1907. Ц. 1 р. 35 к. Изд. Т.—ва „Бр. А. и И. Гранать и К.“.
 „Русская Историческая Библиотека“:
 А. В. Тьрковъ. Къ событію 1 марта 1881 года. Ц. 8 коп. Ростовъ на Дону. 1907.
 Анд. Ив. Желавовъ и С. Л. Перовская (біографическіе очерки) съ пред. В. Бурцева. 1907. Ц. 15 к.
 Литература партіи „Народной Воли“ вып. I. Ц. 1 р. 1907. вып. II. 1907. Ц. 1 р.
 А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. I, изд. Саблина. М. 1907. Ц. 2 р.
 Б. Разинъ. Физика для народа. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Ц. 50 к.
 К.—во „Вѣрный Путь“:
 А. Зиминъ. Церковь и государство. Ц. 7 к.
 В. Василевичъ. Записки депутатовъ второй Государст. Думы. Ц. 4 к.
 А. Николаевъ. Народная газета. Ц. 4 к.
 Ежегодникъ высшешкольнаго образованія, вып. I. подъ ред., В. И. Чернулускаго. Ц. 1 р. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.
 Михаилъ Павловичъ (Волонтеръ). Соціалистическое движеніе на западѣ Европы (Итоги и перспективы). Рефератъ К-во „Новый Миръ“ Ц. 20 к.
 Волонтеръ (Н. Павловичъ). Регулярная армія или народная милиція? К-во „Воля“. Ц. 6 к.
 Дисциплинарное Дѣло о присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощникахъ, пытавшихся въ октябрѣ 1905 г. прервать занятія въ Киевскомъ Окружномъ Судѣ. Киевъ. 1907. Библиотека „Общественной Пользы“.
 Н. Н. Полянскій. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. СПб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
 А. Я. Ефименко. Исторія Украины и ея народа. Съ портретами и рисунками. СПб. 1907. Ц. 50 к.
 Остроумно изобразительный идыльго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Пер. съ исп. М. В. Ватсонъ. Ц. за двѣ части 7 р. Изд. Ф. Павленкова. 1907.
 Рота № 1. 25 мар. 1907 г. Изд. Орг. Воен. Союза солдатъ и матросовъ.
 Сигналь № 1 мартъ 1907 г. Органъ Всерос. жел.-дор. союза Полѣсс. ж.-д. Борьба № 2 Москов. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 5 апр. 1907 г.
 Приложение къ № 1 „Народной Арміи“. Изд. Всерос. Военнаго Союза.
 Солдатская газета № 6 и 7. Изд. Пет. Ком. п. с.-р. мартъ 1907 г.
 Партийная Извѣстія № 5 и 6 Изд. Ц. К. п. с.-р. мартъ 1907 г.
 Земля и Воля № 2 и № 3 мартъ 1907. (Крестыянская газета). Изд. Ц. К. п. с.-р.
 Труды № 11. Изд. П. К. и Совѣтъ Раб. Союза нар. с.-р. мартъ 1907.
 Военный Листокъ № 12 и № 13 (апр. 1907 г.). Орг. Всерос. Союза солдатъ и матросовъ одесскаго окр. и черномор. флота. Изд. Тавр. Союза п. с.-р.
 Солдатская Мысль № 2. Орг. Всерос. Воен. Союза. Изд. Тиф. Союз п. с.-р. Мартъ 1907 г.
 Думское Эхо № 2. Изд. Севаст. Ком. п. с.-р. 7 апр. 1907 г.
 Солдатская недѣля. № 1 февр. 1907. Изд. Тиф. Ком. п. с.-р.
 Сѣверный рабочий. № 7 и № 8 (4 и 18 марта 1907). Орг. Костр. Окр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
 Молодость № 2. Полтав. союзъ учаш. п. с.-р. 8 марта 1907.
 Южный рабочий № 1. 2 апр. 1907. Одесскій Ком. п. с.-р.
 Крестьянинъ и рабочий № 4. Мартъ 1907. Орг. Уфим. Раб. Союза п. с.-р.
 Молотъ № 2 и № 3. Изд. Бакин. орг. п. с.-р.
 № 5.

Социалист-Революционер № 1 и 2 (мартъ и апрѣль 1907 г.). Изд. Тамб. Ком. п. с.-р.
 Представителю Воен. Судох. Орг. п. с.-р. Вл. Вас. Евреининову отъ Ц. Б. В. С. О. п. с.-р.
 Первое мая 1907 г. Ц. Б. Воен. Суд. Орг. п. с.-р.
 Навигация открылась... Ц. Б. Воен. Суд. Орг. п. с.-р.
 3 листка Барнаульскихъ приказчиковъ. Мартъ, 1907.
 5 листовъ (№№ 20, 22, 24, 25, 26) Барнаульск. К. Р. С.-Д. Р. П., Мартъ 1907 г.
 Отчетъ Бакин. О. П. С.-Р. за ноябрь 1906, февраль и мартъ 1907.
 Отчетъ Воен. Союза П. С.-Р. за сент., окт., ноябрь 1906.
 № 2 и № 3 Извѣст. и одинъ листокъ Стачечн. К-та Каспійск. моряковъ 1907.
 Извѣщеніе и 2 листка Кокандск. К-та п. с.-р. за ноябрь 1906.
 Товарищи—крестьяне! Изд. Бѣлевск. групп. п. с.-р., 17—II—1907.
 „Что дѣлать крестьянамъ“ (по поводу указа 1906). Изд. Ц. К. П. С.-Р. Мартъ, 1907.
 2 листка Читин. К-та п. с.-р. Мартъ, 1907.
 9 листовъ Амурской группы р. с.-д. р. п., январь, 1907.
 2 листка Виленск. К-та П. С.-Р., мартъ, 1907.
 4 листка Союза Якутовъ, янв.—апрѣль, 1906.
 Уставъ и листокъ професс. союза почт.—тел. и телеф. служ. въ Тифлисъ Изд. Тифл. К. п. с.-р.
 Ко всемъ рабочимъ Одесск. Ком. п. с.-р. 8 марта 1907.
 Едд. С. Царь и народъ. Москва. Изд. Прѣсен. Отд. Всероссийск. Русск. союза.
 Дм. Бодиско. Шабашъ сатаны въ Госуд. Думѣ. Москва. Унив. тип. Строс. Бульв. 1907.
 Летучій листокъ Благовѣщ. Ком. Сибир. Союза. Р. С.-Д. Р. П. № 3 мартъ 1907.
 2 листка К-та Польскаго Союза Р. С.-Д. Р. П. „Паолой-Ционъ“ (на еврейск.).
 4 листка Красноярскаго Ком. п. с.-р. февр.—апр. 1907.
 Отчетъ Красноярскаго Ком. п. с.-р. янв.—апр. 1907.
 Извѣщеніе Θεодосійскаго Ком. п. с.-р. по поводу экспроприации 1907.
 „Первое мая“ и „Къ рабочимъ“ 2 листка Харьков. Ком. п. с.-р. апр. 1907.
 Различные матерьялы и листки къ исторіи движения и организаціи учащихся среднеучеб. завед. СПб. 1905 г. Листки и изданія Сѣвернаго Союза учащихся средне-учеб. заведеній.
 Сонъ попа Ивана (переп. изъ „Солдат. Листка“). Изд. Вил. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
 Присяга и отечество (рядового). Изд. Всероссийскаго союза солдатъ и матросовъ. Тип. Вил. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
 Товарищи! (По поводу 1 мая). Тиф. Ком. п. с.-р.
 Ко всемъ рабочимъ! (Къ 1 мая). Ник. Ком. п. с.-р.
 6 листовъ Барнаульск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Апрель 1907.
 Отчетъ Барнаульскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. за мартъ 1907.
 Ко всемъ товарищамъ учащимся (по пов. 1 мая) Организація учащихся, п. с.-р. при Ростов. Ком.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ:

Отъ д-ра И. В. С. — 20 р. Изъ Решты (Персія) 17 р. Отъ группы учителей Пошехонскаго уѣз. Ярослав. губ. для полнит. смысла, учителей — 4 р. Изъ Бодайбо — 100 р. Изъ Юрьева — 50 р. Изъ Решты (Персія) — 24 р. Отъ служащихъ въ конторѣ Т-ва Амурскаго Пароходства для Нарам. и Туруханскаго края (изъ Благовѣщенска) 13 р. 18 к. и 38 р. 25 к. Отъ Марин Никит. Воловоп 15 р. Отъ кружка еврейскихъ женщинъ для Акатуа — 50 р.

Деньги переданы по назначенію.

Въ пользу голодающихъ:

Отъ д-ра И. В. С. — 10 р. и рачѣ 2 раза по 10 р. всего 30 р. Изъ Решты. (Персія) 2 р. 30 к. и 2 р. 50 к. всего 4 р. 80 к.

Деньги переданы въ состояніи при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Никитетъ по оказанію помощи голодающимъ.

ЖУРНАЛЬ „РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20.

Въ нихъ помѣщ:

1) „Государственные преступления въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщений. Составленъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). **ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Материалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственные преступления въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Цѣна 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціей В. Л. Бурцева. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. В. Я. Богучарскаго. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціей В. Л. Бурцева. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

6) „Государственные преступления въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ.** Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Назанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.

7) „Государственные преступления въ Россіи“. Сбор. подъ ред. Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). **ТОМЪ ТРЕТИЙ.** (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Ц. 1 р.

8) „Революционная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственные преступления въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложение къ сборникамъ „Государственные преступления въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Выпускъ первый. Ц. 1 р.

10) Тоже. Выпускъ второй. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго. Ц. 30 к.

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.

13) А. Д. Михайловъ. Материалы для біографіи. Съ пред. В. Л. Бурцева. Ц. 6 к.

14) Убіеніе императора Павла. Разказы современниковъ. Редація П. Е. Щеголева. Ц. 20 к.

15) Декабристъ Пестель передъ Вѣрховнымъ Уголовнымъ судомъ Н. Павлова-Сильванскаго. Ц. 70 к.

16) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская. Біографическіе очерки. Съ предисловіемъ В. Л. Бурцева. Ц. 10 к.

17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. Н. А. Виташевскаго. Ц. 8 к.

18) Къ событію 1-го марта 1881 года. А. В. Тыркова. Ц. 8 к.

19) Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. Н. И. Фальтова. Ц. 15 к.

20) „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Воспоминанія О. В. Алтекина. Ц. 85 к.

Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ известнѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статью Н. С. Русанова «П. Л. Лавровъ», помѣщенную въ февральской книжкѣ «Былого» вкрались нѣкоторыя искажающія смыслъ опечатки, важнѣйшія изъ которыхъ здѣсь помѣщаются:

<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
Стр. 246, строка 2 снизу: д'Аламберга.	д'Аламбера.
" 248, " 21 сверху: Въ 1887.	Въ 1887.
" 254, " 6 снизу (въ примѣчаніи): социалистическую.	социологическую.
" 261, " 8 сверху: покойнаго Е. И. Ковради, участвовавшаго	покойноу Е. И. Ковради, участвовавшее
" 266, " 22 снизу: мировоззрѣніе	мировоззрѣніе
" " 21 " трехсененныхъ	третсесененныхъ
" " 16 " февербалланство	февербалланства
" 268, " 4 сверху: формулами	формами
" 272, " 7 снизу (въ примѣчаніи): нигдистовъ	дегалистовъ
" 276, " 16 сверху: созданной.	Соціальной
" 283, " 18 снизу: одобряя.	ободряя

„WIEDZA“ (Знание)

Общественно-политический, популярно-научный и литературный еженедельник

издается на польском языке в Вильне с 1 декабря 1906 г.

Предназначается для широких сфер читателей и уделяет особое внимание нуждам и интересам рабочего класса. Считая своей главной задачей помочь выработке сознательного отношения к окружающему, помещает статьи в общедоступной (формы) научным и, в особенности, общественно-политическим вопросам. Стыдиться за профессионализм и культурно-просветительным движением рабочего класса и рассматривает с точки зрения его интересов современные общественные, политические и национальные стремления.

Подписная цена с доставкой и пересылкой за год (с 1 декабря 1906 г. по 1 Января 1908) — 4 руб.; с 1 Апреля до конца года — 3 руб.; за четверть года — 1 руб.

Адрес редакции и конторы еженедельника „Wiedza“: Вильна, Витебская ул. № 1, проезд 4.

ВЪ КОНЦЕ МАЯ ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ОБЩЕСТВЕННАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА „СОЮЗЪ ЖЕНЩИНЪ“.

Журналъ будетъ посвященъ вопросамъ, связаннымъ съ борьбою за равноправіе женщинъ и, главнымъ образомъ, за ея избирательныя права, какъ первый необходимый шагъ на пути къ ея освобожденію.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячнымъ выпусками отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, въ два столбца.

Подписная цена за 6 выпусковъ (до 1 Января 1907 г.) — 1 руб. съ доставкой и пересылкой. За границу — 1 р. 50 к.

Адресъ редактора-издательницы: СПБ., Николаевская ул., № 84, кв. 9, Марья Александровна Чехова.

Цель, интересующихся женскимъ вопросомъ и отдаленныя отрасли его какъ-то: положеніе женщины-работницы и крестьяночки, условия женскаго профессиональнаго и интеллигентнаго труда, женскія артели и общества, исторія и литература женскаго движенія, женское движеніе на западѣ и въ Россіи, женское образованіе, политическія и гражданскія права женщины, проституція и т. д., — просить сообщать редактору свои адреса. Имъ будетъ высланъ пробный № журнала.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новое изданіе

Т-ва И. Д. Сытина

ЕЖЕГОДНИКЪ ВЪШКОЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

Подъ редакціей В. И. Чарнолуцкаго.

Выпускъ I.

Статьи, обзоры, очерки и матеріалы. — Очердные задачи вѣтшкольнаго образованія въ Россіи. — Лига образованія. — Народн. университеты. — Первый русской Settlement. — Общества самообразованія. — Рабочіе союзы, потребител. общества и народн. образованіе. — Взаимопомощь маленькихъ библиотекъ. — Музыкальныя библиотекы. — Просвѣтительн. общества и народн. библиотекы во Франціи, Германіи, Даніи, Норвегій, Швеціи. — Общество французскихъ библиотекерей. — Организаци библиотекерей и работниковъ литературы, искусства и книжнаго дѣла въ Россіи. — Народн. образованіе и организаци молодежи: союзы бывшихъ учениковъ. — Вѣтшкольн. образованіе, государств. бюджетъ и казенная винная торговля. — Вѣтшкольн. образованіе, вѣдомство православи, исповѣданія и свободныя религиозныя организаци. — Казенныя изданія и библиотечное дѣло. — Народн. образованіе въ наказахъ Госуд. Думѣ. — Систематическое домашнее чтеніе. — Народн. дома. — Рабочіе клубы. — Изъ дѣятельности русскихъ просвѣтительн. обществъ. — Международн. учрежденія по вѣтшкольн. образованію. — Изъ хроники общественныхъ библиотекъ. — Уставы общественныхъ и народныхъ библиотекъ. — Музеи. — Народная чтенія. — Земства, города и вѣтшкольн. образованіе. — Разныя общества и учрежденія, касающіяся вопросовъ вѣтшкольн. образованія. — Свобода печати въ административн. распоряженіяхъ. — Изъ вѣтшкольнаго образованія въ Россіи и за границей — Законы, распоряженія и справочныя свѣдѣнія по вѣтшкольн. образованію: печатъ; собранія и сѣзаны: публичн. лекціи; литератури, чтенія; общества и союзы; библиотекы; книжная торговля; театр, концерты, вечера и др. увеселенія; уроки для взрослыхъ; выставки; лоттерей. — Таблицы: грамотность и образованіе населенія Россіи по первой всеобщей переписи населенія (9 таблицъ); о воскресныхъ школахъ, повторительн. классахъ, курсахъ для рабочихъ, народн. чтенія и публичн. библиотекъ при училищахъ вѣд. М-а Н. П.; статистика воскресныхъ школъ всѣхъ націй; грамотность населенія въ различныхъ странахъ. — Списки: справочно-библиографическіе указатели популярной литературы, книгъ для дѣтскаго чтенія и для школьныхъ библиотекъ (съ характеристиками); государственныя, земскія, городскія и общественныя библиотекы; музеи и картинныя галлерей; просвѣтительныя и педагогическія общества; общества народн. развлеченій; периодическія изданія по вопросамъ образованія; библиографич. журналы; фирмы наглядныхъ пособій. — Библиографія: общая русская библиографія; библиограф. работы по народн. образованію; библиографія вѣтшкольн. образованія за 1906 г.

Цена 1 руб.

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія Е. и И. Леонтьевыхъ

- А. НЪМОЕВСКІЙ. *Изъ подвъ пыли вѣковъ. I, Сократъ.* Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.
П.-Ж. ПРУДОНЪ. *Что такое Собственность?* Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 75 к.
А. НЪМОЕВСКІЙ. *Заглавіе конфисковано.* Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго, Э. Бернштейна

въ двухъ томахъ.

Переводъ Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

Съ предисловіемъ К. Каутскаго къ этому русскому изд.

Спб., 1907. Цѣна 1 руб. 50 коп. за томъ.

Складъ изданій при типографіи М. М. Стасюлевича: СПБ. Вас. Остр. 5 лин., д. 28., продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ—25%.

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (л. мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.